

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27222.82

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

27222.82

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

А. Кудрявцевъ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ (К. И. КУНА), Б. САДОВАЯ, 9.

1883

27222.82

[Handwritten scribble]

HARVARD
11 DEC 1924
LIBRARY

Univert fol

” Микла Селяниновичъ —
представитель земли.”

„ Позна.”
въ XII посланяхъ.

Соч. А. В. Милосердова.

Посвящено Виктору Ивановичу Буняковскому.

Пѣснь 1-я.

ВЛАДИМИРЪ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

„La légende est la tradition vivante, et trois fois sur quatre elle est plus vraie, que l'histoire“.
(Revue des deux mondes 1863, p. 157—58).

ришло воскресенье свободнаго міра, —
Насталъ день великій, Мивула родной *),
Старинный оратай земли нашей Русской, —
Твое воскресенье изъ ночи глухой,
Изъ тьмы преисподней невѣжества, рабства,
На вольный свѣтъ божій, на трудъ твой живой.
Исполнилось время святыхъ ожиданій;
Свѣтаеть свѣтъ новый надъ русской землей,
Свершилось событье въ странѣ міровое;
Какъ Лазарь воскресшій, изъ тьмы гробовой,
Возсталъ народъ русскій, по слову цареву.
Два князя народныхъ, — князь Солнышко-свѣтъ
Минувшихъ временъ и князь Солнышко -красно

*) Для незнакомыхъ съ нашими народными былинами, я долженъ сказать, что Микулой Селяниновичемъ называется въ древнихъ русскихъ былинахъ представитель или родоначальникъ сельскаго міра, поселяня-земледѣлецъ. Еще по древнимъ преданіямъ скифовъ, между которыми признаются нынѣ и славяне, было три брата: князь Щять, князь Стрѣла и князь Коленицы или золотой Сохи, которая упала, еще горячая, изъ солнца. Старшіе братья хотѣли завладѣть ею, но дотронувшись, обожгли себѣ пальцы. Въ послѣдствіи меньшей братъ сталъ правителемъ всего края. (Смотри прим. 1).

Время настоящихъ, — чрезъ тысячу лѣтъ
 Другъ друга привѣтствуютъ братскимъ привѣтомъ,
 Въ сіяніи теплой народной любви
 И славы безсмертной. Опять блеститъ утро, —
 И бросивши бичъ, омоченный въ крови,
 Духъ тьмы убѣгаетъ въ крошечныя бездны.

Разсѣялось рабство. — ночь бѣдствій твоихъ,
 Воскресшій Микула! Исторія скажетъ,
 Насколько народъ твой заслуживалъ ихъ;
 А мы теперь славимъ твое воскресенье.

Но край лишь свободенъ вполне, когда свѣтъ
 Проникъ совершенно въ его міръ народный.
 Гдѣ край полонъ мрака, — свободы тамъ нѣтъ;
 Безъ свѣта въ народѣ, — все тотъ же міръ рабства.

Грядущее скажетъ: достигнешь ли ты
 Когда нибудь той просвѣщенной свободы.
 Въ быломъ, мы немногія знаемъ черты,
 Изъ жизни народной твоей первобытной;
 Но если по нимъ, намъ судить о тебѣ, —
 Мы съ вѣрой встрѣчаемъ твое возрожденіе,
 Сей первый шагъ къ новой, блестящей судьбѣ,
 Что мощнымъ народамъ даетъ просвѣщеніе.

Разумный, — свободный отнынѣ народъ,
 Что занялъ полсвѣта, — народъ, подъ чьимъ кровомъ
 Еще духъ отцовъ богатырскій живетъ,
 Не можетъ остаться во тьмѣ неподвижно.
 Мы въ правѣ смотрѣть съ упованьемъ впередъ,
 И смѣло привѣтствовать край нашъ въ грядущемъ.

О дивное солнце, кого мы зовемъ
 Поэзіей, — царство волшебное пѣсенъ,
 Всемирное древо, откуда включемъ
 Вода бьетъ живая, гдѣ черпали боги
 Изъ высшую мудрость, — раздвинь предо мной
 Твои говорящія, вѣщія вѣтви,
 Блестящія сладкой, медвяной росой;
 Раскрой покровъ темный вѣковъ и событій,
 Веди меня въ міръ тотъ минувшихъ временъ,

Свѣта твоимъ дивнымъ, божественнымъ свѣтомъ,—
 Туда, въ тайникъ самый отжившихъ племень,
 Туда, гдѣ клубится туманъ первобытный...
 Давно тамъ умолкнули пѣсни твои;
 Но ихъ отголосокъ намъ слышенъ повсюду,
 Въ народныхъ преданьяхъ почти всей земли.

Бѣгу къ тебѣ въ встрѣчу изъ нашего мрака,
 Слѣшу къ тебѣ, полный священныхъ заботъ,
 И благѣщу громко въ твой волоколъ вѣщій:
 Вставай же, вставай, сильный русскій народъ!
 Привѣтствую васъ, о святые преданья,
 И смѣло вступаю подъ звонкій вашъ сводъ.

Простившись давно съ тревоженьями свѣта,
 Я долго въ раздумьи тяжеломъ сидѣлъ
 На брегѣ пустынномъ и дикомъ, и долго
 Съ слѣпымъ недовѣрьемъ на мѣрѣ вашъ смотрѣлъ, —
 Мѣрѣ сказочной, мертвой, легендъ и миражей.
 Напрасно, какъ утро весенняго дня,
 Сіялъ предо мной онъ, сквозь ризу тумана;
 Напрасно оттуда манила меня
 Его столь живая, отрадная свѣжесть;
 Гдѣ ключъ отъ него? И какимъ языкомъ,
 Опрічь темныхъ знаковъ, чудесныхъ загадокъ,
 Какимъ онъ другимъ, всѣмъ доступнымъ, путемъ
 Подастъ намъ оттуда чудесный свой голосъ?..

Такъ тщетно стремился пытливымъ умомъ
 Проникнуть я въ эти нѣмыя пространства;
 Онъ раздвигались тотчасъ предо мной,
 Какъ бы тяготясь земной моей силой, —
 И я оставался все въ той же глухой
 И дикой пустынѣ, что тяжко давила
 И жала мнѣ душу своей пустотой
 И мертвымъ, холоднымъ безмолвьемъ могилы.
 Кругомъ лишь вздымалась, пучиной сѣдой,
 Одна безконечная, темная вѣчность...
 Кто-жь въ мѣрѣ нашъ вернулся, хоть разъ, изъ нее,
 Чтобъ намъ возвѣстить здѣсь, кто тамъ обитаетъ?

Сказала ли вѣчность намъ слово свое,
Иль тамъ, какъ и прежде, все полно безмолвья?..

А голосъ легенды, сей голосъ временъ, —
Не вѣщее-ль слово изъ книги вселенной?
А мифы, преданья отжившихъ племенъ,
Не образы-ль это, не плоть-ли живая
Всемирнаго Духа, не свѣтъ ли живой,
Завѣщанный людямъ тѣмъ міромъ минувшимъ?..
Что видимъ мы часто въ наукѣ самой?
У ней развѣ нѣтъ своихъ также Антеевъ,
Что въ трудныхъ мѣстахъ переносятъ ее,
Какъ нѣкогда Данта, на берегъ желанный?..
О истина! Гдѣ ты? Гдѣ царство твое?...
Одно только вѣрно, — что все здѣсь невѣрно!

И развѣ мы сами на свѣтѣ живемъ
Не въ сказочномъ мірѣ, не въ мірѣ чудесномъ,
И все, что мы видимъ и слышимъ кругомъ, —
Не ложь, не обманъ, не волшебная сказка?
Мы ходимъ и ѣздимъ, — не зная по чемъ;
Глядимъ въ небеса, — и не вѣдаемъ, что тамъ;
Мы вѣримъ, — не зная во что и въ кого?
Не вѣримъ, — и снова творимъ себѣ вѣру;
Мы всю жизнь желаемъ, — ждемъ Богъ вѣсть чего,
Всю жизнь суетимся, — а кончимъ могилой.
Кругомъ шумъ и крики, — про что и о чемъ?
Кругомъ кровь и слезы, — за чтобъ? отъ чего бы?
Вездѣ одна сказка, о томъ и о семъ,
А въ сущности такъ, ни о чемъ, какъ всѣ сказки.

Быль вѣкъ исполиновъ и богатырей,
Что будто игрушкой играли землю,
Быль вѣкъ долголѣтнихъ, чудесныхъ царей,
Что тысячи по двѣ лѣты жили на свѣтѣ, —
Вѣкъ разныхъ чудовищъ небесъ и земли,
Вѣкъ дивовъ воздушныхъ и дивовъ подземныхъ;
Все это осталось за нами вдали
И скрылось, исчезло въ глубокомъ туманѣ.
Такъ точно въ чередъ свой исчезаемъ и мы,

И вѣкъ нашъ со всѣми его чудесами;
 И будутъ другіе понятія, умы,
 И нить чудесъ новыхъ запугаетъ связку.

Но вотъ что! Межъ всѣхъ этихъ образовъ, лицъ,
 И этихъ преданій, повѣрій и сказокъ,
 Межъ всѣхъ этихъ былей и всѣхъ неблищъ,
 Мелькаетъ безсмѣнно одинъ чудный образъ, —
 Возвышенный образъ и вмѣстѣ простой,
 Кого будто мимо обходятъ всѣ бури
 И смерть не посмѣла коснуться косой;
 Какимъ его зрѣла заря мірозданья,
 Почти онъ таковъ же до нынѣшнихъ дней;
 Исчезли народы, смѣнились царства,
 Смѣнились занятія и цѣли людей,
 А въ немъ живетъ тотъ же вседухъ первобытный...

Взгляните въ глухую даль древнихъ вѣковъ!
 У самой ограды святаго Эдема,
 Въ тѣни первобытныхъ еще тѣхъ лѣсовъ,
 Гдѣ только забрежжило утро вселенной
 И слышится голось божественныхъ словъ,
 Чтобъ въ потѣлица добывалъ смертный хлѣбъ свой,²⁾—

«Вотъ онъ, оретъ уже въ полѣ, понукиваетъ,
 «Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 «Коренья, каменья вывертываетъ,
 «А камни великіе въ бороздку кладетъ»³⁾.

Здравствуй, ратаюшка, Микула Селянпновичъ,
 Вѣчный труженикъ, представитель земли!

И весь такъ міръ древній проходитъ предъ нами,
 Блестя то одной, то другой стороною,
 Между зеркалами вѣковъ и событій;
 Земля ужъ пестрѣетъ его же семьей.
 Въ бронѣ богатырской иль въ тогѣ гражданской;
 Престолы сатраповъ, жрецовъ и царей
 Совсѣмъ заслонили убогую куцу;
 Война смертоносной грозой своей
 Крушить грады, нивы и цѣлья царства...
 Гдѣ древній Востокъ, славный свѣтомъ своимъ?
 Гдѣ гордый Мемфисъ и стовратные Фивы?

Гдѣ боги Эллады? Гдѣ царственный Римъ?
 Блеснули, прошли и исчезли навѣки...
 А ясный тотъ образъ, какъ прежде стоитъ,—
 Какъ былъ, отраженный то сверху, то снизу,
 И съ мирной улыбкой какъ бы говорить:
 И все такъ пройдетъ, а я буду все тутъ-же!

И вотъ міръ другой,—міръ Полночныхъ лѣсовъ,
 Міръ дѣвственный, полный красы еще юной;
 Въ немъ нѣтъ ни царей, ни большихъ городовъ,
 Но много равнинъ и степей безпредѣльныхъ,
 Пустынныхъ болотъ и озеръ и снѣговъ,
 И орды безпокойныхъ, сильъ этихъ бродячихъ;
 И слышится голосъ другихъ ужъ боговъ
 И рѣчь богатырская новыхъ народовъ...

«И тутъ ореть онъ въ полѣ, понукиваетъ,
 «Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 «Въ край онъ уйдетъ, другаго не видать,
 «Три дня съ утра до ночи не доѣхать».

Здравствуй, прапрадѣдъ нашъ, Микула Селяниновичъ,
 Недавній рабъ, нынѣ вольный человѣкъ!

Тогда какъ міръ высшій большихъ городовъ,
 Гигантскихъ чертоговъ, гигантскихъ сатрапій,
 Міръ этотъ дворянскій, героевъ, боговъ,
 Царей-исполиновъ, жрецовъ-исполиновъ,
 Мечемъ ненасытнымъ отважныхъ дружинъ
 Себѣ покоряетъ слабѣйшія страны,
 И властвовать хотеть, и править одинъ
 Надъ всею землею, смердящею рабствомъ;
 Здѣсь, въ этой пустынѣ безмолвныхъ равнинъ,
 Микула нашъ долженъ взростить и устроить
 Міръ новыхъ началъ и условій иныхъ,
 Міръ вольной дружины и землевладѣльцевъ,
 Людей равноправныхъ, — и сдѣлать изъ нихъ
 Мужей чести, долга и правды гражданской,—
 Тотъ міръ деревенскій, свободный, живой,
 Что послѣ низвергнетъ рукой богатырской
 Давно отживающій міръ городской,

Миръ мертво-рожденный. Здѣсь, въ этой пустынѣ,
 Какъ будто самъ Промыслъ его бережетъ,
 Отъ грозныхъ царей и ихъ язвы растлѣнья,
 Пока возмужаетъ его сильный родъ,
 Вдали отъ развратнаго барскаго міра,
 Пока приготовить своихъ онъ сыновъ,
 Людей этихъ силы, труда и отваги,
 Ко срѣтенью новыхъ, великихъ вѣковъ,
 Къ пріятію свѣта и духа гражданства.

Здѣсь, въ сумракѣ сѣромъ Полночи сѣдой
 Подъ небомъ суровымъ враждебной природы,
 Онъ,—святель первый судьбы міровой,
 Онъ самъ,—зерно, сѣмя грядущаго міра,—
 Еще полный темныхъ, неясныхъ заботъ,
 Ему прирожденныхъ его назначеньемъ,
 Идетъ онъ все дальше, все глубже впередъ,
 Въ край этотъ безвѣстный, едва проходимый,
 И борется,—прежде съ природой самой,
 Въ комъ онъ еще видитъ сонмъ грозныхъ чудовищъ.
 Таинственныхъ дивовъ, враждебной рукою
 Ему заслоняющихъ всюду дорогу;
 Потомъ со стадами ужасныхъ звѣрей,
 Съ полчищами дикихъ племенъ, съ грозной силой
 Невиданныхъ витязей, богатырей,
 Иль съ силой родною своею богатырскою,
 Вокругъ него бьющей живымъ ужъ ключемъ,
 Но все еще полною смуть и раздоровъ.
 Онъ долженъ устроиться въ мірѣ чужомъ,
 Увлаживъ, удобривъ его своею кровью;
 Въ глуши той пустыни и этихъ лѣсовъ
 Прочистить дорогу грядущему свѣту,
 И сдѣлать жилимъ край для новыхъ вѣковъ.
 Здѣсь шагъ его каждый—святая побѣда,
 И каждое сѣмя—живое зерно,
 Незримый зародышъ грядущаго міра,
 Что только ему лишь отъ Бога дано
 Собою начать, а другимъ дать закончить...

Но здѣсь совершенно онъ долженъ забыть

И міръ тотъ старинный, откуда онъ вышелъ,
 И Бога того, что одинъ могъ хранить
 Его въ этомъ долгомъ, безвыходномъ странствіи.
 Онъ весь слился духомъ съ природой земной,
 Что чудно вспоила его и вскормила,
 Чей видѣлъ повсюду онъ образъ живой,
 Предъ кѣмъ трепеталъ онъ, страдалъ и молился.
 Она ему стала и кормчимъ благимъ
 Въ трудахъ ежедневныхъ и тяжкихъ заботахъ,
 И книгой священной, и богомъ живымъ,
 Праматерью вѣщей боговъ его новыхъ.
 Но онъ хранитъ долго, до позднихъ временъ,
 Преданья отчизны своей первобытной;
 Его самый образъ у древнихъ племенъ
 Походитъ на образъ былыхъ патріарховъ.
 Весь слитый изъ мышцъ и крѣпкихъ костей,
 Онъ дивъ-богатырь, онъ гигантъ по сложенью;
 Въ душѣ еще темной и грубой своей
 Таятъ онъ понятье о Богѣ безплотномъ,
 Предвѣчномъ творцѣ и людей, и боговъ;
 Не вѣдая самъ, онъ весь нравственно ясенъ
 И полонъ чудесныхъ, божественныхъ сновъ,
 О міръ какомъ-то, давно ужъ минувшемъ ⁴⁾.

Среди этихъ же самыхъ равнинъ и лѣсовъ
 Живетъ и теперь онъ; но какъ?—Въ какомъ видѣ?
 То правда, промчались десяти вѣковъ
 Надъ нимъ и надъ міромъ; онъ самъ и все въ мірѣ
 Давно измѣнилось. И небо надъ нимъ,
 И свѣтъ, и природа, и люди—иные;
 Все дышетъ и жизнью, и духомъ другимъ:
 Померкъ его образъ былой, исполинскій,
 И духъ патріарха; исчезнулъ вдали
 Его быть широкій временъ богатырскихъ...
 Гдѣ сила его?... Изъ владыки земли,
 Изъ старшаго въ родѣ, главы, господина;
 Онъ сталъ крѣпостнымъ и безличнымъ рабомъ;
 Землей его древней владѣютъ другіе,

Его міръ-народъ, въ своемъ краѣ родномъ
 Лишенный всѣхъ правъ, сталъ безмысленнымъ стадомъ.
 Рабочею силой, безгласной толной,
 Имуществомъ, вещью господъ самовластныхъ;
 Его боги пали, и говоръ родной
 Священныхъ преданій совѣмъ замолкаетъ
 Подъ дымною кровлей, гдѣ скудно текутъ
 Теперь его дни, средь домашнихъ животныхъ.
 Одинъ развѣ тяжкій, безвыходный трудъ,
 Страда въбковая до темной могилы,
 Даютъ ему мѣсто еще средь живыхъ,—
 И то не отраднѣй, благой трудъ, на пользу
 Себѣ и семейству; но трудъ для другихъ,
 Трудъ мертвый,—для тѣхъ, что себя величали,—
 Давно-ль?—господами, отцами его...*)

Какъ это свершилось? Отколь эта немощь?
 Всѣ вкругъ него сильны, и прежде всего
 Родятся свободны; одинъ онъ безсиленъ,
 И прямо родится на свѣтъ онъ рабомъ;
 Всѣ имъ управляютъ,—одинъ онъ обязанъ
 Клонить свою шею подъ вѣчнымъ ярмомъ;
 Тупая бездарность и дикая наглость,
 Само слабоумье и гнусный порокъ
 Себѣ поставляютъ въ законное прово,—
 Чего никто въ мірѣ предвидѣть не могъ,—
 Его жить трудами, господствовать дерзко
 Надъ нимъ и семействомъ его, истязать
 Его безнаказанно, явно, открыто,
 И съ грязью его подъ ногами топтать...
 И онъ,—онъ съ терпѣньемъ святымъ переносить.
 Усердно всѣмъ служить. трудится на всѣхъ,
 На всѣхъ успѣваетъ, и съ тѣмъ же терпѣньемъ,
 Простивши безумцамъ кровавый ихъ грѣхъ,
 Безъ жалобъ напрасныхъ, безъ слезъ, умираетъ,...

Чтожь это?—Заввасва-ль языческой тьмы,
 Что въ насъ пробиваетъ еще и поныиѣ,

*) Разумѣется, это относится еще къ эпохѣ крѣпостнаго права.

Иль слѣдствіе страшныхъ пространствъ тѣхъ, что мы
 Не можемъ осилить своимъ населеньемъ,
 Чтобъ сдвинуть обширный народъ нашъ плотнѣй,—
 Иль слѣдъ неразвитости, бѣдности нашей,
 Безсилія и бѣдности,—страшныхъ бичей,
 Унизившихъ столько могучихъ народовъ?...

Сосѣди Микулы, изъ прежнихъ дружинъ,
 Давно ужъ сложились въ цвѣтуція страны;
 А онъ,—онъ, древнѣйшій земли господинъ,
 И онъ самъ, и край весь, понывъ въ застоѣ;
 Его богатырь, что мы столько ужъ лѣтъ
 Привыкли знать сиднемъ, духъ этотъ народный,
 Кому досель мѣста у насъ еще нѣтъ
 Средь жизни гражданской,—сидитъ и понывъ
 Такимъ же все сиднемъ... Никто не видалъ,
 Чтобъ онъ богатырски когда встрепенулся,
 Чтобъ онъ хоть однажды бы на ноги сталъ,
 Иль подалъ бы голосъ, на голосъ призывный,
 Свободы и свѣта.

Надожно-ль они

Такъ нравственно слабы? Мы только лишь видимъ
 Ихъ образъ наружный, а новые дни
 Отъ насъ затемнили ихъ образъ минувшій.
 Такими ли были они завсегда? .
 И громы, и молнья, сидятъ также сиднемъ
 Внутри мрачной тучи; и гордо суда
 И углыя лодки браздятъ подъ собою
 Безмолвное море, пока въ тишинѣ
 Спитъ страшный духъ бури; и духъ богатырскій,
 Чѣмъ больше онъ силы таитъ въ глубинѣ,
 Тѣмъ онъ добродушнѣй, уступчивѣй съ виду,
 Затѣмъ что онъ чувствуетъ силу свою.

Но Боже мой, кто же намъ добылъ, воздѣлалъ
 Обширный нашъ край? Кто же въ этомъ краю
 Живеть, давно страшный для цѣлой Европы?
 Кто насъ хранить, кормить, снабжаетъ казной?
 Чья сила связала такія пространства
 Въ одно государство, живую стѣной

Его опоясавъ отъ моря до моря?
 Кто грудью могучей нашъ край отстоялъ
 Отъ хищныхъ враговъ или жадныхъ сосѣдей?
 Какой народъ столько силъ чуждыхъ пріялъ,
 А все живетъ жизнью своею народной?

Гигантъ-Атласъ древле держалъ на плечахъ
 Воздушное небо. — и сталъ полубогомъ;
 Гигантъ нашъ Микула у насъ на глазахъ
 Несетъ на могучихъ плечахъ богатырскихъ
 Ужасную тягу всей Русской земли;
 А правдивые люди едва почитаютъ
 Его человекомъ.

Пускай не пришли,
 Хотя, можетъ, и ближе они, дни златые
 Его просвѣщенья; но также и онъ,
 Подобно сосѣдямъ своимъ, сынъ Яфета ⁵⁾;
 И онъ принадлежитъ сначала времени
 Къ великой и сильной породѣ Арійской,
 И также имѣетъ былое свое
 Въ странахъ отдаленныхъ сѣдаго Востока,
 Гдѣ началъ онъ древле свое бытіе,
 Откуда онъ вышелъ съ другими, родными
 Ему племенами, въ свой нынѣшній край.
 И онъ — сродни древнимъ богамъ и героямъ.
 И помнить донинѣ еще этотъ рай
 Временъ первобытныхъ, тотъ Вырій чудесный,
 Гдѣ каждое утро дѣвица-Заря,
 Врата отомкнувши блестящему Солнцу,
 Выводитъ коней для дневнаго царя;
 Отколь и понинѣ къ нему прилетаютъ
 Весеннія птицы, и въ клювахъ своихъ
 Приносятъ на Сѣверъ ключи золотые
 Отъ вешняго неба, гдѣ въ нѣдрахъ святыхъ
 Сіяютъ колодцы воды животворной ⁵⁾...

А про древняго русскаго богатыря.
 Про Ивана царевича,
 Про борьбу Асовъ съ Ванамъ,
 Вы помните ли?

А про того могучаго богатыря,
 Что былъ надъ семидесятью землями богатырь,
 Вы знаете ли?

А въ темныя тайны раскольниковъ,
 Въ это мерцанье глубокой древности,
 Вы проникнули ль?...

А это раздольно-широкое время
 Владимира-Солнца, блескъ чудныхъ пировъ
 Его лучезарной семьи богатырской, —
 Асгардъ *) этотъ русскій, жилище боговъ
 Средь самого Кіева?.. Страшныя битвы
 Таинственныхъ чудищ и богатырей, —
 Тѣхъ ютновъ и турсовъ **) земли нашей русской,
 И чуть не божественныхъ этихъ людей?..

А образъ могучій и строгій Микулы —
 Стоящій, какъ вѣщій средь нихъ исполинъ,
 И самый разумный, и самый сильнѣйшій?

~~Еще ли остатки народныхъ былинъ,
 Намъ скажутъ, — наплывъ лишь преданій, помп. путинныхъ,
 Случайно оставленный русской странѣ
 Сосѣдствомъ татарскимъ? Почему-жъ на насъ вѣнчанъ
 Досель русскимъ духомъ и складомъ онъ?
 Какъ это слидися онъ такъ съ народомъ?~~

Мы знаемъ отчасти своихъ мужичковъ,
 Крестьянъ-поселянъ; но не знаемъ Микулу;
 Межь нимъ и межь нами рядъ дѣлныхъ вѣковъ,
 Его древній образъ растаялъ въ минувшемъ.
 Теперь мы чуть можемъ проникнуть въ тотъ міръ,
 Что онъ себѣ создалъ, гдѣ жилъ онъ вначалѣ.
 Микула намъ чуждъ, какъ развитый кумирь,
 Отъ коего только остались обломки.
 Мы можемъ лѣпить ихъ въ былой идеаль,
 Но онъ все не будетъ имѣть передъ нами
 Того обаянья, что прежде было.

*) Асгардъ, жилище скандинавскихъ боговъ.

***) Турсы и ютны, древніе финскіе исполинны, по скандинавской мифологіи.

Въ тѣ дни его древней, мифической славы.

Одни въ немъ провидать до сихъ еще поръ
 Залогъ обновленія драхлой Евроны,
 А съ ней всего свѣта; другихъ строгій взоръ
 Лишь видитъ въ его угнетенныхъ потомкахъ,
 Давно отупѣвшій подъ рабствомъ народъ,
 Народъ неспособный къ благому развитію.
 Одни выдвигаютъ Микзулу впередъ, —
 Въ немъ образа ищутъ ихъ новыхъ учений:
 Другіе покончили всякій съ нимъ счетъ,
 Какъ съ трупомъ, угасшимъ для жизни разумной,
 И даже совѣмъ не желаютъ признать
 За нимъ тѣхъ преданій, что онъ успѣлъ вынести
 Изъ древняго міра, — хоть можно сказать,
 Что онъ живетъ ими еще и нынѣ.

Еще недоступнѣй для нихъ, мудренѣй,
 Силачъ этотъ, сидѣнь земли древне-русской; —
 Духъ этотъ народный, что съ первыхъ же дней
 Себя изваялъ самъ въ такой странный образъ.
 Когда въ немъ есть сила, зачѣмъ онъ сидитъ,
 А если безсиленъ, то чѣмъ богатырь онъ?
 Но онъ, какъ нарочно, сидитъ и молчитъ:
 Чего-жъ ему надо, какихъ чудесъ новыхъ?
 Иль онъ, неразумный, попрежнему ждетъ,
 Чтобъ вновь Христось поднѣлъ его, вѣщей брагой*?)

Я думаю, — да!.. И Христось вновь придетъ,
 И дастъ ему пива напиться живаго,
 Что мы называемъ наукой; тогда, —
 Но только тогда лишь онъ, сидѣнь, воспрянетъ,
 Иль онъ не воспрянетъ у насъ никогда,
 И мы будемъ въ правѣ его звать безильнымъ...

Разсудимъ! — Не очень далеко ушли
 И прочія наши сословья; немного
 Они отъ себя ему силъ дать могли.
 И онъ, и Микзула, выросли средь неправды,
 • Среди утѣсненій и нравственной тьмы;

*) Смотри прим. 26 къ V-й пѣсни.

Какъ древніе дивы, вокругъ нихъ вѣщали,
 Кляпъ и понынь, — свидѣтели мы, —
 Тщеславіе вышихъ и рабство подвластныхъ,
 Упрямая тупость, и тѣхъ, и другихъ,
 Съ обычною свитой ея, — самохвальства
 И лжи, недоверья, мѣръ самыхъ крутыхъ,
 И самыхъ ужасныхъ примѣровъ предательства,
 Измѣнь, казнокрадства... Гдѣ свѣточъ тутъ? Въ комъ?
 Какою вѣщей силой они-бъ поднялися?
 Въ какой средѣ высшей, въ чьемъ духѣ живомъ
 Ихъ грубая сила нашла-бъ свѣтъ желанный?..

Но край тотъ, гдѣ нѣтъ изъ народа вождей
 Иль ихъ небывало, — не жившее царство.
 Пусть такъ! Но въ эпоху у насъ смутныхъ дней, —
 Они у насъ были.

А дальняя древность?..

Таковъ ли тотъ свѣтлый общественный міръ,
 Міръ полный свободы и подвиговъ чудныхъ,
 Что вынесъ Микула, какъ вѣщій кумиръ,
 Изъ дней своихъ прежнихъ и даже позднѣйшихъ?
 И тотъ міръ исполненъ и чудищъ, и зла;
 Но тамъ свѣтлый Кіевъ, — куда вся земля плетъ
 Цвѣтъ силы народной; вокругъ тамъ стола
 Свѣтъ-Солнышка князя, весь міръ богатырскій,
 Какой бы кто ни былъ породы, семьи;
 Тамъ всѣмъ дано княземъ свободное слово;
 Тамъ вѣщій Микула, — хозяинъ земли;
 А витязи эти и самъ князь Владиміръ, —
 Ему свои люди.

Вотъ міръ, что онъ зналъ,
 Когда еще былъ онъ тѣмъ древнимъ Микулой!
 Вотъ міръ, что онъ создалъ и гдѣ онъ живалъ,
 Не хуже всѣхъ прочихъ народовъ Арійскихъ;
 Тотъ міръ, что проникнуть весь духомъ его, —
 И ближе всего, его быть разяснить
 Народный! Для насъ тамъ ужъ нѣтъ ничего;
 Мы даже не вѣримъ, что былъ тотъ міръ чудный;
 Но онъ оттолъ вывелъ старинный свой родъ,

Онъ выросъ, родился тамъ; тотъ міръ волшебный—
Его праотчина. Его переходъ
Съ Востока на Западъ, потомъ расселенье,
Имѣли значенье свое той порой;
Такое-жъ, какъ еслибы нынѣ воспрянуть
Нашъ сидѣнь... Возстань онъ,---и весь міръ земной
Тотчасъ же измѣнить свой нынѣшній образъ.

Немного Микула съ тѣхъ поръ сохранилъ
Въ своемъ міръ-народѣ древнѣйшихъ преданій;
И что сохранилъ онъ,—одно измѣнилъ.
Другое затмилось,—а сколько забыто!..
Но что позабыто Микулой роднымъ
Иль міромъ-народомъ, про то еще помнать
Сосѣди, что были въ сношеніи съ нимъ;
А что позабыли и эти сосѣди,
То силится нынѣ, ко свѣденью всѣхъ,
Раскрыть и распутать благая наука;
И дай-то ей Боже, дай полный успѣхъ,
Затѣмъ, это ея трудъ—народное дѣло!

Не красныя зори въ небесахъ занимаются,
Не яркое солнышко на Востокъ загарается:
То горять, блестятъ
Золотые дворцы, терема князя Владиміра;
Будто жаръ горять,
Оконца косячатая, вышки, золотыя маковки...
«Не красное солнце числовалося,
«Заводилося пированьице честное у князя Владиміра».
Какъ славный Артуръ-царь, за круглымъ столомъ,
Какъ мудрый Гродгаръ -внязь, съ дружиной веселой,
Какъ Индра -богъ, *) въ горнемъ чертогѣ златомъ,
Какъ богъ Озирисъ, средь небесныхъ созвѣдій,—
Сидить, средь красавиць, двѣнадцати женъ,
Князь ласковый русскій, князь Солнце -Владиміръ 6).

*) Индра, древнѣйшій индѣйскій или общерійскій богъ грома и также солнца. Артуръ, — эпическій король кельтовъ. Гродгаръ — такой-же король англосаксовъ.

«Какъ солнце красное по небу числется,
 «Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
 «Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
 «Такъ онъ среди нихъ красуется».

Кто-жь витязи эти и богатыри?..

Кто самъ онъ, Владиміръ-князь, красное Солнце?
 На нихъ не погасъ еще отблескъ зари
 Временъ первобытныхъ; все вокругъ нихъ чудесно.
 Не богъ ли Сварогъ *) онъ иль богъ Святovitъ**),
 Съ его лучезарной, небесной дружиной?
 Не свѣтлый Дажьбогъ ли ***), что ярко блеститъ
 Въ пространствахъ небесныхъ? Но это не люди ?)!..
 Волхъ вѣщій Всеславичъ чудесно рождень
 Отъ Змія-зміяки,—и онъ, Волхъ, умѣетъ
 Принять разный образъ. Дни юности онъ
 Провелъ въ Индостанѣ. Рожденье Добрыни
 И вѣщаго Волха приводитъ собой
 Въ тревогу всѣ царства природы, колеблетъ
 Край дальній Индѣйскій. Своею рукой
 Добрыня сражаетъ летучаго змія,
 Спасаетъ изъ тяжкаго плѣна князей,
 И съ ними дочь Дива, сестру красна-Солнца,
 Что змій держалъ въ темной пещерѣ своей.
 Чурила Пленковичъ, подъ Киевомъ самымъ,
 Имѣетъ блестящій, волшебный дворецъ,
 Что споритъ богатствомъ и блескомъ чудеснымъ
 Съ чертогами Индры. Потовъ-молодецъ
 Женатъ на валькириі ****); она превращаетъ
 Его въ горючъ-камень; но онъ воскрешенъ
 Тайнственнымъ старцемъ. Алеша Поповичъ,
 Красавецъ-насмѣшникъ, кумиръ чужихъ женъ,
 Алеша сражаетъ Тугарина-змѣя,
 И въ Кіевъ привозитъ, двору на повазъ,

*) Сварогъ, Небо, древнѣйшій богъ вселенной.

**) Святovitъ, собственно: святой свѣтъ, главный богъ балтійскихъ славянъ.

***) Дагбогъ или Дажьбогъ, божество солнца.

****) Валькириі, воздушныя дѣвы битвъ у скандинавовъ.

Его головушку. Младой Дюкъ, — заѣзжій
 Волинецъ, страну чью преданье не разъ
 Еще величаетъ Индѣюшкой славной, —
 Онъ, Дюкъ, такъ богатъ, что богатства его
 Нельзя описать, ни изчислить. Ивану, —
 Гостиному сыну, дороже всего
 Его троелетокъ, косматочка-бурка,
 Конь вѣщій; Иванъ, о его быстротѣ
 Великъ закладъ держать съ Владиміромъ княземъ;
 Святой самъ владыка о немъ, сиротѣ,
 Предъ княземъ порука. Жена красна-Солнца,
 Апракса, заводитъ любовную связь
 Съ Тугариномъ-змѣемъ. Дунай беретъ съ боя
 Сестру ея замужь, когда стольный князь
 Послалъ его сватомъ въ литовскую землю,
 Племянница князя, а можетъ, и дочь,
 Въ мужья избираетъ чудеснаго гостя
 Изъ за-моря синяго; онъ въ одну ночь
 Въ садахъ ея княжескихъ строить палаты....

«Ѣдетъ Чурила къ двору своему,
 «Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
 «Чтобъ не запекло солнце его бѣло лице».
 «Волосанки у него, — золота дуга, серебряная,
 «Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
 «А личико будто маковъ цвѣтъ»...

Раздается въ Кіевѣ Волхъ Всеславьевичъ:
 «Подрожала сыра земля,
 «Стряслося славно царство Индѣйское,
 «А и синее море сколебалося;
 «Рыба пошла въ морскую глубину,
 «Птица полетѣла высоко въ небеса,
 «Туры да олени за горы пошли,
 «Зайцы, лисицы по чащицамъ,
 «А волки, медвѣди по ельничкамъ,
 «Соболи, вуницы по островамъ».

Выѣзжаетъ богатырь Илья Муромецъ:
 «Пошелъ, поскавалъ его борзый конь,

«Рѣви, озера перескакиваль,
«А темные лѣса промежь ногъ пускаль.»

Вдѣть древній Святогорь-богатырь:

«Вдѣть (онъ), богатырь, выше лѣса стоячаго,
«Головой упираетъ подь облаку ходячую,
«На плечахъ везетъ хрустальный ларець.
«Мать сыра-земля колыбается,
«Темные лѣсушки шатаются,
«Рѣви изъ крутыхъ береговъ выливаются.»

Идетъ дивъ раздолныхъ, широкихъ степей,
Князь шумнаго стана и силы бродячей,
Степныхъ колымагъ и косматыхъ коней,
Лихой Колывань-богатырь;—передъ ними,
Рѣви быстрья, воды мутныя разступаются,
Горы звонкія, лѣса темныя раздвигаются,
Вѣтры буйныя, звѣзды частыя путь указываютъ.

А этотъ другой дивъ дремучихъ лѣсовъ, —
Сухманъ богатырь, сынъ Огня или Солнца?
Тотъ дивъ—богатырь самыхъ древнихъ вѣковъ;
Но позже, утратившій, въ мнѣнии народа,
Характеръ стихійный и огненный свой,
И мирно служившій свѣтъ Солнышку—князю,
Какъ вѣщій охотникъ, стрѣляя порой
Гусей, лебедей ему, князю, къ обѣду;

«Пріѣзжаетъ онъ Сухмантіи во сыру-дубу,
«Ко сыру-дубу кряковистому,
«Выдергиваль дубъ со кореньями,
«За вершинку браль, а съ комля сокъ бѣжалъ,
«И поѣхаль Сухмантьюшка съ дубиночкой...

«Махнеть Сухмантьюшка,—улица,
«Отмахнеть назадъ,—промежуточекъ,
«А впередъ просунеть,—переулочекъ»....

А этотъ кудесникъ или дивъ морской,
Чудесный тотъ Волховъ Славянычъ—змѣяка,—
То рыба, то змѣй, то колдунъ, то герой,
То самъ богъ Перунъ, богъ древнѣйшій, Громовникъ?
А вѣщія дѣвы, какъ Русскій народъ

Зоветь своихъ виль, сихъ славянскихъ валькириі?..

Вотъ бѣлая Лебедь за станомъ точеть;

Она Лиходѣвна; не норма — ткачиха? *)

«А на головѣ у ней—бѣлы лебеди,
 «На лѣвомъ плечѣ у ней—черны соболи,
 «На правомъ плечѣ—сидятъ ясны соколы,
 «На припестяхъ у нея—сизы голуби,
 «На подножкахъ у нея—черны вороны.

Иль вотъ она, подъ вечеръ тихо плыветь

Лебедушкой бѣлой, по синему морю;

А берегомъ витязь съ колчаномъ идетъ;

«Она черезъ перо была вся золота;
 «А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ,
 «И скатнымъ жемчугомъ изусажена.»

А самый градъ-Кіевъ, его край былой,

Волшебная около Кіева мѣстность?...

Смородины рѣки, Сафаты, Изрой,

Индійское море, дуга Леваниды.... 8)

«Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:

«Первая застава—сѣры волки,
 «Другая застава—змѣи лютыя,
 «Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.»

А много въ Кіевѣ богатырей,

«Какъ сѣрыхъ волковъ по закусточкамъ.»

И каждый изъ нихъ съ незапамятныхъ дней

Владѣтъ такою ужасною силою,

Какой не владѣтъ никто изъ людей.

Одинъ разбиваетъ несмѣтныя рати,

Другой съ самимъ небомъ вступаетъ въ борьбу,

Иной обладаетъ волшебнымъ оружіемъ,

Другой презираетъ и чохъ, и судьбу.... 9)

И вся на подборъ, такова вся дружина!

Они хоть и носятъ ужь образъ живой

Людей настоящихъ; но это не люди,

А выходцы—дивы изъ жизни иной;

Одна обстановка ихъ развѣ земная.

*) Нормы, вѣщія прорицательницы у скандинавовъ.

Пируютъ вокругъ краснаго солнца они,
 Какъ древніе боги въ чертогахъ небесныхъ,
 Играютъ въ тавлеи *), какъ въ древніе дни
 Играли въ тавлеи безсмертные асы **);
 Сидитъ красно-Солнце Владимірь средь нихъ,
 Какъ свѣтлый Одинъ ***), средь героевъ Валгалы ****);
 Какъ древніе жь боги, въ бесѣдахъ своихъ,
 Они также любятъ подь-часъ похвалиться...

«Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
 «Иный хвастаетъ безсчетной золотой вазной;
 «А разумный хвастаетъ родной матушкой,
 «А безумный хвастаетъ молодой женой».

А самъ князь Владимірь?—Какъ Индра благой
 Своихъ разсылалъ слугъ воздушныхъ, Марутовъ *****),
 На разныя службы, отдавъ міръ земной
 На ихъ попеченье: такъ точно и онъ, князь,
 Князь свѣтлый Владимірь, шлетъ главныхъ своихъ
 Воителей старшихъ, —кого на заставы,
 Стоять противъ ратей и чудищъ степныхъ;
 Кого въ орды дальни, собирать тамъ полочки
 И выходы-дани; кого съ сватовствомъ,
 Въ сосѣднія страны, ему за невѣстой.....
 Такъ ѣздилъ Дунай, за невѣстой посломъ;
 Въ послахъ ѣздилъ Донъ и сѣдой Днѣпръ Словутычъ;
 Чурила Пленковичъ былъ взятъ въ княжію домъ
 Постельничимъ; послѣ жь, сзывалъ онъ гостей,
 И съ важдаго гостя бралъ *златое* князю;
 Степной Колыванъ, тотъ отыскони дней
 Всегда на заставахъ стоялъ богатырскихъ.

Вкругъ князя сошлись всѣ силы земли,—
 И вѣщія силы, и цвѣтъ богатрства,
 Изъ Руси, изъ ближнихъ степей, изъ дали,
 Изъ-за-моря синяго, —Богъ вѣсть, откуда.

*) Игра въ тавлеи, родъ игры въ кости.

***) Асы, —сыны и вмѣстѣ дружина Одина.

*****) Одинъ, —главный богъ древнихъ скандинавовъ..

*****) Валгала, небесное жилище героевъ, послѣ смерти, у скандинавовъ.

*****) Маруты, воздушные гении вѣтровъ, у Индѣйцевъ.

Кто славился чудной своей красотой,
 Кто ловкой ухваткой своей богатырской,
 Кто лаской, привѣтомъ, а вто простотой
 И рѣчью умильной; одинъ своимъ счастьемъ,
 Другой же богатствомъ или быстротой,
 Походочкой мягкой и легкой пощипкой;
 Иные искусной и мѣткой стрѣльбой,
 Или непомѣрной, чудовищной силой.

Владиміръ, князь ласковый, жаловаль ихъ,
 Кого златой гривной, кого съ плеча шубой;
 Кого чѣмъ другимъ изъ сокровищъ своихъ;
 А кто къ нему ближе, того городами.

Въ семействѣ Микулы была дочь одна
 Замужняя. Наши родныя преданья
 Зовуть ее Грозной. Въ замужствѣ она
 Была за пріѣзжимъ бояриномъ, Ставромъ.
 Однажды онъ вздумалъ похвастаться ей
 На княжей пирушкѣ, въ присутствіи князя,
 Что нѣтъ-де ея на всемъ свѣтѣ умнѣй,
 И нѣтъ-де на свѣтѣ ея домовитѣй;

«Самаго тебя, Владиміра, съ ума сведеть!..»

И былъ Ставръ за это посаженъ въ подвалы.
 Но только про то вѣсть до Грозной дошла,
 Тотчасъ обрядилась она посломъ дальнимъ,
 И хитрой уловкой своей провела
 И дворъ весь, и князя,—и тѣмъ искупила
 Любимаго мужа, который и самъ
 Не могъ узнать долго ее въ богатырскомъ
 Тяжеломъ нарядѣ; а богатырямъ
 Оставила память объ этомъ пріѣздѣ
 Она молодецкой своею стрѣльбой,
 Нагнавъ — инда ужась на нихъ и на князя:
 Такъ ловко владѣла она той порой
 Тугимъ, тлжкимъ лукомъ своимъ волокитнымъ.

Вторая за нею Микулина дочь,
 Поленица *),—эта была за Добрыней.

*) Поленица, полевая наѣздница—богатырша.

Но прежде, дѣвицей, она день и ночь
 Одна разъѣзжала по чистому полю,
 И страстно искала по разнымъ странамъ
 Себѣ приключеній и подвиговъ ратныхъ,
 Извѣстная всюду, и богатырямъ,
 И дивамъ, своею ужасною силой.

Однажды Добрыня—князь, встрѣтившись съ ней,
 Испробовать вздумалъ на ней свою силу;
 Наѣхалъ, и палицей тяжелой своей
 Хватилъ ее въ голову; на этотъ вызовъ
 Добрынинъ не двинулась даже она...
 Младаго Добрыню объялъ-инда ужасъ.
 Какъ бы пробудившись отъ тяжкаго сна,
 Сталъ пробовать силу на толстомъ онъ дубѣ, —
 Ударилъ, и въ драни его расщепалъ;
 Не убыло, значить, въ Добрыньюшкѣ силы.
 Онъ бросился снова за дѣвкой, догналъ,
 И снова ударилъ; но дочка Микулы,
 Какъ будто совсѣмъ и не чуешь того.
 Подѣхалъ опять онъ къ толстѣйшему дубу.
 Хватилъ, и въ щепы уничтожилъ его;
 Все таже въ немъ сила! Увѣрившись въ этомъ,
 Добрыня еще разъ коня припустилъ,
 И въ третій хватилъ разъ; а ей показалось,
 Что это комарикъ ее укусилъ....

«Я думала, что комарики покусываютъ,
 «Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!»
 «Какъхватила Добрыню за желты кудри,
 «Посадила его въ глубокъ карманъ....»

Но видно, молодой князь-красавецъ пришелся
 Ей по сердцу. Тутъ же рѣшила она
 Избрать его мужемъ; и вышла изъ дѣвки
 Примѣрная князю-Добрынѣ жена,
 И нѣжная сердцемъ, *сдержавушкѣ-мужу,*
Семья и подруга.

Воинственныхъ женъ
 На Кіевѣ, впрочемъ, жывало немало.
 И тихій Дунай, и тишайшій нашъ Донъ,

Женилися оба на вѣщихъ валькирьяхъ,
Извѣстныхъ чудесной стрѣльбою своей,
За что и пришлось имъ потомъ полатиться,
Подъ пьяную руку ихъ дикихъ мужей,
Безцѣнною жизнью. Но тутъ же, опомнясь,
Мужья закололись и сами съ тоски.
Изъ этой-то крови у насъ протекали,
И нынѣ текутъ, двѣ кровавыхъ рѣки,
Воинственный Донъ и Дунай многоводный.

Преданіе знаетъ и младшую дочь,
Дочь третью Микулы. Но дѣвственный образъ
Ея позабытъ, и глубокая ночь
Время поглотила ея даже имя.
Въ чемъ было въ то время призванье ея?
Какое Микула ей далъ назначенье?
Когда получила она бытіе?...
Все это осталось во мглѣ первобытной.

Самъ вѣщій Микула, хозяинъ земли,
Всегда жилъ, какъ нынѣ, по селамъ, деревнямъ,
Среди полей мирныхъ и милой семьи,
Внѣ всякихъ вліяній изъ Кіева-града.
Преданіе помнитъ крестьянъ-мужиковъ
На славныхъ пирѣхъ у Владиміра-князя;
Они изъ почетныхъ-ли были сыновъ
Микулина рода, иль онъ самъ, Микула;
Но міръ его кровный всегда былъ село;
Владиміръ числется въ Кіевѣ-градѣ,
Куда потянулось добро все и зло;
Микула жъ остался, какъ былъ, селяниномъ.

Сказанья рисуютъ его завсегда
За вѣщею сошкой иль съ тягой земною
Въ сумѣ за плечами, и онъ никогда
Не требовалъ мѣста себѣ возлѣ князя.

Такъ точно впервые его застаеъ
И Вольга *) Всеславичъ, нашъ витязь древнѣйшій;
Микула спокойно на пашнѣ ореть,

*) Волхъ, Вольга, въ былинахъ одно и тоже имя.

А Волхъ подъѣзжаетъ съ своею дружиной.

«Жаловаль его, Волха, родной дялюшка;
«Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
«Тремя городами со крестьянами,»

Поѣхалъ Князь Вольга въ свои города,
И слышитъ онъ, гдѣ-то ореть въ полѣ ратай;
Глядитъ Волхъ Всеславичъ туда и сюда,
Но гдѣ ореть ратай, того не примѣтитъ.

«Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
«Сожка у ратая поскрипываетъ,
«Омѣшиви по камешкамъ почеркиваютъ».

Но гдѣ онъ,—не видно.

Таеъ ѣдетъ три дня

Съ утра Волхъ до ночи; а ратая въ полѣ
Онъ, Волхъ, все не видитъ. Пустилъ онъ коня,
И въ третій лишь день на него онъ наѣхалъ.....

«Божья-та помощь, оратаюшко!

«Орать да пахать, да крестьянствовать.»

Всеславичъ Микулъ съ коня говоритъ.

«Подитко, Вольга Святославовичъ,
«Со своею со дружинишкою хораброю,
«Мнѣ-ка надобно помочья Божья крестьянствовать.
«Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь,
«Со своей со дружинишкою хораброю?»

Отвѣтствуетъ Вольга, куда онъ спѣшитъ,—
Въ Орѣховцѣ, въ Крестьяновцѣ, въ Гурчевскѣ, за получкой.

Но тутъ же отъ ратая Волхъ узнаетъ,
Что тотъ самъ два дня, какъ оттуда вернулся;
Два малыхъ мѣшечка на свой обиходъ
Привезъ оттоль соли, пудовъ эдакъ сорокъ
Въ мѣшечкѣ; но что мужики въ тѣхъ мѣстахъ
Разбойники, — просятъ грошей подорожныхъ;
И задалъ же онъ, Селянинычъ, имъ страхъ,
Гроши отсчитавъ подорожной шалыгой.

«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»

Услышавъ про это, сталъ Волхъ его звать
Отправиться вмѣстѣ. Согласенъ Микула.

Нельзя же высокимъ гостямъ отказать.

Поѣхали, — ѣдутъ; какъ вспомнилъ Микула, —

«Ай же Вольга Святославовичъ!

«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

«И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

«А гля-ради мужика деревенщины.

«Какъ бы сошку съ земли повыдернути,

«Изъ омешковъ земельку повытряхнути,

«И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ.»

Послалъ Вольга-князь пятерыхъ изъ дружины,

Но пятеро сошки свернуть не смогли;

Послалъ Святославовичъ цѣлый десятокъ,

Но сошку и тѣмъ не поднять изъ земли;

Послалъ тогда Вольга свою всю дружину;

«Они сошку за обжи вокругъ вертять,

«А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,

«Изъ омешковъ земельки повытряхнути,

«Бросить сошку за ракитовъ кустъ.»

Подъѣхалъ Микула ужъ самъ той порой,

На вѣщей кобылкѣ своей богатырской;

Бралъ чудную сошку одною рукой,

Бросалъ за ракиту.....

«А сошка была позолочена,

«Омѣшники были булатныя;

«Какъ улетѣла та сошка къ подь-облакамъ,

«Пала сошка о сыру землю,

«Ушла сошка до рычаговъ въ землѣ.

«Туть-то обрядилъ онъ свою сошку позолоченную,

«Тьи-то омѣшники булатныя.....»

Поѣхали дальше.

«Оратая кобыла-то рысью идетъ,

«А Вольгинъ-отъ конь и посакиваетъ;

«У оратая-то кобылка грудью пошла,

«А Вольгинъ-отъ конь остается.»

«Сталъ Вольга туть покрикивати,

«Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:

«Постой-ка ты ратый-ратаюшка!

«Этая кобылка конькомъ-бы была, —

«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»

«Говорить оратай таковы слова:

«Глупый Вольга Святославовичь!

«Взялъ я кобылку жеребчикомъ съ-подъ матушки;

«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;

«Этая кобылка конькомъ бы была;

«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»

«Говорилъ Вольга Святославовичь:

«А-же ты, ратаю-ратаюшко!

«Какъ-то тебя именемъ зовутъ,

«Какъ величаютъ по отечеству?»

«Говорилъ оратай таковы слова:

«Ай-же Вольга Святославовичь!

«А я ржи напашу, да во скирды сложу,

«Во скирды складу, домой выволочу,

«Домой выволочу, да дома вымолочу,

«Драни надеру, да и пива наварю;

«Станутъ мужички меня покликивати:

«Молодой Микулушка Селяниновичь!»

И вотъ онъ, Микула, его проводилъ

Въ Орѣховцъ, въ Крестьяновцъ, въ Гурчевскъ, за получкой.

Ждала ихъ засада; но онъ упредилъ

Своей прозорливостью вражьи козни,

Побилъ еще разъ тѣхъ воровъ-мужиковъ,

Очистилъ проѣздъ за получкою Вольгѣ,

И снова вернулся подъ мирный свой кровъ;

«Тутъ они добры молодцы поразѣхались,

«Поразѣхались они, пораспростилися.»

Въ другой разъ, Микула зоветъ князя Вольгу

Къ себѣ *ко поселищу*, вводитъ его

Въ свои родовыя *палаты*, какъ видно,

Живя въ это время не хуже кого.

Выходятъ имъ встрѣчу три дщери Микулы,

Три вѣщихъ поленицы; съ честью онѣ

Всѣ три принимаютъ высокаго гостя,

Какъ это водилося въ русской странѣ,

И съ честью его, угостивъ, провожаютъ.....

Микула сильнѣй, значить, богатырей,

Что князь Володиміръ дарить областями.
 Онъ ихъ охраняеть отъ сельскихъ людей;
 Внутри края нельзя безъ Микулы проникнуть;
 Микула сильнѣй и гораздо хитрѣй,
 Будесника Волха; живеть онъ въ палатахъ;
 Князь Волхъ передъ нимъ, какъ щенець молодой,
 И самъ князь Владиміръ предъ нимъ мало значить;
 Микула властитель земли; онъ ей свой,
 Князья и дружины ихъ, — люди чужіе ¹⁰⁾.

Но главный въ народѣ преемникъ его,
 Грядущій его представитель близъ князя,
 Сидитъ еще сиднемъ, — чужой для всего,
 Что въ краѣ творится. Земля не сложилась.
 Замѣтно, что это титанъ старины,
 Попавшій въ міръ новый, еще ему чуждый;
 Онъ чувствуетъ, видитъ духъ новый страны,
 Но мѣсто въ странѣ для него не готово.

Сидѣль-ли заправду Илья тридцать лѣтъ,
 Сидѣль-ли три тысячи лѣтъ онъ и больше,
 Еще съ той поры, когда созданъ былъ свѣтъ;
 Но въ немъ испоинскія силы съ рожденья.
 Онъ темный лишь сидѣнь, — но онъ посвященъ
 Въ приемы, ухватки и быть богатырскій;
 Онъ гдѣ-то ужъ жилъ; онъ не могъ быть рожденъ
 Во дни православнаго русскаго князя.
 Еще онъ не знаетъ, къ чему приложить
 Ему свои силы, — и онъ сидитъ сиднемъ.
 Пожалуй, онъ могъ бы весь край своротить,
 Но онъ тогда сталъ бы вновь чудищемъ прежнимъ.

Онъ родомъ и званьемъ уже селянинъ,
 Но онъ не сошелся еще съ міръ-народомъ, —
 Онъ все еще дивъ.

Въ эти дни не одинъ
 Имѣлъ на Руси онъ чудовищный образъ;
 Вкругъ стольнаго князя, межъ богатырей,
 Сидятъ Святогоры еще и Сухманы, —
 Древнѣйшія чудища, въ видѣ людей;

А дивы другіе, какъ грозный Нахвальщикъ
Иль чудный разбойникъ—лѣсной Соловей,
Еще залегаютъ пути и дороги.

«Сидитъ Соловей разбойникъ Олихмантьевъ сынъ,
«Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
«Захватываетъ злодѣй онъ на семи герстахъ.
«Свищетъ Соловей онъ по-соловьеву,
«Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному,
«Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
«Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.»

Но вотъ Илья—сидѣнь чудесно встаетъ;
Его подымаетъ *нездѣшная* сила;
И тутъ же великій обѣтъ онъ даетъ
Сразить Соловья и сражаться до смерти
За край, народъ русскій ¹¹⁾.

Чтожь это за мѣръ?
Что это за чудныя, страшныя силы?
Кто этотъ князь Солнце? Что это за пиръ
Въ его свѣтлой гридиѣ, гдѣ онъ повелитель
Всѣхъ этихъ чудесныхъ, таинственныхъ силъ?
Отколь собрались они въ стольный градъ Кіевъ?
Гдѣ ихъ праотчина? Кто ихъ породилъ?
Какой народъ создалъ мѣръ этотъ волшебный?
Когда начался онъ? Что наша страна
Внесла отъ себя въ него?...

Но онъ закрылся,
А древность, увы, необъятна, темна;
Какъ бездна морская, ея глубь безвѣстна.
Мы въ образахъ только, доступныхъ для насъ,
Слагать еще можемъ мѣръ этотъ чудесный;
Но онъ ужъ изчезъ, и его вѣщій гласъ,
Что тамъ раздавался, замолкнулъ на вѣки ¹²⁾.

Пожалуй, и лучше! Его больше нѣтъ,—
Мы можемъ судить о немъ нынѣ свободно.
О слава тебѣ, просвѣщенія свѣтъ!—
Ты снялъ хоть печати съ боговъ тѣхъ минувшихъ.

«Эта старина кончается,
«А другая начинается....»

ПѢСНЬ 2-Я.

ВЫРІЙ, ДРЕВНІЙ РАЙ АРІЙЦЕВЪ.

„Контъ показаль, что изъ общихъ законовъ человѣческой природы можно вывести нѣсколько специальныхъ заключеній, относительно самаго ранняго развитія человѣческаго прогресса, о которомъ почти нѣтъ никакого историческаго отчета. (В. Евр. іюль, 1874 стр. 159—60).

„Начнемъ ab ovo!...“
(Пушкинъ).

Высота ли высота поднебесная,
«Глубота, глубота Океанъ-море,
«Широко раздолье по всей землѣ,
«Глубоки омуты—Днѣпровскіе!...»

Не здѣсь ли, въ раздольяхъ сѣдой старины,
Не въ этой ли шири высотъ поднебесныхъ,
Не въ этихъ ли безднахъ глухой глубины
И омутовъ темныхъ воздушнаго моря,
Искать надо нить нашей жизни былой
И міръ тотъ чудесный? Не здѣсь ли родились
И князь красно-Солнце, и бытъ нашъ родной,
И вѣщій Мишула съ семьей богатырской?
Не съ этихъ ли поръ въ древній міръ нашъ вошли
И древніе дивы, и чудища мрака,

Властители первые всякой земли?
 Не здѣсь ли бѣть ключъ и преданій народныхъ?...

Сперва первобытный туманъ вокругъ насъ
 И мракъ довременный; еще ни земли нѣтъ,
 Ни свѣтлаго неба; молчитъ Божій гласъ,
 Лишь дубъ-Стародубъ иль дубъ влажный Мокрепкій,
 Небесная яшень, раздвинулъ свои
 Огромныя корни во темнымъ пространствамъ
 Незримаго неба. Нигдѣ нѣтъ земли;
 Лишь дубъ этотъ чудный нависнулъ вѣтвями
 Въ безмолвныхъ пространствахъ, —покрывши густой,
 Широкою листвою воздушное море.
 Изъ этого дуба съ серебристой корой,
 Струится живая роса, —вода жизни.
 Предвѣчный Духъ Божій, —начало всего,
 Что есть и что будетъ, парить надъ водами...
 Миръ долженъ создаться по слову Его.

Въ послѣдствіи мы встрѣтимъ не разъ это Слово!
 На дубѣ чудесномъ, въ туманѣ густомъ,
 Живеть уже бѣлка. Грызеть эта бѣлка
 Златые орѣхи, —то молнья и громъ;
 По вѣтвямъ златистымъ порхаютъ жарь-птицы;
 Надъ бѣлкою—соколъ. И ночью, и днемъ,
 Хранить онъ на дубѣ плоды золотые,
 Отъ лютаго змѣя, что обвилъ хвостомъ
 Еще невидимое, горнее небо.
 На самомъ верху Стародуба кипятъ
 Живая вода и ключи воды мертвой;
 Подъ ними вертятся и громко стучать
 Два жернова-камня, что мелютъ богатства
 И счастье. 1)

У индовъ, изъ бездны глухой
 Безбрежнаго моря земнаго, всплываетъ
 Божественный лотусъ. Какъ въ зыбкѣ златой,
 Въ его влажной чашѣ, блестящей, какъ солнце,
 Плыветъ, колыхаясь, младенецъ святой,
 Богъ творческихъ силъ, богъ грядущей вселенной.

Но это не лотусъ всплываетъ простой,
 А это всплываетъ изъ нѣдръ океана
 Земля, въ видѣ злчныхъ семи острововъ;
 Не богъ простой въ чашѣ сіяетъ зеленой;
 Но богъ силъ предвѣчныхъ, отецъ всѣхъ боговъ,
 Духъ всюду присущій всезидущей жизни.
 Изъ дивно—божественныхъ первыхъ сѣмянъ
 Того цвѣтка жизни родится золотое,
 Какъ красное солнце, яйцо-великанъ;
 Оно раздвоилось, и изъ скарлупъ вышли
 Земля, небеса и золотой океанъ
 Свѣтили, что сіяютъ въ пространствахъ воздушныхъ.

~~У насъ же не лотусъ зеленый плыветъ,
 А два чудныхъ гоголя, бѣлый и черныи:
 Бѣлбогъ съ Чернобогомъ; одинъ достаетъ
 Со дна синя-моря земли породу, и оба
 Творять первый островъ. Бѣлунъ-богъ творить
 Поля и равнины, достуныя полямъ.
 А злои Чернобогъ исказить наровитъ
 Миръ Божий, наставитъ утесовъ, ущелій,
 Высотъ, оуератовъ. Потому создаетъ
 Бѣлобогъ изъ земли и песку человека:
 Но злость Чернобога ему не даетъ
 Окончить и этотъ божественный подвигъ,
 Какъ онъ бы хотѣлъ; Чернобогъ или Чортъ,
 На зло, исказилъ и его человека. 2)~~

У насъ, также пѣтель божественный снесъ
 Яйцо мировое; изъ внутренней части
 Яйца вышли рѣки, а вѣтеръ разнесъ
 Оттудова сѣмя цвѣтовъ и растений.
 Но пѣтель вспорхнулъ, и съ земли улетѣлъ
 На горнее небо. Тамъ онъ, обмываясь
 Въ воздушной пучинѣ, на весь миръ запѣлъ:
 И каждое утро, своей вѣщей пѣсней,
 Будить сталъ природу и спящихъ людей;
 Но людямъ досадны его стали пѣсни,
 Мѣшавшія спать, и въ послѣдствіи дней,
 Имъ въ пику, слегѣлъ онъ на синее море

И сталь будить солнце. Онъ пѣснь заведеть,
 Захлопавъ крылами, тотчасъ же подхватятъ
 Ее пѣтухи въ деревняхъ, и поеть,
 Поеть въ переключку ихъ хоръ неумолкный ³⁾.

Другое преданіе весь родъ людской
 Еще производитъ отъ силы небесной;
 Людей порождаетъ богъ-Небо съ Землей,
 Духъ свѣта и мрака, мгла темная тучи
 И богъ древній-Родъ, сей славянскій Адамъ,
 И вмѣстѣ богъ Яма, что мечеть на землю,
 Подобныя яркимъ падучимъ звѣздамъ,
 Небесныя *труды* ⁴⁾. Въ тѣ дни, первый смертный
 Своимъ страшнымъ ростомъ былъ равенъ горамъ,
 А тѣломъ покрыть могъ широкое поле;
 Когда засыпаль онъ, въ его волосахъ
 Свободно свиваль для себя гнѣздо ястребъ;
 Въ ухахъ же его, какъ въ глубокихъ норахъ,
 Гнѣздились лисицы.....Онъ всходитъ на небо,
 Спускается въ бездны; ему ни почемъ
 Шагнуть черезъ море. Онъ дѣлитъ трапезу
 Съ самими богами; онъ равенъ во всемъ
 Богамъ самымъ высшимъ, какъ онъ же рожденнымъ
 Землю и Небомъ. Но онъ не уйдетъ
 Отъ челюстей смерти: онъ перворожденный
 И первоумершій; онъ будущій Родъ,
 Тотъ богъ, что бросаетъ небесныя *труды*. ⁵⁾

Сначала живетъ онъ въ цвѣтущихъ садахъ,
 Средь Вырія. Вырій или Буанъ-островъ,—
 Не то на землѣ онъ, не то въ небесахъ. ⁶⁾
 То вѣкъ золотой и серебряный міра,
 Весеннее утро счастливой земли,
 Сіяющей въ блескѣ и брызгахъ алмазныхъ
 Весны первобытной,—чего не могли
 Лишить смертныхъ долго и самые боги.

Сперва люди чтутъ лишь одно божество,—
Предвѣчнаго Бога, живущаго въ небѣ,
Сваргѣ кругловидномъ. Его естество
Исполнено къ смертнымъ высочайшей любовью;

Сей богъ — сама Вѣчность, и мѣръ называлъ
Его Богаваномъ, Зерванъ-Акереномъ,
Сварогомъ и Діемъ. Онъ богъ всѣхъ началъ:
Онъ создалъ вселенну своимъ дивнымъ словомъ,
Онъ есть отецъ неба и прочихъ боговъ,
Прабогъ всего міра. Вначалѣ, блаженный
Еще человекъ жилъ немало вѣковъ
Съ нимъ вмѣстѣ, и даже трапезовалъ съ богомъ;
Но злой духъ, Курентъ, разъ, по злобѣ своей
Его напоилъ такъ за трапезой этой
Виномъ, имъ добытымъ на гибель людей,
Что богъ — его въ гнѣвѣ низвергнулъ на землю,
И отнялъ часть силы 7).

Нечеловѣкъ потомъ

Еще люди жили въ любви и согласіи,
Не то ужъ и въ Виріи стало земномъ,
Хотя и сносились они еще съ богомъ.
Сначала окончился вѣкъ золотой,
Насталъ вѣкъ серебряный; мирно, въ довольствѣ
Еще жили люди и тою порой;
Но скоро и это протѣкло время,
И лишь зарешился серебряный вѣкъ,
Вражда и раздоры наполнили землю
И самое небо; возсталъ человекъ
На ближнихъ своихъ и боговъ вѣковѣчныхъ.

Блестящее небо съ древнѣйшей поры
Казалось людямъ таинственнымъ міромъ:
Оно представлялось имъ въ видѣ горы;
Имъ очень хотѣлось еще въ ту эпоху
Пожить по небесному, — и Чернобогъ
Однажды проникнулъ, съ толпой великановъ,
Въ божественный этотъ, блестящій чертогъ;
Но часть ихъ, наѣвшись небесныхъ оладьевъ,
Свалилась на землю. Въ досадѣ, Бѣлбогъ
Или Сварогъ древній ударилъ о камень
Божественнымъ молотомъ, и въ тотъ же мигъ
Родился Громовникъ, съ блестящею ратью.

Духовъ свѣтозарныхъ; онъ тотчасъ настигъ
 И всѣхъ остальныхъ, и низвергнувъ ихъ съ неба:
 Одни пріютились тогда на землѣ,
 Въ водахъ и въ лѣсахъ, но главнѣйшія силы
 Попадали въ бездну, гдѣ въ огненной мглѣ
 Живуть и понынѣ.

А міръ былъ наказанъ,
 За распри, потопомъ. Враждуя съ собой
 И съ силами горними, люди разбили
 Яйцо золотое вселенной; рѣкой
 Оттоль хлынулъ ливень воды первобытной,
 И скрылъ подъ собою весь міръ сей земной.
 На помощь немногимъ съ вѣтвей Стародуба
 Упали скорлупки златыхъ жолудей;
 Иные успѣли схватиться за вѣтви
 Всемирнаго древа; а двое людей
 Спаслися, прыгнувши чрезъ кости земныя, —
 Скалистыя горы. ⁸⁾

Изъ нѣсколькихъ словъ,
 Составившихъ корни арійскихъ нарѣчій,
 Наука ужъ видитъ въ быту тѣхъ вѣковъ
 Большое развитіе жизни разумной.
 На самой зарѣ первобытной земли
 Родъ сильный арійцевъ имѣетъ строенья
 И связи родства; воеводы, вожди,
 Старѣйшины правятъ его племенами.
 У нихъ есть ужъ домъ и родная земля;
 Зубчатая стѣна ихъ крѣпкой ограда
 Торжественно вноситъ богиня — земля
 Въ рѣзбу своей самой древнѣйшей короны.
 Живя искони въ непресганной борьбѣ,
 Они ужъ куютъ или точатъ оружье,
 Имѣють сосуды, готовятъ себѣ
 Хмѣльные напитки и разную пищу.
 Младой Селянинъ, ораломъ своимъ
 Или златой сошкой, что съ неба ушала,
 Еще раскаленной огнемъ неземнымъ,

Ореть уже землю. Онъ также владѣть
 Яромъ золотымъ, золотымъ топоромъ,
 Такою же чашей,—всѣмъ этимъ снабдилъ
 Его небеса. Онъ любимъ божествомъ,
 И смотритъ главою арийскаго рода.
 Его жизнь проходитъ въ полезныхъ трудахъ;
 Онъ чтить всего больше родимую землю;
 Его родъ отважный, въ долбленныхъ ладяхъ,
 Браздить уже рѣки, а, можетъ, и море. 9)

~~Съ развитьемъ людей, и въ святихъ небесахъ
 Свершились также свои перемѣны:
 Миръ новый ужъ знаетъ семь горнихъ небесъ,
 На мѣсто трехъ прежнихъ; тогда какъ вначалѣ
 Одно было небо. Сварогъ-Дій исчезъ,
 Явились сыны его, новые боги;
 Земля прозвалася Деметрой-благотой,
 Божественной Дивой, божественной Ладой,
 Супругою неба, богиней святой,
 Праматерью міра и всѣхъ въ немъ живущихъ.~~

На самомъ Востокѣ, въ дворцѣ золотомъ,
 Царить молодой богъ, всезрящее Солнце,—
 Дагбогъ или Вишну, богъ съ острымъ мечемъ,
 Всевѣдъ златовласый, всезидущій Митра.
 Его дворъ на скользкой стеклянной горѣ;
 Богъ-Солнце сидитъ на золотомъ на престолѣ;
 При немъ, какъ при высшемъ небесномъ царѣ,
 Живутъ для прислуги красавицы-сестры;
 Одна, Заря утра,—ему подаетъ
 Коней, запряженныхъ въ злату колесницу;
 Царь дня на небесный подымается сводъ,
 И міръ озаряетъ своими лучами;
 Другая, въ концѣ дня, встрѣчаетъ его,
 И стелетъ въ багряныхъ водахъ океана
 Ему постель на ночь.. Тамъ ждетъ своего
 Безсмертнаго друга царица въ коронѣ,
 Красавица Лада. Всю ночь Солнце съ ней
 Проводитъ любовно до поздняго утра.

*

Въ дворцѣ его свѣтломъ сидятъ семь судьей,
 Планетъ переходныхъ; среди нихъ, его дяди
 Иль братъ, лысый Мѣсяцъ. Семь вѣщихъ кометъ,
 Семь вѣстниковъ быстрыхъ, разносятъ по свѣту
 Велѣнія Солнца.

Едва видный слѣдъ

Ведетъ къ его трону стеклянной горою.
 На самой срединѣ, сидятъ по горѣ
 Двѣнадцать, рожденныхъ имъ, мѣсяцевъ года;
 Но каждый имѣетъ въ извѣстной порѣ
 Особый дворецъ еще, въ горнихъ созвѣздыахъ.

При нихъ роженницы, или дѣвы судьбы,
 Пророчицы, вилы и дѣвы Солнца:
 Онѣ назначаютъ дни тяжелой борьбы
 И радостей смертнымъ; онѣ прядутъ нити
 Короткой ихъ жизни; у нихъ же въ рукахъ
 Недоля и доля людей, съ дня рожденья.

На свѣтломъ Полуднѣ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ
 Блестящаго неба, гдѣ ярче сіяетъ
 Палящее солнце, тамъ мирно живетъ
 Миръ свѣтлый усопшихъ. Надъ ними издревле
 Господствуетъ Яма, старинный нашъ Родъ,
 Прапрадѣдъ Микулы, — тотъ перворожденный
 И первоусопшій прапращуръ людей,
 Что мечетъ на землю небесныя груды.
 Тамъ, въ горнихъ пространствахъ, среди яркихъ лучей
 Веселаго солнца, престоль его мирный
 И царство блаженныхъ; тамъ эта страна
 Родителей, дѣдовъ, гдѣ ихъ ожидаютъ
 Вновь радости жизни. Тамъ вѣчно весна,
 Душевное счастье, поютъ сладко птички,
 Всегда зеленѣютъ деревья, журчитъ,
 Лаская, какъ музыка, слухъ, въ тѣни роцей
 Небесный источникъ воды, шелеститъ
 Едва вѣтерокъ по цвѣтамъ благовоннымъ...
 Заря, сестра Солнца, царица тѣхъ мѣстъ,
 Впускаетъ ихъ души въ златое оконце,
 И тамъ ихъ покоить.

Какъ искорки звѣздъ,
 Несутся туда, по воздушному морю,
 Съ душами усопшихъ златяя ладья,
 Которыми правятъ особые боги,
 Блюстители этого груза земли.
 Въ замѣнъ, Родъ бросаетъ оттуда на землю,
 Отдѣльно для каждой подлунной страны,
 Небесныя груди еще душъ не жившихъ:
 То души младенцевъ, что также должны,
 Окончивъ земной путь, къ нему возвратиться.

На Сѣверѣ дальнемъ, въ зеленыхъ садахъ,
 Въ воздушныхъ чертогахъ, живетъ черноудрый,
 Съ златой бородою, ужасный въ болахъ,
 Богъ свѣтлый эфира и горняго свѣта,
 Верховный богъ молній и страшныхъ громовъ,
 Другъ пахарей мирныхъ, благой покровитель
 Полей и садовъ ихъ, гроза злыхъ духовъ
 И гордыхъ титановъ, блистательный Индра,
 Перунъ нашъ Громовникъ.

Онъ молнией своей
 Насквозъ пробиваетъ воздушныя горы,
 И свѣжею влагой небесныхъ ключей
 Оттоль наполяетъ засохшую землю.

Онъ на смерть сражаетъ скрывателя воли,
 Воздушнаго змѣя Засуху и мѣру
 Даетъ плодородье

Съ нимъ вмѣстѣ живетъ
 Слуга и товарищъ, божественный Грита,
 Стражъ нашъ славянской, что дышетъ съ небесъ
 На землю, то бурнымъ, то теплымъ дыханьемъ.
 Ихъ общею силой въ то время чудесъ
 Сраженъ семихвостый драконъ, троеглавый
 Твасютру, тотъ змѣй, что похитилъ коровъ
 Небеснаго стада, и Вритру, — сообщникъ,
 Который укрылъ ихъ въ горахъ облаковъ.

Въ Египтѣ тотъ самый же Индра-громовникъ,
 Всемѣстный каратель злыхъ демонскихъ силъ,
 Принялъ имя Шезъ, и убилъ тамъ дракона

Мертвѣщей все ночи. У грековъ сразилъ
 Онъ змѣя Пифона, и сталъ сребролузивъ,
 Младымъ Аполлономъ, назначивъ свой храмъ,
 Едва не всемірнѣй, средой прорицаній.

Но прежде всѣхъ странствій по дальнимъ странамъ,
 Онъ далъ первымъ людямъ огонь свой небеснѣй.

Какъ самъ отецъ молнии и бога Агни,
 У насъ Радегаста, онъ бросилъ на землю
 Небесное пламя, — и многіе дни

Міръ въ пламени этомъ чтилъ новаго бога.

На Западѣ темномъ царить богъ Воданъ,
 Старинный Варуна, богъ горняго моря,
 Царь тучъ, освѣжитель благой земныхъ странъ,
 Вседѣрный податель живой воды Сомы.

Изъ этой-то бездны повисъ надъ землей
 Тотъ дубъ-Стародубъ, та смоковница міра,
 Златая та ясень, отколь міръ возникъ
 И самое небо шло изъ начала.

Она даетъ людямъ земные плоды;
 Ея вѣтви сочатъ напитокъ безсмертья;
 Она земледѣльцевъ питаетъ труды,
 На ней утвердилъ богъ предвѣчный вселенну;
 Подъ нею пасется, средь горнихъ луговъ,
 Воздушное стадо коней златогривыхъ,
 Овецъ свѣтлорунныхъ, небесныхъ коровъ,
 И черныхъ, и рыжихъ. Пасеть ихъ богъ пѣсень,
 Велесъ златокудрый; а ихъ стережетъ
 Лихой пѣсь, сынъ Вритру, — не нашего-ль Вѣтра?—
 Лохматый Сарани.

Сюда хороводъ

Слетается нимфъ, тѣшитъ страстною пляской
 Боговъ вѣковѣчныхъ; здѣсь бурное царство
 Титановъ сѣдыхъ; здѣсь по темнымъ ночамъ
 Они забавляются дикою охотой,
 Приятной неменьше и горнимъ богамъ.
 По этимъ-то безднамъ отжившія души,
 То въ образѣ легкихъ, златыхъ мотыльковъ,
 То мальчиковъ съ перстикъ, съ земли отлетаютъ

На небо, — сперва въ темный міръ облаковъ,
 И прямо оттуда, въ блаженный край Рода.
 По этому-жъ морю, въ ладѣ золотой,
 Во мглѣ развѣзжаетъ и тотъ перевощикъ,
 Что ихъ доставляетъ на вѣчный покой,
 Въ міръ свѣтлый блаженства.

На Западѣ жъ дальнемъ
 Считался и тотъ міръ, столь страшный живымъ,
 Гдѣ царствуетъ Навій съ женою Мараной.
 Держа въ рукѣ жезль, онъ ворочаетъ имъ
 Громадныя груды костей, — прахъ усопшихъ;
 У ногъ копошатся его муравьи
 И вороны. Послѣ означилось тутъ же
 И царство Мороза. Богъ поздній земли,
 Онъ все-таки старъ ужъ, съ сѣдой бородою,
 Закутанъ весь въ бѣлый мохнатый зипунъ;
 Но онъ босоногъ и безъ шапки, съ желѣзной
 Въ рукахъ булавою. То царь-Карауль;
 Съ нимъ царствуютъ вмѣстѣ Сонъ тихій съ Дремою ¹⁰⁾.

Но весь первобытный край этотъ земной,
 Тотъ Вырій блаженный, гдѣ жилъ родъ арійскій,
 Сравнительно былъ онъ мірокъ небольшой,
 Еще влажный островъ, — отъ высей Алтая
 До горъ Гиммалайскихъ, омытый кругомъ
 Сѣдымъ океаномъ; а дальнія страны
 Европы, что этотъ родъ занялъ потомъ,
 Скрывались въ то время еще подъ водою.
 Весь Сѣверъ Россіи, отъ горныхъ вершинъ
 Страны Скандинавовъ до высей Рифейскихъ,
 Въ то первое время былъ только одинъ
 Пустой, длинный островъ. Гдѣ царствуетъ нынѣ
 Британскій левъ, — смутно, сѣдой полосой
 Бѣлѣла гряда островковъ, простираясь
 До нынѣшней Бельгіи, тою порой
 Еще составлявшей дно бурнаго моря.
 Арденскія горы и весь край лѣсной
 Срединной Германіи, часть земли Галловъ.

Имѣли видъ также большихъ острововъ;
 А вся остальная Европа лежала
 Еще подъ водою, — и много вѣковъ
 На Западѣ темномъ лишь царствовалъ древній
 Воданъ, богъ тумановъ.

Но чудно была,

За то величава земная природа.

Курясь благовоньемъ, земля вся цвѣла
 Тропическимъ садомъ; тѣнистыя рощи
 Мимозъ многоцвѣтныхъ, тюльпанныхъ деревъ,
 Какъ пурпуръ горящихъ, густыхъ олеандровъ,
 Широкихъ смоковницъ; глубь темныхъ лѣсовъ
 Лавровыхъ и миртовыхъ; сверху аркады
 Тропическихъ злаковъ, ползучихъ лианъ;
 Въ шумящихъ потокахъ громадные листья
 Зеленыхъ нимфей; а кругомъ — океанъ,
 То темный и бурный, то ярко-блестящій
 Въ лучахъ жаркихъ солнца; вездѣ блескъ и тѣнь,
 Прозрачное небо весны первобытной;
 Волшебныя ночи, сіяющій день,
 Чертогъ исполинскій боговъ и чудовищъ.

Въ лѣсахъ раздается рыканье звѣрей;
 Деревья трещать подъ неист. вой битвой
 Бизона со львомъ; близъ жилища людей
 Свободно гуляютъ тапиръ, мастодонты,
 Чудовищный мамонтъ; стада обезьянъ,
 Гиббонъ и Горилла, играютъ по вѣтвямъ
 Гигантскихъ деревьевъ; огромный кайманъ
 Съ чудовищной, хищной, какъ онъ, черепахой
 Ползутъ по болотамъ; средь илистыхъ водъ
 Кишатъ саламандры или діатомги,
 И ужъ воздвигаютъ незримый оплотъ
 Всемирному морю своимъ наслоеньемъ¹¹⁾.

То былъ потрясеній земныхъ періодъ
 И переворотовъ, — и самыя звѣзды
 Сіяли иначе еще въ небесахъ.
 Златыя созвѣзды Креста и Центавра
 Видялись на нашихъ еще широтахъ;

Но Сиріусъ, поясъ златой Оріона,
 Здѣсь были незримы; за то во весь свѣтъ
 Горѣло ~~созвѣдье~~ ~~блестящее~~ Лиры, —
 Какъ это ~~вновь~~ ~~будетъ~~ ~~чрезъ~~ ~~тысячи~~ ~~лѣтъ~~,
 Когда совершатъ онѣ кругъ ихъ теченій ¹²⁾.

Микула былъ также до жизни земной
 Небесною искрой, и пахаремъ горнимъ,
 Когда, какъ Громовникъ, своею сохой
 Пахаль онъ на небѣ дождливыя тучи;
 Когда-же родился, тогда за нимъ вслѣдъ,
 (Оттуда ушла и сошка на землю.

Соха была первый успѣхъ, первый свѣтъ,
 Что внесъ онъ съ собой въ кругъ общественной жизни.
 При самомъ началѣ имѣла она
 Лишь видъ колеса иль, по древнему, Кола;
 Сперва и Микулу родная страна
 Звала Колываномъ; онъ былъ дивъ бродячій
 И князь колесницы. На ней онъ воздвигъ
 Сперва себѣ кущу или коломигу;
 Но скоро разумный его духъ постигъ
 Свое назначенье, — онъ снялъ эту кущу
 Съ колесъ подвижныхъ и срубилъ прочный домъ;
 Обнесъ постоянный домъ этотъ оградой,
 И сдѣлался, въ Вырѣѣ еще родномъ,
 Осѣдлымъ хозяиномъ.

Князь колесницы
 Извѣстенъ и въ Индїи, гдѣ мїръ былой
 Его звалъ Накулой. Быть можетъ, Накулой
 Звался и Микула; но край нашъ родной,
 Иль лучше Микулы-жъ сыны измѣнили
 Потомъ его имя, и стали они
 Его звать Микулой ¹³⁾.

Какъ старшій сынъ Неба,
 А можетъ, и самъ воплощенный Агни,
 Микула, срубивъ домъ и сдѣлавъ ограду,
 Воздвигъ, какъ водилося въ первые дни,
 Въ срединѣ жилища, домашнему богу,

На камнѣ широкомъ, священный очагъ.
 Вокругъ огня сѣло родное семейство,
 И каждый пришелецъ, будь лютый онъ врагъ,
 Присѣвъ къ очагу или коснувшись рукою,
 Былъ гостемъ священнымъ и членомъ семьи.
 Какъ домовладѣлецъ или огнищанинъ,
 Микула сталъ первымъ владѣльцемъ земли,
 Гдѣ онъ обиталъ; какъ старѣйшина-жъ въ родѣ
 И старшій членъ въ домѣ, онъ былъ ужъ главой.
 Семейства и рода. Когда-жъ рзрослися
 Семейство и родъ сего, поздней порой,
 И стали народомъ, онъ сталъ господиномъ,
 Главою народнымъ ¹⁴).

Какъ царь очага и потомокъ боговъ,
 Микула приноситъ имъ первую жертву
 Отъ лучшихъ избытковъ домашнихъ трудовъ
 Своей сельской жизни. За это родъ-племя
 Его нарекаетъ верховнымъ жрецомъ,
 Кѣмъ онъ и остался.

Великій то день былъ,
 Тотъ день первой жертвы, и много потомъ
 О ней говорили и люди, и боги;
 То первая жертва отъ смертныхъ была
 Богамъ вѣковѣчнымъ, знакъ перваго рабства;
 Высокимъ значеньемъ своимъ привлекла
 Она *то* боговъ и сонмъ цѣлый народный.
 Ее изготовилъ сынъ вѣчныхъ боговъ,
 Мужъ, въ родѣ старѣйшій, при общемъ содѣйствѣ,
 Имъ собранныхъ, прочихъ старѣйшинъ —отцовъ
 И всѣхъ старшихъ въ родѣ.

Свершилось тутъ нѣчто,
 Подобное чуду той жертвы святой,
 Когда самъ создатель божественный міра
 Принесъ себя въ жертву за міръ сей земной,
 Себѣ самому, и тѣмъ создалъ вселенну.
 «Весь сонмъ боговъ горнихъ и полубоговъ
 Принесъ его въ жертву,» — черезъ что и раскрылась
 Та дивная книга древнѣйшихъ вѣковъ,

Глубокая книга, что такъ и зовется
Понимъ Глубинной.

«На сколько-жъ частей
Распалася жертва, чтобы создать миръ сей?»

А вотъ, посмотрите, что искони дней

~~Написано въ книгѣ о томъ Голубиной:~~

«Луна произошла отъ разума Божьяго *),

«А солнце зародилось отъ очей его;

«Дыханье и воздухъ изошли отъ ушей его,

«Огонь отъ свѣтлыхъ устъ его;

«Тончайшій эфиръ отъ чрева его,

«Твердь отъ главы, земля отъ ногъ его,

«А пространство отъ уха его;

«Такъ создались всѣ міры и вселенна.

«Отъ этой же жертвы всемірной

«Потомъ создались мудрецы и всѣ люди;

«Жрецы произошли отъ головы Божіей,

«А воины отъ руки его,

«Земледѣльцы отъ чрева его,

«А ремесленники отъ ноги его.»

И вотъ, лишь Микула принесъ свою жертву,

Въ то-жъ самое время раскрылась предъ нимъ

И эта живая, Глубинная книга;

И онъ могъ читать передъ родомъ своимъ

Въ той книгѣ всемірной, затѣмъ что отнынѣ

Онъ сталъ просвѣтленнымъ, народнымъ жрецомъ,

А первая эта священная книга

Теперь становилась начальнымъ звѣномъ

Дальнѣйшихъ религій его и потомства.

«Всходила туча претемная,

«Претемная и прегрозная;

«Изъ-подъ той тучи тем ой

«Выпадала книга Голубиная....

«Великая книга Голубиная!

«Вдолину книга сорока локоть,

«Поперекъ книга тридцати локоть,

*) Индѣйское преданіе.

«Въ толщину книга десяти локоть.
 «Не узнать въ книгѣ, что написано,
 «На рукахъ держать книгу, не удержатъ будеть,
 «Умомъ сей книги не сосмѣтати:
 «И очамъ книгу не обозрѣти.
 «Великая книга Голубиная!
 «По книгѣ ходить, всю не выходить,
 «А строки Божіи не вычитатъ».
 «Тутъ сама книга распечатывалась,
 «Сами листья раскладалися,
 «Слова Божіи прочиталися:
 «Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
 «Отъ самаго Христа, царя небеснаго,
 «Солнце красное отъ лица Божіа,
 «Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
 «Младъ свѣтель мѣсяць отъ грудей Божіихъ,
 «Буень вѣтеръ отъ воздоховъ,
 «Дробень дожднѣ отъ слезъ Его,
 «Народъ Божій отъ Адамія....*)¹⁵⁾

Такъ съ каждымъ столѣтьемъ міръ этотъ земной
 Старался все глубже постичь Божьи тайны;
 И тою же самой пытливой душой
 Творилъ непрестанно боговъ себѣ новыхъ.
 Но хотъ величались богами они,
 А въ сущности были вассалами только
 Сварога иль Діа, что въ первые дни
 Считался единственныиъ богомъ вселенной.
 Закончивъ свое мірозданье, Сварогъ
 Вручилъ управленіе юной вселенной
 Богамъ подчиненнымъ, и горній чертогъ
 Закрѣилъ навсегда его образъ отъ смертныхъ.
 Земля стала леномъ сихъ новыхъ боговъ,
 А онъ какъ бы сдѣлался ихъ государемъ;
 Однако они, изъ земныхъ вѣхъ даровъ,
 Ему подносили одно уваженье;
 А имъ самимъ люди покорной земли

*) Русское, измѣненное христіанствомъ, преданіе.

Должны были стропить красивые храмы,
 Давать приношенья отъ каждой семьи.
 И каждаго племени, въ образѣ жертвы,
 Изъ лучшихъ животныхъ и лучшихъ плодовъ,
 И даже изъ кровныхъ сородичей;
 Кормить и поить ихъ надмѣнныхъ жрецовъ.
 И слѣпо покорствоватъ волѣ ихъ. Словомъ,
 Они, боги, стали царями земли,
 Ея господами; отъ нихъ исходили
 Правители міра, главы, судіи;
 У нихъ въ рукахъ были богатство и сила;
 Они раздавали народамъ судьбы,
 Недолю и долю; все страны земныя
 И частныя люди имъ стали рабы.
 Искали щедротъ ихъ, страшились ихъ гнѣва;
 Въ ихъ честь учреждали свещенныя дни
 Безразственныхъ празднествъ и шумныхъ попойекъ;
 Гордились, когда въ чихъ семействахъ они
 Себѣ избирали красивыхъ наложницъ;
 Желали имѣть отъ нихъ лоя дѣтей.
 Безмолствовали разумъ предъ силой державной
 Владыкъ сихъ всемірныхъ. На смиренныхъ людей
 Отъ нихъ исходили все блага земныя.
 Въ награду; по длинный рядъ страшныхъ бѣдъ,
 Болѣзни и голодъ, и морь, и засуха,
 Людей ждалъ строптивыхъ

Такъ, съ первыхъ же дней
 Самъ родъ человѣческій выразилъ явно
 Свою склонность къ разсвѣту

Какъ сынъ же земли,
 Микула чтилъ силу боговъ вѣковѣчныхъ,
 И жертвовалъ въ даръ имъ избытки свои;
 Вѣрховная власть ихъ надъ міромъ служила
 Ему образцемъ и эгидой святой
 Для собственной власти его надъ семействомъ
 И племенемъ-родомъ. Чтя промыслъ благой
 Небесныхъ владыкъ, онъ поддерживалъ этимъ
 Свое назначенье и власть надъ страной;

Но онъ ощущалъ и въ себѣ самомъ также
 Присутствіе высшихъ, божественныхъ силъ;
 И въ немъ рдѣлась искра небснаго свѣта,
 Той огненной груди, въ которой онъ жилъ,
 Когда Родъ безсмертный, богъ-Щуръ его древній,
 Его бросилъ съ неба. Онъ самъ былъ Агни,
 Духъ огненный, только закованный въ тѣло.
 Затѣмъ и молитвы его въ эти дни
 И самыя жертвы богамъ вѣковѣчнымъ
 Совсѣмъ не имѣютъ простой видъ молюбы,
 Но больше видъ строгій святыхъ заклинаній;
 Онъ самъ становился владыкой судьбы
 И прямо вступилъ съ божествами въ условья.
 Они должны были исполнить все то,
 Чего онъ хотѣлъ, а въ замѣнъ онъ давалъ имъ
 Условную жертву. Все было ничто
 Предъ вѣщимъ его и таинственнымъ словомъ:
 Онъ зналъ его силу, и слово его
 Имѣло способность творить заклинанья;
 Онъ могъ все заковать имъ, — и больше всего
 Страшился боги Микулина слова.
 Мибула былъ духъ самобытный для нихъ,
 И боги нерѣдко должны были сами
 Ему уступать въ предрѣшеньяхъ своихъ,
 И съ нимъ соглашаться. Не меньше страшила
 Ихъ также потребность развитія въ немъ,
 Врожденная жажда его даровъ свѣта, —
 Даровъ высочайшихъ въ семь мірѣ земномъ;
 И боги старались, для собственной пользы,
 Держать его въ рабствѣ, во мракѣ быломъ,
 Который и есть то ужасное рабство.

Боялись тогда не на небѣ одномъ
Его вѣщей силы. Однажды увидѣлъ
 Мибулу на папнѣ дитя-великанъ,
 И къ матери съ смѣхомъ бѣжить великаншѣ:
 «Смотри, мать, какой тамъ торчитъ мальчуганъ,
 Его посажу на ладонь я и съ сошкой!»

Но мать ему строго на то говорить:
 «Дитя, берегись ты того мальчугана;
 Ахъ, много онъ, много намъ бѣдъ натворить;
 Онъ нѣкогда стонить насъ съ блага свѣта!»¹⁷⁾

Безсмертные сами кишѣли враждой
 И завистью самой земною другъ къ другу,
 И часто мѣшали и мѣръ тотъ былой
 Въ свои безконечно-кровавыя распри.
 На Индѣ господствовалъ строгій браминь;
 Блестящій богъ Вишну гналъ грознаго Сиву;
 Лишь древнѣй Иранъ, край широкихъ равнинъ,
 Еще поклонялся водамъ и планетамъ,
 И долго не вѣдалъ иныхъ онъ боговъ,
 Опречь бога—Неба, Зерванъ-Акерена;
 Пока Зароастръ, мужъ позднѣйшихъ вѣровъ,
 Не внесъ въ страну персовъ Бѣлбога—Ормузда,
 Творца человѣка и горныхъ мировъ,
 И съ нимъ Аримана или Чернобога.

Родъ древнѣй Микулы сперва проживалъ
 Въ ихъ Вырїи древнемъ, — между Индостаномъ
 И свѣтлымъ Ираномъ; когда же онъ сталъ
 Потомъ размножаться, тогда поселился
 Въ гористомъ Пенджабѣ, гдѣ въ кущахъ простыхъ
 Тогда жили Саки. Подъ именемъ Вакха
 И бога Гермеса, сихъ первыхъ земныхъ
 Учителей жизни осѣдой гражданской,
 Микула не разъ, можетъ быть, обходилъ
 Ближайшія страны, внося земледѣлье.
 Съ нимъ сходенъ и Сива, чье имя включилъ
 Въ свои онъ преданья; они были оба
 Владыки огня, и какъ тотъ и другой—
 Отцы земледѣлья и праздниковъ сельскихъ,
 И оба исполнены этой порой,
 То мрачныхъ порывовъ жестокости дикой,
 То благости вроткой.¹⁸⁾

Не чуждъ ему былъ,
 Быть можетъ, и весь древнѣй мѣръ Индостана;

Не съ той ли поры онъ еще сохранилъ
Преданье, о чудномъ рожденіи Кришны,—

«Когда синее море всколыхалось,
«Высокія горы всколебались,
«Заблестали огни разноцвѣтные,
«Засверкали звѣзды яркія,
«Застучали барабаны небесные,
«На землю пролился цвѣточный дождь»?..

Не тамъ-ли онъ взять первообразъ былой
И древнихъ преданій своихъ богатырскихъ,
Что онъ передѣлалъ позднѣйшей порой,
Подобно всѣмъ прочимъ народамъ арійскимъ,
Когда сталъ жильцомъ онъ Полуночныхъ странъ,
Въ родныя былинны?... Но то несомнѣнно,
Что больше всего повліялъ Индостанъ
На древнюю вѣру его и обряды:
Нигдѣ столько нѣтъ, какъ у первыхъ славянъ,
Боговъ многоглавыхъ и празднествъ народныхъ,
Столь близкихъ къ Индѣйскимъ.

Микула-ль ихъ взяли

Себѣ въ Индостанѣ, иль ихъ основанье
Въ томъ Вырѣ древнемъ, гдѣ онъ обиталъ;
Но сходство ихъ явно.

Такъ праздникъ великій

У насъ и на Индѣ былъ встрѣча весны,
Иль день пробужденія свѣтлаго Вишну,
И день поворота, съ сѣдой старины,
Не менѣ чтимый, когда повернется
Богъ дня на другой бокъ. Тогда же большой
Былъ праздникъ въ честь Индры.

Съ пришествіемъ ~~этой~~

Таинственный образъ богини земной,
Божественной Ганги, торжественно мыли
Въ священныхъ водахъ,— и затѣмъ, пять-шесть дней
Его обвозили въ златой колесницѣ,
Открытый очамъ всѣхъ усердныхъ людей;
Что также гораздо позднѣе свершалось
И здѣсь, на Поморьѣ. Предъ осенью, ей

~~Потомъ приносились особыя жертвы:~~
~~У насъ же се обмывавшихъ людей~~
~~Тотчасъ же топили.~~

Затѣмъ, въ Индостанѣ

Быль праздникъ въ честь Ями, — поминки отцовъ
 Усопшихъ, что тамъ приходилось въ то время,
 Когда пробуждалась земля изъ оковъ
 Мертвящей все стужи, и юное солнце
 Опять воскресало. Съ сѣдой старины
 Тогда подавались, на память усопшихъ,
 Лепешки изъ риса, иль наши блины.

Весною, когда день равняется съ ночью,
 Сбирались старѣйшины ихъ и князья
 Еще на какой-то торжественный праздникъ.
 Но праздникъ славнѣйшій, что наша земля
 И жители Инда свершаютъ понынѣ,
 Со всѣми обрядами даже тѣхъ дней,
 Быль праздникъ веселый младаго Ярила,
 Индѣйскаго Сивы, кормильца людей
 И главнаго бога земныхъ всѣхъ зачатій.
 Въ дни лѣтніе Сива вдыхаетъ собой
 Страсть яркую въ каждое сѣмя земное;
 Онъ стволъ — источникъ, богъ силы живой,
 Онъ щедрый разсадникъ всезидущей жизни.
 У насъ онъ — Ярила; нашъ край приносилъ
 Издревле коней ему бѣлыхъ на жертву,
 И лучшихъ изъ плѣнныхъ. И долго хранилъ
 Миръ древній повсюду сей старейшій обычай ¹⁹⁾.

Различіе, впрочемъ, небесныхъ боговъ
 Отъ смертныхъ вначалѣ не такъ было сильно,
 Какъ сдѣлалось позже. Въ теченіи вѣковъ,
 Явились пустынные, свѣтлые мужи,
 Чей вдумчивый разумъ уже понималъ,
 Что боги могучи лишь силой безплотной,
 И если бь до нихъ кто достичь пожелалъ,
 То можетъ достигнуть. Для этого надо

Строптивное тѣло свое соблюсти
 Отъ всякихъ соблазновъ и, силою воли,
 Очистивши душу, себя возвести
 На степень безстрастья.

Мыслители эти

Не спорили противъ боговъ; но нашли,
 Что всякій посредникъ межъ нихъ и богами
 Излишенъ,—что небо, сей свѣточъ земли,
 Должно быть открыто для всякаго духа
 И мысли свободной. Творецъ и герой,
 И первый учитель сей мысли отважной
 Былъ первый Будда,—богъ иль смертный простой,
 Но уже предмѣстникъ Буддъ этихъ позднѣйшихъ,
 Что подняли послѣ ученье свое
 На высшую степень религіи новой.
 Кто-бъ ни далъ ученью тому бытіе,—
 Одинъ изъ потомковъ-ли новыхъ Микулы,
 Иль самъ онъ, Микула; но мысли его
 Вошли въ достоянъ народовъ арійскихъ.

Для гордыхъ боговъ не могло ничего
 Тогда быть опаснѣй, какъ это ученье,
 Равнявшее съ ними земнаго Будду;
 И тою порою, когда онъ, вперивши
 Въ себя свои взоры, уткнувши браду
 Въ свое чрево, годы сидѣть неподвижный,
 Какъ мертвый, иль камню подобный, стоялъ
 Въ святомъ созерцаньи, онъ былъ имъ ужасенъ.
 Еще онъ ужаснѣе былъ ихъ жрецамъ,
 Священнымъ браминамъ, которымъ грозило
 Ученье его, какъ и самымъ богамъ,
 Конечнымъ паденьемъ. Рядъ страшныхъ гоненій
 И казней жестокихъ послѣдній Будда
 Навлекъ на себя по всему Индостану
 Симъ страшнымъ расколомъ; и даже, когда
 Ужь онъ утвердился на цѣломъ Востокѣ,
 На Индѣ чуждались его; лишь Цейлонъ
 Призналъ и усвоилъ его духъ свободный ²⁰).

Главѣйшіе боги сначала временъ
 Провидѣли сами, что въ дальнемъ грядущемъ
 Ихъ царству назначенъ былъ также предѣлъ;
 Они проникали грядущую силу
 Судебъ челоуѣка, чей славный удѣлъ
 Идти непрестанно къ благому развитію.
 Всеобщій творецъ и отецъ ихъ, Сварогъ,
 Вручивши новѣйшимъ богамъ управленье
 Подлуннаго міра, замкнулся въ чертогъ
 Божественной славы, и тамъ оставался
 Въ нѣмомъ созерцаньи событій земныхъ;
 Но всѣ они знали, что нѣкогда,—скоро,
 Въ средѣ самихъ смертныхъ, рабовъ ихъ слѣпыхъ,
 Должно воплотиться безсмертное Слово;
 Что въ мірѣ родится Бого-челоуѣкъ,
 Божественный вождь и учитель народовъ,
 Чья дивная мудрость создастъ новый вѣкъ
 И новое общество, къ благу вселенной.
 Они даже знали, что явится онъ
 Черезъ пять вѣковъ позже того, какъ родится
 Буддою богъ Вишну,—и съ этихъ временъ
 Настанетъ божественный вечеръ небесныхъ
 Величій. ²¹⁾

Микула имѣлъ двоихъ братьевъ. Князь Щить
 Считается братомъ старѣйшимъ Микулы;
 Онъ былъ покровитель, какъ древность гласитъ,
 А можетъ, и первый царекъ древнихъ Скифовъ.
 Отъ слова: щить, древніе греки потомъ
 Его звали Скитомъ и Скифомъ; но наши
 Славяне, на прежнемъ нарѣчьи своемъ,
 Отъ этого жъ слова, себя называли
 Сколотами, такъ какъ по ихнему: щить
 Звался прежде скутомъ, скугудомъ и скитомъ.
 Другой братъ Микулы, о комъ говорить
 Глубокая древность, звался князь-Стрѣлою;
 Онъ былъ обладатель колчана и стрѣлъ,
 А домъ подвижной свой возилъ на колесахъ;

Вель жизнь кочевую, однако имѣлъ
 Священный очагъ и стада съ табунами,
 Что онъ отбивалъ у осѣдлыхъ племенъ.
 Еще въ свою юность училъ онъ Иракла
 Владѣть мѣткимъ лукомъ, и съ древнихъ временъ
 За то былъ въ почетъ и славѣ у Грсковъ,
 Какъ сынъ бога Солнца. Эллада ему
 Воздвигнула храмъ, а потомъ учредила
 Торжественный праздникъ, — ему одному
 Изъ всѣхъ иноземцевъ довѣривъ nocturnam
 Въ ея градахъ стражу ²²).

Той самой порой,
 Когда сталъ Микула владѣтелемъ сошки,
 Еще раскаленной въ пучинѣ златой
 Небснаго Солнца, князь-Щитъ и Стрѣла-князь,
 Плъненныя вещью столь дорогой,
 Хотѣли ее взять у младшаго брата;
 Но только коснулись, она обожгла
 Обоимъ имъ пальцы, и тѣмъ заявила,
 Что рьянымъ ихъ силамъ пора не пришла
 Мѣнять лукъ и щитъ свой на трудъ столь тяжелый,
 Какъ трудъ земледѣльца. Съ того дня была
 Оставлена сошка Микулы въ покоѣ;
 А онъ сталъ старѣйшиной, княземъ, главой, —
 И братья признали Микулину мудрость.

Тогда князь-Стрѣла, какъ мракъ ночи глухой,
 Съ нагорными вмѣстѣ спустился облаками,
 Съ звѣздами, что блещутъ по тверди ночной,
 Съ степнымъ буйнымъ вихремъ и бурей песчаной,
 Сошелъ съ Гиммалайскихъ священныхъ высотъ
 Въ пустынные доли и степи Турана,
 Гдѣ только отхлынулъ тогда разливъ водъ
 И чудные злаки волшебнаго Юга,
 Еще не поблекнувъ подъ солнцемъ степнымъ,
 Собою украшали цвѣтушую землю;
 Межь тѣмъ, какъ въ сосѣдствѣ съ симъ міромъ ночнымъ,
 Въ странѣ благодатной и мирной Ирана,

Въ томъ царствіи солнца и яснаго дня,
 Благой Магабадъ и Джемшидъ велемудрый,
 Извлекшій впервые огонь изъ кремня
 И первый воздвигнувшій градъ на утесахъ,
 Что даже понынѣ въ мѣстахъ тѣхъ слыветъ
 Престоломъ Джемшида, — сповойно вносили
 Божественный свѣтъ просвѣщенья въ народъ
 И въ немъ развивали начала гражданства. ²³⁾

Пока мы не знаемъ почти ничего
 О самыхъ древнѣйшихъ потомкахъ Микулы;
 Но знаемъ, что были въ семьѣ у него
 Три дочери. Старшей, по имени Грозной,
 Онъ далъ назначенье быть вѣщамъ посломъ;
 Не грознымъ посломъ-ли къ небесному Роду,
 Старинному Ямъ, куда съ торжествомъ
 Она провожала закланныя жертвы?..
 Какъ грозная Кали у индовъ, она
 Звалась также Грозной, и также считалась,
 Какъ та, справедливой; но наша страна,
 Забывъ древній образъ, едва сохранила
 Одно ея имя.

Другая за ней

Микулина дочь, — та была богатыршей,
 Какихъ было много въ началѣ тѣхъ дней.
 Подобно индѣйской, воинственной Дургѣ,
 Она проводила все время въ войнѣ
 Съ ужасною ратью тогдашнихъ титановъ;
 Когда-жъ водворился порядокъ въ странѣ,
 Она превратилась въ блистательный образъ
 Нѣжнѣйшей супруги.

Старѣйшей сестрой,
 Посредницей сей межъ землею и небомъ,
 Могъ быть учрежденъ еще тою порой
 Сомнѣ дѣвъ щитоносныхъ, что съ нею душили
 Знатнѣйшія жертвы, сливая потомъ
 Священную кровь ихъ въ котлы золотые,
 Для вѣщихъ гаданій передъ божествомъ.
 Она же учила, быть можетъ, гадальщицъ

И дѣвъ прорицанья, что съ древнихъ вѣковъ
 Тогда торговали ихъ вѣщей наукой,
 И знали примѣты, значеніе сновъ,
 Снимали болѣзни. Повсюду встрѣчали
 Ихъ съ честью, какъ дивныхъ посланницъ боговъ,
 Какъ вѣстницъ судьбы и властительницъ счастья,
 Онѣ принимали рожденныхъ дѣтей;
 Онѣ-жъ назначали имъ будущій жребій
 Давали наузы *), и силой своей
 Могли исцѣлять и урочить заочно.

Тогда, вѣроятно, для нихъ не чужимъ
 И край былъ степной, и побережя Инда,
 И весь міръ окрестный. Вернувшись къ своимъ,
 Онѣ приносить могли также рассказы
 Про чудныхъ брахмановъ и новыхъ боговъ,
 Степныхъ батырей и коней ихъ чудесныхъ;
 Все это слагалось въ теченіи вѣковъ
 Въ чудесныя были; народъ ихъ усвоилъ,
 Но послѣ немногое въ нихъ сохранилъ;
 Затѣмъ и составились наши былины,
 Изъ темныхъ отрывковъ.

Такъ край позабылъ
 Совсѣмъ и о дочери младшей Микулы,
 А мракъ отдаленья потомъ схоронилъ
 И самое имя ея и значенье;
 Но если одна дочь считалась посломъ,
 Другая гуляла Полицей вольной,
 То могъ-ли Микула оставить свой домъ
 И быть свой осѣдлый безъ вѣщей хозяйки?
 А ставши хозяйкой, потомъ госпожей,
 Въ дому, гдѣ былъ вѣренъ очагъ ей священный,
 Какъ главное око, какъ образъ родной
 Въ домашнихъ его и народныхъ занятяхъ,
 Она называться сначала должна
 Чудесною Пріей, потомъ вѣщей Ваной ²⁴).
 Подобно красавицѣ Гангѣ, она,

*) Наука, — амулеты.

Конечно, считалась въ то время богиней,
 Земля подарила ей вѣщій станокъ
 И прялку; всѣ чтили священное пламя
 Ея очага и домашній порогъ.
 Издревле она ужь ткачиха и пряха;
 Но кругъ ея сельскихъ занятій растеть;
 Она охраняетъ народный обычай;
 Она прорицаетъ, она ужь точетъ
 Градущія міру - народу судьбины...

Сперва ея дѣтски-восторженный умъ
 Еще весь исполненъ живыхъ впечатлѣній
 Весны первобытной, гдѣ тысячи думъ
 Раждалися сами собою, при видѣ
 Волшебныхъ картинъ и небесъ, и земли.
 Живой каждый образъ въ природѣ казался
 Ей духомъ разумнымъ, — по небу-ли шли
 Гигантскія тучи, шумѣлъ ли надъ нею
 Деревьями вѣтеръ, струился-ль вдали
 Вечерній туманъ, иль сіяло на небѣ
 Блестящее солнце, — все это душа
 Ея превращала въ боговъ, исполиновъ,
 Иль грозныхъ чудовищъ. Она, чуть дыша,
 Слѣдила, то съ страхомъ, то съ теплымъ сочувствіемъ,
 За каждымъ чудеснымъ движеніемъ ихъ
 Въ пространствахъ воздушныхъ. Земля ей казалась
 Огромнымъ цвѣткомъ, что изъ безднъ всплылъ морскихъ,
 Потомъ распустился подъ огненнымъ небомъ.
 Въ его влажной чашѣ лежатъ сѣмяна
 Земныхъ всѣхъ растений. Планеты и звѣзды,
 Чье въ небѣ движеніе постигла она,
 Въ глазахъ ея были бессмертные боги.
 Они обитаютъ въ чертогахъ златыхъ
 И ѣздятъ въ воздушныхъ, пустынныхъ пространствахъ,
 Въ златыхъ колесницахъ. Колесами ихъ
 Они изобразили все горнее небо,
 И тамъ проложили златые пути...
 Она ждала утромъ, въ то самое время,
 Какъ слѣдуетъ солнцу на небо взойти, —

Взойдетъ ли оно, какъ вчера и сегодня?
 Придетъ-ли онъ, богъ лучезарный, опять,
 Иль рать исполиновъ его не пропустить?..

О горе, когда возвратится онъ вспять, —
 Тогда цѣлый міръ погрузится во мракъ.
 Такъ каждую ночь и день каждый она
 Слѣдила за ходомъ небесныхъ явленій;
 И каждый годъ, милая людямъ, весна,
 Союзъ сей земли и блестящаго неба,
 Отца всѣхъ живущихъ и матери всѣхъ,
 Была самый высшій и лучшій ей праздникъ.

То были дни страстныхъ любовныхъ утѣхъ,
 Дни полные нѣги и силъ исполинскихъ;
 Тогда вся природа и весь юный міръ
 Какъ будто вупались въ огнѣ сладострастья,
 И пьяные боги несли на тотъ пиръ
 Въ обѣихъ рукахъ, и гостямъ разсыпали
 Дары ихъ благіе. Среди всей земли
 И въ огненномъ небѣ, особенно въ небѣ,
 И вокругъ самой Пріи, вблизи и вдали,
 Шла оргія, страстный вакхическій праздникъ,
 Неистовый праздникъ веселья, любви.

Въ ея глазахъ боги, томимые страстью,
 Покинувъ златые чертоги свои,
 Неслись за бѣжавшей воздушной толпою
 Роскошныхъ нимфъ, тутъ же сжигая въ огнѣ
 Горячихъ объятій. Она любовалась,
 Какъ съ грознымъ Перуномъ играли онѣ,
 Бросая другъ въ друга по небу шарами
 Златыхъ померанцевъ, и какъ богъ Перунъ
 Проигрывалъ часто всѣ игры Огнянѣ;
 Или когда неся по небу табунъ
 Коней и оленей воздушныхъ, и съ свистомъ,
 И съ грохотомъ мчался со свитой за нимъ
 Богъ дикой охоты, грозой оглашая
 Окрестность; или по ступенямъ златымъ
 Сходила, въ одеждѣ своей семицвѣтной,
 По небу Ирида, и дивной красой

Какъ-бы озаряла златыя жилища
 Боговъ вѣковѣчныхъ и міръ весь земной.
 То мнилась ей радуга лукомъ Перуна,
 То дивной богиней, несущей землѣ
 Съ высокаго неба, вѣсть сладкую мира
 И знамя союза.

Въ таинственной мглѣ
 Тропическихъ рощей, въ пространствахъ воздушныхъ,
 Въ гремящихъ потокахъ струившихся водъ,
 Гремѣли ей хоры невѣдомыхъ звуковъ
 Незримыхъ боговъ; а сіюцій сводъ
 Вечернаго неба казался ей ризой
 Вѣрховнаго бога.

Но больше всего
 Плѣнялъ ее юный, блестящій красавецъ,
 Златой Дажь-богъ-Солнце, и сверстникъ его,
 А можетъ, онъ самъ же, въ другомъ только видѣ,
 Богъ Индра-Перунъ. При восходѣ своемъ
 Горящее Солнце, сей богъ дневной свѣта,
 Сперва представлялся ей рынымъ конемъ.
 Когда вылеталъ онъ изъ волнъ океана,
 Разсыпавъ дождь искръ изъ горячихъ ноздрей, —
 Все въ мигъ оживало; а онъ себѣ мчится,
 Весь міръ обдавая сіяньемъ лучей
 И жгучимъ дыханьемъ. Когда-жъ онъ скрывался
 Въ таинственномъ мракѣ, — являлся другой,
 Богъ лысый и блѣдный, божественный пастырь
 Небснаго стада; но чуть пологъ свой
 Раздернетъ по-утру румяная Лада,
 Царь дня блеститъ снова. Потомъ ея взоръ
 Примѣтилъ надъ этимъ конемъ лучезарнымъ
 Красивый ликъ всадника, и — съ этихъ поръ
 Богъ дня, принявъ образъ живой человѣка,
 Сталъ по небу ѣздить на борзыхъ коняхъ
 Въ златой колесницѣ. Она уже знала
 И то, что когда исчезалъ онъ въ волнахъ
 Пустыннаго моря, его тамъ встрѣчала
 Красавица-Зорька, и съ нею-то онъ

Всю ночь короталъ вилоть до яснаго утра,
Въ дворцахъ ея свѣтлыхъ.

Божественный сонъ

Младенчески-юной души человѣка,
Пора упоеній, золотая весна,
Блестящее утро природы и жизни!..
Порой мнилось Ванѣ, что слышитъ она
Съ небесъ неземные, волшебные звуки;
Кто-жь былъ этотъ горній, незримый пѣвецъ?
Не онъ ли, богъ дня, и богъ пѣсенъ? Порою
Стада бѣлорунныхъ, воздушныхъ овецъ
И рыжихъ коровъ проносились, играя
Въ лучахъ колесницы его золотой,
Облитыя свѣтомъ; тогда ей казалось,
Что этотъ богъ также и пастыръ дневной
Небеснаго стада. Порой появлялись
Съ окраинъ небесныхъ, одна за другой,
Въ грохочущихъ тучахъ, толпы исполиновъ;
Воздушное стадо, завидѣвши ихъ,
Тотчасъ разбѣгалось; Дажь-богъ лучезарный
Пускалъ въ исполиновъ дождь стрѣлъ золотыхъ,
А самъ закрывался щитомъ кругловиднымъ;
Его щитъ, мгновенно померкнувъ, темнѣлъ
Подъ ихъ ядовитымъ дыханьемъ; мракъ ночи
Завѣшивалъ небо; лишь страшно гудѣлъ
Неистовый ревъ и побѣдные клики
Ужасныхъ волотовъ... Но вдругъ яркій блескъ
Какъ будто разрѣзывалъ съ края до края
Померкшее небо, и вслѣдъ, страшный трескъ
И громъ потрясали взволнованный воздухъ,
Колеля святое жилище боговъ
И мѣръ преисподній; то грозный Громовникъ
Гналъ палицей тяжелой бѣгущихъ враговъ
И прыскалъ въ догонку золотыми стрѣлами.
Разбитые всюду, гонимые имъ,
Они исчезали, — воздушное море
Стихало, и снова красавцемъ младымъ

Даждь-богъ благодатный париль по златому,
Блестящему небу.

 Бто въ сонмѣ боговъ,
Какой богъ великій ему былъ подобенъ?
Мірѣ полонъ его драгоцѣнныхъ даровъ;
Съ его появленіемъ все оживаетъ,
Онъ богъ дня и свѣта, онъ бичъ духовъ тьмы,
Его дивной славой блестятъ сводъ небесный
И царство Водана, онъ ужасъ зимы,
Онъ даже сіяетъ въ загробныхъ чертогахъ
Безсмертнаго Рода. Кто-жь онъ, наконецъ,
Богъ этотъ красавецъ, богъ этотъ всесильный,
Богъ этотъ всесущій, блестящій вѣнецъ
Всего мірозданья? Онъ, стало быть, высшій
И есть богъ вселенной. Онъ богъ всѣхъ боговъ,
Онъ богъ прорицаній, суда и совѣта,
Онъ богъ святыхъ празднествъ и шумныхъ пировъ,
Онъ въ мудромъ совѣтѣ и въ гласѣ народномъ,
И голосъ народный есть голосъ его;
Онъ вѣрный вождь въ брани и пастырь въ дни мира,
Онъ свѣтъ благодатный, источникъ всего,
Онъ праотецъ, пращуръ Микулина рода ²⁵).

 И вѣщая Прія пріятна богамъ
Была вѣковѣчнымъ. Съ живымъ любопытствомъ
Небесные боги, подобно отцамъ,
Слѣдящимъ за первымъ развитіемъ дѣтей ихъ,
Слѣдили за этимъ весеннимъ цвѣткомъ,
Не жившей душою, что лишь начинала
Едва распускаться въ томъ мірѣ младомъ.
Имъ нравился дѣтски-простой ея разумъ;
Они любовались ея красотой,
Земнымъ цвѣткомъ этимъ, смотрѣвшимъ въ небо,
Красой этой дикой и страстно живой,
Какъ зеркало, міръ отразившей небесный.
Такъ радуга - Ида, дочь эта земли
И горнихъ небесъ, — когда послѣ потопа,
Лишь воды въ свои логовища сошли,
Она развернулась дугой семицвѣтной

Впервые среди изумленных небесъ;
 И весь сонмъ боговъ до того пораженъ былъ
 Ея красотою, что Митра-Зевесъ
 Тотчасъ же своею призналъ ее дочерью;
 Но скромно отвергнувъ честь эту, она
 Себя объявила торжественно дочерью
 Земной человѣка ²⁶).

Иль такъ старина

Еще повѣствуетъ: когда Дажь-богъ свѣтлый
 Однажды съ небесной узрѣлъ высоты
 Дочь моря, младую красавицу Ладу,
 Онъ весь запылалъ отъ ея красоты;
 То ярко онъ вспыхнетъ, то онъ поблѣднѣетъ,
 Отъ страстной истомы; а что же она,

«Золотая коса,

«Непокрыта краса?..»

Она разбѣзжаетъ по синему морю
 Въ ладѣ золотой, — разбѣзжаетъ она
 И плещетъ, рѣзвяся, серебряной струйкой...
 Послалъ къ ней Сварожичъ слугу - Вѣтерокъ;
 Слуга принесъ Ладѣ отъ Солнца подарки:
 Принесъ онъ ей маринъ цвѣтной башмачекъ,
 Принесъ онъ ей ларчикъ златыхъ украшеній,
 Пригвалъ онъ табунъ ей морскихъ кобылицъ;
 Тогда согласилась она на свиданье...

Но юный Дажь-богъ любилъ многихъ царицъ,
 Царевенъ; а самъ ни одной не былъ вѣренъ.
 Одну онъ находитъ въ златомъ терему,
 Другую въ палатахъ пустыхъ въ заточеньи;

«Двери у палатъ желѣзныя,

«А крюки-пробои по булату злачены;

.....

«Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,

«На добромъ конѣ мимо молодець не проѣдетъ.»

Но что значать эти преграды ему?

Онъ видитъ красавицъ, и ихъ беретъ въ жены.

День цѣлый онъ ѣздитъ по своду небесъ,
 По царствамъ воздушнымъ, земнымъ и подземнымъ;

Предъ нимъ непрестанно снуеть мiръ чудесъ,
 Невиданныхъ дивовъ, неслыханныхъ чудищъ,
 Морскихъ исполиновъ, подземныхъ царей.
 Ему царь небесный - отецъ поручаетъ
 Стеречь сады, нивы воздушныхъ полей,
 Отъ хищнаго Порки иль жадной Жарь-птицы,
 Горохъ караулить небесныхъ громовъ,
 Пасти коней-гучи, или посылаеть
 За тридевять царствъ его, въ чащу лѣсовъ,
 Гдѣ лютой драконъ стережетъ неусыпно .
 Колодцы небесныя, чтобы достать
 Оттуда живую и мертвую воду,
 Коней златогривыхъ, или тамъ нарвать
 Златыхъ помранцевъ, моложавыхъ яблокъ *).
 Онъ дивною силой спасаетъ своей
 Чудесныхъ красавицъ изъ вѣчнаго мрака
 Подземнаго мiра, сражаетъ царей
 И змѣевъ — Горыничей; онъ разбиваетъ
 Несмѣтныя рати, садится царемъ
 Въ невѣдомомъ царствѣ, — иль рѣки проводить,
 Саждаетъ деревья, чудеснымъ влючемъ
 Заки отпираетъ отъ дивныхъ сокровищъ.
 Царь Огненный лютой, безсмертный Кощей,
 Адъ-Адовичъ темный, змѣй грозный Тугаринъ,
 Морской царь, и даже, по злобѣ своей,
 Родные братья, желаютъ коварно
 Лишить его жизни; не разъ онъ отъ нихъ
 Убитъ и изрѣзанъ на мелкія чисти;
 Но вотъ прилетаютъ на крыльяхъ златыхъ
 Воздушныя нимфы, или набѣгаетъ
 Волкъ-Вѣтеръ залетный, и прыщутъ его
 Живою и мертвой весенней водою,
 И онъ оживаетъ.

Нѣтъ края того,
 Гдѣ-бъ чудныхъ не знали его походовъ.
 Вездѣ онъ каратель неправды и зла,

*) Дающихъ юность.

Гроза дикой силы, защитникъ несчастныхъ
Или угнетенныхъ; за то нѣтъ числа
Спасенныхъ имъ плѣнницъ, красавицъ-царевенъ,
И силы побитой. Дѣвицъ онъ беретъ
Въ супруги себѣ, и потомъ забываетъ;
А славный его и божественный родъ
Ростеть въ его дѣтяхъ по цѣлой вселенной.

У насъ онъ, царевичъ, — всегда идеаль
Земной красоты и божественной силы.
Родившись изъ сказочныхъ миеовъ, онъ сталъ
Потомъ представителемъ жизни народной;
Народъ его знаетъ съ невѣдомыхъ дней:
Онъ самъ развивается вмѣстѣ съ народомъ,
Онъ вѣщій отецъ нашихъ богатырей,
Въ немъ долго исторія смѣшана съ сказкой;
Онъ свѣтлый богъ-Солнце, а Прія земля;
Онъ также Громовникъ, а цесль Второй;
Онъ земство, а Нотъ — мирская семья;
Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ дивный, божественный витязь,

Отецъ всѣхъ ея богатырскихъ сыновъ,
Чудесный поборникъ роднаго народа;
Край полонъ его драгоценныхъ даровъ,
И чтить его даже въ преданьяхъ позднѣйшихъ.

Царевны всѣхъ сказокъ народныхъ у насъ
И матери нашихъ богатырей русскихъ
Между собой схожи. Народный разсказъ
Ихъ всѣхъ награждаетъ большой красотой,
Онѣ всегда юны, и мужемъ у нихъ
Одинъ все и тотъ же, Иванъ нашъ царевичъ.
Онѣ общаются въ думахъ своихъ
Родить ему чудныхъ сыновъ по замужествъ;

«Ему родила-бъ я сыновъ,
«Что ни ясныхъ соколовъ,
«По колѣни ноги въ золотѣ,
«По локти руки въ серебрѣ,
«Во лбу солнце, на затылкѣ мѣсяць,
«По бокамъ часты звѣздочки.»

Но этихъ сыновъ подмѣняютъ; отецъ

За то изгоняетъ царицу изъ царства;
 Она долго ищетъ ихъ, но наконецъ
 Судьба примиряетъ всѣхъ, и всѣ довольны.

Такъ сталъ онъ, царь-Солнце, являться потомъ
 И нашей дѣвицѣ-красавицѣ Пріѣ,
 Въ томъ образѣ, ей уже доступномъ, земномъ.

~~Являлся онъ Пріѣ царевичемъ юнымъ,
 Являлся онъ ей и простымъ мужичкомъ,
 Работникомъ, пасъ лошадей, стерегъ поле;
 Являлся онъ ей и простымъ крестьяномъ;~~

~~Но это, Чурбакъ, означалъ богъ Чурба.~~

Онъ также и Пріѣ сажаетъ сады,

Сады молодящихъ, божественныхъ яблокъ,
 Привозитъ живой ей и мертвой воды,
 И разныхъ диковинъ, еще неизвѣстныхъ;

Его вѣщей силой училась она
 Вѣщбѣ и гаданьямъ, лечитъ раны, дѣлать
 Оружье безвреднымъ, что въ тѣ времена
 Считалось глубокою самою наукой;

Она въ ясный вечеръ читала въ вѣздахъ,

И пѣла ужъ пѣснь о богатѣ вѣковѣчныхъ;

Что прежде видала она въ небесахъ,

Ей стало своимъ, и входило въ народность.

Межъ тѣмъ у Микулы, Богъ вѣсть чѣй рукой.

Все спорится въ домѣ его благодатномъ,

Особенно въ полѣ. То лѣтней порой

До времени полонъ его садъ плодами;

То явится утромъ, какъ бы изъ земли.

Табунъ лошадей иль иное богатство;

То дастъ ему кто-то волшебный ларецъ,

Микула откроетъ — въ немъ цѣлое стадо

Быковъ и коровъ, или парскій дровецъ.

Порой населенный совѣмъ, пѣлый городъ.

Никто знать не зналъ и постигнуть не могъ,

Откуда такое валитъ къ нему счастье, —

Дажь-богъ лучезарный иль самъ богъ Сварогъ.

Ему посылкаютъ такія богатства?

Лишь развѣ подь-часъ Чурбакъ молвитъ съ печи,

Сребря самъ затылокъ: «ужь это не я-ли?»
 Какъ всѣ закричатъ: «ну ты, дурень, молчи!»
 И дѣ запускъ надъ дурнемъ изба вся хохочеть.

Одна только Прія видала, какъ онъ,
 Бя молодой и прекрасный царевичъ,
 Когда погружались всѣ въ сладостный сонъ,
 Отъ ней уносился, то соколомъ яснымъ,
 То чуднымъ красавцемъ на борзомъ конѣ;
 Потомъ исчезалъ, и опять возвращался, —
 А слухи гремѣли по цѣлой странѣ
 О новыхъ, чудесныхъ его приключеньяхъ.

Порою они забавлялись игрой, —
 Играли въ горѣлки и тѣшились въ прятки,
 Бросали шары, какъ Перунъ, имъ родной,
 Или задавали другъ другу загадки:

«Когда родилъ быкъ корову? —

— «Тогда, какъ онъ создалъ, быкъ, землю.»

«У батюшки жеребецъ

«Всему міру не сдержать;

«У матушки коробья,

«Всему міру не поднять;

«У сестрицы ширинка

«Всему міру не скатать;»

Что значило: вѣтеръ, земля и дорога.

Какой богъ былъ щукой, морской черепахой,

Рожденъ во дворцѣ, а воспитанъ въ избѣ;

Не разъ воплощался для счастія смертныхъ,

А самъ постоянно все съ ними въ борьбѣ?

Но Прія разгадку на это не знала.

Тогда ей царевичъ молодой говорилъ:

Великій богъ Вишну, онъ былъ черепахой,

А послѣ былъ щукой; не разъ онъ сходилъ

Съ небесъ, воплотясь въ человѣческой образъ,

Ко благу вселенной; одинъ только онъ

Въ борьбѣ непрестанной съ растущей неправдой,

И будетъ въ борьбѣ до послѣднихъ временъ,

Когда воцарятся вездѣ свѣтъ и правда ²⁷⁾.

Но лучше загадокъ ей, лучше всего

Ей были его дорогіе подарки;
И чѣмъ она чаще видала его,
Тѣмъ больше росла въ ней врожденная жадность.

Въ сосѣдствѣ съ арійцами, міромъ боговъ,
На Сѣверъ тянулись обширныя степи,—
Пустынный Туранъ, край угрюмый духовъ
И дивовъ жестокихъ, страна Чернобога.
Въ томъ краѣ, то зноя, то холодной зимы,
Жилъ родъ исполинскій чудовищныхъ іотновъ
И турсовъ, вносившихъ изъ царства ихъ тьмы,
Въ полуденный Вырій, то ливень холодный,
То зной и засуху. Тамъ съ первыхъ временъ
Бродили, по злачнымъ пригорьямъ Алтая,
Тѣ полчища финно-алтайскихъ племенъ,
Что изстари были бичемъ и грозю
Народовъ осѣдлыхъ. Тамъ былъ міръ чудесъ
И мглы первобытной; туда передъ утромъ
Спускалися звѣзды съ свѣтавшихъ небесъ
И тамъ исчезали въ безбрежномъ туманѣ;

Птицы клевучія,
Звѣри рыскачіе
Змѣи ползучія,

Совмъ хищныхъ грифоновъ и чудищъ стерегъ
Тамъ груды сокровищъ и розсыпи злата;
Тамъ баба-Яга, князь Стрѣла, Чернобогъ,
Безсмертный Кощей, змѣй ужасный Горыничъ,
Зеленый степной дивъ, царь огненный Щить
Съ такимъ же копьемъ, а подъ нимъ осьминогій
Конь, съ огненной гривой,—и жжетъ и палитъ,—
Носились въ горахъ и равнинахъ пустынныхъ.
Тамъ жилъ глава дивовъ ужасныхъ, и врагъ
Всѣхъ витязей свѣта, Эсхемъ семиглавый;
Оттуда степной бичъ, голодный Сохакъ,
Какъ звѣрь, ворвался разъ въ Иранскую землю,
И десять столѣтій блестящій Иранъ
Подъ властью его былъ глухою пустыней,—
Шокуда могучій Рустемъ-великанъ,

Сей витязь народный, свой край не очистилъ
Отъ орды этихъ буйныхъ ²⁸).

Миръ этотъ степной,
Обширный, чудесный, воинственно-дикій
И дико-отважный, былъ долго грозой
Стариннаго рода и края Микулы.
Почти непрестанно, изъ ближнихъ степей,
Онъ дѣлалъ набѣги на ихъ поселенья,
Накладывалъ дани, въ полонъ бралъ людей
И въ глубь уводилъ ихъ безвѣстной пустыни.
Воинственный духъ этихъ ратей степныхъ
И легкость добычи туда привлекали
Сыновъ и Микулы, — и родъ-племя ихъ
Потомъ превращали въ такихъ же чудовищъ.
Толпа уходила въ тотъ миръ за толпой
Изъ свѣтлаго Вырія; тамъ забывали
Они и боговъ, и обычаѣ родной,
И дѣлались краю родному чужими.

Не разъ попадала въ жестокий полонъ
И вѣщяя Прія, и царственный Вырій
Бывалъ подъ владычествомъ этихъ илемень,
Ходившихъ до Инда. Не разъ, можетъ статься,
Она приживала отъ нихъ и дѣтей,
Пока выручалъ ее тотъ же царевичъ;
Все это въ обычаѣ было тѣхъ дней.
И лишь означало ея плодovitость.

Родить и царевичу Прія сыновъ,
Такихъ же красавцевъ, какъ онъ самъ, богъ свѣта.
И шлетъ она въ разныя страны пословъ
Искать роженицъ, этихъ древнихъ волшебницъ,
Что смертнымъ дарили — ихъ долю съ судьбой.

И точно, то были чудесныя дѣти!...
Но злой Рокъ готовилъ имъ жребій иной.
Лишь только, родивъ ихъ, она засыпала,
И мракъ разстилался вдоль спящихъ полей,
Изъ степи являлась Нечистая Сила,
Въ тьмѣ подмѣняла дѣтей на звѣрей,

А ихъ, молодцовъ, уносила съ собою.

Родила послѣдняго сына она,
Еще свѣтоварнѣй, прекраснѣе первыхъ,
И такъ была рада и счастья полна,
Какъ будто родился ей первый младенець.
То былъ нашъ Зигфридъ или русскій Персей,
Нашъ богатырь Карна,—какъ витязи этѣ,
Рожденный на славу и радость людей,
Отъ краснаго Солнца и матери смертной.

«По колѣни ноги у него въ золотѣ,

«По локоть руки въ серебрѣ,

«На лбу у него ясный мѣсяцъ,

«По косицамъ часты звѣздочки,

«На затылкѣ красно солнышко.»

Ну, словомъ, онъ весь былъ подобье отца,
Какимъ самъ царевичъ родился на небѣ.
Но ужась и горе опять безъ конца!
На первуюжъ ночь, только Прія уснула,
Нечистая сила взяла и его;
Проснулася Прія, глядитъ,—въ колыбели
Спать сѣрая выдра.

Винить въ томъ,—кого?

Никто не входилъ къ ней, никто при ней не былъ.

Но вотъ поутру передъ нею предсталъ
Самъ юный царевичъ и строго сказалъ ей:
«Я вижу, что рано тебя я узналъ:
Не мать, не жена ты, а злая колдунья,
Съ тобой живетъ всякій степной удалецъ;
Ты даже не въ силахъ сберечь дѣтей кровныхъ.
Отнынѣ всѣмъ нашимъ свиданьямъ конецъ,
Отнынѣ ты больше меня не увидишь,
Покуда изъ этихъ, рысучихъ звѣрей,
Что ты величаешь моими сынами,
Не сдѣлаешь мирныхъ, осѣдлыхъ людей,
Пока не сберешь ихъ въ единое царство,
Гдѣ братъ не возстанетъ на брата, какъ тать,
И воронъ не будетъ имѣть себѣ пищи.

«Здѣсь нечего больше тебѣ проживать...

Воданъ растворилъ недоступный свой Западъ,—
 Ищи тамъ сыновъ твоихъ. Миръ твой зоветъ
 Меня богомъ Сваломъ; подъ именемъ этимъ
 Въ послѣдствьи найдешь ты и славный твой родъ:
 Онъ самъ назоветъ себя родомъ Славянскимъ.
 А нынѣ рожденный, юнѣйшій твой сынъ,
 Какъ я, свѣтло-русый, какъ я, свѣтозарный,—
 Ищи по рѣчнымъ его русламъ равнинъ;
 Онъ тамъ назовется богатыремъ—Росомъ....
 Кому дастъ Воданъ богатырскій свой мечъ,
 Тотъ будетъ—межъ ними сильнѣйшимъ изъ сильныхъ,—

«Надъ семидесятью землями богатырь;»

Но я еще долженъ тебя остеречь,—
 Лишь только заснешь ты, тогда ты погибла.

«Знай, мой престолъ всюду, гдѣ только живетъ
 Добро и съ нимъ правда. Я тотчасъ являюсь
 На помощь ко всѣмъ, кто меня призоветъ.
 Въ богахъ Святovidъ я, божественный Индра,
 Въ планетахъ я Солнце, въ оружьяхъ Стрѣла,
 Въ стихіяхъ Огонь, а въ герояхъ Картика,
 Въ водахъ—Океанъ я. Я первый врагъ зла,
 Я свѣтъ, я душа, я хранитель, я сила
 Вселенной,—я Вишну... Одинъ изъ боговъ,
 Лишь я воплощаюсь ко благу живущихъ,
 И снова приду предъ скончаньемъ вѣковъ,
 Сразить царство мрака и въ міръ внести правду».

Умолкъ,—и предъ Пріей стоялъ исполнивъ.
 Шагнулъ онъ чрезъ землю, шагнулъ черезъ море,
 Потомъ черезъ бездны воздушныхъ пучинъ,
 И былъ ужъ на небѣ.

Вошелъ онъ въ свой теремъ,—

«На небѣ-то солнце,—и въ теремѣ солнце,
 «На небѣ-то мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
 «На небѣ-то звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
 «На небѣ-то зори,—и въ теремѣ зори,
 «Все въ теремѣ по небесному».

Вошелъ онъ въ свой теремъ, и съ скорбью сказалъ:
 «Когда ни сходилъ я въ моихъ воплощеньяхъ

«На темную землю, всегда замѣчалъ,
 «Что зло на ней страшно растеть и плодится....»
 То правда, при склонностяхъ гнусныхъ своихъ,
 Безсмертные сами ее развращаютъ;
 «Лишь я, чуть заввижу, среди странъ земныхъ,
 «Растущее зло, поспѣшаю на помощь» ²⁹⁾;
 И нынѣ оставлю-ль сыновъ я родныхъ,
 Оставлю-ль я ихъ безъ моихъ попеченій?
 Нѣтъ, я теперъ высшій изъ высшихъ боговъ,
 Я богъ земледѣлія, я богъ побѣды,
 Богъ правды и свѣта, богъ новыхъ вѣровъ.
 Я даль Пріѣ Чура, я даль ея роду
 Мой образъ и имя.... Никто изъ сыновъ
 Моихъ свѣтозарныхъ не будетъ покинуть
 Отцомъ ихъ небеснымъ.... Я буду среди нихъ
 Во образѣ самомъ древнѣйшемъ Микулы, —
 Ивана-царевича, — и всѣхъ другихъ
 Моихъ превращеній...» И тутъ же велить
 Слугѣ оный Маругѣ, сыскавъ сыновъ Пріа,
 Вести ихъ на Западъ, гдѣ оный уже зреть
 Міръ новый, всплывающій тихо изъ моря.

Летитъ легкій Вѣтеръ съ высокихъ небесъ
 И видитъ, — сидитъ на воздушныхъ деревьяхъ
 Пѣвучій духъ бури, а облачный лѣсъ
 Нигдѣ не шелохнетъ. Влетѣлъ въ него Вѣтеръ
 И громко спросилъ: не видалъ ли кто тутъ,
 Гдѣ въ степи гуляютъ сыны вѣщей Пріа,
 Иль гдѣ, по какимъ они странамъ живутъ?

Но только оный вымолвилъ это, проснулся
 Дремавшій духъ Бури. —

«Свиснулъ оный, Соловей, по-соловьему,
 «Вскричалъ оный, злодѣй, по-звѣриному,
 «Взрывкалъ оный по-туриному;
 «Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 «Мутны рѣки въ берегахъ поднимаются,
 «Что есть людишекъ всѣ мертвы лежатъ» ³⁰⁾.

Такъ Вѣтеръ заметный

Ни съ тѣмъ и отхлынулъ. Сталь спрашивать онъ
 Потомъ, лыснй Мѣсяцъ и частя Звѣзды,
 И сѣрыхъ волковъ, и сорокъ, и воронъ;
 Открыль онъ близъ Каспія край Замораванъ,
 Нашель онъ Моравовъ и племя Древанъ,
 Что родъ свой древнѣйшій вели отъ деревьевъ;
 Нашель и еще кой-кого изъ славянъ;
 Но гдѣ богатырь — Росъ, про то не развѣдалъ.
 Помчался онъ, Вѣтеръ, къ цвѣтуцимъ брегамъ
 Яксарта, который звался тогда Росомъ.
 «Гей вы! не слыхали-ль по этимъ мѣстамъ
 Про славнаго Роса?» онъ тамъ вопрошаетъ.
 — Живеть богатырь здѣсь, но кто онъ такой,
 Про то мы не знаемъ, — ему отвѣчаютъ.
 Летитъ Вѣтеръ дальше, и зреть предъ собой
 Широкое поле; все поле покрыто
 Побитою ратью. «Гей, кто здѣсь живой?
 Откликнись мнѣ! Вѣтеръ шумитъ. Какой витязъ
 Побилъ эти силы?..» И слышитъ въ отвѣтъ:
 — Побилъ эту силушку богатырь русский;
 Но гдѣ онъ — не знаю, а здѣсь его нѣтъ. —
 Летитъ Вѣтеръ дальше, въ край свѣтлый Орису.
 «Скажите, не знаетъ ли кто здѣсь у васъ.
 Про витязя Роса?» Онъ тамъ вопрошаетъ.
 — Охъ, витязей много воюеть у насъ,
 А больше еще разошлось ихъ отсюда,
 Въ различное время, по дальнимъ странамъ.
 И тотъ, кого ищешь, быть можетъ, живаль здѣсь;
 Теперъ его нѣтъ. — 31).

И по всѣмъ-то мѣстамъ,
 Вездѣ Вѣтеръ слышитъ такіе-жъ отвѣты.

Межъ тѣмъ населенная мѣстность росла
 Подъ сошкой Микулы, а делувіальный
 Періодъ окончился; темная мгла
 На Западѣ быстро свѣтлѣла.
 Шли орды бродячихъ и дикихъ племень
 Занять острова, что всплывали изъ моря.

Едва всплывшій Сѣверъ ужь былъ населенъ
 Степными ордами, сошедшихъ съ горъ, Финновъ;
 Но съ Запада Кельты отбросили ихъ
 Назадъ, въ глубину отдаленной Полночи,
 Или оставляя въ владѣннѣхъ своихъ,
 Что взяли у нихъ же, держали ихъ въ рабствѣ;
 На Югѣ, на влажныхъ еще островахъ,
 Селились Юваны, прапраотцы Грековъ.
 Столь славныхъ вѣдомствъ не было.

Во многихъ мѣстахъ

Сходившаго моря, вдоль мелкихъ прибрежій,
 Вдвигались ужь рифы, наносы, слои
 Изъ раковинъ, глины, песчанья мѣли;
 Они поднимали поверхность земли
 Изъ безднъ океана, слагались въ заливы
 И длинныя мысы. Гдѣ жилъ царь Морской,
 Теперь зеленѣли широкія степи,
 Глубокія балки, шумѣлъ лѣсъ густой,
 Мѣстами сверкали соленныя воды
 Озеръ средиземныхъ, съ возвышенныхъ горъ
 Бѣжали потоки и мутныя рѣки.

Возникшіе Альпы закончили споръ
 Съ влокающимъ моремъ, широко поднявши
 Окрестность буграмп; верхи Пиренеевъ
 Возстали изъ моря; изъ нихъ потекли
 Широкия рѣки, а прежнія воды
 Себѣ проложили, съ поднятѣемъ земли,
 Иное теченье. Земная поверхность
 Лишилася прежней своей теплоты;
 Ясныя времена обозначались года;
 Слои льдовъ покрыли собой высоты
 Скалистыя горъ, и растаявъ, погнало
 Въ глубь моря громады камней-валуновъ,
 Что видны понынѣ на дальней Полночи.
 Все это свершалось въ теченнѣ вѣковъ,
 Нока не утихла борьба роковая
 Стихій первобытныхъ.

Рядъ значныхъ равнинъ

Теперь зеленѣлъ вдоль Восточной Европы;
 Сюда, съ каменистыхъ Уральскихъ вершинъ
 Спустилося Финно-Алтайское племя...
 А въ тотъ первобытный земной періодъ
 И здѣсь еще ярко цвѣла и блестяла
 Растительность Юга, и ясенъ былъ сводъ
 Прозрачнаго неба. Близъ крѣпкаго дуба
 И кедра виднѣлся густой кипарисъ;
 Тѣнистая пихта едва укрывала
 Отъ знойнаго солнца; и южный нарцисъ,
 И пышная роза еще украшали
 Весь край, незнакомый тогда ни съ зимой,
 Ни съ стужей суровой. Изъ ели и сосны
 Бѣжалъ сокъ душистый прозрачной струей;
 Онъ капалъ, какъ слезы, въ прибрежное море;
 И тамъ превращался въ янтарь золотой,
 Предметъ самый первый Полночной торговли.

Алтайскія орды, занявъ подъ собой
 Сперва пустой Сѣвѣръ, тянулись на Полдень,
 Куда ихъ манилъ міръ, невѣдомый имъ,
 Сулившій имъ много обширныхъ тамъ пастбищъ.
 Но въ встрѣчу ордамъ ихъ, еще кочевымъ,
 Предсталъ, между Дономъ и Каспіемъ древнимъ,
 Съ того же Востока, рядъ новыхъ племенъ,
 Такихъ же бродячихъ, но болѣе сильныхъ,
 Племеньъ вѣщей Прии, и съ разныхъ сторонъ
 Замкнулъ имъ дорогу ³²).

Лишь только Варуна
 Разсѣялъ на Западѣ сумракъ былой,
 И землю очистилъ отъ водъ первобытныхъ,
 Какъ боги рѣшили, въ край этотъ глухой
 Отправить Мивулу, чтобъ онъ вывелъ чудищъ,
 Устроилъ, воздѣлалъ тотъ край, заселилъ,
 И сдѣлалъ достойнымъ его къ воспріятю
 Ихъ власти небесной.

Изъ первыхъ вступилъ,
 Иль лучше примчался туда степной бурей,
 Тѣсвимый Ираномъ, Стрѣла-князь, съ ордой

Каспійскихъ Древянъ и племень Заморавскихъ,
Алановъ и Кимвровъ. Простившись съ сестрой,
Туда-жь понеслась молодою орлицей
И средняя дочь Микулы, гдѣ ей
Просторѣе было расправить на волѣ
Подросшія крылья, и много звѣрей
И чудищъ бродячихъ могли быть добычей...

Гулила она

Въ то время одна

Иль развѣ съ такой же Поленицей вольной.

И было же ей

Тогда батырей

Не мало побито, стѣнныхъ и нагорныхъ;

И ужь не одинъ,

Лихой исполнилъ

Въ карманѣ сплѣлъ у нея богатырскомъ;

Ее-жь самое

Не брало копьѣ,

Ни стрѣлы пернаты, ни ножикъ булатный;

Удары копьемъ

И острымъ мечемъ

Ей были кусаньемъ докучливой мухи.

Самъ грозный Кощей

Царь дальнихъ стѣней,

Извѣдалъ ее богатырскую силу;

Гдѣ ѣдетъ она, —

Далеко видна;

Проѣхала, — слѣдъ отъ копытъ по колѣни.

Но искони дней,

Всего ей милѣй,

Всего драгоценнѣе стыдъ былъ дѣвичій;

Ужь если она

Отдаться должна,

То съ бою отдаться дѣвницею чистой.

Такъ съ первыхъ же дней

Все чудно у ней, —

И нравъ ея честный, и страшная сила;

Знай, чьей-де семьи,

Изъ коей земли.
Она воспріяла свой духъ богатырскій.

Приходитъ къ Мивулѣ

И вѣщая Прія, проситься туда.
Но онъ ужъ и самъ въ тѣ мѣста собирався,
Отправивъ впередъ, какъ водилось тогда,
Своихъ соглядатевъ, высмотрѣть мѣстность.
Почто не идти? Тамъ царилъ богъ Воданъ,
Благой покровитель трудовъ земледѣльа;
Туда каждый вечеръ, въ глубь западныхъ странъ,
Съ небесъ уходило родимое Солнце,
Чю бы отдохнуть отъ дневнаго пути,
Въ объятіяхъ свѣтлой красавицы Ляды;
Туда издавна ужъ старались найти
Себѣ путь-дорогу старѣйшины разныхъ
Племень ихъ арійскихъ; тамъ, въ царствѣ быломъ
Пустыннаго моря, уже зараждалась
Мѣстами торговля златымъ лянтаремъ;
Край дѣвственный этотъ слылъ Выріемъ новымъ.
Востокъ, царство Солнца, былъ весь заселенъ;
Весь Сѣверъ кипѣлъ до Восточнаго моря
Ордами Алтайскими; съ давнихъ временъ
Арійцы ужъ заняли край Индостана;
Иранъ процвѣтала, подъ державой царей,
Тѣснившихъ и часто совсѣмъ раззорившихъ
Владѣнья сосѣднихъ арійскихъ вождей.
Микулѣ одинъ оставался далекій,
Таинственный Западъ,—глухой край степей
И темныхъ лѣсовъ; но по мутнымъ разговорамъ
Кипѣвшій богатствомъ, обиліемъ водъ
И всякихъ плодовъ и растительныхъ злаковъ.
Пришли соглядатаи. Собралъ свой родъ
Микула нашъ; каждый—родной взялъ землицы,
Микула накиннулъ на плечи суму,
Суму свою чудную съ тягой земною,—
И двинулся въ путь ³³).

Но не мало ему
Въ краю этомъ новомъ еще предстояло
Трудовъ и бореній.

«Стоять тамъ лѣса дремучіе,
«Лѣса со лѣсами свиваются,
«Вѣтви по землѣ растлаются,
«Ни пройтить (Микулѣ), ни проѣхати.»
«Протекають тамъ рѣки быстры
«Рѣки быстрыя, текучія;
«Воздымаются горы толкучія;
«Гора съ горой столкнулася;
«Пасется тамъ стадо звѣриное,
«Сѣрые волки рысучіе;
«А пасутъ стадо три пастыря,
«Три пастыря да три дѣвицы,
(«Не Микушны-ль родныя сестрицы?)
«На нихъ тѣло яко еловая кора,
«Власъ на нихъ, какъ ковыль-трава,»....
«Сидятъ тамъ птицы клеучіи,
«Птицы клеучія, нагайцины;
«Живутъ тамъ змѣи огненные:
«Изъ ротовъ пышетъ огонь-полыми.
«Изъ ушей дымъ столбомъ валить»
«Ни пройтить (Мигулѣ), ни проѣхати»...
Разъѣзжаютъ тамъ богатыри грозные,
Залегаютъ пути дивы чудные,
Собирають дань змѣи лютые,
Они собирають дань живыми людьми....
«О матушка, сырая земля, разступися,
«На всё четыре стороны раздвинься,
«На четыре страны, на четыре четверти;
«Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!» 34).

ПѢСНЬ 3-я.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Благословенъ ты на селѣ„
(Втор. 28. 3).

Весь міръ первобытный былъ царствомъ боговъ.
По мѣрѣ далекихъ своихъ раселеній,
Бродячія орды тѣхъ первыхъ вѣковъ
Съ собой разносили боговъ своихъ древнихъ .
И древній обычай по новымъ странамъ;
Съ народнымъ развитіемъ, старинные боги
Потомъ измѣнялись, и ихъ именамъ
Давалось нерѣдко другое значеніе;
Но власть ихъ была неизмѣнно-страшна.
Изъ дивовъ стихійныхъ они становились
Вождами племенъ; имъ вручалась страна,
Отъ нихъ исходили добро и зло въ мірѣ;
Они назначали себѣ города
И цѣлыя земли, какъ будто въ удѣлы...
У каждаго рода своя есть звѣзда
И богъ свой родимый, кого почиталъ онъ
Какъ высшаго бога.

Востокъ сохранялъ
Всѣхъ дольше ихъ образъ, таинственно-грозный.
Какъ онъ отначала весь міръ заражалъ
Своимъ любодѣйствомъ и жаждою крови;

Такъ точно любили и боги его
 Кровавыя жертвы и жили открыто
 Въ гнуснѣйшемъ развратѣ, не давъ ничего
 Тогдашнему міру изъ благъ ихъ небесныхъ.
 Одна лишь Эллада смогла превратить
 Стекланную гору боговъ первобытныхъ
 Въ Олимпъ лучезарный, и край озарить
 Его благотворнымъ, весеннимъ сіяньемъ.
 Древнѣйшій Сварогъ здѣсь отцомъ сталъ земли,
 И больше царемъ, чѣмъ таинственнымъ богомъ;
 Онъ сбросилъ былые размѣры свои,
 И въ образъ облекся земной человѣка;
 Здѣсь боги такіе же люди, какъ онъ,
 Съ чудесною только, божественной силой.
 Римъ этотъ всемірный царь древнихъ временъ,
 Далъ всѣмъ божествамъ чужимъ право гражданства,
 И тѣмъ еще больше ихъ сблизилъ съ землей.
 Но Сѣверъ далекій, угрюмый, пустынный,
 Почти что безлюдный, сулилъ той порой
 Немного удобства къ благому развитію.
 Какими съ Микулою боги пришли,
 Въ томъ самомъ же видѣ они и остались;
 А многіе вовсе исчезли съ земли,
 Едва намъ покинувъ туманный свой образъ
 И темное имя.

Микула входилъ

Въ старинное царство Варуны-Водана,
 Того божества, чей духъ мрачный царилъ
 Среди облаковъ и холодныхъ тумановъ
 Воздушнаго моря. Но древній Воданъ
 И самъ начиналъ той порой раздвояться:
 На Западѣ былъ онъ, какъ встарь Океанъ,
 Богъ тучегонитель, духъ яростный бури,
 Царь браней, властитель сѣдыхъ облаковъ,
 Сихъ грозныхъ волотовъ или исполиновъ;
 Но Вырій, древнѣйшій разсадникъ боговъ,
 Въ Варунѣ ужъ видѣлъ преемника Діа;

Тамъ онъ становился владыкой небесъ,
 Владыкой, не только грозы, но и свѣта,
 Божественнымъ Вишну. Въ немъ былъ и Зевесъ,
 И свѣтлый Ормуздъ, и блистательный Индра,
 И красное Солнце, и нашъ Святovitъ.
 Какъ главный Сварожичъ, онъ тамъ сталъ главою
 Боговъ всѣхъ арійскихъ; его новый видъ
 Вмѣщалъ и творца, и защитника смертныхъ.

На Западѣ онъ, богъ заоблачныхъ странъ,
 Воздушнаго моря и всѣхъ водъ небесныхъ,
 Спустился оттуда въ земной океанъ,
 И сдѣлался просто верховнымъ владыкой
 Подводнаго царства, принявъ отъ славянъ
 Названье Морскаго царя, Водянаго
 И стараго Дѣда; а вмѣсто него
 Властителемъ неба и тучъ громоносныхъ,
 Отцомъ всѣхъ народовъ и міра всего,
 Царемъ лютыхъ браней и вѣщаго знанья,
 Теперь воцарялся другой властелинъ,
 Ему соимянный, но богъ совсѣмъ новый,
 Глава свѣтлыхъ асовъ, Полночный Одинъ.

Пришель-ли онъ также, подобно Микулѣ,
 Изъ странъ отдаленныхъ Востока, или онъ
 Родился на Западѣ послѣ Водана;
 Но онъ очень скоро тамъ, съ древнихъ временъ,
 Его занялъ мѣсто. Мы только замѣтимъ,
 Что этотъ Одинъ и Микулинъ братъ, Щитъ, —
 Сперва не однали они оба личность?...
 Исторія весь міръ арійскій роднитъ;
 Бродячіе асы заимствуютъ древле
 Не мало обычаевъ, даже боговъ
 И самый щитъ круглый, отъ вановъ *) осѣдлыхъ, —
 И скифскій князь-Щитъ могъ, въ теченьи вѣковъ,
 У нихъ превратиться въ отца ихъ, Одина ¹⁾
 Микула и асы вначалѣ временъ
 Въ одномъ жили краѣ. Когда жъ они выпли?

*) Вановъ наука признаетъ Славянами.

Какихъ былъ Микула главою племень?
 Какими путями пришелъ онъ съ Востока?...
 Извѣстно одно лишь, что въ древности онъ
 Подъ небомъ блестящимъ жилъ свѣтлаго Юга.
 Онъ помнитъ понынѣ міръ этотъ чудесъ,
 Тотъ міръ титанической, гдѣ еще долго
 Земной міръ сливается съ міромъ небесъ;
 И этихъ титановъ, и свѣтлыхъ боговъ,
 Чьи битвы ужасныя длились столѣтья;
 И блескъ и сіянье ихъ чудныхъ дворцовъ,
 Наполненныхъ дивною славой небесной.
 Онъ помнитъ звѣрей первобытныхъ лѣсовъ,
 И цѣлыя доли, покрытые силой
 Побитою чьей-то безвѣстной рукой...
 Отчасти онъ помнитъ и самый походъ свой
 За тридцать царствъ, въ міръ какой-то иной...
 Куда-же?—На Западъ, тогда еще темный.

И здѣсь силлурійскій періодъ земли
 За нимъ и девонскій, —полиповъ, коралловъ
 И лилій морскихъ, невозвратно прошли.
 Прошелъ и вѣкъ каменно-угольный, —вѣкъ тотъ
 Смолистыхъ и хвойныхъ гигантскихъ деревь,
 Огромнѣйшихъ ящеръ и рыбъ исполинскихъ;
 Когда, вверху рыхлыхъ наносныхъ пластовъ,
 Явились песчаникъ и бѣлая известь,
 А влажная почва, морскіе берега
 Кишѣтъ начинали семей земноводныхъ
 И птицъ исполинскихъ, и уже нога
 Мѣстами ступала гигантскихъ животныхъ,
 Еще безобразныхъ и сложныхъ звѣрей,
 Огромныхъ тапировъ или мастодонтовъ,
 Ужасныхъ драконовъ, летающихъ змѣй;
 Кругомъ ужъ вздымались слои мѣловые,
 Еще измѣняя поверхность земли...
 Свершился періодъ и делувіальный ²⁾.

Когда поселенцы съ Микулой пришли,
 Мѣстами могъ каменный вѣкъ быть пещерный,

Мѣстами жь, позднѣйшіе люди могли
Въ тѣ дни знать и бронзу ³⁾.

Замѣтно, онъ вышелъ
Съ роднаго Востока, когда богъ Водавъ
Облекся ужь въ образъ благой Святовита
Иль свѣтлаго Вишну; а здѣсь океанъ
Всемирный сошелъ съ возрожденной Европы.
Онъ могъ лишь идти по окраинамъ горъ,
Среди благодатной такой же природы,
Что онъ тамъ повинулъ. Потому его взоръ
Упалъ въ глубь широкой, зеленой равнины;
Вода лишь сбѣжала со влажной земли;
Все благоухало, рои насѣкомыхъ
Жужжали по воздуху; а тамъ, вдали
Уже означались холмы и дубравы,
На солнцѣ сверкали рѣчныя струи....
Тогда сталъ спускаться онъ съ высей нагорныхъ.

Но дни первобытной борьбы не прошли,
И шаръ земной полонъ еще былъ смятенья.
Одинъ міръ волшебныхъ, зиждительныхъ силъ,
Міръ огненныхъ радугъ, гигантскихъ растений,
Ужасныхъ чудовищъ, едва лишь вносилъ
Съ собою жизнь новую въ это броженье;
Другой міръ такихъ же могучихъ началъ,
Еще лучезарнѣй, могучѣй, роскошнѣй,
Его незамѣтно уже вытѣснялъ
И самъ воздвигался на этихъ обломкахъ:
Одинъ богъ устраивалъ свѣтлый чертогъ
Себѣ изъ цвѣтовъ и блестящей лазури;
Другой, — закопченный иль мокрый до ногъ,
Съ тяжелымъ трезубцемъ иль молотомъ длиннымъ,
Еще копошился средь илестыхъ водъ
И темныхъ расщелинъ горящихъ вулкановъ.

Микула нашъ видѣлъ съ далекихъ высотъ
Тѣхъ горъ, что издревле звались Кавказомъ,
Край новый; онъ видѣлъ и древнихъ боговъ,
Еще довершавшихъ его устроенье,

И ихъ первобытныхъ, стихійныхъ сыновъ,
Земныхъ и воздушныхъ волотовъ-титановъ,
Главой досягавшихъ еще облаковъ.

Предъ нимъ копошились цѣлые сонмы
Невѣдомыхъ чудищъ, то жгущихъ огнемъ,
То плесомъ прудившихъ течение рѣчное;
Пойдетъ онъ направо,—склюютъ тамъ живьемъ,
Налѣво, растащать на мелкія части.

Надъ самымъ Микулой, среди грозныхъ скалъ
Подоблачныхъ, въ высяхъ сѣдаго Кавказа,
Закутанный въ тучи, угрюмо лежалъ,—
Выше лѣса стоячаго,
Что пониже облака ходячаго,
Уродь-уродище,
Святогоръ богатырь.

Почти подъ пятой великана ревутъ
Живые потоки, рѣки Самородины;
Надъ буйной его головою свуютъ
Орлы поднебесные, мятели свѣжныя
Но ребрамъ, какъ черныя мухи, ползутъ
И лѣплятся силы-орды переходныя;
А онъ, богатырь исполинскій, лежитъ,
Въ туманныя ризы и въ тучи закутанный.
Гнететъ молодчину его, тяготитъ
Своя сила грузная, мощь богатырская;
Нѣтъ равнаго силой на свѣтѣ ему,
Чуть держать уродища — мать сыра-земля.

Лишь онъ шелохнулся,—по краю всему
Идетъ стукъ и грохотъ, реветъ буря темная;
А только привсталъ онъ.—глава въ облакахъ,
Затмилося солнце, не видно дня яснаго,
Шумять лѣса, рѣки кипятъ въ берегахъ,
Сыра-земля стонетъ,—какъ море, колыхается.
Направо Микулы, пустыней глухой
Тянулось вдали неподвижное море
Степей безпредѣльныхъ, міръ этотъ родной
Степныхъ Колывановъ *) и дивовъ бродячихъ,

*) Колывань-богатырь,—кочевникъ.

Гдѣ съ дикой, голодной ордою своей
 Носился, какъ прежде, второй братъ Микулы,
 Стрѣла-князь, что позже отъ русскихъ людей
 Такъ мѣтко былъ прозванъ Кощеемъ-бесмертнымъ.
 Какъ шмель, онъ носился по дальнимъ странамъ
 И только возникнувшимъ царствамъ Востока,
 Являясь неожиданно, какъ вѣтеръ, то тамъ,
 То здѣсь, съ своей ратію, силой змѣиной.

Съ вершины Кавказа, съ Полночи глухой,
 Къ нему прибывали все новыя орды
 И новыя дивы,—тотъ людъ подвижной,
 Тѣ мощные мужи стрѣлы и волчана,
 Чей грозный міръ долго еще клочоталъ
 Кипящимъ котломъ средь былаго Востока,
 И огненнымъ ливнемъ его обдавалъ
 До Нильскихъ береговъ и пустынь Ефіопскихъ.

На Западъ отъ горъ, по Эвесинскимъ брегамъ,
 Давно разсѣлялись отважные Кимвры,
 Что нынѣ относятъ у насъ въ племенамъ,
 Роднымъ намъ, славянскимъ. Лѣвѣй жилъ братъ Инда,
 Божественный Бугъ, кого чествовалъ край
 Потому отъ Карпатовъ до моря Морозовъ;
 За нимъ жилъ сынъ Дуны, могучій Дунай,
 А ближе—ихъ родичъ, Днѣпръ славный Словутичъ,
 И также его братъ, воинственный Донъ;
 Въ глуши горъ Карпатскихъ жилъ Днѣстръ еще вольный,
 Въ тѣ дни ужъ извѣстный у южныхъ племенъ
 Торговлей своею янтaremъ многоцѣннымъ 4).

На Полночь вздымалось море лѣсовъ
 Лѣсовъ порвобытныхъ, подъ чей, полный тайны
 И вѣчнаго мрака, угрюмый покровъ,
 Еще не ступала нога челоуѣка,—
 Дремучее царство стихійныхъ духовъ,
 Міръ дивовъ и чудищъ лѣсныхъ и воздушныхъ;
 Гдѣ царствовалъ темный богъ Ночи сѣдой
 И дремлющая Блажность, куда одинъ развѣ
 Могучій сынъ Солнца, ихъ врагъ роковой,
 Лѣсной царь-Огонь, сынъ Перуна, Сварожичъ.

Сухманъ богатырь, — лишь онъ развѣ одинъ
 Себѣ пролагать могъ свободно дорогу...
 Микула замѣтилъ съ нагорныхъ вершинъ,
 Какъ онъ, богатырь, тамъ ободилъ и работалъ,
 Особенно темной ночью порой,
 То грозно дымяся подобно волгану,
 То неба касаясь кудрявой главой,
 То въ образѣ сопокъ, столповъ огневидныхъ,
 Блуждая по темнымъ лѣсамъ и горамъ,
 То бурной рѣкою иль огненнымъ моремъ
 Разлившись вдали, по ночнымъ небесамъ,
 И заревомъ яркимъ покрывши весь Сѣверь⁵⁾.
 Все это Микула видалъ столько разъ
 И эти картины стояли такъ долго
 Въ глазахъ у него, что народный разказъ
 Досель поражаетъ своею полнотою
 И яркостью красокъ *).

Разъ поднялъ Кошей
 Рысиный свой взоръ на Кавказскія горы;
 Глядитъ онъ туда изъ широкихъ стеней,
 И видитъ вѣющійся дымъ, и горами
 Идущаго съ главной семьею своею,
 Отца земледѣля, роднаго Микулу.
 Онъ долго смотрѣлъ на дымъ этотъ густой,
 Вѣющійся къ небу; потомъ обернувшись
 Къ своимъ, говоритъ имъ: «вы видите тамъ...
 Вотъ онъ, настоящій хозяинъ вселенной:
 Недолго послужить онъ данникомъ намъ,
 Его сыны выгонять родъ нашъ отсюда;
 Онъ знаетъ, гдѣ смерть обитаетъ моя...

«Волки рысучіе,
 Змѣи ползучія,
 Птицы клевучія,
 Горы толкучія,
 Моя полевая, степная семья!

*) Смотр. народныя былинны и сказан.

Идите на встрѣчу ему, обирайте
 Дѣвицами, хлѣбомъ ихъ, всякимъ добромъ;
 Воюйте съ нимъ, грабьте его, истребляйте!»...
 Услышалъ и царь Воданъ, въ царствѣ морскомъ,
 О шествыи Микулы къ нему, и созвавши
 Своихъ, говоритъ имъ: «о дѣти мои!
 Смотрите, подходитъ къ намъ вѣщій Микула,
 Всемирный кормилецъ, владыка земли.
 Рѣки быстрыя,
 Озера свѣтлыя,
 Заливы широкіе,
 Проливы глубокіе,
 Катите текуція волны быстрѣй,
 Зовите Микулинъ родъ въ край нашъ поморскій;
 Ведите долблены лады ихъ скорѣй
 Въ широкія наши, раздольныя страны!
 Микула несетъ вамъ вѣкъ новый съ собой,
 А вашимъ потомкамъ большія богатства.
 Храните и чтите родъ этотъ благой,
 Братайтесь, роднитесь съ его племенами:
 Микулиной силой и сошвой златой
 Съ небесъ управляютъ безсмертныя боги.»

Между тѣмъ Микула съ своею семьей
 И племенемъ-родомъ спустился въ равнины
 Природа сіяла въ блестящихъ лучахъ
 Палящаго солнца весны первобытной;
 Земля утопала въ зеленыхъ волнахъ
 Высокой травы и цвѣтовъ благовонныхъ;
 Тяжелыя ступни откормленныхъ стадъ
 Едва пробивали копытомъ дорогу
 По зелени сочной, сквозь дѣвственный садъ
 Ползучихъ лианъ или хвойныхъ деревьевъ.
 Обозы ихъ плыли въ пучинѣ цвѣтовъ
 И вьющихся злаковъ, среди изобилія
 И разнообразія всякихъ плодовъ;
 Отважные взоры мѣдяныхъ пришельцевъ
 Съ нѣмымъ восхищеніемъ смотрѣли кругомъ,

Привѣтствуя весело край благодатный,
 Подобный тому, что тамъ въ мірѣ иномъ
 Остался за ними, на дальнемъ Востокѣ.

Но чѣмъ они глубже входили въ него,
 Тѣмъ онъ становился безлюднѣй, пустыннѣй.
 Они не встрѣчали еще никого;
 Вездѣ слѣдъ недавній видѣлся потопа;
 Одинъ міръ волшебныхъ, вѣждительныхъ силъ,
 Блестящаго солнца, роскошной природы,
 Сіялъ, зеленѣлъ и радушно свѣтилъ
 Съ веселыхъ дубравъ имъ и яснаго неба;
 Другой міръ наносныхъ холмистыхъ пластовъ,
 Оставленныхъ моремъ, — стоячаго ила,
 Пластовъ мѣловыхъ или сожженныхъ лѣсовъ,
 Еще выставлялъ имъ гигантскія ребра.
 Одни божества, въ лучезарныхъ вѣнцахъ,
 Смотрѣли на нихъ съ облаковъ свѣтозарныхъ,
 Изъ тихихъ дубравъ, или плескались въ рѣкахъ,
 Впивая изъ радугъ прохладную влагу;
 Другіе, въ дыму или въ тинѣ морской,
 Еще копошились по дикимъ вертепамъ,
 По темнымъ ущельямъ, подъ зыбкой землей,
 Или съ ревомъ сражались въ пространствахъ воздушныхъ.

Чѣмъ ниже спускались они съ высей горъ,
 Тѣмъ воздухъ вдругъ нихъ становился тяжелѣ.
 Съ зыбучихъ болотъ, съ безконечныхъ озеръ
 Курились туманы; громовыя тучи
 Почти не сходили съ нависшихъ небесъ;
 Ужасныя бури, вѣтра, ураганы,
 Ломали деревья, коверкали лѣсъ,
 И вмгъ превращали жилой край въ пустыню.
 Мѣстами, остатки огромныхъ костей, —
 Не то исполинскихъ какихъ-то чудовищъ,
 Не то прежде-жившихъ тутъ богатырей,
 Громадныя толщи сожженныхъ растеній,
 Торчали въ оврагахъ, промытыхъ водой,
 И путь заграждали рѣкамъ быстроводнымъ;
 Мѣстами тянулся еще цѣлый слой

Подводныхъ полиповъ, вздымались груди
 Погибшихъ животныхъ морскихъ и камвей,
 Оставленныхъ только отхлынувшимъ моремъ.

Пришельцы встрѣчали чудесныхъ звѣрей,
 Жарь-птиць, змѣй крылатыхъ, ужасныхъ драконовъ;
 Въ глубокихъ ложбинахъ, въ заливахъ глухихъ,
 Въ болотныхъ трущобахъ, еще гомозились
 Стада допотопныхъ чудовищъ морскихъ,
 Чешуйчатыхъ гадовъ, гигантскихъ лягушекъ;
 По мутнымъ озерамъ, проросшимъ травой,
 Плескались съ крикомъ залетныя стаи
 Какихъ-то невѣдомыхъ птицъ, съ головой
 И шеей змѣиной, съ плошной перепонкой.
 Иль съ рыбьими перьями, злобно на нихъ
 Оскаливши зубы, какъ у крокодила.
 Мѣстами, средь низменныхъ доловъ пустыхъ,
 Еще копошились въ грязи известковой,
 Засѣвшія стаи морскихъ длинныхъ змѣй,
 Громадныхъ улитокъ, дикованныхъ раковъ,
 Или расползались отъ блеска лучей
 Палящаго солнца по влажнымъ ложбинамъ;
 Изъ чащи прохладной густыхъ камышей
 На нихъ выставляла вьлки головица
 Еще допотопнаго чуда-слона
 Иль мамонта, взбросивъ свой маленькій хоботь;
 На голомъ песчаномъ холму шла война
 Не то страшныхъ ящеръ, не то звѣрей хищныхъ,
 Покрытыхъ густой по спинѣ чешуей,
 Съ змѣинымъ хвостомъ, съ головой носорога;
 И дикіе крики ихъ, яростный вой
 Собою наполняли вѣмую окрестность.

Знакомый Кавказъ былъ дорогой большой
 Племеньъ первобытныхъ, идущихъ съ Востока;
 Съ одной стороны бѣжить берегъ морской,
 Съ другой протянулись безбрежныя степи....
 Милула идти могъ, гдѣ прежде прошли
 Его соплеменники, въ первое время.

Онъ слышалъ, что родичи гдѣ-то нашли
 Себѣ большой край, за тремя за рѣками,
 Рѣками—дунаями,—много земли,
 Степной и лѣсной,—и туда шель по слухамъ.

Путемъ онъ дорогой, конечно, встрѣчалъ
 Прибывшихъ въ мѣста этихъ прежнихъ собратьевъ,
 Гдѣ родъ ихъ бродячій уже кочевалъ
 Изъ давнихъ временъ, между Понтомъ и Бугомъ;
 Но роду Микулы тотъ край проходной,
 Путь этотъ открытый съ Востока на Западъ,
 Не могъ быть въ то время приманкой большой,
 Чтобъ здѣсь же раскинуть ему поселенья.

Вошли они въ степи. Одною порой
 Вдругъ слышитъ Микула глухой гулъ съ Полночи.
 Сомкнулась громада,—стоитъ и глядитъ
 На дальнюю Полночь; а тамъ, не то туча,
 Не то синій паръ надъ рѣкою стоитъ,
 Не то пылъ густая закрыла полнеба...
 Потомъ табуны показались коней,
 За ними блеснули побережья рѣчныя,
 Послышался топоть, гамъ, крики людей,
 Мычаніе стада, скрытъ телѣгъ и кибитокъ;
 И вотъ впереди всѣхъ, какъ соколъ, летитъ
 Младой богатырь, Колыванъ неизвѣстный, —
 Съ коня, будто туча, густой паръ валитъ,
 На бронѣ играетъ всходящее солнце...

Разумный Микула тотчасъ же велитъ
 Копать ровъ громадѣ, сдвигать колымаги;
 Кто гонитъ стада, кто собираетъ дѣтей,
 Кто тащитъ оружье, вдѣваетъ доспѣхи, —
 Микула въ главѣ всѣхъ; равнина степей
 Тотчасъ принимаетъ видъ браннаго стана..
 Но только ихъ станъ подвижной приведенъ
 Въ надежный порядокъ, всѣ съ радостью видятъ,
 Что это бѣжить къ нимъ родимый ихъ Донъ.

Микула выходитъ къ нему съ хлѣбомъ-солью;
 Донъ также съ радушьемъ встрѣчаетъ его.

Потомъ говорить, что бѣжить изъ стеней онъ,
 За синее море, въ главѣ своего
 Великаго рода, туда, гдѣ Стрѣла-князь
 Воюеть съ царями восточныхъ племень,
 Издревле богатыхъ; но тамъ, на Полночи,
 Откуда идетъ онъ, воинственный Донъ,
 Лежить край обильный, — обширныя степи
 И пастбища, рѣки, озера, лѣса;
 Есть всякая рыба и всякіе звѣри;
 Такія же точно, какъ здѣсь небеса,
 И всякихъ плодовъ, птицъ, звѣрей изобиле.

Микула дарить этихъ пришлыхъ людей,
 Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ;
 А Донъ отдалилъ косиками коней,
 И тутъ же простившись, направился къ морю.

Идутъ они дальше, и слышать опять
 Несется съ Полночи еще шумъ сильнѣйшій;
 Дрожить земля, будто подходитъ къ нимъ рать
 Иль страшная сила, валить паръ конинный;
 Потомъ табуны показались коней,
 За ними блеснули прибрежья рѣчныя,
 Послышался топоть, гамъ, крики людей,
 Мычаніе стада, скрышь телѣгъ и кибитокъ;
 И вотъ впереди всѣхъ, какъ туча, катить
 Еще богатырь-Кольванъ неизвѣстный;
 Дождемъ сыплютъ искры отъ конскихъ копытъ,
 Тяжелые камни гремятъ подъ ногами.

Опять укрѣпиться Микула спѣшитъ,
 Велитъ копать ровъ и сдвигать колымаги;
 Но лишь богатырь показался степной,
 Всѣ съ радостью видятъ, что Днѣпръ то Словутичъ.
 Старинный ихъ также соотчичъ родной.

Микула выходитъ къ нему съ хлѣбомъ-солью;
 Родной Днѣпръ радушно встрѣчаетъ его,
 Потомъ говорить, что идетъ онъ съ Полночи,
 За синее море, въ главѣ своего
 Великаго рода, —туда, гдѣ Стрѣла-князь

Воюеть съ царями; но эта страна,
 Откуда идетъ онъ, весьма плодородна,
 И всякимъ природнымъ богатствомъ полна,
 Лишь край этотъ новый никѣмъ не воздѣланъ;
 А много всего въ немъ, — озера, лѣса,
 Есть всякая рыба и всякіе звѣри,
 Такія же точно, какъ здѣсь, небеса,
 И всякихъ плодовъ, птицъ и всего изобилія.

Микула дарить также этихъ людей,
 Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ:
 А Днѣпръ дарить шкуры пушистыхъ звѣрей;
 Затѣмъ распрощались они и разстались ⁶⁾.

Микула вступаетъ въ лѣсистый Гилей,
 Болотистый край, гдѣ царилъ Эхидна,
 Мать древняя Скифовъ, еще дикарей,
 Какъ звали ихъ греки. Но этой порою
 Тутъ жило не мало арійскихъ племень,
 Носившихъ названія Ласточекъ, Цаплей,
 Кабановъ, Котовъ, — съ самыхъ древнихъ временъ
 Считаясь въ родствѣ Киммеріанамъ — Сербамъ ⁷⁾.

Предъ вѣщамъ Микулой, какъ синій туманъ,
 Открылося море лѣсовъ первобытныхъ,
 Еще міръ чудесный невѣдомыхъ странъ, —
 Племень и народовъ, быть-можетъ, враждебныхъ;
 Еще міръ таинственный новыхъ чудесъ, —
 Чудовищъ и дивовъ, быть можетъ страшнѣйшихъ.
 Глухою стѣною стоитъ темный лѣсъ;
 А что за тѣмъ лѣсомъ, одни знаютъ боги....

«Лѣса со лѣсами совиваются,
 «Вѣтви по землѣ разстилаются,
 «Ни пройти (Микулѣ), ни проѣхать!»
 Подобно Перуну-Егорию, —
 «Тогда онъ, (Микула), глаголетъ:
 «Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
 «Встаньте и расшатнитесь,
 «Расшатнитесь, раскачитесь.
 «По его, (Микулину), моленію,

«По его святому терпѣнію,
«Отдѣлялись лѣса отъ сырой земли.»...

А гдѣ лѣса темны моленья не слушаютъ,
Тамъ есть у него, у Микулы, заклятіе.

«Встанеть онъ, пойдетъ въ чисто поле,
«Въ широкое раздолье, къ синему морю-Окіану.
«У того синяго моря-Окіана лежитъ огненный змѣй;
«Срижается-сваряжается онъ
»Зажигать горы и доли, и быстрья рѣки.
«Выходитъ Микула, благословясь,
«Выйдетъ онъ въ чистое поле,
«Станеть на Востокъ лицомъ,
«На Западъ хребтомъ;»

Онъ третъ два полѣна,—валить дымъ густой;
Выходитъ изъ дыма, съ кудрявой главой,
Сухманъ-богатырь, сынъ небеснаго Солнца,
Микула стоитъ съ чашей масла надъ нимъ:
Онъ ей надъ огнемъ поливаетъ живымъ,
А самъ заклинаетъ съ отеческой лаской:

«Довольно тебѣ,
Царь огненный-змѣй,
Грознымъ дивомъ бродить;
«Довольно тебѣ,
На взморіи жить,
Горы, доли палить.
«Молюся тебѣ,
Сухманъ-богатырь,
Зажги темны лѣса,
«Очисти по нимъ
Дороженьку намъ,
Раствори небеса,»⁸⁾).

И внемлетъ онъ рѣчи Микулы родной,
Сухманъ-богатырь, дивъ съ кудрявой главой,
И внемлетъ онъ вѣщамъ его заклинаньямъ.
Выходитъ Сухманъ изъ костра на траву,
Идетъ, поднимая все выше главу,
Неслышный, чуть видный, къ дремучему лѣсу;
Но только вступаетъ подъ сѣнь онъ древеть,

Онъ быстро расетъ и беретъ ихъ въ охапку;
 Шипитъ и трещитъ перепуганный лѣсъ,
 Коробятся въ страхѣ дрожащія вѣтви,
 Поблекнули листья, и съ свистомъ глухимъ,
 Со всѣхъ сторонъ брызжетъ багровое пламя.
 И молить лѣсъ темный Сухмана, сквозь дымъ:
 «Не тронь, богатырь, насъ; не мучь ты напрасно!
 Все будетъ, какъ хочешь».... Но онъ лишь идетъ.
 И мечетъ по лѣсу могучія руи;
 Захватить поллѣса, тотчасъ же зажжетъ,
 И вновь идетъ дальше; а красное пламя,
 Какъ бурныя волны, растеть все растеть.
 И огненнымъ моремъ бѣжитъ за нимъ слѣдомъ.

Теперь, лѣсъ дремучій, теперь лишь держись!
 Вотъ внуки Стрибоговъ *) съ шумомъ подвозить
 Ему колесницу, къ все запряглись,
 И съ визгомъ, и съ гикомъ помчались по чащѣ;
 Еще сталъ свирѣпѣй ужасный Сухманъ;
 Полнеба покрылъ онъ удушливымъ дымомъ,
 А въ слѣдъ за нимъ лететь огня океанъ...
 Бѣгутъ какъ шальные и мечутся звѣри
 И дивы,—съ неистовымъ крикомъ летять
 И вьются надъ лѣсомъ чудовища-птицы,
 Ползутъ по горящей золѣ и шипятъ
 Ужасныя гады.... А онъ все несется,
 Едва уже видный среди облаковъ,
 Въ багровомъ туманѣ.

И вотъ, предъ Микулой
 Широко лежитъ, будто темный покровъ,
 Открытое поле. Кой-гдѣ одиноко
 Чернѣютъ стволы обгорѣвшихъ деревъ,
 Какъ мрачныя остовы мертвыхъ титановъ,
 Когда-то царившихъ по этимъ мѣстамъ;
 Лишь красное пламя, чуть видною змѣйкой.
 Порой пробѣжить по обугленнымъ пнямъ,
 И снова раздутьое огненнымъ вихремъ,

*) Стрибогъ, славянской богъ вѣтровъ.

Подымется къ небу столбомъ золотымъ,
 Надъ сѣрою грудой угасшаго пепла;
 Иль дерево рухнетъ со скрипомъ глухимъ,
 И брызнуть фонтаномъ вокругъ него искры.

Микула и родъ его племя вошли
 Въ сплошныя равнины страны приднѣпровской;
 Предъ ними лежалъ край обильной земли,
 Какъ бы ожидавшій ихъ только прибытія,
 Чтобъ сдѣлаться садомъ Полуночныхъ странъ
 И дать отдаленнымъ Микулы потомкамъ
 Прозванье отъ грековъ,—Георговъ-Полянъ,—
 Той самой древнѣйшей страны замледѣльцевъ,
 Гдѣ позже гораздо, иль той же порой,
 Столь мало извѣстной, ихъ вѣще братья
 Кій, Щекъ и Хоривъ, съ молодою сестрой,
 Живущей понинѣ, прекрасной Лыбелю,
 Построили мѣвъ⁹⁾

Здѣсь всгрѣтила ихъ
 Днипра-Королевишна, вѣщая вила,
 Царица-валькирья мѣсть этихъ глухихъ,
 Что греки считали страной амазовокъ,—
 Воинственныхъ дѣвъ, наводившихъ собой
 Таинственный страхъ на былую Элладу.
 Онѣ занимались одною войной,
 Чуждались мужчинъ, тихой жизни семейной;
 Звѣриная кожа на плечахъ зимой,
 Покровъ легкій лѣтомъ,—служилъ имъ одеждой;
 Ихъ сборный кружокъ былъ родной имъ семьей,
 А воля царицы ихъ,—высшимъ закономъ.
 Съ копьемъ, обожженнымъ изъ дуба, въ рукахъ,
 Съ стрѣлами съ насаженной костью, въ колчанахъ,
 Въ той легкой одеждѣ на голыхъ плечахъ,
 Онѣ проносились воинственной ратью
 По темнымъ лѣсамъ, по ложбинамъ степнымъ,
 Въ сосѣднія съ ними и дальнія страны,
 Грозя непрестанно народамъ чужимъ,
 Чудесною ихъ, безпощадною силой.

И горе тому, посягнуть кто-бъ посмѣлъ
 На дѣвственный край ихъ, иль стыдъ ихъ дѣвичій:
 Онѣ закидали-бъ его тучей стрѣлъ,
 Или растерзали-бъ, какъ хищные звѣри ¹⁰⁾.

Ихъ знали давно въ приднѣпровской странѣ,
 И дальше по берегу Чернаго моря;
 И ежели вѣрить сѣдой старинѣ,—
 Онѣ, обогнувши побережье Кавказа,
 Во время извѣстной Троянской войны,
 Ходили на помощь къ далекимъ Троянцамъ;
 И долго ихъ именемъ были полны
 Далекія страны Востока и Юга;
 Пока дочь Микулина ихъ собрала
 Въ кругъ болѣе тѣсный,—кругъ мирный, семейный;
 Хоть также смирить въ нихъ еще не могла
 Характеръ воинскій.

По нашимъ преданьямъ,
 Младая Днипра, до конца своихъ дней,
 У насъ почитается вилой-валькирьей,
 И мѣткой изъ лука стрѣльбою своей
 Она даже спорить съ воинственнымъ Дономъ,
 За что и была поплатиться должна
 Потомъ своей жизнью.

Здѣсь, возлѣ Гилея,
 Могъ жить на Днѣпрѣ, еще въ тѣ времена,
 И страшный тотъ Змѣй, вѣроятно, потомокъ
 Восточныхъ Сохаковъ, а можетъ, сродни
 И лютымъ тѣмъ Змѣямъ, что выгнали Невровъ;
 Тотъ Змѣй, собиравшій изъ каждой семьи
 По дѣвушкѣ, *) въ видѣ положенной дани.
 Впослѣдствіи, сказанья объ этомъ страны,
 Не разъ, какъ мы знаемъ, могли измѣниться:
 Но нить ихъ уходитъ во мглу старины
 И вяжется прямо съ той первой эпохой ¹¹⁾.
 Еще того прежде Микула нашъ зная,

*) По другому преданью: по юношѣ.

Когда былъ Перуномъ, стихійнаго Змѣя,
 Что онъ запрягъ въ сошку; но здѣсь предстоялъ
 Ему новый подвигъ, и можетъ, труднѣйшій.

Блестящее солнце столпомъ золотымъ
 Всплывало съ Востока изъ моря тумана,
 Какъ будто встрѣчая сіяньемъ своимъ
 Родимыхъ своихъ, первородныхъ потомковъ.
 По мѣрѣ ихъ шествья, все шире, полнѣй,
 Вкругъ нихъ раздвигалась вдали понорама
 Цвѣтущихъ равнинъ, сихъ грядущихъ полей,
 Веселыхъ побережій, озеръ и заливовъ;
 Страна вся кишѣла обильемъ плодовъ,
 А дальше синѣлъ боръ глухой и пустынный,
 Пока еще царство безвѣстныхъ враговъ.
 Рѣчной свѣжій воздухъ сулилъ имъ здоровье;
 Кусты винограда, сплетаясь, вились
 У нихъ подъ рукою; станицы пернатыхъ
 Порхали по воздуху или неслись
 Густой вереницей съ далекой Полночи.

Весь берегъ Днѣпровскій широко пестрѣлъ
 Толпами идущихъ вдали поселенцевъ;
 А слѣдомъ за ними, ихъ путь зеленѣлъ
 Или золотился желтѣвшю нивой.

Съ душевной отрадой Микула глядитъ
 На край благодатный; у Пріи сердечной
 Глаза разгорѣлись и сердце стучить,
 Отъ будущихъ благъ, что сулитъ обладанье
 Ей этой страной, гдѣ все веселить
 И радуеть взоры. Она привлонила
 Къ отцу на плечо, и ему говорить:
 «Свѣтъ-батюшка мой ты родной! Посмотри-ка
 На эти равнины шелковыхъ луговъ,
 На эти дубравы и синія воды;
 Нѣтъ только здѣсь нашихъ червленыхъ судовъ,
 Нѣтъ сель нашихъ, градовъ, чтобы оживился
 Край этотъ привольный. Гдѣ мы ни прошли,
 Нигдѣ не встрѣчали такого обилья,

Такой плодородной богатой земли.
 Густыя дубравы ее заслонили
 Отъ дивовъ Полночи, поля и луга
 У насъ подъ руками. А эти рощенья,
 Куда не ступала понынѣ нога
 Еще человѣка, — онѣ полны птицы
 И звѣря пушнаго. Съ Востока сюда
 Путь къ грекамъ; въ мѣстахъ сихъ живутъ наши братья.
 Не здѣсь ли земли золотая среда?
 Отсюда пойдемъ мы лѣсными рѣками
 На Западъ и Сѣверъ; по ихъ берегамъ
 Сыны наши срубятъ торговые грады,
 Внесутъ въ новый край сей служенье богамъ,
 И древній законъ и обычай отцовскій.
 Вотъ край, предназначенный свыше судьбой
 И матерью нашей Землей намъ на долю;
 Здѣсь сядетъ въ раздольи весь родъ нашъ святой,
 И будетъ богаче, сильнѣй всѣхъ на свѣтѣ».

— ~~Свѣтъ-вѣщяя доль ты моя! говоришь~~

На это Микула родной Селеницычъ...
 Тобой свѣтлый родъ нашъ, какъ солнце, блеститъ;
 Тобой начался онъ, тобой завершится,
 Ты благословенна на каждомъ селѣ;
 Гдѣ ты указала, тамъ мы и вѣлимся.
~~И далъ тебѣ жизнь на родимой землѣ.~~
 Но ты разцвѣла и потомъ возмужала
 Ученіемъ вѣщихъ, святыхъ мудрецовъ,
 Божественной пищей небесной науки;
 Черезъ это ты сдѣлалась дочерью боговъ,
 Уставщицей теплыхъ молитвъ и обрядовъ, —
 Ты нашей грядущей судьбины заря.
 «Когда не имѣлъ мѣръ главы, то колеблемъ
 Былъ страхомъ, и Вышній далъ людямъ царя»...
 Я ваша глава, какъ старѣйшій межъ вами;
 Но ты свѣтъ народный, ты разумъ его,
 Пророчица, слово боговъ вѣковѣчныхъ;
 Ты мать судебъ нашихъ, царица в него,
 Что есть и что будетъ. Безсмертные дали

Тебѣ читать въ мракѣ грядущемъ время;
 Не даромъ пришли мы въ сей край благодатный,
 На то воля Божья. Миѣ также былъ сонъ,
 Что будто бы здѣсь изъ тебя чудно выросъ
 Развѣсистый дубъ, и широко покрылъ
 Своими вѣтвями край этотъ обширный;
 И много онъ разныхъ племенъ осѣнилъ
 Своею густою, широкою листвою;
 И я самъ, проснувшись, въ умѣ порѣшилъ,
 Чтобъ здѣсь намъ раскинуть свои поселенья ¹²⁾.

Межъ тѣмъ въ высотахъ, на зажженныхъ кострахъ,
 Дымилися жертвы богамъ вѣковѣчнымъ;
 Кровь жертвъ собиралась въ священныхъ котлахъ
 Для высшей вѣщбы. По ея испареньямъ,
 По цвѣту, осадкѣ, судилось о томъ,
 Какой ожидаетъ успѣхъ предпріятъе;
 Оно утвердится иль нѣтъ божествомъ, —
 Въ чемъ вѣщія дѣвы гаданья давали
 Свои прорицанья. Гадали онѣ
 Священными также стрѣлами, — подобьемъ
 Лучей жгучихъ солнца.

Тогда какъ однѣ

Изъ жрицъ и гадальщицъ толпилися вокругъ Грозной,
 Готовившей жертвы, что тутъ же она,
 Связавъ, отдавала жрецамъ на закланье, —
 Прекрасная Прія, величья полна,
 Взглянула въ котель съ осаждавшейся кровью,
 Подперла бедро себѣ лѣвой рукой
 И, глазъ не спуская съ дымившейся крови,
 Сказала: «кровь жертвы угодна богамъ;
 Они принимаютъ отъ міра хлѣбъ съ солью.
 Безсмертные шлютъ благоденствіе намъ
 И полное счастье въ мѣстахъ этихъ новыхъ.
 Вотъ, — батюшка, свѣтъ нашъ, родимый Велесъ,
 Какъ волю бѣжитъ къ пойлу святой нашей жертвы;
 Еще облака разбрелись вдоль небесъ,
 Какъ будто коровушки врознь среди поля;
 Но онъ, пастушекъ нашъ, скликаетъ ужъ ихъ;

Бѣгутъ и онѣ, какъ телята за матвой...
 Узрѣлъ насъ Сварожичъ съ небесъ золотыхъ,
 И мечеть на нашихъ враговъ онъ далеко
 Палящія стрѣлы».

Потомъ собрала

Она заостренныя стрѣлы гаданья,
 Разсыпала ихъ по землѣ, обошла
 Вокругъ нихъ три раза, и снова сказала:
 «Раздвинется родъ нашъ по здѣшней странѣ,
 Какъ эти вотъ стрѣлы; путей ему много...
 Размножится родъ нашъ, какъ рыба на днѣ
 Рѣки многоводной. Кто выше насъ въ мірѣ?
 Отецъ нашъ царить на землѣ и въ водахъ,—
 Въ немъ восемь частицъ силъ божественныхъ міра;
 Нѣтъ равныхъ ему въ поднебесныхъ странахъ;
 Онъ силою возлухъ, огонь, въ немъ блескъ солнца
 И мѣсяца, онъ божество свѣтлыхъ водъ,
 Верховный царь правды, источникъ богатства,
 Властитель земли... Кто его назоветъ
 Простымъ человѣкомъ? Для всѣхъ онъ богъ вышній,
 Въ лицѣ человѣка... Пусть каждый лишь родъ
 Наслѣдіемъ править своимъ безъ раздѣла,
 Какъ правда велить, какъ законъ нашъ постигъ. —
 Зане по законамъ святымъ у насъ правда.
 Взгляни на насъ, Ладо! ¹³⁾».

И въ этотъ же мигъ

Златой лукъ Перуна, дугой семицвѣтной,
 Раскинулся въ небѣ; неистовый крикъ
 Привѣтствовалъ громко незримаго бога.
 Какъ бы отвѣчая, вдали раздались,
 Подобные ржанью коня боеваго,
 Раскаты громовые, — и понеслись
 Еще громогласнѣй народныя клики...

Затѣмъ начался шумный жертвенный пиръ,
 Гдѣ дивъ-Обѣдало и дивъ-Опивало
 Боролись въ ѣдѣ и въ питьѣ, пока міръ
 Народный терять лучъ послѣдній сознанья,
 И тутъ же въ хмѣлю засыпалъ крѣпкимъ сномъ;

Но долго гремѣли вдали еще крики,
И въ тактъ выступаи, въ восторгѣ святомъ,
Плясалъ хороводъ женъ и дѣвицъ славянскихъ.

Одни состязалась межъ тѣмъ въ похвалбѣ;
Другіе, моложе, въ ристаньи; иные
Въ метаньѣ камней или въ ловкой борьбѣ,
Въ кулачномъ бою, ихъ любимой забавѣ... 14).

Таковъ міръ народный! Малѣйшій привѣтъ
Иль ласковый знакъ божества его тѣшить;
Въ небесныхъ явленяхъ блескитъ ему свѣтъ,
Въ счастливой примѣтѣ онъ видитъ удачу.
Міръ этотъ не зналъ, что онъ самъ богъ земли,
А боги тѣ были его же созданье;
Они удалятся въ свой часъ, какъ пришли, —
А онъ, неизмѣнный хозяинъ вселенной.

Иные искали удобныхъ ужъ мѣстъ
Своимъ поселеньямъ; другіе шли дальше,
Побрежьями рѣкъ, по теченію звѣздъ,
Вглубь, полнаго всякимъ обиліемъ, ерая.
Какъ шумный приливъ и отливъ темныхъ волнъ,
Далеко чернѣли толпы за толпами;
Мѣстами дымился пылающій горнъ,
Мѣстами сряжалась родимая сошка.
Все имъ обѣщало привольные дни,
Природа — обилье, земля — плодородье...
Вотъ эти мѣста, что искали они,
Куда привела ихъ молва черезъ горы
И быстрыя рѣки.

Въ низовьяхъ Днѣпра

Тогда обитали сперва Волкодлаки;
Но уже прошла золотая пора
Господства ихъ въ этой странѣ благодатной.
Тѣснясь съ Сѣвера племенемъ Змѣй,
Они удалились отсюда на Западъ;
А край приднѣпровскій, гдѣ жили позднѣй,
Подъ сѣнію Кіева, наши Поляне,
Сталъ давникомъ новыхъ пришельцевъ. Они,

Какъ сказано выше, въ дань брали съ сосѣдей,
 По дѣвущкѣ въ каждомъ семействѣ, одни
 Господствуя въ этихъ пространствахъ. Настала,
 Какъ видно, чередъ дань платить и Микулѣ, —
 Иль край приднѣпровскій къ Микулѣ прислалъ
 Просить его помощи, противъ Змѣй лютыхъ
 И тяжкой ихъ дани: затѣмъ что одинъ
 Микула свершить могъ тяжелый сей подвигъ,
 Приписанный послѣ, въ разказахъ родныхъ,
 Кузьмѣ Божемякѣ, — (такъ поздней порой,
 Отецъ земледѣля зовется не тщетно
 У насъ то Микулой, то вѣщимъ Кузьмой);
 Но только слышалъ о дани постыдной,
 Вскипѣлъ страшнымъ гнѣвомъ Микула благой.
 Предъ нимъ просушались волови божи;
 Микула съ досады рванулъ ихъ рувой,
 И въ разъ разорвалъ ихъ сырѣемъ цѣплымъ ворохомъ
 Потомъ, въ одинъ мигъ, поднялся, и идетъ
 На берегъ Днѣпровскій; за нимъ потанулся
 И родъ его, племя, пустивъ напередъ
 Своихъ соглядатаевъ вывѣдать мѣстность.

Межъ тѣмъ и въ степи, уже нѣсколько дней,
 Замѣчено было большое движеніе, —
 Бѣжали-ль стада по ней дикихъ звѣрей,
 Или клонилъ вѣтеръ траву шелковую,
 Но только движеніе росло все сильнѣй;
 И вотъ, разступилась трава шелковая,
 Вдали появилось полчище Змѣй,
 Иль лучше, какихъ-то хохлатыхъ чудовищъ,
 Съ цвѣтными хохлами на пестрыхъ башкахъ,
 Въ узорчатой, будто расписанной кожѣ,
 Съ серьгами во рту и съ серьгами въ ушахъ,
 И съ жадами, видомъ подобными коньямъ.
 Одни извиваясь, ползли по травѣ,
 Другіе стояли, подпершись хвостами;
 Яснѣй всѣхъ видѣлся у нихъ во главѣ,
 Змѣй самый огромный и самый хохлатый,
 Весь пестрый, съ блестящею въ ухѣ серьгой

И съ яркимъ перомъ на хохлѣ,—ихъ начальникъ.

Микула выходитъ съ отборной толпой
Вождей и старѣйшинъ своихъ, въ нимъ на встрѣчу;
Замѣтивши это, и главный тотъ Змѣй
Тотчасъ отдѣлился отъ рати змѣиной,
Съ отборной змѣиною свитой своей,
И первый такъ началъ къ Микулѣ онъ слово:

«О вѣщій и сильный земли человекъ
Иль богъ, намъ безвѣстный, —кто-бъ ты, пришлецъ, ни былъ!
Почто ты пришелъ изъ за-горь, изъ за-рѣкъ,
Разрушить въ мѣстахъ сихъ владычество наше?
Почто выжигашь ты наши лѣса?
Почто истребляешь ты наши жилища?...
Какъ будто здѣсь только блестятъ небеса,
Иль нѣтъ тебѣ мѣста опречь земли нашей.
Отъ вѣка живемъ мы въ мѣстахъ сихъ глухихъ,
По темнымъ пещерамъ, душлистымъ деревьямъ,
Пьемъ кровь и ѣдимъ супостатовъ своихъ,
Бремъ себѣ дань, по дѣвицѣ съ семейства;
Но какъ человекъ ты, я вижу,—то знай,
Страна эта наша, и въ ней мы владыки.
Когда ты посмѣлъ появиться съ нашъ край;
То намъ покорись и плати ежегодно
Такую же дань,—по дѣвицѣ съ семьи,
Какъ платять другіе. Вотъ что повелѣлъ мнѣ
Сказать тебѣ грозный царь здѣшней земли,
Глава и владыка змѣинаго рода».

Микула оперся на посохъ рукой,
И давъ кончить Змѣю, ему отвѣчаетъ:
«О хитрый *) Змѣй!... Князь ты или кто иной,
Посоль иль другой кто, про то я не знаю;
Не хитрая будетъ къ тебѣ рѣчь моя,
Но ты не взыщи, только дай досказать мнѣ.
Про вашъ родъ змѣиный слыхалъ уже я;
По вашимъ законамъ, намъ жить непригодно.
Мы здѣсь пришлецы, но съ собой принесли

*) Слово: хитрый въ древности значило: мудрый, ловкій, знающій.

Свой бытъ и законы. Не богъ я всеильный,
 Ты правду сказалъ; я сынъ младшій земли,
 Но худа тебѣ и твоимъ не желаю:
 Затѣмъ что земля,—мать родная моя,
 И всѣ ея дѣти мнѣ также родные;
 Куда ни вступаю съ моимъ родомъ я,
 Тамъ скоро всѣ сами родятся со мною.
 Вы полны враждою ко мнѣ и къ моимъ,
 Затѣмъ, что питаетесь пищею нечистой,
 Живете по дупламъ, пещерамъ глухимъ,—
 Не знаете жизни прямой и раздольной;
 Одна лишь война да раздоры у васъ;
 Но мы ѣдимъ хлѣбъ, а пьемъ медь мы и брагу,
 День цѣлый трудимся.... Взгляните на насъ,—
 Мы сильные люди; а вы еще дивы.
 Идите-жь, скажите царю своему,
 Что выходовъ, даней платить я не буду —
 И кровныхъ я дочерей не выдамъ ему;
 А пусть онъ со мною помѣрится силой.
 Который изъ насъ одолѣетъ въ борьбѣ,
 Тотъ, значить, и будетъ владыкою въ краѣ.
 Вотъ сказъ мой послѣдній, Змѣй хитрый, тебѣ,
 Снеси же царю это, вашему Змѣю.»

Но царственный Змѣй вступать въ бой не хотѣлъ;
 Онъ зналъ про ужасную силу Микулы,
 Отца земледѣля, и явно не смѣлъ
 Съ нимъ мѣриться силой. Тогда Селянинъчъ,
 Приблизясь къ пещерѣ, ему закричалъ,
 Что онъ разбрасаетъ его логовище;
 Противиться Змѣю ужъ было нельзя;
 И вотъ, собрался онъ со всей своей силой,—
 И вышелъ.

Дрогнула сырая земля,
 Узрѣвъ предъ собою свое порожденье,
 Такого титана; лишь развѣ во снѣ
 Видалъ родъ Микулинъ подобныхъ чудовищъ....

Свои и враги отошли къ сторонѣ,
 Оставивши только въ срединѣ пространство

Соперникамъ грознымъ; и всё въ тишинѣ,
Не двигаясь, ждали, чѣмъ кончится битва.

Но нашъ-то Микула, догадливъ онъ былъ,
Онъ весь обмотался сырой коноплею,
Что онъ передъ этимъ еще насолилъ.
И вотъ, началась упорная битва;
Змѣй лютый Микулу и жжетъ, и палитъ,
И ваетъ, вотъ разорветъ въ мигъ на части;
А это съ него капопля лишь летитъ;
Но онъ самъ, Микула, стоитъ невредимый,
Да знай себѣ лютаго Змѣя долбить
Тяжелою палицей по головецѣ.

Боролися долго они такъ вдвоемъ,
Какъ равные оба гигантскою силой;
Не разъ отдыхали, и снова потомъ
Бидалися въ-схватку. Змѣй сталъ напоследокъ
Слабѣть подъ тяжелой Микулы рукой,
И тихо взмолился: «не бей меня на смерть,
Микула! Нѣтъ въ свѣтѣ сильнѣй насъ съ тобой;
Раздѣлимъ всю землю и весь свѣтъ подлунный
Мы поровну; будешь ты жить самъ большой
Въ одной половинѣ, а я съ моимъ родомъ
Въ другой».... «Хорошо! рекъ Микула благой:
Раздѣлимъ, пожалуй, мы землю межъ нами;
Инь-надо собща намъ межу проложить....»
Царь Змѣй согласился.

И вотъ, положили
Микула и Змѣй, межъ нихъ землю дѣлить,
Назначивъ при этомъ такія условья:
Что онъ, Селянинычъ, съ потомствомъ своимъ
Займетъ подъ себя, иль запашетъ, засѣетъ,
По доламъ широкимъ, равнинамъ пустымъ,
И словомъ, въ чему онъ, Микула, приложить
Хоть часть золотого труда своего, —
То будетъ отнынѣ во вѣкъ нерушимо
Его достояньемъ и рода его;
А все остальное, чего не займетъ онъ
Или не распашетъ сохою своей,

Или не засѣтъ земными плодами, —
 Всей этой пустыней владѣть будетъ Змѣй.

Условіе это они утвердили
 Взаимною клятвой, смѣшавши ихъ кровь
 Въ одной общей чашѣ съ виномъ или брагой,
 И дали обѣтъ, блюсти миръ и любовь
 И сей договоръ межъ собой, до скончанья,
 Во всемъ нерушимо, всегда и вездѣ,
 Повуда на небѣ свѣтитъ будетъ солнце,
 Хмѣль плавать, а камень тонуть на водѣ ¹⁵⁾.

Покончивши дѣл, съ главою змѣинымъ,
 Разумный Микула велѣлъ имъ подать
 Печенаго хлѣба съ братами меда;
 Поѣлъ самъ и отпилъ, и сталъ угощать
 Смирѣннаго змѣя и всю его свиту.
 Сперва Змѣй отвергнулъ земли благодать:
 Ему не взлюбилось ни то, ни другое;
 Но послѣ привыкнулъ. Змѣиная рать,
 Накинулась жадно на сладкую пищу,
 Пошелъ по змѣинымъ башкамъ хмѣль гулять;
 Дни цѣлые длилось у нихъ пированье,
 А ночью иные и сами ползли
 Въ станъ крѣпкій Микулы, — и только, собравшись
 Совсѣмъ ужъ въ дорогу, случайно нашли
 Едва ихъ живыхъ подъ корчагами съ медомъ.

Изладилъ Микулушка сошку свою,
 Ту сошку златую, что въ дни еще оны,
 Когда вышелъ встрѣтить онъ міра зарю,
 Ему подарило родимое Солнце;
 Впрягъ Змѣя, и прямо бороздку повелъ
 Съ угодій Днѣпровскихъ на синее море;
 Какъ-разъ поднялся и весь родъ, и пошелъ
 За нимъ, за главою славянскаго міра.
 Сперва пастухи шли въ главѣ стадъ мірскихъ,
 Играя на длинныхъ рожкахъ и на дудкахъ,
 Тѣхъ тибіяхъ древнихъ, что въ пѣсняхъ своихъ
 Прославилъ впоследствии Тибулъ съ Феокритомъ,

А позже Горацій. Чуть видны въ травѣ,
Они шли съ шестами, обвитыми хмѣлемъ,
Какъ сонмъ согладатаевъ хитрыхъ, въ главѣ
Родимыхъ племень, пролагая дорогу ¹⁶⁾.

За ними Микула вель сошкой златой,
Запряженной Змѣемъ, широко бороздку;
А вѣщая Вана чудесной рукой
Въ ней сѣяла сѣмя общественной жизни ¹⁷⁾.

Идетъ онъ, Микула,—а слѣдомъ за нимъ
Уже зеленѣеть широкое поле,
Желтѣють колосья, изъ трубъ вѣется дымъ,
Шумить и гудить бытъ живой деревенскій,
Мычатъ, подъ ярмомъ ихъ, волю по полямъ,
Чернѣеть земля, поднятая съ травомъ,
Валятся деревья по темнымъ лѣсамъ,
Сѣвозъ листву мелькають высокія прясла;
Здѣсь слышится молотъ, тамъ звукъ топора,
Мѣстами повѣетъ душистой смолою;
Тамъ лыкъ и мочала моченыхъ гора,
Тамъ глухо стучить долговязая ступа;
Здѣсь бабы и дѣвки колотятъ валькомъ,
Тутъ дикій конь рвется подъ парнемъ удалымъ,
А тамъ, на нихъ глядя, мальчишка верьхомъ,
Держась за рога, усмиряетъ возлезна;
Толпа ребятишекъ, лѣпясь за хвостомъ,
Неистово воетъ и машетъ руками.

Затѣмъ, среди сонма избранныхъ мужей,
Маститыхъ годами и опытомъ, старцевъ,
Весенняго свѣтлаго утра яснѣй,
Какъ вѣщая Ганга ^{*)}, въ лучахъ свѣтозарныхъ,
Шла вѣщая Прія, держа мечъ въ рукахъ,
Карающій вшивду, и дску правдодатну,
Священную дску, гдѣ въ немногихъ словахъ
Былъ вырѣзанъ первый законъ ихъ гражданскій.

За нею, въ поязкахъ и лентахъ цвѣтныхъ,
Въ широкихъ одѣждахъ, въ расшитыхъ покрывахъ,

*) Ганга есть олицетвореніе также луны въ Индѣйской мѣологіи.

Съ щитами въ рукахъ и съ кѣнками на нихъ,
 Плывъ поступью плавной, чуть-чуть подбоченясь
 И въ тактъ выстуная, молодой хороводъ
 Подругъ щитоносныхъ ея, громкой пѣснью
 Моля дары неба на славный ихъ родъ,
 Святое обилье и дождь благодатный
 На тучное стадо и нивы полей.

Тогда какъ за ними, толпа безбородыхъ
 И ужъ бородастыхъ парней и мужей,
 Со смѣхомъ тащила, связавши веревкой,
 Мохнатыхъ двухъ лѣшихъ, на судъ свой мірской;
 Другіе-жь съ свирѣлью, а кто съ балалайкой,
 Иль ложками мѣрно звѣня надъ головой,
 Подъ звуки сихъ вѣщихъ орудій, что стали
 Потомъ образцами для лиры златой,
 Позднѣйшихъ сирингъ и кротолы звенящей,
 Что древній грекъ принялъ, позднѣйшей порой,
 Въ свой хоръ, исполняя фригійскую пляску, —
 Неслись, раскраснѣвшись отъ браги хмѣльной
 И сладкаго меда, плясали и пѣли,
 То станъ развивая въ тактъ пѣсни родной,
 То вихремъ скользя и кружась межъ рядами.

Потомъ, въ колымагахъ, на тучныхъ волахъ,
 Въ скрипучихъ телѣгахъ, въ коліцевыхъ повозкахъ,
 Въ лубочныхъ коробьяхъ, въ зашитыхъ мѣшкахъ,
 Тянулся обозами скарбъ ихъ домашній.
 Изъ व्यювовъ видѣлись: хлѣбъ разный въ зернѣ,
 Приборъ ручныхъ мѣльницъ, длиннѣйшія ступы,
 Ковриги печеной муки на огнѣ,
 Перины, одежды, большія корчаги,
 Домашняя утварь, оружье, вѣсы,
 Желѣзные полосы, мѣдныя бляхи....
 Тутъ съ лаемъ бѣжали мохнатыя псы;
 Изъ люлекъ смотрѣли чумазы дѣти;
 Шли матери съ грубой куделью въ рукахъ,
 Иныя съ младенцемъ у бронзовой груди,
 Но взрослія уже въ домашнихъ трудахъ,
 Въ заботахъ хозяйскихъ ¹⁸⁾.

И вотъ, напослѣдокъ,
 Какъ бы дополняя картину собой,
 Пестрѣль въ отдаленнѣ родъ хищный, змѣинный.
 Далеко виднѣлся ихъ таборъ цвѣтной,
 При блескѣ костровъ иль при солнечномъ свѣтѣ;
 Порой изъ травы появлялись густой
 То яркѣй хохоль, то два огненныхъ глаза,
 Слѣдившіе зорко, съ тревогой нѣмой,
 За каждымъ разумнымъ движеньемъ Микулы;
 Межь тѣмъ, какъ съ возовъ у Микулы, то тамъ,
 То здѣсь, исчезала незримо поклажа.
 Поймавши, и самъ не спускалъ онъ ворами,
 И часто былъ споръ у него съ царемъ-Змѣемъ.

Гораздо древнѣе такъ шествовалъ онъ,
 Подъ именемъ Вакха или Діониса,
 Среди первобытныхъ восточныхъ племенъ,
 Везомый тамъ парюу тигровъ, вѣнчанннй
 Вѣнцомъ винограднымъ, и съ тирсомъ въ рукахъ,
 Сопутствуемъ вѣщей толпою Куретовъ,
 Веселымъ Силеномъ, читавшимъ въ звѣздахъ,
 И мирно учившимъ, что высшая мудрость
 Въ винѣ благодатномъ, усладѣ боговъ,
 Младымъ Аристеемъ, что вынесъ впервые
 На свѣтъ медь душистый изъ темныхъ лѣсовъ,
 Главой пастуховъ, молодымъ богомъ Паномъ,
 И хоромъ вакханокъ, нимфъ, фавновъ, дѣтей,
 Плясавшихъ предъ ними священную пляску.

Такъ, въ самомъ началѣ онъ шествовалъ дней,
 Внося первый свѣтъ и начало гражданства;
 Такъ шель и теперь онъ,—и вмѣстѣ съ нимъ шли
 То средь облаковъ, то въ прозрачномъ туманѣ,
 Древнѣйшіе боги родимой земли,
 И свѣтлыя души его древнихъ предковъ.

И ночью, и днемъ, онъ ихъ зрѣлъ предъ собой,
 По разнымъ мѣстамъ, на землѣ и на небѣ.
 День цѣлый сіялъ у него надъ главой
 Отецъ его Сваль, благодатное Солнце;
 Въ его свѣтломъ дискѣ, въ лучахъ золотыхъ,

Онъ видѣлъ сіяющій ликъ Святовита;
 Въ дождѣ благодатномъ, изъ тучъ громовыхъ
 Спускался Перунъ, древній богъ плодородья;
 А чуть погружался день въ сумракъ ночной
 И страстная Лада-заря опускала
 Багровый свой пологъ съ каймой золотой
 Надъ дремлющей въ чуткомъ покоѣ землю,
 Вотъ Мѣсяцъ двурогій, сей пастырь небесъ,
 Родимый Велесъ выгонялъ свое стадо, —
 И весь міръ воздушный, міръ полный чудесъ,
 Какъ будто живыми кипѣлъ существами.
 Тамъ видѣлъ Микула такихъ же звѣрей,
 Такихъ же диковинныхъ птицъ и чудовищъ,
 Какъ нѣкогда въ дальней отчизнѣ своей, —
 Чигарь-звѣзду, Зори Дѣвичьи, Кигачи,
 Утинья гнѣзда *); еще тамъ ясніѣ
 Онъ видѣлъ свой собственный образъ, Возницы **),
 Бѣгущій на Полночь, и каждую ночь
 Являвшійся снова на сѣверномъ небѣ;
 И все это видѣлъ Микула точъ въ точъ,
 Какъ это видалъ онъ въ далекой отчизнѣ.

И тотъ же онъ видѣлъ здѣсь кругъ колеса,
 Что вертится въ небѣ, на оси вселенной,
 Незримо прорѣзавъ собой небеса,
 Въ двѣнадцати разныхъ мѣстахъ Зодіака;
 Отколы развиваются ночи и дни,
 И дни, и недѣли, и времена года.....
 И здѣсь развивались также они,
 То бѣлой, блестящей, то черною прядью ¹⁹⁾.

А чуть приспѣвали дни сельскихъ работъ
 Или проходили они къ окончанью,
 Или начинался весной новый годъ,
 Тотчасъ же и праздниекъ, — опашекъ, засѣвокъ,
 Сѣяницъ, овсяницъ, русалии дни;
 Потомъ колосяницъ. заревницъ, зажинокъ;

*) Венера, три звѣзды возлѣ Млечнаго пути, Оріоновъ поясъ, Плеяды.

***) Большая Медвѣдица, въ народѣ — Вось.

Подъ осень,—спожинки, какъ звали они
 Конецъ полевой ихъ тяжелой работы.
 Опречь того,—встрѣча веселой весны,
 Рожденіе солнца и солнцестоянъ,—
 Все праздники древней родной старины,
 Любимые праздники сельскаго міра,
 Всегда молодого. Своей чередой,
 Священныя тризны въ честь предковъ усопшихъ,
 Дѣдины, осенины; зимней порой,
 Особый рядъ празднествъ, въ честь дивовъ стихійныхъ;
 Весной, пированья средь рощей святыхъ,
 У свѣтлыхъ колодцевъ или рѣвъ священныхъ,
 Священныхъ камней, въ тѣхъ мѣстахъ дорогихъ,
 Гдѣ жили издревле безсмертные боги,
 Иль гдѣ поджидали пришельцевъ родныхъ,
 Родимые боги страны этой новой ²⁰⁾,

А гдѣ сельскій праздникъ, тамъ торгъ и мѣна;
 Село превращалось въ торговое мѣсто;
 Заботливый трудъ и его тишина
 Смѣнялися шумнымъ, веселымъ движеньемъ.
 Изъ степи широкой, съ далекихъ озеръ,
 Изъ темныхъ лѣсовъ, изъ-за рѣкъ многоводныхъ,
 Съ морскаго побережья, съ невѣдомыхъ горъ,

Шли звѣри рыскачіе,
 Птицы влечучія,
 Змѣи шипучія,
 Орды толкучія,
 Телѣги скрипучія,
 Богатыри могучіе....

Одни предлагали имъ шкуры звѣрей,
 Другіе на хлѣбъ ихъ мѣняли оружье,
 Иные степныхъ приводили воней,
 Другіе несли мѣдъ, песокъ золотистый....
 Микула, какъ истый хозяинъ земли,
 Мѣнялъ имъ холстину, хлѣбъ, утварь, одѣжду.
 Въ лѣсахъ и равнинахъ, вездѣ рѣчь вели
 Про чудныхъ людей сихъ и женъ ихъ прекрасныхъ;
 И можетъ, за эту красу, не одинъ

Гусь лапчатый отдалъ тогда свои крылья,
 А звѣрь иной грозный, дѣсовъ властелинъ,
 Разстался и съ пестрою царскою шкурой.....
 Межь тѣмъ молва громко росла съ каждымъ днемъ.
 О нихъ, какъ о выспихъ, божественныхъ людяхъ,
 И долго была вся окрестность потомъ
 Полна обаяньемъ чудесной ихъ силы.

Такъ вѣщій Микула со Змѣемъ дошли
 До синяго моря. Микула нашъ занялъ
 Огромную область цвѣтущей земли,
 Что родъ его племя вспахалъ и засѣялъ;
 А дикія полчища царственныхъ Змѣй
 Замѣтно рѣдѣли у нихъ предъ глазами,
 Нивакъ не привыкнувъ ни къ нравамъ людей,
 Ни къ плотной ихъ пищѣ и крѣпкимъ напиткамъ.

~~Пришли они къ морю и стали дѣлать
 И самое море. Царь-Змѣй отказался:
 Но вѣщій Микула, чтобъ съ нимъ порѣшить,
 Напомнить о бывшемъ у нихъ уговорѣ,
 Показавъ, ты станешь еще поворочать,
 Что мы завладѣли твоими водами!
 Онъ Змѣю сказалъ, и тотчасъ же пустилъ
 Его впередъ въ море: а самъ пошелъ свали,—
 Толкнулъ его въ воду, и тутъ же убилъ;
 Тогда родъ змѣинный ушелъ въ глубь степную,
 И весь истребленъ былъ.~~

Здѣсь Днѣстръ молодой
 Издревле былъ сторожемъ силы славянской;
 Въ странѣ этой горной, а къ Югу—степной,
 Исторія рано встрѣчается съ ними.
 Здѣсь первый этапъ ихъ; отсюда потомъ
 Они заселили весь край придунайскій;
 Здѣсь шелъ главный торгъ дорогимъ янтаремъ,
 Черезъ эти мѣста проходилъ онъ съ Поморья;
 Здѣсь былъ первый путь изъ Полуночныхъ странъ,
 На дальній Полудень и въ Римское царство.

Микула устроилъ здѣсь мирный свой станъ;
 Но Дябелъ извѣстилъ, что отсюда на Западъ
 Земля поднялася горбами; живеть
 Тамъ Лаума вѣдьма, живутъ Волгодлаки,
 Живеть Святогоръ-дивъ; но мѣстность слыветъ,
 Хотя и гористой, но всёмъ изобильной ²¹).

Микула, - вѣрнѣй, —желалъ мимо пройти
 Угрюмага дива, съ кѣмъ онъ не встрѣчался
 Съ сѣдаго Кавказа, хотъ могъ онъ найти
 И здѣсь, поселившихся также, собратьевъ;
 Но Божьей нивто не минуеть судьбы, —
 Ни смертный, ни звѣрь, ни пернатая птица.

Лишь только вошелъ онъ въ земные горбы,
 Какъ рано поутру однажды онъ слышитъ —
 «Великій шумъ съ подь той сѣверной сторонушки;
 «Мать сыра-земля колыбается,
 «Темны лѣсушки шатаются,
 «Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются;
 «Глядитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣса стоячаго,
 «Головой упираетъ подь облаку ходячую,
 «На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,» —
 Словно неба клочекъ изъ-за черныхъ тучъ.

«Ѣдетъ онъ по чисту полю, —
 «Не съ кѣмъ Святогору силой помѣриться,
 «А сила-то по жилочкамъ
 «Такъ и переливается,
 «Трудно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени.
 «Вотъ и говоритъ Святогоръ:
 «Какъ бы я тяги нашель,
 «Такъ я бы всю зѣмлю поднялъ!.....»

Межъ тѣмъ, просвѣтлѣло, —и выѣхалъ онъ,
 Титанъ-богатырь первобытныхъ временъ,
 Какъ видѣлъ его на Кавказѣ Микула.

Съ Кавказа Микула его не видалъ;
 Съ тѣхъ поръ Святогоръ все его догонялъ, —
 Невидимый, значить, Микулину роду.

«Постой-ка, кричить, дай взглянуть на себя!
 Давно догоняю я, страннижь, тебя;

А все не могу перегнать твоей прыти.

«Поѣду-ль я рысью, ты все впереди;
Поѣду-ли ступой, а, все назади....»

Что это несешь ты за чудную сумку?

«Давно я смогрю на тебя издали;
Тебѣ, звать, подвластны всѣ силы земли;
Должно быть, въ тебѣ есть немалая сила?»

«А я такъ не встрѣчу силъ, равныхъ со мной:
Смотри, уродился уродъ я какой,
Насилу меня мать сыра-земля носить.»

«А сила по жилочкамъ такъ и идетъ;
Такъ живчикомъ сила по жилкамъ и бьетъ;
Мнѣ съ ней инда — грузно, какъ съ бременемъ тяжкимъ.»

«Пожди-ка немного, прохожій, стой!
Дай мнѣ поровняться, прохожій, съ тобой.
Скажи мнѣ, повѣдай, что ты несешь въ сумкѣ?...»

Микула нашъ сталъ на пути, и стоять.

«А вотъ подымика-ее, говорить, —
Тогда и узнаешь, что я несу въ сумкѣ.»

А самъ съ этимъ словомъ, — догадливъ онъ былъ,
Самъ снялъ съ себя сумку свою, положилъ
На мать сыру-землю, и смотреть: что будетъ?

«Наѣзжалъ тутъ богатырь въ степи

«На маленьку сумочку переметную.

«Береть погонялку, пощупаетъ сумочку, она не скрывается,

«Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется;

«Хватить съ коня руками, — не подымается:

«— Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,

«— А эдакого чуда не наѣзживаль,

«— Такого дива не видываль:

«— Маленькая сумочка переметная

«— Не скрывается, не сворохнется, не подымется.

«Слезаетъ Святогоръ съ добра коня,

«Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,

«Поднял сумочку повыше колѣнъ,

«И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,

«А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.»

Грузъ тяги земной Святогора сломилъ,

Отецъ земледѣля его побѣдилъ;
 Такъ онъ, на томъ мѣстѣ, скалой и остался.
 «Гдѣ Святогоръ угрызъ, тамъ и встать не могъ,
 «Тутъ ему было и кончаніе.»
 Безъ боя Микула его одолѣлъ;
 Безъ спора, землю его овладѣлъ...
 Но есть и другое объ этомъ преданье:
 Жаль стало Микулушкѣ богатыря;
 «Погибнетъ могучая силушка зря!»
 Взялъ онъ Святогора за мощныя плечи...
 «Ну, дивный же точно ты есть человекъ!
 Живу на землѣ не единый я вѣкъ,
 Не видѣлъ такого». Сказалъ дивъ, поднявшись.
 «Открой, кто такой ты? Какъ мнѣ тебя звать,
 По отчеству-роду тебя величать?
 Повѣдай, что въ этой положено сумкѣ?»
 —Изволь! Селяннычъ ему говорить.
 Скажу тебѣ, кто я. Весь міръ давно чтить,
 Подъ именемъ князя, меня, —князя-Кола.
 —И я богатырь былъ, такой же, какъ ты;
 Доступны мнѣ были небесъ высоты;
 И я развѣзжалъ тамъ, по небу, Возничимъ,
 —Пахаль тучи черныя сошкой златой;
 Дажь-богъ лучезарный отецъ мнѣ родной;
 Но послѣ спустился я съ неба на землю.
 —Сырая Земля мать родная моя:
 Затѣмъ-то она такъ и любить меня;
 По ней я и сталъ Селяннычъ Микула.
 —Какъ ты, богатырь, —дивъ древнѣйшихъ племень,
 Такъ я, —земледѣля князь новыхъ временъ;
 А въ сумкѣ моей несу тягу земную. —
 «Чтожь это за тяга такая? Опять
 Его начинаетъ титанъ вопрошать.
 Я вижу, ты свѣдуецъ во всякой наукѣ;
 «Лишь ты одинъ развѣ мнѣ можешь сказать:
 Какъ мнѣ-бы судьбину мою разузнать.
 Но прежде открой мнѣ, что это за тяга?»
 —Что это за тяга?—А видишь ли вотъ,

То трудъ мой тяжелый, кровавый мой потъ,
Что я ублажаю родимую землю;

—То, видишь, всеневная наша страда,
Что Богъ наложилъ на мой родъ навсегда,
Пока людямъ нуженъ хлѣбъ будетъ насущный;

—То силушка наша, что родъ только мой
Владѣеть, — родъ этотъ, любимый землей;
Та силушка, въ мѣрѣ кого нѣтъ сильнѣе.

—А ты, богатырь-дивъ, силачь Святогоръ,
Какъ ты богатырь есть ушелій и горъ,
То ты поѣзжай-ка отсюда на Сиверь.

—Поѣдешь все прямо до розтани ты;
На розтани той разойдутся пути;
Ты путь возьми влѣво, и въѣдешь ты въ горы;

—Тамъ кузницу встрѣтишь, подъ древомъ большимъ;
То древо стволомъ достигаетъ своимъ,
Стволомъ достигаетъ оно вплоть до неба;

—Но ты поѣзжай все себѣ до конца!
Приѣдешь ты въ древу, проси кузнеца,
Проси, чтобъ тебѣ онъ повѣдалъ судьбину. —

Кивнулъ Святогоръ и исчезнулъ вдали;
Микула-жь и родъ его славный пошли,
Какъ прежде, на Полдень, путемъ ихъ дорогой.

Гораздо ужъ послѣ, въ позднѣйшіе дни,
Когда по верховьямъ шли Дона они,
Еще Святогоръ разъ мелькнулъ передъ ними;

Потомъ совершенно изъ виду пропалъ,
На Сѣверѣ. Тамъ кузнецъ вѣщій сковалъ,
Изъ двухъ волосковъ ему тонкихъ, судьбину.

Сковалъ онъ два волоса, точно такихъ,
Что нѣкогда были въ косахъ золотыхъ
Божественной Зифы, — жены бога Тора, *)

Прекрасной богини природы земной,
Божественной матери нивы златой,
Чей волосъ власатый и былъ ея косы.

Сковалъ кузнецъ вѣщій судьбину ему,

*) Торъ, богъ грома и земледѣлія у скандинавовъ.

И тутъ же, онъ гостю велѣлъ своему
Искать здѣсь, по этому краю, невѣсту;

Но эта невѣста спала крѣпкимъ сномъ,
Вся въ гноищѣ, будто въ болотѣ сыромъ,
Обросшая крѣпкой еловой корою,

Какъ бы намекая на Сѣверъ глухой,
Покрытый въ то время безплодной землей,
И весь погруженный еще въ сонъ глубокой.

Задумался крѣпко титанъ-Святогоръ:

Еще не трудился до этихъ онъ поръ,
А только лежалъ или бродилъ,—такъ, безъ цѣли.

Однако, подумавши, онъ говорить:
«Поѣду туда, гдѣ она тамъ лежитъ,
Найду я ее, и убью поскорѣе.»

И точно, нашель онъ ее наконецъ,
Точь въ точь, какъ сказалъ ему вѣщій кузнецъ,
Всю въ гноищѣ смрадномъ, во снѣ непробудномъ,
И тѣло покрыто еловой корою.

Швырнулъ онъ на столъ ей казны золотой,
Что, видно, имѣлъ при себѣ онъ въ запасъ;

Потомъ вынулъ мечъ свой и началъ рубить
Дѣвицу по груди, чтобъ, значить, убить;
Рубилъ онъ, рубилъ,—такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Она же проснулась,—вскочила, глядитъ,
Кора съ нея спала, а возлѣ лежитъ
Казна золотая; и стала съ поры той—

Такой раскрасавицей чудной она,
Кавихъ не видала дотолѣ страна;
А золото тотчасъ пустила въ торговлю.

Купила червленыхъ она кораблей
И всякихъ товаровъ себѣ, поцѣнный;
И торгъ повела по широкому морю.

Прошла о томъ слава до сѣверныхъ горъ;
Заслышалъ о ней,—нашъ титанъ Святогоръ,—
Явилась она и сама къ нему въ гости.

Сперва не узналъ онъ ее; но потомъ,
Когда, обвѣнчавшись, съ ней зажилъ вдвоемъ,
Узналъ по рубцамъ на ея бѣлой груди.

Тогда-то онъ понялъ, что гдѣ ни живи
И какъ ни надѣйся на силы свои,
Своей же судьбины никто не минуетъ.

И сталъ поживать съ своей женою онъ,
Пока судьба новыхъ, позднѣйшихъ временъ
Его уложила совсѣмъ въ домовище.

Тогда позабылся онъ вѣчнымъ ужъ сномъ,
Очистивши мѣсто въ томъ краѣ глухомъ
И силу свою передавъ людямъ новымъ ²²⁾).

Межъ тѣмъ Селяниничъ нашъ, съ родомъ своимъ
Селился за быстрымъ Днѣстромъ и Дунаемъ.
Степной этотъ край былъ ему не чужимъ;
Здѣсь жили давно племена все родные.
И вскорѣ потомъ, на Дунайскихъ берегахъ,
Возникло большое Славянское царство,
Гремѣвшее древле въ окрестныхъ странахъ
Богатствомъ своимъ и широкимъ развитьемъ.
Отсель расселилъ онъ, Микула, свой родъ
До моря Венетовъ и сѣверныхъ Вендовъ.
Они не слилися въ одинъ мѣръ-народъ,
Но плотно насѣли на Югъ весь и Сѣверъ.

И долго еще, съ тѣхъ невѣдомыхъ лѣтъ,
Тотъ край процвѣталъ, край обширный, Славянской;
И долго впослѣдствіи, его смутный слѣдъ
У насъ оставался въ старинныхъ преданьяхъ.
До позднихъ столѣтій къ себѣ онъ манилъ
Съ Днѣпра непосѣдныхъ князей нашихъ русскихъ;
Здѣсь первое было гнѣздо мощныхъ силъ
Славянскаго міра; здѣсь былъ первобытный
Путь съ Юга на Сѣверъ. Отсель долго шли
Славянскіе люди искать поселеній;
Нашъ князь *) звалъ тотъ край средой Русской земли,
Кіяне считали мѣста тѣ родными;
Какъ древній нашъ Донъ, такъ и тихій Дунай,
Понынѣ гремятъ въ нашихъ пѣсняхъ народныхъ;

*) Святославъ.

Славяне любили всегда этотъ край,
 Какъ ихъ колыбель первобытную славы...

Всѣхъ прежде отсюда горами ушелъ
 Сынъ Бргу, одного изъ боговъ первобытныхъ,
 Нашъ древній Горыня. Съ собой онъ увелъ
 Свой родъ, всегда жившій на высяхъ нагорныхъ.
 Родъ этотъ нагорный съ тѣхъ поръ заселилъ
 Не только Карпаты, но также часть Альповъ
 И горъ Аппенинскихъ, гдѣ онъ возросилъ,
 Какъ мыслятъ иные, великаго Нуму;
 Далъ Риму таблицы, что онъ получилъ
 Отъ родственной Пріи, и ввелъ поклоненье
 Божественной матери, Вестѣ-Землѣ,
 Съ служеніемъ Роду и предкамъ усопшимъ;
 Какъ позже, въ родимой Славянской семьѣ,
 Та самая Прія же, съ поля Стадицы
 И изъ-за желѣзнаго прямо стола,
 Дала чехамъ князя, благаго Премысла,
 Чья дочь, Любуша-княжна, приняла,
 Потомъ отъ нея же, со дскою правдодатной,
 И мечъ правосудья.

Воинственный Римъ

Поздиѣ осилилъ людей этихъ мирныхъ,
 И занялъ могучимъ народомъ своимъ
 Воздѣланный ими тотъ край благодатный;
 А послѣ совсѣмъ ихъ оттолъ оттѣснилъ
 Обратнo, въ Альпійскія снѣжныя горы;
 Но сынъ Бргу и эти мѣста оживилъ
 Своими трудами, и край его долго
 Еще слытъ цвѣтуцимъ ²³).

Потомъ собрался,

Тревожимый Римомъ, и онъ самъ, Микула;
 Съ побережья Дунайскаго онъ поднялся
 Съ своимъ древнимъ родомъ на Западъ и Сѣверъ,
 Гдѣ всюду кишѣлъ мѣръ Славянскій.

Земля

Давно ужъ утратила чудный свой образъ,
 И Божій мѣръ, новымъ условьямъ внемля,

Вездѣ покорился обычнымъ законамъ.
 Прошла пора прежнихъ, губительныхъ грозъ
 И страшно-прекрасныхъ стихійныхъ явленій;
 Вѣкъ, вновь наступившій, съ собою принесъ
 Законъ неизмѣнный времянь главныхъ года.
 Растительность стала гораздо слабѣй,
 Съ Полночи пахнуло холодною влагой;
 Очищенный воздухъ сталъ мягче, свѣтлѣй,
 Природа сподручнѣй трудамъ человѣка;
 Чудовища скрылись по темнымъ лѣсамъ,
 По дикимъ ущеліямъ горъ неприступныхъ,
 Въ степной — глубинѣ, и являлись, то тамъ,
 То здѣсь, какъ пришельцы изъ чуждаго міра.
 Духъ жизни покойной парилъ по полямъ,
 По свѣтлымъ озерамъ, по глади зеленой
 Цвѣтущихъ луговъ и широкихъ степей;
 Все стало иначе и въ воздухѣ ясномъ,
 И въ небѣ прозрачномъ, и въ мракѣ ночей,
 И въ самомъ сіяньи живящаго солнца;
 Вездѣ взоръ встрѣчалъ слѣдъ обычныхъ звѣрей
 И стаи живущихъ понинѣ пернатыхъ;
 За то сельскій трудъ бралъ ужъ больше людей
 И требовалъ спѣшности въ каждой работѣ.

На встрѣчу Микулѣ съ Полночи идетъ
 Теперь Морозъ юный; таковой онъ веселый....
 «Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
 Съ чѣмъ въ нашу родную сторонку идете?...»
 — Идемъ мы съ Полдень, земледѣльческій родъ;
 Несемъ тишину, трудъ благой и обилье! —
 Они отвѣчаютъ: «Богъ въ помощь будь вамъ!
 Идите къ намъ съ миромъ, и я вамъ гожуси.»

Идутъ имъ на встрѣчу по тѣмъ же степямъ
 И снѣжная Вьюга съ сестрою Мятелью.
 «Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
 Съ чѣмъ въ нашу родную земельку идете?»
 — Идемъ мы съ Полдень, Селяниныча родъ;
 Несемъ въ страну вашу кровь теплый, семейный,
 Домашній очагъ, поклоненье богамъ,

И вамъ также, тетки!—они отвѣчаютъ.

«Въ часъ добрый, въ часъ добрый! Богъ въ помощь будь вамъ,
Идите къ намъ съ миромъ, и мы васъ не тронемъ.»

И точно, своимъ непрестаннымъ трудомъ,
Спокойнымъ своимъ и веселымъ терпѣньемъ,
Они торжествуютъ въ томъ мірѣ чужомъ
Надъ мертвенной глушью и дикой природой.
Морозъ для нихъ стелеть чрезъ воды мосты,
Холодная вьюга, мятель снѣговая
Даютъ еще больше имъ силъ, могуты;
А чуть не подъ мочь имъ, вотъ теплая хата,
Изъ глины съ соломой; въ ней дымный очагъ,
Вокругъ стѣнъ—куты, а впоследствии палати;
Ложись на нихъ всякій, кто холоду врагъ,
И слушай, какъ вьюга хохочетъ и воетъ.

Межъ тѣмъ, между Дономъ и славнымъ Днѣпромъ,
Волшебная Прія построила городъ,
Едва ли не первый въ странѣ той, и въ немъ
Воздвигнула храмъ неизвѣстному богу.

Никто не видалъ, какъ явились они, —
И городъ, и храмъ,—и никто не замѣтилъ,
Кто строилъ. Такъ въ тѣ первобытные дни
Все было таинственно или чудесно.

Она отсчитала, при пѣсняхъ подругъ,
Шесть тысячъ шаговъ на таинственный Западъ,
Шесть тысячъ на Сѣверъ, шесть тысячъ на Югъ
И столько-жъ къ Востоку; отколь ни взялися
Работники вѣщіе, — въ нѣсколько рукъ
Одни тѣшутъ, рубятъ, другіе копаютъ, —
И городъ чудесный готовъ ужъ у нихъ.
Раскинулись рвы и зубчатая стѣна,
Насыпался валъ, а въ стѣнахъ городскихъ
Возвысился храмъ неизвѣстному богу;
И, вѣрно,—украшенный также рѣзбой,
Рѣзными стѣнами, какъ строились позже
Они на Поморьѣ; а вѣждой стѣной
Лицемъ, на четыре страны главныхъ свѣта.

Кто-жь былъ этотъ богъ, представитель небесъ?
 Хоть Греки его и считали за Вакха;
 Но это могъ быть лишь богъ—Солнце, Велесъ,
 Иль образъ новѣйшій его, возникавшій
 Въ лицѣ Святовита.

Устроивши храмъ,
 Навѣрно, велѣла срубить возлѣ храма
 Она и тѣ избы съ рѣзбой по стѣнамъ,
 Тѣ древнія наши родныя кутины,
 Что строилъ при храмахъ славянскій народъ,
 Для пиршествъ мірскихъ и народныхъ собраній;
 Гдѣ часто съ утра до утра на пролетъ
 Тогда совмѣщались и тѣ, и другія.
 Вкругъ храма воздвиглись жилища жрецовъ,
 Навѣсы и лавки для мѣстнаго торга;
 Заѣзжіе Греки тѣхъ первыхъ вѣковъ
 Особенно много замѣтили лавою,
 И назвали жителей, будто по нимъ,
Булинами; а по родному ихъ богу, —
 Геллонами ²⁴).

Этимъ названьемъ чужимъ
 Обязаны были они древнимъ грекамъ;
 Сосѣдніе-жь скифы, узнавъ ближе ихъ,
 Имъ дали названіе Виндовъ и Вановъ:
 Съ тѣхъ поръ, можетъ быть у чужихъ и своихъ,
 И вѣщую Прію звать начали Ваной.

Такъ раньше иль около тѣхъ же время,
 Въ другомъ только краѣ, сынъ Зевса и нимфы
 Младой Антиопы, пѣвецъ Амфіонъ,
 Въ такой же пустынной странѣ, Беотійской,
 Волшебной игрою на лирѣ златой,
 Воздвигнулъ изъ камня священный градъ Фивы
 И собралъ въ него свой народъ свой, той порой
 Еще обитавшій въ глубокихъ пещерахъ.
 Чудесными звуками лиры своей
 Сзывалъ онъ на трудъ тотъ звѣрей и пернатыхъ,
 Влагалъ душу въ камни, и въ нѣсколько дней
 Возникъ населенный, устроенный городъ.

Градъ Ваны сталъ царствомъ торговыхъ людей.
 Микула пожертвовалъ въ храмъ и ту сошку,
 И тѣ золотые сосудъ и топоръ,
 Что древле упали ему прямо съ неба.
 Вся эта святыня хранилась съ тѣхъ поръ
 Въ особенномъ мѣстѣ; лишь разъ ежегодно
 Ее выносили въ торжественный день
 Къ народу, чтобъ всѣ ей могли поклониться ²⁵).

Подъ эту жь родную, священную сѣнь,
 Вселилась и Грозная, съ свитой гадалщицъ
 И дѣвъ щитоносныхъ, что вскорѣ потомъ
 Низвергли у Кимвровъ ихъ храмъ Артемиды,
 Богини-Луны, и въ восторгѣ святомъ
 Побили жрецовъ ихъ ²⁶).

Какъ прежней порой,
 И здѣсь, подъ рукой
 У ней испускали духъ лучшія жертвы;
 Будь миръ иль война,
 Все также она
 Свершала вѣщбу и готовила жертвы;
 Ъзжала притомъ
 Она и посломъ,
 Отъ племени-рода, къ князьямъ иноземнымъ;
 И здѣсь-то у ней
 Всего сталъ виднѣй
 Ея умъ высокій и ловкая смѣтка;
 И даже, подъ-часъ,
 Смущались не разъ
 Умнѣйшіе люди ея хитрой рѣчью;
 А что до борьбы
 Иль мѣтвой стрѣльбы,
 То въ этомъ нието съ ней не могъ состязаться;
 Ходила молва,
 Что даже едва
 Поднять восьмерымъ ея лукъ волокитный.
 Она-жь той порой
 Была и собой,
 И становъ статна, и лицомъ красовита;

И съ этихъ ужь порь
 Ея гордый взорь
 Быль страшень, сверкавшей въ немъ вѣщею правдой;
 Знай, чья-де семья
 Вскормила меня,
 И вотъ каковы мы, всѣ дочки Мивулы.

Въ тожь время у нихъ
 Еще воздвигался другой, степной городъ,
 Таинственный городъ кургановъ большихъ,
 Священныхъ гробницъ и могильныхъ сосудовъ, —
 Послѣдній приютъ этотъ предковъ святыхъ,
 Любимое сходбище душъ ихъ безсмертныхъ,
 Гдѣ въ образахъ смутныхъ *) витали онѣ
 По вѣтвямъ деревьевъ небеснаго Рода,
 И гдѣ выжидали въ нѣмой тишинѣ
 Обряда сожженья, чтобы войти въ небо.

Здѣсь, въ этомъ приютѣ, въ извѣстные дни
 Сходилися близкіе люди усопшихъ;
 Сюда приносили съ собою они
 Поминки, что сами-жъ потомъ истребляли
 У нихъ на гробницахъ. Когда-жъ въ небесахъ
 Блестящее солнце склонялося къ смерти,
 Чтобы вновь возродиться въ весеннихъ лучахъ,
 Бавъ ихъ Могиль-птица сей Феникъ славянской,
 Весь родъ собирался среди этихъ мѣстъ,
 И въ складчину, въ свѣтлыхъ народныхъ кутинахъ
 Или на лугу при сіяніи звѣздъ,
 Свѣршалъ ежегодно обычныя справы.
 Тогда прекращались у нихъ всѣ дѣла;
 Дымилися жертвы, свѣршались игры,
 Все было пьяно, и вечерняя мгла
 Едва отличала живаго отъ мертвыхъ ²⁷⁾.

Таеъ въ среднемъ Египтѣ, съ сѣдой старины
 Повынѣ, межъ Фивъ и священнымъ Мемфисомъ,
 По лѣвому берегу Нила, видны,

*) Большею частію, — птица.

Среди камышей и зеленыхъ алоевъ,
 Въ обширныхъ равнинахъ остатки гробницъ, —
 Быть можетъ, священныхъ гробницъ Озириса
 И самыхъ древнѣйшихъ царей и царицъ,
 Почетныхъ жрецовъ или славныхъ героевъ.
 Они ожидаютъ въ сихъ значныхъ мѣстахъ,
 Покуда ихъ души пройдутъ всѣ мытарства
 Или испытанья въ различныхъ мірахъ,
 И вновь воплощенныя, внидутъ въ міръ Солнца.
 Мѣста благодатной, святой тишины,
 Безмолвное царство покоя, прохлады,
 И вѣчно-цвѣтущей блаженной весны!
 Ихъ такъ и считали, — мѣстами блаженства,
 И всѣмъ украшали при жизни своей,
 Считая земные дворцы и чертоги
 Гостинницей только, на нѣскольکو дней;
 А эти владбища жилищемъ на вѣки.

Воздвигнувши городъ и въ немъ первый храмъ,
 Чудесная Вана потомъ учредила
 Гаданья и празднества свѣтлымъ богамъ,
 Дни сельскихъ работъ и народныхъ собраній,
 Какъ это указано, — по временамъ
 Священнаго года, что горніе духи
 Мотають вокругъ своего колеса, —
 Златой тканью дня, освѣщая вселенну,
 А черной, скрывая всю ночь небеса
 И самое солнце; пока въ концѣ года
 Не встрѣтится съ ними сѣдая зима,
 И вновь колесо поверотитъ на лѣто ²⁸).

Но вѣщая Вана была и сама
 Чудесной ткачихой. Она незамѣтно
 Наладила станъ свой, взяла горсть полну
 Тѣхъ солнечныхъ нитей, на нихъ основала
 Златую основу, и, какъ въ старину,
 Заткала въ странѣ ткань златую дней новыхъ.
 А веругъ нея также, какъ прежде, цвѣтутъ
 Сады молодежавыхъ божественныхъ яблокъ,

Играетъ живая водица, поютъ
 Незримыя гусли родимыя пѣсни...
 Далеко молва про градъ чудный бѣжить,
 Край Ваны считается краемъ волшебнымъ;
 О отважный торговецъ изъ чужа спѣшитъ
 Къ нему, по пустынямъ, едва проходимымъ;
 А сонмы священныхъ гадальщицъ ея
 Лытаютъ толпой по народамъ окрестнымъ,
 И вѣщее знанье разносятъ свое,
 Какъ въ древней отчизнѣ, по всѣмъ перепутьямъ.

Подобная дивной богинѣ весны,
 Она и сама, между тѣмъ, обходила
 Поля и селенья любимой страны;
 Порой оправляла на нивахъ колосья,
 Поля насыщала обильнымъ дождемъ;
 Порой помогала хозяйкамъ въ работѣ;
 Сидѣла по-долгу у нихъ за тканьемъ
 Или за куделью. Съ особеннымъ тщаньемъ
 Она охраняла любимый свой ленъ,
 Почто и считалась всего благосклоннѣй
 Къ ткачихамъ и пряхамъ. Со всѣхъ ей сторонъ
 Тогда приносились дары и обѣты.
 Она раздавала любовнымъ четамъ
 Обилье и счастье, снимала болѣзни.
 Гдѣ шла она краемъ, по этимъ мѣстамъ,—
 Какъ въ праздникъ, тотчасъ прекращались
 Ручныя работы, — нигдѣ не толкли,
 Не шили, не пряли; нигдѣ не стирали,
 Не брали волю, не пахали земли,
 Чтобъ пыль иль кострика, на грѣхъ, не понала
 Ей въ ясныя очи; но всѣ съ торжествомъ
 Встрѣчали ея дорогое пришествье.
 Во все это время она божествомъ
 Была и кумиромъ народнымъ. Не чтившихъ
 Дней этихъ великихъ карала она
 Болѣзнями,—чаще всего слѣпотою.
 Но это всѣ знали, и мѣръ издавна
 Любили ублажать молодую богиню ²⁹⁾.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, чѣ древній обычай отцовъ,
 Давать отъ избытковъ трудовъ своихъ сельскихъ
 Извѣстную долю сѣмянъ и плодовъ
 Богамъ вѣковѣчнымъ, она ежегодно
 Сряжала ладью или судно съ пшеномъ, —
 Отъ цѣлой страны, въ даръ Дельфійскому богу;
 Обычай, что свято хранился потомъ
 Во всемъ ея краѣ, который усердно
 Своими дарами впоследствии снабжалъ
 Кумирни Біармскихъ боговъ и Поморскихъ ³⁰).

Микулинъ родъ сѣлъ по цвѣтущимъ брегамъ
 Дуная, Днѣстра, — по священному Бугу
 И тихому Дону, по злачнымъ степямъ
 Приморскимъ и свѣтлымъ раздольямъ Днѣпровскимъ.
 Куда онъ ни ставилъ селенья свои,
 Все чуло тотчасъ его приближенъе;
 Звѣрь хищный и дивы скрывались въ глуши,
 А малые звѣри и птицы искали
 Сосѣдства съ нимъ. Съ первой его бороздой,
 Лѣсъ пятился въ доли, гора расплзалась,
 Болота бѣжали въ овраги съ водой,
 Зима даже образъ теряла суровый.
 Всѣ были довольны кормильцемъ своимъ;
 Кому трудового онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
 Кого миротворить совѣтомъ благимъ,
 Кого и прихлопнетъ тяжелою сошкой.

Съ нимъ вмѣстѣ, на тѣхъ же привольныхъ мѣстахъ,
 Селились и боги: это въ омутахъ темныхъ,
 Кто въ бортовыхъ угодьяхъ, въ озерахъ, рѣкахъ,
 Кто въ самой избѣ, на дворѣ, въ огородѣ,
 А кто на току пль на ближнихъ поляхъ.
 Микула держалъ ихъ подъ явнымъ заклѣтьемъ;
 Они приносили подспорье въ трудѣ,
 Пасли его скоть и коней, извѣщали,
 Что чуютъ въ добру и что къ худу, — къ бѣдѣ,
 Давали и ведро ему и ненастье;
 За то и Микула поилъ ихъ, кормилъ;

Инымъ загибать золотыя волосья,
 Какъ даръ, на борозду,—и крайъ его слыть,
 Во мнѣніи многихъ, въ то время чудеснымъ.

Земля была въ общемъ владѣнны, ничьей;
 Минула самъ долго дѣлили ежегодно
 Ее въ каждомъ родѣ; въ послѣдствіи-жь дней,
 Какъ роды размножились, каждое племя
 Тогда владѣть стало землею своею.

У каждаго племени былъ свой участокъ,—
 Его дѣлили мѣръ весь, между огнищанъ;
 Кто велъ самъ хозяйство, или былъ владѣльцемъ,
 Тотъ былъ въ дѣлежѣ. Такъ велось у славянъ,
 И также ведется у нихъ и понинѣ.

Старѣйшіе были главами семьи;
 Изъ многихъ семействъ составлялся родъ кровный.
 Имѣвшій отдѣльный участокъ земли;
 Изъ нѣсколькихъ родовъ возникало
 Отдѣльное племя, а послѣ народъ.
 У нихъ были общій языкъ и преданья;
 Старѣйшинамъ рода во всемъ былъ почетъ
 Особый въ народѣ; изъ нихъ избирались
 Князья, воеводы, жупаны, судьи,
 Жрецы и владыки. Богатымъ служили
 Рабы,—больше люди изъ чуждой земли.
 Рабомъ становился тогда каждый плѣнникъ.
 Отважные мужи искали въ войнѣ.
 Добычи и славы въ мѣстахъ отдаленныхъ;
 Славнѣйшіе храбростью въ цѣлой странѣ
 Отъ нихъ избирались въ князья-воеводы ³¹⁾.

Но каждый родъ зорко, ревниво стоялъ
 За мѣръ свой отдѣльный, свой мѣръ самобытный,—
 Чтобъ въ край его вольный никто не дерзалъ
 Вносить свой законъ или чуждый обычай.
 И это-то самое стало зерномъ
 Грядущихъ тѣхъ смуть и кровавыхъ усобицъ,
 Что долгое время терзали потомъ,
 Какъ алчные звѣри, мѣръ древній славянскій.

Чѣмъ далѣе шли они въ глубь ихъ страны,

Тѣмъ дальше еще духъ манилъ ихъ отважный.
 Однихъ уносило грозою войны
 За синее море, въ далекія царства;
 Другіе засѣли въ дремучихъ лѣсахъ,
 И стали своимъ даже послѣ чужими;
 Иные погибли въ кровавыхъ бояхъ
 Или измѣнили ихъ прежнее имя.....
 Такъ бурныя воды нагорныхъ вершинъ,
 Разлившія мутнымъ, кипящимъ потокомъ,
 Несутся по склону широкихъ равнинъ,
 Куда направляетъ ихъ дикая мѣстность.
 Однѣ образуютъ, разливомъ своимъ,
 Большія озера, глубокія топи,
 Другія уходятъ, по доламъ лѣснымъ,
 Въ гнилыя болота, или очутившись
 Въ пустынныхъ оврагахъ бесплодныхъ степей,
 Потомъ высыхаютъ отъ знойнаго солнца;
 Иныя-жь, собравшись въ теченіи дней,
 Въ рѣчное русло, среди балокъ глубокихъ,
 Несутся привольно вдоль злчныхъ полей
 И кормятъ собою прибрежныя страны.
 Красиво бѣжитъ очеркъ ихъ береговъ
 Къ большимъ городамъ и веселымъ селеньямъ,
 Кивая вдали парусами судовъ,
 Пестрѣя плотами и стаями лодокъ;
 Далеко синѣютъ, блестятъ ихъ струи,
 Межъ нивъ золотыхъ и кудрявыхъ побережій,
 Мѣстами раскинувши воды свои
 Какъ синее море..... Окрестныя страны
 Едва уже знаютъ, откуда пришли
 И гдѣ получили они ихъ начало,
 Какіе поили народы земли,
 Съ какими другими смѣшались рѣками;
 Далеко исчезнулъ истокъ ихъ родной,
 Не разъ измѣнилось у нихъ и названье,—
 И міръ уже новый, позднѣйшей порой,
 Съ трудомъ разбираетъ всѣ эти загадки.

Край темный Микулы замѣтно свѣталь,
 Подъ вѣщимъ найтемъ чудесной ткачихи.
 Точеть она, Вана—ей свѣтитъ богъ Сваль;
 Точеть она, Вана, красна дорогія
 Судебъ страны новой. Вертятся предъ ней
 На спицахъ златыхъ колеса міроваго
 Блестящія нити ея новыхъ дней;
 Играеть надъ нею небесное стадо,
 Воздушное стадо тѣхъ пестрыхъ юницъ,
 Что каждое утро рождаются снова;
 Стучать тамъ колеса златыхъ колесницъ
 Духовъ лучезарныхъ, которые гонять
 Стада дождевыя златыхъ облаковъ,—
 Коровъ этихъ рыжихъ, что по небу возятъ
 Молочную воду, мать сельскихъ плодовъ,
 И ей наполняютъ голодную землю;
 Долятъ каждый вечеръ онѣ надъ землей,
 И каждое утро ихъ теплые гимны,
 И Вана приѣмлетъ душою простой
 Родное млеко ихъ,—ихъ дивныя пѣсни ³³).

Точеть она, Вана, выводитъ она
 Узоры, разводы, какъ будто рисуетъ:
 Выходитъ осѣдлая уже страна,
 Рѣдѣетъ туманъ, подымается солнце;
 Все дико кругомъ еще; но вотъ видна
 Соха земледѣльца, блестятъ злачны нивы;
 Межъ нихъ видны села, пасутся стада,
 Идутъ по безлюднымъ степямъ караваны;
 По Дову, Днѣпру, забѣлѣли суда;
 Снуетъ народъ сельскій, шумитъ торгъ веселый;
 Грозя острымъ тыномъ, встаютъ города,
 Окрестность пестрѣетъ сынами Микулы.

Въ то древнее время Микулы сыны
 Ужъ ѣздить въ Аѳины, и тамъ изучаютъ
 Тогдашнюю мудрость,—къ соблазну страны,
 Заимствуя много обычаевъ говыхъ.
 Особенно славились въ тѣ времена

У грековъ врачи ихъ, своимъ врачеваньемъ.
 Эллада усвоила ихъ имена,
 Воздвигнувши въ честь ихъ кумирню. Князья ихъ
 Не чужды развитя. Отъ грековъ къ инымъ
 Ъзжали артисты; но звуки мелодій
 Имъ нравились меньше, — имъ, людямъ степнымъ,
 Чѣмъ дикое ржанье коня боеваго.

Весь край, заселенный Микулой благимъ,
 Пестрѣлъ ужь толпами бродячихъ торговцевъ,
 Стенныхъ Алазоновъ. Эллада, Востокъ
 И Сѣверъ мѣняють свои съ нимъ товары;
 На рынкахъ Аѳинъ постоянный притовъ
 Приморскихъ сыновъ его; въ нихъ цѣнятъ честность;
 Они нанимаются въ должности слугъ,
 Градскихъ сторожей и приставниковъ къ дѣтамъ.
 Для нихъ еще темень свѣтъ хитрыхъ наукъ;
 Но въ Ольвіи греки ужь ихъ научили
 Чертить угловато свои письма;на;
 Черты эти служатъ ихъ знахарямъ вѣщамъ,
 Что такъ уважала вездѣ старина,
 Для высшей вѣщбы и священныхъ зачатій.
 Въ прибрежіяхъ Дона, изъ Греціи шель
 Широкій торговый путь къ дальнему Инду;
 Отъ Ваны ходили посольства; посоль
 Всегда былъ гадатель или пѣвецъ вѣщій.
 Чуръ древне-арійскій, тотъ прежній чурбанъ,
 Хранитель полей и домашняго врова,
 Сталъ витяземъ юнымъ, хранителемъ странъ,
 Богатымъ, красивымъ прелестникомъ женщины³³).

Но весь родъ Микулы межъ греками слылъ
 Подъ общимъ, стариннымъ названіемъ Скифозъ;
 Въ глазахъ скандинавовъ онъ долго хранилъ
 Свой блескъ первобытный, и долго считался
 У нихъ родомъ высшимъ. Самъ Римъ полагалъ
 Индѣйское море въ брегахъ Меотійскихъ;
 И даже Микула въ то время искалъ
 На древнемъ Поморѣ Индѣюшку древню.
 Принесъ-ли съ собою ученье Будды

Микула въ край новый?—Иные находятъ
 Въ то время ученя буддистовъ слѣды
 По древнему Понту; особенно въ мрачной
 Странѣ Фессалійской, гдѣ славный кумирь
 Додонскаго храма давалъ прорицанья.
 Будды нѣтъ у грековъ; но греческій міръ
 Во Фракіи зналъ ужь отшельниковъ чудныхъ,
 Которые жили въ пустынныхъ горахъ,
 Чуждались пици мясной и питались
 Лишь сыромъ, *кокурами* и молокомъ,
 За что и считались въ народѣ святыми.
 Князья древнихъ скифовъ ихъ брали потомъ
 Къ себѣ для совѣта; иные служили
 Жрецами при храмахъ. Не той ли порой
 Мудрецъ Замолксисъ проповѣдывалъ скифамъ
 О тождествѣ жизни загробной съ земной?
 А позже нахлынуло столько съ Востока
 Каликъ переходящихъ, и столько съ собой
 Они принесли разнородныхъ ученій
 И всяческихъ толковъ, что нѣтъ ничего
 Простѣе, какъ видѣть межъ нихъ и буддистовъ ³⁴).

Старинный Микула нашъ больше всего
 Въ то время былъ славенъ могучею силой
 Своихъ заклинаній. По слову его,
 Сходилъ съ неба дождь и являлося ведро;
 Онъ могъ вызвать тучу и съ бурей градъ;
 Волхвы его, дѣвы вѣщбы и гаданій,
 Съ небесъ крали мѣсяцъ; ужасный ихъ взглядъ
 Лишить могъ стада и поля плодородья;
 Онъ насылали болѣзнь, худобу
 И всякое лихо; онъ заклинали
 Оружье, давали младенцамъ судьбу,
 Недолю и долю, богатство и бѣдность ³⁵).

По мѣрѣ, какъ новый край Ваны свѣталъ,
 Страна раскрывалась все шире предъ нею.
 Ея край немало къ себѣ привлекалъ
 Людей очень дальнихъ, племень неизвѣстныхъ.
 Она въ нихъ узнала и многихъ сыновъ,

Оставленныхъ ею еще на Востокъ;
 Но большая часть ихъ жила средь лѣсовъ,
 Они испещряли себѣ тѣло краской,
 Кидались, какъ звѣри, на трупы враговъ,
 Снимали съ нихъ скальпы, и съ жадностью пили
 Горячую кровь. Поклонялись они
 Большому мечу, концомъ врытому въ землю,
 Какъ знаменью молніи; но въ эти дни
 Иные имѣли и быть ужь ослѣдлый.

На Волгѣ широкой жилъ тою порою
 Степной богатырь. Назывался онъ Росомъ.
 По немъ ли рѣка прозвалась святой, *)
 Иль онъ самъ отъ Росы заимствовалъ имя;
 Но гдѣ богатырь ни селлся потомъ,
 Тамъ рѣки вездѣ признавались святыми,
 Какъ будто бы въ имени этомъ родномъ
 Просвѣчивалъ въ краѣ грядущій хозяинъ.

«А много (тогда было) богатырей,
 Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ....
 «Первая застава—сѣры волки,
 «Другая застава—змѣи лютыя....»

Все это, какъ позже гораздо подъ Киевомъ.

Не въ эти ли жь дни наѣзжали сюда
 Воители чуднаго уже Востока, —
 Тѣ витязи степи, что были тогда
 Еще побратимы богатырей нашихъ?
 Не той ли еще первобытной порою
 Нашъ Вольга Всеславичъ, тогда юный витязь,
 Встрѣчался впервые съ сохой золотой
 И вѣщею силой роднаго Микулы?....

Но край нашъ въ то время былъ бурный потокъ
 Иль море племень, — и онѣ проносились,
 Какъ волны. Сначала манилъ ихъ Востокъ,
 А позже Царьградъ и Траяново царство.
 Въ числѣ другихъ скифовъ, — какъ съ первыхъ временъ
 Нашъ прозвали греки, — отсюда неслися
 И внуки Микулы, какъ вѣтръ-Аквилонъ,

*) Росъ — значило собственно святой, священникъ.

Въ цвѣтушія царства Сиріянъ и Мидья,
 И въ край древнихъ Персовъ, Стѣпной Вавилонъ.
 Ихъ звали тогда Росомъ и Гогомъ-Мадогомъ.
 Отъ нихъ палъ во прахъ градъ боговъ Аскалонъ,
 Съ его древнимъ храмомъ святой Артемиды;
 И долго набѣгъ ихъ, до позднихъ временъ,
 Казался народамъ насланіемъ Божьимъ ³⁶).

Въ самой еще Ванѣ ея духъ молодой
 Двоился межъ свѣтлой и темною силой.
 Ей былъ неизвѣстенъ еще кругъ родной
 Племеньъ однокровныхъ. Ея духъ свободный
 Кипѣлъ тогда дикою, хищной враждой
 Ко всѣмъ и всему, что ей было чужое;
 А чуждой была ей тогда вся страна,
 И самые даже сыны тѣ родные.
 Они жили порознь, корысть лишь одна
 Могла собирать ихъ на время въ союзы.
 И духъ ея жадный, какъ прежде, легалъ
 За тридцать странъ въ тридцатое царство.
 Блескъ солнечный въ тучахъ предъ ней рисовалъ
 Блестящія груды несмѣтныхъ сокровищъ,
 Сокрытыхъ въ какихъ-то далекихъ горахъ;
 За моремъ воздушнымъ, ей видѣлись царства,
 Златыя палаты, въ цвѣтущихъ садахъ,
 И множество всякихъ богатствъ и диковинъ.
 Хотѣлось бы Ванѣ всѣмъ этимъ владѣть,
 Хотѣлось бы ей быть надъ всѣми царицей,
 И всѣхъ поворить тамъ, и все богатѣть....

Она никогда не спала совершенно.
 Едва ея очи смыкали тяжкій сонъ,
 Она становилась тотчасъ въ догоню: ³⁷)
 Ея вѣщій духъ, преисполненный силъ
 Таинственныхъ, сбрасывалъ тихо, какъ ризу,
 Уснувшее тѣло съ себя, и бродилъ
 То въ видѣ волчихи, то въ видѣ кабана,
 Или уносился ночнымъ мотылькомъ
 Въ враждебныя земли. Она угонала
 (Тада ихъ къ себѣ, уносила тайкомъ

Домашнія вещи у нихъ и богатство;
 Или разжигала въ родимыхъ сынахъ
 Воинственный жаръ ихъ къ далекимъ походамъ,
 Иль сѣяла смуту въ своихъ же странахъ,
 Чтобъ ей быть надъ всѣми вольнѣй госпожею.

Призывала она, Вана,
 Призывала къ себѣ дѣтокъ,
 И давала имъ и хлѣба,
 И давала имъ и браги,
 Златопѣнистаго меду;
 Говорила она дѣткамъ:
 «Вы сотрите съ себя краски,
 Вы снимите волчьи кожи,
 Перестаньте быть звѣрями;
 А живите какъ живемъ мы!»
 Но никто ее не слушалъ;
 Лишь одинъ ей отозвался,
 И сказалъ отъ сердца къ сердцу:
 «Эхъ, ты матушка родная,
 Всѣ мы, всѣ твои мы дѣти;
 Всѣмъ отецъ намъ—Солнце-красно,
 Всѣмъ намъ мать—родная Прія.
 Дай сперва намъ нагуляться,
 Любо намъ быть и звѣрями;
 Это въ насъ душа гуляетъ,
 Молодая кровь играетъ.
 И въ волкахъ твоихъ рысучихъ,
 И въ змѣяхъ твоихъ шипучихъ,
 И въ твоёмъ тишайшемъ Донѣ,
 Все одинъ духъ богатырскій.....
 А имѣть въ насъ будешь нужду,
 Только ты о насъ подумай;
 Коль не я, другой изъ братьевъ,
 Не другой, такъ, вѣрно, третій,
 Послѣшнѣтъ тотчасъ на помощь;
 А придетъ побольше нужда,
 За тебя мы всѣ возстанемъ.»

ПѢСНЬ 4-я.

ВОЙНА АСОВЪ СЪ ВАНАМИ.

„Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ, какъ будто завѣщена была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ, на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ.“ (Сѣв. нар. Костомаровъ 1. ст. 329.)

„Ex Oriente lux. Свѣтъ идетъ съ Востока.“

Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;
Гдѣ ты, о міръ древнихъ временъ?
Гдѣ духъ богатырскій, гдѣ онъ?
Все скрылось, промчалось.... Куда?
Исчезнуло, — нѣтъ и слѣда.

Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;

А съ ними и міръ нашъ идетъ, —
Идетъ, и съ собой всѣхъ ведетъ;
А что тамъ осталось вдали,
То сами же люди смели.

«Какъ день за днемъ, будто дождь дождить,
«Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
«А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ».

Нашъ міръ настоящій навѣки отъ насъ
Закрылъ тотъ міръ прежній. Слон новыхъ красокъ

Покрыли собою ужъ нѣсколько разъ
 Широую кисть и блестящія краски
 Картинъ тѣхъ поблекшихъ, а міръ нашъ живой
 Давно затопталъ слѣды людей тѣхъ минувшихъ.
 Давно опустился мракъ ночи глухой
 На міръ этотъ мертвый, безмолвный, отжившій;
 Едва видный очеркъ тѣней гробовыхъ,
 Туманныхъ чертоговъ, людей-исполиновъ,
 Таинственныхъ капищъ и чудищъ ночныхъ,
 Встаетъ передъ нимъ изъ этого мрака.
 Ничто не связуетъ съ ихъ жизнью насъ;
 Давно міръ усоншій ихъ — сталъ для насъ чуждымъ;
 Все тамъ теперь призракъ, и мертвый ихъ гласъ
 Не въ силахъ проникнуть въ міръ этотъ живущихъ.

При всемъ томъ, межъ нами есть чудная связь,
 Средство родовое, союзъ задушевный. —
 И мы въ союзъ этотъ вступаемъ, родясь;
 Чтожь это такое? Не духъ ли тотъ вѣчный,
 Предъ кѣмъ нѣтъ пространства, ни давности лѣтъ,
 Предъ кѣмъ вся вселенна — одинъ живой образъ,
 Гдѣ онъ развивается, присущій въ немъ свѣтъ,
 И только мѣняетъ свой образъ наружный?

О, вѣщій Микюла, твоя мнѣ семья
 И люди твои для меня также близки,
 И также любезны, и также родня,
 Какъ нынѣ со мною живущіе люди.
 Рядъ цѣлый столѣтій стоитъ между насъ,
 Духъ смерти облекъ васъ въ иной уже образъ;
 Но ты живешь также со мной, какъ въ тотъ часъ
 Когда мы всѣ были твоими сынами.
 Пускай смерть прошла между нами не разъ,
 Ты живъ и теперь; но живъ въ настоящемъ,
 Ты тѣнь лишь въ минувшемъ.

Да, время течетъ, —

Оно развиваетъ міръ этотъ живущихъ;
 Живые идутъ непрестанно впередъ,
 А мертвые имъ пролагаютъ дорогу...

Едва начинается теперь брежить свѣтъ

Надъ Скифіей древній, внесенный наукой;
 Но свѣдѣній точныхъ о ней еще нѣтъ;
 Наука тамъ видитъ лишь міръ переходный.
 Межъ тѣмъ все яснѣй въ средѣ скифскихъ племень
 Предъ ней выдвигается міръ нашъ Славянскій,
 Какъ самый обширный; и тихій нашъ Донъ,
 И Днѣпръ нашъ Словутичъ становятся нынѣ
 Такой же для насъ колыбелью родной,
 Какъ быстрый Дунай и весь край приднѣстровскій.
 Славянь застаеъ тамъ древнѣйшей порой
 Исторія въ самомъ широкомъ развити;
 И имя георговъ,—позднѣйшихъ полянь,
 И гетовъ, которыми правятъ Царины,
 И древній богъ скифовъ, туманный Воданъ,—
 Богъ-Небо, приходятся намъ не чужими.
 Среди нихъ слышна также славянская рѣчь,
 И тотъ же замѣтенъ славянскій обычай;
 А древній Водановъ божественный мечъ
 Не чуждъ и понынѣ славянскимъ преданьямъ.

Чтобъ сѣсть на Дунаѣ, Славяне должны
 Занять были прежде придонскія степи,
 И Днѣпръ, и весь край Черноморской страны.
 Чтобъ имъ разсѣлиться въ послѣдствіи съ Дунаемъ
 На Сѣверъ и Западъ, Славянскій народъ
 Быть долженъ обширнымъ и сильнымъ народомъ.
 И точно, онъ движется быстро впередъ,
 И гонитъ все дальше и кельтовъ, и нѣмцевъ.

Съ Дуная, по дикимъ Карпатскимъ горамъ
 И синимъ рѣкамъ, для него неизвѣстнымъ,
 Онъ скоро проходитъ къ глухимъ берегамъ
 Еще темной Лабы и моря Морозовъ.
 И вотъ, ужъ посольство оттуда идетъ
 Къ родному Микулѣ просить для полабья
 Правителей мудрыхъ,—и Вана ведетъ
 Туда братьевъ Лѣха и Чеха, изъ рода
 Нагорныхъ Хорватовъ,—древнѣйшихъ въ Горбахъ
 Потомковъ Микулы. Они раздѣлили,
 Вдоль Лабы, страны на участки; въ лѣсахъ

Построили села, ввели земледѣлье;
 Потомъ Чехъ воздвигнулъ средь этихъ лѣсовъ
 Себѣ Велеградъ и священную Прагу;
 А Лѣху чудесная стая орловъ
 Открыла тотъ холмъ, гдѣ воздвигнулъ онъ Гнѣзно.
 Когда же Лѣхъ умеръ; то власть вручена
 Была Вышшмиру иль Вышнему міру,—
 Правленью мірскому,—и эта страна
 Съ тѣхъ поръ управлялась верховнымъ совѣтомъ
 И вѣчемъ народнымъ.

И Чехъ, вслѣдъ за нимъ,
 Скончался бездѣтнымъ. Народъ выбралъ Крока.
 Крокъ былъ чародѣй. Племенамъ онъ своимъ
 Оставилъ трехъ дочерей: гадальницу Кашу,
 Сестру ея,— жрицу, которой страна
 Дала имя Тетки, и славную также
 Своимъ чародѣйствомъ, Любушу. Она
 Сперва управляла всѣмъ Чешскимъ народомъ;
 Но вѣщая Вана дала ей потомъ
 Въ мужья земледѣльца, младаго Премысла.
 Онъ, парюю пѣгихъ быковъ подъ ярмомъ,
 Пахалъ свое поле родное, Стадицу,
 Когда приглашенъ онъ былъ Чешской страной
 На царство. «Ступайте къ святой рѣкѣ Бѣлой,
 Сказала Любуша. Возьмите съ собой
 Коня моего; онъ укажетъ вамъ мѣсто.»
 Любушинъ конь будто того только ждалъ,
 И прямо приводитъ пословъ на Стадицу.
 Увидѣвъ Премысла, онъ громко заржалъ
 И палъ на колѣни. Послы пригласили
 Младаго Премысла на чешскій престолъ,
 И въ княжью его облачили одежду;
 Но прежде онъ сѣлъ за желѣзный свой столъ,—
 Желѣзную сошку; на ней пообѣдалъ
 Домашняго сыра и хлѣба; возсталъ,
 И взявъ свои лапти, поѣхалъ съ послами;
 А эти быки, на которыхъ пахалъ,
 Взвились на воздухъ; потомъ опустились,

И скрылись въ скалѣ,—и она въ тотъ же мигъ
Заменулась за ними ¹⁾.

Вдоль Лабы песчаной

И ниже ко взморью, куда ужъ проливъ
Родъ также славянскій, чудесная Вана
Нашла и другихъ своихъ кровныхъ сыновъ,
Носившихъ тамъ мѣстныя больше названья,
Поодерцовъ, Лютичей, или Соколовъ,
Воинственныхъ Вагровъ, Руянъ и Рутеновъ.....
Они жили также охотой, войной;
Но только пришла въ нимъ родимая Вана,
И здѣсь, какъ на Югѣ, насталь вѣкъ иной.
Духъ жизни пахнулъ по морскому побережью;
Возникли одинъ за другимъ города,
Ввелось поклоненье богамъ земледѣльа,
Проснулась торговля, а съ ней, какъ всегда,
Смягчителия правы, возникло гражданство.
Такъ красное солнце, куда ни блеснетъ,
Вездѣ пробуждаетъ и жизнь, и движенье,—
Что можетъ цвѣсти, то въ свой часъ разцвѣтеть,
Что въ силахъ плоды дать,—дасть плодъ свой урочный;
Пески и утесы, согрѣтые имъ,
Спѣшать приодѣться зеленой травкою,
Лѣса разцвѣтають, по безднамъ морскимъ
Кишитъ жизнь и блескъ золотыхъ инфузорій...
Приходь Солнца любить встрѣчать человекъ;
Недаромъ миръ древній ему поклонялся,
Какъ богу... Но развѣ и нынѣ, въ нашъ вѣкъ,
Царь дня не есть тотъ же богъ силы и жизни!

Въ немногіе дни, на побережь морскомъ
Возникнули Волинъ, Винета и Ретра, —
Священная Ретра, гдѣ въ храмѣ большомъ
Воздвигнула Вана алтарь Радегасту,
Древнѣйшему богу сѣдой старины;
Его безобразный вумиръ окружила
Она божествами со всей ихъ страны,
И сдѣлала храмъ его самымъ почетнымъ,

Въ народѣ Славянскомъ. Тогда же въ стѣнахъ
 Торговой Волини, по манію Ваны,
 Явился въ кудрявыхъ, зеленыхъ садахъ,
 Другой храмъ неменьше; въ немъ сѣлъ богъ трехглавый,
 Тайственный образъ трехъ главныхъ временъ
 И трехъ частей міра, — богъ неба и ада,
 Чей тройственный ликъ былъ всегда обращенъ
 Въ глубь дней настоящихъ, былыхъ и грядущихъ.
 А въ Щетинѣ *) собрался славянскій весь міръ
 Молиться другому трехглавому богу.
 На дальней Моравѣ возникнулъ кумиръ
 Громовника Проно иль бога Перуна;
 У Лиговъ стоялъ храмъ богамъ полевымъ,
 Велесу иль Пану, хранителямъ стада
 И сельскаго скарба, и многимъ другимъ...
 Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Мокошь, — судья
 И мздовоздатель въ той жизни загробной...
 Такъ, древніе образы свято храня,
 Народъ ужъ забылъ ихъ былыя названья.

Но главной святыней славянской земли,
 Вѣрховной святыней народною, Вана
 Назначила островъ пустынный, вдали
 Отъ твердой земли, въ волнахъ бурнаго моря.
 Въ мѣстахъ этихъ дикихъ, по милыхъ богамъ,
 Она основала святую Аркону,
 И въ городѣ этомъ воздвигнула храмъ.
 Во имя владыки страны, Святовита.
 Его славный идолъ воздвигла она
 По образу Вишну, древнѣйшаго Индры,
 Какъ намъ представляетъ его старина,
 Лицемъ на четыре страны главныхъ свѣта.
 Какъ высшій владыка стихій, онъ имѣлъ
 Четыре отдѣльныхъ главы; но держалъ онъ
 Въ рукѣ не мечъ бранный, — его мечъ висѣлъ
 Съ сѣдломъ и уздою особо; держалъ онъ
 Большой златой рогъ, образъ дивныхъ даровъ,

*) Нынѣ—Штетинъ.

Что каждое лѣто даетъ онъ вселенной.
 Такъ духъ земледѣля позднѣйшихъ вѣковъ
 Успѣлъ измѣнить и его первообразъ;
 Но онъ почитался все тѣмъ же творцомъ
 Людей и вселенной, защитникомъ края,
 Рѣшителемъ браней, предвѣчнымъ отцомъ
 Боговъ вѣковѣчныхъ. То былъ царь небесный,
 Земной и подземный; отъ блеска его
 И самый тотъ островъ звался тогда Руйнымъ
 Или свѣтозарнымъ.

Но выше всего

Считались въ народѣ его прорицанья.
 Ему посвященъ былъ въ славянскихъ земляхъ,
 Какъ древнему Свалу у скифовъ, конь бѣлый.
 Священные кони гуляли въ лугахъ;
 Черезъ нихъ совершались жрецами гаданья.

Воинственный богъ сей, какъ древній Арей
 Иль грозный Одинъ, имѣлъ также дружину;
 Ее составляли сто лучшихъ мужей,
 Во всякое время готовыхъ къ походу.
 Божественный идолъ его жилъ въ стѣнахъ
 Священнаго храма; но богъ самъ являлся
 Глубокою ночью въ различныхъ концахъ
 Славянской земли, и разилъ невидимо
 Ея супостатовъ; съ явленіемъ дня
 Жрецы обмывали предъ темнымъ народомъ,
 Покрытаго пылью и пѣной, коня, —
 И міръ громко славилъ великаго бога,

Сюда, изъ всѣхъ мѣстъ Славянской земли,
 Текли приношенья. Жрецы Святовита
 Такъ были богаты, что дѣлать могли
 Пособья другимъ, а въ голодное время
 Кормили весь край.

Здѣсь Славянскій народъ

Предъ осенью праздновалъ празднество жатвы;
 Въ тѣ дни Святовитъ предвѣщалъ каждый годъ
 Обилье иль голодъ въ грядущее лѣто.
 Священный сей островъ былъ долго средоточіемъ

Земли всей Славянской; сюда прїѣзжали
 Изъ всѣхъ мѣстъ послы, непрерывной толпой
 Стекались поклонники, ѣхали грузы
 Святыхъ приношеній. Отсель истекалъ
 Духъ яростный брани и миръ благодатный;
 Здѣсь жрецъ Святовита безспорно рѣшалъ
 Народныя распри, судьбу и движеніе
 Племень всѣхъ славянскихъ.

Аркона была

Славянскими Дельфами, высшей святыней.
 Ее окружала священная мгла
 Древнѣйшихъ преданій; ея богъ чудесный
 Былъ богомъ верховнымъ славянской земли,
 Отъ Бѣлаго моря *) до бурнаго Понта,
 Отъ Волги до Лабы. Князья не могли,
 Ни самый народъ ихъ, ни заключать мира,
 Ни двинуть полки, не спросивши его
 Божественной воли; самъ князь страны Руйной
 Не смѣлъ безъ него предпринять ничего,
 Ни дать повелѣнья. Кумиръ Святовита
 Казался державнымъ царемъ иль главой
 Славянскаго міра, со властью духовной
 Верховнаго бога и властью земной
 Жрецовъ его вѣщихъ ²).

Едва ли въ то время

Народъ въ отдаленныхъ мѣстахъ не смѣшалъ
 Святой этотъ островъ съ тѣмъ Выріемъ древнимъ
 Или Буянь-островомъ, что онъ знавалъ
 На свѣтломъ Востокѣ. И здѣсь, въ это время,
 Жилъ также Сварожичъ, глава всѣхъ боговъ,
 Какъ тамъ окруженный родными богами;
 И здѣсь совершались до позднихъ вѣбовъ
 Вѣщба и гаданья, жрецы раздавали
 Недолю и долю. Сюда забѣгалъ
 Почти каждымъ утромъ Дажьбогъ лучезарный,

*) Балтійское море въ древности называлось: Бѣлымъ, Молочнымъ, моремъ Морозовъ, Волинскимъ, моремъ Винтовъ, и наконецъ Варяжскимъ.

Богъ красное-Солнце, и жарко лобзалъ
 Пророчицу Вану въ златое оконце;
 И здѣсь также точно жила старина,
 Лежалъ горючъ камень, на немъ возсѣдала
 Заря царь-дѣвица; спивала она
 Кровавыя раны, а въ ней была скрыта
 Могучая сила, и шла отъ нея
 Та сила могучая въ чистое поле,
 И въ лѣсъ, и въ луга, и на все бытіе
 Въ *скотъ-милый животъ* и на весь міръ народный³⁾.

И здѣсь цвѣли также сады зеленые,
 Росли молодежавыя яблоби,
 Струился источникъ живой воды;
 Румяная Лада-зорюшка
 Каждый день передъ вечеромъ
 Обмывала въ морскихъ волнахъ
 Свѣтъ красное-Солпышко.

Подобно Веледѣ и многимъ другимъ
 Вѣщницамъ Славянскимъ, и вѣщяя Вана
 Жила также въ башнѣ. Богамъ ихъ святымъ
 Издревле мѣста посвящались глухія.
 И кто же въ послѣдствіи Веледой слыла,
 Когда не она же, чудесная Вана?...

Она въ край впервые съ собой привела
 И первыхъ жрецовъ, и священныхъ гадальщицъ.
 Ей нравилась сѣнь первобытныхъ лѣсовъ;
 Любила скрываться она въ боръ священный,
 Гдѣ, въ листьѣ широкой столѣтнихъ дубовъ
 И буковъ тѣнистыхъ, бесѣдовалъ съ нею
 Ея богъ незримый. Отсюда она
 Вѣщала его повелѣнья народу;
 Когда-жъ начиналась въ странѣ ихъ война,
 Она выносила его стягъ священный,
 Святую *станциу* *), что въ мирные дни
 Стояла во храмѣ.

*) Станица, священное знамя Святовита.

Богъ свѣтлый Руянецъ

Былъ богъ и побѣды. Жрецы лишь одни
Могли одобрять иль худить предпріятъе;
За то и имѣлъ онъ въ добычѣ страны
Главнѣйшую долю.

Когда-жь умолкали
Далекіе громы кровавой войны
Чудесная Вана любила шумъ празднествъ,
Веселые клики народныхъ пировъ;
Любила при этомъ воинскія игры,
Борьбу, бой кулачный искусныхъ бойцовъ,
Метанье камней и стрѣлянье изъ лука;
Священное пламя горящихъ костровъ,
Текущую кровь, обреченной ей, жертвы,
Подблюдныя пѣсни, во славу боговъ
И честнаго хлѣба, знакомый ей говоръ
Различныхъ нарѣчій славянскихъ племенъ,
Священную пляску родныхъ хороводовъ, —
Завѣтный остатокъ древнѣйшихъ временъ,
Созданье ея праотчизны далекой.

Такъ видѣнъ во всемъ
Въ ея бытѣ родномъ
Обычай и духъ ея древне-арійскій, —
Тотъ міръ старины,
Отдаленной страны
И самыхъ глубокихъ старинныхъ преданій!
Но въ первые дни
Всѣ арійцы сродни, —
И долго, есть общаго много межъ ними;
Лишь въ позднихъ вѣкахъ,
Въ отдѣльныхъ краяхъ,
Они развиваютъ ихъ частный характеръ;
Но что Ваны родъ, —
Древнѣйшій народъ,
Она тѣмъ докажетъ, что въ мірѣ славянскомъ
Нѣтъ кастъ родовыхъ,
Сихъ золь роковыхъ,
Созданья гораздо позднѣйшаго міра;

Хоть искони дней
 Извѣстны и ей,
 Преданья о нихъ, отъ народовъ сосѣднихъ.
 Но наша страна,
 Хранила она,
 Всегда отвращенье къ главенству въ ней знатныхъ;
 Ея вольный родъ,
 Ея мѣръ народъ
 Имѣлъ свой законъ и обычай отцовскій, —
 Гдѣ дивныя дѣла,
 Что за три рѣки
 Они принесли отъ боговъ вѣковѣчныхъ;
 Хоть Вана внесла
 Черезъ то много зла
 Въ устройство гражданское края роднаго;
 За то ея родъ,
 Мѣръ этотъ народъ,
 Всегда безгранично при ней былъ свободенъ;
 Въ своихъ старшинахъ,
 Вождяхъ и князьяхъ
 Онъ чествовалъ славу лишь, знанье и храбрость;
 И власти страны,
 Князья, старшины,
 Смирялися сами предъ гласомъ народнымъ.
 Табъ съ первыхъ временъ
 Духъ нашихъ племенъ
 Проникнуть былъ силой и властью народной, —
 Той силой земли
 И сельской семьи,
 Что былъ споконъ-вѣка главою Микула;
 Гдѣ искони дней
 Онъ съ дочерью своей
 Считался отцомъ и владыкой народнымъ ⁴⁾.

Не мало торговыхъ большихъ городовъ
 Явилось въ послѣдствіи по Одру и Лабѣ.
 Красивыя зданія, храмы боговъ,
 Большія кутины, —особенно храмы,

Дивили искусной и тонкой рѣзьбой
 Заѣзжихъ пришельцевъ. Въ кутинахъ собирались
 Народные старцы судить о дѣлахъ,
 Что послѣ рѣшались народомъ на вѣчѣ;
 А въ праздникъ, въ общественныхъ этихъ избахъ
 Сходился весь городъ предаться веселью.
 Сюда ѣхалъ людъ изо всѣхъ странъ земли,
 И хитрый гречинъ, и торговецъ мурманскій,
 И мрачный биармеецъ, замѣтный вдали
 По шкурамъ звѣринымъ, и витязъ варяжскій,
 И Кіевскій гость, и саксонецъ крутой,
 И франкъ подвижной, и богатый волынецъ.

Чудесная Вана, какъ свѣтъ всеблагой,
 Являлась повсюду . Тамъ въ образѣ свѣтломъ
 Прекрасной Любуши, она творить судъ
 Или разбираетъ межъ братьями тяжбу;
 Здѣсь вражьи рати оружье кладутъ
 Предъ дивной и вѣщей ея красотою;
 Тамъ ставитъ она отъ желѣзной сохи
 Младаго Премысла въ народные князи;
 Здѣсь нѣмцы и франки, друзья и враги,
 У ней нанимаютъ рабочія руки
 Ея земледѣльцевъ.

Изъ всѣхъ городовъ
 И торгощъ Поморскихъ, Волынь или Волинъ
 Считался славнѣйшимъ, —красой тѣхъ вѣковъ,
 Главой всей торговли земли Полуночной.
 Здѣсь было свиданье торговыхъ гостей
 Изъ всѣхъ странъ Европы и Азіи дальней;
 Здѣсь кличъ знаменитыхъ варяжскихъ вождей
 Сзывалъ удалцовъ въ ихъ морскіе походы;
 Здѣсь, въ этой Волынѣ, во дни оны жилъ
 Богатый тотъ витязъ-купецъ, гость Поморскій,
 Тотъ Дюль-Степановичъ, что позже гостилъ
 У краснаго-Солнца Владиміра князя,
 И спорилъ съ Чурилой богатствомъ своимъ.

Волынь дала имя Волынскому морю;
 Она величалась Миеулой роднымъ,

По древнимъ преданьямъ, Индѣюшкой славной.
 Когда посоль русскій отъ князя спѣшитъ
 Въ Волынь, чтобъ провѣрить богатство Дюка;
 Блестящее солнце такъ ярко блеститъ
 На кровляхъ золотыхъ и на башняхъ Волыни,
 Что онъ восклицаетъ: «знать, это горитъ
 Индѣйское царство!...»

Много всякихъ богатствъ есть у Дюка;
 Трѣмъ стрѣламъ своимъ Дюкъ и цѣны не знаетъ:
 «Во середочку вращенъ камешочекъ самоцвѣтный.
 «А во тупой конецъ вращено золото-перо орлиное,
 «Того было орла заморскаго:
 «Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешкѣ.
 «Ужъ онъ ронитъ орелъ перьяца орлиныя;
 «Когда идутъ гости-карабельщики,
 «Побираютъ перьяца орлиное...
 «Покупали мужики-то индѣйскіе,
 «Приносили это перьяце орлиное
 «Его Дюкову-то батюшку въ подарочки.»

Не тамъ-ли сначала,
 Не тамъ-ли въ то славное времячко жить,
 И нашъ Новгородскій Садко, гость богатый?
 Богатствомъ несмѣтнымъ его наградила
 Царь бурнаго моря. Садко гость торговый,
 И съ тѣмъ чародѣй, — онъ чудесной игрой
 На гусяхъ звончатыхъ своихъ пробуждаетъ
 Сердитое море; ему царь морской
 Даетъ дочь въ замужство.... Живаль-ли онъ, точно.
 На славномъ Поморѣ, пришель-ли Садко
 Къ намъ въ древніе дни изъ восточнаго міра;
 Но пусть родился онъ отъ насъ далеко.
 Но въ новой отчизнѣ, онъ тѣломъ и духомъ
 И всей обстановкой своей — Славянинъ.
 Онъ витязь-торговецъ, онъ гость Новгородскій;
 Едва въ немъ сквозитъ духъ восточныхъ былинъ;
 Его образъ, удалъ, его быть, — все взято
 Изъ жизни славянской ⁵⁾.

Не въ эти-ли-жъ дни

Предстали впервые Иванъ нашъ Годиниць
 И ловкій Хотинъ? Иль не здѣсь-ли они
 Потомъ получили ихъ образъ славянской?
 Не здѣсь-ли явился тогда-жь, въ первый разъ,
 Двойникъ тотъ Садко,—Соловей Будимирычь,
 Что послѣ заставилъ влюбиться у насъ
 Въ свое молодечество, вѣщую удалъ,
 Младую Любаву 6)?

Но вотъ мракъ вѣковъ
 Яснѣетъ все больше. Далеко летаетъ
 Молва о Поморѣ; сквозить глушь лѣсовъ,
 Растутъ зланы нивы подъ сошкой Микулы;
 Начнетъ онъ бороздку съ полабскихъ береговъ,
 А вончитъ у темной пучины Днѣпровской;
 Нувнетъ онъ кобылку въ Карпатскихъ горахъ,
 А гулъ отзовется у тихаго Дона.....
 По манію Ваны, кипать на поляхъ,
 Молотятъ и жнутъ муравьи-мармидоны,
 Ея земледѣльцы; страна вся полна
 Рабочими пчелами.... Всѣ у ней въ службѣ!...
 Кивнетъ только вѣщей головкой она,
 Стоитъ уже городъ, или зрѣетъ нива,
 И хлѣбъ обмолоченъ.

Точетъ въ тишинѣ
 Она судьбы вѣщія юнаго края,
 Выводитъ узоры она по странѣ,—
 Узоры, разводы судебъ ея новыхъ;
 Сама разсуждаетъ:

«Ну, вотъ я нашла
 Сынѡвъ моихъ кровныхъ, она разсуждаетъ,
 Устроила край ихъ, насколько могла;
 Дала я имъ образъ живой челоуѣка.
 Гдѣ тутъ, по сосѣдству, еще край другой,
 Что съ ними поспорилъ бы въ силѣ, богатствѣ?
 Боятся не даромъ насъ Западъ нѣмой;
 А Полночь, та вовсе у насъ подъ руками.
 Вотъ, кажется, здѣсь-то ужъ я не спала;
 Но какъ-же мнѣ сдѣлать, чтобъ хищная птица

У насъ въ странѣ пищи себѣ не нашла,
 А братъ не посмѣлъ возставать бы на брата?
 Какъ сдѣлать? Вѣдь люди живые они;
 У каждаго родъ свой особый; раздоромъ
 Земля кипитъ.... Мы-ли живемъ такъ одни?
 Своя воля всякому, — кто-же уступитъ?
 Нашъ край богатырскій суровъ на войнѣ,
 Но въ мирное время онъ ласковъ къ пришельцамъ;
 Идетъ къ намъ людъ всякій; въ какой сторонѣ
 Такое радуше во всѣмъ, хлѣбосолюство?
 Живемъ мы досель по родной старинѣ,
 Всего намъ дороже святая свобода.
 Семейки*) вѣрность хранить ихъ мужьямъ;
 Порою и сами сражаются рядомъ;
 Богачество намъ ни почемъ; а врагамъ
 Велятъ за обиду мстить даже и боги.
 Какъ я воспрещу моимъ это сынамъ?
 Я мать ихъ, царица; они мои дѣтки.
 Для нихъ нѣтъ святѣ родимой страны,
 Лѣсовъ нашихъ темныхъ, поселковъ торговыхъ....
 Но какъ обойдутся они безъ войны?
 Кто станетъ тогда разбирать ихъ раздоры?
 Какой странѣ можно прожить въ тишинѣ?
 И свѣтлые боги воюютъ на небѣ....
 Гдѣ слыхано это, чтобъ въ цѣлой странѣ
 Не могъ хищный воронъ найти себѣ пищи?*)
 Одно было средство у ней для того, —
 Смирить всѣ раздоры союзомъ единства,
 Но юная Вана и знать ничего
 Про то не хотѣла. Край выросъ въ раздорахъ;
 Онъ жилъ только ими. Ни Вана сама,
 Ни богъ Святовить, не желали единства;
 Единство казалось всѣмъ знакомъ ярма,
 А прочный порядокъ — народной неволей.
 Одно могла Вана единство имъ дать, —
 Единство лишь славы и древнихъ преданій.

*) Жены.

Она такъ привыкла сама управлять
 По правдѣ народной, что всякій отважный,
 Кого смѣлый геній его выдвигалъ
 Изъ общаго круга, казался опаснымъ,
 И вольнолюбивый народъ трепеталъ,
 За край свой свободный. Князь всякій захочетъ
 Княжить надъ странкою по волѣ своей,
 Помимо народа; князь всякій поставитъ
 Въ правители края ближайшихъ людей;
 Не онъ, такъ они иль ихъ родъ именитый
 Съѣдятъ поѣдомъ все богатство страны.
 Они будутъ дѣлать условія мира,
 Они будутъ править судьбами войны,
 У нихъ въ рукахъ будетъ народная сила
 И самъ Святovitъ.... Да и гдѣ бы взяла,
 Въ какомъ она племени кровномъ Славянскомъ,
 Что всѣ были равны, — гдѣ взять бы могла
 Она столь могучаго, вѣщаго князя,
 Чтобъ весь мѣръ славянскій склонился предъ нимъ?
 Одни даютъ боги владыкъ странамъ вольнымъ;
 Они посылаютъ народамъ своимъ
 И силу господства, и горькое рабство.

Единный могъ царствовать здѣсь, — Святovitъ,
 Отецъ всѣхъ боговъ и племень всѣхъ славянскихъ;
 Его только крѣпкій, божественный щитъ
 Могъ край оградить отъ враговъ его внѣшнихъ
 И внутреннихъ распрей, — блестящей звѣздой
 Сіять на пути ему къ славнымъ побѣдамъ.
 Онъ всѣмъ племенамъ былъ отецъ всеблагой,
 Онъ былъ охранитель народной свободы,
 Всѣ помыслы были открыты предъ нимъ,
 Весь край вполне вѣрилъ въ его правосудье;
 Какой князь земной могъ правленьемъ своимъ
 Стяжать средь народа такое значенье?...

Но этотъ мѣръ вольный ужъ былъ окруженъ
 Съ Полночи и Запада, съ моря и суши
 Желѣзной дугою бродячихъ племень,

Поклонниковъ или потомковъ Одина.
 Какъ здѣсь, у славянъ, былъ въ главѣ мѣръ-народъ;
 Такъ тамъ уважалася знатность породы.
 Сыны свѣтлыхъ асовъ, чей доблестный родъ
 Наслѣдоваль славу отца ихъ, Одина,
 Стояли въ главѣ этихъ сборныхъ дружинъ,
 Готовыхъ сражаться за знатнаго князя,
 Куда бъ ни повель онъ. Самъ грозный Одинъ
 Считался вождемъ ихъ дружинныхъ союзовъ.

Давно ужъ кипѣла открыто вражда
 Межъ двухъ племенъ этихъ, когда-то столь близкихъ:
 То храбрыхъ Славянъ подымалась звѣзда,
 То верьхъ въ борьбѣ брали сыны гордыхъ асовъ.

Вражда эта шла съ первобытныхъ временъ;
 Вражда эта шла съ той поры еще древней,
 Когда въ старину мѣръ славянскихъ племенъ
 Отбросилъ враждебныхъ имъ асовъ на Полночь;
 Когда Одинъ не былъ еще божествомъ
 Угрюмаго Сѣвера, но шель съ Востока;
 Когда не встрѣчали его съ торжествомъ
 Побѣдные клики воинственныхъ ратей,
 И былъ незнакомъ ему Сѣверный мѣръ;
 А юные асы еще веселились
 На вольной землѣ, и веселый ихъ пиръ
 Далеко гремѣлъ по равнинамъ Полудня.

Лишь только на Сѣверѣ—въ этой странѣ
 Гранитныхъ утесовъ, снѣговъ и тумановъ,
 Въ томъ царствіи стужи, враждебномъ веснѣ,
 Создаться могла ледяная та бездна,
 Бездонная челюсть предвѣчной зимы,
 Откуда явилась вселенна Одина.

Лишь тамъ, въ этомъ царствѣ Полуночной тьмы
 И вѣчнаго холода, вьюгъ и мятелей,
 Явиться, по манью Одина, могли
 Такія картины его мірозданья:

Сперва нѣтъ ни неба нигдѣ, ни земли,
 Повсюду одна безпредѣльная бездна;

Надъ нею повисла кромешная тѣма,
 Вверху только темномъ свились клубомъ змѣи,
 Подъ ними развернула челюсть Зима;
 Изъ змѣй каплетъ тонкій ядъ въ этотъ бездонный
 Колодезь, на груди намерзнувшихъ льдовъ;
 Оттуда несутся шумящія рѣки
 Въ сѣдой океанъ, что сначала вѣковъ
 Собою омываетъ весь міръ.... Но вотъ, съ Юга
 Пахнуло теплою, — тамъ горнило огня;
 Блестящія искры его нагрѣвають
 Намерзшія льдины, и съ этого дня
 На нихъ означается образъ туманный
 И ликъ великана: рождается Имиръ,
 Живящій сей духъ первобытной природы;
 Потомъ, отъ него заражается міръ
 Другихъ великановъ. Съ Имиромъ рождается
 Корова, — и кормитъ его молокомъ.

Отъ ютна Имира рождается Бури;
 Ютнъ Бури становится позже отцомъ
 Грядущаго бога Полночи, Одина.
 Набравши дружину изъ кровныхъ сыновъ,
 Одинъ истребляетъ злой родъ исполиновъ;
 Потомъ, при пособьи сихъ новыхъ боговъ,
 Творитъ онъ вселенну. Изъ тѣла Имира,
 Кого поразила Одина рука,
 Одинъ творитъ землю, изъ черепа — небо,
 Изъ сѣраго мозга его — облака;
 Изъ крови титановъ, — глубокое море.
 Затѣмъ, онъ приводитъ въ порядокъ луну
 И солнце, что прежде носились съ звѣздами
 Безъ цѣли въ пространствѣ, даруетъ весну,
 Творитъ дни и ночи, и кругъ времянь года.

Но хитрый и смѣлый Одинъ истребилъ
 Не всѣхъ исполиновъ; еще оставался
 Съ женой Бргольмиръ, — образъ злобныхъ тѣхъ силъ,
 Что жили вначалѣ, — и онъ порождаетъ
 Позднѣйшихъ титановъ.

Чтобъ міръ защитить

Отъ ихъ непрестанныхъ, ужасныхъ набѣговъ,
 Царь асовъ рѣшилъ весь міръ оградить
 Рѣсницами перваго іотна, Имира.
 Изъ этихъ рѣсницъ дальновидный Одинъ
 Устроилъ вкругъ міра земнаго ограду.
 Она охраняла Мидгардъ отъ пучинъ
 Всемирнаго моря, и съ тѣмъ преграждала
 Не только входъ іотнамъ, бродившимъ кругомъ,
 Но также и лютому змѣю морскому,
 Обвившему мутно-зеленымъ хвостомъ
 Широкую землю ?).

При самомъ началѣ,
 Всемощный сынъ Бури, великій Одинъ,
 Присвоившій послѣ себя скиптръ Водана,
 Былъ въ сущности вождь лишь бродячихъ дружинъ,
 Сыновъ своихъ асовъ; но онъ постоянно
 Любилъ собирать вѣщія знанья. Онъ пьетъ
 Глубокую мудрость у іотна Имира;
 Разъ даже онъ правый свой глазъ отдаетъ
 Въ обмѣнъ за рожокъ, что служилъ іотну черпать
 Струи вѣщей Урды *). Одинъ окривѣлъ,
 Но тѣмъ не пресѣклось его любознанье:
 Онъ все поучался, пока не успѣлъ
 Исчерпать вполнѣ всю тогдашнюю мудрость.
 Одинъ не гнушался ходить и къ другимъ
 Мудрѣйшимъ титанамъ, чтобы состязаться
 Божественнымъ съ ними познаньемъ своимъ, —
 И кто побѣжденъ былъ, платилъ головою.
 Есть поводы думать, что нѣвогда онъ
 За этимъ ходилъ и къ родному Микулѣ;
 Но былъ въ состязаніи съ нимъ побѣжденъ,
 Хотя и остался потомъ съ головою.
 Поэтому, можетъ, — съ древнѣйшихъ временъ,
 Одинъ и былъ полонъ такимъ уваженьемъ
 Къ познаньямъ Микулы.

*) Источникъ Урды, Урдуръ, считается источникомъ мудрости у скандинавовъ.

Когда, изъ подъ тучи темныя,
 «Выпадала книга Голубиная,
 «Великая книга Голубиная,
 «Къ той книгѣ собиралися,
 «Собиралися, съѣзжались,
 «Сорокъ царей со царевичемъ,
 «И сорокъ князей со княжевичемъ....
 «Изъ нихъ было пять царевъ набольшихъ».

Пріѣхаль, какъ русскій гласить нашъ разсказъ,
 Пріѣхаль и царь Вологманъ Вологманычъ;
 Хозяинъ же этого съѣзда у насъ -
 Какой-то чудесный Давидъ царь, Есеичъ.
 Волоть излагаетъ сначала свой сонъ,
 Про чудную славу грядущаго края
 Есеича, гдѣ поселится и онъ, —
 Но вѣщій Давидъ, этотъ сонъ разъясняетъ;
 А самъ рѣчь ведетъ о началѣ временъ
 И первенствѣ разныхъ предметовъ вселенной.

«Отчево у насъ свѣтъ свѣтитса,
 «И отчево солнце сіяетъ,
 «И отчево заря занимается?
 «На чемъ у насъ небо ходитъ?
 «На чемъ земля стоитъ?....
 «Кой градъ градамъ мать,
 «Кое древо древамъ мать,
 «Кой звѣрь звѣрямъ мать,
 «Коя гора горамъ мать,
 «Кое море морямъ мать?»...

Но вотъ въ заключеніе, Давидъ задаетъ,
 Подобно Вафтрудниру *) Сѣверной Эдды,
 Вопросъ Волотману: «что міръ этотъ ждетъ
 Въ божественный вечеръ небесныхъ величій?» —
 Какъ бы намекая, что грозный Одинъ
 Самъ долженъ погибнуть отъ волка Френмира.
 Отвѣтъ рѣшилъ прѣнье, — и злой исполинъ
 Тотчасъ прерываетъ съ Давидомъ бесѣду.

*) Вафтрудниръ. великанъ, надъ которымъ Одинъ одержалъ верхъ въ познаніяхъ, за что этотъ іотвъ заплатился головою.

Ктожь этотъ Есеичъ? Кто царь Вологманъ?
 Не нашъ ли Микула родной Селянинычъ?
 Не древній Одинъ ли, Полночный титанъ,
 Пытавшій повсюду старинную мудрость?
 Извѣстно, что онъ черезъ горы леталъ,
 Въ дальнѣйшія страны, за всякимъ познаемъ:
 Возможно-ли, чтобы Одинъ не слышалъ
 О книгѣ Глубиной, той книгѣ всемирной,
 Въ которой міръ древній такъ жадно желалъ
 Прочестъ всѣ страницы? А кто владѣтъ книгой
 И знать эту книгу могъ лучше Микулы? *)).

Издревле ужъ Западъ, сей край облаковъ,
 Казался застроеннымъ. Явственно видны
 Тамъ были то кровли изъ круглыхъ щитовъ,
 Какъ позже въ Валгалъ; то мрачныя скалы.
 На коихъ устроилъ впоследствии Одинъ
 Свой городъ небесный и мостъ семицвѣтный,
 Раскинутый имъ средь воздушныхъ пучинъ,
 Гдѣ послѣ поставилъ вверху онъ сторожку,
 Отколь днемъ и ночью онъ могъ наблюдать,
 Въ раскрытыя двери, всѣ страны вселенной.

Но въ первое время, бродячая рать
 Воинственныхъ асовъ, сихъ свѣтлыхъ титановъ,
 Еще недовольно искусна была
 Въ строительномъ дѣлѣ, хотя и считалась
 Издревле способною для ремесла
 Кузнечнаго. Праздные асы любили
 Попить, поиграть на доскахъ золотыхъ,
 Въ златыя тавлеи; но дѣла чуждались.
 Жилища же строили долго для нихъ
 Волоты Полночные, хитрые ютны.

На Сѣверѣ жилъ самый древній кузнецъ,
 Закальщикъ желѣза, гигантъ Ильмариненъ.
 Лишь только былъ созданъ міръ, — Укко-творецъ *).
 Привелъ на болота его и трясины,

*) Укко, — Финскій богъ, творецъ міра.

Гдѣ жило желѣзо; устроилъ себѣ
 Ютнѣ кузницу съ горномъ, и сдѣлалъ желѣзо
 Упругимъ и твердымъ, способнымъ къ борьбѣ
 И въ самымъ изящнымъ вещцамъ для женщинѣ.
 Тамъ жилъ и наставникъ Одина Мимиръ,
 Мудрѣйшій изъ ютновъ, съ кѣмъ онъ постоянно
 Во всемъ совѣщался. А глубже—былъ мѣръ,
 Холодный и мрачный, колдунья Лоухи 9).

Когда повстрѣчалъ нашъ Микула родной
 Впервые Одина, онъ былъ вождемъ браннымъ,
 А свѣтлые асы, — бродячей ордой,
 Искавшею также на Западѣ мѣста,
 Гдѣ-бъ ей поселиться. Ихъ станъ подвижной
 Стоялъ на какой-то равнинѣ, что звали
 Они тогда Иди. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
 Они совѣщались о мироустройствѣ;
 Одинъ любилъ также вносить вездѣ свѣтъ
 И стройный порядокъ, — и даже отсюда
 Ходилъ онъ, съ двоими изъ асовъ своихъ,
 Въ край дикій Древяновъ, на синее море;
 И далъ имъ, побывши въ лѣсахъ ихъ глухихъ,
 Впервые далъ образъ живой человѣка.

Блестящіе асы, какъ въ древнихъ своихъ
 Поютъ они пѣсняхъ, срубили изъ тына,
 На этой равнинѣ, большой себѣ дворъ,
 Воздвигли алтарь и поставили горны.
 Извѣстно, что самъ ихъ Громовникъ, богъ Торъ,
 И тотъ упражнялся въ кузнечномъ искусствѣ.
 Потомъ наковали не мало вещей
 Они очень цѣнныхъ,—браслетовъ и колець,
 Домашнихъ орудій, щипцовъ и ножей,
 Въ чемъ истинно асы всѣ были искусны;
 Но въ прочее время,—какъ прежде, они
 Гуляли и пили, играли въ златыя
 Тавлеи и шашки,—и цѣлые дни
 У нихъ проходили въ пирахъ и попойкахъ.
 Ихъ станъ укрѣпленный стоялъ близъ страны,

Гдѣ жилъ, съ своимъ родомъ осѣдлымъ, Микула.
 Волшебный блескъ дивной, роскошной весны
 Лился съ лучезарнаго неба на землю;
 Вездѣ зеленѣла и пышно цвѣла
 Растительность Юга. Счастливые асы
 Сіяли блаженствомъ. Далеко была
 Отъ нихъ тогда мысль, о малѣйшей печали.
 Всей грудью могучей впивали они
 Насыщенный воздухъ весны благовоной;
 На радужныхъ крыльяхъ летѣли ихъ дни,
 И сыпали радость на нихъ и веселье.
 Не этой ли самой счастливой порой,
 Не въ этомъ ли царствѣ Полдневной природы,
 Родился Одину Бальдуръ *) молодой,
 Милѣйшій и самый красивый изъ асовъ?
 Какъ день святоварный, сіялъ онъ красой;
 Какъ вешнее солнце, ко всѣмъ былъ привѣтливъ.
 Великій родъ Балтовъ его признаетъ
 Отцомъ своимъ. Ждали, что онъ, всегда кроткій
 И миролюбивый, собою начнетъ
 Опять золотой вѣкъ боговъ и вселенной.
 Онъ только изъ асовъ владѣлъ золотымъ
 Кольцомъ плодородья земли благодатной;
 Онъ только чудеснымъ наитьемъ своимъ
 Могъ вырастить ниву и дать на ней жатву;
 Но боги судили иначе, и свѣтъ
 Былъ долженъ лишиться одной изъ блестящихъ
 Надеждъ своихъ: стибнулъ Бальдуръ въ цвѣтѣ глѣтъ,
 И сами же асы въ томъ были виновны.
 Но въ то еще время не знали они,
 Что ихъ ожидало. Они беззаботно
 Тогда веселись, и цѣлые дни
 Вкушали, увы, невозвратное счастье.

Въ то время и асы, и ихъ властелинъ,
 Водили хлѣбъ-соль и сносились любовно

*) Бальдуръ, богъ весны у скандинавовъ.

Съ сынами Микулы; и хитрый Одинъ
 Поддерживаль это, заимствуясь многимъ
 Отъ племени Вановъ. Военственный Торъ
 Жилъ въ дружествѣ съ нашимъ славянскимъ Перуномъ,
 И часто бродилъ съ нимъ по теменн горъ
 Иль въ дѣбряхъ Полночныхъ, сражаясь съ нимъ рядомъ
 Съ полчищами ютновъ. На память тѣхъ дней,
 Перунъ подарилъ ему горсть своихъ *молній*,
 Что онъ включилъ тутъ же, на ужасъ людей,
 Въ громовый свой молотъ, и съ той поры назвалъ
 Свой молотъ *молнироумъ*. Едва-ль грозный Торъ
 Женатъ уже не былъ на Живѣ, весенней
 Богинѣ славянской, что такъ же съ тѣхъ поръ
 Явилась у асовъ подъ именемъ *Зифы*.
 Но мудрость Микулы, устроенный быгъ
 Осѣдлыхъ Славянъ и Полуденный край ихъ,
 Цвѣтущій, богатый, имѣвшій ужъ видъ
 Страны развитой и воздѣланной прочно
 Трудомъ челоуѣка, кололи глаза
 И сердце Одину и асамъ бродячимъ;
 И было замѣтно, что будетъ гроза
 Межъ двухъ сихъ племень, уже втайнѣ враждебныхъ ¹⁰⁾.

Успѣхъ и богатство Микулы они
 Тогда относили къ его чародѣйству,
 Что долго считалось въ старинные дни
 За высшую мудрость. Глава свѣтлыхъ асовъ
 Былъ втайнѣ исполненъ желаньемъ отбить
 Край этотъ цвѣтущій себѣ у Микулы;
 Но надобно было его побѣдить
 Въ глубокой наукѣ, какъ встарь побѣждалъ онъ
 Полуночныхъ ютновъ. Ходилъ ли тогда
 Еще онъ испытывать мудрость Микулы,
 Иль нѣтъ, — дни текли, и все больше труда
 Ему предстояло, чтобы достичь цѣли.

Одину и асамъ еще незнакомъ
 Былъ трудъ земледѣльческій и быть осѣдлымъ;
 Имъ надобно было чужимъ жить трудомъ,
 Они могли только лишь быть господами.

Одинъ почиталъ себя крѣпкимъ щитомъ,
 Для всякой страны, лишь бы свѣтлые асы
 Имѣли тамъ власть, у него подъ рукою;
 Но онъ не владѣлъ древней силой Водана.
 Воданъ былъ владыкой надъ прежней землей,
 Какъ богъ ярыхъ битвъ и какъ богъ земледѣльи;
 Его мечъ священный, кому въ эти дни
 Еще поклонялись древнѣйшіе скифы,
 Имѣлъ двойной образъ; въ немъ чтили они
 И бога Громовника и бога Свала, —
 Живящее Солнце; но грозный Одинъ
 Былъ болѣе богомъ войны и побѣды,
 И даже въ глазахъ своихъ свѣтлыхъ дружинъ
 Едва ли когда онъ имѣлъ образъ солнца.
 Занять вановъ край было трудно для нихъ;
 Микула былъ тугъ на пріемъ боговъ чуждыхъ,
 Но крѣпко стоялъ за боговъ онъ родныхъ;
 Притомъ же край вановъ казался волшебнымъ;
 Царь асовъ страшился Микулиныхъ силъ,
 Не могли оспорить его въ вѣщихъ знаньяхъ;
 Чтобъ онъ ни задумалъ, чтобъ онъ ни рѣшилъ,
 Все было извѣстно впередъ хитрымъ ванамъ.

Дни цѣлые мудрый Одинъ проводилъ
 Въ живыхъ совѣщаніяхъ съ древнимъ Мимиромъ.
 Мимиръ, сей оракулъ древнѣйшихъ вѣковъ,
 Совѣтовалъ асамъ, украсть себѣ Вану, —
 Любимицу эту славянскихъ боговъ;
 Но это не такъ легко было исполнить.

Въ то самое время къ Одину пришли,
 Съ источниковъ Урды, три вѣщія Норны,
 Изъ лучшихъ гадальщицъ Полночной земли, —
 Три дочери іотновъ, искусныхъ издревле
 Въ вѣщбѣ и гаданьѣ. Одна и была
 Та самая Урда; другую же звали
 Въ странѣ ихъ Вердандой. Ихъ мудрость могла
 Поспорить съ искусствомъ всезнающихъ вановъ;
 Онѣ знали руны, и въ станъ принесли
 Съ собою скрижали письменъ сихъ священныхъ,

Божественный даръ сей славянской земли,
 Доставшійся ванама изъ Ольвиі древней, —
 Отъ нихъ же и іотнама. А третья была
 Гадальщица Скульда. Она въ своемъ краѣ
 Особенно хитрой изъ нихъ и слыла
 По части гаданій; она изрекала
 Судьбу и младенцама.

Великій Одинъ

Съ вождями воссѣлъ на высокіе камни,
 Стоявшіе кругомъ. Какъ вождь — властелинъ,
 Одинъ сѣлъ въ главѣ, подъ щитомъ своимъ бравнымъ;
 А прочіе асы столпились за нимъ.
 Сперва приступили они къ совѣщанью:
 Какое значеніе дать Двергамъ *) своимъ,
 Симъ карламъ, рожденнымъ изъ крови Имира?
 Вождь асовъ имъ отдалъ ущелія горъ,
 Глубь водъ, свѣтлый воздухъ и мѣсяцъ съ звѣздами;
 Поэтому Дверги и взяли съ тѣхъ поръ
 Себѣ міръ воздушный, земной и подземный.
 Иные извѣстны изъ нихъ добротой,
 Но болышею частью они всѣ лукавы;
 Отъ нихъ и добро шло, и зло, въ міръ земной;
 Имъ были извѣстны подземные клады;
 Но болыше всего, ихъ прославился родъ
 Кузнечнымъ искусствомъ, и далъ міру лучшихъ
 Потомъ рудокоповъ ¹¹⁾.

Межъ тѣмъ у воротъ,

Въ тиши, совѣщались сидѣвшія норны.
 Мудрѣйшая Урда, все зная впередъ,
 Смотрѣла, какъ асы блестящіе пили
 Изъ рога Мимира.... Она вся полна
 Была вѣщихъ знаній. Потомъ, съ ней подруги
 Простились, и Урда осталась одна.
 Тогда дальновидный и хитрый царь асовъ,
 Всегда осторожный, приблизился къ ней,
 И прямо уставился зрячимъ онъ глазомъ

*) Дверги, — карлики, Сѣверные гномы.

Ей въ мутныя очи, — что искони дней,
Извѣстно, не нравится очень колдуньямъ.

«Ну что, старый хрычъ, ты пытаешь меня
И лезешь мнѣ въ душу? Она заворчала.
Я знаю все, — даже про то знаю я,
Гдѣ спряталъ ты глазъ твой. Его заложилъ ты
Обманомъ Мимиру. Я зрю, какъ блеститъ
Въ прозрачномъ ключѣ онъ. Мимиръ ежедневно
Имъ черпаетъ мудрость, и благодаритъ
Отца и владыку воинственныхъ асовъ.
Ну, что еще надо?...»

Одинъ выбралъ ей
Въ подарокъ большое количество колець
И много другихъ драгоценныхъ вещей,
Развервъ ей разумъ и далъ даръ видѣнья;
Тогда ея очи прозрѣли вполне
Во всѣ концы міра, — далеко, далеко....
Она увидала идущихъ къ странѣ,
Съ Полночи, валькирій; онѣ приближались
Съ златыми щитами, готовясь къ войнѣ,
И очень спѣшили, чтобы начать битвы.

«Ну, что еще надо? сказала она.
У вановъ есть много дѣвъ вѣщихъ, гораздо
Въ вѣщбѣ насъ искуснѣе. Есть тутъ одна,
Ей имя Хайдуря, — она презираетъ
Пророчества Вала.... Страхися ея!
Ее мы зовемъ, у насъ въ краѣ, Гульвигой.
Всю вѣщую мудрость и знанье свое
Она посвятила врагамъ твоимъ, ванамъ.
Ну, вотъ, потолкуй съ ней! Пожалуй, съ тобой
Не такъ-то легко этой вѣдьмѣ бороться....»

Достали Хайдурю. Всѣ асы толпой
Къ ней вышли на встрѣчу, къ воротамъ Асгарда.
Одинъ асъ у входа игралъ на ножахъ;
Онъ правой рукою бросалъ ихъ на воздухъ,
А лѣвой ловилъ, — и все это въ глазахъ
Хайдуря, — чтобы больше ее озадачить.

Прицель и царь асовъ, и самъ приступилъ
 Съ распросами. Ярко сверкая златыми
 Доспѣхами, свѣтлый сонмъ асовъ хранилъ
 Глубокое вокругъ нихъ молчанье. Хайдура
 Стояла предъ ними съ поднятой главой,
 Спокойно смотря на воинственный блескъ ихъ;
 Она не страшилась судьбы роковой, —
 Хайдура имѣла на все заклинанья.

Отецъ свѣтлыхъ асовъ велѣлъ принести
 Златое сидѣнье, куда былъ запрятанъ
 Огромнѣйшій ножъ, и сказалъ, чтобъ съ пути,
 Присѣвши, Хайдура сперва отдохнула.

«Ну вотъ, залетѣла, она говорить,
 Степная ворона въ златя хоромы!
 Вели вынуть ножъ, что въ сидѣньи торчить, —
 Хайдура и съ деть.»

Царь асовъ сказалъ:

«Когда такъ искусна ты въ вѣщей наукѣ,
 Скажи-ниъ: какой драгоценный металлъ, —
 Желѣзо или злато?»

Хайдура сказала:

«Тамъ, гдѣ еще люди живутъ въ прежней мглѣ,
 Желѣзо дороже тамъ желтаго злата;
 Но въ нашей цвѣтущей и славной землѣ
 Давно стало злато дороже желѣза.»

Одинъ возразилъ ей: «когда такъ сильна
 Ты въ вѣщей наукѣ, скажи: что дороже
 И желтаго злата?»

На это она

Ему отвѣчала: «святой хлѣбъ, пожалуй,
 Дороже и злата. Безъ хлѣба умрешь
 И съ златомъ, голодный.»

Тогда онъ сказалъ ей:

«Когда ты все знаешь, то, значить, поймешь
 Мою ты загадку: разъ желтое злато
 Зашло въ край желѣзный; желѣзо его
 И стало просить: передайся мнѣ, злато;
 Ты будешь у насъ драгоценнѣй всего,

Царицей желѣзнаго вѣра; искусно
 Тебя растоплю я на горнѣ моемъ,
 И ты просіяешь, какъ красное солнце;
 Хитро накую изъ тебя я потомъ,
 Остойныхъ безсмертныхъ боговъ, украшеній;
 Преклонится весь бѣлый свѣтъ предъ тобой,
 Ты будешь дороже насущнаго хлѣба;
 Съ тобой раздѣлю я престоль мой земной;
 Кто будетъ тогда насъ съ тобою сильнѣе?»

Хайдура сказала: «хозяевъ въ дому
 Двоихъ не бываетъ. Весь мѣръ сей — домъ божій;
 Но ты, господинъ, не хозяинъ ему:
 Единъ Богъ, — хозяинъ. Ну, что еще надо?

«Ты правду рекла, ей вождь асовъ сказалъ.
 Когда ты все знаешь, скажи, — какой силою
 Родъ вановъ въ странѣ сей хозяиномъ сталъ?»
 Какихъ больше чтите боговъ вы безсмертныхъ?

Хайдура сказала: «почто ты меня
 Одинъ испытуешь? Знай, ты испытуешь
 Свою тѣмъ судьбину. Сказала ли я?...
 Микулина сила въ златой его сошкѣ;
 Но бойтесь вы сошки: она покоритъ
 Васъ всѣхъ, великановъ. Судьбы неизмѣнны!
 А кто наши боги? Нашъ богъ — Святovitъ,
 Богъ свѣта дневнаго, богъ нивы и жатвы;
 Онъ богъ всѣхъ боговъ, онъ нашъ древній богъ Свагъ.
 Онъ богъ всего мѣра, онъ богъ боговъ вашихъ.»

Глухой, гнѣвный ропотъ тогда пробѣжалъ
 По свѣтлому кругу воинственныхъ асовъ;
 Но вождь подаль знавъ, и Хайдуръ сказалъ:
 «Ну, если Хайдура такъ видитъ далеко,
 То знаетъ и руны. Входя въ чужой домъ,
 Написано въ рунахъ, сперва осмотри въ немъ
 Внимательно выходи, чтобъ выйти потомъ
 Тебѣ безопасно.»

Хайдура сказала:
 «Да, это есть въ рунахъ; но я здѣсь въ гостяхъ.
 Покуда я гостя, для васъ я священна;

А впрочемъ Хайдурѣ, не вѣдомъ ей страхъ,
Хайдурѣ ничто всѣ земныя стихіи.»

Царь асовъ сказалъ: «недостойно пытаться
Ни сталь, ни желѣзо, что пытанъ въ горнѣ,
Хайдура все знаетъ; она должна знать
Что нужно Одину. Ему нужна Вана,
Что вамъ подарила златыя поля.
За Вану Одинъ дастъ своихъ боговъ краю;
Тогда у насъ общею будетъ земля.
Все это возможно устроить Хайдурѣ,
Ей много извѣстно заклятій святыхъ, —
Одинъ это знаетъ....»

Хайдура сказала:

«Одинъ чтить боговъ и чтить предковъ своихъ,
Одинъ противъ нихъ не свершитъ заклинаній;
Хайдура не хуже Одина. Она
Не выдастъ ему міръ-народъ свой великій.
Не даромъ ее уважаетъ страна;
Она и сама свой народъ уважаетъ;
Ея слово вѣрно. Ей святъ край родной,
А всякій врагъ проклятъ. И я заклинаю
Тебя, отецъ асовъ, и ихъ всѣхъ съ тобой,
Всѣхъ васъ заклинаю, землю и небомъ,
Ночными звѣздами, огнемъ и водой,
И міромъ воздушнымъ, и міромъ подземнымъ,
Алатыремъ-камнемъ и ясной зарей;
И громомъ-Перуномъ, и огненнымъ камнемъ,
И островомъ свѣтлымъ Буяномъ, страной
Святою восточной, и силой небесной,
И силой земной, и пучиной морской,
Чтобъ не было здѣсь вамъ ни крыши, ни мѣста.
Зову всѣ недуги и лиха на васъ,
Ходячіе камни и быстрыя рѣки,
Чуму и проказу, и боли, и сглазъ;
Зову всѣхъ стрѣльцовъ, и земныхъ, и небесныхъ,
Что въ кованыхъ ризахъ; зову и ихъ всѣхъ,
Стрѣльцовъ невидимыхъ, — ихъ луки и стрѣлы,
Чтобъ не былъ ни въ чемъ вамъ въ странѣ сей успѣхъ;

Чтобъ въ васъ настрѣляли они ихъ уроки,
 Призоры и притки; чтобы разстрѣляли
 Они ваши рати, и дворъ вашъ, и домъ;
 Чтобъ вы разслабѣли какъ малыя дѣти,
 Дрожали-бъ предъ самымъ ничтожнымъ врагомъ;
 Чтобъ здѣсь ваша доля исчахла на-вѣки.....
 Мое слово крѣпко!»

«Клянуся творцомъ!

Одинъ вскричалъ, видя смятеніе асовъ,
 Когда ты не снимешь, колдунья, сейчасъ
 Твоихъ съ насъ заклятій, тебя мы живую
 Изжаримъ на копьяхъ.»

«Ого, очень васъ

Хайдура боится! она, съ дикимъ смѣхомъ,
 Одину сказала. Такъ знай-же и ты,
 Что вѣщее слово сильнѣй всякой силы,
 И мягкій языкъ, хотъ въ немъ нѣтъ могуты,
 Порою ломаетъ крѣпчайшія кости.
 Не тронь родъ Микулы! Вотъ вамъ мой отвѣтъ.»

Одинъ и сонмъ асовъ не знали, что дѣлать,
 И наскоро собрали тутъ же совѣтъ;
 Потомъ повалили Хайдуру на копья,
 И начали жарить ее на огнѣ
 Чтобъ силой заставить ее снять заклятье.

Хайдура попалась, какъ звѣрь въ западнѣ,
 А имъ своя воля; но ни однимъ стономъ,
 Ни воплемъ, она не утѣшила ихъ.
 Хайдура смѣялась надъ страшною пыткой,
 И въ шутку просила злодѣевъ своихъ,
 Поддать еще пару, чтобъ было пожарче.
 Взбѣшенные асы тогда принесли
 Костерь цѣлый дровъ, и, раздувъ его пламя,
 На этомъ кострищѣ Хайдуру сожгли.

Но тщетно ее они трижды сжигали,
 Поднявши на копья. Посредствомъ своихъ
 Волшебныхъ заклятій, она оживала,
 Ругаясь надъ злобой безсильною ихъ.
 Увидѣвъ, что силы земныя тутъ тщетны,

И что не удастся ее убѣдить,
 Блестящія асы махнули рукою,
 Рѣшивъ, что разумнѣй ее отпустить,—
 И выгнали съ бранью Хайдуру изъ стана.

Въ то самое время вернулся богъ Торъ,
 Изъ лѣтней отлучки. Когда услышалъ онъ
 Про гнусный поступокъ, его грозный взоръ
 Исполнился гнѣва. Приблизясь къ Одину,
 Что шель ужъ обратно, онъ съ сердцемъ сказалъ:
 «Къ чему ты нанесъ эту злую обиду,
 Одинъ, роду Вановъ? Не ты-ль обѣщаль
 Хранить съ ними миръ, а теперь самъ нарушилъ.
 Они, по всей правдѣ, начать могутъ месть,
 И будутъ изъ прежнихъ друзей намъ врагами;
 Ты прямо затронулъ народную честь,
 Поднявъ на жену изъ ихъ племени руку,
 Сбери поскорѣ вождей на совѣтъ,
 Обсудимъ немедленно, какъ намъ исправить
 Твой дикій поступокъ; не то на весь свѣтъ
 Они провкрячатъ про твое самовластье.»

Вожди асовъ сѣли на камни; среди нихъ
 Въ главѣ сѣлъ Одинъ; началось совѣщанье:
 Должны-ль, не роняя достоинствъ своихъ,
 Блестящія асы заглядить, предъ родомъ
 Божественныхъ вановъ, свершенный сейчасъ,
 Совсѣмъ бесполезный и дивій поступокъ,
 Иль вождь свѣтлыхъ асовъ, кого общій гласъ
 Призналъ уже богомъ,—имѣеть онъ право
 Судить и карать, ему чуждыхъ, людей?
 Должны-ль признать ваны его также богомъ,
 Иль ихъ божества, по природѣ своей,
 Имѣють такое-же право возмездья ¹²⁾?....

Но вѣсть объ обидѣ Хайдуры дошла
 До царственныхъ вановъ. Исполнилась гнѣва
 Священнаго Вана, и въ мигъ собрала
 Совѣтъ свой народный. Двѣнадцать старѣйшинъ

Восѣли на камняхъ большихъ, а она
 Сидѣла въ срединѣ. Предъ нею держали
 Тѣ дски правдодатны, что чтила страна,
 Какъ даръ вѣковѣчныхъ, и мечъ обнаженный,
 Карающій вшивду. Толпа вѣщихъ дѣвъ
 Предъ нею поставила огонь-правдовѣстникъ,
 Съ водой очищенья. Мигула, воссѣвъ
 Между старшихъ въ родѣ, ждалъ вмѣстѣ съ другими
 Словесъ ея вѣщихъ.... Въ ней зрѣла страна
 Царицу, пророчицу, мать народа.

«Народные старцы, сказала она,
 Владыки и лѣхи, старѣйшины рода!
 Злодѣйство пришельцевъ надъ вѣщей женой
 Изъ нашего рода наноситъ безчестье
 Всѣмъ виндамъ.... Кто мѣръ нарушаетъ святой,
 Тотъ самъ на себя призываетъ отмщенье
 Свободныхъ людей и бессмертныхъ боговъ.
 Местъ наша угодна богамъ вѣковѣчнымъ.
 По правдѣ святой, по закону отцовъ,
 Нашъ славный родъ долженъ съ себя смыть безчестье
 Враждебною кровію асовъ. Они
 Нарушили первые мѣръ благодатный.
 Я вижу въ грядущемъ раздоры одни.
 Могучіе винды должны сжечь ихъ городъ;
 А гордый вождь асовъ пусть ихъ уведетъ
 Въ другіе предѣлы, куда пожелаетъ.
 Я вижу далеко, далеко впередъ.
 Вражда будетъ долго межъ виндовъ и асовъ;
 А главный виновникъ вражды сей Мимирь,—
 Старинный, хитрѣйшій совѣтникъ Одина.
 Крутой этотъ іотнъ также древенъ, какъ мѣръ;
 Онъ встарь въ непрестанной борьбѣ былъ съ богами.
 Одинъ себѣ ищетъ привольной страны;
 Онъ хочетъ быть богомъ въ странѣ земледѣлья;
 У насъ онъ узрѣлъ свѣтъ благой тишины,
 И трудъ благодатный, дающій богатство;
 Но іотнъ раздуваетъ въ немъ духъ старины,
 Духъ дикій и бурный родныхъ исполиновъ;

Ему ненавистенъ, священный намъ, миръ...
 Владыки и лѣхн! Хотите ли мира?—
 Просите, чтобъ нынѣ-жь былъ выданъ Мимиръ
 Въ заложники виндамъ. Дадимъ асамъ Рында,
 Посредствомъ кого получила земля
 И частную собственность, и изобилъе;
 Дадимъ также Прію, чье имя и я
 Носила межъ вами въ старинное время....
 Но требуйте хитраго іотна, Мимира.
 Всѣ іотны,—сыны первобытныхъ временъ;
 Предъ ними открыты глубокія тайны,
 У нихъ въ рукахъ древняя мудрость; а онъ
 Изъ нихъ самый хитрый. Онъ знаетъ всѣ клады,
 И все, что на небѣ, и что на землѣ;
 Ему повинуются и звѣри и гады.
 Онъ самый искусный въ добрѣ и во злѣ;
 Онъ можетъ дать виндамъ великія блага.»

Владыки, князья поклонилися ей
 И начали каждый хвалить ея слово;
 Потомъ одинъ всталъ.... «Мудрость рѣчи твоей,
 Сказалъ онъ, мы всѣ обсудили по правдѣ
 Святой. Вели голосъ народный узнать!»
 Тогда, по закону, вошли дѣвы-судьи
 Въ толпу, голоса отъ народа собирать;
 И бережно славши въ сосудѣ священномъ,
 Велѣли предъ вѣчемъ потомъ прокрячать;
 Затѣмъ, другой мужъ голоса перечислилъ,—
 Всѣ были согласны.

Стукъ копій въ щиты,
 Вождямъ возвѣстилъ всенародную волю,
 Кипѣвшую мезью.— Тагъ въ дни простоты
 Временъ тѣхъ, рѣшались между племенами
 Народныя тажбы.

Владыки племенъ,
 Собравши дружины свои, ополчились;
 А Вана покрыла, со всѣхъ ихъ сторонъ,
 Глубокою тьмою, отъ взоровъ Одина.
 «Но кто же его, бога битвъ, побѣдитъ...?»

Раздумалась мудрая Вана; какъ тутъ-же,
Отколь ни взялся, передъ нею стоитъ
Младой богатырь: «что здѣсь?» — «Такъ-то и такъ-то!»
«Ну это не служба, онъ ей говорить,
А развѣ лишь службишка только; а служба
Еще впереди!»

Вожди гордыхъ асовъ
Держали совѣтъ еще въ станѣ своемъ;
Какъ станъ окруженъ былъ, ограда разбита,
И храбрые ваны съ огнемъ и мечемъ
Вломилися къ нимъ.... Богатырь неизвѣстный
Промчался по стану, стопталъ ихъ конемъ,
Самъ гаркнулъ и скрылся. Одинъ раздраженный
Пустилъ въ него молнию, чей видѣнъ былъ слѣдъ
Потомъ еще долго, въ равнинахъ Днѣстровскихъ;
Но витязь ужь скрылся, и общій совѣтъ
Рѣшилъ, чтобы асамъ вступить въ соглашенье *).

Тогда заключенъ былъ съ обѣихъ сторонъ
Союзъ нерушимый.

И ваны, и асы,
Какъ было въ обычаѣ этихъ временъ,
Вручили другъ другу заложниковъ. Ваны
Въ заложники отдали Рында съ семьей,
Что прозвали асы позднѣй Нюрдуромъ,
Его сына, Прія, своей красотой
Подобнаго солнцу, и дочь Нюрдура,
Красавицу Прію; а хитрый Одинъ
Былъ долженъ отдать свѣтлымъ ванамъ Мимира
И аса Генира, что развѣ одинъ
Напомнить могъ Рында.

Затѣмъ, чтобы крѣпче
Упрочить въ грядущемъ священный сей миръ,
И асы, и ваны смѣшали ихъ слюни
Въ одной общей чашѣ. Пошелъ шумный ширъ,
Затѣмъ медь, раздалась дѣсна мира;
Тогда, изъ слюней тѣхъ, родился Квасиръ,
Сей первый баянъ Полуночнаго края **).

Таеъ кончилась первая эта война;
 Но скоро потомъ она вновь возгорѣлась,
 И длилась столѣтъя,—пока вся страна
 Славянъ прибалтійскихъ досталась Одину.

Лишь миръ заключенъ былъ, изъ Сѣверныхъ странъ
 Пришелъ ютнъ-строитель, и зная, что асы
 Нуждаются въ крѣпкихъ стѣнахъ, великанъ
 Взаяся ихъ построить, съ условьемъ, чтобъ асы
 За это ему заплатили луной,
 Красавицей Пріей и солнышвомъ краснымъ,—
 Другими словами, той свѣтлой страной,
 Гдѣ этой порою они проживали,
 И шли бы на Сѣверъ, гдѣ онъ обиталь,
 Среди вѣчной зимы и холодныхъ тумановъ.

При этихъ словахъ инда-ужасъ объялъ
 Блестящій родъ асовъ; тѣмъ паче, что Прія
 Помолвлена уже Однимъ была
 За аса Одура. Но Локви лукавый
 И столько же ловкій, какъ темный духъ зла,
 Ихъ сталъ уговаривать, давши имъ слово,
 Что только лишь городъ тотъ будетъ готовъ,
 Опутать такъ славно строителя ютна,
 Что онъ самъ уйдетъ,—и плоды всѣхъ трудовъ
 Гиганта зимы имъ достанутся даромъ.

Съ такимъ уговоромъ, Одинъ поклялся
 Пришедшему ютну, что свято исполнить
 Его предложенье,—и ютнъ принялся
 Имъ, въ эту же ночь, ледяной строить городъ.

Въ то время опять былъ въ отсутствіи Торъ;
 Но только, вернувшись, узналъ онъ про новый
 Обманъ царя асовъ,—горячій укоръ
 Изъ устъ полился у него на Одина.
 Исполненный гнѣва, Торъ грозно вскопчилъ
 Среди совѣщанья съ высокаго камня,
 Какъ онъ всегда дѣлалъ, когда приходилъ
 Въ сильнѣйшую ярость,—и громко воскликнулъ:
 «О свѣтлое небо! О боги боговъ!

Поруганы снова условия и клятвы;
 Нѣтъ болѣе правды средѣ вашихъ сыновъ;
 Ничто намъ союзы, ничто обѣщанья. ...
 Чего еще людямъ, чего отъ насъ ждатель?
 Прощай, Бальдуръ кроткій! Приходить конецъ твой...
 Я вижу, несется отмстителей рать,—
 Насъ всѣхъ поглощаютъ скалы ледяныя¹⁵⁾...

Такъ онъ восклицалъ, благороднѣйшій Торъ,
 Какъ бы предвѣщая печальную участь,
 Что ихъ ожидала,—и точно, съ тѣхъ поръ
 Постигшую асовъ, за ихъ вѣроломство.
 Межъ тѣмъ, ледяной тотъ былъ городъ готовъ;
 Но Ловки искусно замедлилъ работу,
 Пока съ горъ потоки и блескъ облаковъ
 Съ небесъ, возвѣстили о близости лѣта,
 Когда Торъ-громовникъ вступалъ вновь въ права.
 Чтобъ снять съ свѣтлыхъ асовъ обѣтъ ихъ безумный
 И ложную вѣтву,—не тратя слова,
 Торъ гранулъ въ несчастнаго ютна молньиромъ,
 И кончилъ тѣмъ распрю.

Но скрылися дни
 Счастливые асовъ. Ихъ ваны прогнали
 Съ Полудня,—и волей-неволей они
 Вступили въ лѣсистый край, дикій и мрачный,
 Свѣтоновъ и Финновъ.

Вождь сильный въ войнѣ,
 Одинъ овладѣлъ очень скоро странюю,
 И сталъ въ ней царемъ; а по смерти,—въ странѣ
 Былъ признанъ за бога. Не мѣръ-народъ вольный
 Божественнымъ саномъ Одина почтилъ,
 Но мѣръ рабовъ темныхъ, смиренныхъ оружемъ;
 Побѣдное шествье его грозныхъ силъ
 Край счелъ волшебствомъ,—и призналъ его богомъ.

По волѣ его, хитрый Ригъ раздѣлилъ
 Тотчасъ-же народъ, на благородныхъ
 Воинственныхъ Киновъ, и имъ поручилъ
 Власть высую въ краѣ; на Ярловъ свободныхъ,

Владѣвшихъ землею, и Тролей, — рабовъ,
 Рожденныхъ отъ дряхлой, беззубой старухи,
 Той самой, что асы нашли средь лѣсовъ,
 Съ ея старымъ мужемъ, въ холодной избушкѣ,
 Когда вошли въ край ¹⁶⁾.

Какъ былой ученикъ

Сѣдаго Мимира, преемникъ Водана, —
 Одинъ, — по тогдашнимъ понятьямъ, постигъ
 Достаточно хитрую глубь мірозданья,
 Чтобъ эти познанія свои приложить
 Къ готовымъ ужъ мифамъ страны этой темной,
 Угрюмой и дикой, и въ ней утвердить
 Воинственный духъ и характеръ дружинный.

Устроивъ страну и возсѣвъ божествомъ,
 Одинъ окружилъ себя сонмомъ героевъ.
 Младья валькирьи, съ большимъ торжествомъ,
 Ихъ вводятъ, съ полей прямо битвы, въ Валгалу.
 Они тѣ же асы; у нихъ въ небесахъ, —
 Игра въ золотыя тавлеи и шапки;
 Они забавляются въ горнихъ поляхъ
 Примѣрною битвой. Одинъ ежедневно
 Даетъ имъ пирушки; за это они
 Сражаются противъ Полуночныхъ ютновъ
 И прочихъ враговъ; а въ послѣдніе дни
 Вселенной, должны ихъ царя защищать
 Отъ волка Френмира. Волкъ этотъ, — сынъ Локки
 Онъ связанъ, и ждетъ этихъ дней, чтобъ пожрать,
 Ему ненавистныхъ, боговъ и Одина.

На самой срединѣ равнины большой,
 По имени Иди, въ пространствахъ воздушныхъ,
 Проходитъ сквозь землю, изъ бездны глухой
 Таинственной Геллы, всемірная ясенъ
 Небесъ, Агдразиль. Здѣсь, подъ сѣнью ея,
 Собираются асы на ихъ совѣщанья;
 Отсюда имѣетъ начало свое
 Прозрачный источникъ божественной Урды,
 Гдѣ вѣщія норны слагаютъ для нихъ
 Недолю и долю. Замѣтно, все это

Царь асовъ, во дни еще странствій своихъ,
 Заимствовалъ прямо отъ древняго міра.
 На стражѣ святаго Асгарда стоитъ
 Геймдалъ неусыпный, Восточный Иваша *);
 Онъ держитъ рожокъ, и тотчасъ же трубитъ,
 Чуть только завидитъ вдали грозныхъ іотновъ.
 Всѣ силы природы Одинъ поручилъ,
 Какъ сказано выше, таинственнымъ дворгамъ,
 Полуночнымъ карламъ. ~~Богъ Торъ ухаживалъ~~
~~На лѣто сражаться съ полчищами іотновъ;~~
~~Разъ былъ онъ застигнутъ внезапно зимой,~~
~~И проспалъ до утра въ перчаткѣ титана~~
~~Въ потемкахъ принять ея падець большой~~
~~За пѣлое зданье. Славянскій заложникъ,~~
 Богъ солнечный Фрейеръ, плѣнился красой
 Одной великанши, какъ солнышко наше,
 Весенній Дажь-богъ золотою косой
 Красавицы Лады. Прекрасную Прію
 Одинъ взялъ себѣ, и отвелъ ей дворець;
 Она занималась хозяйствомъ Валгалы...
 Но все было тщетно! Нежданный конецъ,
 Предсказанный Торомъ, постигнулъ Бальдура:
 Едва вошли асы въ Полуночный край,
 Какъ онъ, самый кроткій изъ нихъ и блестящій,
 Вносившій повсюду съ собой свѣтлый рай, —
 Онъ, образъ прекрасный весенняго солнца,
 Богъ жаркаго лѣта и злачныхъ полей,
 Былъ вдругъ поглощенъ мрачною бездною Геллы;
 Но даже оттуда, по смерти своей,
 Прислалъ асамъ, въ видѣ кольца золотого,
 Дары первой жатвы.

Не рай свѣтлый ждалъ

Одина и асовъ въ странѣ сей угрюмой;
 Но міръ ледяныхъ, непривѣтливыхъ скалъ
 И іотновъ враждебныхъ, — да бурное море,

*) Ивашкой наши сказки называютъ постоянно столпаго, на грани-
 цахъ восточныхъ царствъ, копчаго сторожа съ рогомъ за плечами или въ
 руке.

Эгирь Полуночный, который дышалъ
 Весь годъ на нихъ стужей. Вдали раздавался
 Глухой храпъ, сопѣнье или дикій вой
 И крики титановъ... Хотя жаркимъ лѣтомъ
 Богъ Торъ и смиралъ ихъ; но съ каждой зимой
 Они появлялись опять съ новой силой.
 Разъ даже они захватили молнѣрь;
 И гордый Одинъ былъ въ немалой тревогѣ,
 И свѣтлые асы, — чтобъ скудный ихъ мѣръ
 Совсѣмъ не остался безъ краснаго лѣта,
 А люди безъ хлѣба.

Воздвигнувъ кругомъ

Мидгарда ограду, отъ бурнаго моря
 И іотновъ, царь асовъ устроилъ потомъ
 Другую еще, между свѣтлымъ Асгардомъ
 И краемъ злыхъ вановъ. Всезрящій Эгдирь,
 Орель-быстрокрылый, хранилъ царство асовъ
 Съ Полночи, откуда онъ видѣлъ весь мѣръ,
 А сонъ развлекалъ свой игрою на арфѣ;
 Не менѣе тоновъ его былъ и слухъ:
 Онъ могъ даже слышать намѣренья іотновъ.
 Въ мѣстахъ этихъ, также жилъ Красный Пѣтухъ,
 Будившій и трелей, и іотновъ къ работѣ;
 Другой Пѣтухъ - вѣщій, Златой-Гребешокъ,
 Тотъ жилъ въ самомъ небѣ, и крикомъ веселымъ,
 Чуть алой зарею заблещетъ Востокъ,
 Будилъ свѣтлыхъ асовъ. Еще былъ и третій, —
 Весь черный, въ таинственной Геллѣ; но онъ
 Будилъ только мрачные сонмы пороковъ,
 Злодѣйствъ, преступленій, сначала временъ
 Оттолъ выходящихъ на свѣтлую землю.

Въ мѣръ этотъ кромешный Одинъ низвергалъ
 Всѣхъ влятвопреступниковъ, изверговъ, трусовъ,
 И даже и тѣхъ, кто скончаться дерзалъ
 Не въ яромъ бою, а стественной смертью.
 Тамъ, холодъ и пламя, и медленный ядъ
 Змѣй лютыхъ, терзали несчастныя жертвы;
 Туда, въ этотъ полный мученьями адъ,

Въ послѣдствіи былъ заключенъ хитрый Локки,
 И сынъ его, лютой, ужасный Френмиръ, —
 Тотъ волею, отъ кого предназначено было
 Погибнуть Одину, когда новый міръ
 Низвергнетъ престолы небесныхъ величій.

На самой вершинѣ воздушныхъ небесъ,
 Гдѣ сходятся вмѣстѣ, на ихъ перепутьи,
 Главнѣйшіе вѣтры, Полночный Зевесъ
 Поставилъ сторожку, откуда онъ могъ бы
 Заразъ обозрѣть всѣ предѣлы земли
 И міръ весь живущихъ. Она называлась
 У асовъ Глидскельфомъ; отсюда могли
 Свершать наблюденья и прочіе боги.

Съ высотъ этихъ горныхъ еще былъ виднѣй
 Край чудный, блестящее царство Микулы.
 Тамъ царь асовъ видѣлъ златой міръ полей,
 Какъ волны морскія, блестящія нивы,
 Хрустальныя воды обширныхъ озеръ,
 Широкия рѣки, бѣгущія стаи
 Судовъ съ парусами, верьхи злачныхъ горъ,
 Вѣнчанныя дымомъ курящихся капищъ;
 Тамъ видѣлъ онъ стѣны большихъ городовъ,
 Отъ коихъ и прозвалъ онъ край Гардигардомъ,
 Цвѣтущія страны, отъ плоскихъ береговъ
 Молочнаго моря иль моря Морозовъ
 До тихаго Дона и темныхъ лѣсовъ
 Карпатскихъ. По Волгѣ, торговые гости
 Сгребали лопатой златую казну;
 По Дону тянулись съ Полдень караваны;
 Съ Поморья торговцы шли къ Грекамъ въ страну;
 Народные храмы сіяли богатствомъ;
 Блестящее солнце златило поля...
 Предъ сумрачной, дикой страной Одина,
 То былъ міръ богатства, святая земля
 Блаженной весны и обильнаго лѣта.

Никто не повѣритъ, чтобъ хитрый Одинъ
 Оставилъ край этотъ по собственной волѣ,

Чтoбъ онъ прoмѣнялъ мiръ цвѣтущихъ равнинъ
 На голыя скалы холодной Полночи,
 Не изгнанный ванами, какъ называлъ
 Въ то время онъ виндовъ. Еще безотраднѣй
 Страна эта стала, когда въ ней увялъ
 Бальдуръ лучезарный. Напрасно царь асовъ
 Любезничалъ съ Пріей; она не могла
 Ему передать всей премудрости вановъ;
 Красавица Прія у вановъ слыла
 Скорѣ хозяйкой въ быту ихъ домашнемъ;
 Народная мудрость осталась въ рукахъ
 Божественной Ваны. Напрасно трудились
 Несчастные трои въ безплодныхъ поляхъ;
 Лишь тощая жатва росла на ихъ нивахъ,
 И ту истребляли нерѣдко толпы
 Ворвавшихся ютновъ нежданною стужей.
 Самъ Торъ направлялъ осторожно стопы
 Въ страну ихъ. Однажды они даже взяли
 Богиню Весны съ заторусой косою,
 Красавицу Зифу, въ полонъ, — и лишь Локки,
 Хитрѣйшій изъ асовъ, своей быстротой
 И ловкостью, могъ ее выручить мужу.
 Однимъ лишь была изобильна страна, —
 Густымъ, крупнымъ лѣсомъ и крѣпкимъ желѣзомъ;
 Потомковъ Одина ждала иль война,
 Или вѣчный голодъ.

Изъ этой природы

Царь асовъ не могъ сотворить ничего,
 Опречь свѣтозарной, холодной Валгалы,
 Гдѣ сонмы усопшихъ героевъ его
 Могли упражняться во всякое время
 Въ воинскихъ забавахъ. Весны красной пиръ
 Угасъ для Одина, со смертью Бальдура;
 Ему оставался совѣтникъ—Мимиръ,
 И тотъ былъ заложникомъ мира у вановъ.
 Та мудрость, что древле Одинъ почерпнулъ
 Въ источникъ Урды, могла приложиться
 Къ одной лишь войнѣ. Мимиръ злобный раздулъ

Вражду его къ ванама. Ихъ асы считали
 Опаснѣ ютновъ, и видѣли въ нихъ
 Враговъ себѣ вѣчныхъ. Они относили
 Все тяжкое бремя несчастій своихъ
 Къ могуществу чаръ ихъ; хотъ въ прежнее время
 Призаныли много полезныхъ вещей
 У нихъ для хозяйства и для общежитья,
 Чего, во дни жизни бродячей своей,
 Они не имѣли и даже не знали.

Преемникъ Водана устроить не могъ
 Жилища для асовъ приличнѣй Валгалы.
 Ея свѣтзарный, обширный чертогъ,
 Искусно покрытый золотыми щитами,
 Раздолье просторныхъ, широкихъ дворовъ,
 Столы, всегда полные жирной трапезой
 И чашами съ медомъ, шумъ бранный пировъ,
 Въ присутствіи блестящихъ красавицъ-валькирій,
 Все было достойно безсмертныхъ боговъ
 И славныхъ героевъ. Среди феодальныхъ
 Палатъ сихъ, Одинъ былъ дѣйствительно богъ, —
 Богъ яростной битвы и сладкой побѣды.
 Весь царственный этотъ небесный чертогъ
 Блесталъ его дикою, воинственной славой.
 Здѣсь тѣшился бранной игрою онъ мужей,
 Стяжавшихъ, ихъ храбростью въ битвахъ, безсмертье;
 Здѣсь слышалъ бряцанье ихъ тяжелыхъ мечей,
 Сидѣлъ во главѣ ихъ торжественныхъ пиршествъ,
 Какъ царственный вождь. Его рогъ золотой
 Всегда былъ наполненъ виномъ; его гости
 Сіяли весельемъ; жемчужной рукой
 Красавица Фрея, со свитой валькирій,
 Лила медъ душистый... Все это Мимиръ
 Ему предвѣщалъ при началѣ вселенной;
 Но ютгъ видѣлъ больше, — онъ видѣлъ весь міръ
 Подъ свѣтлой державой потомка Водана ¹⁷⁾.

И всѣ были асы полны той мечтой;
 Она открывала имъ море и сушу.
 Но болѣе всѣхъ этой дикой страной

Могла тяготиться слезливая Фригга.
 Вотще прилагала заботы свои
 Она къ улучшенью бесплоднаго края, —
 Ея теплый дождь, этотъ жемчугъ земли,
 Струился почти на гранитную почву;
 Вотще расточала лобзанья она
 Въ отсутствье Одиново, Фрейеру-Солнцу;
 Отъ страстныхъ ласкъ этихъ не стала страна
 Ничуть плодоноснѣй, и эти лобзанья
 Всѣ были напрасны.

Томясь каждый годъ
 Печальнымъ исходомъ, передъ концемъ лѣта,
 Горячихъ стараній своихъ и заботъ,
 Она говорила съ досадою Одину:
 «Еще долго-ль жить намъ въ странѣ сей глухой,
 Гдѣ ты пропадаешь на цѣлую зиму?
 Какое наслѣдье готовимъ съ тобой
 Мы нашему роду, въ землѣ этой ютновъ?
 Что я здѣсь сама? Посмотри, какъ живетъ
 Въ глазахъ нашихъ родъ земледѣльческій вановъ;
 Они богатѣютъ, страна ихъ цвѣтетъ,
 Ихъ боги, не двигая пальцемъ, имѣютъ
 Обильныя жертвы. Взгляни, какъ блеститъ
 Тамъ красное солнце; а въ дни поворота,
 Когда отправляется богъ Святовитъ
 Въ далекій путь зимній, какое сянье,
 Какая отрада смотрѣть на него;
 Вотъ истинно праздниѣ торжественный лѣта!
 А я какъ ни бьюсь здѣсь, все нѣтъ ничего;
 Сама красота-златовласая Зифа,
 И та лишь худѣетъ и чахнетъ у насъ.
 А эти провлятые ваны, —будь пусто
 Въ землѣ ихъ! —Идутъ все впередъ, и какъ разъ,
 Пожалуй, займутъ отдаленный нашъ Западъ.
 Ты образъ Вуотана, побѣдный твой гласъ
 Ужасенъ богамъ, предъ тобой дрожить Гелла,
 Тебя зовутъ Грознымъ, богатствомъ дружинъ,

Сверкающимъ Окомъ и Окомъ туманнымъ,
 Ты Вѣпръ всекрушащій, ты богъ-Исполнѣ,
 Древнѣйшій Отецъ, Раздаватель побѣды,
 Богъ влаги небесной и зимнихъ путей,
 Ты Длиннобородый, въ надвинутой шляпѣ,
 Богъ тяжкихъ оковъ и торговыхъ людей;
 Ты Скорь на обманъ, ты Колдунъ, Заклинатель,
 Великій Угадчикъ, великій Силачъ,
 Настойчивый, Бѣшенный, Многообразный,
 Богъ, любящій стонъ челоуѣка и плачь,
 Всегда живой, Быстрый и Ловый въ тревогѣ....
 И сколько еще у тебя есть именъ
 И прозвищъ, достойныхъ великаго бога!
 Ты богъ всѣхъ сословій, стихій и временъ;
 И все таки тяжкихъ полна я предчувствій.
 Ты помнишь мой плачь и страданья мои,
 Предъ смертью Бальдура; такъ точно и нынѣ:
 Я будто, какъ вижу тревогу боговъ,—
 Злой волею поглощаетъ благаго Одина,
 Чумазый Суртуръ поджегъ царственный кровъ
 Блестящей Валгалы, всѣ боги побиты,
 Земной мѣръ и небо пылаютъ въ огнѣ,
 Вездѣ разрушенье.... И вотъ, изъ пучины
 Горящаго моря, подобно веснѣ,
 Всплываетъ другой мѣръ, прекрасный и свѣтлый;
 Но въ прежнихъ владѣнняхъ погибшихъ боговъ
 Живутъ ужъ не боги, а вольные люди;
 Нѣтъ больше ни браней, ни тяжкихъ оковъ,
 Повсюду царитъ власть святая закона;
 Встаетъ новый родъ, для насъ чуждыхъ, людей,
 Они населяютъ счастливую землю....
 Одинъ доживетъ до великихъ тѣхъ дней;
 Но богомъ Одинъ въ новомъ мѣрѣ не будетъ.
 Пока на вершинѣ онъ власти своей,
 Онъ долженъ спѣшить извлекать изъ ней пользу;
 Пока разумъ Ваны не собралъ сыновъ
 Ея воедино, край Ваны доступенъ
 Потомству Одина. Одинъ—вождь полковъ,

Одинъ—богъ побѣды; коварныя чары
 Злой Ваны не могутъ противостоять
 Божественной силѣ Вуотана—Одина;
 Обязанность вановъ, намъ землю пахать;
 Лишь роду безсмертныхъ боговъ подобаеъ
 Господствовать въ мірѣ. Вотъ, что говорить
 Супруга Одина, слезливая Фригга.

Что мудрый на это Одинъ возразить?...»

Глава свѣтлыхъ асовъ отвѣтствуетъ Фриггѣ:
 «Одинъ раздѣляетъ всю тяжесть заботъ
 Жены своей Фригги; но богъ свѣтлыхъ асовъ
 Спокоенъ за славный, великій свой родъ.
 Суровая наша страна и утесы
 Гранитные,—самый пристойный дворецъ
 Могучимъ сынамъ бога браней, Одина;
 А всякое дѣло вѣнчаетъ конецъ,—
 Нарѣзано мудрыми въ рунахъ священныхъ.
 То правда, волкъ хищный,—ты знаешь, кто онъ,
 И что онъ теперь,— разорветъ свои узы;
 Но это возможно въ концѣ лишь времени,
 Въ тѣ дни, какъ настанетъ божественный вечеръ
 Небесныхъ величій. Холодная мгла
 Суровой зимы причинитъ общій голодъ;
 Цари и народы исполнятся зла,
 Братъ станеть на брата и племя на племя;
 То будетъ отмщенья вѣкъ, вѣкъ топоровъ,
 Кровавыхъ смятеній, неистовыхъ браней,
 Вѣкъ бурь,—волчій вѣкъ,—вѣкъ мечей и щитовъ;
 Привязанный волкъ разорветъ тогда узы,
 Всезрящій Геймдалъ затрубитъ въ звонкій рогъ,
 Чумазый Суртуръ зажжетъ небо и землю,
 Всемирная ясень поблекнетъ, чертогъ
 Небесный наполнится общимъ смятеньемъ,
 Раздастся крикъ іотновъ, ихъ яростный ревъ;
 Разумные дворги рыдаютъ въ пещерахъ;
 Морской змѣй ворвался въ жилище боговъ,—
 Червь этотъ вздымаетъ кровавыя волны.
 Одинъ совѣщается съ вѣщей главой

Убитаго ванами іотна, Мимира...
 Орель бьетъ крылами; міръ полонъ земной
 Растерзанныхъ труповъ; корабль исполинскій,
 Построенный весь изъ ногтей мертвецовъ,
 Несется на насъ съ мертвецами; злой Локки
 Стоитъ на кормѣ, въ главѣ нашихъ рабовъ.
 Суртуръ, посреди своихъ огненныхъ полчищъ,
 Сверкаетъ на насъ лезвеями мечей;
 Гранитныя горы трещать, адъ крошечный
 Разверзся, полчища угрюмыхъ тѣней
 Выходятъ изъ Геллы, небесный сводъ рухнулъ....
 Тогда въ общей битвѣ настанетъ конецъ
 Боговъ лучезарныхъ и будетъ міръ новый.
 Но тотъ роковой день далеко. Творецъ
 Вселенной, Одинъ отдастъ львиную долю.
 Межъ тѣмъ, — наилучшую долю земли
 Своимъ благороднымъ и славнымъ потомкамъ;
 Онъ видитъ ужъ новый Астардъ ихъ вдали;
 На Югъ и Западъ дальнемъ ихъ имя
 Повсюду гремитъ на моряхъ. Богъ-Одинъ
 Зритъ скорую гибель разрозненныхъ вановъ;
 Онъ могъ бы край этотъ лѣсовъ и равнинъ
 Прикрыть своимъ крѣпкимъ щитомъ; но безумцы
 Не терпятъ господства въ ихъ вольной странѣ;
 Они управляются міромъ-народомъ,
 Они хотятъ жить по родной старинѣ.
 Теперь хитрый родъ ихъ могучъ и обширенъ,
 И также воинственъ, какъ асы; но онъ
 Такъ быстро растеть, что не можетъ жить мирно;
 Онъ весь состоитъ изъ враждебныхъ племенъ,
 Хотя и родныхъ, по ихъ слову и вѣрѣ.
 Богиня ихъ — зависть, а богъ ихъ — раздоръ;
 Я зрю, какъ онъ плещеть надъ ними крылами.
 Сворѣй основанія сдвинутся горы,
 А красное солнце измѣнитъ теченье,
 Чѣмъ этотъ родъ Свала, такой же какъ онъ,
 Обманчивый, жадный и непостоянный,
 Создастъ изъ своихъ разнородныхъ племенъ

*

Единый народъ или одно государство.
 Кудесница Вана и весь ея міръ
 Себѣ приготовили сами погибель;
 Къ нимъ скоро откроетъ заложникъ Мимиръ
 Широкий путь асамъ.... Еще не пройдетъ
 Трехъ новыхъ столѣтій, какъ ихъ поворитъ князь
 Амальскаго рода; но пусть стережетъ
 Онъ край этотъ крѣпче!... 18)

Слезливая Фригга

Сказала Одину: «Одинъ, — богъ боговъ,
 Въ рукѣ его древній мечъ бога Вуотана;
 Одину нельзя своихъ кровныхъ сыновъ
 Равнять съ земледѣльческимъ племенемъ вановъ.
 Нашъ жребій отъ вѣка — всемірная власть,
 Нашъ родъ по рожденью властитель вселенной;
 Одинъ, богъ боговъ, завоюетъ на часть
 Сынамъ своимъ землю цвѣтущую вановъ;
 Одинъ тамъ поставитъ изъ асовъ князей
 И высшихъ правителей міра-народа.
 Ихъ богъ Святovitъ, богъ рабочихъ людей,
 Не можетъ сильнѣй быть и выше Одина;
 Гдѣ сошка, тамъ рабство.»

Одинъ говоритъ

Женѣ своей Фриггѣ: «ни крѣпкій богъ асовъ,
 Властитель побѣдъ, ни молодой Святovitъ,
 Глава земледѣльчя и краснаго лѣта,
 Не властны идти противъ высшей судьбы,
 Что правитъ событиями этого міра.
 Одинъ, — грозный богъ всякой бранной борьбы,
 Одинъ зреть теченье грядущихъ событийъ,
 Въ источникѣ Урды; но свѣтлый Одинъ
 Священнымъ мечемъ не владѣетъ Вуотана.
 Вуотановъ мечъ — знамя воинскихъ дружинъ
 И вмѣстѣ живящій лучъ краснаго солнца,
 Онъ стражъ золотыхъ нивъ и зеленыхъ полей;
 А мечъ бога асовъ приноситъ погибель
 Тѣмъ, кто имъ владѣетъ. Изъ лучшихъ мужей
 Царь асовъ себѣ набираетъ героевъ

Для свѣтлой Валгалы, чтобъ съ помощью ихъ
 Достойно сразиться въ божественный вечеръ
 Небесныхъ величій. Въ владѣннѣхъ чужихъ
 Одинъ не имѣеть такого значенья.

Мнѣ Сѣверъ подвластенъ, меня Западъ чтить;
 Но край хитрыхъ вановъ,—онъ чтить Святовита.
 Кому Вуотанъ мечъ свой изъ смертныхъ вручить,
 Тотъ мечъ, что у скифовъ былъ образомъ божимъ,
 Тотъ будетъ владѣть и обширной страной
 Воинственныхъ вановъ. И сила Одина,
 И мощь Святовита равны межъ собой;
 Сыны наши нѣсколько бьются столѣтій,
 А все нѣтъ конца ихъ народной борьбѣ.
 Для вановъ любезна ихъ древняя воля,
 Мы, асы, хотимъ покорить ихъ себѣ;
 Но тамъ, обоюдныя силы гдѣ равны,
 Тамъ тотъ побѣдитъ, кто ловчѣй и хитрѣй.
 Разумные асы искусны въ гражданствѣ;
 Но ваны въ общественной жизни слабѣй.
 Ничто имъ устройство земли ихъ великой,
 Ничто имъ союзы и близость враговъ.
 Царица ихъ, Вана, не спитъ,—это правда;
 Но что же наткала она для сыновъ?
 Однѣ безконечныя нити раздоровъ.
 Ихъ богъ всецародный, ея Святовитъ,—
 Сей древнѣй богъ Вишну, не хочетъ единства:
 Его край понынѣ характеръ хранить
 Племеньъ разнородныхъ далекаго Инда;
 Онъ скоро на вѣки страну раздробитъ,
 А вѣщая Вана заснетъ,—и надолго...»

Съ досадою, Фригга сказала Одну:

«Не эти ли тайны Бальдуръ сказалъ
 Отецъ асовъ на ухо, въ тотъ часъ печальный,
 Когда вѣковѣчный Одинъ возлагалъ
 Его для сожженья на одръ погребальный?...
 Бальдуръ златокудрый владѣлъ самъ кольцомъ
 Златымъ плодородья; прекрасный, какъ солнце,
 И юнѣй, какъ утро, онъ могъ быть отцомъ

У насъ земледѣльи, когда-бъ не угаснулъ
Средь этихъ пустынныхъ болотъ и лѣсовъ.»

Одинъ возражаетъ съ досадою Фриггъ:

«Бальдуръ златокудрый, одинъ изъ боговъ,
Воскреснетъ въ дни сумерекъ горнихъ величій;
Затѣмъ, что одинъ онъ изъ нашихъ сыновъ
Родился въ странѣ земледѣльческой вановъ....
Когда новый мѣръ, — мѣръ свободы благой,
Воспрянетъ изъ моря, — весенняя зелень
Покроетъ всю землю и житель земной
Вездѣ успокоится въ царствіи свѣта;
Тогда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ недавніе дни
Разбитъ былъ станъ асовъ, въ поляхъ свѣтлыхъ Иди,
Гдѣ зрѣли рожденіе Бальдура они,
Тогда воцарятся Свобода и Радость;
Потомки бессмертнаго Тора, что мѣръ
Теперь зоветъ Властью и Твердостью, будутъ
Держать надъ землею ихъ громовый молньиръ;
А дочь свѣтоварная Фребера, — править
Дѣлами народовъ. Сюда-то въ тѣ дни
Вселится Бальдуръ златокудрый съ любимцемъ
Боговъ всѣхъ, Гейдуромъ; затѣмъ, что они
Всѣхъ ближе и нынѣ къ простымъ, кроткимъ ванамъ,
Чѣмъ къ бѣшеннымъ асамъ.... Вотъ что возвѣстилъ
Одинъ свѣтлый на ухо сыну Бальдуру,
Когда онъ Бальдура при всѣхъ возложилъ
На одръ погребальный его, для сожженія;
И вотъ, въ знакъ чего, онъ Одину прислалъ
Изъ безднъ мрачныхъ Геллы кольцо золотое, —
Чтобъ это кольцо богъ Одинъ не снималъ,
Какими бы онъ не владѣлъ племенами.
Затѣмъ предъ Однимъ съ поры той равны
И свѣтлые асы, и хитрые ваны;
Одинъ есть богъ свѣта, и всѣ тѣ страны,
Гдѣ свѣтъ воцарится, Одину угодны ¹⁹⁾.»

Злой Ловки, подслушавъ споръ этотъ, сказалъ:

По-истинѣ, люди и сами не знаютъ.

Кому поклоняются. Всѣхъ бы я взялъ

Боговъ и скрутилъ ихъ... Однако посмотримъ,
 кто тутъ побѣдитъ: самовластный Одинъ,
 Съ развратной дружиною чонорныхъ азовъ,
 Иль смѣлый тотъ дурень, народъ исполненъ,
 Досель несумѣвшій стать на ноги твердо,
 И мѣръ забрать въ лапы... Развратной жень
 Бриваго Одина желательно очень
 Вручить управленье у вановъ въ странѣ
 Амальскому роду, потомкамъ Бальдура;
 Юривой хрычъ и самъ бы не прочь отъ того;
 Ему все равно, кто ни правилъ бы въ мѣрѣ,
 Лишь только весь мѣръ почиталъ-бы его,
 Царя лютыхъ браней и смуты кровавой.
 Эхъ, жаль, не могу я ему насолить,
 Какъ въ прежніе дни. За послѣднюю штуку,
 Меня самого здѣсь хотятъ засадить.
 Я, точно, виновень въ злой смерти Бальдура;
 А славная штука! Заставилъ же ихъ
 Нежать я земель и насущнаго хлѣба,
 По бурнымъ морямъ, у народовъ чужихъ.
 Теперь не пугаютъ меня всѣ мученья,
 Что мнѣ въ наказанье готовить они.
 Я буду страдать и смѣяться надъ ними.
 Придутъ и для Локки счастливые дни;
 Тогда и мое угнетенное племя
 Пospорить съ Однимъ. Дотоль никому,
 Ни ванамъ, ни готамъ, никакъ не избѣгнуть
 Его лютости; лишь мнѣ одному
 Да волку Френмиру назначено свергнуть
 Ихъ всѣхъ, въ день отмщенья²⁹).

ПѢСНЬ 5-я.

ДРЕВНИЙ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ.

„Быль богатырь, — надъ семидесятью землями богатырь.“ (Изъ рус. нар. былинъ).

„Гдѣ ты родился, добрый молодецъ? — Въ борку, подъ сосенкой.“

(Непомятій родства).

всякаго вѣка есть свой идеаль,

~~И въ каждомъ народѣ стремление есть къ правдѣ~~
И къ славѣ; но каждый народъ понимаетъ
По своему только, и правду, и славу.

Вѣкъ чудищъ и дивовъ былыхъ проходилъ,
Рождался вѣкъ витязей, богатырей младшихъ;
Миръ самый чудесъ, сверхъестественныхъ силъ
Искалъ себѣ новой, существенной почвы.

Какъ двѣ ярыхъ тучи средь ночи сѣдой,
Столкнулися силы славяновъ и асовъ, —
Одна, защищая очагъ свой родной,
Другая, врываясь въ ея край богатый.
То былъ грозный вызовъ, что гордый Одинъ
Бросалъ Святовиту. Ему надо было
Пристроить вождей своихъ бранныхъ дружинъ,
Закончить тотъ споръ, что онъ нѣкогда началъ
Въ странѣ древнихъ вановъ. Воинственный духъ
Отпа знатныхъ асовъ кипѣлъ нетерпѣньемъ

Въ главѣ стать вселенной; его бранный слухъ
 Лишь могъ усаждать бряцаньемъ оружья;
 Война утѣшала Одина вдвойнѣ, —
 Она развивала его мѣръ дружинный,
 Лишь только въ кровавой, жестокой войнѣ
 Онъ могъ собирать съ поля битвы героевъ.
 Въ златую Балгалу, на помощь себѣ,
 Въ божественный вечеръ небесныхъ величій.
 Погибли мѣръ цѣлы въ ужасной борьбѣ, —
 Лишь только бы громы победы и славы
 Всемирный его окружали престолъ,
 И дальня съ страны, какъ листъ, трепетали
 При имени асовъ.

Но вотъ, онъ нашелъ
 Достойныхъ противниковъ въ мѣръ славянскомъ.
 Царь асовъ ужъ зналъ всѣхъ славянскихъ вождей,
 Вездѣ уважая воинскую доблесть;
 И даже велѣлъ въ странѣ дальней своей
 Собрать имена ихъ потомъ, для потомства...

Гроза бушевала по всѣмъ островамъ
 Волынскаго моря и вдоль странъ Поморскихъ,
 Кидая побѣду, то свѣтлымъ вождямъ
 Одина, то мощнымъ сынамъ Святовита;
 Свершались съ обѣихъ сторонъ чудеса
 Высокой отваги и ярости дикой;
 Немало вписали въ свои волосы
 Славянскія дѣвы дѣлъ громкихъ и славныхъ.
 Рядъ цѣлыхъ столѣтій носились кругомъ
 Младья валькирьи и блѣдныя вилы *),
 Впередъ отмѣчая кровавымъ перстомъ
 Достойныхъ пить смертную чашу; пиръ смерти
 Пришелся по сердцу обѣимъ странамъ;
 Ни та, ни другая признать не хотѣла,
 Себя побѣжденною; то здѣсь, то тамъ.
 Ходить продолжала кровавая чаша;
 Война таеъ любезна безсмертнымъ богамъ!

*) Вилы, славянскія валькирии.

Король датчанъ—Фрото съ своими войсками
 Уравнивалъ горы, по топкимъ мѣстамъ
 Мостилъ себѣ гати, скрывался въ засады,
 Просверливалъ въ самой водѣ корабли;
 Чтобъ взять градъ Пултускъ*), притворился умершимъ;
 Созвавши старѣйшинъ славянской земли, —
 Предательски рѣзалъ. Гейдрекъ, сынъ колдуньи
 Гервары, сражался волшебнымъ мечемъ,
 Что древле сковали чудесные карлы;
 Клинокъ его острый, покрытый кругомъ
 Рѣзьбой руунъ священныхъ, сиялъ будто солнце,
 И могъ тогда только влагаться въ ножны,
 Когда обогреть былъ весь вражеской кровью;
 Гейдрекъ съ нимъ не разъ преклонялъ ходъ войны
 На сторону асовъ, и взялъ въ полонъ Дука,
 Храбрѣйшаго князя славянскихъ дружинъ.

Но самой кровавой, рѣшительной битвой
 Былъ бой при Браваллѣ, гдѣ Гуно одинъ,
 Вождь вановъ Днѣпровскихъ, имѣлъ подъ рукою
 До двухъ сотъ князей и такое-жъ число
 Народныхъ дружинъ ихъ.

Лишь только извѣстье,
 О страшныхъ столь силахъ воинскихъ дошло
 До дальнихъ племень, всѣ онѣ захотѣли
 Зрѣть битву, какихъ не бывало съ временъ
 Великаго Карна и князя Арджуны **);
 Небесные боги съ обѣихъ сторонъ
 Пришли взглянуть также на славную битву.

Одну изъ славянскихъ переднихъ дружинъ
 Вела Висна,—дѣва, суровая духомъ,
 Привычная къ битвамъ. Великій Одинъ
 Замѣтилъ тотчасъ же ея приближенъе
 По круглымъ, мѣдянаго цвѣта, щитамъ,
 Почти обнаженныхъ, людей ея ратныхъ,
 По крѣпкимъ ихъ мышцамъ и длиннымъ мечамъ.

*) Пултускъ — Плесковъ — Półciak, имя Псковъ.

***) Карна и Арджуна.—богатыри древней Индіи.

Въ бою рукопашномъ, откинувши быстро
 Свой щитъ за плечо иль отдавши слугъ,
 Они съ голой грудью кидались въ схватку.
 Безстрашная Висна держала въ рукѣ
 Священное знамя. Она подала знакъ
 Къ начатію битвы, ударивши въ щитъ,
 И ринулась грудью, какъ ярая львица,
 На вражія силы.

И богъ Святovitъ,
 И ярый Одинъ созерцали ходъ битвы;
 Но тотъ и другой, по-гордынѣ своей,
 Въ нес не мѣшались.

На морѣ и сушѣ
 Сверкалъ копій лѣсъ и гремѣлъ звонъ мечей;
 Славяне и асы смѣшали ряды ихъ,
 Лились рѣки крови, — кровавая мгла
 Покрыла равнину... Семь дней не смолкала
 Ужасная сѣча, повуда легла
 Вся лучшая сила; семь дней колебалась
 Побѣда межъ той и другой стороною;
 Чрезъ три рѣки люди ходили по трупамъ;
 И синее море, и берегъ морской
 Дымилися кровью; безъ счета валилися
 Свой и чужіе.

Но вотъ, наконецъ,
 Побѣда вдругъ стала замѣтно клониться
 На сторону асовъ... Одинъ, ихъ отецъ,
 Воспрянулъ въ весельи, — Славяне бѣжали...
 Въ отмщенье за этотъ погромъ, Святovitъ
 Послалъ ихъ на датчанъ. Въ короткое время, —
 Преданіе нѣмцевъ самихъ говорить, —
 Въ короткое время славяне сломили
 Ихъ край до дальнѣйшихъ его острововъ,
 Сковали въ цѣпяхъ короля ихъ Канута,
 И отдали только на выборъ враговъ:
 Платить ли имъ дань, иль одѣться по-женски,
 И также по женски чесать волоса,
 Въ знакъ «бабьяго» ихъ передъ ними безсилья.

Покуда жь собирались о томъ голоса,
Славяне заставили ихъ повориться
Объимъ условьямъ ¹⁾.

Такъ жребій войны

Держаль межъ нихъ долго вѣсы въ равновѣсьи;
Но духъ безпокойный славянской страны
Не могъ подчиниться условьямъ единства.

Единство раскиданнымъ врознь племенамъ
Дастъ большей частію завоеватель.

У насъ они были, — но тѣмъ временамъ,
Еще недоступно имъ было единство.

Единство есть сила, порядокъ и власть;
Оно утверждается свѣтомъ народнымъ;
А тамъ, гдѣ господствуетъ дикая страсть
И буйная воли, быть трудно единству.

Народъ рано-ль, поздно-ль, но чувствуетъ самъ

~~Потребность въ единствѣ; но знатные люди~~

~~Прельщаются часто народнымъ дѣламъ~~

~~И держатъ народы, для собственной пользы,~~

~~Въ раздорахъ и распряхъ. Сперва у славянъ~~

Людей знатныхъ не было, — всѣ были равны;

И голосъ народный, и вѣщій Баянъ

Одну величали блестящую доблесть;

Но нравы сосѣдей вліяли на нихъ...

Заложники тѣ, что они дали асамъ,

Давно онѣмечились. Кинувъ своихъ,

Они измѣнили свой прежній характеръ;

Родной міръ славянскій для нихъ сталъ чужимъ,

Воинственный асъ сталъ для нихъ побратимомъ;

Напротивъ, Мимиръ, — онъ значеньемъ своимъ

Имѣлъ ужъ большое вліянье на вановъ.

У насъ есть немало преданій своихъ,

О знахаряхъ вѣщихъ и страшныхъ волотахъ;

Но кто назывался Мимиромъ изъ нихъ

Объ этомъ въ народѣ утратилась память.

По духу, всѣ сходны они межъ собой;

Но ютнъ Полуночный быть долженъ изъ главныхъ;

Не онъ ли, ютнъ древній, еще той перой
 У насъ сталъ учителемъ вѣщей науки?
 Преданье не помнитъ, онъ долго ли былъ
 Заложникомъ вановъ; но эта эпоха,
 Куда мы вступили, полна вѣщихъ силъ
 Стариннаго ютна у насъ и у асовъ.
 Его мрачный образъ выходитъ не разъ
 Въ таинственныхъ образахъ знахарей финскихъ;
 Онъ долго жилъ въ сказкахъ народныхъ у насъ,
 Въ сообществѣ съ сѣвернымъ дивомъ Рогономъ,
 И змѣемъ Фафниромъ, и гибнетъ потомъ
 Едва ли не въ самую эту эпоху,
 Когда выступаетъ предъ нами кругомъ,
 На мѣсто титановъ, рядъ витязей новыхъ ²).

Къ Мимиру спѣшили славяне гадать,
 Къ нему обращалась и вѣщая Вана,
 За хитрымъ совѣтомъ; славянская рать
 Боялась его непонятныхъ заклятій.
 Какъ Вана шептала заклятья свои,
 Черезъ что походили онѣ на молитву;
 Такъ древній титанъ Полуночной земли
 Ихъ пѣлъ, приводя въ содроганье природу.
 Онъ пѣлъ, какъ родилось желѣзо у нихъ,
 И тѣмъ заговаривалъ витязямъ раны;
 Онъ пѣлъ, какъ родились въ пучинахъ морскихъ
 Шипящія змѣи, изъ слюнъ ядовитыхъ
 Чудовища Сиетера, и тѣмъ спасалъ
 Отъ ихъ удушья; онъ пѣлъ про начало
 Вселенной, о томъ какъ богъ Укео послалъ
 Медовыя тучи на первыя нивы,
 И тѣмъ заговаривалъ тучи и громъ...
 Онъ пѣлъ про значенье божественныхъ асовъ,
 Ихъ вѣщую силу въ народѣ своемъ,
 Про знатность ихъ рода, ихъ славу, богатство,
 Про то, какъ ихъ чтить весь Полуночный край,
 Про блескъ ихъ оружья и дивныя клады,
 Про ихъ лучезарный, воинственный рай,
 Гдѣ съ ними пируетъ Одинъ, богъ побѣды, —

И тѣмъ разжигаль онъ въ славянскихъ вождяхъ
 Желаніе власти, почета, богатства;
 А въ Ванѣ, потворство въ домашнихъ дѣлахъ,
 И духъ подражанія знатнымъ сосѣдямъ.
 Коварный Мимиръ незамѣтно слѣдилъ
 За всѣмъ, что творилось въ землѣ вольныхъ вановъ,
 И всякую новость тотчасъ доводилъ
 До свѣдѣнья бога Полночи, Одина:
 Затѣмъ что Одинъ на него возложилъ
 Вести въ страну Ваны сыновъ своихъ асовъ.

Межь тѣмъ столкновење въ кровавыхъ бояхъ
 И вановъ, и асовъ, знакомство другъ съ другомъ,
 Сближене двухъ этихъ враждебныхъ племенъ
 Порою, въ союзахъ, въ торговыхъ сношеняхъ,
 Вносили въ ихъ страны съ обѣихъ сторонъ
 Немало, дотолѣ невѣдомыхъ, новшествъ.
 Въ умѣ вѣщей Ваны, въ народныхъ дѣлахъ,
 Замѣтно вдругъ новое стало стремлене;
 Усилилась зависть въ родныхъ племенахъ, —
 Стремлене враждебныхъ родовъ къ превосходству;
 Чужой человекъ сталъ почетнѣй своихъ,
 По той лишь причинѣ, что онъ чужеземецъ;
 Знать стала искать себѣ правъ родовыхъ;
 Для всѣхъ образцемъ именитый сталъ нѣмецъ;
 Явилась и знать безъ малѣйшихъ заслугъ,
 Опрічь темной давности древняго рода,
 Какъ было у асовъ, гдѣ тысячи рукъ
 Всегда вступить были готовы на службу
 Къ потомкамъ Одина. Власть древнихъ князей,
 Сихъ первыхъ старѣйшинъ славянскаго міра,
 Должна была спорить со властью людей,
 Совсѣмъ еще новыхъ, но сильныхъ богатствомъ;
 Край явно нѣмечился; витязи шли
 Служить въ благородныхъ нѣмецкихъ дружинахъ,
 Порой даже противъ родимой земли;
 Въ странѣ кипѣлъ сонмъ соглядатаевъ темныхъ...
 Разумные люди виновникомъ зла
 Считали заложника, іотна Мимира;

Но вѣщая Вана, какъ будто была
Совсѣмъ околдована хитрымъ титаномъ.

Младой богатырь нашъ, по имени Винъ,
Сдружился съ Полночнымъ бойцемъ Старкаторомъ,
И будучи самъ коревой славянинъ,
Ему, скандинаву, враждебному асу,
Какъ братъ, помогаль въ многихъ ратныхъ дѣлахъ.
Въ борьбѣ противъ ближнихъ Восточныхъ народовъ,
И даже, въ родимыхъ славянскихъ странахъ,
Въ побѣдѣ надъ родственнымъ племенемъ Вильцевъ³⁾.

Не въ это ли время, и чудищъ, и змѣй,
И вѣщихъ валькирій, у насъ появился
И витязь Добрыня? Не съ этихъ ли дней
Онъ сбросилъ свой прежній, божественный образъ
Стариннаго Кришну, и принялъ другой, —
Воинственный образъ младаго Сигурда,
Сразивши своею могучей рукой
Полночнаго Змѣя-Горынича, гдѣ онъ —

«Нашель въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,

«Нашель онъ много золота, серебра,

«Нашель въ палатахъ у Змѣища

«Свою онъ любимую тетушку,

«Тоя-то *Марью* Дивовну,

«Выводилъ изъ пещеры бѣлокаменной,

«И собравъ золота, серебра,

«Пошелъ въ матушкѣ родимыя своей»...

Такъ обравъ, внесенный Миколой съ собой,
Небеснаго Кришну, не разъ измѣнившись
Еще на Востокъ, могъ стать той порой
У асовъ — Сигурдомъ, у вановъ — Добрыней;
А позже еще, переживъ мѣръ былой,
Принять отъ народа и санъ современный
Рязанскаго князя?.. Не въ эти ли дни
Онъ встрѣтился съ прежней своей Царь-Дѣвицей?..
И кто эта *Марья*?.. Не здѣсь ли они
Слюбались, и стала ему дочь Миколы
Семеюшкой милой?

Не той ли порой
 Жиль-быль и Потокъ, уроженецъ Поморскій,
 А можетъ, и Кіевскій,—съ вѣщей женой,
 Лебедушкой бѣлой, изъ рода валькирій
 И нашихъ вилъ вѣщихъ, что нѣсколько разъ
 Его изводила, — и клала въ могилу,
 И соннымъ поила питьемъ, какъ у насъ
 Про то повѣствуется въ древнихъ былинахъ;
 И въ камень-горючъ превращала его,
 И ночью гвоздами къ стѣнѣ пришивала;
 Но все не стубила?... Позднѣе того
 Опять онъ гуляетъ съ семьей богатырской.

Пришелъ ли онъ также съ Микулой роднымъ
 Изъ Индіи прямо въ Полночную землю,
 Иль странствовалъ онъ по народамъ чужимъ,
 Восточнымъ и Западнымъ, и нахватался
 У нихъ всякихъ новыхъ чудесъ и прикрасъ;
 Но онъ ославянился въ нашихъ преданьяхъ,
 Онъ занялъ свой духъ богатырскій у насъ,
 И сталъ онъ намъ, русскимъ,—богатыремъ кровнымъ ⁴⁾.

Мимиръ и Микула съ своей стороны,
 Должны понимать вполне были другъ друга,
 Какъ оба—титаны сѣдой старины
 И полные оба ея вѣщихъ знаній.
 Сойтись они не могли межъ собой,
 А были скорѣе другъ другу врагами.
 Мимиръ искалъ вызвать Микулу на бой
 И съ разу его побѣдить въ хитромъ знаньи;
 Но строгій Микула борьбы не искалъ,
 А былъ остороженъ.

Во время разъ жатвы,
 Когда онъ ужъ поле свое дожиналъ,
 Померевуло небо, надвинулась грозно
 Дождевая туча; всѣ бросились вмигъ
 Кидать снопы въ копна, въ воза класть пожитки;
 Но вѣщій Микула тотчасъ же постигъ
 Чьи это тутъ шапни. «Не будетъ дождя!»

Оъ нимъ возвѣщаетъ, а самъ продолжаетъ
 Работать. Немного потомъ погода,
 Отколь ни взялся, — скачетъ черный къ нимъ всадникъ,
 На черномъ конѣ. «Гей, пусти!» онъ кричитъ.
 «Ни, ни, не пущу! отвѣчаетъ Микула, —
 Богато, вишь, набралъ: — такъ дождь не дождитъ.»
 Исчезъ черный всадникъ, а туча сипѣть,
 Потомъ поблѣднѣла: всѣ ждутъ, будетъ градъ!
 Летитъ бѣлый всадникъ. «Пусти, сдѣлай милость!
 «Ни, ни, не пущу! — «Эй, пусти, говорятъ!
 Не выдержи.» «Ну-вже, ступай! Тамъ, за нивой,
 Глухой буеракъ есть.....» И въ этотъ же мигъ
 Посыпался градъ по бесплодной ложбинѣ.

Еще разозлился сильнѣе старикъ,
 Полуночный знахарь, за то, на Микулу,
 И началъ хвалиться въ народѣ, что онъ
 Засѣть и выхолить поле подъ ниву,
 Получше Микулы. Мимиръ былъ силенъ
 Въ искусствѣ глава отводить. Но вотъ, точно,
 Онъ выростилъ ниву; желтѣть она,
 Любуются всѣ на ея полный колось;
 Колышется нива, какъ въ морѣ волна.
 Случилось Микулушкѣ ѣхать тутъ съ грузомъ,
 Послалъ онъ у ютна-Мимира спросить,
 Позволить-ли онъ провести черезъ поле;
 Мимиру нельзя въ похвалѣхъ уступить, —
 Позволилъ, — а въ грузномъ возу у Микулы
 (Мимиръ зналъ про это, иль можетъ, не зналъ),
 Была градовая запрятана туча;
 Лишь въѣхалъ Микула, какъ градъ застучалъ,
 И въ мигъ превратилъ все Мимирова поле
 Въ сплошное болото.

«Ну, знахарь, стой!»

Узнаешь меня; я тебя доканаю!»
 Вскричалъ Мимиръ вслѣдъ, погрозивши рукой,
 И вѣщія началъ тянуть заклинанья.
 Тотчасъ-же померкли кругомъ небеса,
 Дрогнула земля, всколыхалось море,

Стонъ издали горы, завьли лѣса,
 Объявь ужасъ камни.... Вихрь подняль столпъ пыли,
 И прямо на встрѣчу Микулѣ летить;
 «Ну, ладно! Не жалуйся, самъ коли лезешь
 Ко мнѣ на рожонъ,» — знахарь нашъ говоритъ;
 А самъ, изъ-за пояса вынувъ сѣкиру,
 Пустиль ей въ столпъ вихря, — какъ вихрь завизжитъ,
 И дальше.... Съ собою унесъ и сѣкиру.
 Летить, — а сѣкира вонзилась въ него,
 Какъ въ дерево.... Слышитъ потомъ нашъ Микула
 Про стараго ютна, врага своего,
 Что гдѣ-то себя невзначай онъ скалечилъ,
 А послѣ призналъ у него и топоръ,
 Случайно зашедши къ нему разъ въ жилище ⁵).

Озлобленный ютнъ, увидавъ съ этихъ поръ,
 Что вѣщій Микула ему не подь силу,
 Слѣшилъ кончить въ Ваной, затѣмъ онъ и былъ.
 Отправленъ Однимъ въ заложники асовъ, —
 И надобно думать, что онъ насолилъ
 Въ то время немало славянскому міру.

Ютнъ видѣль, что Вану тогда поглощаль
 Раздоръ непрестанный племень ея кровныхъ. —
 И ихъ вѣдогоней.... Духъ Ваны виталь
 Почти постоянно среди бурныхъ схватокъ
 Духовъ сихъ домашнихъ славянскихъ племень,
 Хранителей этихъ роднаго хозяйства
 У каждаго племени, съ древнихъ временъ
 Всегда начинавшихъ народныя смуты.
 Собравшись на граняхъ враждебныхъ родовъ,
 Старинные эти родные пенаты
 Старались вырасть у кровныхъ враговъ,
 Земли плодородье, ея урожай;
 А къ нимъ заносили засуху и зной,
 Болѣзни и порчи, или угоняли
 Стада у нихъ, крали богатство. Порой,
 Участіе брали въ борьбѣ вѣдогони
 Изъ-за моря, также воруя себѣ

У вановъ, плоды ихъ земли и погоду.
 Нельзя не участвовать было въ борьбѣ
 Царицѣ страны, благодѣтельной Ванѣ.
 Вражда эта кровная Ванѣ была
 Тогда всего ближе; враждой этой кровной
 Жила вся страна. Даже смерть не могла
 Смирить духъ раздора, — и тѣни усонпихъ,
 Смѣшавшись съ толпой вѣдогоней живыхъ, —
 Не разъ принимали участие въ ихъ битвахъ.....

Далеко шумъ этихъ побоищъ ночныхъ
 Былъ слышенъ. Въ лѣсахъ вырывались деревья,
 Отъ горъ отторгались камни, столпомъ
 Вдвигалася пыль, будто бились двѣ рати.
 Сразясь, вѣдогони спѣшили потомъ
 Обрато, но тою-же самой дорогой;
 А кто былъ убитъ, того тѣло тотчасъ
 Изъ крѣпкаго сна погружалось въ сонъ смертный.

Мимиръ былъ свидѣтелемъ, можетъ, не разъ,
 Какъ вѣщая Вана, подобно одеждѣ,
 Съ себя сбросивъ тѣло, потомъ, не спѣша,
 Его покидала и быстро летѣла
 Иль шла, — но не Вана, ея лишь душа, —
 То въ образѣ змѣя, то сѣрой волчицы,
 То бабочки пестрой или огонька,
 Туда, на бой лютой ночныхъ вѣдогоней,
 Царицею битвы. Смѣла и легка
 Была во всѣхъ образахъ хитрая Вана;
 И чаще, ни съ чѣмъ вѣдогонямъ чужимъ
 Бѣжать на другой приходилося берегъ.
 Тогда, возвратясь къ вѣдогонямъ своимъ,
 Она расправлялась по-своему съ ними.

Межъ тѣмъ край пустѣлъ; а его удалцы
 Носились, какъ чайки, по синему морю,
 Покинувши кровъ свой, гдѣ жили отцы,
 И ввѣривъ полонникамъ злачныя нивы.
 Весь Сѣверъ былъ полонъ разбоями ихъ,
 Далеко гремѣла ихъ дикая слава...
 Потомъ шли пиры, — чутъ въ ладьяхъ росписныхъ,

Они появлялись обратно съ добычей.

Немало богатствъ привозили они
 И плѣнниковъ знатныхъ своею вѣщей Ванѣ.
 Веселье ей было въ тѣ славные дни.
 Она обрекала знатнѣйшихъ изъ плѣнныхъ
 На жертву богамъ или бросала въ цѣпяхъ
 По темнымъ подваламъ, пока получала
 За нихъ цѣнный выкупъ. Простая въ дѣлахъ
 Народныхъ, радушная въ гостепріимствѣ,
 Она обходилась жестоко съ врагомъ,
 Отдавшимся въ плѣнъ ей; держала въ оковахъ,
 Морила и голодомъ, только-бъ потомъ
 Взять болѣе выкупа. Неумолима
 Она была также и въ мести своей;
 Тогда нарушала и гостепріимство,
 Тогда не щадила и близкихъ людей.
 У храбраго Гагена, мирнаго гостя,
 Еще у живаго велѣла она,
 Въ пылу мести яростной, вырѣзать сердце;
 Его побратима, кого старина
 Зоветь пѣвцомъ вѣщимъ, замкнуть приказала
 Въ змѣиную башню, и тамъ обрубить
 И ноги, и руки. Но онъ спросилъ гусли,
 И змѣи не смѣли въ нему подступить,
 Подъ чарами чудныхъ его вѣщихъ пѣсней.
 Лишенный потомъ рукъ и ногъ, онъ игралъ,
 Вѣтьвами ихъ, долго еще свои пѣсни,
 И музыкой этой себя услаждалъ
 Печальныя стѣны угрюмой темницы.
 Тогда обернулася Вана змѣей,
 И ядомъ своимъ облила ему сердце;
 Но съ звукомъ послѣднимъ, пѣвецъ молодой
 Съ души своей сбросилъ тѣлесныя узы ⁶⁾.

Давно ужъ славянскій разрозненный міръ
 Былъ полонъ врагами; но самый опасный
 Для нихъ былъ полонникъ волотъ-Яроміръ,
 Тотъ самый, что нѣмцы зовутъ Эрманрикомъ.

Одни говорятъ, что онъ былъ славянинъ,
 Воспитанный даже у русскаго князя;
 По мнѣнью другихъ, онъ князь датскихъ дружинъ,—
 Но больше извѣстенъ, какъ готъ изъ владавцевъ
 Амальскаго рода. Онъ юность провелъ
 Въ плѣну у славянъ, на Днѣпрѣ, у владавца
 Иль князя Висміра. Здѣсь онъ приобрѣлъ
 Себѣ тяжкій опытъ и прочное знанье
 Въ искусствѣ воинскомъ. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
 Свидѣтелемъ былъ онъ жестокихъ раздоровъ
 Славянскихъ племенъ; здѣсь блеснулъ ему свѣтъ
 На слабость ихъ жалкихъ народныхъ союзовъ.

За нимъ наблюдалъ неотступно весь міръ
 Въ народѣ считался врагомъ онъ опаснымъ,
 И самое имя владавца:—Висміръ,
 Могло означать также—весь міръ народный.
 Какъ скованный асами, волкъ ихъ, Френмиръ,
 Вотще хотѣлъ сбросить онъ крѣпкія путы,
 Что съ дѣтства былъ связанъ народной враждой;
 На это былъ нуженъ особенный случай,—
 Ему помочь въ этой бѣдѣ роковой
 Могъ только Мимиръ, самый хитрый еудесникъ
 Древнѣйшаго міра.

Мимиръ это зналъ,
 Читая въ грядущемъ судьбъ назначенье;
 Лишь стоило Ванѣ уснуть,—и онъ ждалъ
 Ея усыпленья....

Но вотъ, наступаетъ
 Въ странѣ поворотъ лѣтній солнца. Царь дня,
 Благой Святовитъ, сталъ собираться къ походу.
 Пошли ему проводы, богу огня
 И лѣтняго зноя. Вездѣ запыхали
 На темныхъ горахъ и побережьяхъ рѣчныхъ
 Святые костры, засверкалъ въ мракѣ ночи
 Цвѣтъ-папоротника,—а въ нѣдрахъ земныхъ
 Заискрились влады; широкія рѣки
 Зардѣлися золотомъ и серебромъ....
 Перуны повернулъ колесо бога-Солнца;

Въ удушливомъ воздухѣ слышался громъ.
 Стихійные духи заплѣли ихъ пѣсни;
 Дѣвицы сплетали Купалѣ вѣнки,
 Гадали на играхъ; старухи собирали
 Цѣлебныя травы въ лѣсу, старики
 Ей въ честь пѣтуха приносили на жертву...
 Природа истомою страстной полна;
 Перуново пламя гуляетъ по тѣлу,
 А душная ночь и ея тишина,
 Въ душѣ разжигаютъ любовь и желанья.
 Далеко гремятъ крикъ и смѣхъ дружныхъ парь,
 Летящихъ чрезъ пламя востровъ, въ честь богини;
 Таинственный шопоть, любовный угаръ—
 По темнымъ кустамъ, подозрительный шелестъ—
 Въ травѣ шелковистой....А вотъ и Заря,
 Красавица-Лада, выходитъ на небо,
 Съ златой колесницей дневнаго царя,
 И быстро выводитъ коней на дорогу,
 Откуда царь дня начнетъ зимній походъ,
 На мрачныхъ чудовищъ и дивовъ Полночи.
 Склоняется долу усердный народъ,
 Привѣтствуя бога войны и обилья
 Плодовъ земныхъ, грозно идущаго въ бой
 Съ врагами страны и ея плодородья.
 Онъ весело мечетъ надъ милой страной
 Лучи золотые, играетъ мечами,
 Какъ будто-бы пляшетъ,—такъ радостенъ онъ,
 Вступая въ борьбу за родимую землю,
 Потомъ онъ исчезнетъ средь чуждыхъ племень,
 Чтобъ вновь возвратиться лишь только весною,
 Царемъ побѣдителемъ, и воспринять
 Бразды управленья.

Смолваетъ кукушка, —

А тамъ начинаютъ и дни убывать;
 Старѣетъ природа,—нѣтъ краснаго Солнца...
 Оно погрузилось въ волнахъ облаковъ,
 И сѣрыхъ тумановъ; оно поражаетъ
 Тамъ демоновъ мрака, тѣхъ лютыхъ враговъ,

Что круглое лѣто тревожатъ мѣръ свѣта.
 Враги побѣждаютъ его подь конецъ;
 Но вѣрная Лада его обмываетъ
 Живою водою, и воскресшій боець
 Вновь топчетъ и гонитъ ихъ дикія рати.
 Походъ его конченъ. Приходить весна,
 Народъ бѣжитъ встрѣчу блестящему гостю;
 Онъ выгналъ зиму, его славой полна
 Опять вся природа,—и небо, и море....

Уходить и Ваны чудесной сыны
 Въ морской ихъ походъ, въ отдаленныя земли.
 Покинувъ пенатовъ родимой страны,
 И сельскій свой трудъ попеченьямъ Микулы.
 Ихъ манитъ борьба и безвѣстная даль;
 Почти никогда не живется имъ дома,
 Мила воля имъ; ничего имъ не жалъ:
 Всего имъ дороже отважная удалъ.
 Какой врагъ посмѣетъ занять ихъ страну?
 Такъ страшны они на моряхъ и на сушѣ.
 А если услышатъ они про войну
 Въ обширной землѣ ихъ, то долго-ль вернуться!

Они на разбоѣ; а Вана, въ главѣ
 Враждебныхъ родовъ и усобиць семейныхъ,
 Сражается дома, оставивъ молвъ
 О ней разносить по чужимъ землямъ славу.
 Ютнъ только и ждалъ, чтобъ поврѣще она
 Заснула, и дальше ушла вѣдогонью.

Засталъ онъ ее средь глубокаго сна,
 И тотчасъ же заклалъ онъ путь ей обратный.
 Для этого надобно было лишь снять
 Иль сдвинуть предметы у ней на дорогѣ,
 Которой она удалилась, иль дать
 Лишь только другое совсѣмъ положенье
 Уснувшему тѣлу. Коварный Мимиръ,
 Устроивши это, послалъ вѣсть Одину.

Сидитъ съ горькой думой молодой Яромиръ;
 Сидитъ во дворцѣ онъ веселомъ Висмира,

И думает думу о плѣнѣ своемъ;
 Отколь ни взялся вдруъ, летить черный воронъ;
 Сѣлъ воронъ на дубъ, у него подь окномъ,
 И громко закаркалъ:

«Несчастные трели живутъ работой;
 «Благородные ярлы ставятъ хоромы себѣ,
 «Обзаводятся благородной хозяйкою;
 «На нихъ работаютъ трели-рабы;
 «Отважные конунги, кинувъ отчизну,
 «Летать въ востроносыхъ своихъ корабляхъ
 «По бурному морю, въ далекія земли;
 »Живутъ тамъ добычей и славой,
 «Покоряютъ народы и страны себѣ.»

Титащъ, плѣнникъ вановъ,
 Онъ вѣщаго ворона слышитъ слова;
 Но стража его, ни Висмиръ, ихъ не слышать.
 Онъ знаетъ пѣснь эту; его голова
 Полна такихъ пѣсень далекой отчизны.
 Забилось въ немъ сердце, въ блестящихъ глазахъ
 Заискрились слезы. То воронъ Одиба;
 Одинъ,—богъ побѣдъ, щить отважныхъ въ бояхъ,
 Его призываетъ; его ждетъ свобода.....
 Онъ весь сзоветъ Сѣверъ къ Одину на пиръ;
 Во что-бъ то ни стало, онъ будетъ владавцемъ.

Въ тѣ дни, какъ нарочно, уѣхалъ Висмиръ
 Со всею дружиною, къ брату на тризну;
 Осталась княгиня одна. Яромиръ
 Съ другимъ плѣннымъ готомъ ее умертвили,
 Зажгли деревянный Висмировъ дворець,
 И въ эту же ночь убѣжали въ Отчизну.

Хватилася Ваны страна, наконецъ,
 Узнавши про бѣгство отъ нихъ Яромира;
 Нѣтъ болѣ Ваны! Повсюду вражда,
 Раздоръ иль усобица; вражія рати
 Идутъ на страну... Но ужъ вѣдалъ тогда
 Народъ,—отъ кого весь сыр-боръ загорѣлся;
 Потребовалъ ютна, и общимъ судомъ

Его, колдуна, присудилъ къ лютой смерти.
 Просилъ только хитрый Мимиръ объ одномъ,
 Чтобъ далъ ему мѣръ спѣть предсмертную пѣсню,
 Имѣя въ виду, проложить волшебствомъ,
 Въ отсутствіе Ваны, себѣ путь въ отчизну.
 Запѣлъ онъ, — и тьмой облеклись небеса,
 Дрогнула земля, всколебалось море,
 Стонъ издали горы, склонились лѣса,
 Объявъ ужасъ камни, завывъ буйный вѣтеръ,
 Въ лѣсахъ загремѣли рога вражьиx силъ,
 Весь край запрудили безсчетныя рати
 Воинственныхъ готовъ... Но къ счастью, забывъ
 Мимиръ одно слово; за нимъ надо было
 Идти въ преисподнюю...

Миръ повалилъ

Кудесника-іотна, — и тутъ же, на отмашъ,
 Онъ былъ обезглавленъ, его-жь топоромъ, —
 Въ отмщеніе асамъ за всѣ ихъ коварства.
 Народъ поднялся, — и послалъ съ торжествомъ
 Кровавую голову іотна къ Одну.

Но было ужъ поздно! Духъ Ваны не могъ
 Войти опять въ тѣло. Куда ни посмотреть,
 Вездѣ вражья сила; отсюду порогъ
 Предъ нею замкнулся родимаго края;
 Куда ни проникнетъ, — вездѣ стоитъ рать,
 Дымятся пожары, валяются трупы,
 Князья на деревьяхъ висятъ, — и узнать
 Нельзя теперь Ванѣ родимаго края.
 Успѣвшій въ то время уже посѣдѣть,
 Бѣглець Яроміръ занялъ весь мѣръ славянскій;
 Великій Одинъ далъ ему овладѣть
 Отъ Лабы широкой до странъ приднѣпровскихъ,
 И даже до Волги. Всю эту страну
 Онъ забралъ заразъ въ свои мощныя руки,
 И сѣлъ на Днѣпрѣ, гдѣ жилъ прежде въ плѣну.

Слезливая Фригга могла быть довольна:
 Исыкла у Ваны живая вода,
 Поблекли сады молодежавыя яблокъ;

Народъ винулъ села свои, города,
 И скрылся въ лѣса или бѣжалъ въ Русь, за Волгу;
 Не слышно ни гуслей звончатыхъ, какъ встарь,
 Ни пѣсни хвалебной богамъ вѣковѣчнымъ;
 Хозяиничалъ въ краѣ враждебный имъ царь,
 Гостили повсюду незваные гости 7).

Сидитъ Яромиръ-князь въ палатѣ большой;
 И грозенъ, и пьянъ онъ, отъ пива и меду;
 Баяны, квасиры, собравшись толпой,
 Играютъ на гусляхъ, поютъ ему славу;
 Вокругъ столовъ бранныхъ, на скамьяхъ сидитъ
 Хмѣльная дружина. Палата вся настезь,
 Играетъ стягъ княжій, далеко гремитъ
 Воинственный станъ громкой готскою пѣсней;
 Шумитъ пиръ веселый; а вольный народъ,
 Укрывшись въ лѣсахъ, проклинаетъ духъ вражій;
 Гремитъ пѣсня въ станѣ, а край весь реветъ:

«Перунъ, боже,
 «Не мучь жемайта.
 «Мучь Гота,
 «Рудаго пса.»

Отколь ни взялися два голубя, — сѣли
 На деревѣ, возлѣ палаты большой,
 Гдѣ пьяный пируетъ князь съ пьяной дружиной,
 И стали они говорить межъ собой:
 Одинъ говоритъ: «а вѣдь нѣтъ теперь больше
 У насъ Яромира здѣсь, въ краѣ во всемъ!»
 Другой говоритъ: «его больше Микула.»
 Одинъ говоритъ: «а что? Въ словѣ твоёмъ,
 Пожалуй, и правда! Враги Яромира,
 Обрубать и руки, и ноги ему,
 Останется только еголовица;
 Пускай и умна она, — только къ чему
 Безъ рукъ и безъ ногъ она будетъ пригодна?
 Другой говоритъ: «видишь, правда моя!
 А взглянь-ка теперь ты на эти дубравы
 Или на широкія эти поля;
 Лети черезъ нихъ мы съ тобою недѣли,

Конца не увидимъ; а это все онъ, —
 Все вѣщій Микула. Все это, что видишь, —
 Микулино царство, сначала время.
 Его раззорилъ Яромиръ, — но не свяжетъ
 Ни этихъ полей онъ, ни этихъ лѣсовъ;
 Надъ ними единая воля боговъ.
 Сколь хочешь, руби ихъ, — и въ жизнь не порубишь,
 Сколь хочешь топчи, — тѣже будутъ поля;
 А мѣръ, и земля, и Микула, — все то же.
 Весь мѣръ ни связать, ни повѣсить нельзя;
 Повѣсить десятокъ онъ, выростутъ сотни,
 Повѣсить и сотни, — тогда новый край
 Вновь выростетъ въ этомъ же мѣстѣ:
 Микулиныхъ силъ, стало быть, не пытай;
 Его извести никому невозможно.»

«Ха—ха, засмѣялся сѣдой вражій царь.
 Сто лѣтъ, почитай, какъ живу я на свѣтѣ,
 А что теперь слышу, не слыхивалъ встарь.
 Бывало и прежде, пророчили птицы,
 Я самъ знавалъ также ихъ птичій языкъ;
 Но я такихъ бредней не слыхивалъ прежде, —
 Чтобъ я, сильный царь, да еще и старикъ,
 Былъ меньше въ краю молодаго Микулы.
 Представить тотчасъ же Микулу ко мнѣ,
 Живымъ или мертвымъ! Отнынѣ хочу я,
 Чтобъ птица не смѣла летать по странѣ,
 Зелена трава не шелохнулась въ полѣ!»

Но вотъ выѣзжаетъ Дажь-богъ со Полуночи;
 Но ѣдетъ онъ грозный, суровый, разгнѣванный, —
 Не рядится въ вешній онъ сарафанъ, праздничный,
 Не видно на немъ золотого кокошника;
 Его не встрѣчаютъ кострами горящими,
 Ему не поютъ Коляды парни, дѣвицы;
 Клекчутъ сизы орлы по степямъ,
 Воютъ волки по темнымъ лѣсамъ,
 Не отверзается рай, врата небесныя,
 Не предворяются рѣки въ вино сладкое,

Не алѣютъ цвѣты, золотыя яблоки;

А чуть гаснетъ день,

И ночная тѣнь

Одѣнетъ покровами небо вечернее,—

Вскрывается небо, какъ море багряное,

Встаютъ по краямъ его столпы огненные,

Сверкаютъ чертоги, палаты Свароговы...

Не Солнце свои отгрызаетъ сокровища,—

Играютъ зарницы тамъ, зори кровавыя;

Изъ разверзтыхъ небесъ

Блещутъ копыя, какъ лѣсъ;

Будто волны рѣки,

Тамъ проходятъ полки,

Сіяютъ мечи ихъ, кольчуги булатныя,

Какъ молнья, сверкаютъ ихъ стяги побѣдные,

Изъ рта мещутъ пламя ихъ кони воздушныя...

Вотъ будто двѣ рати сошлись на бой,

Соплиси,—и сшиблись въ пучинѣ ночной;

Разсыпались рати по небу широкому;

Гремятъ въ поднебесьи ихъ клики громовые,

Звенятъ другъ о друга мечи, копыя острые;

Зардѣлось пожарищемъ небо Полночное,

Въ лѣсахъ заалѣли кусты, сучья черныя,

Какъ будто бы кровью блестятъ поля темныя...

Пришло лѣто. Воздухъ былъ полонъ грозой, —

Громовыя тучи собирались за Волгой;

Толпы бѣглецовъ, кинувъ край свой родной,

Сзывали отважныхъ, на хищниковъ гоотвъ;

Колдуньи-гадальщицы, дѣвы вѣщбы,

Что выгнали готы изъ милой отчизны,

Сильнѣй раздували еще духъ борьбы,

И мрачнымъ влияньемъ своимъ порождали

Огромныя полчища сборныхъ дружинъ,

Что приняли готы, въ паническомъ страхѣ,

За демоновъ лютыхъ Полночныхъ равнинъ,

Рожденныхъ отъ вѣдьмъ и бѣсовъ преисподнихъ.

Край зналъ, что творится за Волгой святой,

И ближе, за Дономъ; но путь изъ-за Дона,

Особенно въ морю, для рати большой,
 По грязнымъ болотамъ, былъ путь очень трудный.
 Его указать могъ лишь случай одинъ,
 Иль развѣ иная чудесная сила;
 А князь Яроміръ, рукою готскихъ дружинъ,
 До той поры могъ утѣснять безопасно
 Славянскую землю. Но богъ-Святovitъ
 Послалъ своимъ людямъ нежданную помощь;
 Вѣриѣ-жь, что онъ самъ, какъ все говорить,
 Принявъ образъ Лани, открылъ имъ дорогу.

Микула не разъ со врагами вступалъ
 Въ различныя сдѣлки. Видалъ онъ кагановъ
 Степныхъ и осѣдлыхъ, — чего не видалъ!
 Бывалъ и въ сношеньяхъ съ большими царями.
 Пускай ихъ воюютъ они межъ собой;
 Микула готовъ и потѣшить ихъ данью;
 Но мѣръ-народъ сельскій, семья, быть родной, —
 Его достоянье; онъ самъ тутъ хозяинъ;
 Пришелецъ не можетъ быть въ этомъ главой.

А князь Яроміръ не щадилъ ни народа,
 Ни славныхъ его, благородныхъ мужей,
 Ни правъ, ни обычаевъ древнихъ народныхъ.
 Какъ будто-бы тѣшась побѣдой своей
 Надъ этимъ убитымъ, подавленнымъ краемъ,
 Онъ жегъ, распиналъ непокорныхъ князей;
 Его людъ впрягалъ женъ славянскихъ въ телѣги,
 Терзалъ стариковъ, мучилъ малыхъ дѣтей;
 Повсюду былъ лютый грабежъ и насилье.
 Никто повельнутся свободно не смѣлъ,
 Чтобы не навлечь на себя подозрѣнья;
 Весь край будто вымеръ или опустѣлъ,
 И горе въ немъ было семействамъ бѣжавшихъ.
 Знатнѣйшія жены, одна за другой,
 Размыканы были конями, какъ послѣ
 Злой готъ поступилъ и съ своею женой,
 Рожденной на дальнихъ побережійхъ Дона, —
 Велѣвши, въ отличие, ее привязать

Къ хвосту боеваго коня, на комъ ѣздилъ
 Всегда онъ на битву. А хищная рать
 Старалась еще превзойти его въ злобѣ.

Чтожь дѣлалъ Микула? Гдѣ онъ тогда жилъ?
 На что въ эти дни возлагалъ онъ надежду?
 Но край нашъ давно о тѣхъ дняхъ позабылъ,
 Опричь развѣ сказокъ, объ Обрахъ-волотахъ,
 И той горькой пѣсни. Микула не могъ
 Врагамъ своимъ лютымъ вполне покориться;
 Онъ былъ глава міра, онъ былъ полубогъ,
 Онъ былъ самъ народъ и заступникъ народный.
 Его кругъ значенья еще былъ великъ,
 Его духъ и образъ виднѣлись повсюду.
 Въ тѣ дальніе дни, онъ еще не привыкъ
 Таскаться по барамъ и барскимъ дворецкимъ,
 По царскимъ судамъ и присяжнымъ, — вездѣ
 Ему входъ открытъ былъ къ владавцамъ славянскимъ.
 Міръ вѣрилъ его еще вѣщей звѣздѣ,
 И чтилъ въ немъ свою же народную силу;
 И сами князья и владавцы тогда
 Вступали охотно съ Микулой въ бесѣду;
 Затѣмъ, что надѣялись слышать всегда
 Изъ устъ его вѣщихъ разумное слово.

Позвали Микулу. Микула предсталъ
 Предъ грозными очі сѣдаго волота, —

«Самъ съ кулачекъ,
 «Борода съ локотокъ.»

«Ха—ха, засмѣялся титанъ, и сказалъ:
 Такъ этотъ червякъ-то и есть тотъ Микула?»

—Червякъ этотъ нѣкогда выживетъ насъ,
 Какъ люди толвуютъ! — сказали, смѣясь,
 Совѣтники князя.

«Ха—ха, въ добрый часъ!
 Воскликнулъ волотъ. Ну, скажи-жь намъ, Микула,
 Кто больше, сильнѣе здѣсь, — ты или я?»

—А я такъ-инъ думаю, молвилъ Микула,
 Сильнѣе обонхъ насъ будетъ земля.

«Ну, ежели такъ, — ты, я думаю, видѣлъ,

Сказалъ Яроміръ, какъ я землю твою
Крестами и релями знатно украсиль.
Она, значить, вѣдаетъ силу мою;
А я не видалъ ея силы понынѣ.»

—А все-таки будетъ земля посильнѣй,—
Спокойно на это отвѣтилъ Микула.

«Такъ гдѣ-жь ея сила? спросилъ Яроміръ.

—А вотъ, ты увидишь! сказалъ Селяниничъ.
Вѣдь ты еще забралъ не весь вольный міръ.
Вотъ что у насъ было въ давнишнее время:
Пришелъ къ намъ съ Востока таковой же, какъ ты, царь;
Послала земля ему въ даръ отъ народа,—
У насъ, видишь ты, такъ водилося встарь,—
Послала пукъ стрѣлокъ да птицу съ лягушкой;
Царь принялъ дары, обласкалъ онъ пословъ,
И думаетъ: значить, земля покорилаась.
Инъ-вышло, не понялъ онъ этихъ даровъ,—
Война у насъ съ нимъ только лишь начиналась.

«Хитро! засмѣявшись, молвилъ титанъ.

Такъ, стало, еще я у васъ не владыка?
Инъ кто-жь здѣсь владыка?

— Сперва богъ Воданъ

Надъ всею землею слылъ единымъ владыкой;
А нынѣ владыка у насъ Святovitъ;
Подъ нимъ и другіе еще есть владыцъ,—
Но тотъ лишь изъ нихъ весь нашъ міръ покорить,
Кто древній добудетъ себѣ мечъ Водана.

«А развѣ Одинъ мечъ легче? спросилъ

Титанъ, наливая себѣ кружку браги.
Его я мечемъ весь вашъ край покорилъ.

— Слыхалъ я, тотъ мечъ подъ конецъ умерщвляетъ
Тѣхъ, кто имъ владѣетъ, Микула сказалъ;
А тотъ, кто мечемъ овладѣетъ Водана,
Тотъ міръ покорить. Такъ Воданъ завѣщалъ,—
И это ужъ стало народнымъ повѣрьемъ.

«А какъ мечъ чудесный Водана добыть?

Спросилъ Яроміръ.

— Ты ужъ старъ, не добудешь,

Мигула сказалъ. Что тебя и манить?
 Не таёз ты и началъ. Мечъ этотъ завѣтный
 Сама наша мать-Земля сторожить,
 И витязю вѣрить его лишь родному.
 А ты загубилъ и себя, и свой родъ,
 Твоей безпримѣрной жестокостью съ нами.
 Смотри, я каковъ подъ рукой у тебя,
 Тожь самое сдѣлалъ ты съ нашей землею;
 Чего-же ты хочешь еще для себя?
 Твой близокъ конецъ. Ты свое дѣло сдѣлалъ.—
 «Ха-ха, засмѣялся опять Яроміръ.
 Не ты-ль, великанъ, меня выживешь съ свѣта,—
 Какъ, слышно, толкуеть объ этомъ вашъ миръ?
 Ну, что-же? Попробуй! Помѣримся силой.»
 — Почто-ста мѣшаться мнѣ въ вашу борьбу!
 Отвѣтствуетъ съ тѣмъ-же спокойствьемъ, Мигула.
 Ты на-снѣхъ подымешь мою похвальбу;
 А лучше, извѣдай въ иномъ свою силу.
 Лишь это сказалъ онъ, гонецъ прибѣжалъ.
 «Приѣхали витязи, братья Сванильды,
 Жены твоей, князь,— той, что ты растопталъ
 Твоими конями,—гонецъ возвѣщаетъ.
 Велѣли сказать, что постыдно тебѣ,
 Могучему мужу, такъ было ругаться
 Надъ слабой женою. Готовься къ борьбѣ!
 Хотятъ обрубить тебѣ руки и ноги...»
 «Засмѣялся Эрманрикъ,
 «Погладилъ рукой бороду,
 «Качаясь отъ браги,
 «Раскалясь отъ вина.
 «Мотааетъ онъ тяжелой головой,
 «Смотрить на серебряный поднось,
 «Велить себѣ наполнить
 «Золотой кубокъ.
 «Радъ, очень радъ видѣть
 «Гамди и Саурли у себя въ гостяхъ;
 «Я ихъ обоихъ свяжу теливой,
 «Повѣшу на висѣлицѣ.»

За первымъ гонцемъ прибѣгаетъ другой:
 «Идетъ, говорить онъ, идетъ изъ-за Дона
 Какая-то сила. Еще мѣръ земной
 Не видываль воинновъ, столь безобразныхъ
 И страшныхъ. Скорѣй, это рати бѣсовъ,
 Чѣмъ люди живые. Они ужь сломили
 Рать готовъ. Всѣ въ страхѣ бѣгутъ отъ враговъ,
 Какъ будто отъ силы нечистой»⁸⁾...

Повуда

Шло въ станѣ смятенѣе, и каждый спѣшилъ
 Вскочить на коня и облечься въ доспѣхи;
 Микулинъ и слѣдъ ужь въ палатахъ простылъ.

Но только лишь вышелъ онъ въ чистое поле,
 Онъ выросъ, расширился, сталъ великанъ;
 И кликнулъ онъ, гаркнулъ по чистому полю, —
 Пронесся его кличъ въ глубь сѣверныхъ странъ,
 Пошелъ будто говоръ по темному бору,
 Проснулся лѣсъ темный, — земля и вода,
 Шарахнулись звѣри и вѣщія птицы, —
 Пошли, полетѣли, Богъ знаетъ куда,
 Посыпались дивы съ деревьевъ на землю, —
 Пошли, поползли по травѣ, подъ травой,
 Все ожило, встало, настроило уши,
 Зажглися костры невидимой рукой,
 Страна закипѣла народнымъ броженьемъ...

И вотъ, просіяло Солнце-красное,
 Выѣжалъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ,
 Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за омутовъ Днѣпровскихъ,
 Выѣжалъ богатырь невѣдомый,
 По сей день еще неразгаданный,
 Развѣ въ сказкахъ описанный.

Гдѣ конь его ступить, трава не растетъ;
 Отъ взгляда его, съ небесъ звѣзды падаютъ,
 Идетъ богатырь, будто молотъ стучить;
 Великія страны предъ нимъ разступаются,
 А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огня.

«Эхъ, матеръ сырая-Земля, говорить

Микула, лицомъ ставъ къ святому Востоку,
 Глубоко въ тебѣ мечъ завѣтный зарыть.
 Кто этимъ завѣтнымъ мечемъ овладѣть.
 Тотъ весь міръ подлунный себѣ покорить;
 Тебя загинаю, Земля, моя мать,
 Открой мнѣ, скажи, гдѣ мечъ этотъ лежитъ?
 Идетъ богатырь нашъ родной.... Разступися!»

Лишь это онъ вымолвилъ,
 Бѣжить къ Селяниничу
 Кобылка его вѣщая;
 Не говорить она человѣческимъ голосомъ,
 Только за ней слѣдъ кровавый тянется;
 Идетъ Микулушка по-слѣду,—
 Чѣмъ-бы это кобылка себя поранила?...
 Блеститъ изъ земли богатырскій мечъ, —
 Того-то Микулѣ и надобно,—
 Не для себя, не для инаго прочаго,
 А ради своего роднаго богатыря.

Межъ тѣмъ, Одинъ свѣтлый давно наблюдалъ
 Изъ оконъ Глидсвельфа, небесной сторожки,
 За витяземъ чуднымъ, Еще онъ не зналъ,
 Откуда-бъ такой богатырь появился:
 То выходець дальнихъ, невѣдомыхъ странъ
 Сѣдаго Востока, вождь силы бродячей,
 Иль новый еще Полуночный титанъ,
 Съ кѣмъ царь свѣтлыхъ асовъ, Одинъ, не встрѣчался?

Когда онъ пришелець безвѣстной орды,
 То какъ-же славяне спѣшатъ къ нему встрѣчу?
 Идетъ онъ по краю, беретъ онъ бразды
 У нихъ управленья, какъ будто изъ дѣтства
 Онъ выросъ иль даже родился въ странѣ.
 Какъ это онъ съ ними совсѣмъ не воюетъ?
 Какъ это такъ быстро сроднился вполнѣ
 Съ обычаемъ вановъ? Гдѣ взялъ мечъ Вуотана?
 И вотъ, ужъ надъ краемъ сіяетъ заря
 Благаго единства и силы народной,
 Какъ будто въ немъ видятъ роднаго царя,
 Спасителя края отъ чуждаго ига...

Но если онъ точно прямой славянинъ,
 Чьего же онъ рода и какъ ему имя?
 Какъ имя ему межъ славянскихъ дружинъ?
 Оно неизвѣстно странамъ иноземнымъ;
 Онъ видимо имя скрываетъ свое,
 Отъ злыхъ чарованій, отъ сглаза—привора....
 Какой же народъ далъ ему бытіе?...
 Онъ поднялъ ужь руку на Полдень и Сѣверъ,
 Ему покоряется западный міръ,
 И даже міръ кесарей, все еще грозный....

Все это лишь могъ разъяснить іотнъ Мимиръ.
 Мимиръ былъ ужь мертвъ; но Одину осталася
 Его голова. Велемудрый Одинъ
 Вдохнулъ въ нее вѣщій свой даръ прорицанья,
 И въ смутное время тяжелыхъ годинъ
 У ней онъ искалъ, какъ и прежде, совѣта.

«Взгляни на вождя этихъ грозныхъ дружинъ,
 Сказалъ головѣ онъ убитаго іотна,
 Что онъ постоянно держалъ при себѣ.
 Когда ты все знаешь,—кто сильный тотъ витязь?
 Что видитъ Мимиръ въ его долѣ-судьбѣ?
 Какого онъ славнаго племени-рода?...»

Мимиръ посмотрѣлъ, и ему возразилъ:
 «Всѣхъ дивовъ бродячихъ, богатырей древнихъ,
 Я знаю; но каждый изъ нихъ измѣнилъ
 Не разъ свой старинный, божественный образъ.
 По всѣмъ богатырскимъ ухваткамъ его,
 Сужу, что онъ долженъ быть солнечный витязь,
 Вождь силы осѣдлой; въ степяхъ никого
 Ему нѣтъ подобныхъ,—въ немъ высшая сила.
 Его взоръ орлиный проникъ издали
 Намѣренья тайныя чуждыхъ народовъ;
 Онъ править изъ дальней Полночной земли
 Дѣлами Царьграда и славнаго Рима;
 Его грозный образъ, столь страшный въ бояхъ,
 Не меньше высокъ и въ устройствѣ народномъ;
 Смотри, какъ любимъ онъ въ славянскихъ земляхъ,
 Онъ больше отецъ имъ, чѣмъ вождь силы ратной.»

Онъ набралъ себѣ разнородную рать,
 Чтобъ стать во главѣ міровыхъ всѣхъ событій;
 Едва онъ успѣлъ съ своей силой предстать,
 Тотчасъ же воспрянулъ народъ весь славянской.
 Мимиръ полагаетъ: его свѣтлый родъ
 Не въ мірѣ титановъ, но въ мірѣ гражданства;
 То долженъ быть витязь, кого давно ждеть
 Славянская Вана. Когда отецъ асовъ
 Желаетъ знать больше, пусть спроситъ ее.

«Во дни этой бурной послѣдней невзгоды
 Она потеряла сознание свое;
 Душа ея бродитъ въ пространствахъ воздушныхъ,
 Она вѣдогонь. Звѣзда Ваны горитъ;
 Но синее пламя души ея вѣщей,
 Покинувши тѣло земное, паритъ
 Между огоньками блудящими въ небѣ.
 Такъ точно, когда засыпаетъ Одинъ,
 Его духъ блуждаетъ, то звѣремъ, то птицей,
 И только вликъ бранный побѣдныхъ дружинъ
 Лишь можетъ разрушить сонъ вѣщей Одина.
 Край Ваны вверхъ дномъ, а ея міръ-народъ
 Подавленъ; ей трудно принять прежній образъ;
 Она уже чувствуетъ, что кто-то идетъ
 Будить ея тѣло отъ тягостной спячки;
 Но страшный мой заговоръ ей не даетъ
 Опять возвратиться въ свой образъ тѣлесный.
 Вели, чтобъ предъ нами ея духъ предсталъ,
 И дай ей возможность облечься въ свой образъ;
 Она все расскажетъ.»

Одинъ приказалъ
 Призвать къ себѣ Вану, и далъ ей прозрѣнье.

Лишь только взглянула на богатыря
 Она неизвѣстнаго, вся встрепенулась,
 Ея ликъ зардѣлся, какъ утромъ заря;
 Но митомъ она овладѣла собою,
 И быстро сказала:

«Ты хочешь, Одинъ,
 Знать кто богатырь тотъ, его родъ и племя;

Всмотрись же въ составъ его храбрыхъ дружинъ
 И близкихъ людей, что его окружають:
 Всегда духъ народный стоитъ впереди
 Народныхъ дѣяній. То витязь не новый, —
 Ему имя Солнце: почти всѣ вожди,
 Его кровный братъ, всѣ родные, имѣють
 Славянское имя. Встрѣчаетъ народъ
 Его по-славянски; знатнѣйшія жены
 Выносятъ хлѣбъ съ солью; дѣвицъ хорождь,
 Когда онъ вѣзжаетъ, поеть ему славу.
 Во время пировъ изобильныхъ его
 Поютъ гуслары у дверей, скоморохи;
 Пьютъ до-пьяна гости, но прежде всего
 Привѣтствуютъ князя заздравною чашей;
 Живетъ онъ съ своей дорогою семьей
 Въ просторныхъ палатахъ бревенчатыхъ, чудно
 Украшенныхъ тонкой снаружи рѣзбой;
 Его княжій дворъ огороженъ заборомъ;
 Онъ ѣстъ за особо-накрытымъ столомъ
 Изъ блюдъ деревянныхъ, но кормитъ дружину
 Въ посудѣ серебряной; любить во всемъ
 Вокругъ себя пышность, но самъ одѣтъ просто;
 Народный напитокъ его квасъ и медъ,
 Хоть греки везуть къ нему лучшія вина;
 Подручные мужи его и народъ
 Стригутся въ вужало, иной ходитъ съ чубомъ;
 Онъ любитъ охоту; а каждый походъ
 Сперва обсуждаютъ волхвы, по примѣтамъ;
 Всѣ близкіе люди, что служатъ при немъ,
 Языкъ разумѣють славянъ Иллирійскихъ;
 А бытъ и обычай княгини, — во всемъ,
 Какъ бытъ и обычай нашъ древній славянскій. »
 — Кто жъ онъ, богатырь твой? воскликнулъ Одинъ.
 Коль Вана все знаетъ, то знаетъ и это. —
 «А какъ же не знать мнѣ про то, господины!...
 Взгляни на Полудень, —
 Распустились опять сады мои зеленые,
 Разцвѣли моложавые мои яблони,

Запумѣли ключи живой воды,
 Засверкало въ нихъ красное Солнышко;
 Ёдетъ надъ семидесятью землями богатырь,
 Въ руцѣ онъ держитъ Водановъ мечъ,
 Ёбжитъ передъ нимъ златорогая-лань,—
 Не самъ ли Дажьдбогъ, лучезарное Солнце?...

«То ёдетъ мой сынъ,

Мое красно Солнце,—и вѣщая Вана
 Отнынѣ свободна...».)»

Тотчасъ же у ней

Отколы взялись крылья. Она встрепенулась,
 Кивнула обоимъ головкой своей,
 И легкою вилой исчезла въ пространствѣ.
 Одинъ и Мимиръ посмотрѣли ей въ слѣдъ;
 Потомъ богъ Одинъ обратился къ Мимиру:
 «Кто-бъ витязь тотъ ни былъ, у насъ такихъ нѣтъ;
 Его мѣсто здѣсь, въ свѣтозарной Валгалѣ.»

Раздвинься завѣса минувшихъ временъ,
 Откликнись духъ вѣщій преданій глубокихъ,
 Проснись, страхни непробудный твой сонъ,
 Родной богатырь нашъ временъ первобытныхъ!
 Отъ моря Морозовъ и Ладожскихъ волнъ
 До бурнаго Понта, отъ высей Карпатскихъ
 До степи Хвалынской, весь Сѣверъ былъ полвъ
 Издревле молвой о твоей рыаной силѣ;
 На морѣ Азовскомъ и въ темныхъ лѣсахъ
 Пустыни Біармской, на дальнемъ Дунаѣ,
 На Понтѣ Эвесинскомъ и Волжскихъ берегахъ,
 Съ невѣдомыхъ дней тамъ гремитъ твое имя;
 Далекъ бывалъ ты,—а въ близкихъ мѣстахъ,
 Вездѣ отпечаталъ свой бытъ и обычай.

Одинъ знаетъ Богъ, когда въ вольныхъ степяхъ
 Взнуздалъ ты впервые коня боеваго,
 И выдолбилъ камнемъ по темнымъ лѣсамъ
 Себѣ удалую ладью-душегубку,
 Носившую долго по синимъ морямъ
 Твою силу мощную, духъ богатырскій;

Ты Скифъ, ты Сарматъ, по понятьямъ враговъ, —
 Ты Рось свѣтозарный въ странѣ твоей славной.
 Во мракѣ глубокомъ древнѣйшихъ вѣковъ
 Твой кличъ молодецкій гремитъ по Востоку,
 Досель еще слышный изъ бездны временъ
 Для чутваго уха орловъ Полунощныхъ...
 Но гдѣ тотъ мѣръ давній? — Исчезнулъ, какъ сонъ.

Сперва все темно вокругъ твоей колыбели,
 Все чудно въ рожденіи и въ дѣтствѣ твоємъ;
 Какъ сказочный витязь, выходишь внезапно
 Ты сильнымъ, воинственнымъ богатыремъ,
 Одинъ побиваешь несмѣтныя рати,
 И царствуешь гдѣ-то могучимъ царемъ;
 Земля — тебѣ матеръ, а Небо — отецъ твой,
 Они тебя холятъ; вой вьюги сѣдой
 Баюкаетъ въ бурной тебя колыбели;
 Суровый Морозъ, — онъ твой пѣстунъ родной,
 А море и суша дають тебѣ силы;
 Но лютый Раздоръ сѣлъ въ владѣньяхъ твоихъ,
 И самый просторъ ихъ дробить твою силу;
 Ты словно чужой въ семьѣ братьевъ родныхъ, —
 Сосѣди твое ужъ коверкаютъ имя,
 Свои позабыли о славномъ быломъ,
 А время закрыло тотъ мѣръ богатырскій.

Немного и самъ ты запомнилъ о немъ,
 О мѣръ томъ вѣшемъ, вѣкахъ тѣхъ чудесныхъ.
 Когда ты являлся средь разныхъ племенъ,
 То княжескимъ сыномъ, то сыномъ мужичьимъ,
 То витяземъ грознымъ. Изъ этихъ временъ
 Всего лучше помнишь царя ты Кощей,
 Начальника Коща, что кралъ чужихъ женъ
 И дѣвушекъ красныхъ. Вполнѣ ты запомнилъ
 Его видъ костлявый, его дворъ большой,
 Кругомъ двора длинный, голыя стени,
 Его колыбановъ, — тотъ людъ кочевой,
 Съ кѣмъ часто ходилъ ты въ восточныя царства;
 Ихъ бытъ непосѣдливъ, ихъ домъ подвижной,
 Избу-колымагу на толстыхъ колесахъ,

~~Откуда успѣлъ ты однако сбѣжать:~~

Они догоняють тебя; но ты дома, —

~~Твой вѣщій Микула ужь началъ пахать~~

~~И жить селяниномъ, — царемъ домовитымъ.~~

Запомнилъ ты, съ тѣхъ же древнѣйшихъ временъ,

И дикую эту Нечистую Силу,

Кѣмъ былъ ты похищенъ у кровныхъ племенъ,

Ту вражію силу, что такъ домогалась

Тебя извести. Ты носился за ней

И въ дальнія царства, и къ синему морю,

И въ знойныя степи, гдѣ жилъ царь-Кощей;

Повсюду ждала тебя вѣрная гибель,

Но свѣтлая сила, твой Геній благой,

Нежданно являлась тотчасъ же на помощь,

И здравъ, невредимъ приѣзжалъ ты домой.

То это Самъ-мѣдный, голова чугунная,

То это Катомъ или Морозъ-Трескунъ,

То дядька-Дубовая шапка,

То самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ,

То баба-Яга, то медвѣдь, то волкъ сѣрый,

То дивъ Вертогоръ, Вертодубъ-силачъ,

То сторожъ чудесный Ивашка,

То птица-Могуль, то бѣлая Лебедь...

Красавица-Зорька, румяня Востокъ,

Тебѣ раскрываетъ златое оконце;

Морскія царевны ведутъ твой челнокъ,

Лелѣютъ его по широкому морю...

Но въ образахъ этихъ, не батюшка-ль твой,

Дажь богъ золотой, не Перунъ ли Громовникъ?

Не дивы ли это страны той родной,

Гдѣ онъ самъ рѣдился, отколь и ты вышелъ? ¹⁰⁾

Ты помнишь и эту горячую баню,

Гдѣ парила жертвы свои старина;

И тѣхъ Опиваловъ ея, Обѣдаловъ,

Кого такъ усердно кормила она,

Пока не пресѣклись кровавыя жертвы,

И міръ поразумнѣй взглянулъ на себя;

И тотъ гребешекъ или гребень чудесный,

Что злая Недоля чесала тебя,
 Когда погружала въ безсильную спячку;
 И даже, колючій тотъ зубчикъ его,
 Чтобъ ты не проснулся отъ сна твоего,
 А заспалъ совсѣмъ первой юности время.
 Запомнилъ царя ты и бездны морской,
 И даже служилъ ему... Но его царство
 Морское, — не есть ли тотъ островъ большой,
 Гдѣ царствовалъ древле кумирь Святовита?
 Его домъ подводный не есть ли тотъ храмъ,
 Что въ древнее время былъ полонъ народа
 И всякихъ дивовинъ, гдѣ вдоль по стѣнамъ
 Хранилися груды безсчетныхъ сокровищъ?
 Не здѣсь-ли ткнулъ царь изъ рога вино,
 А вѣщій Садко — его тѣшилъ игрою
 На гуслихъ звончатыхъ,—и было пьяно
 Все царство, и пьяное море топило
 Въ верху корабли? Ты не здѣсь ли служилъ?
 Не здѣсь ли ты видѣлъ гаданья Вольшана,
 Кого зналъ ужь прежде, когда еще жилъ
 На дальнемъ Востоку; но послѣ смѣшаль ихъ
 Въ своихъ воспоминаньяхъ?

Но въ краѣ родномъ
 Всего ты яснѣе запомнилъ Микулу,
 Что ты величалъ въ это время отцомъ;
 Запомнилъ, какъ мало въ тебѣ онъ ждалъ проку
 И даже грозился— и поле, и домъ,
 Отдать старшимъ братьямъ, тогда ужь осѣдлымъ;
 Какъ онъ не однажды тебя охранялъ,
 Или отъ погони, иль силы нечистой,
 И даже порой за тебя исполнялъ
 Труднѣйшія службы... Но вотъ, понемногу
 И ты къ быту новому сталъ привыкать,
 Хоть ты никогда не любилъ работъ сельскихъ,—
 И началъ Микула тебя отпускать
 Ужъ самъ, погулять по странамъ отдаленнымъ.

А кто твоя мать? Не эта-ль она
 Царевна, что всѣмъ задавала загадки?

Ея золотая коробья полна
 Несчетныхъ сокровищъ и кладовъ чудесныхъ;
 Она всѣмъ доступна въ своей простотѣ,
 Сама-жь непрестанно собираетъ богатства;
 Весь міръ говоритъ о ея красотѣ;
 У ней полонъ дворъ жениховъ мимоѣзжихъ,
 Но трудно имъ эту невѣсту добыть,—
 Однихъ она гонитъ, съ другими лукавитъ,
 Велитъ имъ различныя службы служить,—
 Они платятъ жизнью, она богатѣетъ....
 Не только Мимирь-іотнъ погибъ чрезъ нее,
 Она не щадитъ и сыновъ своихъ кровныхъ,
 Лишь толькобъ упрочить богатство свое.
 Одинъ только младшій сынъ, богатырь рускій,
 Всѣхъ больше извѣстный, красавецъ собой,
 Выходитъ изъ всякой бѣды невредимый.

Что жъ это за витязь, всегда молодой?
 Откуда явился онъ, богатырь юный?
 Преданье различно о немъ говорить,—
 О немъ, представителѣ древне-народномъ.
 То мать его на свѣтъ бѣлый родитъ
 Отъ буйнаго Вѣтра иль краснаго Солнца,
 Испивъ золотого настоя цвѣтовъ;
 То онъ зарождается въ матернемъ чревѣ,
 Когда, средь зеленыхъ гуляя садовъ,
 Она невзначай наступаетъ на змѣя;
 «Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
 «Около чулочка шелкова,
 «Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,—
 «А втапоры она понось понесла.»

Ридъ вѣщихъ чудесъ, какъ той ночью святой,
 Когда родился божественный Кришна,
 Тотчасъ извѣщаетъ его край родной
 О витязѣ чудномъ. Пернатая птицы
 Летать въ небеса, звѣрь бѣжить въ глубь лѣсовъ,
 А рыба—въ глубь моря, Индѣйское царство
 Колеблется. Много незримыхъ враговъ
 Затѣмъ начинаютъ искать его смерти.....

Все, что ни запомнил нашъ русский народъ
 О дивномъ отцѣ его, Солнышкѣ-красномъ,
 То самое онъ и ему придаетъ,
 Какъ самому младшему Солнцеву сыну,
 И также его постоянно зоветъ
 Иваномъ-царевичемъ.

«По колѣни ноги (у него) въ чистомъ серебрѣ,
 «По локоть руки въ красномъ золотѣ,
 «На всемъ (на немъ) часты звѣзды.»

Вражая сила

Уносить младенцемъ его въ темный лѣсъ
 Иль въ дальнія горы; живеть онъ съ звѣрями,
 Съ лѣсными гигантами, въ мірѣ чудесъ,
 Всегда вовлеченный въ опасныя службы;
 Но быстро растеть,—не по днямъ, по часамъ.

То мать обучаетъ его вѣщимъ знаньямъ,
 Доступнымъ однимъ лишь безсмертнымъ богамъ;
 Она обучаетъ его рыскать волкомъ
 Или горностайкой, по чистымъ полямъ,
 Летать яснымъ соколомъ подъ облаками,
 Нырять рыбой-щукой по синимъ морямъ;
 То онъ сынъ мужичій, то юный царевичъ.
 Подобно отцу, завсегда онъ въ борьбѣ
 То съ тѣмъ, то съ другимъ; но во всякое время
 Онъ свѣтель и молодъ. Онъ носитъ въ себѣ
 Духъ вѣщій народа, онъ образъ народный;
 Смотря по эпохамъ сѣдой старины,—
 Онъ воинъ, онъ ловкій пастухъ, онъ наѣздникъ,
 Сады караулить, пасеть табуны,
 Иль ѣдетъ служить въ отдаленныя царства;
 Тамъ мертвый лежитъ онъ, средь чуждой страны,
 И вновь воскресаетъ чрезъ рядъ превращеній.

Но витязь-ли онъ, иль бездушный чурбакъ,
 Всегда онъ исполненъ таинственной силой;
 Нерѣдко въ глазахъ онъ домашнихъ,—дуракъ;
 Невѣстки бранять его часто за лѣность,
 Но онъ уѣзжаетъ изъ дома тайкомъ
 Иль тутъ-же себѣ набираетъ дружину, —

И вдругъ его имя гремитъ ужъ кругомъ,
 По дальнимъ странамъ и невѣдомымъ царствамъ.
 Привозитъ онъ разныхъ диковинъ съ собой,
 Но чаще красавиць-царевенъ; нерѣдко
 Садится царемъ или правитъ страной,
 Что самъ-же избавилъ отъ вражеской силы.

Потомъ принимаетъ онъ образъ иной,
 Онъ больше не юноша,—богатырь зрѣлый;
 Онъ больше не вѣрить ни въ чохъ, ни въ судьбу,
 А вѣрить въ свою богатырскую силу;
 Но онъ продолжаетъ все ту же борьбу
 Съ царями и съ дивами, силой нездѣшной;
 Когда-жъ озаряетъ страну новый свѣтъ,
 Опять принимаетъ и онъ новый образъ;
 Но выше его никого въ странѣ нѣтъ, —
 Затѣмъ, что онъ сила, онъ образъ народный.

Онъ въ мѣрѣ народномъ и въ мѣрѣ дружинъ;
 Онъ Вольга Всеславичъ, Добрыня Никитичъ,
 Иванъ сынъ Годинычъ, Иванъ вдовкинъ сынъ,
 Иванъ сынъ Гостиный, Потокъ сынъ Михайлычъ,
 Онъ храбрый Егорій, онъ славный Илья;
 Они его дѣти, а онъ ихъ родитель,
 Они всѣ его-же родная семья,
 Въ нихъ онъ измѣняетъ лишь прежній свой образъ,
 Какъ въ самой странѣ измѣняется свѣтъ,
 Какъ въ ней измѣняется духъ и обычай...
 Они чуть родятся, его уже нѣтъ;
 Его первообразъ,—мѣръ самый древнѣйшій.

Водилъ-ли когда онъ дружины свои
 Въ Индѣюшку древню или на Поморье?
 Служилъ-ли каганамъ Восточной земли,
 Какъ позже служилъ онъ царямъ Византійскимъ?
 Носился-ль съ полчищами скифскихъ племенъ
 На мидянъ далекихъ и царственныхъ персовъ,
 Въ то темное время, когда Вавилонъ
 Звалъ скифовъ и Росомъ, и Гогомъ-Магогомъ?
 Онъ далъ имя Росы въ начальные дни

Роднымъ рѣкамъ нашимъ, иль самъ это имя
 Отъ нихъ взялъ? Все это вопросы одни,
 Пока не отвѣтитъ на нихъ свѣтъ науки.
 Никто не рѣшилъ, что въ нихъ сказка, что былъ, —
 Исторія робко пока ихъ обходитъ;
 Одинъ про то знаетъ степной лишь ковыль,
 Да эти священныя нѣкогда рѣки ⁽¹⁾).

Не въ смутное-ль время бродячихъ тѣхъ силъ
 Онъ набралъ себѣ этихъ витязей чудныхъ
 Ирана и Инда, кѣмъ онъ окружилъ
 Потомъ свѣтъ-Владимира, красное-Солнце,
 Въ сообществѣ съ тѣми, что раньше пришли
 Оттуда-жь съ Микулой? Вѣка измѣнили
 Позднѣй имена ихъ средь Русской земли,
 И самый ихъ образъ; хотя и остался
 Въ нихъ слѣдъ первобытный, подъ грубымъ рѣзцомъ
 И грубою краской потомковъ Микулы;
 Но край нашъ вѣдъ не былъ прямымъ ихъ творцомъ,
 А придалъ имъ образъ и духъ лишь народный,
 И—такъ и оставилъ.

Не въ эти-ли-жь дни
 Младой богатырь нашъ къ намъ вынесъ съ Востока
 И всё чудеса тѣ, какъ въ сказкахъ они
 И въ древнихъ былинахъ хранятся повинѣ, —

Дворы на семи верстахъ,
 Ворота вальячатя,
 Вокругъ двора желѣзный тынь,
 Терема златоверхіе,
 Золотыя маковки,
 Сѣни рѣшетчатя,
 Гридни, крытыя сѣдымъ бобромъ,
 Оконницы хрустальныя,
 Причалины серебряныя.....

«Хорошо въ теремахъ изукрашено,
 «На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце,
 «На небѣ мѣсяцъ, — въ теремѣ мѣсяцъ,
 «На небѣ звѣзды, — въ теремѣ звѣзды,
 «На небѣ заря, — въ теремѣ заря

«И вся красота поднебесная.»

Онъ не былъ-ли лично на празднествѣ томъ,
 Когда свѣтлый Кришна, съ гостями, катался
 По синему морю, подъ пышнымъ шатромъ
 Лазурнаго неба, въ ладьяхъ, въ видѣ цаплей,—
 Крылатыхъ драконовъ, павлиновъ, слоновъ,
 Въ ладьяхъ, полныхъ блеска камней самоцвѣтныхъ,
 Подобно жилищамъ безсмертныхъ боговъ,—
 Хрустальному Меру, златому Мандару;
 Когда Чинтамани, какъ сто свѣтлыхъ лунъ
 И столько-же солнцевъ, сіяль внутри горницъ,
 А дивные звуки невидимыхъ струнъ
 Собой дополняли божественный праздникъ.

Не здѣсь-ли заимствовалъ онъ тѣхъ звѣрей,
 Что послѣ украсилъ во вкусѣ народномъ,
 Свой Соколь-корабль, гдѣ еще мудренѣй
 Характеръ означился русско-индѣйскій?..

«На мѣсто очей въ корабль вставлена

«По дороговому камню, по яхонту,

«На мѣсто бровей — по черному соболу якутскому,

«На мѣсто уса—два острые ножива булатные,

«Вмѣсто гривы—двѣ лисицы бурнатыя,

«Вмѣсто ушей—два остра копыя мурзаметскія,

«И два горноста я повѣшены,

«Вмѣсто хвоста—два медвѣдя бѣлые, заморскіе,

«Носъ, корма—по туриному,

«Бока взведены по звѣриному.....»

Не въ это-ли-жъ время заимствовалъ онъ
 Кой-что изъ оружья героевъ восточныхъ,
 И даже изъ быта бродячихъ племенъ
 Восточнаго міра, кружась непрестанно
 Среди дикихъ ордъ и кагановъ степныхъ?
 Но чей-же народъ и какой край аріискій
 Чего нибудь не взялъ изъ нравовъ чужихъ
 Въ тотъ бытъ, что онъ вынесъ изъ древней отчизны?

Онъ странствовалъ долго по разнымъ краямъ,—
 Сперва на Востокъ, въ то время столь славномъ,

А послѣ на Западѣ; нашимъ странамъ
 Не чужды издревле алтайскія орды;
 Тогда ему было чего признанъ
 У нихъ изъ оружья, ухватокъ воинскихъ;
 Но какъ теперь этотъ хаосъ разобрать?
 Какихъ не знавалъ онъ племень и народовъ?
 Какихъ не носилъ онъ и самъ, съ тѣхъ временъ,
 Совсѣмъ ему чуждыхъ, именъ и прозваній?
 Какихъ не оставилъ онъ мѣстныхъ именъ,
Что нынѣ слились всѣ въ одно, въ землѣ русской?

На Волгѣ звали Роксоланомъ его,
 По Кіеву — звали Куянинномъ,
 По полямъ звали Поланиномъ,
 По лѣсамъ — Древланиномъ;
 На Западѣ звали Рутениномъ,
 И Велетомъ, и Лютичемъ;
 А на Бугѣ — Бужаниномъ;
 На Днѣстрѣ звали Тиверцомъ,
 На Ильменѣ — Славянинномъ,
 На Днѣпрѣ — Сѣверянинномъ,
 На Двинѣ — Полочаниномъ,
 У Грековъ-же Скифомъ, Сарматомъ, Болгаринномъ,
 Въ Карпатахъ и въ Скандинавіи —
 Великаномъ, Горожаниномъ;
 А въ иныхъ мѣстахъ и никто не зналъ,
 Какого онъ рода - племени,
 Какъ звать, величать его по имени,
 Какъ чествовать по изотчеству;
 Звали его просто богатыремъ Сѣвернымъ,
 «Надъ семидесятью землями богатыремъ.»

Съ временъ отдаленныхъ, съ невѣдомыхъ дней
 Родная намъ Волга звалась уже Расой;
 Притоки Наревы у прежнихъ людей, —
 И Нѣманъ, и Полоть, носили названье
 И Росы, и Русы; нашъ Днѣпръ той порой
 Звался также Расой; еще рѣка Руса
 Текла Новгородской Полночной страной,
 И Расой граничилъ край древній Поруссовъ.

Съ Полудня немало шло русскихъ князей
 Съ дружинами ихъ на родное Поморье,
 И тамъ было много отважныхъ вождей,
 Носившихъ названье Руянъ и Рутеновъ....
 То были-ли прямо родные сыны
 Древнѣйшаго Роса, иль люди другіе?
 Гдѣ онъ былъ въ то время? Какія страны
 Тогда воевалъ? Какъ въ тѣ дни назывался,
 Когда вновь предсталъ? Изъ какого гнѣзда
 Взлетѣлъ онъ впервые?... Теперь позабыто;
 Но съ древней поры ужъ сіяетъ звѣзда
 Его между Понтомъ и моремъ Хвалынскимъ;
 На быстромъ Днѣпрѣ — его край былъ родной,
 По Кіеву звали тотъ край Кунигардомъ,
 Великой Кіанской и Гунской страной,
 Гдѣ праздновалъ долго онъ праздникъ русалий;
 Весь Сѣверъ широкій, гдѣ въ чащѣ лѣсной
 Стояли Славянскъ и великій Новгородъ,
 Считался издревле славянской землей,
 И долго еще, звался Славіей древней;
 На Понтѣ Эвксинскомъ, межъ храбрыхъ хазаръ
 И дальнимъ Дунаемъ, по городу Аргу,
 Гдѣ былъ постоянно торговый базаръ
 Славянъ и арабовъ,— страна называлась
 Артаніей; послѣ-жь извѣстна у насъ
 Подъ именемъ новымъ уже, Таматарха
 И Тмутаракани.

Отсюда не разъ

На мелкихъ судахъ онъ носился съ дружиной
 По синему морю въ глубь западныхъ странъ,
 И тамъ доплывалъ до воротъ Геркулеса;
 Былъ въ древней Севильѣ онъ,—и какъ бурянь,
 Пронесъ по странамъ тѣмъ ужасное имя
 Воинственныхъ Руссовъ; а островъ Тамань
 И самый Эвксинскій Понтъ, гдѣ онъ издревле
 Свою наложилъ богатырскую длань,
 Звались со временъ незапамятныхъ — Русью ¹²).

Давно также знала его старина

Подъ чуждымъ названіемъ Атея, Анта,
 Которое дали ему племена
 Востока; а послѣ и Готы, и Греки.
 Но онъ никогда еще такъ не бывалъ
 И силенъ, и страшенъ сосѣднимъ народамъ,
 Какъ въ славные дни тѣ, когда онъ предсталъ
 Преемникомъ князя Кіянъ—Балеміра.
 Тогда цѣлый міръ передъ нимъ трепеталъ,
 А Западъ прославилъ бичемъ его Божьимъ,
 Исчадіемъ ада; но край величалъ
 Его—своимъ батькою, Солнышкомъ—краснымъ
 И просто—Медвѣдемъ. Онъ гонитъ враговъ
 Съ Днѣпра и Дуная; предъ нимъ ужъ трепещутъ
 И Римъ и Царьградъ,—и впервые покровъ
 Спадаетъ туманный съ Славянскаго міра ¹³).

Лишь только пронесся по царстну славянъ
 Его богатырскій кличъ, въ мигъ отозвались
 И Днѣпръ нашъ Словутичъ, и край Поморянъ,
 И горы Карпаты, и дальнія Лаба.....

Изъ первыхъ очулся сынъ Ваны благой,
 Воинственный Вандалъ, извѣстный издревле
 Сосѣднимъ народамъ торговлей морской
 И силой воинской. Старѣйшій изъ вановъ,
 Отецъ-патріархъ, онъ желалъ всей душой
 Давно собрать кровныхъ сыновъ во-едино;
 Его внукъ отважный, молодой Яровитъ
 Ходилъ съ сильнымъ войскомъ противъ легионовъ
 Державнаго Рима; но богъ Святovitъ
 Былъ противъ обширныхъ и прочныхъ союзовъ;
 Единство бѣжало славянскихъ племенъ,
 Они закоснѣли въ непрочной свободѣ,
 И ясное солнце новѣйшихъ временъ,
 Застало ихъ въ тѣхъ-же бесплодныхъ раздорахъ.

На Западъ, явился другой исполинъ, —
 Глава Лонгобардовъ, всемірный торговецъ,
 А на морѣ—главный вожь лютыхъ дружинъ
 Велетовъ и Вагровъ, тогда самыхъ хищныхъ

Прибрежныхъ пиратовъ.

На Вислѣ возсталъ

Еще сынъ могучій божественной Ваны, —
 Вождь Лиговъ и Ляховъ, что долго держалъ
 Подъ игомъ своимъ кровныхъ братьевъ, Силезцевъ,
 Имѣвшихъ впоследствии особыхъ вождей
 И жившихъ отдѣльно, вокругъ рѣки Слезы.

На Полдень отсюда, средь злчныхъ полей
 Торговой ужъ Лабы, гдѣ городъ былъ Липецкъ,
 Возсталъ, съ отдаленной еще старины
 Извѣстный въ мѣстахъ этихъ древнему Риму,
 Сѣдой богатырь всей Сорабской страны,
 Кого называлъ онъ вождемъ, то Херусковъ,
 То Готовъ Восточныхъ. Вождь этотъ сломилъ
 Его легіоны въ лѣсахъ Тевтобургскихъ,
 Гдѣ Римъ, потерявъ часть своихъ лучшихъ силъ,
 Лишился Германика. Послѣ явился
 Онъ съ помощью, призванныхъ съ Волги, аланъ,
 На берегъ Дуная; какъ туръ круторогій,
 Онъ тамъ ворвался въ среду греческихъ странъ,
 И долго топталъ Византійское царство, —
 Пока утомился. Не разъ попадалъ
 И нашъ край Днѣпровскій ему подъ копыта;
 Но грозный Аттила до корня сломалъ
 Потомъ рогъ кичливый ему, и забросилъ
 За быстрый Дунай.

По Карпатамъ глухимъ

Вставалъ богатырь, князь воинственныхъ Чеховъ,
 И Боевъ, кого по лѣсамъ ихъ густымъ,
 Сперва называлъ Римъ Германуромъ и Квадомъ;
 Но послѣ, узнавши внутри сихъ лѣсовъ
 Теченье Моравы, сталъ звать Маркоманомъ.
 Здѣсь нѣкогда жилъ ужасъ Римскихъ орловъ,
 И бичъ ихъ, могучихъ еще, легіоновъ,
 Великій Нарбой, вождь любимый славянъ,
 Которыхъ онъ собралъ почтивъ одно царство,
 Ослабивъ раздоры враждующихъ странъ
 И круто смирилъ ихъ разумною властью.

Казалось, такъ близокъ единства былъ часъ;
 Но вспрынулъ упрямый, воинственный Ярманъ,
 И съ дикимъ упорствомъ разрушилъ заразь
 Его гениальный непонятый замысль.

Отъ моря Венетовъ до темныхъ лѣсовъ
 И высей Дунайскихъ, возсталъ нашъ старинный
 Славянскій Горня, что столько вѣковъ
 Подъ властью былъ Рима,—возсталъ узленный,
 Но все не смиренный тяжелымъ мечемъ
 Властителя міра,—онъ, праотець Ретовъ
 Иль древнихъ Словаковъ, извѣстныхъ потомъ
 Подъ мѣстнымъ названьемъ Паннонцевъ, Норійцевъ,
 Бенетанъ, Далматовъ, и прочихъ племень,
 Сидящихъ по Истру и въ Крайнѣ-гористой;
 Тотъ дивъ, что въ началѣ древнѣйшихъ временъ
 Владѣль, можетъ, всею страной заальпійской,
 До царства Латиновъ; пока юный Римъ,
 Усилясь, откинулъ его опять въ Альпы;
 Но даже и тутъ, съ славнымъ родомъ своимъ,
 Онъ все еще страшенъ царю былъ вселенной.
 Божественный Августъ позднѣй наводнилъ
 Его край опасный своими полками,
 И лучшихъ въ народѣ людей расселилъ
 По дальнимъ владѣньямъ всемірнаго царства,
 Куда они вмѣстѣ съ собой принесли
 Печальный разсказъ о своихъ злоключеньяхъ,
 О страшномъ разгромѣ *Словенской* земли,
 А съ этимъ, и новое имя ихъ—*Склавовъ*.

На Сѣверо-Западъ Дуная, вставалъ
 Поклонникъ Велеса, вождь Западныхъ Вендовъ,
 Кого дальній Римъ въ эти дни называлъ
 Вождемъ вольныхъ Франковъ.....

За нимъ начинались
 Владѣнія Швабовъ, что слыли въ тѣ дни,
 Подобно Нѣметамъ, Тевтонамъ и Саксамъ,
 Еще дикарями; такъ были они
 Тогда во всемъ ниже народовъ славянскихъ;
 Особенно Саксы, — насильемъ своимъ

*

И звѣрствомъ, стяжавшіе грустную славу
 Въ славянскомъ Поморьи. Подобны другимъ
 Иль хуже еще, были Фризы, Батавы,
 И жили въ болотахъ....

Но дивнй раздоръ
 И тутъ заявилъ себя въ мірѣ славянскомъ,
 Какъ это бывало всегда, когда споръ
 У нихъ заходилъ о народномъ главенствѣ
 Или о единствѣ. И вождь-исполинь
 Воинственныхъ вицдовъ, позднѣйшихъ сихъ франковъ,
 Пошелъ, во главѣ своихъ храбрыхъ дружинъ,
 Не въ край придунайскій, куда шли другіе;
 Но прямо примкнулъ онъ къ стариннымъ врагамъ
 Славянъ,—къ легионамъ отжившаго Рима.....
 Кто могъ тогда знать, что славянскимъ землямъ
 Вождь этотъ готовитъ ихъ смертную чашу! ¹⁴).

Въ то время Микулу какъ бы не видать,
 Среди этихъ полчищъ и бранной тревоги;
 Отвсюду собирается грозная рать,
 Изъ разныхъ племенъ, и земель, и языковъ;
 Сверкаетъ оружье, шумитъ сборный міръ,
 Далеко гремитъ кличъ, призывъ богатырскій—
 «Надъ семидесятью землями богатыря;»
 Сзываетъ всѣхъ братьевъ-славянъ онъ на пиръ;
 Однако и мирный Микула не празденъ.
 Пусть вѣщая сошка стоитъ той порой
 Въ закутѣ глухомъ, а кобылка гуляетъ
 Въ лугахъ заповѣдныхъ; пусть онъ, нашъ родной,
 Запряталъ и скарбъ свой домашній подальше;
 Но этотъ всемѣстный, воинственный сбродъ
 И самый пиръ бранный, Микулѣ не чужды:
 Микула—князь рода; его міръ-народъ
 Имѣетъ свою также долю въ движеніи.
 Микула встрѣчаетъ родимыхъ гостей,
 Онъ имъ собираетъ священные жертвы,
 И самъ снаряжаетъ въ путь бранныхъ людей;
 Его вѣдунъ, его вѣщая дѣва,

Гадаютъ, о темномъ исходѣ войны,
 Поддуютъ оружье, сряжаютъ наузы;
 Сыны его скоро уйдутъ изъ страны, —
 Дорога неблизкая, нужны запасы;
 Храбрецъ селянинъ разстается съ семьей, —
 Микулѣ ничто въ этихъ сборахъ не чуждо;
 Всѣ мѣръ-народъ, — воинъ; его мандитъ бой,
 Онъ выросъ, рожденъ средь кровавыхъ побоищъ;
 Въ Микулѣ пылаетъ огонь боевой,
 Онъ самъ вожь пародный....

Въ глуши лѣсовъ темныхъ
 Свершаютъ гаданья; по всѣмъ высотамъ
 Приносятся жертвы богамъ вѣковѣчнымъ.
 Обрядъ измѣнился по разнымъ мѣстамъ
 Славянскаго міра; у каждаго края
 Былъ свой обрядъ мѣстный, любезный богамъ
 И ихъ жрецамъ вѣщимъ.

Вотъ солнце садится, —
 Микула идетъ чуть пробитой троной
 Въ высокомъ бурьянѣ, къ священному бору.
 На Западѣ, ярко еще, золотой
 Сіяетъ щитъ свѣтлаго сына Сварога;
 Микула проходитъ подъ сѣнью дубовъ,
 Раскинутыхъ врозь по окраинѣ бора,
 Какъ рядъ исполинскій зеленыхъ шатровъ
 При входѣ къ широкому, темному стану.
 Еще тутъ свѣтло; съ незакрытыхъ сторонъ
 Сіяетъ сквозь вѣтви вечернее солнце,
 Играя по листьѣ, — и онъ принужденъ
 Порой уклоняться отъ яркаго свѣта.

Но вотъ онъ, съ святою молитвой въ устахъ,
 Вступаетъ въ прохладный, таинственный сумракъ
 Нависшихъ деревьевъ; боръ спитъ ужъ въ потьмахъ,
 Какъ бы очарованный тихой дремою.
 Его обдаетъ всего влагой сырой
 И запахомъ свѣжимъ древеснаго листа, —
 И трепеть священный объемлетъ душой,
 Вѣщая о тайномъ присутствіи бога;

Чѣмъ глубже Микула уходитъ впередъ,
 Тѣмъ чаще и гуще сплетаются вѣтви;
 Потомъ образуютъ онѣ темный сводъ, —
 И глуше все, звонче становится сумракъ;
 Но даже и въ этихъ потьмахъ зоркій взоръ
 Почти сочесть можетъ кругомъ всѣ деревья, —
 Такъ чисто, опрятно содержится боръ,
 Сей храмъ живой бога.

Мелькая по чащѣ,

Микула идетъ, едва видной тропой,
 Въ глубь самую бора; потомъ тропа скрылась, —
 На мѣсто травы, то шуршить мохъ сухой,
 То кусты брусники хрустятъ подъ ногами;
 Вотъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ глухомъ,
 Какъ будто на встрѣчу ему кто несется,
 Ломая сухія вершины крыломъ;
 За нимъ, кто-то кривнулъ протяжно, заохалъ,
 И снова нѣмое безмолвье кругомъ;
 Опять, будто грузное что-то свалилось,
 И въ слѣдъ, раздался вдругъ пронзительный свистъ,
 Все ближе и ближе, — вздрогнувъ, закачался
 На дремлющихъ вѣтвяхъ проснувшійся листъ,
 И снова все тихо въ таинственномъ мракѣ.

Но вотъ просвѣтлѣло межъ дальнихъ деревъ,
 Оттуда пахнуло озерною влагой,
 Раздвинулся боръ, какъ рядъ темныхъ столбовъ,
 Открылась окрайна зеленаго луга,
 Какъ будто широкій, блестящій коверъ,
 Раскинутый яркимъ пятномъ въ отдаленнѣ,
 Лаская уставшій отъ сумрака взоръ
 Своей еще свѣтлой, густой муравою.
 Вокругъ всего луга — плетень; а внутри, —
 Какъ призракъ туманный, духъ этого бора,
 Закутанный въ вѣтви густыя свои,
 Священный дубъ, — древо святое, жилище
 Незримаго бога. Отсюда кругомъ
 Бѣжить лабиринтъ чуть замѣтныхъ тропинокъ,
 И вновь исчезаетъ во мракѣ лѣсномъ.

Микула подходит къ замкнутому лугу;
 Когда повернулся онъ,—длинной трубой
 Раздвинулся боръ; изъ далекой крайны
 Мелькнулъ еще свѣтъ, и опять полосой
 Исчезъ межъ деревьевъ. Микула откинулъ
 Съ молитвой воротцы, и выпелъ на лугъ.

Предъ нимъ появился навѣсъ деревянный,
 На тонкихъ столбахъ, осѣненный вокругъ
 Зеленою листвою; на крышѣ чернѣютъ
 Истлѣвшіе гонты, съ тяжелой рѣзбой
 Кавихъ-то чудесныхъ цвѣтовъ и животныхъ;
 Тутъ свалены грудой одна на другой,
 Дубовыя скамьи; а дальше чернѣютъ
 Котлы, ендовищи, столы для пировъ,
 Священная утварь великаго бога.

У многихъ племень,—кромѣ главныхъ жрецовъ,
 Никто не входилъ въ мѣста эти. Такъ было
 На древнемъ Поморьѣ; но русскій народъ
 Имѣлъ свой особый, какъ видно, обычай ¹⁵).
 Микула, съ молитвой, поспѣшно мететь
 Сначала подъ сѣнью священнаго дуба,
 Потомъ остальной лугъ. Весь боръ одѣтъ тьмой;
 Но вотъ, передъ нимъ обозначился ямо
 Тайственный остовъ колоды большой,
 Со впадиной, ровно какъ лечь человѣку;
 Внизу стоѣтъ для крови, откуда она
 Свѣгала въ котлы, для священныхъ гаданій;
 А дальше, олизъ дуба,—во тьмѣ чуть видна,
 Широкая яма, съ золою и углемъ,
 И вокругъ нее, таже остатки золы,
 И темныя пятна запекшейся крови.

Съ земли потянулись струи сѣрой мглы;
 Но онъ ужъ разставилъ скамейки рядами,
 Взявъ въ руку котель и поспѣшно идетъ
 Другимъ путемъ въ чашу. Открылась ложбина;
 На встрѣчу Микулѣ сильнѣе несетъ,
 Сквозь вѣтви деревьевъ, холодную влагой,
 Трава поднялася; Микула ступилъ

Промокшей ногой по высокой осоке, —
 Подъ нимъ однѣ кочки; въ вѣтвяхъ засквозилъ
 Опять блѣдный свѣтъ, и тотчасъ же открылась
 Глубь звѣзднаго неба, какъ будто вверхъ дномъ,
 Въ низу отразившись на зеркалѣ свѣтломъ
 Дремавшаго озера.

Ночь ужь кругомъ;

Торжественно—ясно прозрачное небо,
 Дрема тихо бродитъ по темнымъ дубамъ,
 Листовъ не шелохнетъ въ таинственномъ борѣ;
 Но жизнь не смолкаетъ по звонкимъ брегамъ
 Рѣки или озера, вплоть до разсвѣта.
 Вотъ будто кто плещется въ свѣтлыхъ струяхъ,
 Иль крадется тихо по дремлющимъ вѣткамъ;
 Вотъ что-то несется на легкихъ крылахъ
 И хлопнулось прямо въ вздрогнувшую воду;
 А тамъ поднялся блѣдной струйкой туманъ
 И тихо клубится надъ сошной водою;
 Изъ темныхъ кустовъ, какъ сѣдой великанъ,
 Глядитъ мракъ угрюмый таинственной ночи;
 Порою раздастся прибой спящихъ водъ
 Иль вдругъ налетитъ вѣтерокъ на деревья;
 Но слушайте, кто это, будто поетъ?
 Иль это камышъ шелеститъ вдоль побережья?...

«Сестрица, голубушка!

«Среди лѣсовъ дремучихъ

«Костры горять высокіе,

«Котлы кипятъ випучіе,

«Скамьи стоятъ дубовыя;

«На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,

«И точитъ онъ булатный ножъ:

«Хотятъ меня зарѣзати».

«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!

«Горючь камень ко дну тянетъ,

«Трава шелкова на рукахъ свилась,

«Желты пески мнѣ грудь сосутъ».

Микула, — онъ знаетъ кто гдѣсно поетъ, —
 Микула, черпнувши воды котель полный,

Опять той же влажной тропою идти
 По чутвому берегу въ темному бору.
 Онъ все изготовилъ на завтрашній день,
 День жертвы богамъ, — и идетъ въ путь обратный.
 Еще стала глуше дремучая сѣнь
 Завѣтнаго бора; закликали дивы,
 Захлопали лѣшіе въ мракѣ сѣдомъ;
 Въ отвѣтъ имъ, слышался хохотъ русалокъ,
 Уснувшій боръ будто проснулся кругомъ,
 Какъ бы предвкушая торжественный праздникъ.

Вдали, предъ Микулой блеснулъ снова свѣтъ,
 Въ травѣ затрещалъ коростель, сквозь деревья
 Мелькнулъ край прозрачнаго неба, и вслѣдъ
 Слышалось близко мычаніе стада;
 Съ небесъ юный мѣсяцъ уставилъ рога,
 Во мглѣ разливаются звуки свирѣли, —
 Играетъ Велесъ... И поля, и луга,
 Покрыты, какъ море, волнами тумана;
 Нѣмая окрестность глубокимъ спитъ сномъ,
 Чуть слышенъ бузничекъ. Микула подходитъ
 Къ жующему стаду, неровнымъ бружкомъ
 Лежащему въ сочной травѣ, подъ охраной
 Небеснаго пастыря; много коней
 И тучныхъ быковъ приготовилъ Микула,
 Для завтрашней жертвы; заборъ изъ жердей
 Имъ служить оградой на время ночное.

Онъ скоро вошелъ въ огороженный дворъ;
 Протяжно во тьмѣ заскрипѣли воротцы,
 И хлопнулись глухо въ вздрогнувшій заборъ;
 Онъ выбралъ, что надо, на завтра, — и вышелъ,
 Шагая обратно опушкой лѣсной
 По влажной травѣ межъ кустовъ и бурьяна,
 То весь озаренный серебристой луной,
 То вновь исчезая въ таинственномъ мракѣ.

Подходить къ жилищу. Стрѣлою летятъ
 Къ нему псы навстрѣчу, еще издалека
 Махая хвостами, и нѣжно визжать
 И вьются въ пыли у него подъ ногами;

Заржала кобылка, почувавъ въ вустахъ
 Роднаго хозяина; въ спящихъ палатахъ
 Прощель домовой, повозился въ потьмахъ,
 Пошарилъ по двери, и вновь все умолкло.

Микула спустился ужъ въ погребъ глухой,
 И катить оттуда стоялыя бочки
 Съ забористымъ медомъ и брагой хмѣльной,
 Выносить ковриги печенаго хлѣба
 И сыръ свой домашній, тварожный, въ кружкахъ;
 Кладеть онъ все это на сѣно, въ телѣги,
 Что съ вечера тутъ же стоять въ воротахъ,
 На завтрашній праздникъ, на пиръ богатырскій,
 И міру-народу, и богатырямъ,
 Идущимъ въ путь дальній; чтобъ было и пвтій,
 И брашенъ въ обильи, на жертву богамъ
 И всѣмъ на веселье, — и крохъ бы осталось
 И звѣрю, и гаду, и птицѣ земной,
 И птицѣ небесной.

Но вотъ, засвѣтало;
 Замѣтно, рѣдѣетъ мракъ ночи сѣдой.
 Притихъ коростель, затуманились звѣзды,
 Зардѣлся румяной зарей небосклонъ,
 Захлопалъ крылами пѣтухъ подъ навѣсомъ,
 Чиликнули птички, слетѣлъ съ земли сонъ...
 Микула давно ужъ въ бору заповѣдномъ:
 Готовить тамъ жертвы, ждетъ кровныхъ гостей, —
 И самъ, въ санъ высокій теперь облеченный,
 Въ святой санъ жреца, что отыскони дней
 Ему принадлежитъ, какъ старшему въ родѣ.

Шумить боръ священный. Отколь кто припелъ;
 Ржутъ кони, мелькаютъ косматые чубы,
 Бряцаетъ оружье, мычитъ тучный волъ,
 Свершаются жертвы, вѣщбы и гаданья;
 Горять костры, льется питье на весь міръ,
 Возносится слава богамъ вѣковѣчнымъ;
 Лежать грудой яства, гремитъ буйный пиръ,
 Довольны и люди, и свѣтлые боги...

«Среди лѣсовъ дремучихъ

«Огни горять высокіе,
 «Котлы кипятъ кипучіе,
 «Скамьи стоятъ дубовыя,
 «На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,
 «И точитъ онъ булатный ножъ».

Придетъ чередъ плѣнныхъ, начнутъ причитать
 Оленушка съ братцомъ-Иванушкой; крикомъ
 Побѣднымъ отвѣтитъ имъ дикая рать,
 И все заглушитъ пѣснь богамъ вѣковѣчнымъ.

Дарилъ тутъ Микула потомковъ своихъ,
 Дарилъ не серебромъ и не золотомъ ихъ,—
 Дарилъ онъ, Микула, ихъ—личной свободой,
 Дарилъ—золотымъ побратимствомъ дружиннымъ,
 Дарилъ ихъ—любовью святой къ земледѣлю;

Они-жь дары эти родимой земли,
 Дары тѣ Микулы, отсель разнесли
 По Римской землѣ и по Западнымъ царствамъ;
 Они разнесли ихъ по цѣлой Европѣ,
 Смѣнивъ городской ея мѣръ—деревенскимъ ¹⁶⁾.

Не буйные вѣтры въ степяхъ поднимаются,
 Не море-океанъ изъ береговъ разливается, —
 Подымается нашъ русскій старинный богатырь,
 Съ силой грозной своей, со Полуночной.

Не младъ-сизокрылый орелъ среди соколовъ
 Летитъ по поднебесью,
 Летитъ онъ, нашъ славный, старинный богатырь,
 Со дружинишкой своей храброю,
 Съ полгами безсчетными...

Гдѣ вонь его ступитъ, трава не растетъ,
 Завидѣвъ его, звѣзды падаютъ,
 Великія царства передъ нимъ разступаются,
 А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огнѣ.

За нимъ идутъ, ѣдутъ, богатыри, витязи,
 Богатыри, витязи,—силушка несмѣтная,
 Съ равнины Днѣпровской, съ береговъ Волги матушки,
 Съ родимаго Дона, съ Поморья богатаго;
 На борзыхъ коняхъ, въ доспѣхахъ кованыхъ,

Въ кольчугахъ булатныхъ, въ шишакахъ позолоченныхъ,
Чубы косматые, бородищи лопатою...

Сверкаютъ ихъ копыя, мечи, тяжкіе молоты,
Блестятъ топорщица, влевцы трехгранные...

За ними несутся на быстрыхъ конькахъ,
На быстрыхъ конькахъ, на степныхъ бѣгунахъ,

Орды заволжскія, полчища Хвалынскія, —

Бородки тощія, тараканьи усы,

Тараканьи усы, сафьянъ-сапоги;

Звенятъ сабли острыя, волчаны пернатые,

По лукамъ сѣдельнымъ — арканы намотаны...

За ними, изъ темныхъ дремучихъ лѣсовъ,

Нестройныя полчища лютыхъ Волковъ,

Велетовъ, Древяновъ, Гуней оборванныхъ, —

Ножи у нихъ острые, дубинки вязовыя,

Рогатины длинныя, желѣзныя палицы;

На плечи накинута шкура звѣриныя,

Бороды всклоочены, груди обнаженныя. —

Иные по тѣлу, какъ змѣи, расписаны...

Дрожить мать сыра-земли, лѣса разступаются,

А мутныя рѣки, отъ силы безчисленной,

Отъ силы безчисленной, въ берегахъ колышатся.

Идутъ они, скачутъ, — богатыри, витязи,

Валить сила грозная; дивы, съ вершинъ деревъ

Пути имъ дороги незнаемы слушаютъ;

А сѣрые волки по сторонамъ бѣгутъ,

По рѣчинькамъ броды, переправы развѣдываютъ.

Валить сила грозная, — поетъ, потѣшается,

Въ богатырскія игры поигрываетъ;

Трубить турьи рога, поютъ трубы мѣдныя,

Тарелочки звонкія, бубны позвякиваютъ;

Удальцы-молодцы, приставивъ щиты въ губамъ,

Залихватски посвистываютъ.

Далеко гремитъ пѣснь молодецкая,

Про бѣлыхъ лебедокъ, поля Сарачинскія,

Про дальню сторонушку, царства Восточныя,

Гдѣ, добрые молодцы, они встарь погуливали.

Глядитъ Дажьдбогъ съ небесъ, красное Солнышко,

Златыми лучами, какъ желтымъ онъ хмѣлемъ,
 Какъ желтымъ онъ хмѣлемъ, посыпаетъ на нихъ;
 Глядитъ на внучатъ своихъ старый Сварогъ,
 Разстидаетъ Сварогъ имъ путь скатертью;
 А буйные Вѣтры, внуки Стрибоговы,
 Они, Вѣтры буйные, пѣсни ихъ слушаютъ.
 По бѣлому свѣту ихъ пѣсни пересказываютъ.

Далеко позади, скрипятъ телѣги немаяныя;
 Жены, матери, на облучкахъ сидятъ,
 На удалцовъ-молодцовъ своихъ посматриваютъ.
 Одежку имъ, сбрую ратную налаживаютъ,
 Кровавыя раночки у нихъ залѣчиваютъ,
 Судьбу, долю вѣщую, имъ разгадываютъ... ¹⁷⁾.

.

Но сумракъ событій ужь быстро свѣталъ!..
 Надъ сказочнымъ міромъ всходило свѣтило
 Исторіи, — новый Богъ свѣта вступалъ
 На горній престолъ возрожденной вселенной.
 Средь Римскаго царства свершалась судьба
 Отжившаго древняго міра, — слагался
 Земль новый жребій... Еще шла борьба,
 Но Богъ самъ небесъ былъ рѣшителемъ спора.

Вокругъ Селяниныча жутко, темно,
 Вновь стало, какъ прежде. Богатырь славный,
 Кому было свыше какъ бы суждено
 Поднять и устроить славянскія силы,
 Исчезъ, какъ предсталъ, — лишь кровавой чертой
 Означивъ свой путь по смятенной Европѣ.
 Откуда предсталъ онъ? Кто былъ онъ такой?
 Покрылось туманомъ Пока Югъ и Западъ
 Сбирали обломки своихъ павшихъ сля,
 Разбитые на смерть ужаснымъ погромомъ, —
 Его ужь и слѣдъ богатырскій простылъ,
 Оставивъ въ народахъ лишь смутную память.

Волшебница-Вача опять ожила,
 Славянскій міръ быстро возсталъ на Поморьѣ;

Съ его странъ исчезнула прежняя мгла...
 Торговля кипитъ въ его градахъ Поморскихъ
 И вдоль славной Лабы; въ главѣ городовъ
 Являются Волинъ, Аркона и Ретра;
 Ихъ гавани полны торговыхъ судовъ;
 Ихъ витязи ходятъ служить къ дальнимъ грекамъ...
 Что-жь дѣлалъ Микула нашъ въ краѣ родномъ?
 Его мѣръ стихійный остался далеко;
 Живой мѣръ яснѣль, свѣтъ врывался кругомъ,
 Древнѣйшіе грады всплывали изъ мрака,
 Градъ Кіевъ вставалъ въ новомъ видѣ своемъ,
 Самъ мѣръ богатырскій другой принялъ образъ...
 Титанъ Святогоръ былъ ужь богатыремъ,
 Въ немъ сталъ проявляться духъ новый Самсона, —

«У того въ головѣ блестятъ

«Семь волосовъ ангельскихъ;» ¹⁸⁾

Степной Кольванъ, какъ и въ прежніе дни,
 Бродилъ по степямъ; но чудесный князь Вольга
 Искалъ ужь себѣ господина; они
 Изъ силы бродячей вступаютъ въ дружину;
 Древнѣйшій Сухманъ, дивъ стихійный, — и тотъ
 Давно принялъ образъ и видъ человѣка;
 Онъ бродитъ еще по лѣсамъ, онъ ведетъ
 По заводямъ тихимъ войну съ вражьей силой;
 Но также — стрѣляетъ гусей, лебедей,
 Владиміру-князю.

Не онъ ли, быть можетъ,
 Какъ сынъ бога-Солнца, занесъ къ намъ въ страну,
 Въ лѣса первобытные наши, служенье
 И богу-Агни, что въ Литвѣ встарину
 Горѣлъ очень долго, подъ именемъ Знича?

Сухманъ весь израненъ; но что ему въ томъ!
 Нѣтъ мѣста живаго на немъ; но Сухману
 Все, видно, здорово. Онъ только молчкомъ
 Изъ раночки вынетъ каленую стрѣлку,
 Приложить къ ней маковый алый листокъ,
 И снова онъ бродитъ съ тяжелой дубиной;
 Глядитъ, не мутится-ль въ Днѣпрѣ гдѣ песокъ,

Въ брегахъ не мельчаютъ ли быстрыя воды, —
Идутъ враги, значить. Не то, такъ къ нему
Бѣгутъ сами рѣки: «вставай, богатырь нашъ,
Нѣтъ больше проѣзда чрезъ насъ никому;
Какъ туча за тучей, — орда за ордою...»
Но будь ихъ и больше, — ему все равно!

«Не честь, не хвала молодецкая,
«Не отвѣдать силы татарскія,
«Татарскія силы невѣрныя;»

Какъ будто судьбами ему суждено, —
«Свою дубинку-вязиночку,
«А въ той дубинѣ девяносто пудъ,
«Расщепать ее на мелки щепы;»

А послѣ, разлить я рѣкою кровавою:

«Потеки Сухманъ-рѣка,
«Отъ моя крови отъ горючія,
«Отъ горючія крови отъ напрасныя»¹⁹⁾.

Въ землѣ Новгородской, на главномъ посалствѣ.

Сидитъ уже хитрый, угрюмый Буслай
Буслаевичъ; строго онъ держитъ порядокъ
Въ своемъ новомъ городѣ; Сѣверный край,
Замѣтно, ужъ чуетъ ярмо его власти;
Но въ городѣ славномъ, какъ соколъ молодой,
Ему подростаетъ сынонь и преемникъ,
Грядущій вождь этой дружины морской,
Что долго гуляла по рѣчишкамъ быстрымъ,
По заводамъ тихимъ, стрѣляла гусей
И уточекъ сѣрыхъ, — тотъ Васька Буслаичъ.
Что знать не хотѣлъ и не зналъ ни властей,
Ни грозныхъ законовъ, ни родственныхъ связей,
Ни храмовъ Господнихъ, ни вѣщей судьбы,
А зналъ только Васька широкую волю.
Искалъ лишь добычи, удадой гульбы, —
Иль быть атаманомъ, или сломить шею!
И точно, недолго ее онъ сносить, —
Запнулся онъ гдѣ-то о бѣль-горючъ камень,
И тутъ же и голову Васька сложилъ;
По сказу другихъ же, его поглотила

Пасть тысячеглазой Пучины морской, —
И сгинулъ онъ, Васька, съ поры той навѣки ²⁰).

Въ Новгородѣ могъ также этой порой
Явиться и славный Садко. Онъ задумалъ
Однажды хвалиться своею казной, —
Затѣялъ скупить весь товаръ Новгородскій.
Скупалъ онъ, скупалъ, а товаръ все растеть;
Лишь тутъ Садко понялъ, что какъ ни богатъ онъ,
Но первый на свѣтѣ богачь — мѣръ-народъ.
Възжалъ онъ съ товаромъ своимъ и по Волгѣ,
Привезъ разъ Ильмену отъ Волги поклонъ;
За это Ильмень, богатырь Новгородскій,
Дарилъ его рыбой, — и сдѣлался онъ
Еще тутъ богаче ²¹).

Но все не смолкала

Усобицъ гроза, истребляя въ конецъ
Мѣръ древній славянскій. Родное Поморье, —
Древнѣйшій народный оракулъ, вѣнецъ
Торговли его, — было полно смятенья.
Недобрыя вѣсти оттуда текли
По цѣлому краю; раздоры мертвили
Послѣднія силы славянской земли.
Былой богатырскій мѣръ всюду кончался,
Сварогово царство, — мѣръ древнихъ боговъ
И рощей священныхъ, съ глухимъ трескомъ падалъ,
Подъ тяжелой сѣкирой сильнѣйшихъ враговъ,
Вносившихъ, — не древнюю вѣру Одина,
А новаго Бога. Изъ странъ Южныхъ шли
Къ Мивулѣ какіе-то чудные люди,
И въ край его, все еще темный, несли
Со свѣтомъ духъ новый.

Какъ въ древнее время,

Когда Селянинычъ впервые вступалъ
Съ своимъ славнымъ родомъ въ край этотъ Полночный,
Тогда ему чуждый, — какъ онъ очищаль
Въ то время край этотъ отъ дивовъ старинныхъ;
Такъ точно теперь въ этомъ краѣ родномъ,
Другой богатырь шель, — шель богатырь новый,

А можетъ, и прежній, но въ видѣ иномъ, —
 И край очищаль онъ отъ дивовъ и чудищъ
 Язычества: былъ то Егорій святой,
 Въ то время Микулѣ еще неизвѣстный;
 Устраивалъ онъ, свѣтъ-Егорій благой,
 Край русскій къ принятію вѣры Христовой.

«Пріѣзжалъ онъ къ лѣсамъ темнымъ:

«Ой же вы, лѣса, лѣса темные!
 «Полноте-ка врагу вѣровать,
 «Вѣруйте-ка въ Господа распятаго,
 «Въ самага Егорія-свѣта храбраго.
 «Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
 «Строить буду церкви соборныя, богомольныя.

«Ой вы, горы, горы высокія!

«Полноте-ка врагу вѣровать,
 «Я на васъ буду спускаться,
 «Буду строить церкви соборныя, богомольныя,
 «Гой еси вы, волки сѣрые!
 «Разойдитесь по всему свѣту по бѣлому,
 «По два, по четыре и поединому,
 «Пейте, ѣште посуленное и благословенное».

«Ахъ вы, пастухи, — красныя дѣвицы,

«Мои вы родныя сестрицы!
 «Вы змѣинаго духа нахватились,
 «И на васъ тѣло, какъ дубовая кора:
 «Вы сходите въ Іорданъ рѣку, и скупайтесь»²²).

Таинственный сумракъ старинныхъ временъ
 Повсюду рѣдѣлъ; а міръ новый, свѣтавшій,
 Склонялся къ единству. Духъ русскихъ племенъ,
 Издревле торговый, и онъ самъ, Микула,
 Желали нить прежнихъ союзовъ связать
 Въ одно государство. Самъ духъ богатырскій
 Ихъ витязей главныхъ, уставъ воевать
 Съ врагомъ въ одиночку или служить порознь
 Царямъ чужеземнымъ, искалъ своего
 Народнаго князя, — вождя ихъ дружинамъ,
 Иль краснаго Солнца, вокругъ бы кого
 Имъ всѣмъ, молодцамъ, было можно собраться.

Микула, каеъ главный начальникъ, глава
 Славянскаго рода, ясиѣ всѣхъ видѣль,
 Что общая рознь, разрушая права
 И силы народныя, прямо стремится
 Къ народной гибели. Онъ понималъ
 Бесиліе Ваны дать краю единство;
 Какъ онъ самъ, и край весь разумно желалъ,—
 Призвать изъ потомковъ богатыря Роса,
 Славнѣйшаго въ дни эги богатыря,
 Достойнаго князя. Впервые блеснула
 Тогда на Полночи дней новыхъ заря,
 И край сталъ слагаться въ одно государство;
 Межъ тѣмъ, какъ ужасная буря кругомъ
 Крушила еще остальной міръ славянскій,—
 Тотъ міръ, что поднесъ, при всемъ рвеніи своемъ,
 Не можетъ подняться изъ груды обломковъ.

Вручивъ этимъ первымъ верховнымъ князьямъ
 Правленье надъ юной страной, Микула
 Вручилъ и отвѣтственность имъ, какъ вождямъ
 Дальнѣйшихъ судебъ ея ²³⁾; но—этимъ подвигомъ
 Его не кончался. Онъ долженъ же былъ
 Странѣ сохранить и богатырей древнихъ,
 Которыхъ привелъ онъ, съ кѣмъ долго такъ жилъ,
 Чьихъ образовъ полонъ былъ весь міръ народный.
 Его свѣтлый Вырій давно запусѣлъ,
 И самъ Святovitъ умолкалъ на Поморьѣ;
 Дѣйствительный міръ съ каждымъ годомъ скудѣлъ
 Семей богатырской; но духъ его прежній
 И образы славныя богатырей,—
 Они были живы,—они, какъ и прежде,
 Разсѣяны были, по мнѣнію людей,
 По всей землѣ русской; ихъ надобно было
 Собрать только вмѣстѣ, найти иль создать
 Для нихъ новый Вырій, дать градъ имъ престольный,
 И этотъ славянскій Астардъ поддержать
 Всею древнею русской и новою славой.

Они знали сами, что вѣкъ ихъ прошелъ
 Иль быстро проходить. Въ свѣтающемъ свѣтѣ

Была ихъ погибель. Кто могъ, приобрѣлъ
 Себѣ домовище; другіе жъ, какъ прежде,
 Въ воздушныхъ своихъ уплывали ладьяхъ
 Въ міръ древняго Рода, отколь нѣтъ возврата,
 Или исчезали въ далекихъ странахъ,
 Не винувши даже именъ ихъ на память.
 Микула не разъ, можетъ, ихъ провожалъ
 Своими глазами; но рано иль поздно,
 И онъ самъ, Микула, о нихъ забывалъ;
 Тѣмъ ярче вставали предъ нимъ остальные,
 И ждали приюта.... Куда-жъ ихъ дѣвать?
 Куда помѣстить ихъ средь новаго міра?

И, можетъ быть, долго пришлось бы имъ ждать,
 И долго жить въ дымной избѣ у Микулы;
 Но вотъ возсіалъ изъ пучины вѣковъ
 Престольный градъ Кіевъ,—глава, средоточье
 Святой земли русской, жилище боговъ
 Старинныхъ Микулы и вѣщій свѣтильникъ
 Его вѣры новой. Здѣсь весело жилъ
 Князь ласковый, добрый къ народу, Владиміръ;
 Сюда устремился приливъ лучшихъ силъ
 Здѣсь стала златая среда земли Русской,
 Дворъ князя открылся для всякихъ людей,
 Молва про хлѣбъ-соль и пиры его князья
 Гремѣла по краю; удачей своей,
 Привѣтомъ и лаской онъ всѣмъ сталъ любезенъ,
 Народу казался благимъ божествомъ...
 Какъ древній Сварогъ, онъ былъ мирно-спокоенъ,
 Весь край любовался его торжествомъ,
 Онъ былъ князь народный. Какъ красное солнце,
 Блестащій Дажьдъ богъ, онъ на всѣхъ изливалъ
 Дары свои щедрые, свѣтъ благодатный.
 Какъ богъ Святovitъ, онъ страну охранялъ
 Своею блестящей, отборной дружиной.
 Всѣ съ теплымъ усердьемъ служили ему;
 Ни въ чемъ онъ, князь вѣщій, не зналъ неудачи,
 Весь край былъ доволенъ,—ему одному
 Обязанный славой своей и покоемъ.

*

Микула могъ смѣло сдвигать, раздвигать
 Вѣкъ этотъ широкій, почти баснословный;
 Онъ могъ постепенно въ его кругъ собрать
 И міръ богатырскій, и дивовъ стихійныхъ,
 И витязей новыхъ позднѣйшихъ временъ.
 Микула такъ точно и сдѣлалъ. Градъ Кіевъ
 Сталъ Выріемъ новымъ; сюда собралъ онъ
 И самыхъ старѣйшихъ богатырей древнихъ,
 И витазей младшихъ; а славный тотъ вѣкъ
 Отважно раздвинулъ до тмы первобытной;
 Тутъ были, и витазь—вполнѣ человекъ,
 И дивъ-богатырь, и дивъ древній стихійный;
 Самъ князь принялъ образъ благой божества;
 Его окружаетъ дружина титановъ,
 Его дни текутъ посреди торжества;
 Но тутъ же видна и сословная распря;
 Странѣ угрожаетъ татарскій погромъ,
 Самъ Кіевъ-градъ смѣшанъ въ послѣдствіи съ Москвою ²⁴).

Микула, замѣтно, здѣсь—въ мірѣ своемъ;
 Одинъ только образъ былой изумляетъ
 Отсутствіемъ своимъ въ семьѣ этой родной,
 Блистательный образъ и самый дрезнѣйшій—

Богатыря древне-русскаго,
 Ивана Царевича;

Его уже нѣтъ,—ни въ кругу богатырскомъ,
 Ни въ Кіевѣ стольномъ. Но онъ и не могъ
 Имѣть теперь мѣста въ устроенномъ мірѣ;
 Тотъ вѣкъ переходный, бродячій истекъ;
 Онъ самъ теперь долженъ во всемъ измѣниться,
 Иль вновь измѣнить свой характеръ былой,
 Чтобъ стать въ средѣ новой. Онъ могъ быть отнынѣ
 Владиміромъ княземъ, онъ могъ быть Ильей,
 Добрынею, Вольгой Всеславичемъ вѣщимъ;
 Но лишь не безличнымъ вонтедемъ тѣмъ,
 Что въ древнее время считался по краю.

Но все-жь онъ не могъ такъ остаться, ничѣмъ;
 А долженъ явиться былъ въ образѣ новомъ ²⁵).

Въ какой же вновь образъ Микула облекъ
Его прежній образъ, съ нимъ бывший повсюду?
Какое онъ имя отнынѣ нарекъ
Ему, полубогу, въ странѣ своей новой?
По княжему роду, онъ княземъ могъ быть;
Но какъ представитель всегда мѣръ-народа,
Онъ долженъ былъ прежде всего сохранить
Народный характеръ и духъ свой народный.

Таковъ и является старый Илья,
Прямой представитель во всемъ мѣръ-народа.
Его вѣщей силы давно ждетъ земля;
Онъ только одинъ изъ богатырей новыхъ
Вмѣстилъ тяготу силъ стихійныхъ въ себѣ
И вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ ужъ нравственной силы:
Не вѣрить примѣтамъ, ни древней судьбѣ,
А вѣрить въ свою лишь да въ Божию силу.

Илья,—богатырь христіанскихъ временъ,
Но въ немъ цѣльный образъ еще силъ минувшихъ;
Онъ дивъ самый древній, но онъ окруженъ
И самъ въ душѣ полонъ зарей православья;
Въ Ильѣ предъ Микулою ярко блеститъ
И Вырій старинный, и свѣтъ христіанскій;—
Тѣмъ больше Микула Ильей дорожитъ,—
Илья,—богатырь его древній и новый.

Илья,—воплощенный вновь образъ боговъ,—
Онъ тотъ же богъ Вишну и Индра-Громовникъ,
Онъ богъ, воплощавшійся съ древнихъ вѣковъ
На помощь людей, и опять къ нимъ пришедшій
За этимъ на землю. Съ сомнѣньемъ глядитъ
На новый порядокъ онъ, новыя власти;
Народъ въ немъ нуждается, и онъ спѣшитъ
Его оградить отъ тяжелыхъ стѣсненій.
Но край еще долго его долженъ ждать;
Градъ Кіевъ ужъ полонъ богатырей древнихъ
И витязей новыхъ; ихъ тамъ не искать:
Они съ первобытныхъ временъ окружаютъ
Свѣтъ красное Солнце; но старый Илья,
Онъ долженъ сначала еще возродиться,

Къ нему не готова родная земля,
И онъ самъ, Илья, не созрѣлъ для народа.

Одинъ мѣръ уходитъ, другой идетъ вслѣдъ;
Вездѣ происходитъ тяжелая ломка,
Въ народъ не проникнулъ еще новый свѣтъ,
Народъ еще долго все будетъ язычникъ.

И вотъ почему Илья сиднемъ сидѣлъ,
Какъ русскій народъ нашъ сидитъ и понынѣ!
Чего-жь себѣ ждалъ онъ? Зачѣмъ не хотѣлъ
Онъ дѣла?... Понятно, онъ ждалъ себѣ силы.

Откуда же сила народу придетъ?
Откуда прійти ей, когда не отъ свѣта!
Такъ вотъ, какъ давно чуялъ русскій народъ,
Что свѣтъ—отецъ силы, и въ немъ его сила.

Сидѣлъ Илья сиднемъ, какъ дивъ Святогоръ
Лежалъ,—отъ избытка вещественной силы,
Иль онъ на молитвѣ усердной протеръ
Колѣнами эту глубокую яму,
Откуда виднѣлась одна борода;
Но онъ сперва полонъ былъ грубой лишь силы,
Какъ край нашъ понынѣ,—и онъ никогда,
Возставъ въ этомъ видѣ, не могъ принести пользы.
Онъ былъ, возрождавшійся только, титанъ,
Живой еще образъ титановъ стихійныхъ;
Возстанъ онъ,—весь край бы потрясъ ураганъ,
А это и было противно Микулѣ.

Подняться былъ долженъ могучій Илья
Не силой стихійной, но силою высшей,
Чтобъ имъ утвердилась родная земля;
И онъ поджидалъ, терпѣливый нашъ сидѣнь,
Святой этой силы. Илья понималъ,
Что онъ одинъ только, какъ образъ народный,
Кого онъ собою, Илья, выражалъ, —
Лишь онъ могъ очистить страну отъ тѣхъ чудищъ
И дивовъ, что въ ней заложили пути;
Не могъ въ томъ успѣть безъ него ни Владиміръ,
Ни Кіевъ: другаго Ильи не найти;
Одинъ могъ Илья сослужить эту службу,

И онъ-себѣ, ждалъ, чтобъ его подняла
 Та высшая сила, что онъ видѣлъ всюду;
 Одна эта высшая сила могла,
 Поднявши, дать образъ ему человѣка.

И вотъ она, Божія сила, стучитъ
 Въ окно у Ильи, и велитъ подниматься;
 То былъ ли Христосъ, или богъ Святovitъ,
 Иль боги иные; но, вѣрно, имъ было
 Извѣстно, что въ тайныхъ подвалахъ хранить
 Илья запасъ браги, которой испивши,
 Народы встаютъ, новой жизнью полны;
 А если въ тайникъ тотъ спуститься поглубже,
 Пожалуй, что хватить для цѣлой страны
 Живой этой браги,—еще и сосѣдямъ.
 Они шлютъ за брагой его самага;
 Когда же онъ выпилъ живой этой силы,
 Еще убавляютъ часть силъ у него,
 Чтобъ онъ у родимой страны не нарушилъ
 Ея равновѣсья. Оставивъ потомъ
 Ильѣ богатырскую только лишь силу,
 Они объясняютъ ему,—гдѣ и въ чемъ
 Его будетъ служба землѣ и народу:

«Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
 Силой своей,—
 Такъ и стой за вѣру христіанскую,
 И за домъ Пресвятыя Богородицы:
 На бою тебѣ смерть не писана.

«Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
 И со всею паленицею удалою;
 А только не выходи драться
 Со Святогоромъ богатыремъ:
 Его и земля на себѣ черезъ силу носить;
 Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
 У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ;
 Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
 Его любить матушка сыра земля;
 Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
 Онъ не силою возьметъ,

«Такъ хитростью, мудростью». 26).

Нашелся Илейкѣ и конь богатырскій.

Конь первымъ былъ другомъ у богатырей;
У Юка, Добрыни, Ильи, у Чурилы,
Ихъ вѣще кони, породой своей,
Равнялись чудесной кобылкѣ Микулы,
И были ей дѣти. Конь Дюка ему
Однажды промолвилъ: «хоть я не старѣйшій,
«Но мы не уступимъ въ бою никому;
«Мой большой братъ у Ильи Муромца,
«А середній братъ у Добрыни Никитича,
«А я, третій братъ, у Дюка Степановича,
«А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.»

Такой конь летѣлъ въ одинъ скокъ чрезъ рѣку,
А длиннымъ хвостомъ устилалъ круты горы;
Въ обычаѣ было тогда сѣдоку
Имѣть комъ земли при себѣ, чтобъ держаться.
Илья отъ заутренъ заразъ поспѣвалъ
Изъ Мурома въ стольный градъ Киевъ къ обѣднѣ;
Конь Дюка въ конюшнѣ безъ дѣла стоялъ,
И вросъ по колѣни отъ этого въ землю.
Узнать и подмѣтить по конскимъ слѣдамъ,
По ихъ *ископѣти* слѣды вражьей силы,
Чтобъ какъ не попасть бы въ засаду врагамъ,
Считалось у витязей первымъ ихъ дѣломъ.
Конь чувствовалъ также сродство и вражду:
Съ своимъ онъ конемъ становился спокойно
И ѣлъ съ нимъ пшеницу; но чуть на бѣду
Встрѣчались враждебные кони, тотчасъ же
Дрались они, грызлись.

Илья по утрамъ

Коня обмываетъ медвяной росой,
Даетъ нагуляться ему по лугамъ,
Поить лишь росой, и кормить пшеницей.

Потомъ доставалъ Илья мечъ боевой.
Мечу поклонялися скифы, какъ богу;
У сына Гервары былъ мечъ роковой,—
Мечъ этотъ сковали подземные Карлы;

И онъ тогда только влагался въ ножны,
 Когда обогреть былъ онъ вражеской кровью;
 Мечъ грозный Одина, рѣшитель войны,
 Былъ скрытъ въ крѣпкомъ дубѣ. Старинный нашъ Муромъ
 Имѣлъ мечъ Агрики; мечемъ тѣмъ сражень
 Змѣй-оборотень, прилетавшій къ супругѣ
 Княжившаго князя. Съ древнѣйшихъ временъ
 Тотъ мечъ былъ заложенъ въ постройкѣ соборной;
 Сперва его добылъ изъ богатырей —
 Добрыня, подъ мертвой главой великана,
 Какъ юный Сигурдъ у Фафнира; позднѣй
 Явился онъ въ муромскомъ древнемъ соборѣ.

Но менѣе надобны были Ильѣ
 Звѣнищій колчанъ и булатныя стрѣлы;
 А стрѣлы иныя въ славянской землѣ
 Цѣнились дороже всѣхъ въ мѣрѣ сокровищъ.
 Такъ Дюкъ имѣлъ нѣсколько эдакихъ стрѣлъ;
 Въ ушахъ каждой стрѣлки сіялъ дивный камень,
 Тиронъ-самоцвѣтный; тотъ камень горѣлъ
 Въ ночной тѣмѣ, какъ свѣчка; а клеены были
 Чудесныя стрѣлки орлинымъ перомъ;
 Ронялъ эти перья орелъ въ сине-море;
 Стрѣлялъ Дюкъ такими стрѣлами лишь днемъ,
 А ночью собиралъ ихъ по чистому полю;
 «А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
 «Свѣчи теплятся воску яраго».

Сковаль себѣ стрѣлы и старый Илья;
 Сковаль три стрѣлы онъ изъ полосъ булатныхъ,
 Потомъ закалилъ ихъ въ землѣ, чтобъ земля
 Стрѣламъ придала свою мощную силу ²⁷⁾.

Береть у отца и у матери онъ
 Ихъ благословенье, во вѣкъ нерушимо;
 Справляетъ имъ въ ноги сыновній поклонъ,
 Владеть передъ ними онъ заповѣдь крѣпку,
 Защитникомъ быть сирыхъ вдовъ и сиротъ,
 Меча не кровавить въ крови свѣтло-русской,
 Стоять за родимый свой, кровный народъ.
 Служить вѣрой правдой Владиміру князю.

Но прежде, въ долгу чтобъ не быть у отца,
Онъ править крестьянскія въ полѣ работы, —
Онъ чиститъ чищобу, валитъ безъ конца
Столѣтніе дубы, сдвигаетъ внизъ гору
И ей запружаетъ теченье Оки.

Дивуются люди Илейкиной силѣ:

Покорны земля ей и воды рѣки;

Ничто стать не можетъ противъ его силы.

Затѣмъ, оставляетъ Илья отчій домъ.

Всѣ видѣли, какъ на коня онъ садился,

Никто не видалъ, какъ исчезъ онъ съ конемъ.

Взвился подъ Илейкою вонь богатырскій, —

«Первый скокъ скочилъ на пятнадцать версть,

«Въ другой скочилъ, — володезь сталъ».

«Громовникъ-Перунъ!..» мѣръ-народъ вслѣдъ кричить;

«Илья самъ пророкъ!..» вслѣдъ кричитъ мѣръ крещеный.

Еще мѣръ двоятся, — однимъ ужъ блеститъ

Свѣтъ новый; другіе живутъ въ мѣрѣ прежнемъ.

Ильинъ же родникъ и понынѣ стоитъ;

И слышно, къ нему и теперь медвѣдь ходитъ,

Испить въ немъ водицы, чтобъ силы набрать

Себѣ богатырской.

Но мощный Илейка

Путь держитъ не въ Кіевъ, — себя показать

Свѣтъ-Солнышку князю, богатырямъ старшимъ;

А ѣдетъ онъ прежде въ глубь темныхъ лѣсовъ,

Всего прежде ищетъ онъ подвиговъ славныхъ.

При всей своей силѣ, Илья не готовъ

Предстать еще къ князю, не въ правѣ явиться

Въ кругу богатырскомъ. Призванье его, —

Очистить край русскій, отъ древнихъ чудовищъ

И дивовъ стихійныхъ; онъ прежде всего

Желааетъ прославить себя этой службой.

Какъ прежній титанъ, онъ вѣзжаетъ въ глубь горъ,

Не въ древнее-ль царство роднаго Водана?

Еще тамъ живетъ древній дивъ Святогоръ,

Какъ видно, братъ кровный иль родственникъ близкій

Тому великану Полуночныхъ странъ,

Въ чьей варишкѣ. — въ пальцѣ, — проведь ночь однажды
 Богъ Торъ, — такъ великъ былъ съдой великанъ *)!
 Заѣхалъ Илейка въ туманное царство
 Водана, и слышитъ, —

«Великій шумъ съ подь Сѣверныя сторонушки:

«Мать сыра-земля колыбается,

«Темны лѣсушки шатаются,

«Рѣки изъ крутыхъ береговъ раливаются.

«Влѣзалъ Илья на сырой дубъ,

«Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,

«Головой упираетъ подь облаку ходячую,

«На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ».

«Пріѣхалъ богатырь къ сыру-дубу,

«Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,

«Отмыкаль ларецъ золотымъ ключемъ;

«Выходитъ оттоль жена богатырская;

«Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ

«Не видано и не слыхано...»

Большой богатырь тотъ и былъ Святогоръ,
 Холодный и бурный титанъ Полуночи;
 Но онъ съ собой возитъ, дивъ сѣверныхъ горъ,
 Онъ возитъ хрустальный ларецъ за плечами.
 Когда отомнетъ онъ ключемъ золотымъ
 Ларецъ этотъ чудный, оттуда выходитъ,
 Сіяя нарядомъ своимъ дорогимъ,
 И всѣхъ поражая своей красотюю,
 Его молодая подруга-жена,
 Красивѣй кого нѣтъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ, —
 Красавица наша родная, Весна,
 Кого нѣтъ прекраснѣй подь сѣвернымъ небомъ.

Судя по былинамъ, могучій Илья
 Здѣсь пробылъ не мало, и пробылъ неспрардно.
 Едва распалился жаромъ земля,
 Мана его въ полныя страстью объятъ,
 Морозный дивъ въ бѣломъ шатрѣ захрапѣлъ,
 И въ сонъ погрузился на дѣлое дѣто.

*) Скритиръ — детанъ Зимы у скандинавовъ.

Илья насладиться любовью успѣлъ
 Съ красавицей вдоволь... Но вотъ, дивъ проснулся;
 Илья не успѣлъ и глазами моргнуть,
 Какъ онъ собрался ужъ, замкнулъ лапѣць свѣтлый,
 Запрягавъ жену, и отправился въ путь.

Какъ Торъ ночевалъ разъ въ перчаткѣ Скритира,
 Такъ точно Илья нашъ попался въ карманъ
 Къ Полночному диву, и три дня съ нимъ ѣздилъ,
 Пока не узналъ отъ коня великанъ,
 Кого съ собой возить. Тогда Святогоръ-дивъ
 Съ Илейю побратался, и назвалъ его
 Своимъ младшимъ братомъ, себя назвалъ старшимъ,
 Жену умертвилъ, — и сталъ послѣ того
 Илью учить разнымъ похваткамъ, поѣздкамъ
 Своимъ богатырскимъ; повуда Илья
 Совсѣмъ богатырь сталъ, какъ есть, настоящій,
 Какимъ и признала его вся земля,
 Земля свѣтло-русская.

Но древній вѣкъ

И мѣръ Святогора-титана кончались;
 Свѣталъ новый день, и живой человекъ
 Смѣнялъ исполиновъ и дивовъ стихійныхъ.

Поѣхали разъ Святогоръ-дивъ съ Илейю,
 И встрѣтили гробъ, а на гробъ томъ надпись:
 «Кому суждено въ гробу лежать,
 «Тотъ въ немъ и ляжетъ».

Сперва легъ Илейка, — но гробъ былъ большой,
 По немъ не пришелся; тогда растянулся
 Титанъ Святогоръ, — гробъ пришелся по немъ.
 Велѣлъ онъ Илейкѣ накрыть себя крышкой, —
 Илья накрылъ крышкой; но сколько потомъ
 Илейка ни бился, не могъ ее сдвинуть;
 Такъ дивъ-Святогоръ въ домовищѣ съ тѣхъ поръ,
 Такъ въ немъ и остался.

«Возьми, мой меньшей братъ,
 Мой мечъ-кладенецъ, закричалъ Святогоръ,
 Ударь поперегъ имъ по крышкѣ». — Но старый

Илья былъ не въ силахъ его мечъ поднять;
 Тогда приказалъ онъ Ильѣ наклониться,
 А самъ дохнулъ въ щолку, чтобы передать
 Ему часть гигантской своей, страшной силы.
 Почуялъ Илейка, что силушки въ немъ
 Вдругъ прибыло втрое; тотчасъ поднялъ мечъ онъ,
 И съ маху ударилъ по крышкѣ, — кругомъ
 Посыпались искры; но гдѣ онъ ударилъ,
 То мѣсто желѣзной слилось полосой.
 «Совсѣмъ задыхаюсь, изъ гроба воскликнулъ
 Ильѣ Святогорь-дивъ, спаси, братъ меньшей!»
 Илейко въ другой разъ ударилъ по крышкѣ,
 Посыпались искры, — но гробъ полосой
 Еще разъ, вкрестъ на крестъ, покрылся желѣзной.

«Нагнись къ домовищу! изъ гроба сказалъ
 Ильѣ Святогоръ. Всю отдамъ тебѣ силу».
 — Съ меня будетъ силы! — Илья отвѣчалъ,
 Не то и земля не снесетъ.» — Ну, и ладно,
 Что ты не послушалъ меня, братъ меньшей;
 Дохнулъ бы теперь я въ тебя мертвымъ духомъ,
 Ты здѣсь же и легъ бы. Прощай, Богъ съ тобой! —
 Илейкѣ изъ гроба титанъ отозвался.
 Владѣй моимъ славнымъ мечемъ-кладенцомъ,
 Коня-жь привяжи здѣсь, ко гробу». Тутъ хлынулъ
 Изъ гроба духъ мертвый. Простая съ мертвецомъ,
 Илейка коня привязалъ къ домовищу,
 Взялъ мечъ-кладенецъ, и поѣхалъ искать
 Дѣлъ, подвиговъ ратныхъ, по бѣлому свѣту.

Такъ древній титанъ нашъ успѣлъ передать
 Ильѣ часть немалую силы стихійной.
 Но въ мнѣньи страны, съ этой силой одной
 Илья и остался бы только титаномъ,
 Когда бы, — какъ нравственный сидѣнь былой,
 Онъ не былъ бы на ноги поднять, той высшей,
 Чудесною силой.

Поѣхалъ Илья

Теперь, отсель прямо къ престольному граду.
 Открыта Илейкѣ вся Божья земля,

Путь каждый Илейкѣ теперь прямоѣзжій.

Онъ ѣдетъ, Илья нашъ, —

«Старшіе богатыри дивуются;

«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца...

«У него поѣздка молодецкая,

«Вся поступочка богатырская».

Они съ облаковъ

Любуются старымъ Ильей, иль изъ бездны
Воздушнаго моря? Съ древнѣйшихъ вѣковъ,
Какъ видно, они про Илейку ужъ знаютъ,
И онъ самъ, народный нашъ сидѣнь Илья,
Про нихъ также знаетъ? Но такъ и должно быть!

Вся кровная эта Микулы семья,

Вся вышла она изъ древнѣйшаго міра,

Изъ той отдаленной еще старины,

Когда и титаны, и боги, и люди,

Еще жили вмѣстѣ, средь вѣчной весны,

И въ вѣчной борьбѣ, за тотъ міръ первобытный.

Міръ этотъ, откуда старинный Илья

Вначалѣ явился, и князь самъ Владиміръ,

Живущій средь чудищъ, и эта семья

Его богатырская, только по виду

Еще молодая, и эта земля,

Гдѣ стражу содержать, на крѣпкихъ заставахъ,

Еще волки, змѣи, а дивы вьшаты

По всѣмъ закоулкамъ, вездѣ залегая

Пути и дороги, и самъ Кіевъ-градъ,

Куда невозможно пройти иль пробѣхать

Путемъ прямоѣзжимъ, и этотъ Илья,

Чудовищный сидѣнь, что могъ своротить бы

Одинъ землю цѣлую, выпивъ питья,

Что дали ему вѣковѣчные боги, —

Все это не міръ ли, еще намъ чужой,

Не тотъ ли міръ древній, что даже остался

Далеко въ туманѣ за старымъ Ильей,

Съ тѣхъ поръ, какъ явился онъ въ міръ настоящій,

И сталъ человѣкомъ и богатыремъ,

Вступивши въ дружину великаго князя?..

Да онъ и самъ помнитъ о мѣрѣ иномъ,
 О мѣрѣ древнѣйшемъ еще, исполинскомъ,
 Гдѣ онъ живаль прежде, чѣмъ это питье
 Воздвигнуло къ жизни его настоящей.
 Онъ помнитъ другое еще бытіе,
 Когда обладалъ онъ и силой нездѣшной, —
 Стихійною силой иль силой иной,
 Но силой гигантскою, страшно-могучей.
 Той силы не вынесъ бы мѣръ нашъ живой,
 И онъ съ ней сталъ сиднемъ, подавленный страшной
 Ея тяготою.

Онъ помнилъ тогда

Себя даже въ разныхъ мѣстахъ отдаленныхъ,
 Гдѣ онъ не бываль ужъ потомъ никогда,
 О чемъ онъ оставилъ немало преданій
 И сказокъ въ народѣ. Не той ли порой
 Онъ прижилъ съ какой-то Горыничкой сына?
 Не той ли порой онъ живаль съ старшиной
 Таинственныхъ дивовъ, на дивской планинѣ?
 Не той ли порой онъ, еще молодой,
 Учился на Сѣверѣ славнымъ похваткамъ
 Своимъ богатырскимъ?..

Свершить это онъ

Лишь могъ развѣ только въ начальную пору,
 Когда не сложился еще духъ племень
 Въ общественный мѣръ и потомъ въ мѣръ гражданства;
 Могло это быть лишь въ стихійный тотъ вѣкъ,
 Когда мѣръ былъ полонъ еще силъ бродячихъ,
 Когда горы, рѣки и самъ человекъ,
 И боги, блуждали изъ мѣста на мѣсто...
 Но духъ человекъ теперь начиналь,
 По опыту, видѣть свое превосходство
 Надъ мертвой природой, что онъ оживляль
 Своимъ дѣтскимъ страхомъ и благоговѣньемъ
 Къ ея грознымъ силамъ. Онъ слышалъ въ себѣ
 Хотя еще смутно, но силу разумнѣй
 Ея слѣпыхъ силъ, и не разъ ужъ въ борьбѣ
 Одерживаль лично надъ ними побѣду;

Онъ ихъ перенесъ ужъ на богатырей,
 Сихъ главныхъ преемниковъ силы стихійной,
 Потомъ на славнѣйшихъ народныхъ вождей,
 Кого онъ считалъ, по ихъ высшей породѣ,
 Сынами, потомками высшихъ боговъ;
 Міръ образовъ мертвыхъ вступилъ незамѣтно
 Въ дѣйствительный міръ, и до новыхъ вѣковъ
 Потомъ оставался его достояньемъ ²⁸).

Наѣхалъ сначала Илья на притонъ
 Разбойниковъ. Съ крикомъ они окружили
 Его, старика; но не двинулся онъ,
 Пустилъ онъ стрѣлу только въ дубъ кряковястый, —
 И дубъ разлетѣлся на мелки щепы;
 Тогда въ мигъ смѣянули, что къ нимъ за дѣтина,
 Въ притонъ ихъ наѣхалъ; и тѣже толпы
 Хлопъ въ ноги Ильѣ, и даютъ крѣпку запись
 Ему на холопство; даютъ ему въ даръ
 Коней, несутъ золото, платья цвѣтныя;
 Но онъ охлаждаетъ въ разбойникахъ жаръ
 Своимъ безкорыстнѣемъ, и лишь говоритъ имъ:

«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
 «За мной бы рыли ямы глубокія;
 «Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
 «За мной бы были горы высокія;
 «Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
 «За мной бы гоняли табуны великіе».

Не хочетъ онъ ихъ и въ холопство принять,
 Велитъ онъ лишь ѣхать имъ въ чистое поле,
 Да только Чурилѣ о немъ рассказать, —

«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
 «Про стараго казака Илью Муромца»...

А самъ отправляется тѣмъ же путемъ,
 Подъ городъ Черниговъ или городъ Смолыгинъ.
 Тамъ видить, что городъ обложенъ вругомъ
 Несчетною ратью; а держатъ осаду
 Три князя-царевича. Старый Илья
 И колетъ, и топчетъ конемъ вражьи силы,

Береть въ плѣнъ князей. Но какъ это князья,
 Отъ царскаго сѣмени, то отпускаетъ
 Онъ ихъ во-свои, лишь только велитъ
 Вездѣ говорить имъ про Русскую землю, —
 «Что святая Русь не пуста стоитъ,
 «На святой Руси есть сильны, могучи богатыри»!

Спасенный Смолягинъ, что онъ защитилъ, —
 Къ нему мужиковъ шлетъ своихъ съ приглашеньемъ
 Къ себѣ въ воеводу; но онъ, старый, чтить
 Свой санъ богатырскій, онъ чтить его выше
 Другихъ всякихъ званій. Илья отказалъ,
 И тутъ же, спросивши, про путь въ столичный Кіевъ,
 Поѣхалъ туда; а Смольянамъ сказалъ,
 На ихъ предложеніе быть воеводой:

«Не дай Господи дѣлать съ барина холопа,
 «Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
 «Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
 «А также изъ богатыря воеводу».

Но путь прямоѣзжій въ градъ Кіевъ въ тѣ дни
 Еще былъ заложенъ какою-то страшной,
 Чудовищной силой, какъ видно, сродни
 Еще первобытному, древнему міру.
 Съ древнѣйшихъ временъ этотъ путь заложилъ
 Злой дивъ-Соловей. По народнымъ преданьямъ,
 То онъ исполнилъ сверхъестественныхъ силъ,
 Еще силъ стихійныхъ, — шипитъ онъ змѣю
 И рявкаетъ звѣремъ, сидитъ на дубахъ,
 Сражаетъ проѣзжихъ людей громкимъ свистомъ;
 То просто разбойникъ, — живетъ онъ въ лѣсахъ,
 Въ лѣсахъ темныхъ Брынскихъ, сидитъ на деревьяхъ;
 Его дѣти сходны другъ съ другомъ лицомъ,
 Живутъ на широкомъ дворѣ богатырскомъ,
 Въ огромныхъ палатахъ, но порознь съ отцомъ;
 Ихъ родъ составляетъ отдѣльное племя:

«Онъ сына-то выраститъ, за него дочь отдаетъ,
 «Дочь-то выраститъ, отдаетъ за сына,
 «Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился».

Дочь старшую наши сказанья зовутъ

Невеей, — одной изъ сестеръ-Лихорадокъ;
 Другія преданья ей мѣсто даютъ
 Въ числѣ перевощицъ, и образъ стихійный
 Смородины бурной; а сестры ея
 Извѣстны въ народѣ, какъ вѣщія дѣвы.
 Ихъ милые братцы и вмѣстѣ мужья,
 Летаютъ понынѣ еще вороньями
 Съ желѣзными клювами.

То Соловей —

Змѣй лютый; то — грозный Старѣйшина дивовъ;
 Такъ онъ и весь родъ его, — искони дней,
 Сливаются часто въ одинъ смутный образъ.

Въ томъ видѣ, слюбился дивъ этотъ лѣсной
 Съ какою-то царицей, бѣжавшей отъ мужа;
 Узналъ про связь эту ея сынъ родной,
 Младой Юванъ... Послѣ разныхъ предательствъ,
 Они изрубили на части его;
 Но онъ воскрешенъ былъ волшебницей-вилой,
 Убилъ сперва дива, — а послѣ того,
 И матеръ-злодѣйку суду предалъ Божью ²⁹).

Наѣхалъ Илья, по дорогѣ прямой, —
 Наѣхалъ Иль; на гнѣздо Соловейки,
 Вступилъ казакъ старый въ смертельный съ нимъ бой,
 Заразъ побѣдилъ, — и поѣхалъ съ нимъ въ Кіевъ,
 Сперва завернувъ къ Соловьевой семьѣ,
 Съ своею добычей.

Теперь ему время

Явиться въ свой кругъ богатырскій Ильѣ:
 Тотъ путь прямоѣзжій Илейкой очищенъ,
 Злой дивъ-Соловей у Ильи въ полону,
 Его главный подвигъ предъ княземъ исполненъ,
 Его имя быстро обходить страну...
 И ѣдетъ Илья богатырь, — ѣдетъ прямо
 Онъ въ стольный градъ Кіевъ ³⁰).

ПѢСНЬ 6-я.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

„Всѣхъ я знаю русскихъ мо-
„гучихъ богатырей,
«Одного не знаю, — стараго ка-
зака Илью Муромца.
„Я слышалъ наслышкой человѣ-
ческой,
„Что у него на бою смерть не
писана“.

(Русск.: былины).

Всталъ на Руси благодатный вѣкъ, славный, —
Владимира-Солнца...

«Какъ Солнце красное по небу числется,
«Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
«Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
«Такъ онъ среди нихъ красуется».

Съ какихъ же временъ

Онъ, красное Солнце, красуется? Много
При немъ поколѣній исчезло, — племень
И царствъ народилось. Его окружаютъ
Титаны и дивы, но вѣкъ ихъ прошелъ;
Его окружаютъ и витязи-люди
Дней новыхъ. Подъ Кіевъ, гдѣ княжій престоль,
Нерѣдко приходятъ враждебныя силы,
То чудищъ старинныхъ, то Польша съ Литвой,
То темныя орды силъ новыхъ, татарскихъ.

Замѣтно, что здѣсь нашъ Мивула родной

Весь кругъ собралъ древнихъ и новыхъ преданій.
 Владиміръ князь-Солнце гладитъ божествомъ,
 Блестящимъ свѣтиломъ, почти что безличнымъ;
 Какъ на небѣ солнце, такъ въ краѣ своемъ
 И онъ, князь, числется, -- только и надо!
 Онъ древній Сварогъ, онъ благой Святovitъ...
 Какъ богъ Святovitъ, онъ имѣетъ дружину;
 На этихъ дружинникахъ также блеститъ
 Печать дней минувшихъ; они — полубоги;
 У краснаго Солнца всегда для нихъ пиръ.
 Князья и бояре являются позже;
 Подобно жрецамъ, и они держатъ міръ
 Подальше отъ князя. Они ниже князя,
 Но выше народа; они ведутъ родъ
 Отъ древняго Неба, боговъ вѣковѣчныхъ.
 Такъ даже въ позднѣйшее время народъ
 Не хочетъ разстаться съ древнѣйшимъ правленьемъ
 Глубоко духовной своей старины, —
 И всякую власть и законъ облекаетъ
 Въ божественный образъ. Нашъ царь — богъ страны;
 А князи, бояре, — его только слуги.

Божественность эта правленья исполнѣ
 За нимъ утвердила могучую прочность;
 Она придала и властямъ, и странѣ,
 Семейный характеръ и патріархальность.
 Ошибка Микулы была лишь въ одномъ:
 Вручивши Владиміру, красному Солнцу,
 Вѣрховную власть во всемъ краѣ родномъ,
 Онъ самъ не упрочилъ при немъ себѣ мѣста, —
 И этимъ впоследствии себя отдѣлилъ
 Отъ высшихъ властей и отъ стольнаго князя.

Какъ двигатель вѣщій зиждательныхъ силъ
 Земли и народа, Микула селился
 Всегда не вблизи, а вдали городовъ,
 Служившихъ лишь противъ враждебныхъ нашествій;
 Родной міръ Микулы сначала вѣбовъ
 Былъ міръ полей значныхъ; здѣсь былъ онъ хозяинъ.
 Князь стольный — Владиміръ, изъ свѣтлыхъ палатъ

Престольнаго града, не могъ уже видѣть
Его, Селянинича, — хотъ бы и радъ
Князь былъ его видѣть; не могъ издали онъ,
И знать обыденныя нужды его,
Хотя и желалъ бы помочь его нуждамъ.

Такъ жилъ Селяниничъ и прежде того;
Но прежде онъ въ краѣ своемъ былъ старѣйшимъ,
Главою народнымъ. Хотя Святovitъ
И принялъ впоследствии главенство надъ краемъ,
А каста жрецовъ получила ужъ видъ
Правителей главныхъ въ совѣтѣ народномъ;
Но онъ оставался все тѣмъ же главой
Въ своемъ древнемъ родѣ, и тѣмъ же старѣйшимъ
Вождемъ миръ-народа. Жрецы той порой
Всѣ были сынами его же, Микулы,
А духъ прорицаній и голось святой
Его вѣщей Ваны, — былъ гласомъ народнымъ.
Князь красное Солнце, богъ позднихъ людей,
Себя окружаетъ ужъ новою силой, —
Блестящею силой бояръ и князей.
Они ведутъ родъ свой отъ древняго Неба;
Микула, Земли сынъ, — для нихъ сталъ чужой.
Они не служили, подобно дружинѣ
Иль миръ-народу, странѣ ихъ родной, —
Они лишь служили Владиміру-князю;
Имъ былъ бы князь стольный, вокругъ бы него
Имъ сытыми быть, предъ страной величаться,
Жить въ холѣ, а больше и знать ничего
Они не хотѣли. Кто кормить, поить ихъ,
Что нужно народу, чѣмъ край ихъ живетъ,
Объ этомъ у нихъ свои были понятья;
Есть нѣкій Микула, есть русскій народъ, —
Онъ всѣхъ и довольствуй! Какъ въ древнее время
Микула кормильцемъ былъ свѣтлыхъ боговъ,
Чей родъ благородный они представляли;
Такъ точно онъ долженъ кормить и сыновъ,
Потомковъ бужественныхъ этого рода.
Ихъ родъ шель отъ асовъ, для края чужихъ,

Но втершихся въ родъ земледѣльческій, древній
 Микулы; князь Солнышко жаловаль ихъ,
 Какъ древній Одинъ, — ихъ отцовъ свѣтозарныхъ,
 И край, при высокомъ равенствѣ своемъ,
 Былъ долженъ служить имъ, нахлѣбникамъ князя.

Микула и самъ былъ сперва божествомъ,
 А послѣ правителемъ міра-народа;
 Онъ связанъ былъ самымъ ближайшимъ родствомъ
 Съ бояриномъ Ставромъ и съ княземъ Добрыней,
 Отдавъ за нихъ старшихъ своихъ дочерей;
 Но младшая дочь его, вѣщая Вана,
 Теперь исчезаетъ. Дворъ княжескій ей —
 Совсѣмъ ужъ чужой; ей нѣтъ мѣста близъ князя.
 Князь этотъ, — Сварожичъ иль свѣтлый Дажьдбогъ,
 Теперь заручился иной обстановкой;
 Теперь не хотѣлъ онъ иль больше не могъ,
 Подобно Ивану Царевичу, вспомнить
 Про эту подругу своихъ прежнихъ дней,
 Онъ даже забылъ ужъ ея свѣтлый образъ.
 Какъ онъ сталъ чужимъ ей, такъ точно и въ ней
 Ему все чужое... Чтобъ вновь съ нимъ сойтиться,
 Ей надобно въ образъ облечься иной...
 Въ какой же бы образъ она облеклася?
 Вкругъ стольнаго князя ей міръ не родной;
 Она дочь Микулы, а близъ того князя
 Нѣтъ больше Микулы; родной ея міръ —
 Подъ кровомъ отца, ея мѣсто — въ народѣ.

Сперва привлекаетъ ее княжій пиръ,
 Гдѣ видитъ она кругъ родной богатырскій;
 Но кругъ богатырскій рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ,
 Значенье его ослабѣло близъ князя;
 А Ванѣ лишь мѣсто въ кругу ихъ родномъ,
 Какое-жъ при князѣ займетъ она мѣсто?...

Духъ розни стоялъ ужъ межъ княжимъ дворомъ
 И сельскимъ Мивулой; какой богъ сведетъ ихъ?
 Какимъ теперь чудомъ въ народѣ родномъ
 Микула получить былое значенье?

Въ то время, какъ ѣхалъ въ градъ Кіевъ Илья,
 Божественность князя Владиміра гасла;
 Его окружили боаре, князья;
 Сіялъ еще ярко кружокъ богатырскій,
 Какъ отблескъ послѣдній минувшихъ вѣковъ,
 Но меркнулъ и онъ; свозъ него протѣснялись
 Къ свѣтъ-Солнышку князю толпы ужъ льстецовъ,
 И всякихъ угодниковъ слабостей князя;
 Тотъ вѣкъ баснословный, божественный вѣкъ
 Чудовищной силы и подвиговъ чудныхъ
 Кончался; самъ князь ужъ не богъ, — человекъ,
 И явно чуждается богатырей старшихъ.

Его дворъ наполнился темныхъ интригъ,
 Угодничествъ рабскихъ, сословныхъ раздоровъ,
 И князь самъ, какъ стало замѣтно, постигъ
 Величье и сладость придворнаго блеска;
 Явился рядъ новыхъ при немъ должностей, —
 Постельниковъ, кравчихъ, привратниковъ, ловчихъ,
 Позывщиковъ, разныхъ бояръ и князей,
 Невѣдомыхъ прежде; дружина молчала,
 Сословная рознь стала даже видна
 Въ кругу богатырскомъ; ихъ служба при князѣ
 Теряла ту важность, которой она
 Дотоль отличалась; они горделиво,
 Толпой покидаютъ его княжій дворъ,
 Гдѣ ихъ заслонили князья и боаре.

Владиміръ, считавшій себя до сихъ поръ
 Въ присутствіи ихъ, какъ за крѣпкой стѣною,
 Нуждается очень нерѣдко теперь
 Въ ихъ помощи противъ враговъ иноземныхъ.
 Ихъ нѣтъ, когда нужно; онъ самъ заперъ дверь,
 Своимъ обхожденьемъ, богатырямъ главнымъ;
 Чертогъ его свѣтлый и блескъ неземной
 Смѣнились блескомъ придворнаго штата
 Земныхъ властелиновъ, привышихъ собой
 Страшить и счастливить людей, имъ подвластныхъ;
 Явились опалы, котлы со смолой,
 Явились глухіе подвалы съ замками,

Сажанье въ нихъ на смерть.

Успѣлъ посидѣть въ нихъ и бояринъ Ставрѣ,
За свою похвальбу богатырскую, —
Обновить подвалы эти темные,
За дверями желѣзными. *)

Ни слова притомъ

Близъ князя, о вѣщемъ Микулѣ, о сильномъ
Его родѣ земскомъ, народѣ родномъ;
Ни слова нигдѣ, о его вѣщей Ванѣ.
Дружина Чурилы, въ глазахъ князя, бьетъ
Людь кievскій, близкихъ слугъ краснаго Солнца;
Самъ князь въ даръ боярамъ-князьямъ роздаетъ
Микулины земли; его сироты
Народные ищутъ отъ сильныхъ защиты;
Край полонъ разбоевъ, а дворъ — пустоты,
Безсмысленныхъ споровъ Чурилы и Дюка,
О томъ, кто богаче изъ нихъ щегольствомъ;
Враги обложили градъ древній Черниговъ,
А въ Кіевѣ даже не знаютъ о томъ;
Повсюду разбой, — а дворъ занять Чурилой,
Его походемъ съ женой молодой
Сѣдаго Бурматы; въ глазахъ даже князя,
Илья богатырь, — лишь крестьянинъ простой,
Илейкина сила, — ему неизвѣстна.

Въ средѣ этой, дѣтски еще мелочной,
При князѣ отжившемъ, Илья нашъ могучій
Является личностью передовой.

И точно, Илья, — богатырь совсѣмъ новый;
Онъ чувствуетъ, мыслить; онъ прямо живетъ
Широкую, свободную жизнью народной;
Въ Ильѣ воплотился нашъ русскій народъ,
Со всей стариной и святымъ православьемъ.
Ильѣ теперь нуженъ совсѣмъ миръ иной;
Тотъ миръ отживавшій ему не годился;
Ильѣ боги чужды, а вѣчный ихъ пиръ
Ему не по праву: тутъ нѣтъ ему мѣста;

*) Сморя прим. 5. къ VI пѣсн.

Ему нужно дѣло, его манить свѣтъ,
 Онъ врагъ всякихъ чудищъ стариннаго мрака,
 Илья истребляетъ и самый ихъ слѣдъ,
 Чтобъ было привольно жить всѣмъ въ землѣ Русской.

Илейка нашель переходный здѣсь міръ, —
 Не тотъ міръ, отколы онъ явился. Міръ древній
 Теперь ужь далеко; то павшій кумиръ;
 Но также и новый Богъ признанъ не всѣми.

Подѣхаль къ Днѣпру казакъ старый, Илья,
 Играетъ подъ нимъ его конь богатырскій,
 Везетъ онъ, Илья, въ торокахъ Соловья.
 Градъ Кіевъ сіяетъ въ золотѣ отдаленнѣ;
 Блестятъ кресты, главы соборныхъ церквей,
 Златныя палаты свѣтъ-краснаго Солнца;
 Сіють хоромы бояръ и князей, —
 Нѣтъ только хоромъ у богатырей славныхъ;
 Въ горахъ зеленѣютъ, горъ этихъ краса,
 Сады Апраксѣвны, красуется теремъ
 Прекрасной Кушавы, блестятъ небеса,
 Плывутъ по Днѣпру внизъ суда росписныя, —
 Какъ чайки, бѣлѣютъ вдали паруса;
 По берегу ступней идетъ богатырской
 Каликъ переходныхъ толпа; издали
 Виднѣются шляпы на нихъ пудовныя,
 Тѣ шляпы изъ греческой славной земли.
 Идутъ, опираясь калики клюками
 Желѣзными; строги ихъ лица; а вотъ,
 Плетется имъ встрѣчу толпа скомороховъ,
 Играетъ въ волынку и чудно поетъ,
 А вѣщія гусли гуляютъ за плечами.
 Чѣмъ къ городу ближе, тѣмъ краше, люднѣй;
 Побережья пестрѣютъ веселымъ народомъ,
 А волны ладьями. Еще веселѣй
 За быстрой рѣкой, на широкомъ Подолѣ;
 Кипитъ тамъ торговля, снастятъ корабли,
 Мелькаютъ попы, въ черныхъ рясахъ монахи,
 Торговые гости изъ дальней земли;

Кругомъ шумъ и говоръ, и звонъ колокольный ¹⁾.

Надъ Кіевомъ меркнулъ ужъ блескъ золотой
Горы свѣтоварной, жилища безсмертныхъ;
Онъ стольный лишь городъ, хотя и святой
Народному чувству, какъ мать земли Русской.
Какъ съ Солнышка-князя сходилъ блескъ былой
И образъ блестящій златаго Дажь-бога;
Такъ весь и міръ древній остался вдали.
Владимира звали еще краснымъ Солнцемъ;
Но онъ собирателемъ сталъ лишь земли,
А градъ вѣщій Кіевъ—его градомъ стольнымъ.

Илью озадачилъ, конечно, собой
Міръ этотъ дѣйствительный, міръ не стихійный;
Онъ, вѣрно, не думалъ, что міръ тотъ былой
Давно имъ покинуть въ лѣсахъ первобытныхъ,
Въ горахъ тѣхъ Полночныхъ, гдѣ онъ схоронилъ
Собрата еще своего, Святогора;
Широкій избытокъ ему данныхъ силъ
Мѣшалъ ему видѣть, что также и онъ самъ
Не прежній Перунъ и не божичъ Илья;
Что онъ представитель земли и Микулы,
Простой человѣкъ, — за что міръ и земля
И чествуютъ въ немъ его духъ богатырскій;
Поэтому онъ и вступилъ, какъ чужой,
Въ кругъ новыхъ товарищей—витязей княжихъ;
Самъ Солнышко-князь не знакомъ ужъ съ Ильей,
И все не по немъ при дворѣ этомъ новомъ.

Одинъ лишь Илья могъ теперь пріютить
Старинную Вану. Преданье какъ будто
За эту еще и хватается нить;
Оно Илью женить, — на комъ?... Но и это
Осталось загадкой. Изъ трехъ дочерей
Микулы, одна ужъ была за Добрыней,
Другая за Ставромъ; но искони дней
И старый Громовникъ, по нашимъ сказаньямъ,
Женатъ на Громовницѣ, — кто же она?
Ея первобытное имя исчезло,
Остались намеки; но послѣ, страна

Обоимъ дала христіанское имя—

Ивана да Марья. Кто-жь были они?

Кто-жь, —если не древній Иванъ же царевичъ

А позже Илья нашъ и Вана, —одни

Всегда неразлучные съ міромъ-народомъ ⁸⁾.

Възъжаетъ Илейка, Громовникъ Илья,

Възъжаетъ въ градъ Кіевъ, на дворъ княженецкій;

Пріѣхалъ на дворъ, —привязалъ онъ коня

Къ кольцу золотому, и входитъ въ палаты...

«Онъ крестъ кладетъ по писанному,

«Поклонъ-то ведетъ по ученому,

«На всѣ на три, четыре стороны поклоняется.

«Самому-то князю Владиміру въ особину

«И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ,»

«Сталъ Владиміръ-князь выспрашивать;

«— Ты откулешный, дородный добрый молодець,

«— Тебя какъ, молодца, именемъ назвать,

«— Звеличатъ удалаго по отечеству?»...

«Говоритъ ему Илья таковы слова:

«— Есть я изъ города, изъ Муромля,

«— Со славнаго съ села Карачарова;

«— Именемъ меня Ильей зовутъ,

«— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.

«— Ужь-ты батюшка, Владиміръ князь!

«— Тебѣ надолъ насъ, принимаешь-ли

«Сильныхъ, могучихъ богатырей, —

«— Тебѣ, батюшка, на почестъ-хвалу,

«— Твоему граду стольному на изберець,

«— А татаровьямъ на посѣчене?»

«Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:

«— Да какъ мнѣ васъ не надо-то?

«— Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю;

«— На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,

«— По добру коню, по латынскому, богатырскому.»

Говоритъ Илья, добрый молодець:

«— Дай доброму молодцу мѣстечка немножечка!»

«Князь Красное Солнышко отвѣствуетъ:

«— Кто до молодцовъ доросъ, тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ.»

Князь-Солнышко, значить, его не узналъ.
 Узнать Илью могъ лишь Добрыня Никитичъ,
 Хоть онъ въ этомъ видѣ Илью не встрѣчалъ;
 Да сверстникъ обоихъ,—Чурила Пленковичъ;
 Но оба смолчали; лишь первый сказалъ:

«Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
 «Одного не знаю—старога казака Илью Муромца;
 «Я слыхалъ наслышвой человѣческой,
 «Что у него въ бою смерть не писана *)».

По вняшему слову, Илья сѣлъ за столъ;
 Да какъ понажметъ онъ гостей именитыхъ,—
 Изъ нихъ—инда соеъ даже красный пошелъ:
 И вотъ, очутился Илья противъ князя.
 Глядитъ богатырсвй кружокъ на него,
 Промежь себя шепчетъ: кто-бъ это таковой былъ?
 Никто здѣсь о немъ не слыхалъ ничего,
 Не съ неба-жь таковой богатырь къ намъ свалился?
 Лишь юный Добрыня съ Чурилой молчать,
 Но очи ихъ сами собою смѣются:
 Нешто, узнаемъ-де тебя, старшій братъ!
 Откуда ты только явился?... Но это —

«За досаду Алешѣ Поповичу показалось;
 «Взялъ Алеша булатный ножъ,
 «Онъ кинулъ его въ Илью Муромца;»

Но старшій Илейка сидитъ, знай, себѣ,—
 Да пьетъ себѣ, ѣстъ; не моргнетъ онъ и глазомъ,
 Какъ будто въ родимой крестьянской избѣ.
 Поймалъ только онъ,—

«Поймалъ на полету Илья булатный ножъ,
 «Воткнулъ его въ дубовый столъ;»

А самъ продолжаетъ себѣ подносить
 Стопу за стопою, да сладкія яства—
 Подкладывать,—будто должно такъ и быть,
 Что кинулъ Алеша въ него ножъ булатный.

«Изъ за того стола тогда изъ за дубова
 «Не золота звонка труба вострубила,
 «Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 «—А давно ли ты повѣхалъ изъ Муромля,

«Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольный Кіевъ-градъ?

«Говорилъ ему Илья таковы слова:

«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,

«Прямоѣзжею, — мимо славенъ Черниговъ-градъ,

«Мимо славную рѣченьку Смородинку.»

«Говорилъ Владиміръ таковы слова:

«Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,

«Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:

«Подъ городомъ Черниговымъ стоитъ силушка невѣрная,

«Урѣзчи у Смородинки Соловей разбойникъ, Олихмантьевъ сынъ, —

«Свицеть-то Соловей по соловьему,

«Кричитъ злодѣй-разбойникъ по звѣриному...»

Лишь вымолвилъ это свѣтъ Солнышко князь,

Бругомъ поднялся шумный смѣхъ, по палатамъ:

«Такого вранья не слышали, родясь!

Кричатъ гости пьяные. Чудное дѣло!

«Въ очахъ дѣтина у насъ завирается.»

Говоритъ Ильѣ Володиміръ князь:

«— Не пустымъ-ли, добрый молодець, хвастаешь?

«— Не напился-ли зелена вина?»

«Говорилъ Илья таковы слова:

«— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

«— Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ,

«— И прикованъ онъ ко правому ко стремечку къ булатному»

«Тутъ Владиміръ князь стольный Кіевскій,

«Сворешенько вставалъ онъ на рѣзвы ноги,

«Сворешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ.»

Выходятъ за княземъ и всѣ, въ томъ числѣ

И славный Добрыня съ красавцемъ Чурилой.

Давно міръ ихъ прежній сокрылся во мглѣ;

Но міръ тотъ имъ близокъ. Они оба знаютъ

Кто этотъ Илейка и кто Соловей, —

Старинный духъ этотъ крушительной бури.

Выходить на дворъ князь съ княгиней своей —

Воскресъ міръ былой, засвисталъ Соловейка, —

«Темные лѣса къ землѣ наклонились,

«На теремахъ маковки покривились,

«Окошечки хрустальные поразсыпались,

«Что есть людишекъ всё мертвы лежать;
 «А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 «Стоить, куньей шубонькой укрывается...
 «Онъ, Владиміръ-князь, едва живъ стоять
 «Со душой княгиней Оправсою».

— Уйми, говорить онъ Ильѣ, Соловья!

Такія-то шутки не надобны нынѣ. —

Велѣлъ замолчать диву старый Илья;

А тотъ говорить Володиміру князю:

«— Ай же Солнышко, Владиміръ князь,
 «—И старый казакъ, да Илья Муромецъ!
 «—Спустите меня да на свою волю:
 «—Я повыстрою веругъ города Кіева
 «—Села съ приселочками,
 «—Улги съ переулками,
 «—Города съ пригородками,
 «—Монастыри все богомольные».

Туть говорилъ Илья Муромецъ:

«—Ты, Солнышко, Владиміръ-князь!
 «—Не строитель онъ вѣковой, а раззоритель:
 «—Раззоришь ты остальные села съ приселами,
 «—Города съ пригородками».

~~Но тутъ дочка князя, Купава княжна~~

~~Наслѣдовавъ жадность боговъ, своихъ предковъ~~

~~Чьей высшей породы была и она~~

~~Увидѣла перстень, кольцо-ль золотое~~

~~Знакъ вѣщій тогда — на рукѣ Соловья~~

~~И хватъ его прямо за правую руку;~~

~~Мигнуть не успѣлъ казакъ старый Илья,~~

~~Какъ дивъ Соловей отхватилъ у ней палець~~

~~«Когда бы и руку успѣлъ захватить,~~

~~И руку тебѣ оторвалъ-бы!» промолвилъ~~

~~Илейка.~~

И началъ онъ съ княземъ судить

Что имъ съ Соловейкой, разбойникомъ, дѣлать.

«Бросали Соловья въ погребъ глубокій,

«Рѣшетками желѣзными задержали,

«Песками засыпали,

«Травкой-муравкой замуравили»

«Черезъ трои сутоки

«Накатили малы вьюноши Соловьины,

«Накатили многи телѣги ордынскія;

«Обзарился на имѣнье, на богатство

«Солнышко Владиміръ-князь;

«Но вговорилъ старый казакъ Илья-Муромецъ:

«—Ай же Солнышко, Владиміръ князь!

«—Не тобой они приказаны,

«—И не тобой назадъ отпустятся.

«—Ай же, малы вьюноши Соловьины!

«—Катите все имѣнье, богатство,

«—Всю несчетну золоту-вазну.

«—Оставлена вамъ отъ бабушки,

«—Будеть пропитатися до смерти,

«—Не надо вамъ по міру ходить да скитатися.

«Они покатили имѣнье, заплакали:

«Теперь-то Соловью славы поютъ».

«Вхаль тогда Илья въ раздольице чисто поле,

«Срубилъ Соловью буйну голову.

«Рубилъ буйну голову, выговариваль:

«—Полно-тва тебѣ слезить отцовъ, матерей,

«—Полно-тво вдовить женъ молодыхъ,

«—Полно смущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ.

«Туть Соловью и конецъ пришелъ.

«Увидали туть всѣ русскіе могучіе богатыри

«Стара казака Илью-Муромца:

«—Будь же ты намъ, старый казакъ, Илья-Муромецъ,

«—Будь же ты намъ да вѣдь большой братъ;

«—Держимъ мы на тебѣ надежду великую,

«—Будь-ка ты граду Кіеву у насъ защитникомъ».⁴⁾

И сталъ Илья съ этихъ поръ старшимъ у нихъ.
Онъ назвалъ Добрыню своимъ младшимъ братомъ;
Но мало кто сблизился съ нимъ изъ другихъ;
А больше любили онъ богатырей старшихъ.

~~Они всѣ туть были.—какъ въ древніе дни
Всѣ младшіе боги веругъ краснаго Солнца;~~

Хоть съ той поры древней и князь, и оны,
 Совсѣмъ измѣнили старинный ихъ образъ.
 Тутъ былъ и Сухманъ, и титанъ Святогоръ, —
 Последній ужъ въ образѣ новомъ, Самсона;
 Тутъ былъ и Добрыня, въ комъ жилъ до сихъ поръ
 Еще образъ Кришну и образъ позднѣйшій,
 Младаго Сигурда; но въ эти ужъ дни
 Въ народѣ считался онъ княземъ,
 Племянникомъ Солнышка. Такъ всѣ они
 Вполнѣ человѣческой приняли образъ.

За Ивана Гостинаго,

Держить великъ закладъ
 Владыка Черниговскій...

Съ Хотиномъ тутъ былъ и Потокъ удалой;
 Иванъ свѣтъ Годинычъ, — тотъ сбѣлся также
 Племянникомъ князя; Чурила младой,
 Служилъ ужъ позовщикомъ красному Солнцу.
 Былъ тутъ Соловей Будимирычъ быллой,
 Пришедшій изъ Индіи къ намъ на Поморье;
 Но міръ этотъ новый затмилъ наконецъ
 Его первообразъ. Тамъ, въ Индіи, — царь онъ,
 Любитель искусствъ; а у насъ, онъ купецъ,
 Торговый гость, хитрый художникъ по части
 Камчатныхъ узоровъ. Пришелъ молодецъ
 Изъ-за моря онъ, но съ торговой дружиной.
 Тутъ былъ и Михайликъ, нашъ лыцарь родной.
 Но только подъ именемъ Васьки Пьянчуги.
 Однажды, — должно быть, позднѣйшей порой,
 Куда-то разбѣжалось все богатство,
 А грозный Батыга съ безсчетной ордой
 Облегъ стольный Кіевъ, —

«Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватя,
 «Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
 «Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
 «И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
 «И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
 «И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно;
 «И по той стѣнѣ городовы

«И ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
 «Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
 «Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.

.....
 «Не душа то красна дѣвица гуляла по стѣны,

.....
 «А плакала стѣна мать городовая
 «По той ли по вѣрѣ христіянскія, —
 «Будетъ надъ Кіевъ—градъ погибелье...
 «Закручинился князь, запечалился,

.....
 «Попелъ по кружаламъ государевымъ,

.....
 «И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печи».

Прикинулся Васька

Въ ордѣ переметчивомъ; глушій каганъ
 Повѣрилъ, — и далъ ему лучшую силу.

Побивъ ее, Васька вернулъ савъ ихъ станъ, —

«И прибилъ — пригубилъ до одинаго,
 «Не оставивъ Батыгѣ на сѣмена».

Бѣжить каганъ въ степи, а самъ восклицаетъ

«Не дай-то Богъ бывать на святой Руси,
 «Ни мнѣ-ка-ва, ни дѣтямъ, ни внучатамъ».

Тутъ былъ и Поморскій гость, Дюкъ молодой,

И бабій любимецъ, Алеша Поповичъ;

И древній Сухманъ, но ужъ этой порой

Свое доживавшій послѣднее время.

Какъ прежде, проказилъ Хотинъ-молодецъ.

Слюбился Хотинка съ купеческой дочкой;

Задумалъ принять онъ законный вѣнецъ, —

Но знать, въ часъ недобрый, на пирѣ веселомъ,

У Солнышка князя, честная вдова,

Его мать, посватала сыну невѣсту;

Пришлось ей неласковы слышать слова

Отъ будущей сватьюшки; больно и больно

Онѣ разбранились. Купечья жена

Отдать не хотѣла за нищаго дочку;

«Отдамъ-ли я дочку, сказала она,

«За голую голь, что живетъ лишь чужбинкой!..

«Бздить Хотинка по городу,

«Ищеть бобоваго зерненка, —

«А гдѣ бы то Хотинушѣѣ обѣдъ сочинить?»

И прямо сплеснула всю чару вина,

Что матеръ Хотинушки ей подносила,

На лисью ей шубку...

«Честная вдова, честно-Блудова жена,

«Со честна пира пошла она невесела,

«Прикручинивши пошла, припечаливши,

«Привлонила буйну голову къ сырой землѣ,

«Очи ясныя втопила во сыру землю».

Однако Хотинка свое таки взялъ;

Онъ выхватилъ двери въ дому у невѣсты,

Увезъ съ собой дѣвку, и сватьбу сыгралъ;

И жили потомъ они оба въ согласьи.

Засталъ у Владиміра-князя Илья,

Засталъ и такихъ еще витязей новыхъ,

О комъ едва знала родная земля,

Да знаетъ едва ли порядкомъ и нынѣ:

Быль тутъ богатырь, — темный Илья;

Были мужики Залѣшане

Были еще два брата Халиловы,

Да семь братьевъ Збродовичей.

«Шубы на нихъ струйчатой камки,

«Ожерелья на шубахъ черна соболя,

«Пугови фальшныя,

«Сапожки-зеленъ-сафьянъ,

«Шиты пяты, носки востры,

«Подъ пятами подбиты люты змѣи;

«Подъ пату-пату воробей пролетѣлъ».

«Они серебряны чары въ карманъ кладуть,

«Дверями хлопъ — обверины вонъ,

«Воротами хлопъ — вереи вонъ,

«Воротный столпъ шатается.

«Точенны перила присыпались...» 5).

Межъ тѣмъ, каждый день — за пирами пиры....

Пируютъ у краснаго-Солнца бояре,

Цируетъ дружина и богатыри;

Но это не то ужь что было вначалѣ.

Миръ вѣщій старинный замогъ, измелчалъ;

Послышались бабы межь нихъ пересуды,

Самъ князь Владиміръ по томъ расковъ сталъ, —

А милостивъ больше къ князьямъ и боярамъ.

Недаромъ Добрынюшка этой порой,

Недаромъ онъ въ смутномъ какомъ-то предчувствіи,

Скорбитъ своею чистой, прекрасною душою

И къ матери держитъ такіа онъ рѣчи:

«Свѣтъ ты, государыня, родна моя матушка!

«Лучше-бъ ты спородила Добрынюшку

«Бѣлымъ камешкомъ горючимъ,

«Ты выстала на Скать-гору высокую,

«Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое;

«Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку

«На гору Сарачинскую деревинкою,

«Не для красоты, не для угожества,

«А для ради приѣзда богатырскаго.

«Ко этому бы ко деревцу

«Съѣзжались русскіе богатыри могучіе,

«И стояла бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Още-нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила

«Во славную во матушку Нѣпру-рѣку,

«Во Нѣпру-рѣку да гоголинкою:

«Стояла бы тамъ эта гоголинка вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,

«Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,

«Не пролилъ бы крови я напрасныя,

«Не слезилъ Добрыня отцовъ, матерей,

«Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,

«Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ»⁶⁾.

Онъ чувствуетъ, вѣщей своею душой,

Что свѣтлый Владиміровъ вѣкъ миновался,

Что древній богъ принялъ ужь образъ земной,
 И вокругъ него, видимо, стали являться
 Неправда съ насильемъ. Его духъ благой,
 Духъ свѣтлаго Кришны, приходитъ въ смятенье;
 Отнынѣ онъ чувствуетъ слабость свою,
 Въ томъ обществѣ чуждомъ, ему еще новомъ.
 Онъ видитъ лишь зло и насилье въ краю,
 И служить самъ къ этому даже оружьемъ;
 Свѣтъ-Солнышко князь — не Дажьбогъ ужь былой,
 А жадный владыка святой земли Русской;
 Прошелъ на Руси ея вѣкъ золотой,
 Ея князь впадать сталъ въ строптивую старость,
 Ему леть милѣй стала правды святой...

Узналъ кое-что и еще нашъ Илейка!
 Сказалъ про Алешу Добрыня ему, —
 Какъ этотъ поповичъ и бабій насмѣшникъ
 Сгубилъ у двухъ братьевъ, въ хорошемъ дому,
 Родную сестру, а они отрубили
 Ей голову; сгилла ни за-что она,
 Красавица-дѣвка. ~~«Ну, счастливъ Алешка
 Молитва поповская, видно, сильна:
 Счастливъ онъ, проклятый, что в той порою
 Здѣсь не былъ, — иначе-бъ припомнилъ меня!»~~
 Илья отозвался...

Повѣдалъ Добрыня

Ему также къ слову, какъ князь, не цѣня
 Его богатырскую прежнюю службу,
 Во время отсутствия его повѣнчалъ
 Жену его съ тѣмъ же красавцемъ Алешей;
 Да къ счастью, во время еще засталъ,
 Вернувшись, онъ сватьбу, — и дѣло разстроилъ.
 И на это старый Илейка сказалъ,
 Въ присутствіи полномъ богатырей старшихъ:
 «Не дивуюсь я князю Владиміру, —
 «Что и самъ творить, другому велить:
 «Отъ живаго мужа хочеть жену отнять».
 А это сказалъ онъ, Илейка сѣдой,
 Не даромъ про красное-Солнышко, князя.

Идетъ разъ у князя, идетъ пиръ горой,
Пируеть съ дружиною онъ богатырской, —
Дружина за малымъ столомъ; за большой
Усѣлись, вокругъ князя, князя и бояре.

«А и будетъ день въ половину дня,

«И будетъ столъ въ полустолъ;

«Владимиръ-князь распотѣшился,

«По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,

«Черныя кудри расчесываетъ».

«Тотъ-то женать, другой-то женать, —
Велитъ онъ, князь-стольный, дружинѣ, добыть.

Добыть и ему молодую невѣсту,

Чтобъ было съ кѣмъ князю на радость пожить,

И думу подумать, и вымолвить слово,

«При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися

«И было бы имъ кому поклонитися, —

«Чтобъ была-то она

«И лицомъ красна,

«И умомъ сверстна».

А той порой, еслибъ пройти всю страну,

Нигдѣ-бъ не найти ни умнѣй, ни красивѣй,

Жены князь-Данилы; про эту жену

Прошла тогда слава по цѣлому краю.

Сидѣлъ князь-Данила, мужъ правды святой,

Большимъ воеводой въ Черниговѣ-градѣ.

Рѣшили бояре, князя межъ собой

Данилу сгубить, а жену добыть князю.

Насупился старый казакъ нашъ Илья:

Ему не по праву пришлось это дѣло;

Горька ему стала родная земля;

Не выдержалъ онъ, и сказалъ прямо князю:

«Ужь ты батюшка Владимиръ-князь!

«Изведешь ты яснаго сокола,

«Не пымать тебѣ бѣлой Лебеди».

Еще не слыхалъ князь такихъ смѣлыхъ словъ,

Отъ славной дружины своей богатырской;

Еще не привыкъ онъ, преемникъ боговъ,

Чтобъ кто изъ дружины ему возражать смѣлъ;

~~«Это слово князю не показалось —~~

~~«Посадили (онъ) Илью Муромца въ погребъ».~~

~~Едва ушибнулся при этомъ Илья, —~~

~~Пошелъ въ темный погребъ. Сидѣлъ же и прежде.~~

Онъ плѣнникомъ въ тучахъ; но также земли,

Его и не видя, предъ нимъ трепетала.

Однако недолго пришлось въ этотъ разъ

Ильѣ посидѣть. Принялися за дѣло

Прихвостники князя не въ добрый, звать, часъ:

Сгубить удалось имъ князя — Данилу;

Но имъ не досталась Данилы жена, —

Спасла ее вѣрность къ любимому мужу.

«Взреть княгинюшка свой булатный ножъ,

«Спорола себѣ Микулишна груди бѣлыя,

«Покрыла себѣ Микулишна очи ясныя:

«Заплакали по ней два богатыря», —

Родной братъ Данилы, да свѣтъ нашъ Добрыня.

Смутилась дружина; но пала вина

И весь тяжкій грѣхъ на Владиміра-князя.

Погибла княгиня, погибла она

Надъ трупомъ кровавымъ любимаго мужа;

Узнала про это родная страна,

И память объ этомъ хранить и понынѣ.

Вернулся домой князь, —

~~«Выпущать Илью Муромца изъ погреба,~~

~~«Цѣловать его въ голову, во темечко;~~

~~«— Правду сказалъ ты, старый казакъ,~~

~~«— Старый казакъ, Илья муромецъ! —~~

~~«Жаловать его шубой соболиною» 7).~~

Но тотъ разсудилъ

Что лучше гораздо ему распрощаться

До времени съ Солнышкомъ княземъ. Манить

Илью къ себѣ вновь его мнѣ богатырскія,

Гдѣ онъ зародился; узнать онъ теперь,

Что значила служба близу краснаго Солнца.

Для всѣхъ быль

Палать его свѣтлыхъ; но князь только видѣлъ

Глазами другихъ; онъ лишь слушать людей.

Къ нему приближенныхъ; а всѣ эти люди
 лишь думали только о пользѣ своей.
 Князь, точно, былъ добръ и пріятливъ, и ласковъ;
 но также, лишь къ людямъ, ближайшимъ къ нему,
 а этимъ пріветомъ народа не грѣло.

Жаль было Илейкѣ, судя по всему,
 и стольнаго князя, и край свой родимый:
 да чѣмъ бы помочь онъ? И сталъ онъ, Илья,
 проситься у князя въ отъѣздъ, — на заставѣ
 Стоять богатырской.

Такъ, мало проживъ
 Близъ краснаго Солнца, узналъ Илья много;
 Узналъ онъ, почтѣ князь предъ нимъ такъ спѣсивъ,
 Узналъ онъ, кто русской землей заправляетъ.

Стоить на заставѣ Илья-атаманъ
 Съ дружиною князя. Отколь ни явился,
 На нихъ наѣзжаетъ степной великанъ.
 Его богатырскій конь землю копытомъ
 Въ полпечи бросаетъ. Завидѣвши ихъ,
 Онъ прямо направилъ коня на заставу;
 Ихъ взорвало это. Кто онъ, — за какихъ
 Безсильныхъ людишекъ онъ ихъ принимаетъ?
 Рѣшили тотчасъ же они межъ собой,
 Чтобъ выѣхалъ Васья противъ супостата;
 Но это отвергнуто мудрымъ Ильей:
 «Затѣмъ, говорить онъ, ребятушки-братцы,

«У Васьи полы долгія,
 «По землѣ ходитъ Васька, заплетается,
 «На бою, на дракѣ заплетается;
 «Погинетъ Васька понапрасному,
 «Не ладно, ребятушки, полѣжи!».

Тогда положили совѣтомъ, послать
 Не Ваську, — а Гришку, боярскаго сына;
 Онъ изстари, Гришка, обыкъ воевать.
 Илья и на это согласія не далъ:

«Гришка рода боярскаго,
 «Боярскіе роды хвастливые;
 «На бою, на дракѣ призахвастается,

«Погинеть Гришка понапрасному;

«Неладно, ребятушки, удумали».

Инь—Гришки не надо! рѣшили они, —

А пусть ѣдет драться Алеша Поповичъ;

Бываль онъ, Алеша, удалъ въ оны дни.

Но старый Илья и на то не согласенъ:

«Алешинька рода поповскаго,

«Поповскіе глаза завидушіе,

«Поповскія руки загребушія,

«Увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ

«Много злата-серебра:

«Злату Алеша позавидуетъ,

«Погинеть Алеша понапрасному;

«Не ладно, ребятушки, полѣжи!».

Поѣхаль Добрыня. Но чуть великанъ

Коня припустилъ, какъ померкнуло небо,

Взвился его конь, какъ степной ураганъ,

Дрогнула земля, — растерялся Добрыня,

Взмолился святымъ, — и помчался назадъ.

Пришлось съ нахвальщикомъ биться Илейкѣ.

Поѣхаль Илья, — по Ильѣ супостать.

Пожалуй, другимъ съ великаномъ не сладить.

Они долго бились, какъ вдругъ нашъ Илья,

Взмахнувши неловко рукой, поскользнулся,

И палъ на колѣно; но мать-Земля

Илеюшкѣ втрое прибавила силы.

Вскочилъ онъ на рѣзвыя ноги, хватилъ

Нахвальщика въ грудь, стиснулъ въ лапы, подкинулъ

Подъ небо, — и рухнулъ Нахвальщикъ безъ силъ.

Илья отсѣвъ разомъ ему головущу,

Воткнулъ головущу себѣ на копьѣ,

И шагомъ поѣхаль къ заставѣ. Подѣхавъ,

Онъ бросилъ съ презрѣньемъ на землю ее,

А самъ только вымолвилъ: «ну, головуща!

«Ѣдилъ (я) въ полѣ тридцать лѣтъ»

«Этого чуда не наѣживалъ»⁸⁾.

Илья самъ титанъ, — но онъ съ міромъ былымъ

Давно порвалъ связи, и тѣмъ былъ страшнѣе
 Онъ древнимъ титанамъ, ему не чужимъ.
 Онъ былъ одаренъ силой, равной съ ихъ силой,
 И даже въ то время еще встрѣтить могъ
 Межъ нихъ существа, ему близко-родныя.
 Во дни первобытныхъ стихійныхъ тревогъ,
 Илья нашъ, подобно богамъ всѣмъ тогдашнимъ,
 Имѣлъ, значить, также и связи любви;
 И тамъ, — въ прежнемъ мірѣ, не могъ не оставить
 Ближайшихъ потомковъ. Въ ихъ буйной крови
 Кипѣла Илейкина страшная сила;
 Но онъ не хотѣлъ заносить ничего
 Изъ жизни минувшей въ свой міръ настоящій;
 Да впрочемъ едва ли-бъ узнали его
 И сами они, въ этомъ образѣ новомъ.

Однажды, онъ видитъ, нашъ старый Илья, —
 Въ зеленыхъ лугахъ богатырь развѣзжаетъ,
 Подброситъ копьё онъ, — не видно копья,
 Подскачетъ потомъ богатырь и подхватитъ;

«На правомъ плечѣ везетъ онъ ясна сокола,

«На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,

«У стремени прикована змѣя Горынская».

Глядитъ на него нашъ Илейка, — все въ немъ
 Ильѣ говоритъ про міръ древній, минувшій;
 Играетъ младъ-витязь булатнымъ копьёмъ,
 А самъ рѣчь ведетъ:

«Коль легко верчу я острымъ копьёмъ,

«Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ».

Стало быть, зналъ Илью

Тотъ витязь и прежде; тогда какъ Илейка
 Его повстрѣчалъ лишь впервые въ краю.

Подвѣхалъ Илья, и ему отвѣчаетъ:

«Ой ты гой еси, поленица удалая!

«Ты зачѣмъ рано похваляешься?

«Не улова ты птицы, теребишь ее;

«Не сваривши птицы, Богу молишься».

Покончивъ хвалиться, — и тотъ, и другой,
 Своихъ осадилъ коней богатырскихъ;

Потомъ припустили, — и начали бой.

« Не двѣ грозныхъ тучи затучились,

« Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:

« Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ »;

Они оба равны могучею силой...

Сломали оружье, — и оба тотчасъ

Скочили съ коней, и взылись *рукопашкой*;

Дрались плотнымъ боемъ, дрались не часъ, —

« Водились добры молодцы полтора года,

« По колѣнямъ въ землѣ приобмялися »;

Илья, наконецъ, утомившись, упалъ;

Младой богатырь съѣлъ Илейкѣ на груди,

И взялъ уже въ руки булатный кинжалъ,

Чтобъ вынуть изъ груди Илейкиной сердце;

« Тутъ Илейка возмолится:

« Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,

« Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;

« Сколько я стоялъ за благочестивыхъ женъ, —

« Благочестивыя жены, вдовы безмужнія, —

« День и ночь онѣ Богу молятся »...

И эта увѣренность въ высшей судьбѣ,

И зтотъ призывъ къ своему назначенью,

Рѣшилъ его жребій въ жестокой борьбѣ;

Илья получаетъ угасшія силы:

« Не сѣрая утица востопорщится,

« Илья на землѣ поворотится,

« Металь Сокольника подъ вышиною небесную », —

Теперь ужъ Илейка — заносить кинжалъ

И хочетъ пороть богатырскія груди;

Но онъ спросилъ имя врага, и узналъ

Роднаго въ немъ сына, съ Студенаго моря;

То былъ Сбуть-царевичъ, сынъ вѣщей жены,

Илейкиной прежней жены, Латыгорки, —

Одинъ изъ сыновъ тѣхъ сѣдой старины,

Что онъ не встрѣчалъ никогда въ родномъ краѣ.

Одни говорятъ, что Илья обласкалъ

Родимое чадо, и съ нимъ распрощался;

Другіе, что витязь-вѣзжій пыталъ

Потомъ умертвить его гнусной измѣной, —
 И въ гнѣвѣ, Илейка за то разорвалъ
 Его на двѣ части, — одну бросилъ въ воду,
 Другую оставилъ на томъ берегу,
 Гдѣ съ нимъ повстрѣялся.

Какъ видно, Илья нашъ

Никакъ не хотѣлъ оставаться въ долгу,
 Предъ міромъ стариннымъ, и съ нимъ онъ кивалъ
 По-свойски.

«Вотъ тебѣ половина, мнѣ другая!»

«Раздѣлили я Сокольніча, охотничка»⁹⁾.

Такъ въ духъ могучемъ Илья

Еще пробиваетъ жестокость титана,
 Прямое наслѣдье стихійной семьи,
 Откуда онъ вышелъ. Особенно страшень
 Становится старый Илья и жестокъ,
 Когда онъ встрѣчаетъ какой нибудь образъ
 Изъ прежняго міра, какъ мутный потокъ,
 Еще пробивавшійся въ міръ этотъ новый.
 Илья, — представитель теперь лучшихъ дней,
 Каратель обидъ и слѣпыхъ притѣсненій;
 Онъ жалуется нравственныхъ, честныхъ людей,
 А край охраняетъ отъ древнихъ чудовищъ.

Въ другой разъ, онъ ѣдетъ, все той же порой,
 По чистому полю, и видитъ идущихъ
 Каликъ переходящихъ; идутъ не толпой
 Святые калики, — идутъ только двое:

«Идетъ-то калика переходячая

«Въ меженный день, по красному по солнышку,

«А въ зимній день, по дороге по камнюсамоцвѣтному,

«А лапотки на нихъ, изъ семи шелковъ,

«Промежь проплетены камнями самоцвѣтными,

«А были у калики кюки въ сорокъ пудъ».

Сдержалъ коня старый Илья, и спросилъ:

Откуда идти, куда путь они держать?

Узнавъ же, что путь ихъ изъ Кіева былъ,

Сталъ спрашивать онъ и про стольнаго князя:

Какъ князь поживаетъ съ княгиней своей?

Что Кіевъ святой? Кто его охраняетъ,
Изъ витязей младшихъ, изъ богатырей?
Кто въ Кіевѣ-градѣ изъ нихъ, кто въ отъѣздѣ?

«Недобрыя-дуже творятся дѣла
Во Кіевѣ-градѣ! Сказали калики, —
Дождался градъ-Кіевъ великаго зла,
За срамную жизнь, за грѣхи Аправсѣвны...
Вотъ какъ, человѣче! Зѣло некрасно
Житье стало князя; да такъ некрасно-то
У краснаго Солнышка стало оно,
Что онъ хоть совсѣмъ бѣги съ бѣлаго свѣта:

«Явилосѣ во градѣ во Кіевѣ
«Идолице пованое:
«Голова у него съ цивной востель,
«Во плечахъ-то коса сажень,
«Промежь бровей-то борова и три пяди,
«Промежь ушей-то пройдетъ галена стрѣла;
«А бѣтъ-то онъ, идолице, по цѣлому бѣгу,
«А пьетъ-то онъ по пивному котлу;
«Объѣдаетъ, опиваетъ онъ Кіевъ-градъ,
«Свои ручки держитъ у княгини за пазухой.»

Апракса любила всегда близъ себя
Красавцевъ. Чурила служилъ при княгинѣ
Постельничимъ прежде; потомъ, не влюбя
Такихъ безпорядковъ, его князь назначилъ
Повозщикомъ. Сидя за княжимъ столомъ
Однажды она до того заглядѣлась
На рожу Алеши, что, руша ножомъ
Жаркое, порѣзала палець. Позднѣе
Ее обвиняли еще въ клеветѣ
Противъ атамана каликъ переходящихъ;
Когда, не поддавшись ея красотѣ
И ласкамъ любовнымъ, какъ новый Іосифъ,
Онъ былъ обвиненъ отъ нея въ воровствѣ;
Но Богъ оправдалъ его, сдѣлавши чудо;
Онъ кончилъ дорогу свою въ торжествѣ;
Она-жъ заболѣла смертельной болѣзнью;
Но тотъ же калика, явившись къ ней,

Ее спасъ отъ смерти. Однако и послѣ,
 Княгиня, по высшей природѣ своей,
 Подобно прекрасной женѣ Пизифоѣ,
 Искала объятій, — не только людей,
 Но даже, какъ видно, и чудищъ заѣзжихъ...

Дослушавъ каликъ переходящихъ разсказъ,
 Илья нарядился въ каличью одежду, —

- «Обуваль Илья лапотки шелковые
- «Одѣваль Илья гуню сорочинскую,
- «Одѣваль Илья подсумки рытаго бархата,
- «Надѣваль Илья шляпу греческую,
- «И выдернулъ влюшку-волжанку
- «Со матушки сырой земли»...

Велѣлъ дожидаться себя, — и тотчасъ
 Отправился въ Кіевъ.

Пришелъ онъ въ градъ Кіевъ,

Въ одеждѣ каличьей, и прямо въ дворецъ.

Почуяло дивище близость Илейки, —

Почуяло также и близкій конецъ.

Швырнулъ богатырь въ него шапкой каличьей,

И тутъ же, сальной дивъ и духъ испустилъ.

Спасъ Кіевъ Илья и Владиміра-князя,

Но тамъ не остался; а вновь уходилъ

Въ раздольное поле, гдѣ ждали калики ⁽¹⁰⁾.

Не по сердцу было все это князьямъ
 И знатнымъ боярамъ, прихлебникамъ князя;

Они не привыкли къ подобнымъ дѣламъ.

Во всемъ-то Илейка Владиміру нуженъ;

Но больше всего, ихъ по сердцу скребла

Его прямота и незнатность рожденья;

Свершилъ бы изъ нихъ кто такія дѣла, —

А то, сынъ крестьянскій, изъ рода Микулы!

За эту-то струнку бояре, князья,

И вздумали тронуть былого титана.

Завхалъ однажды въ градъ Кіевъ Илья,

Исполнивши князю какую-то службу.

Послалъ Князь-Владиміръ на пирь къ себѣ звать

Князей и бояръ, и богатирей старших;
 Забылъ ли Владиміръ слугамъ приказать
 Позвать и Илью, иль устроено было
 Брагами Ильи, чтобъ не звали его;
 Но только Илейку на ширь не позвали;
 Всѣхъ звать велѣлъ князь, не забывъ никого,
 Однако Илейку позвать позабыли.

Вскипѣлъ, отъ столь наглои обиды, Илья;
 Воспрянулъ въ немъ духъ первобытнѣй титана,
 Предъ кѣмъ во дни оны дрожала земля,
 Предъ кѣмъ приходили въ смятенѣ стихіи.
 Не хочетъ Илья князь въ бесѣдѣ своей,
 Не позовалъ Илью онъ съ другими гостями;
 Такъ самъ же сзоветъ онъ, Илейка, гостей...
 Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ на весь стольный Кіевъ:
 Бѣ ему соберутся изъ норъ, изъ щелей,
 Изъ ямъ, изъ трущобъ, развеселые гости....

И свиснулъ онъ, гаркнулъ на весь Кіевъ-градъ,
 На весь міръ голодный, босой, горемычный.
 Не черныя тучи по небу летять,
 Несутся вдоль улицъ къ Ильѣ его гости, —

Катить-валить Голь Голянская,
 Голь Голянская, Голь Кабацкая,
 Нищета горемычная,
 Нищета босоногая;
 Катять-валать дивы грозныя,
 Дивы грозныя, карлы чумазыя,
 Русалочки-земляночки,
 Трехсаженныя лѣшии, —

Тѣ дивы, что въ кузняхъ молотами постукивають,
 По мельницамъ темнымъ колеса ворочають,
 По глухимъ лѣсамъ темной ночью разгуливають,
 По раздольнымъ степямъ обозы сворачивають,
 По большимъ городамъ, какъ грибы, изъ земли растутъ...

Какъ пошелъ нашъ Илья по Кіеву,
 Какъ пошелъ онъ изъ тутаго лука дострѣливать, —
 Полетѣли съ церковей золотыя маковки,
 Заплясали хоромы боярскія,

Посыпались въ заборахъ тычинки желѣзныя,
Заметался шальной торговый людъ,
Торговый людъ, — весь честной народъ.

Услышалъ князь столыный про эту гульбу,
Гульбу-похвальбу, исполина Илейки,
Увидѣлъ несмѣтную ату гурьбу.

Онъ Голи-Голянскоя, той Голи-Кабаккой;
Забывъ холить кудри златымъ гребешкомъ;
Глядитъ на бояръ, на богатырей старшихъ,
Ждетъ, что они скажутъ, раскинувъ умомъ,
Куда его, Солнышко красное, спрячуть:...

~~Но всѣ расставлены бояре князю,
Кружокъ богатырскій не молвить ни слова.
Они понимаютъ, — обиженъ Ильи!~~

Сидитъ богатырство, угрюмо насупишь;
Какъ будто въ угарѣ, по-gridнѣ свуютъ
Бнязья и боаре... Кого же къ Илейкѣ
Они съ челобитьемъ отъ князя пошлютъ?
Кто гнѣвъ обратитъ его страшный на милость?

~~Никто ни подслова изъ богатырей;~~
Какъ Богъ надоумилъ младаго Добрыню;
Встаетъ онъ, Добрыня, краса этихъ дней,
И молвитъ Добрыня свѣтъ Солнышку Князю:
«Свѣтъ красное Солнце! Доволь я пойду.
Что будетъ? Съ Ильей мы простовые братья, —
Авось я съ собою его приведу;

А мнѣ не удастся, тогда будь что будетъ!»

Отъ этихъ разумныхъ рѣчей сдвинуло
На сердцѣ у князя; а князи, боаре,
Что сами-жъ собою затѣяли зло,
Тѣ, съ радости, чуть себя помнятъ, — Добрыню
Съ крыльца провожаютъ.

Но какъ подступать
Въ такія минуты къ Ильѣ, хотъ и брату?
Ильѣ махнуть стоять, чтобы разразитъ
Сильнѣйшую силу. Сталь думать Добрыня:
Коль спереди прямо къ Ильѣ подойти,
Тогда и конецъ тутъ; а ежели сзади, —

Авось въ Ильѣ сердце успееть пройти,
И стать заходить онъ, Добрынюшка, сзади.

Зашелъ къ Ильѣ сзади онъ и обхватилъ
Его грудь могучую крѣпко руками;

Илья, не взглянувши назадъ, ощутилъ,

Что стиснулъ онъ въ братскихъ горячихъ объятыхъ.

«Ну, счастливъ, Добрыня, крестовый мой братъ,

Что ты догадался зайти ко мнѣ сзади!

Сказалъ Илья. Будь ты сильнѣй во сто кратъ;

Но если-бы ты подошелъ ко мнѣ прямо,

Тебѣ не остаться-бъ, братъ милый, въ живыхъ.»

Но сердце Илейкино тутъ же остыло;

Какъ буря вскипѣлъ онъ, какъ буря и стихъ.

Простилъ Илья Князя; а стольный князь понялъ,

Что это за птица, — крестьянинъ Илья;

Что съ нимъ, Илейей, шутки шутить не пригодно.

Притихнули сразу бояре, князья,

Хоть въ нихъ и кипѣла еще пуще злоба.

Князь началъ Илейку всѣхъ выше сажать, —

Гдѣ самъ пожелаеть, но древняго дива

Почетъ этотъ поздній не могъ ужъ прельщать, —

Не въ-время князь споконился о гостѣ.

Взговорилъ ему Илья Муромецъ:

«Володиміръ князь земли свѣторусскія,

«Правду сказывалъ Добрынюшка;

«Не хотѣлъ ты гостя на приездѣ учествовать,

«На отъездѣ гостя не учествуешь;

«Самъ ты сидѣлъ со воронами,

«А меня садилъ съ воронятами.»

И снова съ нимъ, княземъ, простился Илья ¹¹⁾.

Онъ долго ли, мало ль потомъ опять ѣздилъ,

Про это не помнитъ родная земля, —

Но разъ заѣзжаетъ Илья въ стольный Кіевъ;

Того лишь и ждали бояре-князья:

Теперь-то Илья мелкоту ихъ узнаеть!

Идетъ пиръ у князя. Пируютъ, басятъ

Могучіе витязи, князи, бояре;

Гутѣрять боярнии, пьють и ѣдятъ
Прихлебники князьки; всѣ веселы, пьяны, —

«Кто хвалится лихимъ конемъ,
«Кто хвалится золотой казной,
«Дуракъ хвалится молодой женой,
«А умный своей родной матушкой.»
«Изъ-за того стола изъ за дубова,
«Не золота звонка труба вострубила,
«Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«— Полно вамъ, бояры, хвастати!
«— Стану я васъ дарить, жаловать,
«— Кого серебромъ, кого золотомъ,
«— Кого скатнымъ жемчугомъ.»

Говорить княгиня Апраксѣвна:

«Всѣхъ ты, князь-Солнышко красное,
«— Довольно одарилъ, ужаловаль;
«— Одного только удалаго молодца
«— Не одарилъ ты довольно, не ужаловаль,
«— Славнаго богатыря Илью Муромца.»

Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

«— Подарю я удала добра молодца
«— Тѣми дарами, которыя мнѣ пришли
«— Отъ татарина, отъ бусурманова,
«— Подарю я его тою шубой соболиною.»

Была-ль то случайность, иль князю впередъ
Шепнули назначить татарскую шубу,
Въ подарокъ Илейкѣ, — кто тутъ разбереть;
Но даръ показался Илейкѣ обиднымъ,
Почель за обиду Илья нашъ и то,
Что вспомнилъ не самъ князь о немъ, а княгиня.
Что значить Илейкѣ подарокъ? — Ничто!
Но къ явнымъ обидамъ онъ былъ непривыченъ.

«Береть Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
«И бьетъ шубу о кирпичатъ полъ;
«А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
«— Велить-то мнѣ Богъ шубу бить
«— О кирпичатъ полъ,
«— Велить мнѣ Богъ бивать,

«—Татарина басурманина.»

Хотѣлъ ли Илейка, изливши свой гнѣвъ
 На шубѣ татарской, хотѣлъ ли сказать онъ
 Тѣмъ самымъ поступкомъ, что онъ, одолѣвъ
 Потомъ и живаго татарина, въ полѣ,
 Расправится также,—не мысля совсѣмъ
 Нанести тѣмъ обиду державному князю;
 Но вызовъ былъ брошенъ теперь, и ничѣмъ
 Не могъ онъ продерзости этой исправить;
 Ихъ чаша раздора стояла полна,
 Ненадобно было въ ней больше ни капли...
 Сперва воцарилась кругомъ тишина,

Потомъ поднялся вдругъ кругомъ громкій ропотъ,—

«Тутъ князя бодре подмолвились;

«—Гой еси, батюшка Владиміръ князь!

«—Всѣмъ-то твои дары по любви пришли;

«—Одному-то улакому молодцу...

«—Дары тѣ не по любви пришли...

«Что по имени-то Ильѣ Муромцу.»

Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

«—Взять было улаваго добра-молодца

«—Бросить его въ погреба глубокіе,

«—Задрнуть рѣшетками желѣзными

«—Завалить чашей хрящемъ-камнемъ.»

Какъ листъ, встрепенулись бодре-князья,—

Достигла обида желаемой цѣли;

Однако не свой братъ могучій Ильѣ!

Кто сунется первый къ нему? Кто подступитъ?

«Ну, что же вы стали? Ильѣ говорить.

Я, можетъ, и вправду предъ батюшкой-княземъ

Виновецъ; ведите, куда онъ велитъ.»

Враги его робко еще пошептались,

И двинулись къ двери.—Ильѣ самъ пошелъ...

Душевно ликуя, они затворили

Его въ глухой погребъ, поставили столъ

Къ нему и скамейку,—но пищи поставили,

Какъ видно, забыли; а слугамъ своимъ

Велѣли асыщаль подвалъ хрящемъ-камнемъ.

Тагъ онъ погребенъ былъ, Илья нашъ, живчикъ,
 Покуда умреть онъ голодною смертию ¹²⁾.

Минуло три года. Сидитъ нашъ Илья,
 Въ тюрьмѣ своей темной, живой или мертвый;
 О немъ ужъ забыли. Осталась земли
 Безъ крѣпкой защиты его, богатырской;
 Росло несогласіе богатырей
 Съ свѣтъ-Солнышкомъ княземъ; не смѣи подступиться
 Теперь къ самоправству бояръ и князей;
 Разъбѣхалось старшее все богатырство,
 Богъ знаетъ куда, а за ними во слѣдъ,
 Исчезли и витязи младшіе. Больше
 Не грѣль, не манилъ ихъ холодный привѣтъ
 Свѣтъ-краснаго Солнца; остались при князѣ
 Бояре да князи; померкъ его свѣтъ,
 Хотя и сиялъ онъ, казалось, какъ прежде.

Три года — считается. Минута — секунда —
 Сидѣлъ Илья старшій въ томъ погребѣ темномъ,
 Какъ пойманный въ клетку жельзную звѣрь,
 Какъ замкнутый въ тучу, богъ древній, Громовникъ;
 Но вотъ посѣтила и князя бѣда,
 Стряслось падъ нимъ горе, какихъ не бывало;
 Какъ грозныя тучи, какъ вешня вода,
 На Кіевъ нахлынули злые татары.

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,

«Зачѣмъ не разступится?

«А отъ пару было отъ коннаго

«А и мѣсяцъ, и солнце померкнули,

«Не видать луча свѣта бѣлаго;

«А отъ духу татарскаго

«Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.»

«Обступили вокругъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ,—

«Соколу летѣть на меженный день,

«Маленькой птичкѣ не пролетѣть.»

Повѣсиль головушку Солнышко-свѣтъ;

Куда ни посмотреть, вездѣ вражья сила,—

А въ Кіевѣ-градѣ ни витязя нѣтъ,

*

Не то что могучихъ богатырей старшихъ.

Пожалуй, и нуждушки не было-бъ въ нихъ,

Когда бъ оставался при князѣ Илейка;

Да гдѣ онъ? «Не можетъ Илья быть въ живыхъ!

Вздыхаетъ князь стольный, о старомъ Илейкѣ, —

«Нѣтъ у насъ стоятеля,

«Нѣтъ у насъ оберегателя,

«Удалова добра-молодца, Ильи Муромца.»

Одной лишь княгинѣ, какъ бы ничего.

Она говоритъ Володиміру Князю:

«Послалъ бы ты, князь, поразвѣдать кого, —

Не живъ ли Илья? Все на свѣтѣ бываетъ.»

Отвѣчаетъ ей Владиміръ-Князь:

«— Ты гой еси, Княгиня неразумная!

«— Сними-ка ты буйну голову,

«— Приростеть ли она къ плечамъ?»

«Говоритъ Княгиня Князю-Владиміру:

«Посылай только, — онъ живъ сидитъ.»

А наша княгиня себѣ на умѣ!

Когда засадилъ князь Илью въ темный погребъ, —

Пускай-де сидитъ тамъ Илья, въ вѣчной тьмѣ, —

Княгиня рѣшила; а живъ Илья будетъ,

Все-жъ намъ пригодится. И тутъ же она

Велѣла носить къ нему хлѣба съ водою;

Но только и знала Княгиня одна

Про эту уловку, да вѣрные слуги.

Пошелъ Князь-Владиміръ самъ въ погребъ **глухой,**

Увѣренный впрочемъ, что умеръ Илейка

Голодною смертию. Взялъ также съ собой

Зачѣмъ-то Владиміръ и дочку, Кунаву.

Приходятъ вдвоемъ они въ погребъ сырой, —

«Сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,

«Сидитъ-то за дубовымъ столомъ,

«(Сѣдая борода сквозь столъ проросла,)

«И читаетъ книгу онъ евангелію.»

«Упалъ Владиміръ-Князь Илья въ правуногу:

«— Ай же ты, старый казакъ, Илья Муромецъ!

«— Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,

«И ради матушки свѣто-Русь земли.»

Взглянулъ на Владиміра старшій Илья,
И самъ прослезился. Тихохонько поднялъ
Онъ князя съ земли, посадилъ близъ себя,

И молвилъ: «жаль, стольный князь, — жаль твое царство!»

Владиміръ открылъ свое горе Ильѣ,
И сталъ умолять, послужить странѣ русской, —
Когда не ему, хоть родимой землѣ.

«Изволь, отвѣчалъ нашъ Илья, послужу я
«Святой землѣ русской.»

«Я пойду Калина упрашивать...

«Приведи къ Ильѣ измѣнниковъ!—

«И посѣкъ онъ имъ буйвы головы»¹³⁾.

Обѣхалъ Илейка татарскую рать,

Но видитъ, что съ силой такой онъ не сладить;
А можетъ, и просто хотѣлось опять
Вернуть ему въ Кіевъ богатырей старшихъ.
Подумалъ Илейка,—и выѣхалъ онъ
Не противъ татаръ, а въ раздольное поле.

Сидитъ въ шатрѣ бѣломъ могучій Самсонъ,
Отецъ его крестный; сидятъ съ нимъ двѣнадцать
Товарищей старыхъ. Отвѣсилъ Илья
Самсону поклонъ и богатырямъ старшимъ,
И началъ ихъ звать на Калина-царя;
Но крестный Илейкѣ на это отвѣтилъ:

«— Ай же ты, любимый крестничекъ!

«— Кладена у меня заповѣдь крѣпкая,

«— Не бывать бы мнѣ во градѣ во Кіевѣ

«— И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра,

«— И на княгиню Апраксию не сматривать,

«— И не стоять бы больше за Кіевъ-градъ.

«— Онъ слушаетъ князей-бояръ,

«— А не почитаетъ богатырей».

«Тогда сталъ Илейка его уговаривать:

«— Батюшка крестный, Самсонъ Самсонович!

«— Не ради князя Владиміра,

«— Княгини Апраксиі Королевишны,

«— Ради дому пресвятыя Богородицы

«—И чудотворцевъ Кіевскихъ,
 «—И ради матушки свѣто-Русской земли,
 «—Положи ты половину грѣха на меня.
 «—Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
 «—Пособи мнѣ прогнать царя-Калина!»
 «—Я иду служить за вѣру христіанскую
 «—И за землю россійскую,
 «—Да и за стольный Кіевъ-градъ,
 «—За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей...
 «—А для собаки-то князя-Владиміра
 «—Да и не вышелъ бы я вонъ изъ погреба...
 «И уприся Ілья Муромецъ
 «Самсона Самоиловича и двѣнадцать богатырей».

Они разогнали татарскую рать;
 Очистили Кіевъ отъ вражеской силы,
 Спасли красно-Солнце. Спѣшить удирать
 Царь-нехристь Калина къ себѣ восояси,—

«Бѣжить онъ, а самъ приговариваетъ:
 «Закажу я и дѣтямъ, и внучатамъ
 «Вздить ко городу ко Кіеву.»

Встрѣчаетъ Владиміръ съ Княгиней своей,
 Со всѣмъ дворомъ свѣтлымъ и Кіевомъ-градомъ,
 Встрѣчаетъ Ілью онъ и богатырей;
 Велитъ разослать онъ сукно дорогое
 Имъ подъ ноги; ключницамъ княжимъ велитъ
 Насыпать сребра имъ и чистаго злата,
 И жемчугу, полныя мисы; даритъ
 Лисицами черными ихъ, соболями;
 Но *кончилисъ* прежде еще ихъ *сердца*.
 Они остаются у стольнаго князя;
 Одинъ лишь Ілейка, дождавшисъ конца
 Пировъ и веселья, опять распрощался
 Съ свѣтъ-Солнышкомъ, — съ этой поры, навсегда ¹⁴⁾.

Сверхилъ, говорятъ, онъ еще три поѣздки;
 Былъ въ славномъ Царьградѣ, гдѣ много тогда
 Людей было русскихъ; избавилъ въ Царьградѣ
 Царя Мануила отъ лютыхъ враговъ;
 И тамъ, задалъ также пиръ Голи-Голянскою...

Знай, славный Царьградъ, — знай до позднихъ вѣковъ,
 Какъ здѣсь поживалъ богатырь земли Русской!
 Богатъ бы Илейка былъ въ жизни своей;
 Но онъ раздавалъ все на Божіи церква.

Еще проложили онъ немало путей
 И новыхъ мостовъ намостилъ въ землѣ Русской;
 Немало онъ вывелъ и богатырей
 Изъ плѣна отъ грековъ, стоялъ на заставахъ;
 Но гдѣ-бъ Илья ни былъ, вездѣ онъ щитомъ
 Былъ слабымъ сиротъ и людей угнанныхъ.

Тужилъ онъ однако предъ славнымъ царемъ,
 Царемъ Мануиломъ про прежнюю службу:

«Служилъ-то я у Князя Владиміра,
 «Служилъ я ровно тридцать лѣтъ;
 «А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
 «Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
 «А хлѣба-соли мягкія»¹⁵).

Но свѣтъ христіанства все шире свѣталъ;

Въ немъ таяли быстро чудовища мрака,
 Міръ древній окончился; часъ наступалъ.
 Туда же уйти и богатырямъ новымъ.
 Теперь неудобно ужъ было для нихъ
 Кичиться своею тѣлесною силой;
 Намѣсто вонтелей этихъ земныхъ,
 Въ міръ новый вступала рать воинствъ небесныхъ.

И вотъ, въ самомъ полномъ разгарѣ своемъ,
 Во цвѣтѣ всей силы своей богатырской,
 Илья нашъ снимаетъ булатный шоломъ
 И ратную сбрую, и самъ покидаетъ
 Полезную службу родимой странѣ, —
 Бросаетъ народъ и роднаго Микулу;
 Какъ будто не хочетъ закончить вполнѣ,
 Что началъ съ такимъ онъ блестящимъ успѣхомъ.
 Его охватило-ль напѣтемъ святымъ,
 Какъ многихъ въ то время, спасти свою душу,
 Иль онъ утомился диванствомъ слѣпымъ,
 И темной неправдой прихвостниковъ князя,
 Иль думать Илья, что отнынѣ земля

Сама постоять за себя старуха Княземъ;
 Но только простился могучій Илья
 Съ мечемъ своимъ бранимъ и съ кровнымъ Микудой, —
 «И воздвигнулъ животь*» въ славный Киевъ-градъ,
 «И построилъ онъ церковь соборную,
 «Тутъ Илья и окаменѣлъ».

Другіе толкуютъ, что онъ, Илья, сълъ
 На Соколь-корабликъ, и въ этомъ древнѣйшемъ
 Гробу богатырскомъ исчезъ, улетѣлъ,
 Въ воздушное царство стариннаго Рода,
 Славянскаго Ямы.

Гробъ пышетъ,
 Мертваецъ перестъ,
 Ладонь пышетъ,
 Свѣчи горятъ —

Еще есть разсказъ:

Но онъ представляетъ Илью на заставѣ
 Опять богатырской. Едва лишь угасъ
 Раздоръ его съ княземъ, и мощная сила
 Воителей русскихъ, спасла край родной
 И стольный градъ Киевъ, отъ полчищъ татарскихъ, —
 Блескъ этой побѣды, какъ брагой хмѣльной,
 Совсѣмъ отуманилъ ихъ духъ богатырский.
 Стоять на заставѣ они съ нимъ, Ильей,
 И такъ межъ собою они разсуждаютъ:
 «Еслибы была вся сила небесная,
 «Прирубили бы (мы) и всю силу небесную».

Лишь вымолвилъ это Алеша, — тотчасъ,
 Отколь ни взялись, два воюющихъ дружина
 Алеша ударилъ на нихъ, чтобъ зарезъ
 Покончить обоихъ, свержишь мочь булатный
 У нихъ нѣтъ ярой, разрубилъ коня
 Но чудное дѣло, — ихъ стало цѣлѣе
 Помчался Добрыня; но вынесъ вранья
 Все было равно — что онъ, Алеша,
 Добрыня и тѣхъ четверныхъ разрубилъ.

* Животь, въ настоящемъ смыслѣ, означенъ богатыремъ.

Но стало ихъ восьмеро... Все растутъ вдвое!
 Наѣхалъ Илейка, — его не смутялъ
 Такой чудный случай... Наѣхалъ Илейка,
 И началъ рубить ихъ, что было въ немъ силъ;
 Но сколько онъ срубилъ, настолько ихъ больше.

«Бросились на нихъ всѣ витязи,

«Стали они колотъ, рубить...

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идеть.

«Не столько витязи рубять,

«Сколько добрые кони ихъ топчуть;

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идеть».

«Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,

«Намахались ихъ плечи могутныя,

«Уходились кони ихъ добрые,

«Притупились мечи ихъ булатные, —

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идеть».

«Испугались могучіе витязи:

«Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры;

«Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣеть,

«Какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣеть, —

«Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Русь».

Такъ кончалъ, по древнимъ сказаньямъ, Илья
 Свою боевую жизнь, полную славы

И подвиговъ чудныхъ; остались земля

И вѣщій Микула безъ силушки прежней.

Однако Илья, нашъ древнѣйшій титанъ,

По мнѣнью народному, вовсе не умеръ...

Подобно стариннымъ героямъ славянъ,

Онъ живъ и здоровъ, — только ждетъ время лучшихъ ¹⁷⁾.

Народъ прерываетъ на этомъ рассказъ

О дняхъ своихъ древнихъ, — и вѣщій Микула,

Микула былой, исчезаетъ изъ глазъ:

Перуну-Стрибогу нельзя оставаться

Въ землѣ христіанской. Онъ ~~сталъ ей чужимъ,~~
 Его прежній образъ тотчасъ же ~~мѣняется.~~
 Народъ это ~~понялъ~~; но онъ ~~свыкъся съ нимъ,~~
 Народъ безъ Микулѣ жить больше не можетъ,
 Въ Микулѣ родная его плоть и кровь,
 Онъ Родъ его древній, въ немъ образъ народный, —
 И онъ, для страны возраждается вновь,
 Но въ образѣ скромномъ, простомъ земледѣльца:
 «А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Домой выволочу, да дома вымолочу,
 «Пива наварю и мужичковъ напою;
 «Станутъ мужички меня покланявати;
 «Молодой Микудушка Селяниновичъ.

Но этотъ позднѣйшій Микула не могъ
 Совсѣмъ ~~отрѣшиться отъ древняго міра;~~
 Въ расколѣ онъ будетъ ~~опять идоломъ,~~
 И міръ его древній возникнетъ съ нимъ ~~снова.~~
 При всей теплой вѣрѣ сердечной своей,
 Онъ все еще тотъ же старинный язычникъ;
 Съ нимъ нѣтъ ни боговъ ужь, ни богатейрей,
 Но онъ замѣнилъ ихъ таинственной силой
 Заступниковъ новыхъ, — силъ высшихъ, ~~святыхъ;~~
 Воителей горнихъ небеснаго міра.
 Онъ видитъ своихъ покровителей въ нихъ,
 И тѣмъ начинается рядъ новыхъ преданій.
 Они помогаютъ и нынѣ ему,
 Какъ прежніе боги, въ бѣдахъ и напастяхъ,
 Хранять и въ дорогѣ его, и въ дому,
 Возносять мольбы за него передъ Богомъ.
 Онъ знаетъ ужь, гдѣ-то въ горахъ, свѣтлый рай, —
 Однажды, по Волгѣ плывутъ Новгородцы,
 Изъ нихъ двое-ль, трое-ль, зашли ~~незванно~~...
 Въ то райское царство — и тамъ и остались...
 Онъ знаетъ Китежъ-градъ подземный, ~~буде~~
 Въ татаринѣмъ ~~эпоху~~, ~~увидѣлъ~~ Богъ достойныхъ.
 Градъ этотъ построилъ Егорій, ~~когда~~

Онъ превла устраивать русскую землю;
 Во дни же Батя, когда онъ съ ордой,
 Разграбивши край нашъ, сюда приближался, —
 Земля разступилась, и городъ святой,
 Въ глазахъ супостатовъ, ~~какою~~ ~~тогда~~ землю.
 Кятижъ-градъ ~~полвековой~~ и ~~нынѣ~~ стоять
 Вблизи свѣтлаго озера. Тамъ, въ струяхъ, видны
 Церковныя главы, — народъ нашъ спѣшитъ
 Искать туда ~~святой~~ ~~водичи~~, послушать
 Подводную службу ¹⁸⁾.

Бояре, князья,

Оставшись безъ силы былой, богатырской,
 Должны были сами радѣть, чтобъ земля
 Опять не досталась чудовищамъ древнимъ
 Иль храбрымъ сосѣдамъ. Во дни новыхъ смуть,
 Кровавыхъ раздоровъ и каверъ семейныхъ,
 Князья взяли волю. Ихъ силы растутъ,
 Въ ихъ кругъ прибываютъ все новые люди;
 Самъ Солнышко-князь только образъ для нихъ,
 Священный хранитель ихъ собственной власти;
 Онъ древній Сварогъ этихъ силъ молодыхъ,
 А въ нихъ вновь воскреснули прежніе боги.
 Старинный градъ Кіевъ, Асгардъ нашъ святой,
 Утративши блескъ свой, сталъ имъ неудобенъ;
 Здѣсь все еще вѣяло жизнью былой,
 Народъ еще чувствовалъ прежнюю силу,
 Былъ близокъ врагъ внѣшній. Имъ надобенъ сталъ
 Градъ новый престольный, — Москва, средоточье
 Верховной ихъ силы, гдѣ-бъ твердо стоялъ
 Столъ князя, подъ ихъ благородной охраной;
 Откуда-бъ могли они править страной,
 Какъ древніе боги съ высокаго неба;
 Гдѣ-бъ видѣлъ народъ ихъ всегда надъ собой;
 Куда-бъ приближался онъ съ трепетомъ рабскимъ.

Микула, — хоть книжно, но передалъ намъ,
 Какъ ѣздилъ Данило-князь, съ нѣкимъ гречинномъ,

Изыскивать мѣсто, по темнымъ лѣсамъ,
 Для этого новаго стольнаго града;
 А братель князь гречина Василья съ собой,
 Затѣмъ, что онъ мудръ былъ и зналъ все, что будетъ.

Заѣхалъ Данило съ нимъ въ островъ глухой,
 Гдѣ топкое было, большое болото;
 Заѣхалъ князь въ островъ съ гречиномъ, и зрять
 Пречуднаго, очень великаго звѣря:

«Звѣря превеликаго и пречуднаго,
 «Троеглаваго и краснаго».

Тогда князь узнать восхотѣлъ, что сулить
 Видѣніе это столь чуднаго звѣря;

И хитрый гречинъ объясняетъ ему,
 Что на-этомъ мѣстѣ градъ будетъ великій, —

«Распространится царство треугольное,
 «И разныхъ орды люди
 «Въ томъ царствѣ умножатся, —
 «Преобразуетъ все это троеглавый звѣрь;
 «А разные цвѣта на немъ,
 «Они означаютъ, что изъ всѣхъ странъ земныхъ
 «Учнутъ въ этомъ царствѣ жить разные люди»¹⁹⁾.

Явилась Москва. Хоть Москва по всему
 Должна бы, казалось, быть чуждой Микулѣ, —
 Микула близъ князя теперь не имѣлъ
 Заступниковъ прежнихъ, богатырей древнихъ;
 Отсюда надъ нимъ и страной тяготѣлъ,
 Еще небывалый, гнетъ власти боярской;
 Но этотъ градъ новый, какъ городъ святой,
 Ему сталъ священнымъ. Онъ смѣшивалъ долго
 Его даже съ Киевомъ первой дорой,
 Ввелъ дивовъ въ него и богатырей старшихъ;
 Но послѣ, увидѣвъ ошибку свою, —
 Онъ снова увелъ ихъ на прежнее мѣсто.

Когда жъ Москва, городъ сильнѣйшій въ краю,
 Тѣснить собой стала Микулину землю
 И меньшіе грады, а пуще народъ;

Микула утратилъ старинную силу,
 Онъ былъ одинокъ ужь, его древній родъ
 Давно былъ раскиданъ по цѣлому краю,
 Подъ властію князя, кому онъ вручилъ
 Еще въ древнемъ мірѣ власть высшую въ край;
 Значенье Микулы, что онъ получилъ
 Во тьмѣ первобытной стихійнаго міра,
 Исчезло; блескъ прежнихъ его вѣщихъ силъ
 Сняло христіанство: то былъ Селянинъчъ;
 Но это ужь не былъ Микула былой,
 Старѣйшина племени, князь златой сошки;
 Надъ нимъ были власти; его край родной
 Былъ весь наводненъ басурманскою силой.

Когда-жъ еще хуже пришли времена,
 Когда надломилъ поборы, налоги,
 И врознь зашаталась родная страна,
 Подъ игомъ боярскимъ; что тутъ оставалось
 Микулину роду?.. Одно лишь, — бѣжать, —
 И онъ разбѣжался. Деревни пустыли,
 А степь населялась. Пытался призвать
 Микула, на помощь, богатырей древнихъ;
 Но вмѣсто могучихъ богатырей, шли
 Разбойники, хищная голь и бродяги;
 Весь складъ измѣнился родимой земли,
 Онъ самъ находился среди людей новыхъ ²⁰).

Запомнилъ Микула въ сказаньяхъ своихъ,
 Запомнилъ Литву онъ и бой Куликовскій,
 Впязей и бояръ, для него дорогихъ;
 Запомнилъ и тѣ дни, когда царилъ Грозный,
 Когда выводилъ онъ измѣну въ Москвѣ;
 Запомнилъ Маринку, потомъ Соборъ земскій...
 Но люди другіе стоятъ ужь въ главѣ
 Страны и событій ²¹).

Микула замкнулся,
 Отъ тяжкихъ стѣсненій и новыхъ властей
 Въ свой міръ полудревній, полухристіанскій.

Онъ пробовалъ прежде, когда былъ сильнѣй,
 Отстаивать мѣръ свой и древнюю волю;
 Но высшая власть, что незримо росла
 Во градѣ престольномъ, его отстранила.
 У ней была сила, она все могла,
 У ней были средства и кой-какой свѣточъ;
 А онъ оставался невѣждой былымъ.
 Событья и власти его затирали
 Въ безвыходномъ мракѣ; онъ свывнулся съ нимъ;
 Его ужъ страшили дневной свѣтъ познаныя
 И всякій шагъ твердый, свободный, впередъ, —
 Чтобъ не было хуже.

А власть, безразсудно
 Страхась его силы, толкала народъ
 Все глубже и глубже въ мракъ этотъ бездонный;
 Микула-Громовникъ сталъ выючнымъ скотомъ;
 Онъ будто исчезъ или заснулъ непробудно,
 За то и проснулся онъ нищимъ, — рабомъ...

Но все-таки это его не сломило.

Онъ чувствуетъ силы былыя свои;
 Онъ втайнѣ хранить и богатей древнихъ, —
 Хранить онъ ихъ силу, на лучшіе дни,
 Когда возвратятъ въ Русь свѣтъ и правда.
 Онъ знаетъ, что рано ли, поздно-ль, придетъ
 Божественный вечеръ небесныхъ величій,
 Когда истребить ихъ огонь, — и онъ ждетъ,
 Ждетъ съ вѣрою это великое время:

«Загорится матушка сыра-земля,
 «Съ Востока загорится до Запада,
 «Съ Полудень загорится да до Ночи,
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣсы темные».

«И сошлетъ Господь потопіе,
 «И вымоетъ матушку сыру-землю,
 «Аки харатью бѣлую,
 «Аки скорлупу яичную,

«Аки двицу непорочную».

«И соидетъ Михаилъ архангель-батюшка,
«Вострубить во трубоньку золоту:
«И пойдутъ гласы по всей землѣ,
«Воскреснуть живые и мертвые...»²²).

Микула ждеть этихъ послѣднихъ временъ, —
Но ждеть терпѣливо. Теперь угнетаютъ,
Поносять его; а тогда будетъ онъ
Опять тѣмъ же прежнимъ, богатымъ Микулой.
Едва возсіяетъ блескъ новой зари, —
И онъ просвѣтитъ, какъ красное солнце;
Возстанутъ и древніе богатыри,
Что ждуть не дождутся, по темнымъ пещерамъ,
Дней этихъ жеманныхъ. И будетъ судить
Онъ самъ тогда эту невѣрную землю,
Гдѣ негдѣ ему головы преклонить.
Не будетъ тогда нигдѣ ворону пиши;
Но будетъ міръ новый, и въ немъ будутъ жить
Его предызбранные люди, по правдѣ;

«Растворилися седьмыя небеса,
«Сокатилися златыя колеса,
«Золотыя, еще огненныя;
«Надъ пророками пророкъ-сударь гремитъ,
«Нашъ батюшка поватываетъ,
«Утверждаетъ онъ святой божій законъ».

«Что вы, вѣрные, избранные!
«Я дождусь той поры, времечка,
«Перебирать буду всяко сѣмечко;
«Я отъ чистыхъ не укроюся,
«Надъ царями царь откроюся,
«Завладѣю всѣми престолами
«И короною со державою;
«Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
«И вы рядомъ со мною сядете».

«Не помогутъ, мои други,
«Сего свѣта вамъ князья
«И цари-то всѣ земные;

«Пойдутъ они подѣ землю
«И покроетъ ихъ земля,
«Что горячіе каменья,
«За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье»...» 23).

И ждетъ онъ, Мивула, съ терпѣньемъ, тотъ часъ,
Когда воцарится онъ снова надъ міромъ, —
О чемъ и начнется дальнѣйшій разговоръ.

Конецъ первой книги.

ПРИМЪЧАНІЯ.

А. Кайгородовъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ 1-й пѣсни:

1) Микула Селяниновичъ (или Селягиничъ и Сѣятелевичъ) есть названіе въ древнихъ русскихъ былинахъ богатыря-пахаря, родоначальника и представителя земледѣлія. Имя и отчество эти, новыя; но мифическое лице Микулы весьма древнее. Еще скифы, между которыми наука признаетъ нынѣ и славянъ, производили осѣдлыя земледѣльческія племена свои отъ сына Солнца, князя колесницы или князя кола, колеса, сохи, Колоксай (Kola-ksais), у котораго было два брата: князь Щитъ, — Шекро-ksais, и князь Стрѣла, — Агро-ksais, представителями воинственныхъ и кочевыхъ племенъ. Князь кола или сохи, Колоксай, былъ ихъ меньшей братъ; онъ владѣлъ золотой сохой, золотымъ топоромъ и золотой чашей, упавшими ему изъ солнца. Старшіе его братья, дотронувшись до сохи, обожгли себѣ пальцы, такъ какъ она упала съ неба, еще раскаленная солнечнымъ огнемъ. (Не отсюда ли и народная поговорка при неудавшемся дѣлѣ: что, обжогся? Или: смотри, не обожгись!) Старшіе братья отступились отъ желанія овладѣть сохою, и Колоксай сталъ главнымъ господиномъ земли. Коло на древне-славянскомъ языкѣ означаетъ колесо; отъ чего произошло и древнѣйшее скифское слово, употребляемое и славянами, — коломага. Такъ назывались у скифовъ подвижные ихъ шатры на колесахъ или на колахъ. (Сравн. изуч. народн. быта и поэзиі, Бу-слаева, Р. в. 1873 г. Январь; поэт. воз. слав. на причр. Афанасьева, ч. I, ст. 558, les Gètes, par F. G. Bergmann, ст. 94). Въ древнихъ ведахъ самое солнце воспѣвается въ образѣ колеса. Оно ѣздитъ на чудесной колесницѣ. Первобытнымъ племенамъ представлялся въ образѣ пахаря и богъ Громовникъ, научившій человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣвать землю; а грозное облако уподобляется у нихъ плугу. Язонъ вспахалъ поле (небо) мѣдными огнедышащими быками, т. е. громовыми тучами, и засѣялъ дра-

коновыми змѣями, молніями. На преданія упоминаютъ также о паханѣ на змѣяхъ, — громовыхъ гучахъ. Впослѣдствіи же, мѣсто мифическаго дѣйствія перенесено съ неба на землю. Въ Украинѣ поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ ружелку; что Хригосъ пашеть ниву, а Богородица засѣваетъ зерножь. Вообще тяжелое дѣло земледѣлія преподано людямъ и наложено на нихъ богами. Въ созвѣздіи Оріона наши земледѣльцы по сіе время видятъ небесный плугъ; въ старину, накануне Богоявленія кликали плугу, и плугъ же считается орудіемъ къ изгнанію смерти, посредствомъ опахиванья. (Буслаевъ, тамъ же; Аф. I т. ст. 550—565). Богъ Громовникъ — творецъ урожаявъ, установитель земледѣлія, покровитель пахарей, является и самъ, въ образѣ простаго крестьянина, воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ, подобно Микулѣ Селяниновичу (Аф. т. II, ст. 681). По вендскимъ преданіямъ, первому чловѣку, Джимѣ; вручены были его отцомъ золотая вѣялка и золотое жало, символы земледѣлія и скотоводства, — также знаменующіе князя мира. Яма древнихъ ведъ и Джима тождественны; они оба сыны Солнца, а, можетъ быть, и сами то же солнце, представители земледѣлія. Яма сынъ свѣта и грозовой тучи; онъ же и царь усопшихъ. (Каррьеръ, т. I, ст. 267—320). Г. Квашнинъ-Самаринъ отождествляетъ Микулу съ Океаномъ, конечно воздушнымъ, съ морскимъ царемъ Стрибогомъ, съ Вишну и Варуной. «Ношеніе Микулой своей тяжкой сумочки, (т. е. съ тягой земли), говоритъ онъ, не есть ли одинъ и тотъ же мифъ съ извѣстнымъ воплощеніемъ Вишну, когда онъ, принявъ образъ черепахи, поддержалъ землю, колеблющуюся на водахъ океана! А Вишну въ позднѣйшемъ браманизмѣ смѣнили именно древнѣйшаго морскаго царя арійскихъ мифовъ—Варуну. Какому же божеству прилично носить на своихъ плечахъ землю? Одному Океану, — по нашему, морскому царю, Стрибогу». (Русск. в. 1874, Септ. ст. 23). Какое же древнее имя было Микулы Селяниновича? Изъ сборника русскихъ былинъ Гильфердинга тотъ же авторъ извлекаетъ еще два отчества Микулѣ, а именно: Селягиничъ и Сѣятелевичъ. Въ Олонецкой губ. пахотная земля называется селяга. «А Сѣятелевичъ, говоритъ онъ, указываетъ на Стрибога гораздо прямѣе, чѣмъ Селяниновичъ. Почему имя, подъ которымъ Стрибогъ выводится въ древнѣйшихъ былинахъ, можетъ быть и восстановлено (хотя конечно, и гадательно) такъ: Селяга Сѣятелевичъ». (Тамъ же, ст. 25, 26). При этомъ замѣтимъ еще, что въ нашихъ христіанскихъ преданіяхъ древній Яма уже называется св. Николаемъ: «посреди рая лавровое дерево распустило золотыя вѣтви съ серебряными листьями; подъ деревомъ стоитъ ложе, усыпанное цвѣтами, а на ложѣ почиваетъ св. Николай» (Аф. т. I, Январь, 576). Яма есть также представитель земледѣлія, — и нотому съ одной стороны, если слово:

Микула и можетъ, пожалуй, считаться искаженнымъ именемъ позднѣйшаго его двойника, Николая, хотя народъ говоритъ: Микола или даже Никола (Микола мплостивый, Микола Можайскій), а не Микула; но съ другой стороны, невольно обращаетъ на себя вниманіе имя, встрѣчающееся очень часто въ Магабгаратѣ: Накула, также божественнаго князя колесницы.—и, можетъ быть, когда нибудь будетъ доказано, что это имя—Накула, и имена: Болоксаи и нашъ Микула не чужды между собою; но что, во всякомъ случаѣ, послѣднее,—если и можно произвести его отъ позднѣйшаго имени: Николай,—скорѣе замѣнило только древнѣйшее, нежели произошло отъ этого христіанскаго имени.

2) Основаніемъ этой поэмы служатъ вообще народныя преданія. Впрочемъ, «съ богословской ли, или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, говоритъ Каррьеръ, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіей настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіанствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе открывали они родственныхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ старинною и стародностью; чѣмъ болѣе все неясное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви». Такъ первожденный и первоумершій Яма и первый человекъ Джима тотъ же самый библейскій Адамъ, въ другихъ только образахъ, а роль Харона, по русскимъ духовнымъ стихамъ, исполняетъ Михаилъ-Архангелъ, который, впрочемъ перевозитъ только души праведныхъ къ пресвѣтлому раю, предоставляя грѣшнымъ самимъ брести по огненной рѣкѣ и претерпѣвать мученія, и т. д. (Рел. древ. міра въ отнош. къ христіанству, Р. вѣст. 1873, мартъ, ст. 603, 615).

3) Эти четыре строчки, означенныя вносными знаками, взяты изъ народныхъ былинъ, изд. Рыбникова. Во избѣжаніе излишнихъ выносокъ, считаю нужнымъ оговориться, что и всѣ послѣдующія заимствованія, означенныя сначала до конца такими же вносными знаками, взяты изъ тѣхъ же былинъ, изд. Рыбникова, Кирѣевскаго и др., или изъ духовныхъ народныхъ стихотвореній.

4) «Изученіе ведъ бросило нежданный свѣтъ на начало другихъ религій, говоритъ Альфредъ Мори (*creyances et légendes de l'antiquité*). Въ ведахъ изображенъ міръ, не имѣющій ничего общаго съ позднѣйшимъ міромъ эпохи эпической. Въ томъ мірѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда кастъ, ни переселенія душъ. По мнѣнію аріица, Богъ одинъ, а всѣ прочія божества только его образы. «Божественный Духъ, вращающійся въ небесахъ, какъ поется въ одномъ ведійскомъ гимнѣ, называется Индрой, Митрой, Варуной,

Агни; мудрецы даютъ ему и еще много другихъ названій: Агни, Ямы, Матарисвана». Но Сома есть творецъ всего, въ прошедшемъ настоящемъ и будущемъ; онъ отецъ мудрости, создавшій небо, воздухъ и звѣзды; онъ же возводитъ и солнце на небо. Поэтому можно сказать, что Индія во время ведъ, была классической страной всѣхъ религій. Отсюда произошли брамизмъ въ Индіи, мадеизмъ въ Персіи; отсюда возникли потомъ религіи Эллиновъ, Италійцевъ, Германцевъ, Славянъ и Кельтовъ. «Вначалѣ была Любовь; изъ нея изшло первое сѣмя жизни. Сперва міръ былъ одною нестройной массой, носившейся вверху воды. Мирозданіе совершилось въ глубокой древности; но продолжается непрестанно, исходя отъ нашего общаго отца, прародителя»... «Такъ поется въ ведахъ, которыя вообще относятся къ слишкомъ ранней эпохѣ, чтобы искать въ нихъ космогоническую систему или опредѣленное понятіе о будущей жизни». Тоже самое говоритъ и Баррьеръ, въ своемъ сочиненіи: искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человечества» (Т. 1, ст. 272—273). «Въ идеалѣ божества, говоритъ онъ, вначалѣ видѣли идеалъ разума, и вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ обща. Впрочемъ и мифологическій процессъ, съ зависящимъ отъ него появленіемъ разнообразныхъ божественныхъ обликовъ, начался еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соответственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ, встрѣчающихся у разныхъ народностей. Сходство это однако основано вовсе не на позаимствованіи, напротивъ, многое что съ историческимъ развитіемъ затмилось для самихъ Эллиновъ или Германцевъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ; то снова проявилось теперь для насъ вслѣдствіе розысканій надъ ведами или же на оборотъ, иной обычай нынѣшнихъ нѣмецкихъ крестьянъ истолковываетъ трудныя мѣста древне-индійскихъ гимновъ».

5) «Слово ариі (какъ бы аричи, съ отечественнымъ окончаніемъ ичъ), говоритъ г. профессоръ Буслаевъ, есть не иное что, какъ отцовскія дѣти (какъ бы: отичи), потому что ари или аря значить отецъ или глава семейства». (См. пред.) Слово же Ирій и Вырій или Вырей, по мнѣнію г. Афанасьева, (т. III, ст. 800) только лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того же корня, только въ иной формѣ arj. А по мнѣнію Котляревскаго (О погреб. обыч. ст. 198), этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень raj (радж.), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небснаго блеска, небснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ ведахъ. М. Миллеръ, на котораго ссылается Котляревскій, говоритъ о санскритскомъ существительномъ rajas (раджас),—это первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

Ригъ-веды множ.: число отъ раджас означаетъ облачное небо. Арийскіе народы вообще причисляются къ роду Іафета; г. Бергманъ находитъ этотъ терминъ самымъ лучшимъ для обозначенія арийцевъ и болѣе определеннымъ, нежели названіе Индо-Германцевъ (Les Cèles, стр. 2, 5, прим. на ст. 17): такъ какъ Азія вообще есть прародина и колыбель всѣхъ народовъ, живущихъ нынѣ въ Европѣ. Сперва вышли изъ сѣверо-западной Азіи Финно-Алтайскія племена, около 2,500 л. до Р. Х.; а потомъ пришли въ Европу и племена Іафетовы, между которыми нѣмцы, скандинавы и славяне почитаются самыми младшими. «Древніе же персы именовались иранцами, по первобытному прозвищу арья, ари и Ариама въ ведахъ,—божества, которое часто призываютъ на ряду съ Митрою и Варуной, съ Солнцемъ и Небесами, говорить Каррьеръ (т. I, ст. 286). Аристой, т. е. самыми арийскими, именуются у грековъ благородные; Айрья—честными, почтенными, называли сами себя индѣйцы». По нашимъ преданіямъ Вырій, Вырей, Ирей, Ирій, Ирья, праотчизна арийцевъ, есть теплая страна, лежащая далеко на Востокѣ, у самаго моря, куда скрываются на зиму птицы и насѣкомыя до весны; это царство Солнца за моремъ, гдѣ вѣчное лѣто и откуда прилетаютъ весной птицы и приносятся на землю растительныя сѣмена (Аф. II, ст. 137).

6) «Пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, говоритъ г. Буслаевъ, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ доволъствуется эпосомъ, который питаетъ въ немъ религиозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему въ политическомъ устройствѣ древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями за круглымъ столомъ; англо-саксы, въ лицѣ милостиваго короля Градгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своей преданной дружиной въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ собирателемъ земли русской, народный эпосъ почитаетъ князя Владимира, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями... Какъ солнце по небу числется, т. е. играя и свѣтъ, управляетъ временами года и освѣщаетъ день, такъ и Владимиръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею русскою. Не смѣнилъ ли онъ собою Дажьбога или Сварога, божество Солнца,—по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ мифическихъ возрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ красное солнце до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его». (Рус. богат. эпосъ, Р. Вѣст. 1862, Сент., ст. 50, 51). Скандинавскій богъ Одинъ также пируетъ въ Вадгаѣ съ

свѣтными асами и умершими героями. «Впрочемъ, продолжаетъ г. Буслаевъ въ другомъ мѣстѣ, — «длинные ряды сходныхъ между собою преданій и сказаній, какъ въ общемъ содержаніи, такъ и въ мелочахъ отдѣльныхъ приемовъ, оборотовъ мысли и выраженій, приводятъ изслѣдователей къ мысли о томъ, что кромѣ сродства первобытнаго, по языку и мифологіи, и кромѣ исторической передачи преданія и литературной взаимности, есть еще другія столько же обязательныя узы, которыми народы на громадныхъ разстояніяхъ соединяются между собою въ общихъ имъ всѣмъ интересахъ. Общія всему человѣчеству, законы логики и психологіи, общія явленія въ быту семейномъ и практической жизни, наконецъ общія пути въ развитіи культуры, естественно должны были отразиться и одинаковыми способами понимать явленія жизни и одинаково выражать ихъ въ мифѣ, сказкѣ, преданіи, притчѣ или пословицѣ. Какъ крикъ кукушки, говоритъ проф. Киричниковъ, долженъ отразиться въ языкахъ однимъ и тѣмъ же названіемъ птицы, такъ и извѣстное отношеніе между людьми, необходимо существующее при извѣстной ступени развитія челоѣка, должно отразиться въ поэзіи». (Странст. пов. и раз. Буслаева, Руск. В., Май, 1874 г. ст. 35, 36).

7) «Надобно полагать, говоритъ г. Буслаевъ, въ статьѣ о русскомъ народномъ эпосѣ, что эпическому циклу Владиміра Красна-Солнышка и его богатырей предшествовалъ въ русской поэзіи собственно мифологическій и героическій эпосъ, идеальныя типы котораго были потомъ перенесены на Владиміра и его поэтическихъ спутниковъ. Вѣроятно, между ними уцѣлѣли нѣкоторые остатки древнѣйшей мифической эпохи, какъ напр. Дунай и его воинственная невѣста, эта Брингильда русскаго эпоса; сюда же можно отнести Волха Всеславича, героя-оборотня, Потока Михаѣла Ивановича съ его вѣщей супругой бѣлой Лебедью и нѣкоторыхъ другихъ. Но государственное начало, начинавшее пускать свои корни въ южной Руси, уже очень рано оказало свое дѣйствіе на составъ народнаго эпоса, сгруппировавъ цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ древнемъ, мифическомъ образѣ Красна-Солнышка, которому услужливая дружина дала имя любимаго ею князя. Къ тому же времени принадлежитъ и княжеская личность Добрыни Окруженіе князя Владиміра представителями различныхъ сословій, безъ сомнѣнія, относится къ эпохѣ уже послѣдующей. Величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ быть напоминала идеальныя типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ быть, она была снимкомъ съ мифическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской мифологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и

защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, также и битва Добрыни съ бабой Горыниной, могутъ относиться къ первобытному мифологическому эпосу; но словесныя отношенія этихъ богатырей другъ къ другу внесены во Владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Анахронизмы, столь обыкновенныя во всякой народной поэзіи, какъ напр. у насъ въ пѣсняхъ Владиміръ ведетъ войну съ татарами,—не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія». (Ист. очерки народ. слов. и искусств. т. I, ст. 417—418). «Главный характеръ славянскаго эпоса, продолжаетъ г. Буслаевъ, героическій или, выражаясь сербскимъ терминомъ, юнацкій. Какъ произведеніе народной фантазіи, сложившееся еще въ эпоху миѣическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи, юнацкій эпосъ проникнутъ творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Весь циклъ древне-русскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. Въ обществѣ ихъ, за столомъ Владиміра красна-Солнышка, являются Тугаринъ Змѣевичъ, мифическій змій и сынъ змія; онъ въ преступной связи съ супругою самаго краснаго Солнышка, и т. д... Владиміръ красное-Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственною сѣтью мифическихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга, въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ, съ существами мифическими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщами женами, оборотнями—бѣлыми лебедушками, съ мифическими богатырями, олицетворяющими рѣки; онъ дѣлитъ хлѣбъ-соль съ оборотнями, змѣями, съ породою змѣиною. Не меньшую связь съ міромъ мифическимъ представляютъ и другіе витязи первобытнаго нашего эпоса. Волхъ Всеславичъ даже по самому рожденію своему—существо сверхъестественное», и т. д. (Тамъ же, ч. II, ст. 6, 7, 8). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что Вольга,—варягъ, удѣльный князь, Добрыня—князь безъ удѣла, Опракса—литовская княжна, Михаилъ Потыкъ—отчаянный бродяга, Дюкъ Степановичъ,—богачъ арестократъ изъ Галича, въ Вольгѣ изображенъ также Всеславъ Полоцкій; Соловей разбойникъ—древній разбойникъ Могула, представитель вятичей, Илья Муромецъ,—Чоботокъ, умершій около 1188 г., и т. д. (Бесѣда, 1872 г., № 4). Но это не противорѣчитъ вышележенному толкованію г. Буслаева, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Такъ какъ историческое постепенное развитіе характеровъ и идеаловъ народнаго эпоса находится непременно въ связи съ убѣжденіями и понятіями, смѣняющихся другъ друга, поколѣній, и анахронизмы, столь обыкновенныя во всякой народной поэзіи, не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Илья Муромецъ былъ прежде Перунъ, а потомъ стали богатыремъ русскимъ, Добрыня, по мнѣнію г. Стасова, древній

Бринна, могъ быть и Сигурдомъ, и потомъ княземъ Рязанскимъ и т. д.

8) По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, рѣки Сафать, Изрой, мифическія. На Изроѣ, въ степи, живутъ въ бѣлокаменной пещерѣ чудовищныя змѣи. Леванидовъ крестъ или дуга Леванидовы отъ Леванида, Леонтія, втораго митрополита Бѣвскаго или Ростовскаго епископа, св. Леонтія. (Бесѣда, 1872, № 4). Если же принять названіе рѣки Смородины, какъ саморожденной, т. е. какъ горнаго потока, который мгновенно прибываетъ въ извѣстное время и нерѣдко становится пагубнымъ для тѣхъ, кто переѣзжаетъ черезъ него; то, можетъ быть, и рѣка Изрой, какъ роющая себѣ глубины, подойдетъ подъ тоже значеніе. Упомянутіе въ былинахъ Индѣйскаго моря нѣкоторые считаютъ книжнымъ; однако извѣстно, что Азовское и Балтійское моря въ древности, хоть и ошибочно, назывались Индѣйскими, — послѣднее, отъ жившихъ на немъ Индовъ. Почему же племена, пришедшія нѣкогда изъ Индіи, не могли сохранить, хоть смутно, названія своей прародинны, въ древнѣйшихъ ихъ преданіяхъ?

9) Чохъ (чуханка) и судьба да и вообще всякія примѣты, считались весьма важными въ древности. «По указанію Гримма, арабы о дневномъ разсвѣтѣ выражаются: утро чихаетъ. По народнымъ примѣтамъ: если чхнеть больной, то навѣрно выздоровѣетъ; кто чхнеть рано на тошахъ, тотъ получитъ въ теченіи дня подарокъ или неожиданное счастье», и т. п. (Афан. II, прим. на стр. 338). Еще важнѣе была судьба. «Облачныя дѣвы, хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣденіемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя приносить на землю младенческія души и увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. У славянъ эти дѣвы назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на Божій свѣтъ. Съ ними соединялась идея судьбы, предопредѣленія... Жизнь со всеми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На это указываетъ и народная поговорка: такъ ему или мнѣ на роду написано, — поговорка, мифическое значеніе которой вполне подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ: «рожденникъ, гдѣ написаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка» (Аф. III, ст. 318, 368). «Вѣруа въ зависимость судьбы человѣческой отъ звѣздъ, наши поселяне утверждаютъ: какъ только народится человѣкъ, то Господь тотчасъ же велитъ прорубить въ небѣ окошечко и посадить къ нему ангела наблюдать за дѣлами и поступками новорожденнаго, въ продолженіи всей его жизни; ангелъ смотритъ и записываетъ въ книгу, а людямъ кажется, что то звѣзда свѣтится. А когда че-

ловѣтъ умереть,—окно запирается и звѣзда исчезаетъ,—падаетъ съ неба». (Аф. т. I, ст. 161). «Самое время рожденія человѣка, добрый или злой часъ, было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля» (Аф. т. III, ст. 414). Почему противъ чаръ и всякихъ несчастныхъ случаевъ употреблялись предохранительныя средства, между прочимъ наузы. «Средину между физическимъ связываньемъ тѣла и нравственными узами, какъ бы переходъ одного къ другому, представляютъ намъ въ народныхъ суевѣрїяхъ, преданїа про волшебныя узы и чары, говорить г. Шеппингъ (руск. народность, стр. 160—161). Въ нихъ есть отчасти и вещественное окруженіе человѣка начертаніемъ чародѣйскаго круга, пляской или обходомъ вокругъ него; но сущность этихъ чаръ не въ самомъ веществѣ окружающаго и связывающаго предмета, но въ ихъ сокрытой отъ насъ силѣ. «Въ моихъ узлахъ сила могучая; заговариваю заговоръ мой крѣпко на крѣпко; а будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжеле золота, крѣпче алатырь-камня, могучѣе богатыря», и т. д. Стало быть, надобно было въ тѣ времена имѣть большую силу воли, чтобы не вѣрять ни въ чары, ни въ судьбу. Этимъ извѣстны у насъ Илья Муромецъ, и потомъ Васыка Буслаевъ, послѣдній, впрочемъ, не вѣрилъ ни во что. Такое презрѣніе къ чоху и судьбѣ слѣдуетъ отнести, кажется, болѣе ко временамъ уже христіанства, хотъ бывали такіе безстрашные богатыри и въ язычествѣ, особенно въ Скандинавіи.

10) Замѣчательно въ этой встрѣчѣ полубога-великана, покровителя земледѣлія, Микулы, съ вѣщимъ богатыремъ дружиннаго быта, Вольгой Всеславичемъ, что хотъ князь Владиміръ, покровитель страны, и подарилъ своему племяннику Вольгѣ три города; но вѣщій богатырь Вольга не можетъ проникнуть въ нихъ безъ помощи земледѣльца Микулы. Только земледѣлецъ Микула можетъ водворить его въ этихъ городахъ; на что впрочемъ Микула тотчасъ же соглашается, потому что онъ всегда готовъ способствовать къ водворенію порядка въ своей землѣ. Вся обстановка его при этомъ еще исполнена чудеснаго и напоминаетъ древнія времена. Тутъ и золотая сошка скифскаго Колокся, и кобылка Мигулина, напоминающая собой волшебныхъ коней индѣйскихъ преданій; какъ братья Колокся, коснувшись раскаленной сошки, обожгли себѣ пальцы, такъ ни дружина Вольги, ни онъ самъ, не въ силахъ вытащить Мигулиной сошки изъ земли. Цѣлые три дня Вольга не можетъ доѣхать до оратая, хотъ и слышитъ въ необозримомъ пространствѣ скрипъ его сошки. «Вся эта картина, говоритъ уважаемый профессоръ О. Миллеръ, расширяется до громадныхъ размѣровъ. Передъ вами какъ бы поэтическое отвлеченіе той безпредѣльной равнины, какой разстигается вообще вся земля русская, и ее-то воздѣлываетъ оратай съ такою неутомимостью и такъ

быстро передвигаясь изъ края въ край, что въ пещь можно видѣть только божественнаго оратая, божественнаго представителя и покровителя земледѣлія на Руси. Какъ въ образѣ Воьлги замѣчаемъ мы черты, свойственныя божеству, представителю звѣроловства и воинскаго быта; такъ въ образѣ Микулушки скрывается божество, въ которомъ отъ прежняго физическаго значенія совершился соотвѣтственный переходъ къ нравственному значенію божества, заправляющаго земледѣльческимъ бытомъ. Его божественный родъ еще проглядываетъ до сихъ поръ сквозь тѣ черты, все болѣе и болѣе усиливающагося очеловѣченія, какому современемъ подвергаются всѣ безъ исключенія существа народнаго эпоса. Какъ бы попеременно представляется онъ въ теперешнемъ видѣ былины, то сверхчеловѣческимъ существомъ, то простымъ человѣкомъ». (Богат. Киевск., ст. 203—204). А палаты Микулины, гдѣ онъ принимаетъ Воьлгу, — не слѣдуетъ ли искать ихъ первообразъ между жилищами боговъ на небѣ? Но всѣ три его дочери еще поленицы; значитъ, земледѣльческій бытъ еще только устанавливается, — изъ чего также можно заключить о глубокой древности этой былины.

11) Въ разказѣ поэмы выше приведены всѣ старшіе богатыри нашихъ народныхъ былинъ, между которыми всего болѣе выдается младшій, по времени рожденія, Илья Муромецъ. «Слово богатырь, говоритъ г. Буслаевъ (Рус. вѣст. сент. 1862 ст. 8) происходитъ отъ слова богъ, богатъ, божественный, и есть названіе, собственно русское, тѣхъ же существъ, что въ сербскомъ эпосѣ слывуть подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ дивовъ; какъ латинское dives (богатый) происходитъ отъ deus (богъ), divus (божественный, — отъ корня div—свѣтать, откуда и наши дивы-богатыри); такъ и наше: богатъ, имѣетъ смыслъ мифическій, равно какъ и збожіе (тоже отъ слова богъ), въ смыслѣ жита и хлѣба, а потомъ имѣнія вообще, богатства. Точно также и слово витязь, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятіе о героѣ временъ кн. Владиміра. Слово витязь первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ судѣ Любуши, были выучены вѣщамъ витезевымъ, т. е. онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды. Отсюда и слово витинги, въ смыслѣ благородныхъ воиновъ, морскихъ набѣдниковъ...» Богатыри нашихъ былинъ раздѣляются на старшихъ, собственно древнѣйшихъ, между которыми еще есть богатыри-дивы стихійныя, и на богатырей кievскихъ или младшихъ, т. е. позднѣйшаго времени. «Народный эпосъ, говоритъ, г. Буслаевъ (тамъ же, март. ст. 31) воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра или Непры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и харак-

теръ древнѣйшему быту славянъ...Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племень, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи...По русскому эпосу рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги, Нѣпры королевичны, т. е. Днѣпры (вмѣсто муж: р. Днѣпръ), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная валькирія и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы...Донъ съ досады выстрѣлилъ въ свою жену и убилъ ее, и потомъ въ отчаяннѣе убилъ себя: тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣка. Тоже рассказывается и о Дунаѣ...Отъ крови изъ ранъ Сухмана богатыря протекла Сухманъ рѣка. Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемирный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося подобно еврейскому Ною или индѣйскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса... Волхъ Сеславичъ или Всеславичъ, какъ существо титанической древней породы, былъ сыномъ Змія. Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было приурочено къ мѣстечку Перуния или Перунъ, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ, Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, люто въ людяхъ: бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила, и залегалъ въ той рѣкѣ Волховъ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ будто-бы тогда читалъ его за Бога и называлъ его Громоуъ или Перуномъ. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у новгородцевъ, это мифическое существо называется звѣрь-зміяка, Перюнь, т. е. Перунъ. (Такъ сливались древнѣйшія преданія впоследствии между собою)! «Преданіе о мифическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ, — Святгорѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ, — ясно, что гора сильнѣе земли... Блестательное впрочемъ подтвержденіе русскому мифу находимъ въ одномъ изъ названій горы по санскритски: поддерживающая или держащая землю; такъ что гора по этому названію представляется какъ бы

пѣдесталомъ для какого нибудь мифическаго существа, а именно для богини земли или матери-сырой земли. Уже самое имя Святогора указываетъ на связь съ горю. Живеть онъ на святыхъ горахъ. Святыхъ называется онъ, конечно, не въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь получила свой эпитетъ—святая, первоначально безъ всякаго отношенія къ святости православія». По этому можно присовокупить, что Святогоръ, какъ богатырь стихійный, соответствуетъ также скандинавскому великану стужи Скримиру, у котораго громовникъ Торъ съ своими спутниками однажды ночевалъ въ пальцѣ варяжки или перчатки; но въ глубокой древности и самыя облака считались небесными или воздушными горами, гдѣ въ пещерахъ обитали змѣи—Горыничъ, огненные змѣи и хранились драгоцѣнные сокровища. Кольванъ-богатырь, о которомъ у насъ не сохранилось ни одной былинны, есть представитель, какъ извѣстно, кочеваго быта или степной бродячей силы. Его имя, кажется, можно прямо производить отъ слова коло, колесо, коломяга, т. е. палатка или кибитка на колесахъ, первое подвижное обиталище бочующихъ скифовъ. Илья Муромецъ, сначала сидѣнь, а потомъ глава русскихъ богатырей, заключаетъ въ себѣ, извѣстно также, элементы Святогора и Микулы, которые какъ бы сливаются въ его личности. Онъ родится пахаремъ, обучается богатырскимъ похваткамъ у Святогора, хоронитъ его въ домовищѣ и является въ Кіевѣ побѣдителемъ Соловья-разбойника, защитникомъ вдовъ и сиротъ, и какъ-бы пароднымъ представителемъ князя Владиміра. «Сама мать Сыра-земля любитъ Микуду Селяниновича и весь его родъ-племя: указаніе драгоцѣнное, продолжаетъ Буслаевъ (тамъ же сент. ст. 17—29). Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой мифической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ мифическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого союза, носить только тягу земную, да еще въ переметной сумочкѣ. Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней эрды, такія героини дѣйствительно входятъ въ кругъ сѣвернаго олимпа. Онѣ—явлъ богини изъ прекраснаго рода—племени вановъ или ихъ приспѣшницы, воинственные валькириі, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій». «Тотъ не можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ,

кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіи столѣтій, доходить до насъ, переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анохронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ мифической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Илья Муромца... Потому сложный полубожественный типъ Илья Муромца—Перуна, можетъ быть, даже по тождеству имени, сливается въ одну личность съ Ильєю Громовникомъ. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачатъся въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ-Торѣ. Громовникъ Илья-Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе мифическаго Селяниныча, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіей путь. Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Илья. Илья хотъ и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ; но цѣлыя тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ на печи, протеръ подъ собой яму, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно, богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильєю Муромцемъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи,—вотъ настоящее рожденіе богатыря» (Тамъ же ст. 42—44). Вообще первообразы нѣкоторыхъ нашихъ древнѣйшихъ богатырей, по мнѣнію г. Стасова (В. Евр. 1870 г.), можно искать въ Индіи, колыбели древнѣйшихъ вѣрованій и преданій. Отсюда, говоритъ г. Буслаевъ, онѣ разошлись по цѣлому міру, во множествѣ разнообразныхъ вариаций на общія темы; такъ что даже столь часто употребляемое въ нашихъ сказкахъ «выраженіе: по бородѣ текло (масло съ медомъ), а въ ротъ не кануло—находится еще въ сборникахъ Индіи и Персіи, каковы Панчатантра, Гитопадеша въ первой, откуда и перешли всѣ подобныя рассказы въ древнюю Персію, въ Сирію, Малую Азію, а оттуда въ Грецію и Римъ. Къ намъ же оно могло перейти и прямо изъ Индіи въ глубокой древности, и потомъ изъ Персіи». (Стр. пов. и разск., г. Буслаева, Р. вѣст. 1874 г., Апрель, 671—677, 686). Немудрено послѣ этого найти нѣкоторое сходство, даже одинъ общій тиць между иными древними героями нашихъ народныхъ былинъ и другихъ народностей. У нихъ одна и таже прародина, древняя Индія, въ древнѣйшую эпоху

первыхъ арійцевъ, браминовъ и буддизма. Въ позднѣйшее время могли быть и нѣкоторыя добавленія или наслоенія, даже заимствованія между народностями; но это относится уже къ новѣйшимъ эпохамъ, когда первобытные типы, вынесенные изъ арійской праотчины, отчасти ужь изгладились изъ памяти народной, и народъ нашелъ нужныхъ сдѣлать эти дополненія. «Это уже новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса. какъ выражается г. Буслаевъ, (Р. Вѣстн. Сент. 1862 г., ст. 49 и 42), обозначившійся въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. А каждое поколѣніе, какъ сказано выше, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ иногда цѣлые эпизоды изъ своей современности». Говоря же вообще о нашихъ сохранившихся народныхъ былинахъ, слѣдуетъ сказать, что въ нихъ замѣтна чрезвычайная отрывочность и значительные пропуски. Въ нихъ сохранилось весьма немногое изъ древнѣйшихъ преданій, какъ цѣлое. И, по моему неученому мнѣнію, это уже есть доказательство ихъ чистоты и самобытности, такъ какъ народъ не хотѣлъ касаться этой старинной своей святыни: что онъ позабылъ, — ни слова больше объ этомъ; а что передѣлалось, сообразно послѣдующимъ его понятіямъ и обычаямъ, то передѣлалось въ духѣ его народности и новыхъ требованій его положенія. (См. слѣд. примѣч. 12).

12) Всѣ старшіе богатыри, полубоги-получудища, что окружаютъ князя красное-Солнышко, да и онъ самъ, должны исходить изъ самой глубокой древности. Какъ Индія во время ведъ была классической страной всѣхъ древнихъ религій, такъ она потомъ становится колыбелью древнѣйшихъ легендъ и преданій. Но какимъ образомъ эти легенды развивались въ каждомъ народѣ отдѣльно, — это закрыто отъ насъ глубокимъ мракомъ. Вообще всѣ преданія арійцевъ, да и симитическихъ народовъ, болѣе или менѣе сходны между собой; вѣроятно, потому что идутъ изъ одного источника. Въ какое время и что именно однѣ племена заимствовали у другихъ, — эти нити по сіе время не распутаны; всѣ восточныя племена были въ древности въ непрестанномъ броженіи и столкновеніи другъ съ другомъ. Въ первый періодъ своего религіознаго развитія, говоритъ Бергманъ (*la fascina: de Gulfi*, p. 8—16), человекъ воспринимаетъ только внѣшнія впечатлѣнія поражающихъ его явленій или образовъ; во второй періодъ онъ начинаетъ вникать въ эти явленія и образы, и соображать ихъ въ умѣ; въ третій періодъ каждое изъ этихъ внѣшнихъ явленій и каждый внѣшний образъ имѣютъ въ глазахъ его ужь свой отличительный характеръ и свои особенности. Въ первый періодъ онъ называетъ наприм.: солнце, по его блеску, блестящимъ, и слово: блестящій, въ его понятіяхъ, становится синонимомъ солнца. Во

второй періодъ прежнія божества, какъ то: Небо, Океанъ, Солнце, перестаютъ быть въ глазахъ человѣка божествами; но становятся только вмѣстилищами или обиталищами разныхъ боговъ, которымъ онъ ужъ придаетъ человѣческую личность: антропология присоединяется къ феогоніи и космогоніи. Въ этотъ періодъ развиваются поэзія, знаніе и преданія народовъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ всѣ эти божества антропологическія, люди-боги, теряютъ прежнее ихъ значеніе, и человѣкъ чувствуетъ потребность въ высшемъ, духовномъ божествѣ, которому слѣдуетъ служить духомъ и истиной. Но второй періодъ продолжается отчасти и въ третьемъ, — такъ какъ прежнія божества укоренились въ нравахъ, привычкахъ и преданіяхъ народа, который несоро разстается съ минувшимъ; но въ глазахъ вышнихъ людей такая закоснѣлость принимаетъ видъ суевѣрія. Стало быть, по этой классификаціи г. Бергманна, во второй періодъ, — поэзіи и преданій, начинается слагаться и народный эпосъ; очеловѣченные боги спускаются съ небесъ на землю, и становятся полубогами и героями, или народные герои облачаются въ божественные образы; а силы природы превращаются въ чудовищныхъ исполиновъ или таинственныхъ карловъ. «Первоначальный божескій міръ сталъ такимъ образомъ общою основой для позднѣйшаго героическаго сказанія, говоритъ г. Каррьеръ; а послѣднее, подъ вліяніемъ всего пережитаго въ богатыйрскій вѣкъ, выработалось у разныхъ народовъ въ многоразличныя быліны». (Т. I, ст. 276). Къ первому періоду можно отнести періодъ ведическій, когда поклонялись единому Богу, въ образѣ Неба, Сварога или Діа, и аріицы приносили ему жертвы, разумія въ немъ и солнце, и воздушный океанъ, и стихіи, и явленія природы. Но еще до выхода аріидцевъ изъ ихъ праотчины, ужъ начался второй періодъ: потому что каждое племя вынесло съ собой оттуда не одного, а нѣсколько боговъ, какъ бы родившихся отъ Неба—Діа, Сварога, и рядъ преданій о своихъ собственныхъ и сосѣднихъ герояхъ. Во время продолжительной эпохи переселенія, черезъ разныя страны, все это дополнялось или искажалось новыми впечатлѣніями и преданіями, и наконецъ, самыя тѣ земли и сосѣди ихъ, гдѣ эти выходцы поселялись, должны были дать этому еще новый, свой собственный характеръ и свою обстановку. Вникая въ наши религіозныя преданія, которыя меньше подлежатъ порчѣ, и въ народныя быліны, мы дѣйствительно находимъ гораздо болѣе первобытной чистоты въ первыхъ, нежели въ послѣднихъ. «Религія вендовъ или славянъ, говоритъ Эйхгофъ, исходя также съ Востока, только позднѣе, и тѣсно связанная съ пластическими формами, что еще сохраняютъ боги Индіи подъ вѣковыми сводами Элдора, хотя и измѣнила имена тамошнихъ боговъ, но тотчасъ видно, что отчина ея боговъ въ Индіи—въ главныхъ силахъ природы и преобладающихъ страстяхъ человѣка. Кто не при-

знаеть, смотря на славянскія божества, явнаго отпечатка на нихъ Индостана, или даже кто не подумаетъ, что онъ перенесенъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ и за двѣ тысячи лѣтъ, въ среду того древняго народа, котораго нравы, вѣрованія и языкъ воскресли вновь во всей цѣлости на берегахъ Нѣмана?...» (Tabl. de la littér. du Nord., p. 84, 85). Тоже самое онъ говоритъ и о нашихъ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразился языкъ ведъ, особенно въ припѣвахъ народныхъ пѣсень. Напротивъ, наши былины дошли до насъ въ отрывкахъ, и, замѣчаетъ г. Стасовъ, съ примѣсью чуждыхъ элементовъ. Все это могло свершиться, конечно, въ глубокой древности; а огромныя пространства нашей страны и разрозненность между собою славянскихъ племенъ, да и самое вліяніе историческихъ событій, не дали нашимъ предкамъ возможности разработать вполне родной, народный эпосъ, какъ это удалось нашимъ сосѣдямъ скандинавамъ. Воспріимчивый народъ могъ принять безсознательно, и потомъ еще, чуждыя заимствованія. Когда и откуда, — разъяснить это — дѣло науки, для чего нужно углубиться въ самую отдаленную древность, во дни переселенія славянъ съ Востока, подъ разными ихъ именами и прозвищами. (См. les Gèl: par Berg). Между тѣмъ эти заимствованія, если онѣ и были, давно ужъ стали достояніемъ народнымъ, и народъ нашъ давно ославянилъ не только ихъ образы, но и самую обстановку и выраженія, такъ что неизвѣстно еще, что тутъ одно сходство и что заимствованіе.

Но 3-й пѣсни:

1) Сказанія о довременной вселенной, въ видѣ дуба Старолуба или Ясени, общи славянской и скандинавской мифологіямъ. «Мы найдемъ и въ ведахъ некрушимуемою смоковницу, корнями вверхъ, а вѣтвями внизъ, говоритъ Каррьеръ (ст. 279), въ которой утверждены всѣ міры, изъ которой боги построили небо и землю, которая носитъ всякій плодъ, и которой листья сочатъ изъ себя каплями божескій напитокъ. Оставляю въ сторонѣ розысканіе, не лежитъ ли тутъ первоначальною основой воздушное дерево своеобразнаго вида облаковъ, которыя тянутся длинновѣтвистыми полосами; но думаю, можно принять за древнеарійскій тотъ взглядъ, что вся природа есть лишь укорененное въ глубину и высшееся къ небу воспитательное растеніе, и напоминаю при этомъ про дерево жизни у сикитовъ». Къ этому можно прибавить, что у скандинавовъ всемірная ясень растетъ корнями внизъ, и потому едва ли

ихъ преданіе о ней не заимствовано изъ вторыхъ уже рукъ. Священное Слово, въ которомъ открываетъ себя Духъ, прославляется ужъ въ ведахъ. «Не предвѣстниками ли Іоаннова ученія о Словѣ, продолжаетъ тотъ же авторъ, (ст. 130), какъ высказывающемся разумѣ Божиѣмъ, звучать напр. такія рѣчи: Слово всему наибольшее, всему первое, его имя благодатнѣе всего. Какъ пшеница очищается въ рѣшетѣ, такъ слагается оно въ душѣ мудраго. Оно получило видъ и обликъ у пѣвцовъ стародавнихъ, и жрецы стали его носителями. Само Слово говоритъ о себѣ: я иду съ духами свѣта и вѣтровъ, песу небо ночное и солнце ясное; я царица, владычица богатствъ; кого полюблю, сдѣлаю мудрымъ, благочестивымъ и великимъ. Я досягаю до небесъ и далѣе; я пребываю во всѣхъ мірахъ и дышу во всемъ живущемъ, проникаю собою всѣ существа». Такимъ образомъ еще въ глубокой древности Слово получило силу заговора или заклинанія. «Могущество заговорнаго слова безгранично, говоритъ г. Афанасьевъ (т. I, стр. 423), оно можетъ управлять стихіями, вызывать громы, бури, дожди, градъ и задерживать ихъ, творить урожай и безплодіе, умножать богатство... Слово это можетъ творить чудеса, подчиняя волѣ заклинателя благотворныя и зловредныя вліянія всей обожественной природы». Касательно бѣлки, сокола и жернововъ, какъ образовъ грозы у славянъ, см. также Афан. т. I, гл. VI, гроза, вѣтры и радуга.

2) Во время ведическаго періода, когда арійцы жили вмѣстѣ, несозданный міръ представлялся въ видѣ нестройной массы, носившейся вверху воды; въ послѣдующій же періодъ браминовъ въ Индіи мірозданіе является ужъ въ другомъ образѣ: юный Брами, одушевленный силой Предвѣчнаго, всплываетъ въ лотусѣ изъ всемірнаго океана и создаетъ изъ скорлупы міроваго яйца небо и землю. Этогъ лотусъ и есть земля, въ видѣ семи листовъ или семи острововъ, появившихся вначалѣ изъ моря. «Брами (первопричина вселенной, святое) зародился отвѣка, напередъ всего; изъ Брамъ разверзнулась краса усладительнаго блеска; ему принадлежатъ и выси, и глубина бездны; однимъ Брамой раскрывается причина бытія и небытія». Такъ поется въ Самоведѣ; а изъ повторяющагося прирѣва браманы ухитрились вычитать особаго бога: Кто?...» «Міръ разрѣшали брамины въ Богѣ; но Богъ былъ у нихъ недѣятельнымъ, а спокойно-созерцающимъ духомъ, бездѣйственнымъ въ самомъ себѣ. Душу міра отождествили съ Брамой (верховною святыней) и постигли ее, какъ вѣчное духовное единство, какъ таинственную первопричину всякой жизни вообще». (Бар. т. I, ст. 318, 341—346). У славянъ тоже самое преданіе о мірозданьи, какъ и у Индѣйцевъ, только въ искаженномъ видѣ. Вмѣсто Брамъ у насъ плывутъ по морю, въ видѣ бѣлаго и чернаго гоголей, Бѣлбогъ и Чернобогъ, заимствованные ужъ отъ Иран-

*

цевъ; вмѣсто блестящихъ листьевъ лотуса у насъ пустынный островъ, созданный изъ горсти земли, который потомъ расширяется. У индѣйцевъ творить вселенную одинъ Брама; у насъ и доброе, и злое начало,—изъ которыхъ последнее коверкаетъ созданное первымъ. (См. Афан. т. II, гл. XIX, о сотвор. міра и чело-вѣка).

3) «Пѣтухъ» гораздо моложе въ передней Азіи и Европѣ, чѣмъ можно было бы думать, говорить г. Буслаевъ. Семитическіе народы не могли знать его, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ нигдѣ о немъ не упоминается. Его нѣтъ также въ изображеніяхъ и на Египетскихъ памятникахъ. Птица эта происходитъ первоначально изъ Индіи и распространилась на Западъ только вмѣстѣ съ Индо-Персидскими завоевательными походами. Самосецъ Менодотъ, въ своемъ сочин. о храмѣ Самосской горы, утверждалъ, что подобно пѣтуху, вышедшему изъ области Персиды, павлинъ распростра-нился изъ этого святилища по окрестнымъ странамъ. Въ Зоро-астровой религіи пѣтухъ свящ. животное, какъ вѣстникъ утра и символъ свѣта и солнца. Онъ посвященъ Сраошѣ, небесному стражу, который будучи разбуженъ огнемъ, въ свою очередь будитъ пѣтуха: тогда пѣтухъ своимъ крикомъ прогоняетъ Дазвовъ, злыхъ духовъ мрава, и особенно демона сна. Куда ни переселялся персъ, всюду онъ заботился, чтобы при немъ былъ пѣтухъ, точно также, какъ не забывалъ утреннихъ молитвъ и очищеній на утренней зарѣ, и вслѣдъ за персидскими походами повсюду легко и прочно водворялась эта ручная птица, столь полезная въ хозяй-ствѣ и вмѣстѣ такая затѣйливая по виду и нраву». (Сравн. изуч. народнаго быта и поэт., Р. вѣстн. 1872 г. Апрель, ст. 588). «У насъ пѣтухъ, имелемъ котораго доселѣ называется огонь, почитался у язычниковъ птицею, посвященной Перуну и очагу, и вмѣстѣ съ тѣмъ эмблемою счастья и плодородія. Пѣтухъ,—птица, приветствующая восходъ солнца... Малороссы даютъ ему харак-терное прозваніе: Буди-мѣръ. Загадка выражается о пѣтухѣ: два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его бьется». (Аф. т. I, ст. 467, 518—519). «Старинные апокрифы говорятъ о громадномъ мифическомъ пѣтухѣ, поставляя въ связи съ его пѣ-ніемъ солнечный восходъ: есть куръ, ему же глава до небеси, а море до колѣна; еда же солнце омывается въ кіяні, тогда же окіяні въсколебаются и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же очютивъ волны и речеть: корореку. Еда же то въспоеть, и тогда вси кури воспоютъ въ единъ годъ (часть) по всей вселеннѣй». (Тамъ же ст. 520). «На морѣ на окіяні, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ Мокрецокой (выросшій до самаго неба); на небѣ си-дитъ вочетоужъ-золотой гребешокъ, птица, которая ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, и стоятъ чудесные жерновки, эм-блема весенней грозы, дарующей землѣ плодородіе, а людямъ ихъ

насущенный хлѣбъ» (Тамъ же, т. II, ст. 295). Такой же пѣтухъ есть и у скандинавовъ; у нихъ онъ будить свѣтлыхъ асовъ на небѣ. «Какъ представитель же грозового пламени и жертвеннаго очага, пѣтухъ и донинѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ; русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдмѣ всегда находятся черный пѣтухъ и черная кошка». (Т. III, ст. 465).

4) «Въ словѣ св. Григорія читаемъ: «извыкоша ѣлени класти требы Атреиду и Артемидѣ; рече Роду и Рожаницѣ... Также и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ». «Такимъ образомъ, по его мнѣнію, Родъ и Рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемида. Она считалась у нихъ покровительницей женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю прихой, какъ бы одною изъ паргъ. Хотя Артемида и не существовала въ греческой мифологій, но за то греки присвоили эпитетъ рождающихъ, производящихъ, и Зевсу, и Посейдону. Также творческая, призывающая въ жизни, сила принадлежала Роду и Рожаницамъ, на что указываютъ самыя ихъ названія. Словожъ Родъ въ древнихъ памятникахъ означаютъ: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ рожденіе... Но все эти понятія, усвоенныя Роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: земля принялась за свой родъ. Съ вѣрою въ Родъ и Рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія, на что указываетъ народная поговорка: такъ ему на роду написано. Мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне—съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды, и въ томъ рождаются дѣти. Почему г. Афанасьевъ полагаетъ, что подъ именемъ Рода первоначально разумѣлось божество, направляющее весенними грозами, оледотворяющее землю сѣменемъ дождя и создающее міровую жизнь» (Аф. т. I, ст. 319; 320, 368, 386, 387). Не ближе ли еще искать намъ Родъ въ Ямѣ ведъ и Джимѣ Авесты, тождественныхъ между собою?... «Ведійскій рассказъ говоритъ, что міроздатель устроиваетъ бракъ своей дочери, носящейся надъ пространствомъ бурной, темной тучи или мглы съ свѣтозарнымъ началомъ, Вивасватомъ; свѣтъ и тучевая мгла порождаютъ первую человѣческую чету, близнецовъ, что и высказывается въ ихъ имени, Яма и Ями,—первороденный изъ смертныхъ, онъ же и первоумершій: онъ первый проложилъ путь изъ глубины въ горняя, онъ первый отыскалъ мѣсто, куда отошли все наши отцы, въ неотъемлемую нашу обитель. Вотъ почему онъ сталъ главою всѣхъ за нимъ послѣдовавшихъ; онъ перве-

нець умершихъ, князь ихъ Яма, владыка въ царствѣ блаженныхъ.» (Кар. т. I, ст. 282).

5) «Такъ какъ богъ Громовникъ, низоидя на землю въ блестящей молніи, устроилъ первый домашній очагъ и основалъ первый семейный союзъ, то арійское племя признавало въ немъ своего родоначальника, того первосозданнаго человѣка, отъ котораго произошли всѣ многочисленные народы. Согласно съ этимъ, первый человѣкъ былъ представляемъ великаномъ; (по Браннскому преданію, человѣкъ былъ великанъ). Когда онъ спалъ, то въ густыхъ волосахъ его гнѣздились ястребы, а въ ушахъ прятались лисицы; ему ничего не стоило перескочить черезъ море, не замочивъ ноги; пущенная имъ стрѣла достигла до небснаго стола, гдѣ сидитъ нѣтухъ и сторожить божию яству, и поразила этого чудснаго нѣтуха» (Аф. т. II, ст. 649). У скандинавовъ, первый человѣкъ Имиръ, былъ также великанъ; литовцы признаютъ своими предками исполиновъ; по словамъ Гезіода, третій родъ (мѣдный) земныхъ обитателей были жестокосердые исполины; одинъ изъ древнѣйшихъ англосаксонскихъ памятниковъ даетъ Адаму исполинскій ростъ; вообще первосозданные люди—было племя великанское.» (Тамъ же, ст. 472—476). Срав. также преданія объ этомъ библейскія.

6) «Рай вначалѣ исторіи и какъ послѣдняя цѣль человѣчества въ вѣчной жизни блаженныхъ, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 283, 284), былъ поэтической вѣрой первобытной эпохи арійцевъ. Джима (тоже что Яма и Адамъ), самый свѣтлый, самый счастливый, изъ всѣхъ рожденныхъ; онъ подобенъ солнцу между смертными; подъ владычествомъ его нѣтъ ни стужи, ни зноя, ни смерти, ни старости. Такъ рисуется персидское сказаніе золотой вѣкъ на землѣ, когда младенческое счастье невинности еще не вѣдаетъ, что добро и что зло, какъ Адамъ въ райской обители. Это напоминаетъ облейскій Эдемъ и мы находимъ здѣсь преданіе человѣчества, идущее отъ той далекой поры, когда Симины и Арійцы жили еще вмѣстѣ... Миръ и человѣкъ созданы добрыми, но они пали; міру предстоитъ гибель, но за нимъ послѣдуетъ другой, лучшій міръ: вотъ что легло общюю идеей въ основу ученія объ эпохахъ міра, которое выработано потомъ индѣйцами и греками самостоятельно, и каждымъ народомъ на свой ладъ, догматичнѣе у первыхъ, мифичнѣе у вторыхъ». По понятіямъ славянъ, такъ какъ «свѣтло-голубое, блестящее небо лежитъ за облаками или за дождевымъ моремъ; то чтобъ достигнуть въ царство солнца, луны и звѣздъ, надобно было переплывать воздушныя воды. Такимъ образомъ это небснае царство представлялось воображенію окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водами, т. е. островомъ. Названіе: Буйнъ (отъ слова буй) первоначально было не болѣе, какъ характеристическій эпитетъ баснословнаго острова, Буй служить синонимомъ слову:

ягъ: а ярый заключаетъ въ себѣ понятія: весенній, горячій, пылкій, страстный, плодородный, урожайный. На Руси ходитъ сказаніе о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ (makarios beatus), гдѣ рѣки медовыя и молочныя, а берега кисельные. По указанію старинныхъ апокрифовъ, райскія рѣки текутъ млекою, виномъ и медомъ. У чеховъ сохранилось повѣрье, что у Солнца есть свое царство за моремъ, что тамъ вѣчное лѣто, оттуда прилетаютъ весной птицы, и приносятся на землю растительныя сѣмена. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсно связывается малорусское преданіе о Выреи... Въ поученіи Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя дѣзъ Ирѣя идутъ»... Съ началомъ осени журавли, стрижи, касаточки и другія птицы улетаютъ по мѣнью вѣстьянъ, въ Вырей (Вирій), на теплыя воды или прямо на небо: тогда же гадюки и змѣи лезутъ въ Вырей по деревьямъ, подобно тому, какъ и души усопшихъ прежде, нежели достигнуть страны блаженныхъ, осуждены порхать по деревьямъ. Словаки и хорутане, рассказываютъ, что рай есть чудесный, неувыдаемый садъ, во владѣніяхъ Бога свѣта, гдѣ праведныхъ ожидаетъ безконечное наслажденіе. По свидѣтельству русскихъ легендъ, рай насажденъ у небесной криницы. Значить, раемъ называется, во-первыхъ, та счастливая страна минувшихъ вѣковъ, въ которой обитали первые еще невинные люди; во-вторыхъ, то будущее царство блаженныхъ, что явится по кончинѣ вселенной, когда ветхое небо и грѣховная земля очистятся и обновятся всемірнымъ пожаромъ и потокомъ, т. е. весенними грозами и ливнями. Самый нашъ праздникъ Коляда своею обстановкой указываетъ на тѣ щедрыя дары, что несетъ, шествующее изъ дальнихъ странъ, Лѣто». (Аф. т. II, ст. 131, 132, 137—139, 150; т. III, ст. 751). Замѣтимъ кстати, что въ древности сама земля вообще называлась островомъ, вѣроятно потому, что считалась, всплывшею изъ всемірнаго океана; островами же назывались и самыя страны, лежащія на материкѣ. (Les Gétes, ст. 170).

7) «Вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ общему. Говорить Корделъ: но и появленіе разнообразныхъ божественныхъ обликовъ началось еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соотвѣстныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ у разныхъ народностей. Замѣчаемое здѣсь сходство основано вовсе не на позанимствованіи... Могущество божіе онаглаголивается здѣсь тѣми же явленіями, въ которыхъ благочестивый смыслъ успѣлъ подмѣтити его власть». (Барр. ч. I, ст. 273). «Подъ именами: Бгава, Бгагаванъ, Део-нахъ и пр. у индѣйцевъ, божество является подателемъ всѣхъ благъ и счастья; оно украшено цѣлебными или питательными растеніями, ему сопутствуютъ полезныя животныя». (Ист. рел. т. I, ст. 6). Зерванъ-Акеренъ у персовъ, собственно вѣчный, безконечный.

(Kreizer, t. I, ch. V). «Очевидно, вліяніе неба на земные роды (урожаи) невольно возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца Неба съ матерью Землею: pitā Dyāus imāta Prithivī. Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля женскаго рода. У славянъ, отецъ—Небо получилъ названіе Сварога: онъ верховный владыка вселенной, родоначальникъ прочихъ свѣтлыхъ боговъ, прабогъ». (Аф. т. I, ст. 65). «По санскритски кругъ—Svar и Sval; почему и Небо, и Солнце, по ихъ кругловидности, получили тѣже названія; а отъ нихъ произошли прилагательныя svarius и svalius. (Les Gètes, p. 178)» «Корень див, свѣтитъ, лежитъ въ основаніи индѣйскаго девас, божество; чему соотвѣтствуетъ персидское дева, греческое θεοςъ, латинское deus и divus, литовское діавас; а изъ Dju pater, Богъ отецъ, возникло Юпитеръ, и т. д.» (Кар. т. I, ст. 272). Курентъ, по рассказамъ Словенцевъ, лукавый и веселый бѣсъ, который игрой своею на гусляхъ и дудкѣ исцѣляетъ болѣзни (какъ весеннія грозы животворятъ природу) и заставляетъ всѣхъ плясать безъ отдыха (Аф. т. I, ст. 334). «Однажды человѣкъ-исполинь и хитрый Курентъ поспорили между собой, кому изъ нихъ обладать бѣлымъ свѣтомъ; долго боролись они, изрыли ногами всю землю, и сдѣлали ее такой, какова она теперь; но ни тотъ, ни другой не осилили противника. Тогда Курентъ взявъ виноградную лозу и стиснулъ такъ крѣпко, что гужно vino iz nje udarilo, и этимъ виномъ уповѣлъ человѣка, когда тотъ сидѣлъ на высокой горѣ за божимъ столомъ. Вскорѣ воротился богъ и увидѣлъ человѣка, дремлющаго за столомъ, разгнѣвался и сбросилъ его съ горы внизъ, отъ чего много лѣтъ лежалъ онъ разбитый и полумертвый. Когда человѣкъ оздравѣлъ, сила его пропала, не могъ ужъ онъ ни скакать черезъ море, ни спускаться въ глубь земли, ни восходить вверхъ къ небесному столу. Такъ завладѣлъ Курентъ свѣтомъ и человѣкомъ, и люди сдѣлались съ той поры слабы и малы. Высокая гора означаетъ небо, вино—живительный напитокъ дождя, и т. д.» (Афанасьевъ, т. III, ст. 649, 650).

8) «Сказаніе о потопѣ обще аріянцамъ и симитамъ. Вавилонскій рассказъ про Ноеву лодку подходитъ къ еврейскому про Ноя чуть не до подробностей». (Буслаевъ. Р. в. 1873, октябрь, ст. 760). По сказанію Индѣйцевъ, отъ всего рода человѣческаго остался одинъ Ману, спасенный рыбой (Вишну); она перенесла его черезъ сѣверныя горы и велѣла привязать корабельный канатъ къ дереву. По литовскому сказанью, единственной уцѣлѣвшей отъ потопа, четъ людской Богъ послалъ утѣшительницею радугу, которая посовѣтовала этой четъ прыгать черезъ земныя кости или ребра, т. е. горы; съ девяти прыжковъ произошло девять новыхъ паръ (Карр. т. I, ст. 285). По краинскому преданью, спасшійся отъ потопа ухватился на высокой горѣ за виноградную лозу; лоза

эта служила палицею Куренту; онъ поднялъ ее высоко надъ облаками и этимъ спасъ человѣческій родъ отъ конечной гибели. Пока продолжался потопъ, человѣкъ висѣлъ на воздухѣ, держась за виноградную лозу и питаясь ея гроздіями и виномъ. (Аф. т. II, ст. 650.) У славянъ доселѣ живы сказанья, что потопъ послѣдовалъ въ наказаніе великановъ, за ихъ постоянную вражду между собою и нескончаемыя жестокия войны; въ этомъ потопѣ они и погибли всѣ до одинаго. «По Краинскому также преданію, въ давнія времена земля была пуста—былъ на ней только камень; Богъ послалъ своего пѣтуха, чтобы онъ оплодиль землю. Кочеть снесъ въ пещерѣ, гдѣ онъ поселился, чудесное яйцо, изъ котораго истекло семь рѣкъ; онѣ наводнили равнины и вскорѣ все кругомъ зазеленѣло, зацвѣтло цвѣтами и преисполнилось всякихъ плодовъ; безъ заботъ жила въ томъ раю люди. Божій кочеть сидѣлъ высоко на небѣ и каждый день возглашалъ имъ, когда просыпаться, когда трудиться и трапезовать; это надоѣло людямъ, они стали молить бога, чтобы избавилъ ихъ отъ беспокойной птицы. Божій кочеть исчезъ съ неба; тогда настали болѣзни и наслія. Безуміе овладѣло людьми; они пошли къ чудесному яйцу и стали бросать въ него камнями, и разбили его,—земля покрылась водой и превратилась въ одно огромное озеро. Въ Заонежьи рассказываютъ, что когда Господь (Перунъ) увидѣлъ, что несчастный духъ изрылъ созданную имъ землю пропастями и горами, то ударилъ молотомъ въ камень и создалъ свое воинство,—и началась между ними великая война». (Аф. т. II, ст. 645, т. I, ст. 531, 276). «У литовцевъ же на орѣховую скорлупу, брошенную божествомъ Пражмасомъ, спаслись изъ воды нѣкоторые звѣри и люди.» (Буслаевъ, истор. очер. т. I, ст. 121). Сказаніе, о возмущеніи титановъ и низверженіи ихъ съ неба, сохранилось также во всѣхъ арійскихъ и симитическихъ преданіяхъ. Олады, которыхъ они у насъ наѣлись на небѣ,—конечно, означаютъ небесныя звѣзды. А позднѣе, — говоритъ г. Буслаевъ, — какъ древніе титаны возмущались противъ боговъ небесныхъ, такъ и наши богатыри, возгордившись своими побѣдами надъ смертными, стали вызывать на бой воителей небесныхъ». (Тамъ-же, т. II, ст. 13).

9) Наука, услѣвши нынѣ поднять часть завѣсы съ древняго человѣчества, находитъ, что первобытныя арійскія племена еще въ своей азіатской прародинѣ стояли на замѣчательной для того времени степени развитія; въ чемъ согласны между собою всѣ разработывавшіе этотъ предметъ ученые, начиная съ Пикте и М. Мюллера до Каррьера и нашихъ уважаемыхъ отечественныхъ ученыхъ. М. Мюллеръ въ своемъ *essai de Mythologie comparée* (перев. съ англ. 1859 г. ст. 8). говоритъ: „quelque anciennes que soient les empreintes de l'homme dans les plus profondes stratifications de l'histoire, nous voyons que le don divin d'une intel-

ligence sûre et solide lui appartient dès le commencement. On ne peut plus soutenir l'opinion que l'humanité soit sortie lentement des abîmes de la brutalité animale. Le langage, premier ouvrage d'art exécuté par l'esprit humain, plus ancien qu'aucun document littéraire, et antérieur même aux premiers murmures de tradition, forme une chaîne non interrompue depuis les premiers âges de l'histoire jusqu'à nos jours. Nous parlons encore le langage des premiers ancêtres de notre race; et ce langage avec sa merveilleuse construction, témoigne contre le système qui voudrait assigner à l'espèce humaine les mêmes origines qu'à l'animal.» Санскритскій языкъ полонъ корнями словъ, особенно славянскихъ, выражающихъ разные предметы земледѣлія, домоустройства, семейнаго и общественнаго быта. — ~~Быкъ и корова по санскритски множ: gavas по слав. говядо; горъ, — говядаръ, по сербски gavedar. Готрой по санскр. назывался вначалъ заборъ, — ограда, куда стоялось стадо. Наши предки сражались между коровами. Индра, могучій ихъ защитникъ, — могучій Индра раздвинулъ ихъ ограды, т. е. ихъ владѣнія... (Rig-veda, III, p. 39, 4). Значеніе дома, какъ жилища, было ужъ извѣстно арійцамъ также до расселенія: по санскритски dāna, по греч. domos, по лат. domus, по слав. домъ, по кельтски daimh; по готски timrgan, строить, отъ чего англійское timber. Замкнутое мѣсто по слав. градъ и городъ, по лит.: градъ, по готски gards, по лат. hort-us, по греч. хортось. Главная часть въ домѣ — дверь, въ санскритѣ dvar, dvāras, по готски daur, по лит. durrys, по кельт. dor, по лат. fores, и т. д. Бенфей производитъ Господь (gospod) отъ ведическаго gāspati. Слова, выражающія царя и царицу, были просто батюшка и матушка, отецъ и мать. Мать по санскр. жани, что осталось и въ слав. словѣ жена. Боишъ говорить, что титулъ господарь, господь, господинъ, выражается по санскрит. словами Vispati или Dōspati; но по мнѣнію М. Мюллера, слав. ж не соответствуетъ ни w, ни d санскритскимъ, и буква t въ словѣ pati не могла превратиться въ d. Но большая часть словъ, относящихся къ охотѣ и войнѣ, разнятся въ каждомъ арійскомъ нарѣчій; тогда какъ всѣ слова, выражающія мирныя домашнія занятія, принадлежатъ къ общему наслѣдію: изъ чего видно, что арійскія племена долго вели жизнь мирную до расселенія, и что языки ихъ сдѣлались народными, когда они ужъ вышли искать себѣ новыхъ обиталищъ; новыя поколѣнія создали и новыя слова, во время ихъ воинственныхъ и полныхъ приключеній переходовъ. Древнѣйшее слово для выраженія земледѣлія ag, по латынѣ ужъ agere, по греч. агонн, по древ. герман. аган, по русски орать (orati), по лит. arti, по гал. аг. Отъ этого глагола происходитъ и общее названіе сохи, agatrum, по слав. орало, и т. д. Хлѣбъ, растущій въ Азіи, не~~

могъ находить на тотъ хлѣбъ, что арійцы обрабатывали потомъ на сѣверѣ; однако нѣкоторыя изъ первобытныхъ названій хлѣба сохранились. По санскр: sveta значить бѣлый; названіе цвѣта перенесено на зерно, — по слав: жито, по греч. ситос. Но собственно зерномъ вначалѣ называлось то, что раздавлено или смолото: такимъ образомъ, по санск. kṛgna значить смолотое, отъ чего должно происходить и русское зерно, по лат: granum. По русски мельничный камень называется понынѣ жорновомъ; мельница по англ: mill, по чешс. млинъ, по валах: melin: все это относится также къ глубокой древности. Въ этому же можно присовокупить и слова, относящіяся къ искусству готовить пищу и къ печенію въ печи, равно какъ и выражающія разницу между сырымъ мясомъ и говядиной. Древнѣйшіе ведическіе поэты имѣли ужь отвращеніе къ племенамъ, питавшимся первымъ, и называли варваровъ, kṛgna-ad и ama-ad, — кроводами и душедами. Племена эти были равно отвратительны и потомъ, какъ индѣйцамъ, такъ и грекамъ.... (Тамъ-же, ст: 21, 22, 29—31, 33, 34). Каррьеръ съ своей стороны изъясняетъ, что древнимъ арійцамъ была ужь извѣстна соль и какой-то охмѣляющій напитокъ въ родѣ меда, составляемый изъ растительныхъ соковъ. «По своей животворной силѣ онъ слылъ даромъ боговъ и приносился имъ въ видѣ жертвеннаго напитка. Въ первобытную еще эпоху умѣли ткать, шить и готовить одежду; знали бронзу и желѣзо, и ковали изъ нихъ топоры и мечи; сохранились слѣды общаго характера и въ названіяхъ золота и серебра. Ладья или чолнъ и рѣчное плаванье были очень обыкновенны. Числа, съ единицы до ста, сплошной своей одинаковостью также доказываютъ продолжительное бытообщеніе и вынесенное изъ первородины общеродовое наслѣдство. (М. Мюллеръ однако приводитъ: satam, сто, и sahasram, тысяча, ст. 40). Сюда же должно отнести луну, и употребленіе ея, какъ мѣру времени для мѣсячнаго періода.» (Карр: т. I, ст. 271).

10) Единственный, вселенный Богъ представлялся арійцамъ вначалѣ въ образѣ кругловиднаго Неба, Сварога, Діа, и т. д. «Онъ молниеносецъ Громошникъ, онъ очищаетъ міръ погодой, счастливить его плодотворнымъ, освѣжительнымъ дождемъ... Онъ свѣтобогъ—спаситель, помощникъ и мститель. Вѣтры вѣрные ему товарищи. Въ нихъ вѣютъ на человѣка и духи предковъ»... (Карр. т. 1 ст. 274). Потомъ божество—Небо становится только жилищемъ верховнаго бога: еще въ ведійскій періодъ этотъ богъ—Индра, которому ужь приписывается и созданіе вселенной. «О Индра, одинъ ты создалъ все, что существуетъ!... Онъ сотворилъ дни, коней, растенія, коровъ, воды и роши»... поется въ ведійскихъ гимнахъ. «Индра, какъ творецъ, подобенъ Іеговѣ псалмопѣвца; Митра и Варуна его помощники; а Вишну упоминается еще рѣдко; чаще Агни заступаетъ его мѣсто. Начинаетъ признаваться троицность силъ при-

X роды, въ образахъ: Агни—огня, Вайю—воздуха (Варуны) и Су-
 риш—солнца. О Брамѣ въ ведахъ еще не упоминается; но въ послѣд-
 ствіи Вишну и Брама замѣнили Агни, Индру и Варуну,—а законы
 Ману переносятъ насъ въ другую, позднѣйшую эпоху развитія
 человѣчества. Но прежде Индра былъ выше всего... (Croy: et
 lég: de l'antiqu: par Alfred Mauri. la rel. des aryas, p. 7—
 158). По мѣрѣ развитія человѣчества развиваются и образа бо-
 говъ; у каждаго племени являются свои боги или одиѣ и тѣже
 божества подъ разными названіями. Солнце называется ужь Даг-
 богомъ и Дажь-богомъ, (слово даг значить и день, и свѣтъ, отъ
 санскр. dah — жечь), — и Всевѣдомъ, такъ какъ оно сынъ
 Сварога—Неба (Афан. т. 4 ст. 65). По славянскимъ преданіямъ,
 у него дворець на Востокѣ, онъ дѣдъ-Всевѣдъ, при немъ Судица-
 царица, Зари утренняя и вечерняя, хвостатыя звѣзды, лысый
 дѣдъ Мѣсяць, двѣнадцать сыновей-Мѣсяцевъ, Солнцевы дѣвы, и
 пр. (Аф. т. 1 ст. 67, 82). Еще по ведійскимъ преданіямъ, Яма
 живетъ на Югѣ; онъ перворожденный и первоумершій; онъ божество
 міра усопшихъ. Картина его блестящаго, мирнаго царства изложена
 еще въ ведахъ, въ молитвахъ къ Ямѣ, (Бар. т. 1. ст. 284). Нашъ
 рай, свѣтозарный Буянъ-островъ, также за облаками, въ блестя-
 щемъ царствѣ солнца. ~~Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч.~~
~~слово рай переводится словомъ породе, а алъ словами родъ и~~
~~родство. Почему г. Афанасьевъ находитъ, что навъ Родъ и могъ~~
~~быть владыкой усопшихъ предковъ, древнимъ ведійскимъ Ямой.~~
~~Нашему роду также воссылались молитвы, наравнѣ съ другими~~
~~богами, приносились жертвы и учреждены основныя (обрядовыя)~~
~~трапезы, иначе кутейныя, на которыхъ подавалась кутья, на-~~
~~нынѣ составляющая необходимую принадлежность на родинахъ~~
~~(крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ честь Рода и Рож-~~
~~ницъ, въ числѣ жертвенныхъ вещей были также хлѣбъ и сыръ,~~
 и подавался напитокъ медъ, сопровождавшій всѣ религиозныя при-
 носенія и жертвенства. Вообще слово рай у насъ служить для
 обозначенія сада; островъ Буянъ превратился въ счастливый родъ
 Макарійскій; а небо прежде почиталось хрустальной или золотой
 горой (подобно Инд. Меру), на вершинѣ которой было царство
 блаженства. (Аф. т. II ст. 131—139, т. III ст. 278, 386,
 230—231, 387, 419, 420). Яма, по мнѣнію Крейцера, только
 темный образъ Индры; это ночь, царь мертвыхъ, владыка Юга и
 ада. (Kreiz. t. I p. 246). Но блестящій Индра, богъ эфира и
 небснаго свѣта, воздушной тверди видимаго неба (les Swargas,
 Сварога), повелитель добрыхъ духовъ, властитель молніи, царь
 облаковъ, податель благотворнаго дождя, произраститель нивъ и
 плодовъ земныхъ, любилъ жить на горѣ Меру, на самомъ Сѣверѣ.
 Ничто не сравнится съ красотой воздушнаго его жилища, его дворца
 и садовъ. (Kreiz. t. 1 p. 246). Индра живетъ въ высшей атмосферѣ;

Маруты его спутники. (Croyan: et lég. de l'ant: p. 7—658). «Какъ дождевой и грозовой богъ, Индра пробиваетъ горы свои перунами, заставляетъ ихъ источать ключи, умерщвляетъ демона, похитившаго облака и тучи; пособникъ ему Трита. Въ Египтѣ, подъ именемъ свѣтубога Пта, онъ сражается съ змѣею ноци; въ Элладѣ, въ образѣ Солнце-бога Аполлона, низлагаетъ Пифона, а въ видѣ солнечнаго героя Пракла, одолеваетъ многоглавую Лернейскую гидру, отбиваетъ похищенныхъ быковъ», — и т. д. (Карр. т. 1 ст. 275, 276). Между прочими прозваньями Индры было Парьянья, молніеносная туча, отъ корня *prg* (*pré*), разсѣвать, окроплять, прыскать, что уподоблялось эпитету: *Jupiter pluvius et tonans*. Въ гимнѣ *Rig-veda* говорится: «бушуетъ вѣтеръ, блистаетъ молнія, распускаются злаки, небо изливается, вся тварь получаетъ подкрѣпленіе, когда Парьянья оплодотворяетъ землю своимъ сѣменемъ». Слово это: Парьянья восходитъ къ древнѣйшей эпохѣ аріевъ; отъ этого слова происходитъ и нашъ Перунъ, тоже Сварожичъ, сынъ прабога Неба. «Молніи были его оружіе, — мечъ и стрѣлы, радуга — его дугъ, туча — одежда или борода и кудри, громъ — далекозвучающее слово, глаголь божій, раздающійся свыше, вѣтры и бури — дыханіе, дожди — оплодотворяющее сѣмя. Какъ творецъ небеснаго пламени, рождаемаго въ громахъ, Перунъ считался и богомъ земнаго огня, что онъ принесъ въ даръ смертнымъ; какъ владыка дождевыхъ облаковъ, издревле уподоблявшихся воднымъ источникамъ, онъ получилъ названіе бога морей и рѣкъ; а какъ верховный распорядитель вихрей и бурь, сопровождающихъ грозу, — названіе бога вѣтровъ». (Афан. т. I ст. 96, 136, 248, 262). Индрѣ сопутствуютъ Маруты. «Далеко-метательные луки, которыми Маруты вооружены, усвоили имъ прозваніе *sudhanvanas* (стрѣляющихъ изъ луковъ); такъ точно и у насъ, по выраженію нашего стариннаго памятника, вѣтры вѣютъ стрѣлами; а богъ грозы, какъ небесный владыка, являющійся въ буряхъ и вихряхъ, получилъ у славянъ названіе Стрибога, о которомъ сл. о полк. Игоръ говоритъ, какъ о дѣдѣ вѣтровъ; слово же ~~стри~~ ~~обначаетъ~~ ~~воздухъ,~~ ~~повѣтріе~~». (Тамъ же, ст. 320, 321). Наконецъ, отъ слова *var* — покрывать, въ ведахъ упоминается еще богъ Варуна, для обозначенія небесной тверди въ ночное время, т. е. одѣтой чернымъ покровомъ. Или это противопоставляется Матрѣ, божеству дня. «Варуна, божество неба, по индѣйскимъ преданіямъ, устраиваетъ свѣтъ и времена, выводитъ въ путь солнце и звѣзды; солнце его глазъ, а вѣтеръ — его дыханье. Такое воззрѣніе, общее всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, не чуждо и славянамъ». Пространство небесное, покрытое облаками, которыя особенно часто скопляются на Западѣ, казалось древнему человѣчеству небеснымъ или воздушнымъ моремъ; а самыя облака то нимфами, то звѣрями, то стадомъ коровъ или овецъ. Тамъ, при верховномъ

божествѣ небеснаго свода (Варунѣ), обитають души предковъ (pitris), подѣ сѣнію густо-лиственнаго дерева, съ царемъ Яма, собирателемъ всего человѣческаго рода; тамъ небо героевъ... Впослѣдствіи же, богъ небеснаго океана, бурныхъ вѣтровъ и битвъ сталъ называться у скифовъ Водапомъ и Вуотаномъ. Водану молились о хорошемъ урожаѣ, онъ утучнялъ стада, давалъ изобиліе, и также, подобно Варуну, принималъ къ себѣ души усопшихъ героевъ; солнце его глазъ, а бурный воздухъ его дыханье; у него въ царствѣ мировая ясень, тождественная съ индѣйской смоковницей и нашимъ дубомъ Мокрецимъ; онъ владыка того же воздушнаго океана, по которому души усопшихъ переправляются на тотъ свѣтъ. «Души усопшихъ издревле представляются легкими стихійными существами, и въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ сохраняется множество преданій о перевозѣ душъ на ладѣ или кораблѣ мифическимъ кормчимъ. Представленія эти извѣстны и славянамъ». (Афан. т. I. ст. 63, 574, 575, т. II ст. 166; Les Gètes, p. 154 - 166). «Но Варуна всего рѣже олицетворяется въ ведахъ подѣ видомъ чловѣка; онъ еще чтится посредствомъ цѣлой тверди небесной. Вкругъ него собраны духи свѣта... (Бар. т. I ст. 301, 302). Вѣроятно, въ противоположность Востоку, царству солнца, Западъ считался въ древности царствомъ смерти. «Если же идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ снѣ, то также естественно было сблизить еѣ съ понятіемъ о снѣ:... Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ разныхъ народовъ явленіями между собой близкими, родственными. Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причтаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая земля выпьетъ его очи». (Аф. т. III, ст. 36).

11) Вообще ученые изыскатели признають, что древніе аріицы въ первобытное время не знали моря, потому что въ ихъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія понятія о морѣ. А г. Бергманнъ полагаетъ, что какъ въ первобытное время земля была еще затоплена большею частью, особенно въ болотахъ и обширныхъ низменныхъ пространствахъ; поэтому и казалось только что вышедшею изъ подѣ воды, и лишь мѣстами обсохшею на солнцѣ. (Les Gêt. p. 168—170). Однако извѣстно, что, по мнѣнію всѣхъ древнѣйшихъ племенъ, земля всплыла въ видѣ острова изъ водъ всемірнаго океана. По мнѣнію индѣйцевъ, поднявшись изъ глубины океана, она плавала въ водахъ его, въ видѣ семи большихъ острововъ (dvīpās) или семи исполинскихъ листьевъ, космического лотуса; по Зендавестѣ, Агуро-маз дао (богъ Солнца), создалъ сначала небо и воды, и поднялъ землю изъ океана; по Ассирійскому преданію (cf. Genes 1), вначалѣ была лишь вода, и земля отдѣ-

лилась отъ нея уже впоследствии; по космогоніи Гомера, земля сперва большой островъ, окруженный океаномъ (okéanos); онъ примыкаетъ съ Востока и Запада, къ группѣ острововъ, которая называется Aíaiā, страной острововъ; по скандинавской космографіи, земля также окружена океаномъ, выражавшемся въ символѣ змѣя; у славянъ первосозданная земля — небольшой островъ, который постепенно расширяется; по санскритски слово dvīpā выражало не только островъ, но и страну (Ṣaka—dvīpa,—островъ или страна Саковъ), по еврейски iyim (острова), означало также и страны; а въ библии древняя Европа называется группой острововъ; даже на старомъ французскомъ языкѣ еще говорилось: ille de France вмѣсто pays de France, ille de Persois, вмѣсто pays des Perses. (Тамъ же). Но при сличеніи всего этого съ соч. Гартинга «о первобытномъ мірѣ сравнительно съ современнымъ,» все это становится вполне понятнымъ, потому что въ описываемое время еще пол-Европы было подъ водою, а остальная ея часть состояла изъ острововъ, какъ это и изображено въ настоящей поэмѣ. И едвали это будетъ не лучший ключъ, къ истолкованію первобытнаго расселенія народовъ изъ Азій: потому что путь гораздо удобнѣе было совершать эти переселенія на пустынные острова, нежели двигаться прямо на Западъ по сухому пути, неизвѣстными мѣстами, между племенъ чуждыхъ и чаще враждебныхъ. Причемъ нельзя не обратить вниманія, что первыя племена, поселившіяся на Западѣ, — племена финно-алтайскія, т. е. изъ Сѣверной Азій, возлѣ которой на Сѣверѣ былъ большой островъ; а славяне, позднѣйшіе поселенцы въ юго-восточной стѣнной Россіи, гдѣ всего долѣе стояли первобытныя воды. (См. Гартинга).

12) См. 1 т. Вомоса. Гумбольдъ полагаетъ, что эти совѣздія, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, займутъ снова тѣже мѣста надъ нашимъ полушаріемъ.

13) Мигула Селяниновичъ, подъ какимъ бы именемъ онъ въ древности ни былъ извѣстенъ, есть родоначальникъ и представитель славянскихъ земледѣльческихъ племенъ. Онъ изобрѣтатель земледѣлія, которое было ужъ извѣстно имъ еще въ ихъ протчизнѣ; стало быть, онъ родился еще въ древнѣмъ ихъ Вырѣѣ. Еще тамъ, подобно Ямѣ и Джимѣ, онъ получилъ свыше символы земледѣлія, и сталъ княземъ мира. Прежде еще этого онъ чтился тамъ въ образѣ Перуна; такъ какъ «первобытный народъ уподобилъ грозное облако плугу, а бога Грозовнива представлялъ себѣ рожущимъ вихрями облачное небо, бороздящимъ его молніями и разбрасывающимъ сѣмя дождя. Онъ же выковалъ первый плугъ, и какъ владыка, творящій земные урожаи, научилъ человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣвать землю». (Афан. т. I, ст. 558). Но прежде, чѣмъ родиться на землѣ и облечься въ человѣческое тѣло, его нежившая душа должна была носиться въ видѣ звѣ-

дочки, бабочки или мальчина съ пальчикъ, какъ представляли себѣ тогда люди всякую нежившую душу и самую молнію. Однако и родившись, онъ былъ сначала княземъ колесницы, вождемъ бродячаго племени, откуда получилъ отъ Солнца небесныя принадлежности или символы земледѣлія и осѣдлости. Почему онъ могъ называться сперва и Накулдой, божественнымъ княземъ колесницы, извѣстнымъ послѣ въ Индіи, а потомъ княземъ сохи (suoha, roch), Колоксаемъ у скифовъ; и только ужъ въ позднѣйшее время получать, отъ отдѣлившихся славянъ, настоящее свое имя и отчество. (См. I т. Магабг. и Бергм. les Gètes, ст. 92, 182, о кн. Kola-Skais.).

14) См. les Gètes, о переходѣ скифовъ изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій, §§ 55, 56.

15) Какъ родоначальникъ земледѣльческихъ славянскихъ племенъ, Микула приноситъ за свой родъ-племя первую жертву. Въ ведахъ, Агни (Огонь), дитя силы, именуется и первымъ жертвоприносителемъ, и великимъ жрецомъ, бессмертнымъ хранителемъ священныя обрядовъ. Надобно думать, что здѣсь разумѣется огонь очага. «Онъ есть божество (Ayuaman), которому ввѣрена свада (svadha), олицетворенная жертва; всѣ боги ему принадлежать. Такое олицетворенное жертвоприношеніе называлось Ядина, jadyana (ядѣніе, божанія); а жертва предкамъ срада, sradha- (наша трава). Она способствовала душамъ усопшихъ достигнуть горнихъ селеній, и пѣкоторымъ образомъ обоготворяетъ ихъ». (Croy: et lég. de l'ant. p. 7—158). «Но первое приношеніе челоуѣка въ жертву, было символическимъ подражаніемъ первому великому жертвоприношенію, совершенному Брамой надъ самимъ собой,» поется въ гимнахъ Ригъ-веды. Черезъ это божественное жертвоприношеніе былъ созданъ міръ и все въ немъ существующее. Другое мѣсто въ ведахъ поясняетъ предыдущее: по мнѣнію Рота, тутъ идетъ рѣчь ужъ не о жертвоприношеніи Браны своей личности самому себѣ, т. е. не о жертвѣ мірозданія, но вообще о жертвоприношеніи на землѣ, чрезъ что, приносящій жертву, возвышается до небснаго божества и соединяется съ нимъ, слившись, въ образъ своей жертвы, со всѣмъ мірозданіемъ. «Онъ созерцаетъ высшее существо (въ его твореніи), и становится съ нимъ единымъ, становится и самъ этимъ высшимъ существомъ, исполняя обширную ткань торжественнаго жертвоприношенія. Таково ученіе объединенія, какъ практическое слѣдствіе спекулятивнаго пантеизма». Вотъ что говорится объ этомъ въ ведахъ: «воплощенный духъ дышетъ въ груди челоуѣка, такъ какъ онъ наполняетъ собой всю землю. Это высшее существо,—вселенная и все, что было, все, что должно быть... Стихиі вселенной только части его; тройственная сущность его обитаетъ внѣ міровъ. Огъ него родился Вирази, создавшій челоуѣка; а челоуѣкъ, воспроизводя себѣ подобныхъ, населилъ землю.

svadha = svadha
sradha = sradha

Въ этомъ-то и заключалась та всемірная жертва, отъ которой произошли всѣ существа. Боги, полубоги и почтенные мудрецы предложили ее, какъ жертву... На сколько-жъ частей они раздѣлили то существо, что они заклали? (quils immolérent). Луна произошла отъ его разума (не забудемъ, что Индія значитъ собственно Луна. Васильевъ *)—солнце родилось изъ его глаза, воздухъ и дыханье изъ его уха, и т. д.» Таково пантеистическое воззрѣніе на мірозданіе; но понять его можетъ лишь тотъ, кто возвысится духомъ до божества, черезъ жертвоприношеніе. (Крейц. т. 2-й, прим. 5 на 2 гл., ст. 603—605). Не здѣсь ли слѣдуетъ искать начало и нашей голубиной книги, или глубинной, т. е. обнимающей всю глубину мірозданія, какъ и называетъ ее г. Веселовскій въ своемъ соч. о Соломонѣ и Китоврасѣ, 1872 г. Сущность этой книги и ученія браминовъ о мірозданіи совершенно сходны между собою. Впослѣдствіи ученіе это становится какъ бы мѣриломъ знанія позднѣйшихъ племенъ въ вѣщей наукѣ космогоніи, и предметомъ ученыхъ преній ихъ, начиная съ Одина съ велик. Вафтрудниромъ, и нашего Волота съ ц. Давидомъ, и кончая игрой въ вопросы и отвѣты въ Вартбургскомъ замкѣ, близъ Эйзенаха, въ 1206 или 1207 г. въ Турингіи. Позднѣ индѣйская мифологія начинаетъ ужъ изображать природу и самую вселенную въ видѣ небснаго или жертвеннаго коня: солнце—глазъ его, воздухъ—дыханье, огонь—раскрытый ротъ его; годъ—жизнь жергвеннаго коня, небо—спина его, небесный сводъ—его чрево, и т. д. Передъ этимъ конемъ день подымается, какъ блестящее величіе; онъ родится въ Восточномъ морѣ; позади него ночь, тоже въ блестящемъ величіи,—она родится въ Западномъ морѣ, и т. д. (Fasc. de Gulf. p. 225).

16) Древній Дій, Сварогъ, Небо считается праотцемъ всѣхъ послѣдующихъ боговъ. Раздѣливши между ними верховную власть собою, онъ успокоился отъ трудовъ мірозданія; но потомъ божественное потомство его, боговъ второй и третьей руки, до того въ теченіи вѣковъ размножилось, что позднѣйшіе боги наводятъ ужъ сомнѣніе, касательно единства ихъ происхожденія и сродства съ первобытными богами. (Les Gét., p. 152, 153). Первобытная религія древнѣе племенъ, что ее исповѣдуютъ. Въ теченіи времени, боги образуютъ изъ себя своего рода іерархію, по которой каждый изъ нихъ имѣетъ свою долю въ управленіи судьбами вселенной. Такимъ образомъ, мифологія обнимаетъ собой въ послѣдствіи не только собственно религіозныя преданія, но и весь кругъ чело-вѣческаго развитія, его знаніе, поэзію и преданія историческія народовъ. (Fasc. de Gulf. p. 13).

*) Ж. М. Нар. Пр. 1873 г. Апр. ст. 288.

17) Въ одной изъ ведъ образъ молитвы выражается такимъ образомъ: «ткань молитвы не разорвется, и никогда не сломится игла, которой боги шьютъ почетную одежду для молящихся» — «такъ, что уже въ ведахъ подготовлялось представленіе, что жертвой можно повліять и подѣйствовать на боговъ, и жрецъ, умѣющій какъ должно принести ее, спѣтъ подходящую къ тому пѣсню, располагаетъ этимъ небожителемъ служить человѣку. Молитва, какъ священнодѣйствіе, получила первое названіе свое отъ ревностной борьбы; это сильное возбужденіе, внутреннее напряженіе человѣка, когда настойчивымъ выраженіемъ своей воли онъ силится настроить въ свою пользу божество. Ротъ вполне выяснилъ это производствомъ слова Брами (святое и молитва), отъ брн. боротъ; въ ведахъ есть явное тому доказательство: господь молитвы, браманаспати, зовется также и бригаспати. господь борьбы. Молитва вторгается ко всякому предмету и овладѣваетъ имъ какъ бы силой. О браманаспати говорится, что онъ отыскалъ утреннюю зарю и сіяніе неба, что онъ поочередно восходитъ въ солнцѣ и въ мѣсяцѣ; а о набожности предковъ поется, что благодаря ей, небо украсилось звѣздами, какъ вороной конь бляхами; что она ночь надѣлила тьмою, а день озарила ярнымъ свѣтомъ. Могущество слова обнаруживается въ заговорахъ и заклятіяхъ. Они понятны тому, кто, вмѣстѣ съ индѣйцами, признаетъ за существо вещей внутреннюю духовную силу, которая поѣтому внемлетъ слову и можетъ подлежать его вліянію. Тутъ же дѣйствуетъ еще и вѣрованіе, что вещи обладаютъ способностью, уподобляться другъ другу, притягивать къ себѣ подобное, переносить свои свойства на другія вещи. При посвященіи царя говорятъ: небо твердо, земля твердо, горы твердо, да будетъ твердо и царь, и т. д. Еще замысловатѣе, еще духовнѣй и поэтичнѣе выступаетъ часто въ Ригведѣ вѣра въ силу пѣсни и фантазіи, причеиъ пробуждается сознаніе, что человѣкъ-то именно и даетъ своей фантазіей опредѣленную форму идеѣ божества». (Кар. т. I, ст. 297, 309—311). Касательно преданія о великанѣ, см. Афан. т. II, ст. 719, 720.

18) «Около двадцати пяти столѣтій до Р. Х., говоритъ Бергманнъ, арійцы обитали на плоской возвышенности Западной Азіи, гранича съ Аральскимъ моремъ и Джигуномъ (Djihoun) къ Сѣверу, съ Тигромъ и Евфратомъ на Западѣ, съ Персидскимъ заливомъ и Индѣйскимъ моремъ на Югѣ, съ Синдомъ и Белуртагомъ (Belur-tagh) съ Востока. Потомъ въ теченіи вѣковъ, арійскія племена пачипаютъ ужъ разниться между собой. апри расселеніи въ другія мѣстности и еще болѣе отличаются одно отъ другаго. Къ восточной группѣ принадлежатъ арійцы Индіи, Бактріаны, Персіи и Мидіи, отдѣлившіеся въ глубокой древности отъ прочихъ. Еще прежде нихъ однако вышли изъ прародины Гейганы (Haigans), Иверы, Атуры и Камары; такъ-что въ западной группѣ оставались одни Скифы, между которыми самое воинственное племя было племя Савовъ или Таковъ (Hakas), занимавшихъ, подъ именемъ Индо-Скифовъ, въ

1 ст. по Рожт. Хр. весь сѣверо-западъ Индіи. Греки звали ихъ вообще скутами, щитами, способными, покровителями. (Les Cret. p. 17 — 23). Г. Григорьевъ замѣчаетъ, что у Саковъ (Шакія) встрѣчаются славянскія имена: Зарина, Будръ, и пр. почему г. Васильевъ говоритъ, что и Вирудака, рожденный отъ рабыни и отставшій шакианцамъ вѣстребленіемъ ихъ, за презрѣніе, оказанное ему вслѣдствіе такого происхожденія, не есть ли искаженіе нашего слова: выродокъ?...» и т. д. (Рел. Вост. В. Васильева, Журн. нар. проsv. 1873 г. Апрель, ст. 291). Между тѣмъ, въ Индіи было ужъ много боговъ и между главнѣйшими: Вишну—вода, и Сива—огонь, оба ~~неисчислимыя земледѣлія~~. Въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя Сивы, но ужъ въ искаженномъ образѣ богини весны и урожаяевъ, Прии,—слившейся потомъ въ народномъ сознаниі съ плодотворящей матерью Землею. Другое же ея значеніе, отъ созвучія съ словомъ сѣять, посѣвъ, выражаетъ богиню, научившую воздѣлывать землю, сѣять, жать и обрабатывать ленъ. (Аф. т. I, ст. 137, 138). Стало быть, значеніе Сивы Индѣйскаго и нашей Сивы тоже самое; но образы ихъ разные. Древнѣйшее значеніе Сивы было сѣяющей; и теперь по малороссійски сивый, значитъ сѣдой, бѣлый, а сивѣти—становятся сѣдыми, (тамъ же, т. I, ст. 230). Но ближеніе нашего Микулы съ Сивой, богомъ Индіи, будетъ еще явственнѣе, когда мы скажемъ, что Сива есть владыка лингвама, отецъ и властитель природы и всякой жизни; его символы огонь и вода, солнце и луна, мужъ и жена, быкъ и корова, лотусъ, священное фиговое дерево (нашъ дубъ-стародубъ), и пр. (Kreiz, t. I, ch. 2—5). Вакхъ и Гермесъ вносили также духъ общестія и дары земледѣлія: почему и они могли имѣть много общаго съ Микулой, представителемъ вообще жизни осѣдой и земледѣльческой: тогда какъ древніе персы или фарсы, какъ племя пастушеское, еще поклонялись планетамъ, стихіямъ и источникамъ, покуда Зороастръ, посѣтилъ гору Альборди (персид: Меру), и далъ имъ письменные законы и новую вѣру въ Ормузда и Аримана, первообразовъ нашихъ Бѣлбога и Чернобога. Затѣмъ возникла вражда между персами и прочими арійцами, и древніе арійскіе боги были причислены въ Персію къ дивамъ, т. е. демонамъ. (Croy: et lég. de l'ant. p. 7—158).

19) Нѣкоторые ученые признаютъ совершенное тождество индѣйскихъ боговъ съ славянскими, и большое также сходство между ихъ древними праздниствами. Бромъ несомнѣннаго сходства въ праздникахъ солнцесворота, богини Ганги, встрѣчи весны, поминокъ усопшихъ, особенно поражаютъ своимъ тождествомъ праздники Индѣйскаго Сивы и нашего Ярилы. У насъ богиня Сива почитается женой Перуна, того же Ярилы, и, какъ въ Индіи, въ этотъ праздникъ чествуется лингвамъ, фаллусъ, стволъ плодородія. Бтоже въ Индіи Сива? Онъ есть владыка лингвама, магадева.

мужъ и жена, быкъ и корова, богъ двуполюй, какъ и вся природа вообще, въ которой онъ и есть разрушитель и возобновитель, благодѣтель земли, богъ земледѣлія и всѣхъ произведеній природы; онъ же и грозный судія загробный, мститель и воздаятель, владыка душъ усопшихъ. Въ первомъ образѣ онъ Бава, Балисъ, Багаванъ, Део-нехъ; въ последнемъ, онъ Рудра, Бала, Гора, Угра, и пр. (Kreuz, t. I, ст. 2—5). Вотъ почему онъ могъ слыть въ Индіи богомъ, а у насъ богиней, и вотъ на какомъ основаніи, какъ царь усопшихъ, онъ имѣетъ сходство и съ нашимъ Родомъ, а какъ богъ земледѣлія, съ нашимъ Микулой. Празднество Сивѣ и лингвamu считалось въ Индіи главнѣйшимъ, какъ и у насъ Яриль—Микулъ—Перуну. Всѣ индѣйскіе празднества перечислены въ 16 прим. къ 1 книгѣ у Крейдера, гдѣ всякій можетъ удостовѣриться въ сходствѣ ихъ съ нашими языческими. Почему же не искать въ Индіи и первоначальнаго источника нашихъ древнихъ обычаевъ и народныхъ былинъ, какъ на это указываетъ и г. Стасовъ въ своей статьѣ, о русскихъ былинахъ (В. Евр. 1868 г.)? Но какимъ образомъ Индѣйскіе Кришна, ~~и некоторые другіе образы~~ превратились потомъ въ Добрыню, и т. д., это, конечно, народная тайна, къ которой и самъ народъ теперь не имѣетъ ключа. Корни остались большею частью въ цѣлости и принялись на русской почвѣ; но къ стволу сдѣланы многія прививки, которыя затемнили его древнее значеніе.

20) «Будда чть общее названіе, очень древнее въ Индіи, ученаго, мудраго еловѣка, и значить собственно высшій разумъ. Онъ тоже, что Муни,—пустынникъ или планета Меркурій. Имя это принадлежитъ астрономіи, метафизикѣ и исторіи. Было множество Буддъ и Ману, оживлявшихъ міръ своимъ словомъ. Последній Будда явился отъ девятаго, последняго воплощенія Вишну, когда этотъ богъ воплотился Кришной. Въ ученіи буддизма древнее и новое до того перемѣшаны между собою, что самыя противоположныя мнѣнія могутъ черпать изъ него обширныя доказательства. Поэтому нельзя вполне отвергать мнѣніе Рихтера о первоначальному буддизмѣ въ самую глубокую древность, совершенно отличномъ отъ нынѣшняго, т. е. позднѣйшаго,—о томъ буддизмѣ, что предшествовало этому последнему или современно его первому началу. Тотъ первый Будда могъ быть однимъ изъ главныхъ символовъ или образовъ первобытной религіи индусовъ, и, можетъ быть, еще назывался тогда Вишну или Сива-Брамой, который былъ преемникомъ Діонисія. Надобно думать, что Арріанъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ спутниковъ Александра, эти-то божества и называетъ Буддіями (Bouddias). Вѣроятно, это и есть то божество, покровительствующее землѣ, сынъ Луны, (Майа, Богавани), что считается отцомъ пуру, людей, гениемъ планеты Меркурія, и

скорѣе должно называться Будой, нежели Буддой; то божество Готама, которому присвоено девятое воплощеніе Вишну. Но между древнѣйшимъ и новымъ буддизмомъ такая же разница, какъ между первообытнымъ сабизмомъ и новѣйшимъ пантеизмомъ. По мнѣнію Рихтера, ученіе древняго Буды распространилось съ Востока до дальнѣйшихъ предѣловъ Европы. Рихтеръ даже отождествляетъ древняго Буду съ Воданомъ и Однимъ. Во всякомъ случаѣ имя Будды присуще развитію религіи въ Индіи, съ древнѣйшихъ временъ по сіе время. Оно принадлежитъ всѣмъ сектамъ, всѣмъ народнымъ, самымъ тайнымъ вѣрованіямъ, какъ во времена варварства, такъ и въ болѣе образованныя. Немудрено, что Буда въ средѣ воинственныхъ асовъ превратился въ завоевателя. Бакъ, вѣроятно, богъ Торъ есть искаженный Индра, такъ точно и Воданъ-Буда-Вишну или Будій Арріана есть тотъ самый человѣкъ-левъ, Наразина, Индѣйскій геркулесъ, Сакіа-Сина, левъ Саковъ, какъ и по сіе время Будда называется по всей Восточной Азіи, или какъ Фрико съ фаллусомъ соотвѣтствуетъ Фреѣ-гермафродиту, Сивѣ или Арданари—Исвари, ... (Крейц. кн. 1 и прим. 15 къ ней, § 3). Но къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что хотя Будда считается тысячи, прежде Шакіамуни, который и есть, вѣроятно, Ади-Будда,—Будда Буддъ; но знаменитый нашъ ориенталистъ Васильевъ считаетъ ихъ вымышленными позднѣе (послѣдняго уже въ Европѣ). По мнѣнію г. Васильева, подъ именемъ буддистовъ въ глубокую древность, слѣдуетъ разумѣть просто анахоретовъ нравственной жизни, которые даже чествовали огонь, слѣд. имѣли нѣчто общее съ магами, съ преданіемъ о Прометѣѣ, съ древними весталками. (Журнала министерства народнаго просвѣщ. 1873 Апр. ст. 288, 289).

21) Преданіе о томъ, что боги должны рано или поздно погибнуть или смѣниться другими, существуетъ во всѣхъ арійскихъ мифологіяхъ. У грековъ предсказываетъ объ этомъ Юпитеру скованный Прометей; у Скандинавовъ то время называется божественными сумерками небесныхъ величій; у насъ также есть намекъ на это въ искаженномъ духовномъ стихотвореніи, о концѣ вселенной отъ воды и огня. «Сакіа-Муни (Будда), умирая, предсказываетъ, что черезъ пять тысячъ лѣтъ вѣроисповѣданіе его исчезнетъ и будетъ замѣнено другимъ, основателемъ котораго явится Маги-дари, Богъ въ образѣ человѣка. Это девятое превращеніе Вишну происходило (по исчисленію Индѣйцевъ), въ IV вѣкѣ бытія міра; десятое (калькиаватара) будетъ въ концѣ вѣка». (Ист. рел. т. 1, ст. 13).

22) О всемъ этомъ см. les Gètes, par Bergmann, § 69, ст. 31—35; § 55, ст. 91, 92; § 109, ст. 181.

23) По Индѣйскимъ преданіямъ, таинственная гора Меру есть та священная, срединная гора, откуда исходитъ источникъ жизни

и свѣта на землю. Она соединяетъ землю съ небомъ и отдѣляетъ день отъ ночи. Позади нея ежедневно закатывается солнце, заходятъ луна и звѣзды. Тамъ кочевали хищныя племена; страна эта мрака и чудищъ называлась у персовъ Тураномъ, тогда какъ сама Персія, между Кавказомъ и Сѣв. Индіей, звалась Ираномъ. Здѣсь Магабадъ, въ родѣ пророка или патріарха, внесъ первую образованность и раздѣлилъ народъ на четыре касты. Его вѣкъ почитается золотымъ. Затѣмъ Джемшидъ, тоже что еврейскій Соломонъ или Александръ у грековъ, построилъ или вырубилъ въ утесѣ городъ Эстакаръ, прозванный персами трономъ Джемшида. Джемшидъ жилъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ семьсотъ; его вѣкъ почитается еще славнѣйшимъ Магабадова. Но онъ возгордился этимъ и объявилъ себя божествомъ, за что навлекъ на себя и народъ свой гнѣвъ Божій: чудища Турана вторглись въ Иранъ и овладѣли имъ. Въ главѣ ихъ былъ Сохакъ, который и владѣлъ Персіей тысячу лѣтъ, и превратилъ ее въ пустыню. Освободителемъ страны явился кузнецъ Феридунъ: онъ побѣдилъ Сохака, и заключилъ его въ пещеру. Съ тѣхъ поръ началась борьба Ирана съ Тураномъ, куда предсталъ, извѣстный персидскій богатырь, Рустанъ или Рустемъ, и окончательно очистилъ свою родину отъ туранцевъ. (Крейцеръ, рел. инд. т. I, гл. I; рел. перс. гл. I—V).

24) Производящая сила природы у индѣйцевъ, Бавани, считается женою Сивы (Микулы): съ тѣмъ вмѣстѣ она сестра его и дочь. Она также Парвати и Ганга, луна, богиня первобытной влажности; она же Дурга, героиня, вооруженная съ головы до ногъ, недоступная богиня; въ ней выражается сила и энергія добродѣтели; она же, подъ именемъ Кали или Мага-Кали, караетъ преступленія, низвергаетъ грѣшниковъ въ пламя бездны и предпочитаетъ всему человѣчскія жертвы; она смерть и дающая смерть. (Kreuz. t. I, ch. II—V). Не въ этихъ ли трехъ образахъ слѣдуетъ искать и полузабытые нынѣ образы трехъ дочерей Микулы? «Въ индѣйской мифологіи, говоритъ Бергманъ, Кали (Грозная) присутствовала при смерти. Какъ богиня разрушенія и священныя гаданія, она имѣла въ услуженіи жертвенныхъ женщинъ (*femmes victimaires*), которыя приносили въ жертву плѣнниковъ и составляли родъ корпораціи, называвшейся тогда челоуѣкоубійцами, — *tuerie d'hommes*. Онѣ были вооружены; почему греки и уподобляли ихъ дѣвственнымъ амазонкамъ, что служили при Артемидѣ Ефесской. Весьма вѣроятно, что богиня Луны, какъ участвовавшая въ принятіи мертвыхъ, уже называлась у скифовъ Квалой, *kvaleis*, грозной, черной, по санскр. *kal*. Собственно Кала значить поражать (*frapper, cell.re*); отъ чего происходитъ санскр. слово *kalas* (поражающій, *frappant, coup, instant*). Поражать (*frapper*) синонима слова ужасать (*effrayer*); отсюда санскр. слово *kalas*, грозный, ужасный, черный. Отъ *kalas* происходитъ *kalys* (*tenant*

du noir); у скифовъ-гетовъ kvaleis (грозный, черный), и kvalei (грозная, черная, по санскр. kali). (Les Gét. p. 209, 213). Замѣтимъ, что также и у славянъ назначались послами, какъ наша Грозная, вѣщія дѣвы, состоявшія при храмахъ; а служеніе при храмахъ тогда заключалось въ гаданьяхъ и въ томъ, что эти прислужницы удушали человѣческія жертвы передъ жертвоприношеніемъ, и такимъ образомъ отправляли ихъ души къ богу Ямѣ или Роду, служа какъ бы посредницами или послами между нимъ и народомъ. Но отъ образа богини Кали у насъ осталось только смутное представленіе о немъ, и ея древнее имя Грозной. Еще проще сближеніе между Поленицей и Дургой: и та, и другая воинственныя дѣвы; и та и другая развѣзжаютъ (полякуютъ) по странѣ, всегда вооруженныя, и бьются съ враждебной, нечистой силою; обѣ извѣстны своей силой, энергіей и добродѣтелью, и обѣ недоступны силамъ вражескимъ. Затѣмъ остается еще третья дочь Микулы, которой даже и имя утрачено. Но не есть ли она третья дочь Сивы, — Ганга, богиня луны? «Потомъ, говоритъ Бергманъ, явилась у скифовъ Права или Прія, собственно госпожа, какъ преемница или дочь Луны, почитавшаяся скандинавами дочерью слав. божества Вринды (раздавателя богатствъ и даровъ земныхъ). Послѣ войны съ ванами, скандинавы получили ее въ заложницы мира, подъ именемъ Фрей; то была госпожа (domina), хозяйка въ домѣ (maitresse de la maison), богиня изобилія, любви, супружества и семейства; но прежде всего — почетная госпожа, супруга и хозяйка дома (dame de la maison); типъ, по мнѣнію Снорри, вообще знатной госпожи, по превосходству». (Les Gét. p. 218, 221, 222; fasc. de Gulf. p. 267). «Домашній очагъ, котораго она была представительницей, соединялъ собой воедино не только семейство, но и цѣлое племя и народъ; такимъ образомъ, подобно римской Вестѣ или скифской Тавити, она стала представительницей не только семьи, но и цѣлаго племени, а потомъ и народа». (Les Gét., p. 227). Впослѣдствіи ея имя было: Вана. Не въ этомъ ли образѣ и должна быть младшая дочь представителя земледѣлія Микулы? Не это ли и есть она, его младшая дочь, прабаща Прія, а потомъ, по вступленіи на сцену Виндовъ или Вендовъ наша Вана, родоначальница племени вановъ; такъ какъ въ древности, какъ прекрасно разъяснилъ г. Буслаевъ, племена вообще назывались по имени не отцовъ, а матерей своихъ, стоявшихъ въ главѣ ихъ.

25) Младшая дочь представителя земледѣлія, Микулы, Права или Прія (госпожа, хозяйка дома, богиня воздѣланной земли, впослѣдствіи Вана) есть мать-представительница своего рода племени, которое еще не отдѣлилось отъ прочихъ племенъ арійскихъ. Въ тѣ дни человѣчество было еще слишкомъ молодо, чтобы понимать законы явленій природы: въ глазахъ его самое обыкновенное

для насъ явленіе чудесно, божественно. «Слова скорѣе можно назвать еще символомъ, нежели простымъ знакомъ понятій, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 297), образъ созерцается еще непосредственно... Такъ какъ кони и рогатый скотъ составляютъ народное богатство, то поэзія готова вездѣ пустить ихъ въ дѣло... Не потому, какъ являются глазамъ, а по своему дѣйствию, облака и солнечные лучи становятся коровами; тогда какъ тѣже самыя облака въ другихъ случаяхъ то кормятъ грудью землю, то громоздятся въ горные хребты. то въ видѣ чудовищныхъ стѣней похищаютъ лучи солнца или бьются съ Свѣтобогомъ огнедышащими драконами. Проходитъ небесная корова, Денница, запрягаетъ коней своихъ, и какъ вѣтви развѣснаго дерева простираются лучи ея свѣта Агни, живетъ въ каждомъ зажженномъ огнѣ; вспышки пламени трутъ его обликъ; въ то же время онѣ—руки, языки, которымъ онѣ хватаетъ жертву, и на ряду съ этимъ Агни—человѣковидный богъ... М. Мюллеръ предостерегаетъ не находить ребячествомъ такихъ наприм: восклицаній въ ведахъ: «ахъ, прійдетъ ли, взойдетъ ли выще солнышко? Воротится ли другъ нашъ, денница? Богъ свѣта одолѣетъ ли и на этотъ разъ чудищъ тьмы?..» Надобно перенестись въ дѣтское настроеніе первобытной старины, чтобы вполне постичь ея радостное удивленіе, ея душевную благодарность властительнымъ богамъ, по чьей мпlosti снова ниспосылается людямъ благодать дневнаго свѣта.» Солнце представлялось первобытнымъ людямъ въ разныхъ образахъ,—колеса, коня, глаза, оленя, всадника на колесницѣ, витязя... (Аф. т. I, гл. V; les Göt. p. 177—187). Вначалѣ, въ ведическій періодъ, —Сурія (солнце), источникъ свѣта, всезнающій, и Индра, божество высшей атмосферы, нашъ Перунъ, какъ бы близнецы: а потомъ въ образѣ Вишну сливаются совсемъ воедино: вотъ почему два эти образа смѣшиваются иногда подъ перомъ новейшихъ изыскателей. У славянъ богомъ пѣсенъ и богомъ небесныхъ стадъ(а потомъ и земныхъ), признается Велесъ. Кн: Вяземскій сближаетъ слово Велесъ съ греч: *vēlios, avelios, helios*,—солнце; г. Срезневскій признаетъ Велеса или Волоса за наименованіе бога солнца (Хорса) и сравниваетъ его съ Аполлономъ; г. Афанасьевъ, не соглашаясь вполне съ этимъ, признаетъ Велеса и Волоса за одинъ изъ эпитетовъ, выгоняющаго на небесныя пастбища облачныя стада, тучегонителя Перуна, —отъ санскр: корня: *vr, var*, бога-облачителя, который покрываетъ небо дождевыми тучами. Въ послѣдствіи это имя принято за собственное имя отдѣльнаго божества, и ему было приписано охраненіе земныхъ стадъ, какъ позднѣе св. Власію. (Аф. т. I, ст. 693—699). Значеніе бога-пастыря въ нашихъ преданіяхъ присвоивается также и Мѣсяцу, пасущему звѣзды, какъ небесное стадо; такъ какъ въ звѣздахъ наши предки видѣли овецъ и козъ. (Тамъ-же, ст. 691—693). Почему можно предполагать, что въ глубокой древности

Солнце или Перунъ—Велесъ считалось дневнымъ пастыремъ небесныхъ стадъ; а Мѣсяцъ—Велесъ ночнымъ и преимущественно звѣздъ, т. е. овецъ и ковъ. Оба они могли почитаться богами поэзи и пѣсень, и впоследствии слились въ одно, въ Волоса—идола, *скотья бога*. «Солнце, которое давнѣе славяне звали Сваломъ (валомъ, круглымъ), считалось ихъ главой и родоначальникомъ, божественнымъ народнымъ правителемъ, говорить Бергманнъ, почему отъ слова сваль они и прозвались славянами. De même qu'en sanscrit, à côté de la forme primitive svarias, existait aussi la forme quelque peu modifiée de sourias, de même dans l'idiome scythe, à côté de la forme Svalius existait encore la forme de Saulius. En effet, de svalius dérive, p. ex., le nom des slaves (p. svales), et Saulius (céleste) était le nom d'un roi scythe». (Les Gét. p. 178).

• 26) См. искус: въ связи съ общ. разв. культ., Баррьера. т. I, ст. 285. Слово Зевсъ здѣсь вмѣсто Дій, Варуна, богъ неба,

27) Съ развитіемъ человѣчества, боги стали превращаться въ героев; изъ мифической религіи началъ развиваться народный богатырскій эпосъ. Самымъ древнимъ нашимъ богатыремъ почитается Иванъ царевичъ: онъ и божество, и чудесный витязь, существо сверхъестественное—и Солнце, и Перунъ вмѣстѣ, въ образѣ чловѣка. (Рус. народ. Шеппинга. ст. 117). Сколько ни страннымъ кажется встрѣтить христ. имя Ивана во дни самой глубокой древности, но вотъ какъ толкуетъ это нашъ уважаемый проф. Буслаевъ: «по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Pictet) кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ греческихъ племенъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя Юнійское, получило свое названіе отъ одного и того-же общаго корня съ санскр. Ювана, что значить собственно: молодой, юный, и родственно съ латин. juvenis, юноша, откуда франц. jeune. Наше слово юнъ, юный, сократилось изъ того-же древнѣйшаго слова, общаго всемъ Индо-Европейскимъ народамъ. Отъ юнъ произошло слово юнакъ, герой. Стало быть, наше сказочное выраженіе: Иванъ царевичъ, слово въ слово, въ переводѣ значить: молодой или юный царевичъ, или еще юнакъ, герой царевичъ. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго Востока получили названіе Юнянь, т. е. молодыхъ, такъ и наши юнаки съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ-же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ называемые отроки и дѣти бодрскіе составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у славянъ подъ именемъ пѣсень юнацкихъ, т. е. юношескихъ. Юнацкими пѣснями называются также и пѣсни богатырскія». (Рус. вѣст.

1862 г. сент. ст. 81, 82). Къ этому можно присовокупить также слова нашего знаменитаго ориенталиста Васильева, что «япака, собственно царь, происходитъ отъ корня jap- лежащаго въ основаніи Kuping, sun-ing, sun-ig, и нашего слова князь; со всѣми этими словами япака въ этомъ логическомъ родствѣ.» (Жур. М. нар. пр. 1872, июнь, ст. 185). Между Зап. скифами, какъ извѣстно, было племя Явановъ (les Javans), предковъ Яллиновъ; а на ~~Яванскій~~ насъ, русскихъ, понынѣ зовутъ Пванами. Какое же божество могло превратиться въ нашего чудеснаго, почти всемірнаго витязя? Онъ Солнце и Перунъ, взятые вмѣстѣ; онъ, — то царевичъ, то крестьянскій сынъ; какъ Солнце, онъ влюбляется у насъ въ красавицу Ладу, богиню весны или зари, а у скандинавовъ, подъ именемъ Фрейера, въ великаншу Гердуру (блескъ зимняго моря); какъ богъ Громовникъ. онъ олицетворяется у насъ въ Ивашкѣ Запечномъ, въ Южной Россіи, въ Иванѣ Попяловѣ, у Словаковъ въ Попельварѣ, который владѣетъ всѣми атрибутами Перуна, мечетъ самосѣкомъ и конемъ Татомемъ, и также побиваетъ драконовъ. Но вотъ что говоритъ Кришна - Багаванъ, (одно изъ воплощеній Вашну). Арджунъ: «мы нѣсколько разъ ужъ рождались, и я, и ты, о Арджуна. Я знаю всѣ эти рожденія, а ты ихъ не знаешь. страшный витязь. Земля, воды, огонь, воздухъ, эфиръ, душа, разумъ, совѣсть, вотъ одна часть въ моей двойственной природѣ. состоящей изъ восьми частицъ различныхъ между собою. Это низшая моя природа; но познай меня... Я сладость въ водахъ, свѣтъ въ лунѣ и въ солнцѣ, звукъ въ эфирѣ, пріятный запахъ въ землѣ, огненное начало въ огнѣ, дыханіе жизни во всѣхъ одушевленныхъ существахъ... Сынъ Вазудевы заключаетъ въ себѣ вселенную. Я душа, живущая во всякомъ тѣлѣ; я начало, середина и конецъ всѣхъ созданій» (Крейц: 1, 2. прим. 7, ст. 617, 618). «Въ молитвахъ Я Гантри, въ словахъ оум., въ богахъ Индра (Перунъ), въ планетахъ Солнце, въ горахъ Меру, въ рѣкахъ Бубера, въ стихіяхъ огонь, въ браминахъ Вригаспати, въ герояхъ Картика (имя богатыря), въ мудрецахъ Капила-Муни, въ оружіяхъ громовая стрѣла, въ птицахъ Гаруда, въ слонахъ датрабата, въ коровкхъ шуруба (особая порода), въ обезьянахъ гануманъ, въ змѣяхъ ананта, въ водахъ океанъ, въ рѣкахъ Гангъ, въ деревьяхъ ассуата, въ камняхъ салаграма (окаменѣлыя раковины аммониты), въ мѣсяцахъ Варгаширта, въ наукахъ сама-веда. Я наконецъ, душа и жизнь всему видимому. Такъ говоритъ Вишну... (Ист. рел. т. I, ст. 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вишну, одинъ изъ Индѣйскихъ боговъ, воплощается не однажды собственно ко благу человѣчества, — въ щуку, въ кабана, въ витязя Раму, и наконецъ въ бога-человѣка Кришну, рожденнаго царевичемъ, но воспитаннаго между крестьянами и считавшагося сперва крестьянскимъ сыномъ. Его хожденія, въ разныхъ образахъ, также разнообразны и обширны.

какъ и нашего Ивана царевича. Что-же касается до мифическаго чурбана, чурбана; то это слово происходитъ отъ санскр. сур. «Чуръ есть одно изъ древнѣйшихъ названій, какія давались домовому пенату, т. е. пылающему на очагѣ огню, охранителю родового достоянія. Чуръ также богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній. Деревянный столбъ (чурбанъ) былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, какъ такъ въ немъ таятся живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ шитаеся священное пламя очага; камень же—символь небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-Громоуникъ своимъ каменнымъ молотомъ и пизвелъ на очагъ въ видѣ молніи... Сидѣть волизи очага, оберегателя семейнаго счастья и покоя, знакъ, что человекъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ; подъ замаранной отъ дыма и пепла одеждой должны таятся чувства любви, набожности, кротости, способность переносить незаслуженныя притѣсненія, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои и геронии Попяловы и Попелюги.» (Аф. т. II, ст. 90, 91, 484, 485).

28) См. прим. 23.

29) «Десять превращеніе Вишну будетъ въ концѣ вѣка. Тогда онъ явится въ своемъ божественномъ видѣ, на ослѣпительно-быломъ концѣ, съ мечемъ, сверкающимъ подобно кометѣ. Явится онъ для окончательнаго истребленія зла на землѣ. Сива, въ видѣ огненнаго вихря или огнедышащаго змѣя Сени (суши?) пронесется по вселенной: огонь истребитъ міры; но потомъ явятся новые міры и начнутся вѣка блаженства, чистоты и непорочности». (Ист. ред. т. 1. ст. 13) Вишну, какъ божественный свѣтъ, есть истребитель всякаго зла на землѣ, для чего онъ и являлся въ разныхъ образахъ между смертными. Слова, означенныя въ поэмѣ кавычками, о возрастающей развращенности подлуннаго міра, не смотря на всѣ воплощенія Вишну, приведены Крейцеромъ (Kreizer de l'Inde.), въ главѣ о Вишну, какъ собственныя слова этого бога. Не преданіе ли о его послѣднемъ воплощеніи въ концѣ вѣковъ, послужило основаніемъ всѣмъ позднѣйшимъ сказаніямъ о концѣ міра, и народному ожиданію такихъ временъ, когда братъ не будетъ возставать на брата и хищный воронъ не найдетъ себѣ пищи, т. е. валяющихся труповъ; чего ожидаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ сказочныхъ витязей, томясь по сіе время въ подземныхъ заточеніяхъ? У нашего Ивана царевича, по сказкамъ, родятся сыновья, такіе же свѣтозарные, какъ онъ самъ; но почти всегда ихъ похищаетъ или подмѣняетъ нечистая сила. Кришна былъ также подмѣненъ, только съ благой цѣлью; и такихъ преданій въ Индіи не мало. Выше было ужъ приведено мѣстѣ Бергманна, о происхожденіи сѣ-фскихъ славянскихъ племенъ отъ бога Солнца, Свада; такъ точно и слово росъ, русъ, въ древнія времена зна-

чло свѣтлый, русый. блестящій, святой. «Уже Нарбуттъ напалъ на мысль, что святыхъ рѣки у Будиновъ, которыхъ онъ считалъ предками Литвы,» Шафарикъ славянами, именовались *ross*, говорить Гедеоновъ (о варяж. вопр. ст. 69—23). Отъ Волги-Рось до Нѣмана-Рось и до Куришгафской Руены, все пространство земли, занимаемое словено-русскими племенами, покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса. Названія Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляетъ особое религиозное начало и значеніе святости. Понятіе о свѣтѣ, говорить г. Буслаевъ, глубоко лежитъ въ названіи русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа; хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ ихъ начальною стихіей. Рѣчное названіе Руса, откуда русалка, черезъ форму рус—ло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова русый, распространившагося не только на Сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus*, красный, рыжій, но и на Югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы. Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на *potoku Rusowè*, но и въ кельт. *rus*, *ros*, озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ санскрит. языка, въ языкѣ ведъ, находимъ *ruṣat*—*rutīlanes*, глаголъ же *ruṣ* остался и впоследствии, но только въ значеніи *ferire*, *accidere*; съ перемѣною же небнаго *ṣ* въ *ṛ* перешелъ въ *ruṛ*, *lucere*, *splendere*. Гедеоновъ же находятъ, что по санскр. *ruṣ*—*splendere*; въ Zendскомъ языкѣ *ruṣ*—*splendere* и *lux* (Vopp, *Vergl. Gram* 128, 28); а отсюда, съ одной стороны производныя: *russaeus*, *rutīlan*, русый, фин. *rus*, и т. д.; съ другой, значеніе блеска и свѣта для водъ и росы въ индоевропейскихъ языкахъ. У славянскихъ племенъ санскр. и Zendское *ruṣ*, *ruṣ*, переходитъ изъ нарицательнаго въ собственное, подъ формою Рось, Русь; здѣсь начало мифологическаго (славянскаго, и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, словено-русскаго) періода его. Этому періоду принадлежитъ существующее только въ русскомъ языкѣ (подобно названію русалокъ) слово: русло, быть можетъ, первоначально божественное олицетвореніе русла; и русло, и русалка, отъ рѣчнаго, священнаго Русь. Какъ отъ Нѣмана и Свитязя—Нѣмнянки и Свитязьняки (Снегир. 1, 119), такъ отъ Рси или Русы—русалки. Литовская русалка именуется Гуделкою, *gudielka*; но по литовски *Gudduseme*—украинская Русь, *Gudos*—русинъ, *Gudai*—Русь во множ. числѣ. (Schafar. *Sl.* 456. *Anm.* 4). Въ тѣснѣйшемъ же смыслѣ Русью именуется только Поляне и Кіевъ; русскій синонимъ Кіевскаго; Кіевъ былъ настоящимъ центромъ Руси. Мы читаемъ у Нестора: «бѣ единъ языкъ словянскъ: Словяни, иже сѣяху по Дунаевѣ, ихъже пріяша Угри и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, иже нынѣ зовома Русь» (Лавр. II); и далѣе: «а словянскъ языкъ и рускый одинъ; отъ варягъ бо призвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но словянская рѣчь бѣ». (Тамъ же, 12.—Гедеоновъ. ст. 46). Въ первые вѣка по

Р. Х., а может быть, также и прежде, русских, вѣроятно, по ихъ свѣчности съ водой, звали выдрами (Истор. очер. Буслаева, т. I, ст. 26). Но слову выдра есть и другой корень: «слово Индра (Индрикъ, Вындрикъ, единорогъ) изслѣдователи наши сближаютъ съ греч. одра. Отъ санскр. корня ud, und, (vad, vand) дѣлать мокрымъ, образовались слова: санскр. uḍa, греч. одор, литов. vandū, слав. вода; санскр. uḍra, литов. uḍrà, англосак. otog. сканд. otr, др. нѣм. ottar, слав. выдра, (или vīdra),—собственно водяное животное; греч. odria, водоносъ, одра (hydra), баснословная водяная змѣя.» (Аф, т. II ст. 554). «По нашимъ преданіямъ Индра-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. Когда была засуха, онъ копалъ рогами мать сыру-землю, выкопалъ глубокіе ключи, доставалъ воды кипучія, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по маленькимъ ручьямъ, по большимъ озерамъ. А свящ. пѣсни ведъ утверждаютъ, что богъ Индра низводитъ изъ облачныхъ горъ стремительные потоки дождя, и творитъ изъ нихъ земные истоки, ручьи и рѣки, и направляетъ ихъ бѣгъ. Сродство русскаго преданія съ ведическимъ, говоритъ Афанасьевъ, въ высшей степени поразительное. (Тамъ же ст. 553, 554)». Добавимъ, съ тою только разницею, что древній богъ, по христіанскимъ преданіямъ, превратился въ звѣря. Г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 127) приводитъ ссылку на одного еще изъ старшихъ богатырей, вѣроятно, до эпохи Владиміра: «былъ богатырь, надъ семидесятью землями богатырь.» Кто этотъ богатырь, покуда остается въ неизвѣстности; но все-таки это не мѣшаетъ отнести эти слова къ тому же—древнѣйшему богатырю русскому, Ивану царевичу, или къ одному изъ свѣтозарныхъ сыновей его, о которомъ богѣе подробныя преданія въ народѣ уже утратились или смѣшались съ другими. Изгнаніе же Прии и пр. заимствовано вообще изъ народныхъ сказокъ.

30) Прежде всего, нашъ Соловей-разбойникъ есть древнѣйшій мифъ грозы. Соловей, славій, говоритъ Г. Афанасьевъ, (т. I, ст. 301—309), происходитъ отъ слова: слава; почему и вѣщій Боянъ (пѣвецъ) называется соловьемъ стараго времени. Въ народныхъ преданіяхъ соловьиный щекотъ (по стариннымъ памятникамъ: щекатый, сварливый, бойкій на словахъ; сравни корень щекъ съ санскр. śaḡ, говоритъ) есть символъ весеннихъ глаголовъ бога Громоуника, вѣщающаго въ грохотѣ грома и свистѣ бури... (почему нѣмцы называли соловья ночнымъ глашатаемъ, nachtigall). Эпитетъ же разбойника объясняется разрушительными дѣйствіями бури. Закрытіе тучами и зимними туманами небесныхъ свѣтилъ называлось на старинномъ поэтическомъ языкѣ похищеніемъ золота: такъ и въ подвалахъ Соловей-разбойника лежала несчетная золотая казна. Демоническія силы грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Въ вариантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ сказаніяхъ вы-

водятся на сцену воров и разбойники. Такимъ образомъ, древнѣйшія мифическія преданія съ теченіемъ времени сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его обыденной жизни».

31) «На Западъ отъ главной страны Саковъ, близъ Каспійскаго моря, была страна ихъ собратьевъ Моравовъ, по греч. *Margiana*, жители которой называли восточ. Саковъ Заморавскими Саками (также, вѣроятно, какъ Западные жители Лабы звали потомъ своихъ восточныхъ сосѣдей Пруссовъ—Поруссами). Греки измѣнили это названіе въ Аммореевъ. По берегамъ же Каспійскаго моря обитало еще одно изъ племенъ ихъ,—Дервяне или Древляне, производившіе свой родъ отъ деревьевъ. Парфы принадлежали также къ скифскимъ племенамъ». (*Les Scythes, les ancêtres des peup. Germ. et Slaves, par Bergmann*). Кромѣ того, что все пространство земли, занимаемое потомъ словено-русскими племенами, покрывалось рѣками: Рось, Русь, Роса, Руца: въ глубокой древности, по словамъ г. Иловайскаго, р. Яксартъ или Сыръ-Дарья называлась также Росой; также какъ, по мнѣнію г. Гильфердинга, Бактрія, верховья Сыръ и Аму-Дарья, именовалась свѣтлой Ирїей. Орисса, провинція въ Индостанѣ, кромѣ созвучія съ Оросами (*Orosz*) или Росами, имѣетъ понынѣ нѣкоторые сходные съ ними обычаи; между прочимъ, поименованіе мертвыхъ тамъ называется шрадой, какъ и у насъ оно называлось ставрой, и т. д.

32) Смотри примѣч. 11.

33) О причинѣ переселенія восточныхъ народовъ постепенно на Западъ ученые говорятъ общими мѣстами; что весьма естественно: потому что такихъ причинъ могло быть очень много, и между ними, конечно, главная,—стремленіе найти себѣ на Западѣ, въ то время ненаселенномъ, лучшія земли. Славяне считали земледѣліе обязанностію, возложенною на нихъ богами; при переселеніяхъ, они обыкновенно посылали впередъ, для развѣдокъ, соглашениявъ, какъ это и теперь дѣлаютъ, брали съ собою по горсти родимой земли; а Микула, по нашимъ преданіямъ, несетъ на плечахъ суму, въ которой лежитъ тяга земли, и т. д. Переселенія эти могли совершиться или черезъ Кавказъ, или по окраинамъ Каспійскаго моря. «По словесному преданію самыхъ старыхъ жителей Дона въ 1781 г., даже первые Донскіе казаки пришли на Донъ изъ-за Терека; но были не татары и не имѣли сходства ни въ лицахъ, ни въ обычаяхъ съ азіатскими народами, а въ семь сообразны были съ великороссіянами». (*Руск. Стар. 1874. Май, записки донскаго атам. А. К. Денисова, ст. 4—6*).

34) Приведенное народное стихотвореніе относится къ св. Егорию; но во времена язычества, героемъ этого стихотворенія была, конечно, другая личность, по сіе время вполне еще неразъясненная. «По всей вѣроятности, говоритъ г. проф. Миллеръ, (Илья Мх

ромецъ ст. 345, 432), въ образѣ Егорія скрывается тоже мифическое существо, что и во Владимірѣ-Солнцѣ, только усматриваемое съ его дѣятельной, ратующей, воинственной стороны». Эту же личность г. Миллеръ подозрѣваетъ и въ Добрынь, который есть, по мнѣнію г. Стасова, извращенный Кришна. Афанасьевъ видитъ въ Егоріи Перуна, который борется съ темными тучами, гибнущими подъ ударами его молніеносныхъ стрѣлъ или палицы; а въ мифическихъ дѣвахъ, что пасуть воловое стадо, облачныхъ дѣвъ пастырей небесныхъ стадъ; въ лѣсахъ же, горахъ, рѣкахъ, волкахъ и змѣяхъ, облака и небесные источники. (Т. I, ст. 699—704). Г. Буслаевъ (Руск. Вѣстн. 1862 Марта, ст. 53, 17, 11) подъ именемъ Егорія разумѣетъ: творца-устроителя русской земли, (финскаго) Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса. Изъ нашихъ же древнѣйшихъ народныхъ героевъ всего ближе подходитъ къ нему, по существу своему, Микула, чей образъ дошелъ до насъ уже въ самомъ смутномъ, отрывочномъ образѣ; совсѣмъ не вѣдомо, какъ онъ сложился «въ древнѣйшую пору зарожденія мифовъ и ихъ элическаго выраженія въ народной поэзіи». «Сама мать сыра земля любитъ Микуду Селяниновича и весь его родъ-племя. Въ этомъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Онъ является въ сношеніяхъ съ лицами древнѣйшей титанической эпохи и показываетъ переходъ отъ кочевой эпохи къ осѣдлой, земледѣльческой». Поэтому, въ немъ-то, Микулѣ, и слѣдуетъ, кажется, искать самаго близкаго сходства, какъ съ Вейнемейненомъ, такъ и съ Егоріемъ, устроителями осѣдлой жизни и земли, удобной для земледѣлія. Одна черта этого сходства даже сохранилась еще въ народныхъ былинахъ.—это погрязшій въ землю бродячій титанъ Святгоръ подъ сумкой Микулы, какъ Святгоръ на вѣки и остался, и торчитъ изъ земли будто скала. Другой чертой мифическаго сходства можетъ, пожалуй, также служить преданіе о змѣяхъ и волкахъ—неврахъ, прикочевавшихъ или придвинувшихся къ осѣдлому племени Геллоновъ. Впрочемъ, говоритъ г. Афанасьевъ: «для каждаго естественнаго явленія мифологія даетъ по нѣскольку разнообразныхъ картинъ. Въ глубочайшей древности всякій смотрѣлъ на явленія природы съ той точки зрѣнія, какая была ему ближе и понятнѣе по образу его жизни и занятій: пастухъ смотрѣлъ на нихъ именно, какъ пастухъ; охотникъ, какъ охотникъ; воинъ, какъ воинъ». (Т. I, ст. 690). Какой же образъ для устроителя земли могъ выбрать или создать земледѣлецъ? Конечно, образъ представителя или отца земледѣлія,—Микулы Селяниновича.

Изъ 3-й пѣсни.

1) Варуна (у Скифовъ Воданъ) почитался въ глубочайшей древности божествомъ небеснаго океана, воздушнаго моря; его царство полагалось на Западѣ. Древніе скифы поклонялись, должно быть, ему, въ образѣ меча, водрученнаго рукояткою въ землю, что выражало и Громовую стрѣлу, и ~~дву-солнечный~~. Въ концѣ ведійскаго періода Варуна у Индовъ преобразился въ бога Вишну, вмѣстившаго въ себя, и Небо, древняго Діа, Сварога, и Индру, Перуна, и Солнце, Дажь-бога, Сурію, и воды океана, и свѣтъ земной, и міръ духовный, словомъ—вселенную. Вишну сталъ отцомъ боговъ, источникомъ свѣта, владыкой земли и неба, войны, земледѣлія, грозы и благотворныхъ силъ природы. Тѣже самыя свойства славяне придали своему Свято-виту (свѣтой свѣтъ). Иные предполагаютъ съ Святovitъ Сварога, другіе Вишну; и то, и другое должно быть основательно: потому что и Вишну, и Сварогъ. слились, еще до ихъ выхода, воедино. Весьма вѣроятно, что славяне и вынесли съ собой это божество изъ своей пратчизны. Тогда древній Воданъ-Варуна сталъ для нихъ божествомъ земнаго океана, и получилъ названіе Морскаго или Водянаго царя. Для тѣхъ же народовъ на Западѣ, которые еще не знали Вишну-Святовита, т. е. въ его новомъ превращеніи, древній Воданъ превратился въ Одина или Вуотана, (Les Gét. p. 152—168), и сдѣлался самымъ могучимъ и высокимъ божествомъ скандинавской мифологіи. «Какъ представитель небесныхъ грозъ, онъ является въ шумѣ бури, во главѣ неистоваго воинства, и въ то же время властвуетъ надъ водами (т. е. дождевыми тучами), почему древніе писатели сравнивали его съ Нептуномъ. Имя Wootan (Odhinn) отъ wuot-mēnos, animos, умъ, дарованіе, ярость, бѣшенство, ~~т. е. соответствуетъ нашему слову духъ и выражению, буйный вѣтеръ, буйная голова~~» (Аф. т. I. ст. 392). Названіе Вуотанъ есть уже частное, скандинавское; но какъ покровитель народный, грозный образъ воинственной стороны нашего Святовита, Одинъ имѣетъ много сходнаго съ Скифскимъ княземъ-Щитомъ (Hleiro-ksais). Г. Афанасьевъ приходитъ въ тому же заключенію. (Т. I, ст. 215, 216).

2) Переселенія финно-алтайскихъ племенъ въ Европу, какъ приблизительно извѣстно, начались за 2500 лѣтъ до Р. Х.; а первые Климмеріане явились на Черномъ море между 2200 и 1500 годами до нашей эры; хотя и тѣ, и другіе могли быть гораздо ранѣе, когда еще Европа представляла изъ себя большой архипелагъ острововъ. Между тѣмъ воды первобытнаго океана всего долѣе должны были оставаться въ нынѣшней Восточной Россіи, когда правый берегъ Волги былъ морскимъ берегомъ, а Западная Россія

и часть Германіи огромнымъ полуостровомъ, и потому первые переселенцы могли встрѣчать здѣсь еще слѣды недавняго пребыванія древняго моря. (Les Gët: и Гарт:)

3) Конечно, здѣсь надобно разумѣть первобытныхъ переселенцевъ въ Европу, удалившихся изъ Азіи въ самую первую эпоху.

4) «Чѣмъ древнѣе мифическія преданія русскаго народа, говорить г. Буслаевъ, тѣмъ необходимое объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ народовъ, какъ общее достояніе всего славянскаго шра, предшествующее размѣщенію племей по разнымъ мѣстностямъ.» («Русск. вѣст.» 1862 г. Мар. ст. 24). Не менѣе, конечно, знаменательны въ такомъ случаѣ и преданія сосѣднихъ арійскихъ, да и другихъ народовъ; особенно для насъ скандиновскія, между которыми есть такъ много общаго съ нашими славянскими. «Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ, русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей мифологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всё въ одинаковой мѣрѣ соответствующю своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ быть, имѣютъ смыслъ мифологическій, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Дунай, Донъ, и пр; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, напр. Самсонъ-богатырь; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ; иныя подъ своей новѣйшей формулаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ славянъ, какъ Мигула Селянновичъ; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и мифическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мифической примѣси въ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ мифическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытне божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому, что божество стараго порядка уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей мифологіи естественно казались въ послѣдствіи страшными и чудовищами. Не смотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины; а у другихъ славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ мифическомъ ихъ значеніи у славянъ. Преданіе о мифическихъ представителяхъ

горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ съ самой горою. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ; а гора его держитъ. По санскр. одно изъ названій горы Бу-дара, поддерживающая или держащая землю... Согласно этому воззрѣнію, русскій богатырь дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, какъ древній Атласъ поддерживаетъ небо, то поддержитъ и его. У чеховъ древнее названіе исполиновыхъ горъ: Бръко-ноша, т. е. несущая чешскаго героя Брока. Нѣкоторыя мифическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ естественнаго прозвища Горыничъ, Горынище, Горынинка, т. е. рожденный или рожденная отъ горы, или Горыни... Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое: онъ хотѣлъ поднять тягу земную но и его силы на то не хватило. Съ натуги, «по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,—тутъ ему было и кончаніе,» т. е. погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли «будто скала». (Тамъ же ст. 25, 26, 46—49.) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно сходствуетъ также съ скандинавскимъ великаномъ Скримиромъ, символу, по мнѣнію Бергманна, зимней стужи, передъ которой самъ громовникъ Торъ безсиленъ. (Fasc: de Gulf p. 317—319). Можно предполагать, что въ понятіяхъ древнихъ славянъ образъ Святогора, стихійнаго исполина горъ, могъ составиться и на вершинахъ Гиммалая, и Кавказа, и въ Карпатахъ и на хребтахъ Урала, и даже при видѣ мрачныхъ, грозныхъ тучъ, подобно горамъ, заслонявшихъ отъ нихъ ясное небо. Что же касается до рѣкъ, то «разселись и сядясь по рѣкамъ, говорятъ г. Буслаевъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины, съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, а потомъ получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: Сава, Драва, Одра или Одеръ, Ра, Упа, Донъ, Дунай, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще, или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собою и общее индо-европейское имя рѣки вообще—дуни, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы: дун и дон, означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ Донъ получилъ, смыслъ собственнаго имени, а форма дун, съ окончаніемъ авъ, именно: Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное известной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напр. поется въ одной польской пѣснѣ: «за

рѣками... за Дунаями.» (Русск. вѣстн. март. 1862, ст. 32, 33.) Известно, что рѣки были боготворимы славянами, подобно тому, какъ Гангъ и Индъ въ Индіи: поэтому и названіе Буга, какъ святой или свѣтлой рѣки, божественной. «Солнце, отецъ скифовъ, называлось ими Rakus (почтенный); по санскр: Багасъ, Сива; по персид: багъ; по греч: Вакхос, солнце-Бахусъ, по слав: богъ, божество». (Les. Gét. p. 183, 255).

5) Въ первобытныя времена страшныхъ земныхъ переворотовъ, огонь, боготворимый юными человѣчествомъ, игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей въ этихъ переворотахъ, и эти картины должны были производить поражающее впечатлѣніе на человѣка, также какъ и всѣ необыкновенныя стихійныя явленія. Вотъ почему и нашъ богатырь «Сухманъ, Суханъ (санскр. сущ, сущь, сохнуть, наше сущ-ить, откуда причастная форма сущ-манъ, сохнушій, иссушающій, иссушаемый, перешедшая въ названіе солнца и другихъ стихій) по словамъ примѣчанія въ сборникѣ былинъ Рыбн: (ст. 9), «носить на себѣ явные слѣды происхожденія мифическаго, историческаго». «Въ началѣ эта личность, говоритъ г. Буслаевъ (Русск. вѣст. 1862, мар. ст. 27), имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца или свѣта, огня (санскр. сущман или шущманъ, огонь)». «Демоническій змѣй Ahi, рождающій въ воздухѣ томительный зной, является въ ведахъ съ именемъ Cushman (иссушитель): онъ задерживаетъ дождевыя потоки, овладѣваетъ колесомъ солнца и распространяетъ на поля и лѣса губительный жаръ. (Аф. т. I, ст. 208). Въ нашихъ же заговорахъ говорится: «у того у синяго моря-окияна лежитъ огненный змѣй; срягается-срягается онъ зажигать горы и доли, и быстрыя рѣки,» и т. д. (Тамъ же, т. II, ст. 576). Въ нашихъ былинахъ это уже другая личность, это какой то ужъ лѣсной богатырь, которому служить палицей огромный дубъ, только что вырванный имъ съ комлемъ. Естественно, что это исказившійся первообразъ лѣснаго, живаго огня, царь-огня, воплощенный въ богатырскій образъ; отъ прежняго остались въ немъ развѣ его всекрущая сила и яркія, маковыя листочки, которые онъ прикладываетъ къ своимъ ранамъ. Первобытный его образъ для новой эпохи уже не годился, и народъ создалъ ему другой; но все-таки это древнѣйшій богатырь, сверстникъ олицетвореній Дуная и Дона, подобно которымъ и онъ утопаетъ въ крови, истекшей изъ его ранъ, и превращается въ Сухманъ рѣку,—весьма можетъ быть, что въ рѣку огненную.

6) Русскій богат. эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Донъ, Дунай, Днѣпръ, означавшіе вначалѣ рѣку вообще, принимаютъ человѣческій образъ, съ отличительными признаками героя или героини. Съ образами этихъ героевъ, вѣроятно, сливались и ихъ родъ-пле-

*

мя, такъ какъ славянскія племена, въ новой ихъ отчизнѣ, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки предлагали имъ дорогу для перекочевокъ, а свои берега для осѣдлой жизни пастуховъ и земледѣльцевъ. (Русс. вѣс. 1862, мар. ст. 31, 33). Поэтому богатырей Дона и Днѣпра можно почитать представителями ихъ побережныхъ племенъ. По самому ихъ теченію, они шли съ сѣвера на юго-востокъ, какъ бы на встрѣчу арійскимъ переселенцамъ,—именно туда, куда неслись первобытные скифы, грабить Восточныя царства; какъ они устремились позже на Царьградъ и въ Римскія области. Движеніе было тоже самое въ обѣ эпохи; измѣнилось только мѣсто дѣйствія.

7) Извѣстно, что греч. скифы, обитавшіе въ Гилей, производили вообще скифскія племена отъ Иракла (по скиф. Таргитависъ, Солнце) и отъ Эхи-дны (женщины-змѣи). «Гилей (по гр. Ἰλιθαία. лѣсная) былъ покрытъ лѣсами и болотами, произшедшими отъ разливовъ Днѣпра (Barush-tanais, Borystènes, рѣка, обруженная берегами). Прежде обитали здѣсь Кимеріане, полагавшіе, что болотистый Гилей произошелъ изъ подъ воды этой рѣки, и потому они назвали его водянистой мѣстностью Борисфена (аріа,—водяной, водянистый). Названіе это перешло, по преданію, къ пеласгамъ-грекамъ Таврическаго Херсонеса; а они, по ихъ обычаю выражать понятіе о водѣ символомъ гидры (по греч. ἡύδρα, водяной) или водянаго змѣя (по сан. ahi, по гр. echi), понятіе же о землѣ-кормилицѣ символомъ телицы или молодой женщины (dna, по санс. dhaniká), назвали болотистый Гилей, состоявшій на половину изъ воды (echi) и на половину изъ земли (dna), Эхидной (женщиной-змѣей)»... (Les Gét. p. 173, 174). Задолго до Гомера, говоритъ также Бергманъ, племена Кимировъ (въ которыхъ узнавать вышн. Сербовъ), обитавшіе по сѣвер. берегамъ Чернаго моря, породившіе Виконевъ (аистовъ), Героновъ (журавлей), Крестовцевъ или Крестовитовъ (жителей Крестова, города племени Ласточекъ), Кат-гузовъ (Котовъ), Индоповъ (habitans du bourg de la Truie), Аолевъ (жителей Аби, собственно своей страны) и пр., проникнули отсюда въ страны между Пропонтидой и Истеромъ. Они вообще называли себя храбрыми (по гр. Tréres); отъ чего древніе греки и назвали ихъ потомъ (отъ Thraseis или Thrasikes) фраками или фракійцами. (Тамъ же, ст. 37).

8) Въ первобытное время всякое начинаніе облакалось непременно въ таинственный образъ божественнаго обряда; отъ чего и произошли, вѣроятно, позднѣйшія заклинанія и заговоры. «По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, говоритъ Афанасьевъ (т. III, ст. 786), не измѣняя ни одного выраженія, онъ непременно сбудется. Точно также и греки, и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формами». Въ настоящемъ разсказѣ приведена отчасти обыкновенная форма нашихъ заговоровъ (Аф. т. I, ст. 415—431, т. II, ст. 406, 407, 563,

576). У Индѣйцевъ масло выливалось на жертвенный огонь (Магабг., ч. I), вѣроятно, какъ часть жертвы. У Чеховъ до сихъ поръ въ обычаѣ, отъ каждой яствы полагать часть въ огонь. Въ Каринтіи «кормятъ огонь», т. е. бросаютъ въ него свиное сало и другія яства. Истрийскіе славяне «кормятъ» зажженный на Ивановъ день чурбанъ, обсыпая его хлѣбными зернами. При зимнемъ поворотѣ солнца сербы въ разведенный огонь бросаютъ деньги, сыплютъ хлѣбныя зерна, муку и соль, льютъ вино и *масло*, и молятъ о плодородіи въ стадахъ и жатвахъ, и изобиліи въ домѣ... Греки и Римляне дѣлали также огню возліянія, что исполняли домовладыка, въ честь родовыхъ пенатовъ, и т. д. (Афан. II, ст. 42—43).

9) Изъ хранящейся въ Донскомъ, стат. комитетѣ рукописи: истор. описаніе войка Донскаго (1834 г.), видно, что даже «нынѣшняя территория Донской области издревле именовалась Подемь и что это поле было пріютомъ отважныхъ храбренькихъ различныхъ народностей, которыхъ ~~манили~~ пролегавшіе черезъ эту пустыню торговые пути и добыча. Древніе казаки, поселившіеся въ этой мѣстности изъ-за Терека, любили семейную жизнь и почти всѣ были женаты, исповѣдывали христіанство и считали себя одно-земляками; но каждый городокъ ихъ имѣлъ отдѣльный удѣлъ земли. Впрочемъ межевались они только въ луговыхъ мѣстахъ, т. е. при самой рѣкѣ Донѣ, которая весной покрывалась водой; въ степяхъ же или, какъ они называли, въ нагорныхъ поляхъ (которое слово и донныя нѣкоторые употребляютъ), границъ не имѣли, но считали ихъ общественными, и вольно было, гдѣ кто хотѣлъ, заводить хутора-зимовники, которыхъ впрочемъ долго совсѣмъ не было, а начались они гораздо позже.» (Русс. Ст. 1874 г. май, ст. 4—6, 7). Разумѣется, это относится къ очень близкому уже къ намъ времени; тогда какъ время первоначальнаго основанія самаго Кіева на Днѣпрѣ положительно неизвѣстно. Въ IV—V ст. по Р. X. когда на Балтійскомъ поморьѣ процвѣталъ гор. Волинъ или Вольнъ и другіе славянскіе города, тогда и нашъ Кіевъ, по свидѣтельству иноземцевъ, былъ уже въ цвѣтущемъ состояніи. Но когда бы онъ ни былъ основанъ, вся эта мѣстность, какъ можно полагать и какъ увидимъ ниже, еще задолго до его основанія, была заселена большей частью славянскими племенами, и самый приходъ Кіа съ братьями въ эту мѣстность, какъ предполагается въ легендѣ, съ Дуная, могъ совершиться не иначе, какъ уже къ обитавшимъ издревле на Днѣпрѣ, ихъ соплеменникамъ. Поэтому древняя легендарная часть этой мѣстности можетъ относиться также вообще къ славянамъ.

10) Днипра или Нипра Королевшина причисляется у насъ къ валькиріямъ или видамъ, а приднѣпровская мѣстность кишѣла, по преданіямъ, амазонками, которыхъ Бергманъ раздѣляетъ на исто-

рическихъ и баснословныхъ. Къ первымъ онъ причисляетъ вооруженныхъ жриць богини Ифигеніи-Артемиды, и потомъ Артишпазы (Луны), древней инд: Бавани-Кали, въ Киммерійскомъ Херсонесѣ. Эти-то жрицы и были тѣ истребительницы людей, что душили знатныхъ плѣнниковъ передъ жертвоприношеніемъ. Онѣ произвели много опустошеній вооруженною рукой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали чуждыя имъ вѣроисповѣданія: поэтому-то греки и назвали ихъ воинственными дѣвами или амазонками. Но потомъ создались у грековъ же сказанія, о какихъ-то чудесныхъ еще амазонкахъ въ Скифіи, подобныхъ дѣйствительно нашимъ виламъ и сѣверн: валькириямъ; между прочимъ о походѣ предводительницы ихъ Пенфезилеи (Penthésileia) на помощь къ Пріаму, во время осады Трои, гдѣ она была будто бы убита Ахиллесомъ (тоже скифомъ). Отсюда же, по мнѣнію Бергманна, сложилось и преданіе объ Эхиднѣ, полуженщинѣ—полузмѣѣ, родоначальницѣ скифовъ, и о другой предводительницѣ, царицѣ амазонокъ, Минифѣ (Minithuia), побѣжденной Александромъ Македонскимъ, или добровольно ему покорившейся, и имѣвшей отъ него сына. Земля скифовъ, по сказаніямъ грековъ, кишѣла амазонками, которыхъ было особенно много въ Квеналандѣ (Quinna-land), что и значить: страна женщинъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жили славяне. По сѣверн: же преданіямъ онѣ жили по Днѣпру, близъ Кіева. (Квеналандъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, и есть страна Кіевская). Извѣстнѣйшими между ними почитаются: Чешскія Власта и Ванда, да и сама Любуша, дочь Крока; а мѣстомъ, напоминающимъ ихъ жилище—Дѣвинъ, (Dewyn). (Les amazones, dans l'hist, et dans la fable, par F. G. Bergmann). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что «Дунай и Нѣпра, — это Вайташуръ и Вайташура скифовъ, Аполлонъ и Артемида (Діана) грековъ, Фрей и Фрея германцевъ, наши Дажьбогъ и Лада. Они у насъ въ эпосѣ мужъ и жена; но прежде, въ менѣе развитой періодъ мифологіи, могли быть братъ и сестра.» (Р. вѣстн. 1874 г. сент. ст. 34).

11) Въ нашихъ народ. преданіяхъ упоминается о двухъ баснословныхъ змѣяхъ, имѣющихъ соотношеніе къ трудамъ земледѣльца. Одно (стихійнаго) смирили св. Борисъ и Глѣбъ, которые сковали первый плугъ людямъ, или Кузьма-Демьянъ, божій коваль, сдѣлавшій также первый плугъ земледѣльцамъ. Они ухватили змѣя клещами за языкъ, запрягли въ плугъ и проорали землю отъ моря до моря. Чудовище выпило половину моря и лопнуло. «Первоначальная основа этихъ сказаній, говоритъ г. Афанасьевъ, чисто мифическая; мѣсто дѣйствія въ послѣдствіи перенесено съ неба на землю и привязано къ извѣстнымъ урочищамъ, какъ это часто происходитъ въ исторіи мифа; легендарная обстановка принадлежитъ позднѣйшему, христіанскому времени, когда атрибуты и подвиги разныхъ героевъ языческаго эпоса были переданы христіанскимъ угод-

нигашъ. Таже судьба не могла не постигнуть и мифическихъ кузнецовъ, приготовителей Перуновыхъ стрѣлъ» (Т. I, ст. 561, 562); прибавимъ, — и самого Перуна. Что же касается до другаго змія, то самое полное, блистательное разъясненіе пачала этого мифа мы имѣемъ въ недавней статьѣ г. Буслаева о клинообразныхъ надписяхъ Ахеменидовъ. (Р. Вѣстн. 1873 г. дек.). По нашимъ преданьямъ, въ доисторическое время, въ окрестностяхъ Кіева, жилъ змѣй, бравшій по дѣвицѣ или по юношѣ изъ семейства, въ видѣ дани на съѣденіе; его побѣдилъ нѣкто Кузьма или Никита кожемяка, обмотавшись насоленной коноплею; запрягъ его въ соху, провелъ сохою валъ до самаго моря и тамъ утопилъ змѣя. Преданіе объ этомъ змѣѣ г. Буслаевъ возводитъ до того великаго змія, что чествовали въ Вавилонѣ и котораго умертвилъ прор. Даниилъ: «и взя Даниилъ смолу и тукъ (жиръ), и волну (шерсть) и возвари вкупѣ: и сотвори гомму (кучу, массу), и вверже въ уста змію, и изъядъ расъѣдѣсь змѣй,» (т. е. съѣвши, расъѣлся, лопнулъ, издохъ). Отсюда сказаніе это перешло въ искаженномъ видѣ на Иранскаго Дагака. Это и змѣй, и человѣческое существо, одинъ изъ Иранскихъ царей баснословнаго времени. Авеста знаетъ его еще въ видѣ змія, съ тремя головами, тремя пастьями и шестью глазами; но Фирдоси изображаетъ его уже какъ обыкновеннаго человѣка, только съ двумя змѣями на плечахъ. Чтобы извести этихъ змѣй, по совѣту Аримана, ихъ кормятъ человѣческимъ мозгомъ, и для этого ежедневно убиваютъ въ Эранѣ по два молодыхъ человѣка, что грозитъ населенію конечнымъ истребленіемъ. Герой Фредунъ или по древнему Траэаона является освободителемъ своего отечества отъ чудовищнаго тирана. Ему помогаютъ кузнецы, увлеченные кузнецомъ же Баве, у котораго перебили одного за другимъ сыновей, чтобы кормить змѣя Дагака и грозили убить послѣдняго. Хоругвию для ополченія послужила кожа, которой прикрываютъ себя кузнецы, когда работаютъ. Дагака былъ схваченъ, увезенъ въ гористыя мѣста и тамъ прикованъ къ скалѣ. Преданіе это перешло и въ Еврону. Германскій герой Рагнаръ Лодброкъ истребляетъ также громаднаго змѣя, вываривъ передъ битвой съ нимъ свое платье въ смолѣ и обвалявшись въ пескѣ, и спасаетъ отъ этого змѣя красавицу Тору. По Польскому сказанью, Брокъ избавилъ свой народъ отъ подобнаго же змѣя, поѣдавшаго скотъ и жителей и гнѣздившагося въ пещерѣ Вавель (не Вавилонъ ли?). Нѣсколько бычачьихъ шкуръ были начинены смолой и другими горючими веществами; змѣй сталъ пожирать начиненныя шкуры, онѣ воспламенились въ его утробѣ, и онъ издохъ. (Стр. 719, 720, 723). Нечего и говорить о сходствѣ нашего преданія со всѣми этими легендами; но также не менѣе ясно, что нашъ сказочный Никита или Кузьма кожемяка есть также вариантъ того вѣтошснаго богатыря, который во время кн. Владиміра поразилъ великана Печенѣжскаго и далъ свое имя городу Переяславу.

славлю. Изъ этого можно заключить, что эта передѣлка уже позднѣйшая; и Бузьмѣ—кожемякѣ нечего было запрягать змѣя въ соху, такъ какъ вокругъ Кіева ужъ давно жили племена земледѣльческія. Страшный тотъ змѣй—людобѣдъ могъ жить въ этой мѣстности только въ самую глубокую древность, когда тутъ дѣйствительно жили племена змѣй, волковъ, и т. п. И потомъ, смиривши этого змя въ единоборствѣ, запречь его въ соху могъ только представитель земледѣлія; но не кожемяка, которому до сохи нѣтъ дѣла. Представителями или учредителями земледѣлія и его орудій у насъ почитаются Борисъ и Глѣбъ, Бузьма и Демьянъ; но это все имена христіанскія, т. е. позднѣйшія, одно изъ которыхъ дано впрочемъ, въ иныхъ сказаніяхъ, весьма встати, и герою Кожемякѣ, какъ бы намекая, что онъ долженъ быть, для полноты древняго сказанія, не кожемяка, а представитель земледѣлія. А какъ у насъ, кромѣ Микулы Селяниновича, другаго древняго образа для этого нѣтъ, стало быть, онъ и есть тотъ древнѣйшій усмиритель чудовищнаго змя; но его имя замѣнено впоследствии другими, позднѣйшими, христіанскими.

12) Сновидѣніе это имѣетъ большое сходство съ сновидѣніемъ Астіага, передъ рожденіемъ Бира, и, можетъ быть, перенесено изъ Персіи на нашего Гостомысла; но оно можетъ быть также приписано и Микулѣ, какъ родоначальнику славянъ-земледѣльцевъ, только что начинающему садиться въ новомъ краѣ.

13) Разговоръ Микулы съ Пріей есть разговоръ главы рода-племени съ вѣщей представительницей домашняго очага, семьи и самаго племени. Оба они принадлежатъ къ существамъ мифическимъ; въ душѣ ихъ еще живы впечатлѣнія прародины. Упоминаніе ея о князѣ, въ которомъ восемь божественныхъ частей міра, принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ индусовъ. Индра говоритъ Вивасватѣ, что двойственная его природа состоитъ изъ восьми частей, совершенно различныхъ между собою. Въ законахъ Ману, говоритъ г. Вельтманъ, изъ тѣхъ же восьми мировыхъ частей состоитъ всякій князь, управляющій народомъ, какъ существо высшее, среднее между божествомъ и человѣкомъ. По нашимъ народнымъ преданіямъ, человѣкъ также сотворенъ изъ нѣсколькихъ частей: тѣло его отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Мнѣніе это особенно принадлежитъ духоборцамъ. (Ист. Очер. Бусласва, т. I, ст. 141). По мнѣнію г. Афанасьева, это искаженное преданіе брахмановъ о Брамѣ, и принадлежитъ всѣмъ Индо-европейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и славянамъ. (Т. I, ст. 139).

14) Народныя игры скифовъ совершенно тождественны съ нашими славянскими и другихъ арійскихъ народовъ. Вообще онѣ

имѣють характеръ воинственный и служатъ къ развитію тѣлесной силы. (Les Gët: p. 111, 112).

15) Касательно борьбы Микулы съ змѣемъ, см. примѣч. 11. Что-же касается до ихъ клятвеннаго условія между собою; то клятва вообще, какъ у скифовъ, такъ и у древнихъ славянъ заключалась между прочимъ въ томъ, что обѣ стороны смѣшивали ихъ кровь съ виномъ и пили эту смѣсь. Кровь эта добывалась изъ нарочно сдѣланныхъ на тѣлѣ норѣзовъ или улоловъ; въ чашу еще погружали мечъ и стрѣлы. (Герод. IV гл. 70). Слюна, кровь и вино, какъ метафоры дождя, приняты были символами, скрѣпляющими спорные договоры и дружескіе союзы. Такъ было у германцевъ и у другихъ народовъ. Отсюда возникъ и могоарычъ (weinkauf) при договорныхъ сдѣлкахъ; сѣверно-германскіе законы предписывали погупать раба и лошадь при свидѣтеляхъ и винѣ. (Аф. т. I, ст. 393, 394, т. III, ст. 785). Выраженіе: покуда свѣтаетъ солнце, хмѣль плаваетъ, а камень тонетъ въ водѣ, можно отнести также къ древнѣйшимъ.

16) При вступленіи въ новую страну, переселенцы всѣхъ древнихъ народовъ, подобно Моисею, посылали туда впередъ соглашавъ.

17) «Какъ скифы вѣрили, что плугъ и ярмо были брошены имъ съ неба верховнымъ божествомъ, говоритъ Афанасьевъ (т. I, ст. 563), такъ болгарское преданіе утверждаетъ, что Дѣдо-Господь научилъ людей орать и ткать; а украинскіе поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая. Въ малорусской щедровѣ Господь представляется воздѣлывающимъ ниву. Въ другихъ обрядовыхъ пѣсняхъ Христосъ пашетъ ниву золотымъ плугомъ, св. Петръ помогаетъ, а Богородица засѣваетъ зерномъ.» Кого-же разумѣть должно подъ этими христіанскими образами? По нашимъ преданіямъ, обладатель золотого плуга и представитель земледѣлія есть нашъ древнѣйшій ораша, Микула Селяниновичъ; поэтому и подъ новымъ именемъ Богородицы можетъ здѣсь разумѣться никто другая, какъ его дочь младшая, Прія, представительница жизни осѣдлой, семейной и потомъ общественной, и съ самой глубокой древности владѣтельница кужелки.

18) Разселеніе славянъ-земледѣльцевъ по новой ихъ отчизнѣ могло идти только постепенно. Сначала явились племена пастушескія, потомъ уже земледѣльческія; послѣднія вносили съ собою полную осѣдлость, первый общественный порядокъ и обычай-законы, что наши предки принесли съ собою еще съ Востока, изъ своей прародинны. (См. поэму: судъ Любуши). Поселенія возникали одно за другимъ, занимая удобную мѣстность; тогда какъ тутъ-же рядомъ кочевали еще совсѣмъ дикія племена въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ Геродотъ. По самымъ преданіямъ, князь сохи,

Микула, и князь-Стрѣла, преставитель послѣднихъ, — родные братья. Изложенное въ поэмѣ, шествіе Микулы, представителя земледѣлія, есть только поэтическая картина, въ томъ-же родѣ, какъ шествіе Вакха-Діониса по Индіи. Упоминаемые въ этомъ описаніи инструменты приписываются, въ малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи о Россіи француза Гютри, нашимъ предкамъ-скифамъ, также какъ и счеты, и обувь (лапти), которые по его мнѣнію усовершенствованы греками, такъ что наша балалайка превратилась у нихъ въ лиру, свирѣль въ флейту, а лапти въ сандалии. Оружіе и произведенія хозяйства, поименованныя въ обозѣ, были ужь извѣстны вообще аріицамъ-земледѣльцамъ еще въ ихъ прародинѣ.

19) Объ этомъ міровомъ колесѣ упоминается не однажды въ 1-й кн. Магабгараты; а г. Афанасьевъ изъясняетъ: «бѣгомъ солнечнаго колеса, (томъ I, стран. 544, томъ III, стран. 413, 414) условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдов. и людское счастье и несчастье. На древнемъ метафорическомъ языкѣ солнечные лучи уподобляются золотымъ нитямъ. Гимны ведъ говорятъ о ночи, что она третъ темную ткань; но прежде, чѣмъ успѣетъ ее окончить, восходящее солнце уничтожаетъ ея работу. Возжигаемое поутру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности, а вечеромъ, когда оно погасаетъ на Западѣ, земля и ея обыватели повергаются въ сонъ, — замираютъ. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству смерти».

20) См. рус. народ. праздники Снегирева, Сахарова и Афанасьева; гл. XXVIII, т. III, послѣдняго.

21) Извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ торговля янтаремъ первыхъ обитателей моря Морозовъ (нынѣшняго Балтійскаго моря) съ полуденными странами шла черезъ эту мѣстность. Горы славяне называли горбами земли; отъ чего и произошло, какъ полагаютъ, названіе Карпатскихъ горъ. А Волкодлаки, Невры, перешли сюда съ Днѣпра, выгнанные оттуда ужасными змѣями. Ламія или наша Баба-Яга, (отъ санскр. ahi, змѣя), по лат. lamia, колдунья, вѣдьма, у болгар. ламья, ламя, баснословная змѣя, живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, летаетъ, по мнѣнію бѣлоруссовъ, въ огненной ступѣ и погоняетъ огненной метлою. Ей соответствуетъ и богиня смерти и чумы, похитительница новорожденныхъ дѣтей, литовская Лаума, которая ѣздитъ, по мнѣнію поляковъ, въ двуколесной повозкѣ, а по мнѣнію Литовцевъ и лужичанъ, съ грохотомъ въ телѣжкѣ. И та, и другая, по разъясненію г. Афанасьева, принадлежатъ къ облачнымъ дѣвамъ. (Т. III 110, 588, т. II, ст. 781—783). Особенно характерно обрисована Лаума въ одной литовской сказкѣ, про нее,

Перуна и дьявола. Въ этой сказкѣ она изображается въ видѣ нашей Ягой-бабы. «Она такая же старая и хищная баба, говорить г. Афанасьевъ, и также проживаетъ въ лѣсу; ея страшный кнутъ и движущаяся сама собой желѣзная телѣжка вполне соответствуютъ толкачу (песту) и ступѣ Бабы-Яги». Прибавимъ еще, что въ этой литовской сказкѣ она также и обманута, какъ это случается и съ нашей Ягой-Бабой. (Аф. т. II, ст. 781—783).

22) Весь этотъ прекрасный народный разсказъ о Святогорѣ можно, кажется, назвать и мифическимъ, и отчасти аллегорическимъ. Святогоръ, стихійное, чудовищное существо, исполненное неимоверной силы, которой онъ однако не можетъ приложить ни къ чему полезному, силится поднять Микулину суму, гдѣ лежитъ тяга земная, но погружается въ землю и каменѣетъ. У болгаръ точно также Марко кролевичъ хочетъ поднять торбу, тяжелую, какъ шаръ земной, и отъ этого усилія терять свою богатырскую силу. У скифовъ кн. Шить и кн. Стрѣла, коснувшись раскаленной золотой сошки, обжигаютъ себѣ пальцы; у насъ кн. Вольга не въ силахъ, со всей своей дружиной, вытащить изъ земли Микулину позолоченную сошку; позднѣйшій Самсонъ-богатырь не можетъ также поднять его сумку. Всѣ эти могучія личности еще не готовы къ жизни осядлой, земледѣльской, къ тяжелымъ трудамъ ея. Г. Афанасьевъ толкуетъ выраженіе: тяга земная, — что это есть собственно тяжелая масса земли — гора, принимаемая въ смыслѣ столба или кольца, ухватившись за которые можно поднять всю землю (т. II, ст. 680); но это едвали вѣрно: Микулѣ нѣтъ никакой надобности носить такую бесполезную тягу съ собою. Скорѣе, это тяга труда, народной страды, сопряженной съ трудами земледѣльца; съ чѣмъ болѣе согласенъ и г. Буслаевъ (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 16—19). Былина, повидимому, этимъ могла бы и кончиться: Микула покоряетъ себѣ горы земледѣльскимъ трудомъ своимъ; Святогоръ каменѣетъ подъ его сумой съ тягой земной, и все глубже погружается въ землю. Но народное чутье чувствуетъ, что вѣщій Микула можетъ дать и этому чудищу какое нибудь назначеніе для дѣятельности; и вотъ, Микула указываетъ диву на Сѣверъ, гдѣ живетъ, извѣстный ему кузнецъ, Ильмериненъ. Если Святогоръ негодится для земледѣльскихъ трудовъ; быть можетъ, онъ способенъ для кузнечной работы, которой вообще занимались титаны, а потомъ уже карлы. Данные Святогору кузнецомъ два волоса, подобные золотымъ волосамъ Зифы, прямо указываютъ на нивы (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 16); но Святогоръ, видимо, озлобленъ такимъ назначеніемъ. Однако онъ все таки ѣдетъ, по указанію Ильмеринена, и находитъ страну, полную первобытныхъ болотъ и заустѣннѣя; но его присутствіе, можетъ быть, какъ уже кузнеца, оживляетъ ее. Г. Афанасьевъ уподобляетъ невѣсту Святогора невѣстѣ Зигурда, въ старой Эддѣ, толкуя

оба эти мифа превращеніемъ одежды красавицы Весны или Лѣта въ жесткую кору зимнимъ холодомъ, которую Перунъ или Торъ разрубаетъ мечемъ своимъ, молніей (т. II, ст. 631, 632). Святогоръ однако не остается тамъ; но когда узнаетъ, что страна богатѣетъ, и сама невѣста является, въ видѣ разбогатѣвшей купчихи, онъ беретъ ее за себя. Все это наводитъ на мысль, о Біарміи и Уральскихъ горахъ. Между тѣмъ человѣчество развивается, наступаетъ новая эпоха, для которой великанъ стихійный, Святогоръ, уже не годится; тогда онъ ложится, подобно Озирису, въ гробъ и каменьетъ (Аф. т. I, ст. 582), а часть своей титанической силы передаетъ представителю новыхъ богатырей, ученику своему, Ильѣ Муромцу.

23) Съ береговъ Дуная идутъ уже историческія разселенія славянъ на Востокъ, Сѣверъ и Западъ, до береговъ ихъ же рѣки, Лавы (Эльбы) и вплоть до Балтійскаго моря (тогда Волинскаго и Варяжскаго). Но исторія не знаетъ, когда они явились на Дунай. Между тѣмъ, судя по многочисленности славянскаго племени, занявшаго скоро подъ собой почти третью часть Европы, на Дунаѣ еще въ глубокой древности должно было находиться обширное и сильное ихъ царство, на которое указываютъ Венелинъ, Савельевъ и другіе наши изыскатели, полагая, что отсюда заимствовали кое-что и древ. греки: Отсюда, по ихъ мнѣнію, поселенія славянъ доходили до внутреннихъ Аппениновъ, гдѣ было также обширное славянское царство, и что самые Этруски, дѣвшіе Риму Нума Помпилія, были славяне. Не говоря ничего за это мнѣніе, ни противъ него, нельзя однако не замѣтить, что въ древности Венеты занимали не одни морскіе берега (отъ чего и Адриатическое море называлось въ то время моремъ венетовъ); но поселенія ихъ простирались и въ глубь Сѣвер. Италиі, а Восточныя Альпы и Карпаты полны славянскихъ племенъ, также какъ и подошвы Балкановъ вплоть до Дуная. Прибавлю еще къ этому слова одного чистокровнаго итальянца (А. Bresciani), который говоритъ: «en appelant les italiens *hommes pélasgiques*, on doit avoir un grand respect et une tendre affection pour le *Croate*, (Хорватъ), qui est *l'homme pélasgique par excellence*. Les croates sont des Pélasges libournes, et ils ne se sont pas mêlés à d'autres nations; chez eux est encore vivante la tradition qui les regarde comme le premier peuple de l'Italie. Le savant Menin, — a retrouvé dans un grand nombre de leurs coutumes modernes celles que les chroniques attribuent aux Pélasges primitifs... Tant qu'en Italie les antiques Pélasges conservèrent la simplicité de leurs moeurs, leur vie sobre et belliqueuse, ils fonderent le vaste empire d'Etrurie, depuis les plaines de l'Adriatique jusqu'au delà du Volturne, — et plus tard, amollis par une civilisation asiatique et licencieuse,

ils perdirent leur royaume, leur liberté et même leur nom». (Lejuif de Verone, p. 296). «Арийскій же прототипъ нашихъ Горыничей, говоритъ г. Буслаевъ, сохранился въ мифическихъ герояхъ Баргавасахъ, дѣтяхъ Бргу, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамой Праджапатис». А бргу собственно значить гора, и отъ него отечественная форма баргавасъ-Горыничъ. Отъ санскр. бргу происходитъ также и другое наше слово брегъ, берегъ». (Рус. вѣс. 1862, Мар. ст. 46). Вѣроятно, отсюда же происходитъ и слово Береганъ; а въ Сѣвер. части Черногорья и нынѣ Бердянами зовутъ жителей Брдъ,—горы въ этой части Черногорья, которая и называется Брда. (Черногорцы. Р. вѣст. 1866 г. дек. ст. 372, пр. 3).

24) Нынѣ положительно извѣстно, что нѣкоторыя славянскія племена назывались отъ скандинавовъ ванами. Когда Одинъ шелъ съ своими асами съ юга Европы,—«Ваны обитали между Танаисомъ и Волгой; они были исполнены понятливости и мудрости, и долго оспаривали могущество сильныхъ асовъ, съ которыми вели ожесточенную войну: почему скандинавская мифологія и причисляетъ ихъ къ племенамъ враждебнымъ, наравнѣ съ іотнами (т. е. финскими племенами). Во всякомъ случаѣ, мы должны вмѣстѣ съ Геэромъ (Geijer) причислить вановъ къ племенамъ славянскимъ. Россія, страна славянская, нынѣ называется финнами: Wenä janmaa, землю вановъ, а русскіе Venälaiset, ванами. Это имя, говоритъ Геэръ, вѣроятно, есть измѣненное древнее слав. слово: Vendi, Vendez, Vanadis... Словомъ, все заставляетъ думать, что ваны имѣютъ значеніе историческое; и если, по мифическимъ рассказамъ, въ нихъ; какъ и въ іотнахъ, олицетворены вообще враги асовъ, то это потому, что и ваны, и іотны изъ всѣхъ враждебныхъ племенъ суть тѣ, съ которыми асы имѣли самыя близкія и частыя сношенія». (Lés roém. nat. de la Suède moder. pag I. Léousson le Duc.. 1867, tom. 64, p. 300, 301). А германскіе народы, сосѣди Балтійскихъ славянъ, называли вообще славянъ виндами и вендами. «Подъ этимъ именемъ, говоритъ Гильфердингъ (Ист. балт. слав. т. I, ст. 8, 9), Балтійскіе славяне являются въ первыхъ историческихъ извѣстіяхъ, какія сохранились о нихъ у греческихъ и римскихъ писателей. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. носилось у грековъ смутное сказанье, что янтарь отыскивается въ странѣ Венетовъ (безъ сомнѣнія, венецовъ или славянъ). Извѣстіе о балтійскихъ Виндахъ возобновляется въ половинѣ 1-го в. до Р. Х., когда Квинтъ Метеллъ Целлеръ, бывший (около 58 г. до Р. Х.), префектомъ Галліи, получилъ въ подарокъ отъ одного германскаго князя, нѣсколькихъ индовъ, какъ рассказываетъ Корнелій Непотъ, и узналъ отъ нихъ, что, путешествуя по торговымъ дѣламъ, они были захвачены бурей изъ индійскихъ водъ на берега Германіи. Очевидно,

что эти инды были просто винды (славяне), занесенные бурей изъ Балтійскаго моря (которое въ дѣйствительности называлось въ древности Венедскимъ) въ Нѣмецкое. Стало быть, въ то время винды были на Балтійскомъ морѣ; а сто лѣтъ спустя, Плиній говоритъ опредѣленнѣе, что Венеды живутъ, вмѣстѣ съ другими народами, на Востокъ отъ Вислы и на Западъ отъ сарматовъ. У Тацита же Венеды являются на огромномъ пространствѣ, между певками (жившими, сколько извѣстно, близъ Чернаго моря, около Днѣпра) и финнами: значить, тамъ же, гдѣ помѣщаетъ ихъ и Плиній, въ земляхъ, лежащихъ на Востокъ отъ Вислы. Между тѣмъ, за VII в. до Р. Х. или еще раньше, является между Дономъ и Днѣпромъ, торговый городъ Геллонъ. Жители его, которыхъ греки причисляютъ къ греческимъ скифамъ, говорятъ, какъ и сарматы, на языкѣ скифовъ (Герод. кн. IV); городъ этотъ состоялъ изъ деревянныхъ домовъ и имѣлъ множество балагановъ и лавокъ (*budin*), почему ~~будтобы греки и называли жителей его будинами~~ (т. е. лавочниками) и гелонами (т. е. насмѣшниками). (Les Gét. p. 34). Но въ другомъ мѣстѣ г. Бергманъ говоритъ (Fas: de Gulf. p. 282): «греческіе скифы называли третьяго сына скифа Иракла Геллономъ. (Gelonos), что соответствуетъ скифскому имени SvaTapas, (солнечный, отъ греч. selas и gelas, блескъ), и названію славянъ, slavon (солнечный, славянинъ, solaire, slave). (Gelonos, сынъ солнца, сдѣлался родственнымъ божествомъ Геллоновъ (солнечныхъ славянъ, solaires, slaves), которые, какъ обитатели города Буды (de la cité de Buda), назывались также будинами. Будины или Геллоны были земледѣльцы, подобно Паралатамъ (les Paralates), съ которыми они схожи; такъ какъ божественный ихъ родоначальникъ, Гелонъ, былъ сынъ Солнца, покровителя земледѣлія». Изъ чего слѣдуетъ, что слово Геллонъ, — довольно странное для означенія цѣлаго города насмѣшниковъ, если только ~~такіе города существовали~~, — гораздо ближе подходитъ къ выраженію солнечнаго свѣта или сіянія, какъ это и есть; а равне и названіе будиновъ гораздо опредѣленнѣе выражаетъ поклонниковъ Буды, нежели города, состоящаго изъ лавокъ; тѣмъ болѣе, что пришла въ ту мѣстность цѣлая партія или цѣлое племя съ Востока, называвшее себя царственными Виндами и заявившее, что оно вышло прямо изъ Индіи. (Тамъ же). Городъ Геллонъ находился, по мнѣнію кн. Щербатова, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Кіева. Это былъ городъ степной; Дарій, во время похода на скифовъ, выжегъ его до тла или сами скифы сожгли его; но удивительное сходство этотъ походъ имѣетъ съ нашествіемъ Наполеона I на Россію: тоже отступленіе скифовъ вначалѣ, такіе же долгіе переговоры, таже зима и послѣднее бѣгство Дарія назадъ той же дорогой, по которой онъ пришелъ, таже брошенная часть войска и большихъ на явную гибель отъ голода и скифовъ, и наконецъ

таже Березина, только въ видѣ другой рѣки, переправа черезъ которую удается Дарію только по оплошности, ожидавшей его тамъ засады. Геллонъ возобновился опять; длина же и ширина его означена, по указанію Геродота. Въ Геллонѣ былъ храмъ какому-то богу, котораго греки называли Бахусомъ, или лучше, предполагали, что это долженъ быть Бахусъ. Но извѣстно, что скифы называли своего родоначальника Солнце—Ракус (почтенный, отъ санскр. Багастъ, Сива, Солнце); отъ чего произошли и греч. Бахусъ, и слав. слово: богъ, выражающее собой всякое божество. А какъ Геллоны были Винды, славяне, жившіе потомъ на Балтійскомъ морѣ, то всего ближе предположить, что это божество былъ богъ свѣта или сіянія, Геллонъ, Солнце, древній Вишну, Бѣлбогъ-Святovitъ (святой свѣтъ), которому потомъ поклонялось Балтійское побережье и вся земля славянская. Въ этой же мѣстности полагаются и Георги, наши Поляне. Что же касается до названія Геллоновъ Будинами, то весьма вѣроятно, что между ними были и поклонники Будды, такъ какъ поклоненіе Буддѣ въ ту пору уже распространялось повсему Востоку, особенно между Саками, изъ среды которыхъ послѣдній Будда и явился, и весьма легко могло быть занесено оттуда новыми переселенцами. Близъ Дона тогда лежалъ путь отъ грековъ и, конечно, изъ Скифіи, въ Индію, и вся мѣстность между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ была усеяна торговыми мѣстечками или городами, можетъ быть, подобными Геллону, но о которыхъ до насъ дошло только смутное преданіе.

25) См. les Gétés. par Bergmann, который впрочемъ указываетъ на этотъ храмъ собственно не въ самомъ Геллонѣ, а въ другой мѣстности, въ Скифіи.

26) Главная обязанность жриць у скифовъ заключалась въ удушеніи человѣческихъ жертвъ; но при храмахъ состояли еще особыя дѣвицы или женщины для священныхъ гаданій, которыя совершались посредствомъ стрѣль, жеребьевъ и надъ котлами, наполненными жертвенной кровью. Котлы эти при иныхъ храмахъ были изъ чистаго золота; бронзовые огромные котлы становились на перекресткахъ или перепутьяхъ, которыя считались святыми. Изъ этихъ священныхъ жриць и гадальщиць, преимущественно изъ первыхъ, избирались народные послы къ чужимъ племенамъ; въ послы назначались также и пѣвцы или гудошники, считавшіеся вѣщими, примѣромъ чему служатъ слав. бандуристы, привезенные въ Царьградъ плѣнниками, которые заявили императору, что въ ихъ странѣ не имѣютъ понятія о войнѣ, а живутъ, забавляясь только игрой на гусяхъ и другихъ мирныхъ инструментахъ (Les Gét. p. 295—301).

27) Въ древности кладбища и вообще мѣста погребенія пользовались особеннымъ народнымъ уваженіемъ; такъ какъ усопшіе становились богами-покровителями потомковъ: въ ведахъ они но-

сать имя отцовъ, Pitris, божества, властвующаго надъ царствомъ смерти (Яма и Ями). Могила въ ведійскихъ гимнахъ называется землянымъ домомъ; покойникъ, по тогдашнему вѣрованію, продолжалъ жить въ могилѣ... Душа—легкое дыханіе, огонь, нисходящій изъ воздушнаго пространства на землю, въ образахъ зѣмномолніи или метеора-звѣзды, и воплощающійся въ челоуѣка; душа—воздушная птица, бабочка, или иное крылатое существо, или огненное животное. По связи представленій воющаго вѣтра и лающей собаки, душу представляли и въ образѣ послѣдней; потому души воображаются въ видѣ дѣтей-малютокъ, сидящихъ на небесныхъ деревьяхъ (облакахъ), бѣлыхъ, облачныхъ дѣвъ, заключенныхъ въ небесныхъ горахъ, и т. д. Освобожденная смертью отъ оковъ плоти, душа, по арійскимъ понятіямъ, возвращалась въ воздушное море. Здѣсь постоянное мѣсто дѣйствія душъ; но жилище ихъ надъ облаками, на небѣ, на твердой свѣтлой горѣ, или на островѣ среди океана. По смерти, душа отправлялась къ свѣтлому обиталищу; но путь этотъ дологъ и труденъ: она должна перейти великій потокъ (облачную область) по тропикѣ душъ (по Ригъ-ведѣ, тропинка боговъ, млечный путь или радуга), или переплыть его. Дорогу стерегутъ злыя, лающія собаки (вѣтры); душа должна ихъ утишить и еще заплатитъ корщику, который перевозитъ души на островъ. По другимъ представаніямъ, она переносилась облакомъ-коровой чрезъ небесныя воды, почему и эта дорога называется тропинкой коровы. «(О погр. обыч. яз. слав. Котляревскаго, ст. 183, 171—173). Все это переноситъ насъ въ область нашихъ народ. сказокъ, въ которыхъ и сохраняются еще остатки древней арійской мифологій. «Скифы придавали умирающимъ значеніе обрекающихъ или посвящающихъ себя смерти, и потому погребеніе у нихъ имѣло видъ посвященія или жертвы. Усопшихъ привѣшивали на деревьяхъ, какъ бы посвящая ихъ чрезъ это Дію, богу неба и воздуха, или зарывали въ землю, т. е. посвящали богинѣ Аппіи, землѣ, или сожигали на кострѣ, что считалось посвященіемъ богу Солнцу (Targitavis) и богинѣ Огню (Taviti). Первый обычай былъ древнѣйшій. У скифовъ цари и благородные имѣли особенное кладбище. Такое кладбище у киммеріянъ (сербовъ) видѣлъ Геродотъ (IV, 16) на берегахъ Тираса; а у Черноморскихъ скифовъ такое же кладбище находилось въ Герресѣ (Gerrhes). Могила частныхъ лицъ, кажется, помѣщались въ мѣстахъ ихъ жительства». (Lies Gët: p. 281, 282). «Балтійскіе славяне, продолжаютъ Котляревскій (тамъ же, ст. 227, 228, 232), и чехи хоронили своихъ мертвцовъ, въ эпоху язычества, по лѣсамъ и полямъ (in silvis et in campis); по лѣсамъ—въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста; по полямъ же, кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ можно объяснить и замѣченный «Повѣстью врем. лѣтъ», русскій языческій обычай

ставить прахъ покойниковъ на путяхъ (ст. 121, 123): ибо пути были межоу поземельной собственности, а пограничными ея стражами стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени. Мѣстомъ покоя усопшихъ славяне иногда избирали горы; могло быть, что этотъ обычай образовался не безъ сознанія о пребываніи душъ усопшихъ въ горахъ (небесн. облакахъ). По извѣстію Масуди, если у славянъ и русскихъ кто умираетъ холостымъ, того женили по смерти». Последнее, какъ извѣстно, соблюдается и понынѣ въ Малороссіи. «Ибнъ Фозланъ описываетъ обрядъ сожженія покойниковъ у русскихъ, въ лодкѣ». (Аф. т. I. ст. 579); что также соблюдается понынѣ у нашихъ раскольниковъ. «Славяне зовутъ своихъ усопшихъ родителями, дѣдами; души усопшихъ, по ихъ мнѣнію, порхаютъ сначала надъ землей въ образѣ ласточекъ, голубей, мотыльковъ, кукушекъ; украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ, птицей, звѣремъ, рыбой, а потомъ опять возрождается человѣкомъ». (Тамъ же, т. III, ст. 195—317). «Браледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что пока не будутъ сожжены трупы, души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами: «такъ много душъ носятся туда и сюда по деревьямъ; боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся». Тоже сказано о сраженномъ Влаславѣ: «вотъ и вышла душа изъ стѣнящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертваго». А Забой, жалуюсь на угнетенія иновѣрцевъ, говорить: «гдѣ отцы давали яства богамъ, куда ходили возглашать свои мольбы; тамъ они посѣкли все деревья, разрушили (кумиры) боговъ и выгнали изъ лѣсовъ всехъ вѣроновъ». (Аф. т. III, ст. 218, 219, т. II, ст. 323). Конечно, эти вѣроны—души усопшихъ; а кладбища служатъ понынѣ, въ извѣстные дни, мѣстомъ для поминокъ.

28) Сидица представлялось древ. славянамъ колесомъ, кругомъ; также и колесомъ прядки, на которомъ вѣщая пряха пряла золотыя нити дня и темныя нити ночи. Прекрасная богиня Заря была тоже пряхой, подобно дѣвамъ судьбы, что пряла жизненные нити. (Аф. т. III, ст. 390, 414).

29) Все это суевѣрное уваженіе, оказываемое въ древности Приѣ (Фрѣ-Сивѣ, у нѣм. Бергѣ), перенесено потомъ нашимъ народомъ на Пятницу, которая и есть сама по себѣ только позднѣйшій образъ невои. (Аф. т. I, 231—242, т. III, ст. 131).

30) Объ этихъ приношеніяхъ Геллонцевъ Дельфійскому орakuлу, см. ист. кн. Щербатова, т. I и II.

31) Какъ скифы почитаются совершенно основательно предками славянъ; то все, что говорится объ оскдлыхъ скифахъ-земледѣльцахъ, должно относиться и къ земледѣльцамъ того времени славя-

намъ (Les Gèr, p. 91--120); тѣмъ болѣе, что ихъ обычай такъ сходенъ между собою, что они почти тѣже самые у тѣхъ и у другихъ.

32) Микула и Вана, только что вышедшіе съ ихъ земледѣльческимъ родомъ-племенемъ изъ древней общеарійской праотчины, должны быть полны въ то время ея повѣрьями и преданьями. «Одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ вѣрованій представляетъ дождевыя облака быками и дойными коровами Индры, а дождь молокомъ, низпадающимъ на землю... Въ санскритѣ выраженія для облака, быка и коровы, дождя и молока тождественны или происходятъ отъ одного корня: такъ gôtra означаетъ стадо коровъ и облако, gôdhrita (отъ gô и dhr—содержать)—коровье молоко и дождь; gawêduh (отъ gô и duh, доить)—облако, а gôduh, доящій корову, пастухъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды тучи рассматриваются, какъ черныя небесныя коровы; Индра доить ихъ своей громовой палицей (молніями), проливаетъ изъ ихъ сосцовъ освѣжающее молоко (дождь) на землю и выводитъ изъ-за разсѣянныхъ облаковъ золотое сокровище,—солнце. Тоже доеніе облачныхъ коровъ приписывается и Марутамъ—стремительнымъ вѣтрамъ, сопровождающимъ грозу... Маруты, по указанію ведъ, имѣютъ матерью корову; а Индру веды называютъ нерѣдко прямо быкомъ: «ты нашъ быкъ... Съ ревомъ скоро-дарующій быкъ испускаетъ свое сѣмя (дождь) и даетъ плодъ злаку. Рагъяна (грозовое облако) есть твои вымя; молніи твои сосцы, о Ваѣ! (дождь издающая корова)». «Представленія эти принадлежатъ глубочайшей старинѣ; слѣды ихъ замѣчаемъ въ преданьяхъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды дождь называется не только молокомъ, но и масломъ. Старинные апокрифы рассказываютъ о райскихъ, безсмертныхъ источникахъ, текущихъ какъ млеко и масло; а по болгарскому повѣрью, луна во время затмѣнья превращается въ корову, которую тотчасъ же начинаютъ доить вѣдьмы и готовятъ изъ ея мо́дока цѣлебное масло; то же самое дѣлали и фессалійскія волшебницы». (Аф. т. I, ст. 653—655, 666). Наши народныя сказки полны этими преданіями; а въ словѣ о полку сохранилось и самое выраженіе: буй-туръ, яръ-туръ, какъ прозвище храбраго, сильнаго князя. Сказаніе о пестрыхъ юницахъ, что рождаются 365 разъ въ годъ, должно принадлежать также къ ведическому періоду; а представленіе, о доеніи воздушными коровами гимновъ, встрѣчается въ Магабгаратѣ, (т. I). Вана (прежня Прія), какъ дѣва судьбы своего племени, должна принадлежать также къ вѣщимъ пряхамъ и ткачихамъ; она и точетъ судьбы своего рода-племени земледѣльцевъ, окруженная свѣтлыми атрибутами, въ противоположность демоническимъ ткачихамъ, что пряхи зло и пагубу.

33) См. *Les Gètes*, par Bergmann, p. 121—150. и примѣч. къ наст. пѣсни 31.

34) Азовское море могло называться Индѣйскимъ, по той же причинѣ, какъ и Балтійское, т. е. потому, что и тутъ, вѣроятно, жили племена Вендовъ или Венедовъ. Что же касается вообще до буддизма; то Бартеlemi С. Илеръ (*Le Bouddha et sa religion*, 1862) говорить: «еще ничего не знали о буддизмѣ даже тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда еще не читали Сутры ни въ подлинникѣ, ни въ переводахъ, сдѣланныхъ на четырехъ или пяти азіятскихъ языкахъ, ни комментарий на Сутры. Нельзя даже предполагать, что и въ настоящее время буддизмъ такъ ужъ извѣстенъ, какъ будетъ онъ извѣстенъ въ будущемъ столѣтіи, къ которому мы приближаемся. Грекамъ были извѣстны, какъ брамины, такъ и буддисты. На нихъ ужъ указываетъ Мегасфенъ, проникшій черезъ тридцать лѣтъ послѣ Александра в. въ Индію; Климентъ Александрійскій упоминаетъ впервые имя Будды въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х.». (Пред. ст. XX, XVIII, XIX). «Но буддизмъ, какъ извѣстно, не привился ни въ древней Греціи, ни въ Скандинавіи, не смотря на желаніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей доказать, что Одинъ былъ также образомъ Будды: скандинавы чуждались постовъ, и у нихъ не было ни аскетовъ, ни пустынниковъ. Близкое сходство буддизма съ христіанствомъ, особенно съ католичествомъ, даетъ, вѣроятно, послѣднему возможность распространяться такъ быстро въ Цейланѣ»... (Тамъ же ст. 410—415). Между тѣмъ, — «рожденный буддизмомъ, съ начала VII вѣка до Р. Х., аскетическій и созерцательный духъ въ Индіи, распространился оттуда по Восточной Азіи и потомъ по Сѣверной и Западной». (*Les chants de Sol*, p. 141, 142). «Аскетизмъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Индіи, распространился оттуда съ VII в. до Р. Х. также между племенами Римскими (сербами) и Фракіяскими (гдѣ были также и славяне); а чрезъ нихъ сообщился и сосѣдямъ ихъ, Гетамъ. по словамъ Поссидонія (Страб. VII, 3. 3), у Мидянъ, народа Кимери-Фракіяскаго, позднѣ смѣшавшагося съ готами въ Мезо-готіи, были пустынники или аскеты, которыхъ называли богами или вѣщами (les dieux ou les divins). Они воздерживались отъ мясной пищи, и питались только молокомъ, сыромъ и сухими лепешками (по гр. karouga), почему ихъ называли также любителями лепешекъ (aime-gâteaux, по гр. karprontes) или истребителями лепешекъ (tueurs-de-gâteaux, по гето-греч. karrobatai). У Даковъ-Гетовъ эти вдохновенные мужи жили въ воздержаніи, и назывались благословенными. Тогдашніе цари старались имѣть ихъ при себѣ, чтобы укрѣпить свою власть надъ народомъ; они сдѣлались приближенными царей, ихъ совѣтниками и министрами, какъ напр. извѣстный геть Замояксисъ. Онъ жилъ въ дикой пустынѣ, гдѣ было множество пещеръ; гора и рѣка,

близъ которыхъ онъ жилъ, слыли святыми; подобно тому, какъ слыли у скифовъ вообще источники и перепутья или перекрестки (*rencontre de chemains*) также священными. Вдохновенный Замолксисъ или Скалмоксисъ не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія, кромѣ верховнаго князя и его служителей. (Извѣстна продѣлка его, касательно доказательства безсмертія). Другой вдохновенный мужъ, *Deikanaïos*, совѣтникъ и прорицатель царя Яровита или Буревита, или Буриова, (*Vairovistas*, по гето-греч. *Voirebistès*) имѣлъ такое вліяніе на гетовъ, что, не смотря на ихъ чрезвычайную склонность къ пьянству, убѣдилъ ихъ истребить у себя виноградники и отступиться отъ поклоненія Бахусу, имя котораго впрочемъ не сохранилось въ мифологическихъ преданіяхъ гетовъ». (*Les Gët.*, p. 297, 298). Нѣкоторые изъ нашихъ изыскателей видятъ также въ имени Замолксиса искаженное слав. имя, (кажется, Замолчана). Риттеръ же и другіе нѣм. писатели утверждаютъ, что въ древности буддизмъ проникалъ до западныхъ странъ Европы, и самъ Крейцеръ и его толкователь не прочь отъ этого мнѣнія; особенно же распространеннымъ это ученіе считалось во Фракіи, между жрецами Додонова капища. (Послѣд. прим. къ исторіи боговъ въ Индіи, — Крейцеръ 1, 2).

35) Бергманъ издалъ особую брошюру: о вліяніи вановъ на асовъ, (*de l'influence des vânes sur les âses*); но я положительно нигдѣ не могъ достать ее, такъ какъ все ея Страсб. изданіе давно распродано. Но и изъ другихъ сочиненій того же автора достаточно видно, что древніе асы, предки скандинавовъ, чрезвычайно уважали и боялись вановъ, какъ страшныхъ чародѣевъ, которымъ повиновались стихіи. Волшебницы же вановъ (т. е. славянъ) презирали пророчества и волшебство волшебницъ асовъ. Въ тѣ времена считалась два рода чародѣйства: одно, свѣтлое, исходило отъ вдохновенія свыше; другое, нечистое, — отъ чернаго колдовства. Асы, по зависти и злобѣ къ ванамъ, приписывали имъ изобрѣтеніе послѣдняго, и считали ихъ чрезвычайно опасными колдунами. Они звали вановъ злою породой, а себя признавали породой божественной; однако заимствовали у нихъ очень много предметовъ по хозяйству и даже нѣкоторыхъ изъ ихъ боговъ. (Смол. между прочимъ примѣч. къ Волусѣ, *visions de Vala*, *poèmes de l'Edda*, par Bergmann).

36) Имя скифовъ, какъ извѣстно, не есть имя народное, а дано Греками племенамъ, проникнувшимъ въ Европу за VII вѣк. до Р. X. и населявшимъ нынѣшнюю Россію, а отчасти и Запад. Азію за Каспійскимъ моремъ. При Александрѣ Македонскомъ имя это распространилось и на Фракійцевъ или Римровъ, обитавшихъ около Чернаго моря. Азіятская Скифія называлась великой, и слилась потомъ съ Россіей; а Европейская авалась малой, и полагалась въ разное время, то въ Крыму, то на бер. Днѣстра, то между Кар-

патами и Балтійскимъ моремъ, то между Карпатами и Чернымъ моремъ. Подъ именемъ скифовъ разумѣлись, по мнѣнію Бергманна, и славяне, и кельты, и финны, и тевтоны, и маджары, и турки или торки. Самое древнее племя скифовъ были Саки, обитавшіе вначалѣ въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, между Алтаемъ, Каспійскимъ моремъ, Бактріей и Индостаномъ, съ которыми они граничили. Въ индѣйскихъ преданьяхъ, Саки или Шаки (способные) появляются за 1200 л. до Р. Х., какъ отважные хищники, но стоявшіе на гораздо низшей степени развитія, нежели Индѣйцы. Персы причисляли ихъ къ туранцамъ, а потомъ называли Песъими и Волчьими головами (Sâk-sâr, Gourg-sâr). Отсюда они распространились на Югъ и Западъ, и за одинъ вѣкъ до Р. Х. овладѣли Сѣвер. Индией, на которую нападали и прежде, и проникали во внутреннія ея земли. Подъ именемъ Саковъ, они были извѣстны и Эллинамъ еще въ V вѣк. до Р. Х; но греки звали ихъ Скутами или скифами, и заимствовали отъ нихъ самое названіе щита—sakos (щитъ). Киръ побѣдилъ ихъ, и переселилъ нѣкоторыя племена въ Карію и Арменію. На Западъ отъ саковъ жили племена ихъ, Моравы и Дервяне; а часть третьяго ихъ племени, Давы или Даги, переселились на берега Азовскаго моря. При Александрѣ вел. часть сихъ послѣднихъ жила еще на Оксусѣ. Массагеты, также племя Саковъ, поселилось по Дону; отъ нихъ произошли Аланы и Росс-Аланы, названные такъ отъ рѣки Россъ, какъ называли тогда Волгу, на которой они обитали. Сказанные Дервяне, Дрѣвляне или Дромиты (по санскр. друма—дерево) назывались также Варками, Гирканами, Волками; земля ихъ понынѣ персами зовется Гурканіей, gourgkan, страной волковъ. Скифы, жившіе по Сѣвер. берегамъ Чернаго моря, звали себя преимущественно Сколотами, отъ уменьшительнаго слова Skuta (щитъ),—skutulo (маленькій щитъ). На метафорическомъ языкѣ это слово значило также покровитель; и дѣйствительно, по словамъ Геродота, названіе Сколотовъ слыло царственнымъ, и тѣ скифы, что назывались этимъ именемъ, величали себя также царственными скифами. Отсюда производились одушожительные набѣги на Мидянь и Вавилонъ, гдѣ они слыли подъ именемъ Гога и Магога, т. е. большихъ воинственныхъ сборищъ (grand amas). Около же Дона, — значить, рядомъ съ Массагетами, жили Геллоны и Будины; а близъ нихъ, по Днѣпру, изгнанные потомъ оттуда Змѣяни, Невры, Волки или Волкодлаки, которые обертывались, по мнѣнію грековъ, однажды въ году, (вѣроятно зимой) въ настоящихъ волковъ. Западнѣе же обитали Сарматы, происшедшіе будто бы отъ связи скифовъ съ Киммерійскими амазонками. Въ глубокую же древность Сарматы жили на берегахъ Инда и въ Южной Мидіи (Плин. VI, 18); даже они слыли потомками Мидянь. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово Сарматы значить Сѣверные люди; такъ какъ по скифски Сѣверъ—Сауро (Shauro). Прометей у Греч. тра-

гетовъ считался родомъ изъ скифовъ. (Les Scythes, les ancêtres des peuples Germaniques et slaves, par Bergmann, p. 1—18; les Gètes, p. 21—35). Геты вообще были также скифское племя. Ихъ царь Буревитъ или Буривой (Boirevistès) соединилъ потомъ Гетовъ и Даковъ въ одну державу, во Фракіи; а впоследствии Траянъ покорилъ Дако-Гетовъ и обратилъ Дакию въ римскую провинцію. Массагеты почитались однимъ изъ болѣе развитыхъ скифскихъ племенъ; царица ихъ Томира побѣдила Кира и велѣла умертвить его, въ отмщеніе за смерть своего сына. Къ скифамъ принадлежали также и Парфы; ими управляла одно время Зарина или Царина (Zarîna), при которой они подпали подъ власть Мидянъ. Жители Ольвіополя и др. платили Сколотамъ дань; лучшіе ихъ союзники были Росс-Аланы. (Les Gét. ст. 40, § 24). Въ этомъ можно присовокупить, что изъ приведенныхъ выше скифскихъ именъ: Зарина или Царина, Томира, Яровитъ или Буревитъ, Буривой, (Boirevistès), можно заключить, сколько въ ихъ племенахъ было нѣмецкаго. Со времени завоеванія Траяномъ Дакии началось самое широкое расселеніе славянъ съ Дуная; а между Дономъ и Дунаемъ издревле обитали Ваны или Винды, также племена славянскія. Извѣстное библейское преданіе, упоминающее вмѣстѣ съ Гогомъ и Магогомъ также и Росса, не имѣетъ особеннаго значенія; но судя потому, какъ обширны и многочисленны еще съ глубокой древности были вообще племена славянскія, можно съ большою вѣроятностью полагать, что между древними скифами, во время ихъ набѣговъ на Востокъ, самыя многочисленныя силы были славянскія.

37) Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ вѣдогонь, и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятые крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собой; и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, болѣе не пробуждается: его тотчасъ-же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ рассказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно мертвымъ. Во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, также покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ бы жилище живаго духа, та временная обочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка. У Черногорцевъ, вѣдогони не только души усопшихъ, но и домовые гѣніи, оберегающіе жилье и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападенія воровъ и чужеродныхъ вѣдогоней. Русскій крестьянинъ проводитъ рѣзкое различіе между домовыми своими и чужими. Въ этомъ слышится во-

споминаніе о родовой враждѣ славянъ, о которой свидѣтельствуютъ и древнія лѣтописи, и народныя свадебныя пѣсни. Роды спорили, вели усобицы, а блюстителями ихъ интересовъ были домашніе пенаты и старѣйшины; эти послѣдніе, умирая, перенесли и за гробъ тѣже привязанности и тѣже ненависти». (Аф. т. III ст. 196; т. I, ст. 77, 94, 95). «Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ Итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолютъ, тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю, (т. е. собственно перегонаютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если случится воину умереть во снѣ, то рассказываютъ будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ. Какъ валькириі и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, и вѣдогони одной страны воюютъ съ вѣдогонями сосѣднихъ земель; такъ и вѣдмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары и при этомъ приговариваютъ: «що втну, то не перетну!»—чтобы удары меча небыли смертельными. Такимъ образомъ вѣдмы, послѣ каждаго пораженія, встаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ Валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякій разъ воскресаютъ на новые подвиги.» (Аф. т. III, ст. 235, 451, 452).

КЪ 4-й извѣстн.

1) Обѣ эти легенды изложены г. Буслаевымъ въ сочиненіи его: истор. очерки рус. народ. словес. и иск. (ст. 368—376). Подобно нашему Мигулѣ, и Брокъ имѣлъ также трехъ дочерей: жрицу, гадальщицу и правительницу народа; разница только во второй: у насъ она поленица; у чеховъ гадальщица, что можетъ быть соединено и съ званіемъ жрицы. Не повторяется ли и здѣсь индѣйское преданіе, о Кали, Дургѣ и красавицѣ Гангѣ? Во всякомъ случаѣ, обычай избранія Премысла посредствомъ бѣлой лошади идетъ изъ Индіи, гдѣ цари избирались посредствомъ особенной колесницы, *phussaratha*, запряженной бѣлыми конями. При подобныхъ избраніяхъ всегда упоминается также и скала, превратившаяся у славянъ въ камень, на которомъ возсѣлъ Премыслъ по его избранію. «Совокупность этихъ фактовъ, говоритъ г. Ми наевъ, авторъ статьи о буддѣйскихъ жатакахъ, курганахъ, долженъ убѣждать, что въ буддѣйской легендѣ (объ избраніи царя) намъ сохранились подробности объ очень древнемъ, общо-арійскомъ обычѣ»

и что сходство между сказаніемъ объ избраніи Премысла и легендой о выборѣ царя Іанака можетъ быть объяснено только, какъ обще-арійское достояніе.» (Журн. мин. нар. просв. 1872 г. іюнь, ст. 192—199). «Такъ нашъ эпосъ справедливо замѣчаетъ г. Квашнинъ-Самаринъ (Русск. Вѣст. 1874, окт., ст. 802) и доннынъ связанъ многими нитями съ преданьями другихъ славянъ и имѣетъ свои корни еще въ той эпохѣ, когда всѣ славяне пѣли одну великую мифическую эпопею, герои которой перешли впоследствии изъ боговъ въ простыхъ смертныхъ; при чемъ каждое племя старалось присвоить ихъ исключительно себѣ и перенести въ позднѣйшую русскую, польскую или иную историческую обстановку. Какъ важно подобное единство эпоса для духовнаго единенія славянъ...» Что же касается до разселенія славянъ въ Европѣ,—то Несторъ описываетъ разселеніе ихъ по рѣкамъ. Сначала они сѣли по Дунаю, а оттуда пошли въ разныя стороны. Спрашивается, сколько-жъ потребно было народа и времени? Г. Гиллфердингъ поэтому говоритъ (ист. бал. сл. т. I, ст. 18): «нельзя принимать Несторова извѣстія въ буквальный смыслъ, будто славяне, уходя изъ Дакіи отъ Траяновыхъ войскъ, пришли и заселили Балтійское поморье: невѣрность сказанія тѣмъ яснѣе, что Несторъ выводитъ оттуда не однихъ ляховъ, но и всѣхъ русскихъ славянъ. Даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ; то и тогда изъ нея не могла бы выйти всѣ славянскія племена, расселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ. Слова Кіевской лѣтописи, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что славяне, тѣснимые на Дунаѣ римлянами, пришли въ движеніе и стали повсюду распространяться и усиливаться, и въ землѣ лянсской, на Балтійскомъ поморьѣ, и въ восточныхъ странахъ, гдѣ потомъ возникла Русь.» Другими словами, съ тѣхъ поръ общее имя ихъ становится историческимъ; тогда какъ прежде, за нѣсколько еще вѣковъ до Р. X. извѣстны только племенные ихъ названія. Добавимъ къ этому, что слово дунай въ древности было имя нарицательное у славянъ всякой рѣки; почему и Донъ, и Днѣпръ могли называться въ глубокой древности также дунаями. Во II в. по Р. X., вскорѣ послѣ Траяна, славяне выступаютъ уже сильнѣйшимъ народомъ на Поморьѣ; а до тѣхъ поръ ихъ сила и развитіе не разъ обнаруживаются, но только теперь начинаютъ выясняться, по всей древней Скифіи, особенно на Югѣ.

2) Г. Афанасьевъ видитъ въ Святovitѣ божество, тождественное Дяву и Сварогу; а основаніе его имени въ смыслѣ святаго свѣта (святъ свѣтъ). «Какъ владыка небесныхъ громовъ, онъ выѣзжаетъ по ночамъ, т. е. во мракѣ ночеподобныхъ тучъ, сражаться съ демонами тьмы, разить ихъ молніями (Mater verborum:

«Svatovit—Ares, bellum») и проливаетъ на землю дождь.» Поэтому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древній Воданъ, и Арей, и Перунъ... (Аф. т. I, ст. 133—137). Слѣдовательно, онъ также и древній Индра, и Индѣйскій Вишну; что заявляетъ также и г. Вельтманъ, въ своемъ сочиненіи о происхожденіи славянъ изъ Индіи. Подобно Сварогу, чье мѣсто Святovitъ-Вишну и занялъ, онъ богъ великій (т. е. старѣйшій), старый богъ, прабогъ, (прадѣдъ, пращуръ), отецъ-небо, ritā Dyāus, patur Zeḍs. (Аф. т. I, ст. 133). Все это можно сказать и о Вишну, который занялъ въ Индіи мѣсто Варуна и сдѣлался отцомъ всѣхъ боговъ и вселенной. «Есть поражающій отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа, говоритъ г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 121), въ сказочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ индѣйскимъ.» А Эйхоффъ (Tableau de la littér. du Nord, par F. G. Eichhoff) находитъ, что славянский языкъ есть вѣрнѣйшее отраженіе языка ведъ (ст. 85); а что такое Святovitъ, если не Брама, образъ солнца? Что такое Поревитъ (другой образъ Святovита), если не Вишну, образъ стихій, сохранения и мудрости?.. (ст. 89). Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, одна на груди; Руевита, съ семью лицами; Триглавъ имѣлъ три головы. (Аф. т. II, ст. 524). Какъ г. Гильфердингъ находитъ послѣдняго тождественнымъ Святovиту (ист. балт. сл. ст. 218); тоже самое, конечно, можно сказать и о тѣхъ двоихъ, такъ какъ всѣ они боги громоносныхъ тучъ, что составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ четырехглаваго Святovита. (Аф. т. II, ст. 524).

3) «Замѣчательно, говорятъ Бергманнъ, что племена Симетическія во дни ихъ переселенія направлялись преимущественно съ Сѣвера на Югъ и съ Юга на Сѣверъ; а племена Іафетовы или арійцы, шли сначала съ Запада на Востокъ (какъ напр. въ Индію), а потомъ ужъ постоянно съ Востока на Западъ». Главную причину этого движенія на Западъ онъ приписываетъ тому, что древніе народы, видя шествіе солнца ежедневно въ ту сторону и полагая, что оно отдыхаетъ тамъ отъ дневнаго своего путешествія, возымѣли мысль, что тамъ же, на Западѣ, и жилище его, да и всѣхъ боговъ, а потому и живущіе тамъ люди, должно быть, самыя счастливыя изъ смертныхъ. Такимъ образомъ Западъ, по ихъ новымъ понятіямъ, сдѣлался въ некоторомъ родѣ земнымъ раемъ. Оттуда возникнулъ мифъ объ Елисейскихъ поляхъ на Западѣ земли, и ~~и мифъ о Гесперідахъ (Западныхъ) и о счастливыхъ островахъ, все тамъ же.~~ (Les Gét. p. 6—10). Движенію этому арійцевъ на Западъ могла быть и другая существенная причина, а именно: освобожденіе Европы изъ подъ водъ первобытнаго океана и потомъ слитіе первобытныхъ ея острововъ въ одинъ материкъ, на которомъ ожидала переселенцевъ цвѣтущая, дѣвственная земля (какъ

Европейцевъ потомъ въ Америкѣ), о плодородіи которой, конечно, ходили ужъ между ними издревле смутные слухи. Основавшись же и утвердившись въ новомъ краю, они утвердили въ немъ и свои вѣрованія, принесенныя ими съ Востока. Древній ихъ Вырій остался тамъ, въ первобытномъ ихъ отечествѣ, откуда попрежнему восходило красное Солнце, гдѣ было и его жилище; но и Западъ казался ему не чуждымъ, такъ какъ здѣсь оно успокивалось отъ дневныхъ трудовъ своихъ. Значить, и здѣсь также могъ быть своего рода Вырій или Буянь-островъ, жилище боговъ, лучезарный міръ свѣта и силы небесной. Все это могло сосредоточиться потомъ въ божественномъ обиталищѣ Святовита. Руйный, свѣтоварный островъ, гдѣ онъ жилъ посреди моря, имѣлъ значеніе священнаго Буянь-острова; на этомъ островѣ совершались высшія гаданья и главныя народныя празднества; здѣсь же, вокругъ Святовита, жили всѣ меньшіе боги, отъ него рожденные; здѣсь была среда всей земли славянской; отсюда исходили главныя распоряженія и предсказанія. По словамъ Гельмольда, сюда приходили изъ всѣхъ земель славянскихъ, весь славянскій народъ питалъ къ Ранскому храму Святовита особенное благоговѣніе (Helm. 639); подобное же, о всеобщемъ почитаніи этого святилища, свидѣтельствуеетъ въ своей исторіи и Саксонь-Грамматикъ. (Sax. 825). Г. Гильфердингъ хотя и относитъ это собственно къ балтійскимъ славянамъ; но Гельмольдъ говоритъ положительно о всѣхъ племенахъ славянскихъ. (Ист. балт. сл. т. I, 273—277). По его отзыву, Арконскій храмъ сдѣлался средоточіемъ славянскаго язычества (Гельм. I, 36, 52, II, 12); на что ссылается и г. Гильфердингъ. Хотя же этотъ островъ и лежалъ на Западъ отъ Восточныхъ славянъ; но за нимъ славяне знали страны еще западнѣе, гдѣ обитали племена имъ враждебныя, почему и могли почитать тѣ, болѣе или менѣе, безвѣстныя страны царствомъ смерти и загробныхъ мученій; какъ потомъ и говорится въ посланіи новгородскаго архіепископа Василя, — что рай насажденъ на Востокѣ, а муки и нынѣ суть на Западѣ. (Аф. т. I, ст. 182, 183, т. III, ст. 24). Такъ и нынѣ наши старовѣры и раскольники считаютъ Западныя страны лютеранъ и папистовъ царствомъ Антихриста, гдѣ и будетъ въ послѣднія времена геенна огненная. (См. сочиненія о расколѣ. Ливанова, Шапова, Кельсиева, и др.).

4) Скифы, да и вообще славяне, чрезвычайно уважали вѣщихъ дѣвъ и женщинъ, отъ которыхъ, вѣроятно, произошли и раскольничьи богородицы. Веледа, вѣщая женщина, жила, какъ извѣстно, въ башнѣ, подобно возлюбленной Валленрода, въ поэмѣ Мицкевича. Что имя Веледы чисто-славянское, — кажется, нечего этого и доказывать. Вана, какъ чудесная представительница своего рода-племени, могла принимать на себя всѣ его священные образы. Славяне вообще чрезвычайно чтли свои древніе обычаи; и не отсут-

пали отъ нихъ безъ крайности. Они долго отстаивали прежнюю ихъ религію и народность. Древній бытъ славянъ былъ народный; община обсуждала и рѣшала общественныя дѣла. Одинъ и асы, завоевавши нынѣшнюю Скандинавію, тотчасъ же раздѣлили народъ на сословія; но у славянъ никогда этого не было. «У славянъ князь былъ только главой отдѣльнаго племени; а не властелиномъ цѣлаго народа и государства, гдѣ община рѣшала дѣла на сходкѣ. Славянская семья жила особо, каждая на своемъ мѣстѣ, разрастаясь въ деревню, и владѣла сообща землею, которая ей принадлежала (подобно тому, какъ это было у скифовъ). Когда область князя становилась обширной и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался къ князю на сеймъ выборный (владыка). Аристократіи у славянъ не было. Потому ужь, «ненавидя нѣмцевъ, они отъ нѣмцевъ переняли и внесли въ славянскую общину сущность ихъ быта, аристократію: и аристократія, которая на германской почвѣ породила много величія и добра, пересаженная на славянскую, повлекла за собой застой и паденіе». (Ист. балт. слав. т. I, ст. 105—110, 87, 88, 103). Не смотря на всѣ, бывшіе у славянъ, историческіе перевороты и на самое угнетеніе ихъ на Западѣ нѣмцами, на Югѣ турками, этотъ родовой народный характеръ хранится въ нихъ понынѣ, выражаясь, хоть и въ очень блѣдномъ образѣ, въ нашемъ сельскомъ мирѣ-народѣ и въ другихъ угнетенныхъ славянскихъ народностяхъ; такъ напр. у сербовъ совсѣмъ нерѣдкость, что и владѣтельный ихъ князь, и первый богачъ, изъ простыхъ мужиковъ.

5) Предлагаемый въ повѣстѣ краткій очеркъ города Волина или Волыни, одного изъ богатѣйшихъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, заимствованъ также изъ ист. балт. славянъ, Гильфердинга (ст. 73—76). Отъ его имени одно время даже Балтійское море называлось Волинскимъ. Не естественно ли всего предположить, что именно объ этомъ-то городѣ и упоминается въ нашихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается и о сосѣднемъ къ Волынѣ морѣ? Объ этомъ уже намекаеть г. Квашнинъ-Самаринъ, въ одной изъ статей своихъ въ журн. Бесѣда. Забывши въ послѣдствіи совсѣмъ объ этомъ древнемъ, славномъ городѣ, народъ нашъ отождествилъ съ нимъ Волынъ, красный Галичъ, близъ котораго никогда моря не бывало. Весьма можетъ быть, что и первоначальный образъ Садко, послѣ разныхъ превращеній его еще на Востокѣ (Руск. был. г. Стасова), занесенный славянами въ Европу, возродился въ новый славянской образъ свой, въ этомъ торговомъ городѣ, куда стекались купцы со всѣхъ концовъ извѣстнаго тогда міра, и потомъ ужь, съ паденіемъ Волина и съ усиленіемъ Новгорода, перешелъ въ нашъ сѣверный городъ, гдѣ онъ и считается гостемъ торговымъ. Еще положительнѣе можно признать древній Волинъ родиной Дюка Степановича, также вѣтязя заморскаго. Самъ Микула называетъ этотъ городъ

богатой Индѣюшкой; а богатство его такъ велико, что посланные отъ кн. Владиміра, увидѣвъ издали блескъ городскихъ крышъ, невольно восклицаютъ: «не горитъ ли ужь богатая Индѣюшка?...» такъ какъ на Балтійскомъ поморьѣ жили древніе винды, раздѣлившіеся ужь на разныя племена. «Въ этомъ городѣ, богатомъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть все, чего ни спросишь дорогого и рѣдкаго. Отсюда выйдешь на берегъ въ Острогардѣ, въ русской землѣ, гдѣ столица Кіевъ, соперница Константинопольскаго скипетра, краса и слава Греціи... (Гильф. ст. 74, 75). Известно, какъ говорится въ нашихъ былинахъ и о несмѣтномъ богатствѣ Дюковой матери, и о драгоценныхъ камняхъ въ стрѣлахъ его, которыми и цѣны нѣтъ,—стрѣлахъ, оперенныхъ перьями, какія могутъ привести только гости корабельщики. Не распространяясь впрочемъ болѣе объ этомъ, добавляю только, что и сама богатая, сказочная Виннета есть только искаженное Датское названіе той же Волины, (Тамъ же страница 75, примѣчаніе 203).

6) О тождествѣ новгородскаго богатаго Садко и торговаго гостя Соловья Будиміровича, кажется, нечего распространяться. Хотя Соловей въ былинахъ и называется торговымъ гостемъ изъ какого-то города Леденца, что нѣкоторые принимаютъ за Венецію; но если и такъ, то и на Балтійскомъ поморьѣ, и на Адриатическомъ жили родственныя племена Винды и Венеты, которыхъ даже смѣшивали между собою; такъ что и Балтійское море нѣкогда называлось моремъ венетовъ, отъ чего и слыло иногда Индѣйскимъ. Не говоря также о значеніи Ивана Годиновича и Хотина или Хотена Блудовича на древнемъ Востокѣ, приведу только значеніе ихъ въ нашихъ былинахъ, о богатыряхъ Кіевскихъ. Г. проф. Миллеръ находитъ, что отчество Ивана Годиновича—отъ Година, очень близко къ Хотину; а въ этомъ имени слышится что-то чуждое, не обычное. Оба эти молодца вьжуются очень слабо съ Кіевскимъ богатырскимъ кругомъ. Хотина г. Миллеръ находитъ сходнымъ съ сербскимъ Маркомъ кралевичемъ и съ Герцеговинскимъ молодцомъ Мужо, и «что какъ нашъ, такъ и сербскій, и герцеговинскій изводы переносятъ во времена, предшествующія самымъ первымъ зародышамъ государственной и общественной жизни. Тутъ слово: родъ; можетъ быть даже употреблено не только въ смыслѣ родни, семьи, но и въ расширенномъ смыслѣ соединенія въ одно, подъ одною патриархальною властью многихъ семей. Хотень отличается чисто варяжскимъ, хоть, можетъ быть, не непременно торговымъ, но всеже добычелюбивымъ нравомъ; въ немъ начало дружинное, варяжское. Его другое отчество (Блудовичъ) напоминаетъ въ немъ даже варяга Блуда, пришедшаго изъ за моря. Тѣже варяжскія черты и въ Иванѣ Годиновичѣ; но въ немъ еще и варяжское странничество—наемничество. Между прочимъ, онъ говорить въ

былинь, что онъ «былъ за славнымъ, за синимъ моремъ, въ городъ Черниговъ». «Здѣсь, заключаетъ г. Миллеръ, думается мнѣ, море должно быть принимаемо въ прямомъ смыслѣ, какъ океанъ— море. Но въ такомъ случаѣ, нѣтъ ли тутъ указанья на то, что родиною торговыхъ гостей, купцовъ представляли себѣ у насъ по преимуществу землю заморскую, т. е. отдаленный варяжскій берегъ? Такъ что это представленіе не было тутъ затерто даже приуроченіемъ къ Чернигову, т. е. на сушу». (Ил. Мур. ст. 358—379). Говоря о сходствѣ нашего эпоса съ преданьями другихъ славянскихъ народовъ, г. Квашнинъ-Самаринъ съ своей стороны упоминаетъ также о приходѣ къ намъ нѣкоторыхъ богатырей съ Запада (Р. вѣстн. 1874, Окт. ст. 799—800). Послѣ сказаннаго выше, кажется, можно также не безъ основанія отнести къ числу ихъ и эти три личности, — именно съ древняго Балтійскаго поморья.

7) Вначалѣ воздушное море, сливаясь на Западѣ съ первобытнымъ океаномъ, должно было казаться древнѣйшимъ арійцамъ однимъ безпредѣльнымъ царствомъ Варуны-Водана. Потомъ, первые выходцы изъ Сѣв. Азіи, Финно-алтайскія племена начали селиться на всплывшихъ въ нынѣшней Европѣ островахъ, и заняли ихъ отъ Сѣвера до Запада. Кельты и вообще арійцы вытѣснили ихъ оттуда въ послѣдствіи на отдаленный Сѣверъ или сдѣлали ихъ своими рабами. Когда вся Европа очистилась отъ первобытныхъ водъ, переселенія изъ Азіи сдѣлались многочисленнѣе: восточныя племена шли уже въ новыя, благодатныя земли своихъ родичей и селились между ними, или присоединялись къ нимъ въ позднѣйшее время. Почему исторія застаётъ ихъ, большей частью, отдѣльными, сплошными, родственными группами. Ваиы или славяне были ужъ племя осѣдлое, земледѣльческое, когда Одинъ (позднѣйшее измѣненіе древняго Водана, по нѣм. Вуотана, бога воздушнаго моря) еще проходилъ съ своей дружиной асовъ (помощниковъ, защитниковъ, покровителей, отъ *as, — soutien, поддежка*) по Европѣ, съ юго-востока на Сѣверъ. По словамъ Снорри, онъ вышелъ изъ Азіи и былъ въ Скиѣи царемъ надъ многими странами, а асы были его намѣстниками (Fasch. de Gulf. p. 215). Эфемерическія или баснословныя преданія, которыми вообще руководствуется Снорри, прозводятъ Одина и асовъ, то отъ турковъ, то изъ малой Азіи, отъ троянцевъ, то выводятъ въ 1 ст. по Р. Х. изъ Фракіи, и даже представляютъ его въ одно время властителемъ Царьграда. Вначалѣ асы живутъ гдѣ-то въ сосѣдствѣ вановъ (славянъ), которые до того поразили ихъ своимъ развитіемъ, что асы долго считали ихъ людьми чудесными, колдунами. Одинъ въ это время устроиваетъ Древянъ или Древлянъ, которые продолжали жить въ глубокихъ лѣсахъ, и даже, по преданію, вдыхаетъ въ нихъ первый духъ жизни. Но потомъ у асовъ начинается война съ ванами; ваны разрушаютъ ихъ укрѣпленіе на какой-то равнинѣ Иди, и асы долж-

ны удалиться изъ ихъ сосѣдства. Они проходятъ черезъ нынѣшнюю Саксонію, въ Данію и наконецъ въ Швецію, гдѣ и утверждаются въ Упсалѣ. По мнѣнію Снорри, этотъ Одинъ и асы суть ужь потомки первобытныхъ Одина и асовъ, вышедшихъ изъ Азіи, усвоившіе только имена ихъ, съ которыми они и пришли въ Швецію. Здѣсь, покоренныя ими Финскія племена, возводятъ ихъ потому на степень боговъ и начинаютъ поклоняться имъ. Прибытіе ихъ въ эту страну Снорри также приписываетъ тому, что они были изгнаны изъ Скифіи; только не ванами, а великимъ Помпеємъ (Fasch. de Gulf, p. 19—71). Когда асы пришли въ Швецію, тамъ ужь обитали Финны и Свеи (le peuple Svi); они поклонялись между прочимъ богу Калевъ (Kaleva). Богъ Калева, собственно представитель финскихъ князей, больше эпическій герой, чѣмъ божество, наслышавшись о сверхъестественной силѣ Одина, явился къ асамъ въ видѣ соглядатая, подъ именемъ Гульфи (туманный), чтобы испытать лично ихъ чудесную силу и разузнать какимъ богамъ они поклоняются, такъ какъ всякая сила, по тогдашнимъ понятіямъ, давалась народамъ свыше, тѣми богами, которымъ они поклонялись. Свиданіе это Гульфи съ асами составило предметъ скандин. поэмы: *Gylfa ginning* (la fascination de Gulfi), въ которой Одинъ отводитъ Гульфи глаза своими чарами, но передаетъ ему изустно всю свою мифологію. (Тамъ же, ст. 139). Когда Одинъ и асы являюся между финнами, у нихъ ужь есть своя мифологія, которая отчасти и сохранилась въ преданіяхъ финской поэмы: Калевалы; но съ приходомъ этихъ завоевателей, религія финновъ вступаетъ въ новый періодъ развитія, и, подъ вліяніемъ могучихъ пришельцевъ, преобразуется въ высшую религію, доступную лишь народамъ арійскимъ. Одинъ изучаетъ глубину мудрости у финскаго великана Мимира; не значитъ ли это, что Мимиръ передаетъ ему свои финскія преданія о созданіи и первобытныхъ временахъ вселенной? Вождь асовъ присоединяетъ къ нимъ свои арійскія; и такимъ образомъ получаетъ начало скандинавская мифологія. По крайней мѣрѣ, богъ Торъ есть божество совершенно мѣстное; а кто не узнаетъ въ великанѣ Имирѣ, въ змѣѣ, обогнувшемъ землю, въ воздушной ясени Игдрасилѣ, въ принесеніи Однимъ въ жертву самого себя, да и во многомъ другомъ, отпечатокъ преданій далекой Индіи, но уже обледѣвшихъ на глубокомъ Сѣверѣ. Во время пути, асы заимствовали нѣкоторыхъ боговъ и у вановъ, принявши ихъ въ видѣ заложниковъ мира. Одинъ, какъ извѣстно, искалъ повсюду мудрости, и даже, подобно Индрѣ, завидовалъ познаніямъ другихъ, и не сносилъ этого. Особенно онъ страшился превосходства развитія своихъ соперниковъ вановъ,—il craignait la supériorité d'esprit des vanes qui étaient les rivaux des ases. (Gulf. p. 54, § 27). По крайней мѣрѣ, онъ страшился ихъ не менѣе,

чѣмъ финскихъ великановъ (jotnes), противъ которыхъ принялъ всѣ возможныя предосторожности.

8) Г. проф. Буслаевъ, первый у насъ, обратилъ вниманіе на сходство нашего древняго сказанія, о Вологѣ Вологовичѣ, съ скандинавскимъ преданіемъ о преніи, касательно происхожденія міра, Одина съ великаномъ Вафтрудниромъ, и приравнялъ Волота къ необъясненному еще какому-то исполину, предшественнику Владиміра, краснаго Солнышка. (Истор. очер. ст. 455—464). Кто же это могъ быть, кромѣ Одина, который особенно выдается своей любовательностію, и даже жертвуетъ іотну Мимиру своимъ правымъ глазомъ, чтобы черпать у него ежедневно древнюю мудрость изъ свѣтлаго источника Урды? Съ тою же цѣлю онъ посѣщаетъ и другихъ древнихъ исполиновъ, входитъ съ ними въ пренія, за что они подъ конецъ платятся своими головами, и даже летаетъ черезъ моря и цѣлыя страны въ отдаленные концы міра, гдѣ есть чему и у кого поучиться. Когда древній Востокъ заговорилъ о Глубинной или Голубинной книгѣ, упавшей съ неба и открывшейся первобытному жрецу, послѣ перваго жертвоприношенія, — не можетъ быть, чтобы въ числѣ царей и князей, съѣхавшихся внимать написанному въ ней, не явился также и древній титанъ, волотъ Одинъ. Преданіе объ этой книгѣ есть обще-арійское, но дошедшее до насъ уже въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, — уцѣлѣвшее вполнѣ, какъ мы видѣли, только въ Индіи, гдѣ, кажется, слѣдуетъ искать и ключъ къ нему. Наше славянское преданіе объ этомъ дошло до насъ уже въ церковномъ изложеніи; весьма естественно, что и вставленное въ него имя, Давида Есеича, есть заимствованное изъ книгъ, позднѣйшее. Но выражая въ образѣ первобытнаго Микулы, — родоначальника — представителя первыхъ земледѣльцевъ и жизни осѣдой, кажется, будетъ вполнѣ согласно съ преданіемъ, отнести къ нему же и эту таинственную, забытую личность. Свиданіе съ нимъ Одина могло быть и въ древнихъ странахъ Востока, и даже въ позднѣйшей Скифій, когда Одинъ препирался въ мудрости съ Сѣверными великанами. Дѣйствительно, онъ въ нашемъ преданіи ужь царь, какъ и представляетъ его Снорри въ Скифій; а въ Есеичѣ замѣтенъ отпечатокъ патріархальности, какимъ и долженъ быть въ то время Микула. Извѣстно, что всякое древнѣйшее сказаніе видоизмѣнялось потомъ нѣсколько разъ, что мы и видѣли напр. въ преданіи о Вавилонскомъ змѣѣ; и это совершенно затемняетъ начальный его образъ, подъ слоями новыхъ преданій и обстановокъ тѣхъ временъ, что народы потомъ пережили, и тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проходили.

9) Финская поэма: Калевала, свидѣтельствуетъ о весьма обширномъ развитіи финскаго божественнаго эпоса, сообразно мѣстной природѣ. Его мифическіе герои принадлежатъ болѣе къ породѣ боговъ, нежели къ богатырямъ, что лучше всего свидѣтельствуетъ

о глубокой ихъ древности. Главнѣйшіе изъ нихъ: Вейдемейненъ, главнѣйшій исполинъ, устроитель финской земли, въ родѣ нашего Микулы, но сохранившійся въ болѣе первобытной формѣ, нежели нашъ представитель земледѣлія; можно предположить даже, что не его ли разумѣютъ асы, въ лицѣ древняго и мудраго титана Мимира, у котораго Одинъ черпалъ свои мифическія знанія? Вообще сѣверная природа имѣла подавляющее вліяніе на полуденныхъ уроженцевъ асовъ. Край Полуночный, куда они явились съ Юга, казался имъ полнымъ ужасныхъ великановъ и сверхъестественныхъ силъ; самыя ихъ вѣщія норны, (гадальщицы, прорицательницы) пришли къ нимъ съ Сѣвера. Другой изъ главныхъ героевъ Калевалы, братъ Вейдемейнена, Ильмариренъ, вѣщій, древнѣйшій кузнецъ, по ремеслу. Значеніе его въ тѣ времена было тѣмъ обширнѣе, что кузнецы тогда выдѣлывали и разныя металлическія украшенія, кольца и браслеты, и даже ковали судьбу человеческую, слѣды чего остались и въ нашихъ подблюдныхъ пѣсняхъ и народныхъ былинахъ. Ильмариненъ выковалъ, между прочимъ, чудесное, металлическое дерево, на которое, можетъ быть, и указываетъ Святогору Микула, и сковалъ знаменитое Сампо, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первую мельницу. Вообще преданія, о кузнецахъ, какъ у финновъ, такъ и у скандинавовъ, сливаются между собою, что ясно показываетъ, что послѣдніе заимствовали многое въ этомъ у первыхъ. Богъ Торъ считался также небеснымъ кузнецомъ, и въ послѣдствіи асы очень успѣли въ этомъ ремеслѣ. Вейдемейненъ, — и творецъ, и земледѣлецъ, и плотникъ, и гусляръ, — представитель вообще жизни осѣдой; Ильмариненъ остается до конца чудеснымъ кузнецомъ. На самомъ Сѣверѣ, въ нынѣшней Лапландіи, жила финская колдунья, Лоуха, искони враждебная финнамъ. Она овладѣла чудеснымъ ихъ Сампо и заперла его въ утесъ; такъ что Вейдемененъ только хитростью могъ добыть эту драгоценность, и то довезъ на родину одни ея обломки. Край Лоухи вообще считался недоступнымъ, по обитавшей тамъ нечистой силѣ, въ видѣ ядовитыхъ змѣй, хищныхъ птицъ и другихъ чудовищъ. Въ послѣдствіи, Одинъ устроилъ тамъ скандинавскій адъ, подземную Геллу, куда и самыя боги спускались съ трепетомъ; и не та ли же самая Лоуха преобразилась въ мифологіи скандинавовъ въ колдунью Геллу, впрочемъ дѣвственницу, тогда какъ у Лоухи было нѣсколько дочерей, и одна изъ нихъ красавица? (См. поэм. Калевала). Но асы большую часть времени проводили въ игрѣ въ шашки и въ тавленіи: игра въ тавленіи (jeu des tables) похожа на игру въ шашки; въ романѣ Розы сказано;

Lá sont servis joieusement
De jeux de dez, d'eschecs, de tables,
Et d'oultrageux mets délitables;

У исландцевъ есть еще особенная игра въ шашки, называемая: тавлен св. Олафа (la table de s. Olaf).

10) Скандинавскія преданія изображаютъ вначалѣ Одина и его асовъ на какой-то равнинѣ Иди; здѣсь походный ихъ станъ, укрѣпленный ровомъ и деревянной оградой. Названіе этой равнины происходитъ, по мнѣнію Бергманна, отъ имени одного изъ іотновъ, Иди, (дѣятельный), впоследствии превратившагося въ небесное созвѣздіе; а Снорри полагаетъ эту равнину въ Азіи, внутри Одинова царства Асгарда, который потомъ перенесенъ на небо. (Les Gét. p. 213—215). Во всякомъ случаѣ, равнина эта и самое укрѣпленіе асовъ были тогда на землѣ; и очень близко отъ Древянъ, которыхъ Одинъ воззвалъ къ общественной жизни, и отъ вановъ, съ которыми асы жили тогда въ сосѣдствѣ. Асы, по ихъ преданіямъ, имѣли много золота; такъ какъ у древнихъ, съ богатствомъ, т. е. золотомъ, сливалось понятіе силы и даже божественности. У латиновъ слово dives (богатый) выражаетъ небесное, божественное счастье; да и славян. слово: богатый, происходитъ отъ слова: богъ (тамъ же, ст. 214). Г. Бергманнъ еще видитъ въ іотнѣ Иди, вѣроятно, повдѣйшее олицетвореніе Вѣтра; почему полагаетъ, что равнина Иди могла также значить вѣтренное поле. (Poeme de l'Edda, par Berg. примѣчанія). Только въ сосѣдствѣ вановъ, земледѣльцевъ, въ странахъ полудня, могъ родиться у бродячихъ еще асовъ прекрасный ихъ богъ: Бальдуръ,—богъ весенняго солнца и жатвы, умершій насильственной смертью тотчасъ же по передвиженіи ихъ на глубокой Сѣверъ. Онъ считается родоначальникомъ Балтовъ и Амаловъ, княжескихъ родовъ у визиготовъ и остроготовъ. Въ сосѣдствѣ лишь съ ванами, асы могли заимствовать отъ нихъ нѣкоторые предметы по дому и сельскому хозяйству, и даже нѣкоторыхъ боговъ славянскихъ, потому имъ обнѣмеченныхъ въ новомъ отечествѣ. Извѣстно, что ближайшія къ санскрит. корню, производныя слова по земледѣлію, а скифскія слова, объ одеждѣ и нѣкоторыхъ другихъ домашнихъ предметахъ принадлежатъ преимущественно славянамъ; какъ орать, орало, орагай, жито (sveta, бѣлый), плугъ, по др.—нѣм. pflug, по ск. plogr, —млинъ (мельница), коло, Коло-исай (князь кола), коломага, мѣдъ (по санс. madhus), брюки (по скиф. bruka), которые потомъ измѣнились въ персид. schal-vaqa, по скиф. skaluvaqa, по слав. шаровары, щить, санки, по скиф. sangi, по сканд. sneeskia, ограда, градъ, по скан. gardr, и т. д. (Les Gét. p. 92—109). Извѣстно также, что даже широкопоую свою шляпу Одинъ заимствовалъ у вановъ. Ваны же передали асамъ и руны, которыя у нихъ назывались вѣщбами, и которыя они заимствовали у греговъ, жившихъ въ Ольвиополѣ. Изъ боговъ асы взяли у вановъ Фрейера (Солнце) и Фрею (госпожу домашняго хозяйства); ихъ богиня весны и плодородія земли, Зифа, также очень походитъ и

своими свойствами, и своимъ именемъ, на слав. *Земь*, — что не мѣшаетъ ей означать также и миръ, родство, согласие (*girre*). Во всякомъ случаѣ, она могла родиться только у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, которые имѣли уже свой домъ и хозяйство; а не у людей, что бродили еще по странамъ, безъ собственного крова и назвали земледѣлія. Въ древности нашего Перуна нельзя сомнѣваться: онъ Сварожить (отъ Сварога, неба), онъ происходить отъ *Parjānuas*, (Индры), онъ покровитель земледѣлія и земледѣльцевъ, свержающія его молніи называются въ ведѣхъ зометыми кошками, онъ пускаетъ изъ своего лука громовыя стрѣлы, которыя входятъ глубоко въ землю. (Аф. т. I, ст. 247). Отъ *Parjānims*, древняго эпитета Индры, у славянъ имѣемъ *Perkupis*, и вычлѣтъ означать тоже, что и *Tivus* (Дій, Небо), т. е. бурное небо. Потомъ древній *Tivus*, Дій (небо), распался у скандинавовъ на три образа, одинъ изъ которыхъ сталъ *Donaromъ*, а впоследствии *Toromъ*. (Les Gët. p. 156, 156, 163). Кажется, этого достаточно, чтобы видѣть его происхождение отъ нашего Перуна. «Онъ женился на *Зифѣ* (нашей *Земьѣ*?), плодородной землѣ, вѣрней супругѣ Неба, Діи (*Tivus*), и подчинилъ *Одну*, назвался его сыномъ». (Тамъ же, ст. 167). Чѣмъ же былъ вооруженъ Торъ? Онъ былъ вооруженъ молотомъ, который, будучи брошенъ, опять къ нему возвращался. (Gulf. p. 257). Такъ точно и по нашимъ преданіямъ, громовыя стрѣлы, вошедши глубоко въ землю, черезъ три года или черезъ семь лѣтъ возвращаются на ее поверхность, въ видѣ чернаго или темно-сѣраго продолговатаго камня. (Аф. т. I, ст. 247). Но гдѣ же у громовника Тора молнія? У него ихъ нѣтъ: потому что молнія—слово чисто славянское. За то молотъ Тора называется молниеромъ; не есть ли это заимствованіе молнія у славянскаго Перуна, который въ древности, вѣроятно, и подарилъ часть ихъ своему товарищу? Г. Бергманъ производитъ слово, *molnig*, отъ мелничнаго жорнева, *mehisig*; По итѣнію М. Мюллера, *mjölunig* значитъ раздробитель, отъ жорня *naag—mal*, растирать, дробить, жечь; откуда и слав. молнія и мѣтъ (увидать). Но Я. Гриммъ прямо сблизжаетъ *mjölunig* съ рус. словомъ молнія, отъ мѣтъ, согнѣтъ (погрѣнѣтъ); откуда ужъ и мѣтъ и молотъ. (Аф. т. III, ст. 782, т. I, ст. 253).

11) Высшей наукой у древнихъ почиталось волшебство, магія, средства которой признавались равными могуществу боговъ, даже выше, потому что она распознавала судьбами человѣческими и самими богами. «У Индусовъ магія называлась наукой по преимуществу (по санскр: *vidya*, наука, магія), у латинцевъ высшимъ искусствомъ (у Плима: *ars magna*).» (Les Gët., p. 150, 151). У нашихъ предковъ колдуны назывались людьми въщіяи (отъ того-же санскр. слова *vidya*, знаніе, вѣдѣніе), и наука ихъ въщью. Поклонный миръ *iotnovъ*, *iotnigimъ*, считался у скандинавовъ въщью

страной этой мудрости: вначалѣ тамъ былъ и источникъ Урды, изъ котораго Одинъ черпалъ свою мудрость, а потомъ перенесъ его съ собою на небо; оттуда же явились къ нему и вѣщія норны, что бы помочь докончить устройство скандинавскаго міра или Асгарда. Ихъ явилось три: Урды значить прошедшее, Верданда — настоящее, Скульдъ — будущее, имѣющее быть. Древніе представляли себѣ человѣческую душу мишьяторнымъ подобіемъ усопшаго, жившимъ въ тѣлѣ; почему Индусы и называли ее *pourouchas* (отъ *pra-vasas, prerosé*), предполагая, что она живетъ въ тѣлѣ, чтобы управлять имъ. Изъ этого создавалась мысль, что души усопшихъ, — геніи покровители, такіе же карлики или мальчики съ пальчикъ, какъ и она. Въ Индіи называли ихъ *pitaraś* (отцы); а скифы называли ихъ кварками (карлами) и творцами или товарищами (*thvargichas*); какъ и слово ихъ *kvaleis* перемѣнилось послѣ въ Фалеса. Они также считались покровителями семейства и племени: вотъ почему у Таврическихъ Кимвровъ было святилище въ Херсонесѣ, въ честь двухъ геніевъ покровителей или Кабировъ, управлявшихъ попутными вѣтрами на бурномъ Эвксинскомъ Понтѣ; а Греки приравнивали ихъ къ Кастору и Поллуксу или Оресту и Пилладу, покровителямъ также попутныхъ вѣтровъ на морѣ. Кварки (*Korakoi*) управляли также земными и воздушными явлениями природы; послѣдніе впрочемъ назывались преимущественно альфами (*alfas*), а потомъ тѣ и другіе перешли къ скандинавамъ подъ именемъ *dvaigrs, dvergr* и *alfes*, и сдѣлались обитателями водъ, равнинъ, пещеръ и горъ, принявши разныя названія. Нѣкоторые отъ имени финновъ назывались даже финрами (*Finnr*), и какъ кузнецы, рудокопы, хранители кладовъ или покровители страны, сѣшались съ первобытными племенами рудокоповъ, кузнецовъ и вообще искусныхъ въ металлургіи. (*Les Gæt. p. 257—263; Gulf. p. 217—223*). У насъ они называются: у Лужичанъ, — людками (грозовые карлики); у насъ — мальчиками съ пальчикъ (карликъ молніи) духами воздушными, водяными, подземными, домовыми, марами, кикиморами, русалками (души некрещ: младенцевъ), и пр. (Аф: т. I, ст. 301, 740, т. II, 82, 97—103); у чеховъ, — подариками (червячки въ стѣнѣ, — удары дѣдовъ), и т. д. (т. II, ст. 113, 152—784).

12) «Особенно-искусные въ волшебствѣ, финны, говоритъ Бергманъ, передали это искусство славянамъ, а славяне скандинавамъ. Славяне почитали своихъ колдуновъ волкодлаками (*loup-garous*), почему и слово: волкъ, приняло у нихъ значеніе колдуна, волхва. Отъ нихъ это слав. названіе приняли и скандинавы, для означенія своихъ прорицательницъ, гадальщицъ или колдуній; отъ слова волхъ, волхва (*valhava*) произошло и ихъ слово: *völva* и *vala* (волхвица).» (*Gulf. p. 231, 232*). Еще у скифовъ колдуны, особенно колдуньи, прорицательницы и гадальщицы ходили по странѣ,

и являлись въ дома, чтобы предвѣщать будущее или гадать, о чемъ ихъ просили; также для врачеванья и заклятій или заговоровъ. Волшебница вановъ была такъ искусна въ вѣщбѣ, что презирала предсказанья и искусство высшей колдуньи асовъ—Валы (волчицы). Ее звали на языкѣ вановъ Гейдурой или Хайдурой (срав. Хай-дѣвка), а на языкѣ асовъ Гульвигой (Gulveig). Нѣкоторые разумеютъ въ этомъ мифическомъ образѣ золото, которое асы растапливаютъ до трехъ разъ, какъ искусные кузнецы, для своихъ издѣлій. Рассказъ о метаніи ножей заимствованъ изъ поэмы: la fascination de Gulfi; а испытаніе Хайдурѣ подушкой изъ chants du Nord, Мармье. Заклятія Хайдурѣ взяты вообще изъ древнихъ слав. заклинаній (Аф. т. I, 404—431, т. I, 406, 407, 576); а вообще содержаніе всего рассказа изъ поэмы: Voluspas, съ прим. Бергманна (ст. 189, 191, 195, 197).

«Elle (Vala) se rappelle cette première guerre dans le monde,
Lorsqu'ils avaient placé Gullveig sur des piques,
Et l'avaient brûlé dans la demeure du Très-haut;
Trois fois ils l'avaient brûlé, elle vit pourtant encore.

«On l'appelait Heidur dans les maisons où elle entrait;
Elle méprisait le charme des visions de Vala.
Elle savait la magie, elle abusait de la magie,
Elle était toujours les délices de la race méchante;»—и т. д.

Распросы о томъ, что дороже: золото или желѣзо, встрѣчаются въ нашихъ былинахъ, напр. о Садкѣ.

13) Оскорбленіе, нанесенное кому либо изъ племени считалось въ древности оскорбленіемъ цѣлаго племени: такова, по преданіямъ, было причина и первой войны между ванами и асами. Ваны ворвались воинскою хитростью въ укрѣпленія послѣднихъ.

«Le mur extérieur de la forteresse des Ases fut renversé;
Les vanes ont su, par ruse de guerre, fouler les remparts;
Mais Odin lança son trait, et tira sur l'ennemi...
Telle fut la première guerre dans le monde.»

Въ чемъ заключалась эта воинская хитрость, неизвѣстно; но на берегахъ Тираса (Днѣстра), по словамъ Геродота, долго существовали слѣды ужасной битвы и молніи, пущенной Громовникомъ въ исполиновъ; греч. Скифы приписывали это Ираклѣ, а другіе Церуну или Перкуну; асы приписали Одину. (Les Gët. p. 256). А что къ Ванамъ явился неожиданно на помощь одинъ изъ ихъ богатырей, это обыкновенный пріемъ народныхъ сказокъ. Объ образахъ при совѣщаніяхъ, см. поэму: Судь Любуши.

14) У индѣйцевъ божественный напитокъ назывался: сома,

а въ Зендавестѣ онъ называется haoma. Составлялся онъ между прочимъ изъ молока или ячменной жидкости и меда. «Медь-Сомъ, по свидѣтельству ведъ, производился на землю, говорить г. Афанасьевъ, тѣми же быстролетными птицами: соколомъ и орломъ, которыя разносили и молніи. Самъ Индра, въ видѣ сокола, похищаетъ въ скалахъ медь-сому и приносить его смертнымъ, т. е. заставляеть дождь проливаться на поля и нивы. Первая пища, которую вкусила новорожденный Яма, была медъ и молоко; названіе кормилицы его, Кунь, сближаетъ ее съ пчелой...» У Финновъ, на свадебномъ пиру бога-кузнеца ихъ, Ильмаринена, посредствомъ капли меда, принесенной пчелой, приводится сваренное пиво въ броженіе. (Аф. т. I, ст. 370—375). Слюна, по нашимъ древнимъ преданіямъ, считалась вѣщею, даже могла говорить; она была тождественна съ кровью. Пѣвецъ Квасирь родится именно изъ такой слюны, послѣ дружественнаго союза между ванами и асами. «Названіе Квасирь, продолжаетъ г. Афанасьевъ, удовлетворительно объясняется изъ слав. нарѣчій: въ сербскомъ, квасити, — намочить, квас, — пивная закваска, кислое молоко и тѣсто; у насъ, квасъ кислый напитокъ, квасить, — заставить что бродить, киснуть, (квашня, закваска, просто-кваша, квашеная капуста, и пр.) слѣдоват. квасирь значить — собственно приведенный въ броженіе, закиснувшій напитокъ, тождественный сомъ и меду; а олицетвореніе его въ человѣческій образъ произошло на томъ же основаніи, на какомъ нектаръ былъ олицетворяемъ въ образахъ Ганимеда и Вакха.» (Т. I, ст. 394, 395). Весьма естественно, что по заключеніи между асами и ванами мира, заходила круговая чаша и раздалась пѣснь мира: и явился Квасирь. Во всякомъ случаѣ, корень этого слова въ языкѣ славянъ; отъ нихъ же асы могли заимствовать и самый медъ, (по сканд. meth) и другаго пѣвца своего, бога поэзіи, Браги, равно какъ и названіе поэзіи bragr. Хотя Гримъ и сближаетъ съ именемъ Браги ниже-саксонское bregel (мозгъ), какъ сѣдалище разума, пониманія и поэтическаго вдохновенья, но корень этого слова въ санскр. bhraj, — frigere, assare, произшедшаго отъ еще древнѣйшаго санскр. слова bhrag или bharg, откуда объясняется и русская брага, хмѣльной деревенскій напитокъ. Такъ точно и санскр. слово mathu, питье, смѣшанное съ сокомъ, добытымъ черезъ растиранье, есть древнѣйшая форма madhu, греч. médo—вино, литов. medús, скандин. mjodr, — вино и медъ (meth). Значить, у скандинавовъ и вино, и медъ называются почти одинаково; между тѣмъ какъ наше слово вино происходитъ отъ другаго синонима той же сомы, vená, по греч. vīnos, по лат. vīnum, готс. vein, перс. vin, черный виноградъ... (Аф. т. I, ст. 371—393. Изъ чего ясно, кажется, видно, что скандинавы заимствовали это слово изъ вторыхъ рукъ; у кого же болѣе, какъ не у сосѣдей славянъ? Что же касается до боговъ,

взятыхъ у нихъ скандинавами; то, по словамъ г. Бергманна: «богъ Vrindus означаетъ истекающій, jaillissant, собственно богъ небесныхъ водъ и земныхъ источниковъ, новый образъ Перкуна (а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и одинъ изъ образовъ Водана). Скифы уподобляли, подобно индусамъ, облака стадамъ черного скота; почему Vrindus и почитался богомъ обилія; ему были посвящены быки и коровы,—другими словами, значеніе его, какъ властителя небесныхъ стадъ, было перенесено на землю.» (Gulf. p. 260, 261). Извѣстно, что у скифовъ обиліе стадъ считалось выраженіемъ богатства, почему г. Буникъ замѣчаетъ, что у славянъ и у нѣмцевъ слово скотъ (по нѣм: skott) должно быть слово заимствованное; но едвали, послѣ сказаннаго, не покажется страннымъ другой выводъ того же извѣстнаго ученаго, что русское слово скотъ получило значеніе денегъ отъ норманновъ, когда еще у древнихъ скифовъ вообще богатство частныхъ лицъ цѣнилось по количеству скота, и наши первые деньги были звѣриныя шкуры. (О варяж. вопр. Гед. ст. 238). Имя Vrindus, какъ божество водъ и изобилія, измѣнилось потомъ на Rindus (Рында, Руда); а у скандинавовъ на Hoenig и Chagunis (пріятный, полезный), и этотъ древній слав. богъ сдѣлался у нихъ богомъ рыбной ловли, мореплаванья и торговли, а потомъ божествомъ, дарующимъ благосостояніе, добываемое трудомъ и миромъ. Другой же слав. богъ Pravius (Пріи), соответствующій санскр. pra-bhus (превосходный), также господинъ, хозяинъ, кормилецъ,—и скиф. богу Солнцу, покровителю семьи и племени, богу страны и жилища, ниспосылающему плодородіе,—превратился у скандинавовъ въ Фрейера (солнце). (Gulf. p. 261, 265). У насъ онъ назывался также богомъ Яридомъ, и почитался богомъ оплодотворителямъ, представителемъ благодатной весны; почему и у скандинавовъ онъ сталъ также покровителемъ любви и браковъ, владыкой ясной погоды, урожая нивъ, благосостоянія смертныхъ. Фрейеромъ же древ. германцы назвали и быка,—у насъ яръ-туръ, буй-туръ. (Аф. т. I, ст. 438, 375, 662). Сестра Фрея, славянская Прія или Права (потомъ Вана) была переименована асами въ Фрею (Frau), и почиталась учредительницей земледѣлія и щедрой подательницей урожаямъ. Подобно тому, какъ у вановъ она была госпожей, домовитой хозяйкою, богиней рожденія, брака и семьи; тѣмъ же самымъ она осталась и у асовъ, и была назначена Одиномъ, какъ гостепріимная хозяйка, встрѣчать и угощать въ Валгалъ усопшихъ героевъ. (Аф. т. I, 555, Gulf. p. 266, 268).

15) Появленіе сѣвернаго іотна къ асамъ, тотчасъ же по окончаніи ихъ войны съ ванами, съ предложеніемъ устроить имъ ледяную крѣпость, достаточно объясняетъ, что асы были вынуждены оставить цвѣтущую страну вановъ и удалиться на сѣверъ,—покинуть и красное полуденное солнце, и начатки заведеннаго ими хозяйства,

собою имъ славянской Фреей. Только благородное мужество и грозная сила громовицка Тора спасаетъ ихъ отъ вѣчной зныи. Торъ идетъ съ ними; а гдѣ онъ, тамъ еще есть надежда на весну и дѣто. Но онъ уже впередъ предсказываетъ асамъ, что въ новой отчуждѣ они скоро лишатся Бальдура (весеннее яркое солнце), что въслѣдствіи и исполнилось. Внезапная смерть его не дала даже доврѣть первой ихъ нивѣ; но онъ все-таки прислалъ Одину изъ мрачной Геллы золотое кольцо свое, въ ознаменованіе будущихъ урожаевъ, ставъ скудныхъ на сѣверѣ. (См. древ. Эду).

16) См. поэму Rig-veda.

17) Вообще, какъ въ скандинавской, такъ и въ другихъ аріискихъ мифологіяхъ, проглядываетъ Востокъ, въ особенности Индія; но скандинавы, какъ народъ воинственный, придали тотъ же характеръ и своей мифологіи, устроивъ въ небесахъ Валгалу для павшихъ на полѣ битвы героевъ; а трусамъ, нарушителямъ клятвъ, и вообще людямъ умершимъ не на полѣ битвы, а собственной смертью, отъ болѣзни и старости или даже не лишившимъ добровольно себя жизни подъ старость, отвелъ мѣсто въ самой глушинѣ Сѣвера, въ подземной Геллѣ. Самъ Одинъ, подражая Брамъ, принесъ себя, себѣ же самому, въ жертву: этому примѣру слѣдовали и всѣ герои, и ужасались естественной смерти. Вообще скандинавское небо имѣетъ видъ воинскаго стана, Одинъ, — браннаго вождя, свѣтлые асы и души убитыхъ героевъ, — его дружины; а небесный сторожъ, Геймдалъ, въ себѣ олицетворяетъ передовую стражу, обязанную сейчасъ же затрубить тревогу, при первой опасности отъ грозныхъ іотновъ. Какъ этотъ Геймдалъ напоминаетъ собой, ваятаго съ Востока, нашего Ивашку-бѣлую рубашку, и даже называется также бѣлымъ асомъ (ase blanc); такъ и эти великаны іотны зародились еще на плоской возвышенности Азіи, въ образахъ змѣя засухи и пожирателей облаковъ, — и подъ именемъ турсовъ (сухой змѣи) и іотновъ или іотноровъ (пожиратель), но уже оддебнѣвшими и открытыми живымъ, двинулись на Сѣверѣ. Съ тѣхъ еще древнихъ временъ свѣтлые асы ведутъ съ ними непрестанно войну; а отъ скудости почвы Полуночнаго края эти исподны стали еще ужаснѣе, благородные же асы еще воинственнѣе, что и слѣдалось источникомъ разныхъ отважныхъ завоеваній ихъ на Югѣ и Западѣ, и одной изъ причинъ паденія Славянскаго Балтійскаго Поморья. (См. ст. Эду и толкованія на нее Бергманна, въ его соч. les Gètes et la fascination de Gulf).

18) Одинъ, слѣдующій преемникомъ Водана или Вуотана, бога неба, отца бурь, слѣдился мужемъ Фригги, Фриг (дождь). Она жила въ жилищѣ, наоледенномъ пѣной, залles d'écume (отъ санскр. vāso — пѣна) т. е. въ облакахъ, похожихъ на пѣну и околотоваявшихъ землю дождемъ, почему и могла считаться слезливой. Злоязычный Локки предупреждаетъ ее въ сладострабін и въ лю-

бовной связи съ славянскимъ Фрееромъ. (Gulf. ст. 250). Одинъ впрочемъ нерѣдко совѣщается съ ней и открываетъ ей свои намѣренія; а она указываетъ ему людей, неисполняющихъ свои обязанности и иногда отговариваетъ отъ опасныхъ предпріятій, какъ напр. отъ пренія съ великаномъ Вафтрудниромъ, которое должно было кончиться смертью одного изъ нихъ. Имена Одина или собственно его свойства перечислены вполнѣ въ поэмѣ: la fascin de Gunn, и въ толкованіяхъ на эту поэмку (ст. 95, 244—250); тамъ же изложено въ подробности описаніе божественныхъ сумерекъ, т. е. страшная катастрофа гибели боговъ отъ волка Френира и другихъ чудовищъ, и возрожденіе вселенной изъ огня и воды; при чемъ самая зима называется у скандинавовъ Ветромъ, (Vetr). (Gulf. 133—138). Одинъ отдалъ ванахъ своего совѣтника Мимира, въ видѣ заложника; но въ сущности Мимиръ былъ его шпиономъ, и сообщалъ Одну все, что тамъ дѣлается, за что и заплатился ванахъ потомъ своей головою, (прич. Берги. къ поэмѣ Voluspa). Святovitъ, какъ преимущественно богъ земледѣлія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Солнце. По нашимъ повѣрьямъ, оно выѣзжаетъ на Ивана-Бупалу въ колесницѣ, на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ; а въ дни поворота на лѣто, наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; тогда оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу. «Народъ сочеталъ съ этой древней богиней имя Коляды и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ маленькомъ возоку, на воропаномъ конечку». Въ прежніе годы даже существовалъ обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку. Впрочемъ также и кулау, называемую Бупалой и Мареной. во время лѣтняго солнечнаго поворота, также наряжаютъ въ женскіе уборы; а у бѣлоруссовъ въ Ивановъ день выбирается для этой роли самая красивая въ деревнѣ дѣвушка, которую, обнаживъ, подруги опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ. Болгары же увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ Солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; а по выраженію русскаго народа, оно тогда играетъ, пляшетъ и мечется во всѣ стороны». (Аф. т. III, ст. 717, 723, 726, 731). Самый обрядъ ряженья (на святкахъ) г. Афанасьевъ объясняетъ древнѣйшимъ возрѣніемъ на грозовые тучи, какъ на стада различныхъ животныхъ и звѣринныя шкуры. (Т. I, ст. 717—719). По мнѣнію поселянъ, въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенья (т. е. когда Солнце ужъ выѣдетъ въ телѣгѣ на лѣто,) отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣ-

лебную силу; на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь мѣръ: о чемъ помолимся отверстому небу, то и сбудется. Чтобы видѣть, какъ отворится небо, сербы выходятъ въ богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до разсвѣта. У лужичанъ наканунѣ Рождества Христова дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, въ одной рукѣ съ узломъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой съ вѣткой, къ которой привѣшенъ звонокъ, обходитъ дома. (Аф. т. 3, ст. 741, 742). Въ честь возрожденія или воскресенія Солнца, наши предки зажигали также и зимой, по городамъ и селамъ, костры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь еще зажигаютъ ихъ по берегамъ рѣкъ, въ ночь на 12-е Декабря. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется: бадній день, отъ слова баднякъ, означающаго дубовую сырую Коляду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ (Тамъ же, ст. 732, 733) Коляда (calendae), Овсень (Фрейеръ, Усень, отъ санскр. кор. ush) и Плугъ, призывались въ эти дни народомъ; Плугу кликали, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни; равно какъ и двумъ первымъ. Въ Колядѣ г. Афанасьевъ видитъ Громовника; а въ Овсенѣ—бога, возжигающаго солнечное колесо, другими словами того же Громовника, такъ какъ это возжиганіе исполнялъ онъ же, буравя своей палачей дерево-тучу. Въ честь Коляды у насъ и теперь поются колядки и щедривки; также особаго рода пѣсни и въ честь Овсени. (Тамъ же, стр. 738, 747, 748, 752).

19) Древнѣйшій богъ воздушнаго океана, Варуна-Воданъ, почитался богомъ войны и земледѣлія, какъ божество - Небо, насылающее бурныя грозы на землю и проливающее благотворный дождь для ея плодородія. Скифы поклонялись ему въ образѣ большого меча, вѣроятно, первообраза всѣхъ чудесныхъ богатырскихъ мечей въ нашихъ и другихъ преданіяхъ. Мечъ этотъ былъ воткнуть рукояткой въ землю, а остріе его изображало собой какъ молвію, такъ и плодотворный лучъ солнца. Когда новые боги замѣнили простое изображеніе мифическаго божества священнымъ этотъ мечъ исчезъ, и только въ IV ст. по Родл. Христ. Атилл, когда ему принесли мечъ, найденный пастухомъ въ землѣ, сумѣлъ заявить, что это мечъ бога-Неба, ниспосланный ему на завоеваніе вселенной. Между тѣмъ богъ Воданъ какъ бы раздвоился на два образа, на Святовита, преимущественно бога земледѣлія, хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и всѣ свойства бога Ареса, и на Одина, болѣе бога войны, тѣмъ земледѣлія, такъ какъ собственно богомъ земледѣлія у скандинавовъ былъ заимствованный богъ Торъ. Древніе боги не могли идти противъ вѣлній Судьбы, и самъ Зевесъ трепеталъ передъ всеильнымъ Fatum. Мечъ Одина наносилъ подъ конецъ смерть всякому, кто владѣлъ имъ. Никто не знаетъ, что шепнулъ Одинъ на ухо жертвѣ Бальдуру, возлагая его на

костерь для сожженія; и владѣя этой тайной, Одинъ всегда долженъ былъ имѣть преимущество въ преніяхъ съ хитрыми титанами, чѣмъ онъ и воспользовался въ преніи съ Вафтрудниромъ, который на вопросъ Одина, объ этой тайнѣ—не могъ дать ему отвѣта и тотчасъ же призналъ въ немъ бога асовъ. Предсказаніе Одина о новой вселенной, послѣ паденія боговъ, изложено вполне въ поэмѣ: *la fascination de Gulfi*.

«Rousse-des-Alfes met au monde une fille unique,
Avant qu'elle soit atteinte par Fenrir;
Quand les Grandeurs auront peri, cette Vierge
Parcourra les chemins de sa mère... и т. д.
Tout mal disparaîtra: Baldur reviendra и т. д.

Эта *Rousse-des-Alfes* есть также названіе богини *Sol* (солнце), — что значить, что тогда будетъ новый свѣтъ, новое солнце, новые люди. (*Fasc. de Gul. p. 137, 138—341*).

20) Локи, самый ловкій и коварный изъ асовъ, нѣкоторыми нашими изыскателями примѣняется къ нашему Лухавому. Онъ безпрестанно старается вредить богамъ и Одну, даже открыто ругаетъ ихъ и высчитываетъ слабыя ихъ стороны. Последний его злой поступокъ заключается въ томъ, что онъ самымъ коварнымъ образомъ, рукой слѣпаго Гедура (бога туманной осени), умерщвляетъ предательски красавца Бальдура, источника жизни и общаго благоденствія. За это боги присудили приковать его къ скалѣ, подобно Прометею. Локи, не успѣвши скрыться нигдѣ отъ ожидавшей его участи, оборотился сѣмгой (*saumon*) и кинулся въ воду; но Торъ и другіе асы загнули съ обонхъ береговъ огромную сѣть, изобрѣтеніе того же хитраго Локки, для рыбной ловли, — и онъ былъ пойманъ, орудіемъ своего собственнаго же изобрѣтенія. (*Fasc. de Gul. p. 327—335*).

ВЪ 5-й пѣснѣ.

1) Славянскія племена были такъ многочисленны и сильны въ Европѣ въ глубокой древности, что еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. были ужъ извѣстны и грекамъ, и римлянамъ подъ именемъ Виндовъ и Венетовъ, какъ обитатели Балтійскаго поморья; куда проникнуть они могли только, утвердившись сначала въ Восточной и Восточно-Полуденной Европѣ, на огромномъ пространствѣ между Чернымъ моремъ, Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ действительно и встрѣчаютъ ихъ впервые заря исторіи. (Ист. балт. сл., ст. 9). А потомъ славянскія поселенія простирались на Западъ, не только по Ютландскому полуострову, но и по Западной и Южной Герма-

нѣи, и были въ Нидерландахъ и въ Англїи. (Тамъ же ст. 65—69). Принимая въ соображеніе богатство и цвѣтущее состояніе ихъ позднѣйшихъ торговыхъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, можно положительно считать ихъ въ то время самымъ развитымъ и могучимъ народомъ Сѣвера, что свидѣлствуютъ и сами дѣды, сходяшіе тогда на гораздо низшей степени развитія, особенно саксы: а, какъ искуснѣйшихъ въ тѣ дни земледѣльцевъ, ихъ приглашали даже на Рейнъ, для указанія землепашества и обработки земли. Славянамъ не доставало только единства и вѣждей въ родѣ Карла Великаго, чтобы упрочить за собой это блестящее положеніе навсегда; но каждое славянское племя и здѣсь, какъ въ своей прародинѣ, (также какъ и сами Индусы) радѣло только о своей самобытности; союзы ихъ между собой были только временные, на время нападѣній или опасности, и часто кончались взаимной враждой, къ общему ослабленію. Окружавшіе ихъ сосѣди, Саксы, Датчане и Скандинавы, пользуясь этимъ разьединеніемъ, вели съ ними непрестанныя войны и даже между славянами набирали себѣ союзниковъ. Сколько упрекъ, дѣлаемый славянамъ нѣмцами, что они поэтому неспособны къ самоустройству государственному, ни кажется съ перваго взгляда основательнымъ; но если взять во вниманіе, что всѣ государства въ Европѣ устроились рукою завоевателей, то этотъ упрекъ падаетъ самъ собою. Италія и самая Германія представляли намъ до нашихъ даже временъ изъ себя картину полного племеннаго разьединенія, и только помощь Наполеона III, оказанная первой, и геній Бисмарка во второй, привели ихъ къ единству. Между тѣмъ тысяча лѣтъ тому назадъ Восточные славяне положили основаніе чисто-славянскому государству и возвели его на степень одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ. Подобное стремленіе къ прочному самоустройству было и не у нихъ однихъ; венды въ Каринтіи напр. призываютъ къ себѣ въ цари франкскаго Само; сербы, чехи и др. еще въ древности образуютъ изъ себя небольшія отдѣльныя царства. Самое порабоженіе ихъ сильнѣйшими государствами не умерщвляетъ въ нихъ духа народности, тогда какъ отдѣльныя племена, составлявшія древнюю Галлію, давно слились воедино подъ державой франковъ. небольшія славянскія племена до сихъ поръ выступаютъ очень рѣзко изъ среды своихъ завоевателей, нѣмцевъ и турокъ, и въ нихъ не угасаетъ духъ свободы и стремленія къ независимости и самостоятельности. Вначалѣ ихъ распри съ отдѣльными, также какъ и они, племенами саксовъ, датчанъ и др. не имѣли особенныхъ послѣдствій; даже послѣ знаменитой Бравальской битвы, гдѣ славяне потерпѣли полное пораженіе, они вскорѣ являлись побѣдителями датчанъ и предписываютъ имъ самыя постыдныя условія мира; только упорная сила возникшаго воедѣ нихъ государства франковъ могла окончательно разьединить ихъ и довести до пора-

боженія. (Истор. балт. слав. гл. XXV—XXIX). Какъ вѣщія скандинавскія норны имѣютъ совершенное сходство съ нашими древними дѣвами судьбы, вѣщницами: такъ и воинственныя валькириі отождествляются нашими учеными изыскателями съ слав. вилами, такими же воинственными дѣвами; пожалуй, даже и норны, и валькириі, и вилы одно и то же. (Аф. т. III, ст. 366, ист. оч. Бусл. т. I, ст. 231—241). Причемъ г. Буслаевъ указываетъ на сербскую сказку о чудесномъ волосѣ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, «внутри котораго было записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта. Эта чудесная дѣва вдѣвала въ иглу солнечные лучи, которыми вышивала по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ косъ». (Ист. оч. т. I, ст. 352).

2) По толкованію г. Афанасьева, ~~языкъ нашъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными демонами — великанами и дѣвками: связь эта подтверждается и сканд. тролл, которое служитъ общимъ названіемъ для тѣхъ и другихъ. Значеніе этихъ стихійныхъ духовъ потомъ перенесено было вообще на вѣщихъ людей, вѣдуновъ, вѣдьмъ, вѣщихъ (отъ корня: вѣд, вѣщ), колдуновъ, чародѣевъ, волхвовъ, кудесниковъ, знахарей, знахарокъ и пр. Такихъ чудесныхъ личностей было разсѣяно множество среди всѣхъ древнихъ народовъ, которые видѣли въ нихъ какъ бы предызбранныхъ свыше божественной силой на пользу или вредъ человѣчества. Хотя славянскія племена достаточно изобиловали ими, но по нашимъ преданіямъ, на Сѣверѣ въ особенности славились колдуны Финновъ, Чуди, такъ что скандинавы почитали ихъ учителями колдуновъ славянскихъ, отъ которыхъ переняли потомъ эту вѣщую науку и сами скандинавы. Корень чуд, по толкованію г. Афанасьева, вполне совпадаетъ по значенію съ див (свѣтить, сіять): какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться; такъ отъ перваго: чудо (мн. чудеса, чудеса), чудный, чудесный, чудиться. Какъ съ словомъ чудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ же смыслъ присоевываютъ древніе памятники и рѣченію: дивы. (Аф. т. III, гл. XXVI). «Скандинавскія саги упоминаютъ про мѣхъ (vedhrbelgr, wetterbalg), которымъ когда потрясали, въ то же мгновеніе возставала грозная буря. Финскіе колдуны, по народнымъ разсказамъ, завязывали вѣтры въ кожаные мѣшки и продавали ихъ морякамъ въ запасъ на дорогу. (Аф. т. I, ст. 312). «Вертящіеся вихри называются чертовой свадьбой; если бросить въ такой столбъ вихря освященный ножъ (символь молніи), то можно пригвоздить ихъ бѣса къ землѣ. Теплыя, весенніе вѣтры—отъ добрыхъ духовъ, а вьюги и мятели отъ злыхъ». (Тамъ же, ст. 330). Финскіе колдуны не менѣе извѣстны заговариваніемъ крови и змѣй: такъ какой-то чудесный старикъ заговариваетъ кровь и издѣлываетъ рану у Вейнемейнена, простымъ разсказомъ о созданіи міра; а финскій герой Ла-~~

никайнень заговариваетъ и разгоняетъ змѣй разказомъ о ихъ происхожденіи... (Калев.). Неизвѣстно изъ сканд. преданій долго ли жилъ у вановъ ютнъ Мимиръ въ заложникахъ, покуда получилъ отъ нихъ достойное возмездіе за свое шпіонство; но надобно думать, что Мимиръ жилъ у нихъ немалое время, потому что въ гораздо позднѣйшей Вилькина-Сага онъ смѣшивается еще съ кузнецомъ Региномъ или замѣняетъ собой послѣдняго; значить, можно предположить, что онъ тогда былъ живъ въ народѣ, — и витязь Зигурдъ могъ быть даже, по кузнечному ремеслу, ученикомъ его. Въ нашихъ преданіяхъ не сохранилось сказаній о Мимирѣ, если не предположить, что Микула указываетъ также на него (въ видѣ кузнеца Ильмаринена), посылая Святогора на Сѣверъ; во всякомъ случаѣ, вліяніе финскихъ знахарей вообще, которыхъ ютнъ Мимиръ есть родоначальникъ и представитель, на нашихъ колдуновъ, и значеніе ихъ въ нашемъ древнемъ народѣ, было немаловажное, судя по нашимъ лѣтописямъ, что изображаютъ тамъ высшихъ знахарей, къ которымъ наши предки особенно стремились, какъ для врачества, такъ и для гаданій. Въ нашихъ сказкахъ такъ много колдуновъ и вѣщихъ змѣевъ, что между ними нелегко найти Мимира или Регина и брата его, змѣя Фафира; хотя, по всей вѣроятности, образы ихъ тамъ существуютъ. Замѣтимъ только, что Регинъ также братъ Отура, выдры; а этимъ послѣднимъ именемъ звали въ древности русскихъ; соединенный же съ этимъ скандинавскимъ преданіемъ мифъ о шукѣ Андвари напоминаетъ нашу сказочную шuku. (Ист. оч. т. I, ст. 273). Такое же точно сходство можетъ, вѣроятно, найтись вообще между колдунами и въ другихъ сказочныхъ преданіяхъ.

3) «Общественныя начала Балт. славянъ были уже вполнѣ выработаны и опредѣлены въ X—XII в., говоритъ г. Гильфердингъ, тогда какъ у нѣмцевъ и скандинавовъ жизнь общественная еще едва начинала развиваться. Въ XI в. гор. Волынъ велъ такую торговлю, какой не было тогда во всей Сѣвер. Европѣ. Но самый бытъ, который у нихъ такъ рано развился и установился, по существу своему былъ недостаточенъ, ибо не допускалъ народнаго и государственнаго единства; другая причина бесплодія общественной жизни Балт. славянъ была въ глубокомъ искаженіи ея началъ чужимъ наплывомъ: именно, иностранная стихія въ ихъ бытѣ, аристократія, положила начало ихъ гибели. Славянинъ пахалъ землю самъ, а женѣ поручалъ домашнія работы; германецъ (въ смыслѣ нѣмца) презиралъ хлѣбопашество, любилъ лишь войну и охоту. Но аристократическая стихія достигла впоследствии у славянъ полнаго опредѣленія: знать стала у нихъ сословіе самостоятельное, а не служебное, — аристократія, а не дружина. Бнязь не имѣлъ надъ ней прямой власти... (Ист. балт. слав. т. I, ст. 191, 197, 89, 111, 112). Нисколько не отвергая впрочемъ вліянія нѣмцевъ на славянъ, нельзя однако отвергать, что родовая знать и знать по бо-

гатству такіа же вѣрности между славянами, какъ и у другихъ народовъ: достаточно взглянуть на нашу сельскую знать изъ зажиточныхъ поселянъ; но «объ аристократіи, какъ о сословіи, которое пользовалось бы у насъ, т. е. у русскихъ славянъ, наследственными политическими правами, не было и помину». (Карновичъ, замѣчат. богат. част. лицъ въ Рос., ст. 7). Всѣ наши знатные роды, исключая потомковъ Рюрика, явились къ намъ изъ за границы, изъ чужихъ странъ, съ Востока, съ Запада и Юга: такъ это сословіе въ древности было чуждо духу и быту славянъ. «Если въ некоторые представители изъ боярскихъ родовъ, существовавшихъ во времена царя Алексѣя Михайловича, и оказываются нынѣ людьми богатыми, то начало ихъ богатства рѣдко восходитъ къ половинѣ XVII ст.,—большую же частію эти богатства недавнія, такъ какъ они были приобретены ихъ ближайшими предками только въ XVIII вѣкѣ. Начальныя извѣстія о богатствѣ Строгоновыхъ восходятъ къ первой половинѣ XV ст.; но Строгоновы вышли изъ среды предприимчивыхъ и промышленныхъ гражданъ древняго Новгорода; еще задолго до царя Ивана Васильевича Грознаго владѣли въ областяхъ Новгородскихъ обширными землями, а впоследствии въ Перискихъ предѣлахъ имъ принадлежала страна, равная по величинѣ нынѣшнему королевству Богемскому» (Карновичъ, тамъ же, ст. 35, 175). Наши Демядовы, Яковлевы, возникли также изъ простыхъ, но смысленныхъ и предприимчивыхъ людей; но исторія не упоминаетъ нигдѣ объ особенномъ значеніи въ государственномъ составѣ, кромѣ двухъ, трехъ случаевъ, водворившейся у насъ и обрусѣвшей иноземной аристократіи, что было бы совершенно несообразно ни съ образомъ нашего правленія, ни съ духомъ народнымъ. Въ нашихъ былинахъ упоминается о нашихъ-то Путятѣ, Блудѣ, Бермятѣ; но и тѣ или принадлежали къ княжеской дружинѣ, или были люди посаженіе. Всѣ же прочіе родоначальники нашихъ знатныхъ родовъ, какъ сказано выше, выходцы изъ чужихъ странъ, поступавшіе къ нашимъ вел. князьямъ или царямъ на службу, возвышенные или одаренные ихъ милостями, изъ государственнаго или народнаго имущества. «А въ такъ называемое смутное время даже столбы московскаго боярства спѣшили на перерывъ одинъ передъ другимъ выпрашивать у пол. короля Сигизмунда «деревнишекъ», униженно называя себя при этомъ его «холопами». (Тамъ же, ст. 10).

4) Первообразъ нашего богатыря Добрыни, его чудеснаго рожденія, воспитанія, дѣтства, его товарищей и главныхъ похожденій, г. Стасовъ видитъ въ индѣйскомъ богѣ Кришну, въ его чудесномъ рожденіи, воспитаніи, дѣтствѣ, товарищахъ и похожденіяхъ, и отчасти въ отрочествѣ Рамы, т. е. въ двухъ воплощеніяхъ бога Вишну. «Послѣ долгихъ странствованій по Азіи, эти рассказы попали въ наше отечество, говоритъ онъ, и здѣсь образовали тѣ пѣсни, которыя мы знаемъ подъ именемъ пѣсенъ о

Добрынь Никитичъ». (В. Евр. 1862, Февр. ст. 655—669). Въ одной Телугской пѣснѣ и въ одной пѣснѣ Минусинскихъ татаръ есть впрочемъ также сходство съ этими преданіями, которое впрочемъ заключается въ натягиваніи необыкновеннаго лука, *какъ тамъ*, такъ и у насъ, въ стрѣляннѣ въ цѣль, (черты впрочемъ весьма общія во всѣхъ преданіяхъ) и въ сходствѣ нашей бѣлокаменной пещеры, въ которой запрятана змѣя наша Завава Путятшна, съ бѣлымъ камнемъ, въ который превращена мать Минусинскаго богатыря Агъ-Аю. (Тамъ же). «Массы народныя создаютъ культуру, какъ муравьи свой муравейникъ и пчелы свои соты, говоритъ г. Буслаевъ, на этомъ-то принципѣ и основывается все-мірное сходство всѣхъ народностей.» (Р. вѣст. 1874 г. Май, ст. 42, 43, См. также в прим. 11 къ 1 пѣсни этой поэмы). Въ нашихъ былинахъ, особенно въ обстановкѣ ихъ героевъ, мы найдемъ не только наслоенія времени христіанства, литвы, татарщины, но и новѣйшихъ временъ; но все таки основаніе ихъ и сущность разсказа напоминаетъ прямо тѣ Индѣйскіе первообразы, откуда онѣ происходятъ. Каждый послѣдующій вѣкъ прилагаетъ къ нимъ непремѣнно что нибудь своего; и многіе, если не всѣ, древнѣйшіе боги и герои переходятъ постепенно всѣ степени народнаго развитія и сосѣдства. Такъ г. Буслаевъ позднѣйшаго Добрыню сближаетъ уже съ Скандинавскимъ Сигурдомъ; а въ пробужденной имъ спящей валькириѣ находитъ сходство вообще съ спящими царевнами всѣхъ народныхъ сказокъ, равно какъ и въ змѣѣ хранителѣ клада сходство съ нашимъ подобнымъ же змѣемъ; и сами родственныя намъ слав. племена битву съ змѣемъ и побѣду надъ нимъ относятъ къ древнѣйшей эпохѣ расселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ. (Ист. очер. т. I, 276, 283, 284). А г. Вельтманъ называетъ эту валькирию прямо нашей царь-дѣвицей, а змѣя Фафнира нашимъ Змѣемъ-Горыничемъ. Въ этомъ разсказѣ вообще, говоритъ онъ, есть и наши старые вѣщуны, и птицы вѣщуньи, да и вся древняя Эдда пахнетъ русскимъ духомъ. (Атт. ст. 45). Г. Буслаевъ также находитъ въ пѣснѣ Эдды, о Зигурдѣ и змѣѣ Фафнирѣ, сходство съ нашей Муромской легендой, о Петрѣ и Февроніи. (Ист. оч. гл. X). Г. Бвашининъ-Самаринъ считаетъ позднѣйшаго Добрыню былиннъ западнымъ витяземъ, и отождествляетъ его съ нѣкимъ Жильберномъ, отправленнымъ кн. Владиміромъ въ Царьградъ, съ великими угрозами, за царевной Анной. (Р. в. 1874 г. Окт., ст. 792, 800). Послѣ этого самымъ естественнымъ образомъ, съ развитіемъ Кіевского княжества и государственныхъ началъ въ странѣ, Добрыня изъ древняго Зигурда и потомъ изъ Жильберна, могъ превратиться въ представленіяхъ народныхъ и въ Рязанскаго князя, какъ онъ поздѣе и называется въ нашихъ былинахъ. Что же касается до богатыря Потока или Потыка; то г. Стасовъ производитъ его отъ брахмана Руру, о которомъ разсказывается

въ Магабгаратѣ, а нашу бѣлую Лебедь, отъ его невѣсты Прамадвары, живущей также близъ воды; а дальнѣйшія похождения Потока находятъ сходными съ похождениями средне-Азіатскаго богатыря Богдо Гессеръ-Хана, который подвергается также превращенію въ чернаго осла, какъ Потокъ въ бѣль-горючъ камень, и другимъ злключеніямъ, потому что слушается коварной жены своей. (В. Евр. 1868 г. Фев. ст. 669—680). Не приводя подробностей этихъ сближеній, по краткости настоящихъ примѣчаній, дополнимъ только, что другіе наши изыскатели относятъ Потока прямо къ варяжскимъ типамъ; а въ бѣлой Лебеди г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію, — «которая, какъ водяная птица появилась Потокѣ на берегу моря, на тихихъ заводахъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ». (Рус. в. 1862 сент. ст. 36, 37). Обстоятельство же изловленія Потыкомъ въ могилѣ змѣи клещами, едва ли не объясняется разсказомъ, о томъ, какъ, засѣвши въ яму, ловятъ змѣи аспида, ухвативши горячими клещами... (Ист. оч. ст. 275, 276). Г. Миллеръ видитъ въ Потыкѣ богатыря-бродягу, гуляющаго изъ страны въ страну, а въ бѣлой Лебеди между прочимъ царевну изъ царства заморскаго. (Ил. Мур. ст. 387, 389). А г. Квашнинъ-Самаринъ находитъ его сходнымъ съ Вальтеромъ въ польск. хроникѣ Богуфала, который взялъ его отчасти съ Вальтера Аквитанскаго; родомъ же производятъ Потока, какъ и Дюка, изъ Волыни-Галича, съ Запада. (Р. в. 1874, Окт. ст. 800, 801). По его мнѣнію, Потокъ и Михайль-Базарянинъ одно и тоже; это лихой наѣздникъ въ шлемѣ и въ латахъ, лютой, гнѣвный силачъ, близкій къ типу Марка Бралевича. (Бесѣда, 1868, т. IV). Замѣтимъ еще, что позабытый прибалтійскій богатый Волниъ или Волынь у насъ въ былинахъ вообще смѣшивается съ Волыню-Галичью; и что время появленія обоихъ этихъ богатырей въ сказанномъ видѣ всего ближе можно отнести къ цвѣтущей эпохѣ на Балтійскомъ поморьѣ варяжества и сканд. чудесныхъ змievъ и валькирій, перенесенной потомъ нашими былинами, какъ и всѣ остальные преданія, къ эпохѣ Краснаго Солнышка Владиміра.

5) У насъ вообще существуетъ въ народѣ старинное повѣрье, что вѣдуны и вѣдьмы насылаютъ грозовыя тучи, бурныя вихри и градъ; а въ Западн. Европѣ, что они могутъ носиться въ тучахъ, производятъ грозы, напущать бури, дождевыя ливни и градъ. «Уже въ Индіи вѣрши въ злое вліяніе колдовства, и въ нашихъ народ. сказкахъ колдунъ и вѣдьма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ налетаютъ грозовою тучей, ударяютъ громомъ и свергаютъ молніями». (Аф. т. III, ст. 442, 446). Споры и распри между враждебными колдунами, подобны описаннымъ въ поэмѣ, очень нерѣдки въ народныхъ разсказахъ, гдѣ обыкновенно добрый колдунъ беретъ верхъ надъ злымъ или чужеземнымъ; что также подтверждаетъ мнѣніе г. Афанасьева о томъ, что въ этихъ раз-

сказахъ таится преданіе о враждебныхъ отношеніяхъ нашихъ древнихъ родовъ какъ между собой, такъ между ними и иноплеменными сосѣдями.

6) Въ дополненіе къ 37 пр: къ III пѣс: о вѣдогоняхъ, слѣдуетъ еще добавитъ, что, по народному повѣрью, если во время отбытія вѣдогони изъ тѣла, повернуть это тѣло въ другую сторону; то вѣдогонь не можетъ войти въ него обратно: потому что не найдетъ дороги. Тоже самое произойдетъ, если перестановитъ вокругъ него предметы. Духъ Одина также блуждалъ въ разныхъ образахъ во время его зимняго усыпленія, и невѣдомо гдѣ виталъ, покуда не возвращался, чтобы вновь оживить природу своимъ присутствіемъ. Во время своихъ зимнихъ превращеній въ разные образы, какъ и наши вѣдогони, Одинъ совершалъ разные трудные подвиги и дѣлалъ свои наблюденія; но наши вѣдогони употребляли все ночное время на взаимныя распри и побойща, какъ и слѣдовало въ странѣ, наполненной внутренними родовыми раздорами. Не слабѣ скандинавовъ были прибалтійскіе славяне и на морѣ; особенно славились между ними своими удалыми набѣгами Вагры и потомъ Ране, такъ что отъ нихъ не было никому ни проѣзда, ни пошады. «Плѣнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убивали. Бодричи и Лютичи также были славные мореходцы; въ особенности Лютичи любили дальнія плаванья; не разъ ходили они въ Англію...» По враждебному положенію Балтійскихъ славянъ между сосѣдними народами, главною чертой въ ихъ характерѣ была воинственность. «Нѣмецкіе лѣтописцы постоянно называютъ ихъ храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ.» Они считались самымъ воинственнымъ и самымъ свирѣпымъ народомъ на морѣ и на сушѣ. Съ военноплѣнными (т. е. съ рабами) они обращались жестоко. Они дѣлили ихъ между ратниками или продавали; всего болѣе у нихъ было рабовъ изъ датчанъ, всего безчеловѣчнѣе поступали они съ христіянами, врагами ихъ религіи. (Ист: бал. сл. т. I, ст. 34—46). При всемъ ихъ добродушіи, гостепріимствѣ и честности, славяне вообще были жадны также къ добычѣ и къ обогащенію. Скандинавскій рассказъ о смерти Гагена (Högni) и Гуннара въ гостяхъ у Аттилы, происходитъ въ странѣ гунновъ, какъ древніе скандинавы называли нынѣшнюю Россію; а превращеніе въ змѣю, которая задушила Гуннара, приписывается мифической матери Аттилы или Атли. (La saga des Nieb: dans les eddas. par E. de Laveleye, p. 252). Почему я нашелъ возможнымъ помѣстить эту характеристическую черту въ собственномъ своемъ рассказѣ, дѣйствіе котораго происходитъ въ той самой странѣ, и вѣроятно, между тѣми же племенами, между которыми произошла и трагическая смерть этихъ скандинавскихъ героевъ.

7) По мнѣнію г. Иловайскаго, названіе Геты. а слѣд. и Готы принадлежатъ разнымъ группамъ народовъ. Готы вообще имѣли

славянскія имена. Венелинъ и Вельтманъ называютъ Германриха по славянски Яромирѣмъ. Германрихъ еще въ юности былъ взятъ въ плѣнъ славянами и жилъ у Днѣпровскаго князя Исмира или Всемира. Сообразно съ толкованіемъ г. Буслаевымъ имени преемника Лѣха, героя Вышышимира, что подъ этимъ надобно разумѣть Вышыши-миръ, т. е. нѣсколько выборныхъ людей, воеводъ и кметовъ, мірское выборное управленіе; (Ист. Оч. т. I, ст. 370), можно также и въ имени кн. Исмира или Всемира видѣть весь народный міръ, у котораго знатный плѣнникъ могъ находиться на попеченіи. Воронъ, напоминающій Яромиру его высокое назначеніе, какъ конунга, почерпнуть изъ сканд. поэмы Rig-saga. Воспользовавшись случаемъ. Яромиръ или Эрманарикъ бѣжалъ, собралъ огромное войско въ своемъ отечествѣ и покорилъ всю нынѣшнюю восточную и южную Россію до Волги и Дона, въ томъ числѣ и Новгородъ (Novagor), который поэтому ужъ былъ извѣстенъ въ III, IV ст. Амедей Тьерри въ своей исторіи Аттилы описываетъ ужасныя жестокости этого грознаго завоевателя въ покоренной имъ странѣ, которая недоваля свободно вздохнуть побѣжденныхъ. (Hist d'At. t. I, p. 15—19). Что-же касается до насильственной смерти ютна Мимира, то въ скандинавской Эддѣ объ этомъ разсказывается, что ваны, замѣтивъ злые замыслы заложника ютна и его шпионство (какъ это мѣсто толкуеть г. Бергманнъ), отрубили ему голову и послали ее къ Одину. Получивши голову, Одинъ оживилъ ее своей божественной силой, и потомъ всегда совѣщался съ ней въ важныхъ случаяхъ. Просьба Мимира о дозволеніи ему спѣть предсмертную пѣсню, соответствуетъ вообще просьбамъ въ подобныхъ положеніяхъ сказочныхъ героевъ, которые трубятъ въ рогъ или поютъ пѣсню, и къ нимъ является чудесная помощь. Колдунъ Мимиръ, какъ и всѣ финскіе колдуны, поетъ свои заклинанія; но онъ забываетъ одно вѣщее или могучее слово... Такъ Вейнемейненъ, герой Калевалы, забываетъ во время заклятій три могучія слова, и долженъ идти за ними въ царство мертвыхъ, гдѣ править могучій Туони. Какъ скоро онъ ни шелъ туда, но прошелъ три недѣли, и то бесполезно: потому что Туони не сообщилъ ему этихъ словъ. А узналъ ужъ онъ всю глубину мудрости отъ Виупунена, который спалъ до его прихода, мертвымъ сномъ, подобно большой горѣ; но пробужденный Вейнемейненомъ, устроившимъ внутри его кузницу, пропѣлъ ему всѣ свои знанія. (См: Фин. поэму Калевалу).

8) Чудесный витязь Зигфридъ у скандинавовъ понималъ языкъ птицъ, отвѣдавши печени убитаго имъ змѣя Фафнира. Еще въ Индіи, одинъ молодой буддистъ Поттика, изучивъ всѣ науки и простиившись съ учителемъ, подслушалъ однажды въ лѣсу близъ Бенареса жившихъ на деревѣ пѣтуховъ и, понимая ихъ языкъ, узналъ, что кто поѣстъ твердаго мяса одного изъ нихъ, тотъ сдѣлается царемъ. (Ж. м. нар. пр. 1872, Іюнь. ст. 194). Подобныхъ пре-

даній о людяхъ, понимающихъ птичій языкъ, не мало въ нашихъ сказкахъ и даже былинахъ, напр: Иванъ Годичъ понималъ языкъ голубей. У скандинавовъ также понимали языкъ вѣщихъ вороновъ, бывшихъ на посылкахъ у Одина, и иныхъ птицъ и другіе конунги, кромѣ Зигфрида. Въ народныхъ сказкахъ есть также разсказы о крестьянахъ, бесѣдующихъ съ грозными царями и оказывающихъ имъ подъ часъ немалыя услуги, что очень можетъ быть отнесено и къ Микулѣ, представителю земледѣльческаго рода. Въстѣ съ тѣмъ, Микула есть послѣдующій образъ Перуна, которому свойственно превращаться въ мужичка съ ноготокъ, борода съ локотокъ или самъ съ перстъ, борода на семь верстъ, такъ какъ эта личность есть выраженіе молніи. Финны даютъ этому карлику золотой ножъ и топоръ, соответствующіе мечу-кладенцу и Торову молоту. (Аф. т. II, ст. 774, 775). Надобно также думать, что преданіе о священномъ мечѣ бога Неба, Водана, которому въ древности поклонялись скифы, было еще живо въ народѣ, когда явился Аттила, потому что онъ прямо воспользовался этимъ преданіемъ, чтобы утвердить свою божественную силу и значеніе въ мнѣніи народномъ и своихъ витязей. Между тѣмъ жестокости Яроміра или Эрманарика, особенно смерть жены одного знатнаго россалана, называемой Лорнандомъ Sanielh, исландскими квидами Swanhilda, а Саксономъ Грам. Swavilda, по мнѣнію г. Вельтмана, Всеволодой, по серб. нарѣчію, Свавлодой (Ат. ст. 108), которую Яроміръ велѣлъ размыкать конями; жестокости эти возбудили месть и возстаніе первыхъ Россалановъ, которые призвали на помощь Гунновъ, подъ предводительствомъ Болемира (Balamir). Еще прежде этого вѣщія слав. женщины, гадальщицы и жрицы, своей распущенностью и страшными приѣмами при совершеніи ихъ вѣщихъ гаданій вселили такое отвращеніе въ готовъ, что они выгнали ихъ изъ своего стана, такъ что, вѣроятно, имъ нельзя было показаться въ страпѣ (Fasc. de Gulf. p. 299). Вслѣдствіе этого онѣ должны были разсѣяться по степямъ, такъ какъ и безъ того привыкли къ бродячей жизни. Не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ много способствовали къ поднятію тамошнихъ племенъ на готовъ: почему и составила готская сказка, о происхожденіи гунновъ отъ вѣдьмъ и степныхъ демоновъ. Но еще до этого возстанія Эрманарикъ попалъ въ засаду, устроенную ему братьями умерщвленной Sanielh или Сванильды, которые сильно его изранили. Изъ этого, по словамъ г. Вельтмана, составила скандинавская сказка или квида, въ которой Сванильда уже называется женой самаго Яроміра, и въ которой разсказывается, что ея братья, пріѣхавъ къ Эрманарику, обрубили ему руки и ноги; но у Эрманарика осталась голова, и эта голова велѣла побить витязей каменьями. (Атг. ст. 109—112). Оттуда же заимствованъ слово въ слово разсказъ о пьяномъ Эрманарикѣ, означенный въ поэмѣ вносными знаками. Но гунны, по преданію, будто бы не

*

знали, гдѣ имъ переправиться удобнѣе черезъ топкія мѣста; чудесная серна (одинъ изъ образовъ Солнца) указала имъ бродъ; и надобно полагать, что «понимшее мужество славянъ, до того, что они принуждены были покориться Яроміру» (Ат. ст. 107). съ этого времени возникло снова: потому что Балемиръ однимъ ударомъ разрушаетъ владычество готовъ и отбрасываетъ ихъ за Дунай; а одряхлѣвшій отъ старости и ранъ, Эрманарикъ лишаетъ себя жизни.

9) Въ Аттилаѣ слѣдуетъ видѣть два образа: одинъ, историческій, — Аттила, царь гунновъ; другой мифическій; — Атль, князь красное-Солнышко. О первомъ самыя подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія находятся въ запискахъ Приска, которыя и изложены въ моемъ разсказѣ устами Ваны; о второмъ сложилось множество легендъ почти у всѣхъ европейскіхъ народовъ, особенно у скандинавовъ, бывшихъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ гуннами. «Собственное имя одного изъ скифскихъ царей, говоритъ Бергманъ, было: *Itan-tursus*, что значило, вѣроятно, — великій волкъ, въ противоположность небольшому Волку (*Vulfilas*); и это имя считалось чрезвычайно почетнымъ, какъ были почетны у Гетскихъ племенъ имена Аттилы (*les noms de Attilas*), батька, батюшка (*Petit-père*), медвѣдь (*Ours*), и пр., что произошло отъ зооморфическаго олицетворенія чудесныхъ силъ природы»... (*Fasch. de Gulf. p. 208*). Въ Нибелунгахъ Атль совершенное подобіе нашего безстрашнаго Владиміра, краснаго Солнышка, какъ онъ изображается въ нашихъ былинахъ. Вальмирія Брингильда, въ сканд. сагахъ называется сестрой Солнца и сестрой Атля; по нашимъ народнымъ вѣрованьямъ медвѣдь есть олицетвореніе Громовника, Перуна (Аф. т. I, ст. 386—391; т. II, ст. 749). Но въ нашихъ народ. преданіяхъ не осталось ничего объ Аттилѣ; кромѣ развѣ стиха, о какомъ-то неизвѣстномъ, но очень могучемъ богатырѣ, надъ семидесятью землями богатырѣ, котораго также смерть подкосила. (Рус. нар. Шепинга, ст. 127). Пожалуй, можно предположить, что онъ потомъ слился съ личностью нашего мифическаго князя Владиміра; г. Венелинъ называетъ его прямо царемъ, а г. Вельтманъ — богатыремъ кievскимъ; такъ какъ они и Савельевъ производятъ названіе Гуннавъ (*Guni, Hunni, Kunae, Qunaae, Snueni, Bялно*), отъ Кіева. А г. Гедеоновъ говоритъ: «собственную Русь, въ племенномъ смыслѣ, исландскія саги называли Кенугардъ, т. е. Кіевской областью; а въ баснословныхъ исторіяхъ или позднѣйшаго времени, Русью — *Russland*. Отсюда и двойное названіе Руси у литовскихъ племенъ, такъ какъ они понимали Славянъ (Новгородцевъ) подъ именемъ *Krewy*, а Русь подъ именемъ *Gudai*. Ни лѣтописи, ни исторія не знаютъ на Руси двухъ, другъ другу противоположныхъ, народностей, скандинавскую и славянскую. Представителями Словенъ являются Словене Новгородцы, подъ формою *Nawego*; представителями Антовъ, — Словене Русь или Росъ, подъ Финно-Уральскою формою этого

имени Athual, Athaul. Извѣстно, что у народовъ Финно-и-Монголо-Уральскаго происхожденія къ именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ прилагается нарицательное Etel, Adal, Idel, Itil (рѣка); какъ нарицательному Рось (Волга) отвѣчаетъ нарицательное Восточное Athel (flumen Ross Athel vocatum, Geogr. Nub. 243), такъ, вѣроятно, и народное Рось передавалось нѣкогда на Востокъ подъ сохранившейся у Юрландя формою Athel, Athaul, и въ позднѣйшее время Итиль является названіемъ народа (Хозарь), обитавшаго на берегахъ Волги (Fraehn, Ibn-Fossil. 64). Греки, получившіе это имя отъ готовъ (въ формѣ Anthel) или отъ Геруловъ, придали ему греч. форму Antes. Antai. У Словенъ и Антовъ, говоритъ Прокопій Кесарійскій, было сначала одно общее имя; древность провала ихъ Спорами: потому что, думаю, они живутъ разсѣянно (spogados) по землѣ своей. Славянская этимологія приводитъ насъ къ славянскому, подъ греческимъ *spogon* — сократому, имени Рось; этому имени отвѣчаетъ древнее существительное *рознь* или нарѣчіе *врознь*; игра словъ, принадлежащая, какъ видно, къ народному преданію и восходящая до глубокой древности». (О варяж. вопр. 27, 28, 37). Прибавимъ къ этому слова Нестора: «а словенскій языкъ и Русскій одно есть». Когда названія Гунновъ, Болгаръ, Аваровъ исчезаютъ въ исторіи, вмѣсто нихъ одни славяне по всей Восточной Европѣ. Кромѣ свидѣтельства нѣкоторыхъ грековъ: историковъ, что страшные нѣкогда Гунны назывались потомъ не менѣе страшными и жестокими Россами, странно также предположить, чтобы татары или монголы (какъ думаютъ вообще о Гуннахъ) явились нарочно освободить славянскую землю отъ готовъ, и, успѣвши въ томъ, не сдѣлались ея утѣснителями, а напротивъ слились бы съ ней воедино, такъ что нынѣшняя Россія у запад. сосѣдей, скандинавовъ и нѣмцевъ, называлась вообще страной гунновъ. Отецъ Аттилы носилъ имя Мундіуха, которое болѣе похоже на Литовское Миндовга, нежели на какое нибудь татарское; дядя и братъ его, и нѣкоторые изъ вождей, имѣютъ чисто славянскія имена: Болемира, Бледа или Блуда; западные наши сосѣди сносятся съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ, княземъ или вождемъ давно имъ знакомыхъ племенъ, но отнюдь не пришельцемъ съ Востока; а древнія саги изображаютъ его туземнымъ властителемъ, только очень жаднымъ до чужихъ богатствъ и владѣній. Чудесная сътъ поэтическихъ событій охватываетъ съ нимъ и нѣмецкія племена, и гунновъ, какъ племена родственныя; къ нему ѣдутъ знаменитые вожди и воины, даже христіане, на службу, съ Юга и Запада, его деревянный дворецъ становится высшей средою всѣхъ военныхъ и политическихъ событій Восточной и Западной Римскихъ имперій, славянъ и нѣмцевъ, безъ малѣйшаго намека, что это жилище или станъ какаго-то татарскаго или монгольскаго хана. Именитый римскій вождь, Авцій, воспѣтывается съ нимъ вмѣстѣ, будучи заложникомъ у гунновъ; они сно-

сятся дружественно между собой и послѣ отъѣзда Аэція въ Римъ, и онъ доставляетъ даже Аттилѣ образованныхъ людей, для его надобностей; въ чемъ, конечно, онъ и нуждался, для устройства усилившагося своего государства, одного изъ обширѣйшихъ въ славянскихъ земляхъ въ древности, въ которомъ онъ и числется и красуется, подобно позднѣйшему нашему красному Солнышку. Приведенная въ поэмѣ. внѣшняя характеристика гунновъ, касательно нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ, образа жизни, пировъ, стрижки въ кружало, заимствована изъ записки о нихъ ритора Приска, находившагося при посольствѣ императора Феодосія къ Аттилѣ. Переводъ этой записки помѣщенъ въ I т. Венелина о болгаряхъ. Встрѣтившійся Приску на улицѣ (Очигисъ), показался ему сперва сифомъ, живущимъ въ довольствѣ и роскоши; волоса его были острижены по гуннски, — *въ кружало*; а когда онъ былъ представленъ женѣ Аттилы, она сидѣла на мягкомъ ложѣ, а дѣвушки сидѣли противъ нея на полу и вышивали разноцвѣтными узорами покрывало. При немъ же, Аттилу, когда онъ возвращался изъ похода, встрѣтилъ хоръ дѣвушекъ, подъ бѣлыми покрывалами, пѣвшій Аттилѣ славу, а жена одного изъ его вождей встрѣтила его на крыльцѣ, съ подносомъ, на которомъ стояли вино и закуска. Спутниковъ Приска по всей Гуннской землѣ поили медомъ и квасомъ (*κοτ(ω)ος*), приготовленнымъ изъ ячменя. Хотя послѣдній напитокъ Ам. Тьерри, въ своемъ сочиненіи объ Аттилѣ и называетъ кумысомъ, по ошибкѣ переписчика, который поставилъ вмѣсто *ω* букву *π*; но извѣстно, что кумысъ изъ ячменя не готовится и т. д. (См. сказан. сочин. Венелина, т. I).

10) «Типъ народнаго богатыря Ивана царевича, говоритъ г. Шеплингъ, стоитъ на рубежѣ періода доисторическаго мифа и эпохи опредѣлившейся уже народной жизни. Онъ прямое божество дня и свѣта древняго язычества, и въ тоже время въ немъ чувствуется православный русскій богатырь Владиміровой эпохи; въ немъ слышится отголосокъ древнѣйшей басни про Озириса. Вакха и Адониса, и въ тоже время онъ и представитель русскаго земства со всѣми его сословными подраздѣленіями. Эпическая былина выросла на почвѣ сказочнаго мифа, вставляя въ рамки древнѣйшаго баснословнаго разсказа свои частныя народныя преданія и историческія воспоминанія. Какъ только осѣдлость получаетъ полную историческую опредѣленность и сказка замѣняется эпической былиной, общій типъ Ивана царевича распадается на множество полумистическихъ личностей, выражающихъ собой всѣ особенности сословій и мѣстностей русскаго земства. Былина передаетъ намъ народныя воспоминанія о нашей древней исторіи, — воспоминанія, вознесенныя иногда въ поэтическую область фантазій, съ ея произвольной исторіей и географіей. Какой поражающей отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа въ ска-

вочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ Индѣйскимъ!» (Рус. народн. ст. 117, 119, 121). «Какъ стихійное божество, Иванъ царевичъ самъ или рождающіяся отъ него дѣти, продолжаетъ г. Шепшингъ, представляются при рожденіи по колено ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, на лбу ясный мѣсяцъ, по косицамъ мелкія звѣзды, на затылкѣ красно солнце. Имя Ивана самое любимое и употребительное въ нашемъ простонародьи; замѣчательно, что между героями Артурова *table ronde* попадаетъ имя *Jvain* или *Owen*, схожее съ Иваномъ. (См. 27 прим. къ 2 пѣс.). Между божествомъ свѣта общечеловѣческаго мифа и православными представителями русскаго земства, во времена Владиміра, должна была необходимо существовать переходная точка, переходная личность вполнѣ русскаго богатыря, еще не лишеннаго своего полубожественнаго міроваго значенія стихійнаго Демиурга. Отождествленіе Ивана съ Микудой указываетъ на тотъ моментъ нашей доисторической жизни, когда кочевой бытъ уступилъ первенство осѣдлому земледѣлю. Съ новымъ возрѣніемъ осѣдлой жизни получаетъ и древнее сказаніе новый смыслъ и значеніе: это борьба труда и мысли человѣческой съ окружающей его природой, и покореніе ея своимъ ползаемъ и нуждамъ. Наконецъ, среди осѣдлой, устроенной жизни русскаго цародности, Иванъ выступаетъ воплощеннымъ олицетвореніемъ всего русскаго земства, почему и общій типъ его раздробляется на всѣхъ многообразныхъ, сословныхъ и мѣстныхъ представителей русскаго земства. Какъ крестьянинъ-царевичъ, онъ въ эпосѣ Владимірова періода всего ближе прикасается къ представителямъ двухъ крайнихъ точекъ земства: крестьянства, въ лицѣ Ильи Муромца, и царственнаго рода, въ лицѣ Добрыни, родственника Владиміра. Громадная сила Святогора встрѣчается и у Ивана царевича. Все здѣсь имѣетъ свое особое значеніе; даже самая неизвѣстность, въ которой оставляютъ насъ сказки о родинѣ Ивана, — что его родина вся земля русская, почему нашъ герой и носитъ по преимуществу названіе сильнаго богатыря русскаго. Въ истор. былинахъ имя Ивана, за немногими исключеньями, совсѣмъ исчезаетъ, какъ имя главнаго героя, но за то остается почти постояннымъ отчествомъ (Ивановича), какъ будто намекая этимъ на происхожденіе этихъ новѣйшихъ богатырей отъ сказочнаго ихъ первообраза». (Тамъ же, ст. 123, 125, 127, 131, 135, 126). Изъ всего этого, кажется, можно вывести прямое заключеніе, что въ нашихъ преданіяхъ какъ бы два Ивана царевича: одинъ, древнѣйшій, вочеловѣченный образъ одного изъ свѣтлыхъ боговъ древней прародины, — образъ краснаго ли Солнца, Индры ли Громовника, Кришны или Рамы, — все это сливается въ божественномъ образѣ Вишну; другой, ближайшій или позднѣйшій, богатырь собственно русскій, какъ бы сынъ перваго, сопутствующій народу или живущій съ нимъ, до позднѣйшаго времени. «Хоть не всегда Иванъ какойнибудь сказки,

говорить г. Шеппингъ. одно лице съ царевичемъ: но по созвучію именъ народная фантазія постоянно придаетъ сомненному герою царевича нѣкоторыя характерическія черты послѣдняго, — и всякую подобную сказку мы въ правѣ причесть къ числу Ивановскихъ былинъ. Къ нимъ же принадлежатъ и тѣ сказки, которыя, по своей обстановкѣ, прямо относятся къ общему типу, хоть имя героя утратилось вовсе или замѣнилось другимъ. Добрыня и Алеша Поповичъ заимствуютъ свои подвиги и похождения въ сказочныхъ преданіяхъ; представитель средняго сословія, Гостиный сынъ, сохраняетъ и чудеснаго коня бурочку-косматочку, и самое имя сказочнаго героя. (Вспомнимъ, что и въ сказкахъ Иванъ нерѣдко является купеческимъ сыномъ и торгашемъ, или нанимается къ купцу въ прикащики). Самый Илья Муромецъ, его долготѣнее сидѣнье, его поѣздки по дремучимъ лѣсамъ, а можетъ быть, и таинственная связь его съ царицей Задонской, — все это носитъ несомнѣнную печать древнѣйшаго Ивановскаго сказанія». (Тамъ же, ст. 122, 133). Стало быть, этотъ древнѣйшій нашъ богатырь припесенъ нашимъ народомъ еще изъ Индіи, и его образъ разсѣянъ по всѣмъ нашимъ сказкамъ, которыя пришли оттуда же. По мѣрѣ народнаго развитія, онъ также развивается, и наконецъ, исчезаетъ въ новыхъ богатырскихъ образахъ, которые отъ него же зародились, и, одинъ за другимъ, вошли въ народный эпосъ.

11) Всѣ эти различныя положенія Ивана царевича, соответствующія различнымъ положеніямъ самой народности, заимствованы изъ нашихъ народныхъ сказокъ, этихъ мифическихъ преданій давно-прошедшаго. Извѣстно, что Кошья безмертнаго, скифскаго князя Стрѣлу, у насъ производятъ отъ слова: Кошъ: нечистая или вражья сила, что похищаетъ сыновей Ивана царевича и ищетъ его погибели, — сначала это сила стихійная, потомъ сила кочевая, враждебная; всѣ поименованные въ сказкахъ спасители или избавители его отнесены также нѣкоторыми нашими изыскателями къ силамъ стихійнымъ; но г. Буслаевъ уже видитъ въ ихъ заоморфическихъ образахъ и настоящихъ звѣрей, и птицъ, и людей. Въ Опивалѣ и Объядалѣ г. Афанасьевъ признаетъ образы бурныхъ тучъ, стихійныхъ великановъ (т. II, ст. 703), что не мѣшаетъ однако имъ быть и олицетвореніемъ тѣхъ громадныхъ жертвоприношеній, смутно оставшихся въ памяти народа, когда поѣдались цѣлые быки и выпивались огромные сосуды или ворчаги вина и меда; какъ это дѣлаетъ и нашъ позднѣйшій Идолище былинъ, который съѣдаетъ разъ жаренаго быка и выпиваетъ котелъ меда или пива. Пожигаящая своихъ царьшиковъ баня, не есть-ли также воспоминаніе, о восточныхъ жертвоприношеніяхъ божествамъ, въ родѣ Молоха? А мифическое преданіе о гребнѣ, которое г. Афанасьевъ приравливаетъ къ молніи (т. II, ст. 156—772), не относится ли также и къ мифу о долѣ и недолѣ?.. Славянскія преданія изобра-

жають иногда острова подводнымъ царствомъ, почему и священный островъ Святовита не могъ ли въ народныхъ воспоминающихъ превратиться также въ образъ морскаго, подводнаго царства, а Святовитъ, т. е. грозный идолъ его, въ морскаго царя; что нисколько не препятствуетъ перенести сюда же и вѣщіе гусли Садко, эти древнія Буддійскія молитвы, и Вольшана, съ его древними астрологическими и гадательными книгами? (См. Рус. был. г. Стасова въ В. Евр. 1870 г. статьи о Садко и Ванькѣ, вдовкиномъ сынѣ). Наши богатыри вообще не охотники заниматься земледѣліемъ; таковъ и Иванъ царевичъ, покуда онъ не преобразуется на время въ Илью Муромца; таковъ и Марко-Кралевицъ, который изъ своей сохи дѣлаеть заставу проѣзжимъ туркамъ (повѣ. Слав., изд. г. Гербеля, ст. 78). Иванъ царевичъ есть первообразъ почти всѣхъ позднѣйшихъ богатырей: почему его свойства и приключенія существуютъ отчасти и въ Добрынѣ, и въ Ильѣ, и въ Вольгѣ, и въ Иванѣ Гостиномъ сынѣ,—особенно въ Вольгѣ и Добрынѣ, которые въ сущности носятъ на себѣ же древнійобразъ. Что же касается до упоминаемыхъ Индѣйскомъ морѣ и царствѣ, — то, кажется, можно видѣть въ нихъ страну Вендовъ на Балтійскомъ поморьѣ; а можетъ быть, и настоящія море и царство Индѣйскія, воспоминаніе о которыхъ долго могло жить въ древнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, когда древняя Индія была ихъ прародиной. Позднѣе, нѣкоторыя эпическія личности, какъ извѣстно, могли перейти къ намъ, путемъ устнымъ и книжнымъ, изъ Греціи. Такъ г. Веселовскій между прочимъ указываетъ на былинку объ Аникѣ воинѣ и Смерти, и приводитъ дальнѣйшія наслоенія въ ней со стороны нашего народа, который припуталъ къ Аникѣ и нѣкоторыя черты Ильи Муромца, готоваго повернуть всю землю, и древняго Святогора, развѣзжающаго только по высокимъ горамъ и погрязшаго по грудь подъ сумой Микуды; а прежнюю тягу земли, что лежала въ ней, христіанство превратило уже въ узелки съ землею, въ песокъ и *части св. мощей*, и т. д. (В. Евр. 1865 Апр. ст. 763—775).

12) Библейское свидѣтельство о князѣ Росѣ, исторія почитаетъ не имѣющимъ значенія; но это не мѣшаетъ этому сказанію занять свое мѣсто, какъ преданію. «Сыне челоувѣчь, утверди лице твое на Гога и на землю Магога, князя Росѣ (Ros), Мосоха и Февеля, и прорцы на ны!» (Иезекиля. XXXVIII, 2). Здѣсь прямо говорится о грозныхъ толпахъ скифозъ, дѣлавшихъ нападенія на Вавилонъ и Мидію, и въ числѣ ихъ вождей указывается на князя Роса, (см. 36 пр. къ III пѣс.) во времена еще самыхъ отдаленныхъ. «И если тогда были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?—Не полагать ли ихъ въ Роксоланахъ? Можетъ быть.» (Эверсъ). По Истархи и Ибнъ-Хаукалу, извѣстны ужъ были Восточнымъ народамъ три русскихъ племени: у перваго царь живетъ въ Буяиѣ, Кутабѣ (Кіевѣ); второе, — Славія, Новго-

родская земля: третья, — Арта, Артанія, между Хазаріей и Румомъ или Дунайскимъ Булгаромъ, — Таматарха, Тмутаравань. Тутъ же и островъ Тамань, — у арабовъ Руссія. Роксоланы, т. е. Аланы на рѣкѣ Роксъ или Росъ, народъ Сарматскій. Они помогали Дагамъ противъ Траяна; живутъ около Чернаго и Азовскаго морей, между Дономъ и Днѣпромъ, беспокоятъ римлянъ на Дунаѣ. Они вооружены длинными копьями, носятъ полотняныя корны. покрытыя роговою чешуей, на подобіе птичьихъ перьевъ. Литовцы зовутъ Ю. Русь гудасами; названіе же гетовъ принадлежитъ группамъ разныхъ народовъ: Геты — Склавины, Велегости — Гостъ или Гастъ. Когда Гунны, Авары, Болгары исчезаютъ, вмѣсто нихъ, одни славяне по всей Вост. Европѣ... (Иловайскій. Рус. Вѣст. 1873 г.). «Подъ названіемъ Гардарика исландскія саги понимали всю Русь вообще: подъ названіемъ Голмгарда — новгородскую область славянъ. Какъ народное, имя Русь есть принадлежность всѣхъ славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ словяно-русскаго союза: такъ племенное, имя Руси принадлежитъ южнымъ племенамъ, искони признававшимъ старѣйшинство Кіева, — сначала только Поляннамъ, Древлянамъ, Сѣверянамъ, и, кажется, южнымъ Дреговичамъ; впоследствии и прочимъ, слившимся съ ними юго-славянскимъ народностямъ.» (Гедеоновъ, ст. 37, 40). «О поселеніяхъ Руси на берегахъ Чернаго моря свидѣтельствуетъ Масуди, еще до кн. Владиміра: вверхъ по теченію хазарской рѣки (т. е. Волги) есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитисъ, которое есть море Руссовъ. На этомъ морѣ плаваютъ только они: ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ. Это большой народъ, не имѣющій царя и не признающій религиозныхъ законовъ.» О русскомъ морѣ говоритъ, кажется, и король Альфредъ; о городѣ Малогосса упоминаетъ Равенскій географъ въ числѣ Таврическихъ чисто греч. городовъ; въ житіи св. Кирилла говорится о евангеліи и псалтири, писанныхъ «роушькими письмены.» найденныхъ въ Херсонѣ и о бесѣдовавшемъ съ нимъ тамъ же «русинѣ»; въ нѣкоторыхъ рус. хронографѣхъ сохранилось извѣстіе о походѣ на Суроужъ Руси, подъ предводительствомъ кн. Бравлина, около половины IX в. Языческая Русь возобновляетъ человѣческія жертвоприношенія, нѣкогда совершаемыя въ древней Тавріи, на алтарѣ таврической Артемиды; замѣчательно въ разсказѣ объ этомъ выраженіе: удушіе, указывающее на общеславянскій религиозный обрядъ, кажется, тѣсно связанный съ поклоненіемъ Индѣйской Сивѣ-Живѣ. (Тамъ-же. ст. 57—62). Египетскій уроженецъ, Ахмедъ-Эль-Катебъ, свидѣтельствуетъ, что въ 229 г. (844 по Р. X.) въ Севилью, въ Испаніи, ворвались невѣрные, именуемые Русью, и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли; г. Иловайскій предполагаетъ, что этотъ походъ Руссовъ совершился изъ Чернаго моря, по Средиземному (Р. Вѣст. 1873 г.). Съ появленіемъ славянъ на

Балтійскомъ поморьѣ,—точно также, какъ на Востокѣ гунны и др., и здѣсь исчезаютъ, предполагавшіяся въ этой мѣстности, нѣмецкія племена. Какъ же это могло совершиться? Говорятъ, что нѣмцы ушли воевать въ римской имперіи,—а потому и бросили свои прежнія обиталища, миролюбивымъ племенамъ славянскимъ. На сколько это естественно, на столько же и правдоподобно. «Водворившіеся на остр. Зеландіи, Готы-Дацияне, говоритъ г. Вельтманъ, были окружены со всѣхъ сторонъ русскими областями. Во время Бравалльской битвы, морскими силами начальствовалъ русскій князь Олимиръ (Olimar). Много-различныя прозвища древней Руси или русиновъ обращались историками и географами въ различныя народы; они слыли безразлично то скифами, то сарматами, то гуннами, то булгарами, то русью. Первенство Киевскихъ князей обозначается возстаніемъ всей Руси, въ 3 в. по Р. Х. на Готовъ-Дацианъ; подъ предводительствомъ Бьянскаго князя Гано было сто русскихъ князей...» (Ат. ст. 70, 67, 93, 117). «Въ V в. тоже первенство: вся Русь поднимается сначала подъ предводительствомъ Бьянскаго князя Болемира, потомъ довершаетъ побѣды подъ предводительствомъ Аттилы. Сынъ датскаго короля, Фродо III, Фридлевъ, рожденный отъ Гануцы, дочери Гуннскаго царя, воспитывался у дѣда своего, въ Россіи (in Russia).» (Тамъ же, ст. 117—118). Въ названіяхъ прибалтійскихъ славянъ руговъ, рутеновъ, нѣкоторые видятъ также, искаженное иноземцами, названіе Руссовъ. «Нѣмецкіе лѣтописцы называютъ Ольгу — *Helena regina Rugorum*, а островъ Рую,—*Rugia sive melius Ruscia*. Прилегающій къ устью Нѣмана морской берегъ именовался русскою землею: вывести Русь изъ русской земли, говоритъ г. Геденовъ, было легко.» (0 вар. вопр. ст. 52). «Исторія, выводы лингвистическіе, соображенія здраваго смысла, продолжаетъ онъ, убѣждаютъ насъ, что варяжское имя родилось не у Норманновъ; это имя не ученое, неизобрѣтенное, не перенесенное въ раннія времена изъ позднѣйшихъ; оно жило въ русскомъ народѣ; о немъ свидѣлствуютъ какъ названія мѣста и людей, такъ и достовѣрные историческіе документы... Въ древне балтійско-славянскомъ словарѣ, въ числѣ уцѣлѣвшихъ и собранныхъ въ концѣ XVIII ст. древлянскихъ словъ, находимъ: *warang*, мечъ. Вотъ живое слав. слово, соответствующее, какъ по строенію, такъ и по смыслу словенорусскому.—*варягъ*; едва ли нужно доказывать однозначимость мечника и меча. При непрерывныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, Балтійскіе воинственные Венды, то дружили съ ними, то воевали; у Норманновъ отчаянные храбрыцы назывались *Vikingar*, у вендовъ имени *viking* соответствовало *варягъ*, варяги, почему и самое море звалось Варяжскимъ.» (0 вар. вопр. ст. 142—162).

13) См. выше, прим. 9.

14) Описаніе это славянскихъ племенъ, по ихъ мѣстностямъ,

заимствовано изъ соч. Венелина, о Болгарахъ и Саведьева, о древ. славянахъ. Всѣ поименованныя племена, въ томъ числѣ и Боевъ, они причисляютъ къ племенамъ славянскимъ. Не опровергая и не поддерживая этого воззрѣнія, можно однако согласиться, кажется, что всѣ древнія народныя или племенныя названія, въ которыхъ слышатся прозвища ваковъ и виндовъ, должны неоспоримо принадлежать племенамъ чисто славянскимъ. Къ такимъ мѣстностямъ относится и Винделиція, страна въ Германіи, гдѣ жили древніе франки (нынѣшняя Франконія). Г. Бергманъ полагаетъ, — «что родовое имя Frank произошло отъ Frau (господинъ, слав. Правъ или Прій), собственное имя слав. божества, (р. Frauink, issu de Frau); а отъ этого и имя Франковъ (Franks), которые, живя въ сосѣдствѣ славянъ, имѣли полное право производить свой родъ отъ ихъ божества, тѣмъ болѣе, что франки, поселившіеся потомъ на Рейнѣ, назывались Volsings, (происходящими отъ Волоса), отъ слав. бога Волоса (Vols), который почитался сыномъ Frau (Прія)». (Fasc. de Gulf, p. 26). «Этого-то бога Fro (господинъ) нѣмецкія племена, вѣроятно, и называли Hlav-Verts (кормильцемъ, Donne-pain, laib-wirts). Франки воздвигли Волосу престолъ (un autel) и сдѣлали на этомъ престолѣ руническими буквами, заимствованными изъ греческой азбуки, слѣдующую надпись: «Волосу, сыну бога-Кормильца», — (fils de Hlav-virt). Римляне, обитавшіе на Рейнѣ, слыша отъ франковъ, что слово Voloss значитъ бродячій (пастухъ?) и видя на его престолѣ надпись греч. буквами, вообразили, что Волосъ никто другой, какъ греческій герой Uluss (Ulyss), сынъ Лаарта, символъ бродячаго Солнца (V. Tacit, Germ. c. 3), и что Улиссъ, достигнувъ во время своего странствованія береговъ Рейна, сдѣлался родоначальникомъ этихъ Volsings». (Les Gët, p. 200). Дѣйствительно, Велесъ или Волосъ, — богъ чисто славянской: онъ только особое прозванье Громовника, какъ пастыря небесныхъ стадъ, облаковъ, онъ же у славянъ и богъ поэзіи, — Баянъ называется «Велесовымъ внукомъ». Подобно греч. Аполлону, онъ пастухъ, скотій богъ, и занимаетъ второе мѣсто за Перуномъ. Вечерадъ сравниваетъ его съ Паномъ. У чеховъ существуетъ поговорка: zbletèt nèkam za morè k Welesu, пропасть невѣдомо куда. Въ Рязанской губ. велесъ (велѣць) означаетъ распорядителя, укащика, подобно тому, какъ санскр. go—ra, сначала означаетъ пастуха, а потомъ родоначальника, царя. Отъ санскр. же корня pa (pasco, пасти), происходятъ: Pan, — богъ пастуховъ у грековъ и римлянъ, и славян: панъ, — господинъ и пастырь; послѣдній, не только какъ пастухъ, но и какъ священникъ и царь пастыри народа. А какъ земные урожаи зависятъ отъ дождя, проливаемаго небесными стадами, тучами; то Велесъ почитается у насъ и богомъ земледѣльцевъ: почему и существуетъ извѣстный обычай, завивать Волосу бороду, т. е. оставлять въ полѣ кустъ несжатого хлѣба, Волотѣ на бородку». (Аф. т. I,

ст. 474, 401—402. 691—696, 697, 698). Венелинъ же полагаетъ, и нѣкоторые другіе съ нимъ, что какъ римляне назвали вообще слав: и нѣм: племена, жившія между Рейномъ и Эльбой, Германіей, т. е. бравонщиной, по ихъ родственному сходству между собой; такъ точно они дали и название Франковъ жителямъ слав. земли Випделлиціи, т. е. людей свободныхъ: такъ какъ они не имѣли надъ собой во главѣ князя, чего почти не встрѣчалось между другими славянскими племенами. Весьма возможно, что франки соорудили алтарь Велесу, какъ родному божеству, а можетъ быть, какъ и своему родоначальнику, такъ какъ еще древніе скифы считали себя происходящими отъ бога Солнца. Что же касается до надписи руническими буквами, то и у славянъ были также своего рода руны, полученные отъ грековъ Ольвіополя. Черноуонецъ Храбръ (XIII в.) говоритъ: «прежде оубо славяне не имѣли писменъ, нѣ чрхтами и нарѣзми чтѣху и гадаху еще ещѣ погани». Отсюда видно соотвѣтствіе славянской чары съ скандинавской руною. Слово же чара употребляется, какъ волшебное средство, лѣкарство, отравы (злое зѣлье), предвѣщаніе; а у чеховъ сага, саска—черта». (Аф. т. I, ст. 412).

15) Въ пастушескомъ состояніи жертвоприношенія совершались главою семейства или племени, который приносилъ въ жертву лучшихъ животныхъ изъ своего стада; а потомъ, чтобы лучше расположить къ себѣ божество, стали приносить въ жертву и значныхъ плѣнниковъ. Убивали жертвенное животное, и снявши съ него кожу, мясо жарили на кострѣ или варили въ котлахъ, сожигая отобранную для бога часть тутъ же на огнѣ или развѣшивая эти части по деревьямъ. По собранной въ особыхъ котлахъ крови, производились гаданья, а потомъ слѣдовалъ общій пиръ и попойка до опьяненія. Такъ было у скифовъ, такъ было и у древнихъ славянъ и нѣмцевъ (Les Gët. p. 274—280). У славянъ, на Балтійскомъ поморьѣ и на Лабѣ, жертвы приносились жрецами передъ идолами, передъ священными деревьями и даже передъ пнями или столбами, какой стоялъ въ Волинѣ,—и едва ли, одинъ изъ остатковъ которыхъ не стоитъ еще въ Вѣнѣ, на площади близъ церкви св. Стефана. Въ иныхъ мѣстахъ никто, кромѣ главныхъ жрецовъ, не смѣлъ вступать ни въ святилище, ни въ священныя роши, обнесенныя тыномъ; въ другихъ же скрывали отъ народа и самое лице бога или богини,—(увиѣвъ ихъ значило умереть), какъ напр. Магери-Земли. Жрецъ, заколовъ жертву, оубѣждалъ ея крови, чтобы вдохновить себя къ прорицаніямъ. Боги считались высшими владыками страны; подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ были кутины или гонгины (по мнѣнію г. Велелина, гостины), куда соирались для совѣта и пировъ. (Исг. Балг. сл. ст. 197—238). Жрецовъ приносили жертвы сами вожди, какъ видно изъ пѣсни о Забоѣ. О нашихъ русскихъ жертвоприноше-

нѣхъ осталось мало преданій; мы знаемъ только, что у насъ приносились также и человѣческія жертвы, что древніе руссы имѣли также священные лѣса, поклонялись идоламъ, источникамъ и рощеніямъ, деревьямъ. Изъ дошедшей до насъ одной древней пѣсни можно видѣть, что общественныя жертвы приносились въ священномъ лѣсу, старѣйшиной или жрецомъ; при этомъ стояли скамьи, на которыхъ, вѣроятно, садился народъ, горѣли костры, кипѣли котлы, или жертву топили въ водѣ, и т. д.

16) Извѣстно, что землевладѣльцы начали постоянно жить въ своихъ имѣніяхъ, т. е. въ принадлежащихъ имъ сельскихъ замкахъ, и что на Западѣ, въ прежнихъ римскихъ областяхъ, появились дружинное начало и самостоятельная личность, только съ нашествіемъ сѣвер. варваровъ, которые принесли все это съ собою, такъ какъ у римлянъ была только жизнь городская и всякая частная личность исчезала въ званіи гражданина и воина. (*Hist. de la civil: en Europe, par Guizot*).

17) Историческій Аттила, завоевавши всѣ страны отъ Дуная и Дона до Рейна, долженъ былъ имѣть у себя въ войскѣ представителей не только славянъ, но и самыхъ разнородныхъ племенъ, стоявшихъ еще на самой низкой степени развитія, также и племенъ ближайшаго Востока, какъ напр. хозары. Точно такую обстановку его изображена и въ героической поэмѣ: Нибелунги.

18) Семь ангельскихъ волосовъ, а по другимъ редакціямъ, два такихъ волоса, и самое имя Самсона, переносятъ насъ въ міръ библейскій; но преданіе о золотыхъ волосахъ существуетъ и въ язычествѣ. По словамъ г. Афанасьева, одна нѣмецкая сказка упоминаетъ о чортѣ-драконѣ, съ тремя золотыми волосами; та же сказка, въ норвежской редакціи, говоритъ о трехъ перьяхъ, вырванныхъ изъ хвоста убитаго дракона. И. Гриммъ сближаетъ эту сказку съ старинной сказкой о Торкилдѣ (Торѣ), который у царя вашкановъ, по ту сторону великихъ водъ, вырвалъ одинъ изъ его огромныхъ, коню-подобныхъ, волосъ. «Любуясь на золотистый извивъ молніи, продолжаетъ г. Афанасевъ, па ающей изъ черной тучи тонкой нитью на землю, древній человѣкъ выразилъ это явленіе въ поэтическомъ сказаньи о драконѣ, у котораго богъ-Громовникъ вырываетъ золотой волосъ; съ каждымъ утраченнымъ волосомъ чудовище болѣе и болѣе теряетъ свою силу. Греческія сказки утверждаютъ, что сила дракона именно заключена въ трехъ золотыхъ его волосахъ; а русская былина, связывая стародавній мифъ съ библейскимъ преданіемъ о Самсонѣ, говоритъ, что у Самсона-богатыря «семь власовъ ангельскихъ». Въ старину думали, что волосы дѣлаютъ колдуна нечувствительнымъ къ боли... «(Т. II, ст. 770—771). Затѣмъ.—«самое это приравненіе Самсона-богатыря къ древнимъ сѣверн. великанамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Святогоръ, свидѣтельствуетъ, что народная фантазія произ-

вела его изъ первобытнаго образа этого послѣдняго; а потомъ, давши ему эти золотые или ангельскіе волосы, она не задумалась сдѣлать его, какъ новую уже личность, какъ бы освященную именемъ Самсона и этими чудесными волосами, крестнымъ отцомъ Ильи Муромца, — что съ другой стороны впрочемъ истекаетъ само собою и изъ того языческаго преданія, что Святогоръ былъ нѣкогда воспитателемъ или учителемъ Ильи, въ похваткахъ богатырскихъ, какъ нѣкогда Полканъ центавръ молодаго Ахиллеса».

19) ~~Какимъ образомъ совершилось превращеніе древняго Шумана, дива или богатыря засухи, Царя-огня, въ Сухмана, лѣснаго богатыря — обрѣны — смѣлчивають.~~ Огненные начала могли въ немъ оставаться и послѣ этого превращенія, также какъ древній богъ Агни тавитъ еще въ сканд. героѣ Нёгни или Гагенѣ. «Какое бы ни было первоначальное значеніе Сухмана, говоритъ г. Буслаевъ (Р. вѣстн. 1862, Марта, ст. 35), но былина о немъ даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Также, какъ Донъ и Дунай, онъ даетъ начало рѣкѣ... Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденіи вообще воды отъ крови... Преданіе о кровавомъ потоцѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса (въ легендѣ о Егоріи)... Г. Миллеръ, подъ именемъ древняго Сухмана, видитъ другаго, новѣйшаго богатыря и причисляетъ его къ той эпохѣ, когда «поздній Владиміръ — не прежнее ясное солнышко былевое, а солнце затмившееся», — когда вокругъ князя ужъ вѣрные холоцы, этотъ позднѣйшій дворской людъ, и самъ князь считается ласковымъ, только по прежнему прозвищу». (Ил. Мур. ст. 617—620). Во всякомъ случаѣ, поклоненіе Зичу можно почитать поклоненіемъ небесному, живому, царю — Огню (Агни), сыну Солнца, отъ кого произошелъ и древній Сухманъ, образъ котораго особенно поразителенъ въ лѣсныхъ пожарахъ. (См. 5 прим. къ III пѣсн.).

20) Въ образѣ Васьки Буслаева, сына угрюмаго, строгаго посадника Новгородскаго, наши былины олицетворяютъ расходившуюся удаля Новгородской вольницы и городскихъ усобицъ. «Былины о Васильѣ Буслаевѣ, говоритъ г. Буслаевъ, всего ярче рисуютъ древній Новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народъ эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ Новгородскихъ партій и о борьбѣ съ княжеской властью партіи, народной и городской. Старчище Пилигримище уговариваетъ богатырское сердце Василья, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ; но онъ и его убиваетъ или гонитъ прочь. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западныя трубадуры; но былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юна-

шескими его увлеченіями. «Съ молоду бито много, граблено: подь старость надо душу спасти». говоритъ Василій и отправляется въ Іерусалимъ; но и тамъ не можетъ укротить своего нрава, и гибнетъ, желая смочить задомъ черезъ (чудесный) бѣль-горючъ камень». (Руск. вѣстн. 1862, Окт. 545—549). По другимъ же преданіямъ, Василій утонулъ въ морской тысячеглазой пучинѣ. Г. Миллеръ находитъ въ немъ сходство съ Вольгой Всеславичемъ, который въ одной былинѣ даже и названъ неправильно Буслаевичемъ (конечно, по ошибкѣ); а въ старшинѣ Иллигримищѣ (искаженное слово) видитъ древняго отца или сосѣда богатыря Святогора, слѣплаго старчище, многолѣтище Билогремиче, носившаго на головѣ колоколь въ триста пудовъ, ударяя въ который онъ скликалъ по темнымъ лѣсамъ свою дружину, и также напоминающаго того баличичу, что встрѣчается въ разныхъ былинахъ, а въ Новгородскихъ является крестнымъ отцомъ Василья. (Ил. Мур. ст. 193, 200, 240—241). Василій является даже и при дворѣ кн. Владиміра, въ Кіевѣ, и бьется тамъ, вмѣстѣ съ другими богатырями Владимірова круга, въ глазахъ князя, потѣшнымъ боемъ съ Дюкомъ (выходцемъ изъ Поморской Волины, древ. Волина), который впрочемъ его побѣждаетъ, какъ и другихъ богатырей, хотя Васька и «удаль необычайно есть». (Тамъ же, ст. 608). По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, Васька ищетъ также, слѣдующаго ему по наслѣдству отъ отца, посадника Буслая Буслаевича, первенства или главенства въ Новгородѣ. (Р. вѣст. 1874, Окт.). ~~Замѣтитъ кстати, что Новгородъ уже исторически извѣстенъ въ III—IV столѣтіи во время завоеваній готскаго Эрманарика, — подь названіемъ~~
 Нового

10) Какъ Васька Буслаевичъ есть представитель Новгородской вольницы, такъ Садко, богатый гость — представитель богатаго Новгородскаго купечества, издревле имѣвшаго сношенія съ западомъ. Если въ этомъ образѣ воплотилось, по мнѣнію г. Стасова, одно изъ буддійскихъ преданій, — именно, о королевичѣ тибетской поэмы, Дзанглунъ, — королевскомъ сынѣ Гедона, который отправляется въ обществѣ пятихъ купцовъ, чтобы добыть себѣ чудесный камень Чинтамани, для вспомошествованія бѣднымъ (В. Ев. 1868 г. Март. ст. 355); то буддійское ученіе начало еще за нѣсколько вѣк. до Р. Х. распространяться по Востоку, и эта легенда могла быть занесена вендами на Балтійское поморье, а оттуда потомъ въ Новгородъ, въ чьей области, по мнѣнію г. Гедеонова, были также древнѣйшія поселенія вендовъ. (О вар. вопр. ст. 160). Образовался ли нашъ славянскій Садко еще въ Волинѣ или въ другомъ богатомъ, торговомъ городѣ на балт. поморьѣ; но въ Новгородѣ онъ уже совершенно сложился въ славянской типъ отважнаго торговаго гостя Новгородскаго или Варяжскаго; онъ разбѣжаетъ по морю и потомъ по Вѣлгѣ, отъ которой привозитъ по-

клонъ Ильмену; онъ приноситъ жертву рѣкамъ хлѣбомъ-солью и частью своего богатства, онъ даже спускается въ глубь моря,— можетъ быть, въ очень отдаленныя страны приморскія, и возвращается съ безсчетомъ богатствомъ. Его чудесныя гусли принадлежать еще къ мифическимъ преданіямъ; но въ славянскомъ быту не составляютъ анахронизма; также какъ и храмы, что онъ строитъ въ Новгородѣ, и которые дѣйствительно тамъ строились во множествѣ богатыми частными лицами. Если его первообразъ и можно искать въ Индіи или въ Тибетѣ; то нашъ Новгородскій Садко могъ всего скорѣе быть воссозданъ или явиться впервые, только на торговомъ Славянскомъ Поморьѣ или въ самомъ древнемъ еще Новгородѣ.

22) Г. проф. Буслаевъ, въ образѣ древняго, мифическаго Егорія, видитъ творца, устроителя русской земли, Финскаго Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса (см. 35 прим. ко II пѣс.); но во времена христіанства, народная фантазія успѣла измѣнить, по чувству приличія, эту древнѣйшую языческую легенду, въ новую, чисто православную. Тотъ древній герой, устроитель русской земли, является ужь представителемъ, вводителемъ въ ней христіанства; онъ строитъ церкви, уничтожаетъ слѣды язычества, и посылаетъ креститься. Въ этомъ смыслѣ приведено это преданіе и здѣсь; какъ оно и значится въ народныхъ духовныхъ стихотвореніяхъ. (Кал. перех. ст. 449). По мнѣнію г. Шепинга, Егорій храбрый,— мифическій полубогъ, сознательный устроитель вселенной, одинъ изъ образовъ Ивана царевича; также, какъ потомъ и Микула, богатырь-пахарь, устроитель земли русской, т. е. древнѣйшій, полумифическій представитель осѣдлаго сельскаго народонаселенія. (Рус. нар. ст. 129—131). Въ настоящихъ стихахъ, — это уже устроитель въ русской землѣ, высшей степени тогдашняго ея развитія, — начинающагося православія.

23) По нашимъ полунсторическимъ преданіямъ, виновникомъ призванія варяжскихъ князей считается Гостомыслъ, такой же старѣйшина, представитель давно осѣдлаго народа, глава рода-племени, какъ и Микула; почему ихъ образы и значеніе въ этомъ отношеніи совершенно тождественны. Гостомыслъ въ этомъ призваніи дѣйствовалъ, какъ-бы самъ Микула, для котораго внутренній миръ и порядокъ были всего нужнѣе; можно сказать, что въ настоящемъ случаѣ они оба сливаются въ одинъ образъ. Призваніемъ же князей, прежній глава народный какъ-бы уступаетъ имъ свое мѣсто въ управленіи народа, и слагаетъ съ себя свои обязанности и отвѣтственность, которые прямо переходятъ на нихъ, отнынѣ правителей народныхъ. Одинъ лишь Микула могъ дать своей странѣ единство, чрезъ призваніе князей, а не черезъ завоеваніе,— и онъ, въ лицѣ Гостомысла, двойника своего, это сдѣлалъ; завоеванія начались уже позже.

24) Микула Селяниновичъ, т. е. пашъ сельскій народъ, остав-

ленный исторіей и сложившимся государствомъ еще въ сумракъ преданій, лишенный столь долгое время возможности выдти на свѣтъ Божій, живетъ, конечно, и понынѣ въ своемъ воображеніи подѣ впечатлѣніями сказочнаго прошедшаго. У него своя исторія и, пожалуй, свои особыя вѣрованія, потерявшія давно всякое значеніе въ глазахъ людей образованныхъ. Самые богатыри еще живы, исключая тѣхъ, которые уплыли еще въ древности въ воздушныхъ ладьяхъ или тучахъ въ небесное царство Рода или окаменѣли на землѣ. Но послѣдніе также живутъ въ подземныхъ пещерахъ, и только ждутъ поры-времени, когда имъ будетъ можно явиться опять на свѣтъ вольный. Подсмотрѣвъ вначалѣ времени, что дѣлается у боговъ на небѣ, народъ перенесъ эти впечатлѣнія на землю. Вѣроятно, и прежде Кіева были мѣстности, священныя для народа, гдѣ онъ сосредоточивалъ боговъ и полубоговъ своихъ, и старшихъ богатырей, напр. Руйный островъ и другія мѣста. Кіевъ, среда старины, колыбель христіанства, мѣсто-пробываніе любимаго народнаго князя, котораго народъ почти одного и запомнилъ въ древности, замѣнилъ собой въ его воображеніи всѣ помершія въ христіанствѣ священныя мѣста древности, и сдѣлался русскимъ Асгардомъ, жилищемъ краснаго Солнца и его сподвижниковъ, — древнѣйшихъ преданій, уже золотыхъ зарей православія. Древніе боги превратились въ богатырей и обыкновенныхъ князей; языческіе образы начинаютъ смѣшиваться съ христіанскими, чудесное сливается съ преданіями историческими, — и все это вмѣщается въ стольномъ Кіевѣ, единственномъ мѣстѣ, что народъ нашелъ того достойнымъ. Доисторическій періодъ здѣсь раздвигается до начала времени и потомъ сливается съ исторіей; Донъ и Дунай истекаютъ кровью, Святогоръ-титанъ сидитъ возлѣ князя Владиміра, и въ тоже время, небо меркнетъ надъ Кіевомъ, отъ коннаго пара, облегающихъ его татаръ, литовцы и ляхи съѣзжаются на пиры Владиміровы. Иногда Кіевъ смѣшивается даже съ Москвою, древнѣйшіе языческіе образы совсѣмъ облекаются въ христіанскіе; но иначе и не могло быть: въ фантастическомъ Кіевѣ встрѣтились тѣ и другіе, и потомъ слились между собою, и окаменѣли, какъ тѣ богатыри, которыхъ высшая сила христіанства замкнула наконецъ въ пещеры. Микула не могъ поступить иначе, и этотъ чудесный Кіевъ сталъ послѣднимъ его творчествомъ въ области всѣхъ древнихъ его преданій.

25) См. выше, прим. 10.

26) Преданія о сядняхъ начинаются еще въ Индіи; у насъ также, еще до Ильи, былъ долголѣтній сядѣнь Иванъ, крестьянскій сынъ, въ которомъ г. Шешингъ видитъ древнѣйшаго Ивана царевича. «Какъ Илья Муромецъ, такъ и Иванъ царевичъ, продолжаетъ онъ, оба представители всей земли русской, преимущественно того сословія, которое тѣснѣе другихъ трудомъ своимъ непосредственно

связано съ землею». (Рус. нар. ст. 133, 134). Чудесная брага или вода, напившись которой, по требованію таинственныхъ пришельцевъ, Илья сталъ на ноги и мгновенно получилъ свою богатырскую силу, ведетъ свое начало еще отъ живой воды небесныхъ облаковъ, посредствомъ которой оживляется вся природа. «Чудодѣйственное пойло, говоритъ г. Буслаевъ, мотивъ обыкновенный не въ однѣхъ рус. сказкахъ». (Рус. вѣс. 1862. Сент. ст. 45). Но съ христіанскимъ развитіемъ народа, въ этомъ питъѣ слѣдуетъ представлять высшую исцѣляющую и обновляющую силу; по инымъ нашимъ преданіямъ, Илья подымаетъ съ сидѣнья Христосъ съ однимъ изъ апостоловъ или съ Николаемъ чудотворцемъ. Такимъ образомъ мифическая живая вода превращается въ воду жизни, въ духа свѣта и разумія. «Подновляя доисторическое преданіе христіанскими идеями, продолжаетъ г. Буслаевъ, народъ рассказываетъ даже, что Илья Муромецъ и сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ своего дѣда, ушедшаго въ монастырь, въ Киевъ, и будто бы Илья и всталъ впервые на ноги, когда возгласили въ церкви: Христосъ Воскресе, въ ночь на свѣтлое воскресенье, такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ Ростовскимъ объ Аврааміи... (Тамъ же, ст. 45). Илья Муромецъ, въ которомъ олицетворились древній Перунъ и потомъ Илья пророкъ, покровители земледѣлія, и какъ герой, родившійся изъ крестьянъ, прежде всего и заявляетъ свои богатырскія силы въ трудахъ земледѣлія. Прежде всего онъ является богатыремъ-земледѣльцемъ, и этимъ показываетъ, что онъ преемникъ мифическаго Миккулы Селяниновича. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильей: такъ, даже древнѣйшія преданія о переворотахъ, совершившихся нѣкогда въ самой природѣ, муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ, говоритъ г. Буслаевъ, Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ, въ честь его воздвигнутый: такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами». (Тамъ же, ст. 46).

27) Первообразъ знаменитаго коня богатыря нашего Ивана, гостинаго сына, г. Стасовъ находитъ въ индѣйскомъ божественномъ конѣ Уччасравасъ, что значитъ, къ наводреннымъ ушамъ — сынъ облака, конь индры, — какъ бога воздуха и времени года. Двѣ сестры спорятъ о немъ и бьются объ закладъ, — впрочемъ не о скорости его бѣга, а о черной или бѣлой его масти, что указываетъ на космическія подробности. По смыслу разсказа, свѣтлый цвѣтъ долженъ побѣдить черный, т. е. бѣлый конь обогнать вороного. Въ этомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ Магабгаратѣ, рѣчь идетъ только объ одномъ конѣ; но въ сказкахъ Сомадевы говорится уже о нѣсколькихъ коняхъ... (В. Евр. 1868). Конь Уччасравасъ едва

ли не можетъ считаться и первообразомъ кобылки Микулиной; кобылка эта называется: Обнеси голова и Подыми голова; а конь Магабгараты, съ наостренными ушами; она же почитается и родоначальницей чудесныхъ коней Ильи, Добрыни, Дюка и Чурилы; но въ числѣ ихъ коня Ивана гостинаго, бурушки-каурушки, не упоминается. Объ этихъ коняхъ, также о чудесныхъ мечяхъ и стрѣлахъ нашихъ былинь, см. Рус. гер. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862. Сент. 94, 97, 98, 99).

28) Вооружившись богатыремъ, Илья Муромецъ отправляется какъ будто прямо въ Кіевъ, куда ужъ тянетъ всѣ живыя силы земли русской; однако мы видимъ его вдругъ на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ какъ бы запасается силой и подвигами, чтобы предстать въ Кіевъ богатыремъ извѣстнымъ, достойнымъ своего призванія. По одному сказанію, онъ получаетъ богатырскую силу еще дома, въ селѣ Барачаровѣ; «по другому, говоритъ г. Буслаевъ, Илья наследуетъ силу отъ Святогора, который, въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служить какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и Муромскимъ богатыремъ». (Рус. вѣст. 1862. Сент. ст. 47). Едва ли эти сказанія не пополняютъ одно другое: принявъ силу нравственную, духовную, которая подняла Илью-сидня на ноги, Илья долженъ еще усвоить богатырскія хватки или приемы силы богатырской, физической, или дополнить эту силу силой нравственной, если Илья былъ знакомъ съ Святогоромъ еще прежде сказаннаго своего сидѣнья,—какъ думаютъ нѣкоторые. И вотъ, титанъ Святогоръ учитъ его первымъ и передаетъ ему часть своей силы титанической. «Народъ какъ бы заставляетъ своихъ богатырей раздѣлять свой собственный взглядъ, говоритъ г. проф. Миллеръ, и видитъ ту рѣшительную необходимость переимѣнить ихъ, которая на языкѣ древнихъ вѣрованій носитъ наименованіе рока, судьбы. Для Святогора богатыря, по народному представленію, уже окончательно произнесенъ приговоръ,—сойти съ лица земли (Ил. Мур. ст. 245): и самъ богатырь Святогоръ дѣлаетъ Илью своимъ преемникомъ, какъ личность болѣе уже подходящую къ новой эпохѣ. Какъ Перунъ, такъ и Торъ, оба они, оставаясь покровителями земледѣльцъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и враги нечистой силы, мстители за оскорбленныхъ и угнетенныхъ. Первый даже бросаетъ громы и молніи, копья, стрѣлы и градъ, на цѣлую деревню, немилостивые жители которой не хотѣли дать ночлега Дѣвѣ Богородицѣ, во время ея странствія по землѣ. Въ этомъ преданіи, конечно, Богородица заимѣла древнее небесное божество Dēwa (Дива, нашихъ старин. памятниковъ). (Аф. т. I, ст. 225). Какъ и слѣдовало, Илья Муромецъ наследуетъ отъ своихъ первообразовъ и эти благородныя качества, и становится покровителемъ вдовъ и сиротъ, всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и врагомъ древней демонической или титанической силы.

Онъ даже не хочетъ кровавить своего меча кровью христіанской, что и исполняетъ при встрѣчѣ съ разбойниками.

29) Илья муромецъ, какъ новый образъ древняго Громовника, является изъ того древняго стихійнаго міра,—представителемъ уже новаго христіанскаго богатства. «Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихию, говорить г. Буслаевъ. Не ихъ ли должно разумѣть подъ старшими богатырями, которые неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю поѣздку?» (Рус. вѣст. 1862, мар. ст. 23). Изъ этого можно вывести прямое заключеніе и о личности Соловья разбойника. Въ то время, какъ Илья муромецъ изъ образа Перуна превращается въ образъ свѣтлаго русскаго богатыря; въ то же время народная фантазія превращаетъ и Соловья, древняго стихійнаго представителя грозы и бури, а потомъ главу дивовъ,—въ лѣснаго разбойника. Г. Квашинъ-Самаринъ видитъ въ немъ представителя вятичей, крестившихся лишь при Мономахѣ, или разбойника Могута (Бесѣда, 1872 г. IV.); а г. Буслаевъ, усматривая въ немъ также главу отдѣльнаго племени (Рус. вѣст. 1862, мар. ст. 59, 60), въ одной изъ послѣдующихъ статей своихъ говоритъ: «замѣчаніе Каспари, что высшія деревья, привлекающія на себя громовые удары, должны были естественно стать у многихъ народовъ первоначальнымъ мѣстомъ для жертвоприношеній, кажется, слѣдуетъ облизить съ обычаемъ нѣкоторыхъ дикарей селиться на деревьяхъ. Въ такомъ случаѣ, Соловей разбойникъ, гнѣздящійся на девяти дубахъ, какъ разъ, будетъ соответствовать жрецу Соловью, упоминаемому въ Якимовской лѣтописи; тѣмъ болѣе, что литовская хроника знаетъ именно такого жреца, который былъ найденъ на деревѣ въ орлиномъ гнѣздѣ, почему и названъ былъ Лыдзейко, (отъ лит. слова: lizdas, гнѣздо.» (Рус. вѣст. 1873 г. окт. ст. 746).

30) Извѣстно, что пораженіе Соловья разбойника, котораго Илья муромецъ потомъ везетъ въ торокахъ у сѣдла въ столичный Кіевъ, почитается въ народѣ главнымъ подвигомъ Ильи; почему этотъ подвигъ его и есть самый общезвѣстный. Совершивши такой подвигъ, Илья могъ считать себя въ правѣ, предстать предъ красное Солнышко Владимира и занять мѣсто въ средѣ богатырей его, въ Кіевѣ.

Въ 6-й пѣсни.

1) Съ развитіемъ въ народѣ государственныхъ началъ, древній мифическій Кіевъ, нашъ русскій Асгардъ Солнышки - краснаго и его богатырей, начинаетъ превращаться въ обыкновенный столичный городъ, мать городовъ русскихъ; а князь красное Солнышко и богатыри его—въ обыкновеннаго столичнаго князя, окруженнаго обыкновеннымъ дворомъ, и въ дружинниковъ. Старшіе богатыри, одинъ за другимъ исчезаютъ; остаются только дворъ и дружина. Въ Кіевѣ появляются золотыя маковки церквей; языческіе капища переходятъ превратились уже въ православныхъ паломниковъ; самъ Владиміръ, бывшій божественный родоначальникъ славянъ, какъ будто постарѣлъ, и въ немъ уже начались старческія брюзгливость и подозрительность. Онъ охотно слушаетъ придворныхъ льстецовъ и наушниковъ; къ старшимъ богатырямъ не имѣетъ болѣе довѣрія, да не особенно ужъ дорожитъ и новыми, которыхъ совсѣмъ заслонилъ его дворъ, князя и бояре. Печать древности еще лежитъ на его мифической обстановкѣ и на немъ самомъ, но врывающіяся уже отсюду государственныя и сословныя начала и новый свѣтъ начинаютъ придавать имъ новый характеръ и новое освѣщеніе. Илья муромецъ, по всѣмъ народнымъ рассказамъ, пріѣзжаетъ въ столичный Кіевъ именно въ эту пору, т. е. во дни уже христіанства, и самъ христіаниномъ; Самсонъ богатырь почитается крестнымъ отцомъ его. Хотя онъ и застаётъ у Владиміра еще Святогора; но это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ былинахъ анахронизмовъ: всего скорѣе, кажется, подъ этимъ именемъ надо разумѣть того самаго крестнаго отца его, Самсона. Добрыня, племянникъ Владиміра, называется уже княземъ Рязанскимъ; нѣкоторые изъ другихъ богатырей, какъ напр. Чурила, имѣютъ придворныя должности; другіе, какъ Донъ и Дунай, ѣздятъ въ дальнія страны послами или стоятъ на богатырскихъ заставахъ. Мифологія смѣшивается уже съ историческими преданьями, что и продолжается до Московскаго періода, покуда торжествующая Москва даетъ новый характеръ и странѣ, и народу, оставивши баснословный, но все-таки священный, древній, народный Кіевъ въ туманѣ.

2) Меньшая дочь Микулы, которую по древнѣйшимъ арійскимъ преданіямъ, слѣдовало бы, кажется, называть Пріей, Правой, а потомъ Ваной, (см. 24 прим. къ II пѣсни), въ нашихъ былинахъ является уже подъ христіанскимъ именемъ Марьи, — и кромя этого обновленнаго или совсѣмъ новаго имени, нѣтъ о ней больше, повидимому, никакихъ преданій. Старшая ея сестра, Василиса (Грозная), вышла замужъ за боярина Ставра; а другая сестра, Настасья, (Поленица) за Добрыню; о ней же ни слова. Но ни въ сказкахъ,

ни въ пѣсняхъ ея образъ и ея подновленное имя не исчезаютъ, и она величается суженой Ивана царевича. «Замѣчательно, говоритъ г. Шепшингъ, что какъ въ сказкахъ суженая Ивана (царевича) большею частью носятъ имя Марья, такъ и въ пѣсняхъ и въ приговорахъ народъ постоянно любитъ соединять эти два имени; таково, напр., названіе цвѣтка Иванъ да Марья, или, — Иванъ въ дуду играетъ, а Марья съ голоду умираетъ; Иванъ былъ въ ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ; Иванъ Марья не слушаетъ, и пр.

Какъ нынче Иванъ съ Марьёу
За однимъ столомъ сидятъ,
Какъ нынче Иванъ съ Марьёу
Все одни яства ѣдятъ.

Или:

Иванъ да Марья
На горѣ купались,
Гдѣ Иванъ купався,
Тамъ вода колыхався;
Гдѣ Марья купались,
Тамъ трава растилался.“

«Замѣтимъ еще, что какъ въ нашихъ мифическихъ преданіяхъ имя Ивана слилось и отождествилось съ прозвищемъ Бупалы; такъ въ купальныхъ пѣсняхъ, въ особенности въ Малороссіи, весьма часто слышится соединеніе именъ Бупалы и Маренички, Мары или Марены, бывшей нѣкогда названіемъ языческой богини осени, которое могло легко имѣть вліяніе на выборъ въ нашихъ пѣсняхъ имени Марья. Въ сербскихъ же пѣсняхъ, нашъ русскій Иванъ, что у насъ помѣщается въ пѣсняхъ возлѣ Марья, замѣняется именемъ Ильи громовержца; такъ что и Марья получаетъ значеніе Громовержцы. (Рус. народ. ст. 126). А г. Афанасьевъ говоритъ: «какъ Илья пророкъ смѣнилъ въ народныхъ повѣрьяхъ и мифическихъ сказаньяхъ Перуна; такъ точно древнее поклоненіе языческой богинѣ весеннихъ грозъ и земнаго плодородія — Фрей или Ладѣ перенесено на пречистую Дѣву-Марію: почему сербы и называютъ богородицу Огненной Маріей, и въ пѣсняхъ говорятъ о ней, какъ о сестрѣ Ильи Громовитаго. При раздѣлѣ вселенной, Илья взялъ грома небеснога, а Марија муну и стріелу; а на свадьбѣ Мѣсяца ей достался живой огонь. Илья громомъ бие, а Марія муньомъ пали: такъ возлѣ грома, олицетвореннаго въ мужескомъ образѣ, является молнія, олицетворенная въ образѣ женскомъ, — представленія, согласныя съ грамматическимъ родомъ того и другаго слова. Въ малороссійскихъ же и галицкихъ колядкахъ поютъ о Богородицѣ, что она засѣваетъ и поливаетъ землю...» (т. I

ст. 483, 486). Почему, признавъ Перуна и Ивана царевича за первообразы Ильи Муромца, слѣдуетъ заметить, что въ древнерусская жена этого послѣдняго въ нашихъ былинахъ никто иной, какъ та же Марья, древняя Прія, Права и Вана. Она выѣзжаетъ даже однажды воевать, вмѣсто своего мужа Ильи, назвавшись его именемъ и надѣвши на себя его доспѣхи; какъ одна и изъ древнихъ героинь нашихъ царь-дѣвица или Василиса, въ сказкахъ, постоянно странствуетъ и сражается, подъ именемъ Ивана царевича. Имена Ивана и Марьи вообще такъ тѣсно связаны между собою, что носившіе ихъ, Иванъ царевичъ и древняя Прія, принявши въ народѣ эти имена христіанскія, оба исчезаютъ почти въ одно время или замѣняются другими образами.

3) По инымъ былинамъ, когда Илья пріѣзжаетъ въ первый разъ къ кн. Владимиру, о немъ уже тамъ слышали, его ужъ знаютъ; по другимъ, Илью принимаетъ князь Владиміръ за самохвала, и съ перваго же свиданія Илья ссорится съ нимъ и уѣзжаетъ изъ Кіева. Г. Миллеръ относитъ эту ссору къ позднѣйшему времени (Ил. Мур., ст. 650); ссора эта возникла изъ-за того, что князь посадилъ его за столъ на низшее мѣсто. Если про Илью уже знали у кн. Владиміра; то подобная обида могла дѣйствительно показаться Ильѣ обидой предумышленной; по если онъ явился впервые, какъ богатырь еще неизвѣстный, и его пріѣздъ предупредилъ молву о пораженіи Соловья разбойника; то обижаться Ильѣ, что посадили его ниже другихъ богатырей, было нечего. Такъ и выходитъ по ходу былинъ; сначала Илья нисколько этимъ не обижается, но самъ очищаетъ себѣ мѣсто противъ князя, одно изъ почетнѣйшихъ, какъ видно, между богатырями. «Попавши въ ряды княжеской дружины, говоритъ г. Буслаевъ, Муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ ужъ не идеаль мужика-пахаря, не великанъ Селяниновичъ, а представитель сельскаго, крестьянскаго сословія при княземъ дворѣ. Это ужъ новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго Муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіанскимъ именемъ Ильи Пророка.» (Рус. вѣс. 1862, сент. ст. 54). Однако Добрыня (древній Кришна) и Чурила (древній Чуръ) должны были узнать своего прежняго товарища, отчасти даже двойника ихъ, Громовника, въ образѣ Ильи Муромца. Вотъ почему Добрыня какъ будто и намекаетъ, что онъ въ этомъ новомъ образѣ древняго Громовника еще не видывалъ, хоть и знаетъ всѣхъ могучихъ богатырей; а слышалъ только, наслышкой человѣческой, что ему въ бою смерть не писана. По этому же самому, можно думать, и самъ Илья велитъ разбойникамъ, которыхъ смирилъ онъ, передать о немъ извѣстіе Чурилѣ. Весьма естественно послѣ этого, что Илья потомъ дружится особенно съ

Добрыней; они даже крестовые братья, но разсказу былины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на начинающуюся уже сословную разнь между богатырями, въ лицѣ завистливаго поповича Алешы, этого Лопы русскаго эпоса.

4) Сохранившееся въ былинѣ преданіе о приѣздѣ сыновей Соловья разбойника, чтобы выкупить ихъ отца изъ плѣна, еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе г. Квашнина-Самарина и г. Буслаева, что народъ разумѣетъ въ этой личности также главу разбойниковъ, Могуту, или начальника какаго нибудь племени, хоть въ немъ и остается еще мифическій характеръ древнѣйшей эпохи. «Онъ составляетъ съ своей семьей особую породу; всѣ его дѣти на одно лице, говоритъ г. Буслаевъ, дочери у него вѣщія; старшая, Невея, одна изъ сестеръ лихорадожь, была даже, по преданію, перевощицей (на Дунай-рѣкѣ), какъ-бы олицетвореніемъ рѣки Смородины; сыновья или зятья его (такъ какъ они женаты на своихъ родныхъ сестрахъ), оборачиваются въ вороновъ, съ желѣзными клювами.» Г. Буслаевъ находитъ сходство въ Соловѣ и съ сербскимъ старѣйшиной дивовъ, которые, въ числѣ семидесяти, живутъ на Дивской планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. «Нѣкто Іованъ потомъ перебилъ всѣхъ семьдесятъ этихъ дивовъ; но дивскій старѣйшина вошелъ въ любовь къ матери Іована, который однако восторжествовалъ и надъ нимъ. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ змій.» (Рус. вѣс. 1862, мар. ст. 26, 60). Извѣстно также, что, по одному истор. преданію, князь Владиміръ не хочетъ казнить разбойника Могуту, а предполагаетъ заключить его въ монастырѣ, чтобы онъ кончилъ дни свои въ покаяніи.

5) Приѣхавши въ Кіевъ, Илья Муромецъ застаётъ тамъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ богатырей, и еще совсѣмъ новыя, малоизвѣстныя мифическія личности, въ которыхъ совсѣмъ уже отразился характеръ новой эпохи и даже позднѣйшаго времени. Между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе совершенно новая личность, по недавно-открытой г. Гильфердингомъ былинѣ въ Олонцкой губ.,—Илья темный. Этотъ ново-открытый богатырь какъ будто изображаетъ собой и своимъ именемъ темную сторону свѣтлаго образа и имени Ильи Муромца. Онъ сынъ темной ночи и дикой удали, какъ будто первообразъ атамана Волжскихъ разбойниковъ. И дѣйствительно, начало былины о немъ происходитъ на Волгѣ; но потомъ онъ является и у князя Владиміра, въ Кіевѣ. На Волгѣ онъ умерщвляетъ, въ разбойничьемъ наѣздѣ, своего гостепріимнаго кума, князя Карамышевскаго; а въ Кіевѣ, за этого князя отмщаетъ сынъ его, Василій Казиміровичъ, и убиваетъ Илью темнаго, въ присутствіи Владиміра, въ единоборствѣ: почему г. Квашнинъ-Самаринъ и полагаетъ, что вмѣсто слова Казиміровичъ слѣ-

дуетъ читать Барамышевичъ, такъ какъ это должна быть одна и таже личность съ Васильемъ Казиміровичемъ и Васильемъ-пьяницей нашихъ былинь. (Рус. вѣс. 1874 г. окт. ст. 777—785). Во всякомъ случаѣ, изъ этой новой былины видно, до какой степени настоящій Илья Муромецъ близокъ народному духу; народная фантазія, не удовольствовавшись его свѣтлымъ, древнимъ образомъ, создала еще, подъ этимъ же именемъ, новый типъ въ мрачномъ, разбойничьемъ образѣ. Г. Стасовъ находитъ, что первообразъ Илья Муромца въ Индѣйскомъ богатырѣ, такомъ же сидѣ, и потомъ силачѣ, Готимбрѣ; чудесная сила Илья подобна силѣ Рустема; побѣда Илья надъ Соловьемъ похожа на побѣды Сибирскаго богатыря Тана, а Соловейка на Сибирское семиглавое чудовище Тельбечень; ссора же Илья съ Владиміромъ напоминаетъ Телеутскую легенду о богатырѣ Жюню, — также преданіе о томъ-же Рустемѣ и монголо-калмыцкую поэму Дрангаріаду. (В. Евр. 1867, Апр. ст. 651—673). Весьма легко найти сходство между преданьями и легендами разныхъ народовъ; но весьма трудно предположить, чтобы нашъ народъ, для созданія любимаго своего, народнаго героя, прибѣгнулъ къ заимствованіямъ изъ чужихъ и совершенно разныхъ между собой народностей, еслибы даже и имѣлъ къ тому возможность; особенно, когда еще мифическіе памятники, свидѣтельствующіе о чудесной жизни этого, столь извѣстнаго героя, стоятъ до сихъ поръ у него передъ глазами. За тѣмъ, какъ вся былина о бояринѣ Ставрѣ заключается только въ похвальбѣ на пиру у кн. Владиміра умной женой своей и своимъ богатымъ домоу, за что Владиміръ велѣлъ посадить его въ подвалъ, но жена Ставра, старшая дочь Микулы, переодѣвшись богатыремъ-посломъ, выручаетъ мужа; такъ точно вся былина объ Иванѣ Годиныхъ, племянникѣ Владиміра, состоитъ изъ его неудачнаго сватовства въ Черниговѣ какой-то Настасьи Митріевичны, которая ужъ просватана Ющю Трипетовичу; Иванъ попадаетъ въ засаду, но потомъ убиваетъ и Ющю, и свою невѣсту. Г. Стасовъ видитъ въ Ставрѣ Сибирскаго богатыря Алтанъ-Саниъ-Салама; а въ Ставровой женѣ, — Алтанову сестру, дѣвицу, которая спасаетъ брата, положеннаго мертвымъ въ скалу, послѣ того, какъ онъ свалился съ коня. (В. Евр. 1868, февр. ст. 688—696). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что въ былинѣ объ Иванѣ Годиныхъ изображено умыканіе невѣсты; отецъ Марья, — Дмитрій, богатый гость, — Мстиславъ, кн. Черниговскій; а Ющей, — степнякъ, дружки котораго, мурзы, усѣлися, и пируютъ въ палатахъ невѣсты, когда призываетъ Иванъ. (Бесѣда, 1872, IV, ст. 14). Въ нашемъ Иванѣ гостиномъ сынѣ, г. Стасовъ видитъ двухъ героевъ Томскихъ Шаровъ, Алтынъ-Эргека и брата его Алтынъ-Таясъ, обоихъ вмѣстѣ; а въ содержаніи нашей былины о немъ, — древне-Индѣйскій рассказъ временъ брахманскихъ, чисто космическій; въ концѣ же Ивана, Бурушкѣ-каурушкѣ, кото-

рый, по выраженію г. Буслаева, дѣйствительно необычайный, — конь изъ коней, конь по преимуществу, — божественнаго коня Уччансраваса, т. е. съ наостренными ушами. Въ нашей былинѣ, держитъ руку Ивана-Гостинаго сына владыка Черниговскій, изъ чего можно заключить о ея подновленіи народной фантазіей, почему иные наши изслѣдователи и признаютъ Ивана однимъ изъ членовъ дружины кн. Владиміра, изъ торговаго сословія. (В. Евр. 1868 г. февр. 680—688). Изъ прочихъ богатырей этого цикла, г. Квашнинъ-Самаринъ въ Алешѣ между прочимъ подозрѣваетъ Ляшко, одного изъ убійцъ св. Бориса, или одного изъ польскихъ Лешекъ; древнее его отчество Ливъеньевичъ (можетъ быть, Лисничъ), и еще есть какое то древнѣйшее; а Добрыню, въ которомъ г. Квашнинъ-Самаринъ видитъ искаженіе Андриха Добренковича, упоминаемаго въ Никоновской лѣтописи, вѣроятно, родственника одной изъ чехинъ кн. Владиміра, — также Дюка, богатыря бродягу, Потына, — Алешу и Василья Казиміровича, онъ считаетъ пришедшими съ Запада. Оттудаже, онъ полагаетъ, явились Заолѣшане и Сбродовичи. Одинъ изъ нихъ Петръ Петровичъ; да и они всѣ также Петровичи, а прежде были Дородовичи. Въ XII ст. въ Польшѣ былъ панъ Петръ или Петрко, любимецъ Болеслава Кривоустаго, плѣннвиій русскаго князя Володара измѣннически. Нипра также называется Сбродовичной, и должна быть также съ Запада. (Р. вѣс. 1874, окт. ст. 786, 787, 793, 799, 800). Богатырь-Ермакъ созвученъ съ именемъ боярина Бермяты, и можетъ предполагаться потому его сыномъ; а рѣка Шать созвучна съ Путьатой, котораго потомъ замѣняетъ въ былинахъ Малиута Скуратовъ. (Тамъ же ст. 774, 775, 789). Г. Миллеръ также находитъ, что Заолѣшанъ и Залѣшанъ надобно считать заѣзжими съ Запада, удалыми молодцами; такъ какъ тамъ, откуда Владиміръ взялъ и свою Апраксию, было много дикихъ пущей, — Лѣсы, Лясы, съ производными Залѣсье, Олѣско, Олѣшище, Заолѣсье, Полѣсье, Подлѣсье, и пр., откуда въ польскій языкъ и въ западно-русское нарѣчіе перешло такое множество своеобразныхъ фамилій. Оттудаже въ пѣсняхъ всѣ Заолѣшане и Залѣшане: во 1-хъ, мужики, какъ низшій слой народа; далѣе, дворяне, — имя, которымъ наши предки любили изстари обозначать преимущественно западныхъ соплеменниковъ, шляхту, однодворцевъ, и т. п. О Хапцловыхъ до сихъ поръ не отыскано пѣсенъ; а братья Сбродовичи указываютъ, по видимому, на всякаго рода людей, такъ какъ столь у кн. Владиміра былъ для всѣхъ. (Ил. Мур. ст. 313, 330, 331, 447). Алеша Поповичъ соблазнилъ сестру Сбродовичей, Настасью, которая за это отъ нихъ убита, говоритъ г. Квашнинъ-Самаринъ, — Сбродовичи не братья-ли Опраксы? Ихъ семеро или двое. Это Збирадъ, какъ Збигневъ, Збиславъ, Зболотъ. Подобно тому, братья Петровичи изъ Кракова: одинъ въ плѣну у татаръ, нападаетъ на Кіевъ, но узнать; оба

брата ѣдутъ къ матери, въ Браковъ. (Бесѣда, 1872, т. IV). Рассказъ, о заключеніи живаго Потока вмѣстѣ съ умершей его женой въ одну могилу, напоминаетъ смутно преданіе славянъ, о сожженіи живой вдовы съ умершимъ мужемъ; только что въ былинѣ роли^м переиъшаны: мужъ поставленъ вмѣсто жены, что могло произойти отъ забвенія древняго обычая. По мнѣнію г. Бвашнина-Самарина, упоминаемый въ былинѣ Вахрамей Вахраменъ, — владѣтельный князь Волыни, близъ Кіева, гдѣ живетъ племя Дугѣбовъ, покоренныхъ за 600 л. аварами; Подолье и Волынь еще въ язычествѣ. (Бесѣда, 1872 т. IV). Если перенести эту, сосѣднюю съ Кіевомъ, Волынь на Балтійское Поморье, въ богатый городъ Волинъ, тѣмъ болѣе, что упомянутый въ той-же былинѣ, князь или король Лиходѣй Лиходѣичъ даетъ Потокѣ три корабля съ народомъ; то невольно это напоминаетъ Полнотока, послѣдняго изъ нордлюдей или норд-манновъ, имя котораго гремѣло въ свое время по всему Балт. побережью и далѣе (Hist. des Norm: par Magnié). Въ нашихъ былинахъ встрѣчается въ ту же эпоху, кромѣ жены кн. Владиміра Опраксы, не мало и другихъ женскихъ личностей, — и вдовъ, и замужнихъ; онѣ также присутствуютъ на пирахъ княжескихъ, играютъ въ тавлен и въ шахматы, и даже ссорятся между собой; тутъ жены купцовъ и боярыни. Въ Опраксѣ или Апраксѣ г. Бвашнинъ-Самаринъ видитъ искаженное имя чехини, Вальфриды, исторической жены Владиміра; также и въ имени Мамельфы, предполагаемой матери Вольги и Добрыни, — Амельфу, т. е. ту же самую Мальфриду, — значить, явившуюся также съ Запада. (Р. вѣст. 1874, окт. ст. 791, 792). Говоря же вообще о героиняхъ русскаго эпоса, г. Буслаевъ съ своей стороны полагаетъ, — «что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мифической. Въ Сѣверномъ эпосѣ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ Сѣвернаго Олимпа. Онѣ или богини изъ прекраснаго рода-племени вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькирьи, первоначально существа стахійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Впрочемъ эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величья, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной природы: потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силой и съ вѣщей мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ считать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ

зародыши гуманнѣхъ идей и благороднѣхъ стремленій. Онѣ подготавливаетъ ту плодотворную почву, на которой, при благоприятнѣхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація. Русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ, той высшей, идеальной природы женской, которой общая характеристика предложена выше. Эти благородные типы женской природы были созданы въ русскимъ эпосѣ, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ; когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, отставало еще недалеко отъ князей и бояръ. Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сбереглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна-бы направляться дѣйствительность, если-бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. И такъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того-же свѣтлаго мифическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственной, полубожественной силой.» Если татарскія пѣсни представляютъ своихъ героинь одаренными необыкновенной силой и такимъ же ростомъ, или общенародной хитростью; то у насъ, продолжаетъ г. Буслаевъ, — «женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслию и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется. —

„Умомъ умна и станомъ статна,
Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая...“

Или:

„Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лице она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).“

«По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на поворъ публики. Такъ дѣлая былина о Ставрѣ Гоудиновичѣ основана на этой мысли. Когда Ставра порядкомъ, проучили за его нескромную похвалябу, —

„Туть-то онъ болѣе не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой.“

(Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 21—23, Окт. ст. 552—554). Особенно выдаются въ нашемъ эпосѣ: эта же самая жена Ставра, Василиса (прежняя Грозная), своей богатырской отвагой, такой же ловкостью и честной любовью къ мужу; сестра ея, Настасья (прежняя Поленница), превратившаяся въ нѣжнѣйшую супругу, семейшку, у князя Добрыни; потомъ еще Василиса (вѣроятно, другой образъ первой), жена князя Даниила, о которой будетъ сказано ниже; затѣмъ, Авдотья или Марья Лиходѣевна, Бѣлая Лебедь, въ которой г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію. «Извѣстно, говорить онъ, какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ мифическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ Морскаго царя или Водяника, и его многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ». (По древнѣйшимъ представленіямъ, думали, что рѣки вытекаютъ изъ моря; предполагали даже вначалѣ, — изъ воздушнаго или небснаго океана). «Въ лицѣ Авдотьи, Бѣлой Лебеди, возсоздано мифическое существо того же разряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ мифическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыхъ пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Почему не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова, о тождествѣ старшей дочери Селянныча съ сказочной Василисой прекрасной, Василисой золотая коса, и т. п. А сказочная Василиса именно и есть существо мифическое, и по преимуществу — водное; она дочь морскаго или водянаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 36, 37). Приведенныхъ въ былинѣ о Хотинѣ, женскихъ личностей слѣдуетъ, конечно, отнести къ новѣйшему сословному наслоенію; при чемъ нельзя также отвергать, что подъ ихъ новыми образами могутъ быть гораздо древнѣйшія мифическія личности; тѣмъ болѣе, что и герой этой былинны, прежній удалой варягъ Хотинъ, представленъ въ ней какимъ-то буйнымъ, не имѣющимъ своего куска хлѣба, гулякой, сорви-головой, въ родѣ Залѣшанъ, Хапловыхъ, — воротами хлопъ, верев вонъ, и т. д.

6) Приведенное въ былинѣ, сѣтованіе Добрыни должно показаться очень страннымъ въ устахъ русскаго богатыря того времени; но если мы припомнимъ, что первоначальный его образъ есть образъ Кришны или воплощеннаго въ этого послѣдняго бога Вишну, и примемъ въ соображеніе горькое негодованіе этого божества, что каждый разъ, когда онъ ни являлся въ своихъ воплощеніяхъ на землю, всегда заставлялъ на землѣ, все болѣе и болѣе растушій между людьми, развратъ; то это, кажется, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на сѣтованіе его преемника, и оно покажется какъ

бы чуть слышнымъ отголоскомъ той божественной скорби небеснаго бога, всегда готоваго помогать людямъ и каждый разъ находящаго ихъ все болѣе и болѣе недостойными его помощи. Здѣсь сѣтованіе Добрыни можетъ относиться вообще къ упадку древняго краснаго Солнышка Владиміра и окружающихъ его личностей, сравнительно съ тѣмъ, какими онъ засталъ ихъ въ глубокой древности.

7) Нѣкоторые наши изслѣдователи находятъ, что былина о князѣ Данилѣ и вѣрной женѣ его, Василисѣ, прямо указываетъ на начало междоусобій между нашими старинными князьми. Во всякомъ случаѣ, былина эта показываетъ, что кн. Владиміръ въ то время былъ уже окруженъ не очень благонамѣренными личностями, готовыми исполнить столь гнусный поступокъ, какъ предательское убійство Данилы, чтобы отнять у него жену его Владиміру, который и самъ безмолвно соглашается на это злое дѣяніе. Одинъ крестьянинъ Илья Муромецъ, богатырь православнаго, на роднаго закона, рѣшается высказать ему правду. и за это заключенъ княземъ въ глубокой погребъ. Также только, всегда молодой Добрыня и еще какой-то богатырь, искренно оплакиваютъ погибшую отъ руки своей княгиню, и осуждаютъ поступокъ Владиміра.

8) Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что этому «древнѣйшему преданью, о борьбѣ съ исполиномъ, дана позднѣйшая сословная обстановка, пр. правленная даже нѣкоторой ироніей. Великанъ нахвалящійся оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣзжать черезъ ихъ заставу, будто насмѣялся надъ ними. Былина, продолжаетъ г. Буслаевъ, оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подѣзжая къ богатырямъ, — какъ бы съ презрѣніемъ.

„Илья бросилъ голову о сыру землю;

„При своей братѣ похваляется:

„Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ—

„Экого чуда не наѣзживалъ“.

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побойщѣ. Но въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса, Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенной любовью летѣтъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Онъ ужъ не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, который поддерживается сословной, барской чопорностью». (Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 51—60). О самомъ же великанѣ Жидовинѣ (Нахвалящикѣ),

г. проф. Миллеръ говорить, что, по объясненію покойнаго Хомякова, онъ долженъ быть изъ земли Хозарской, гдѣ, какъ извѣстно, исповѣдывалось иудейство. (Пл. Мур. ст. 457).

9) «Древность этого эпизода, говорить г. Буслаевъ, определяется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ Вельскихъ бардовъ и въ персидской поэмѣ о Рустемѣ и Заробѣ; но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о Гильдебрандѣ». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 68). «Славяне чествовали какихъ-то Берегинь, т. е. прибрежныхъ богинь, выходящихъ изъ воды на берегъ, или Горынинокъ (берегъ—гора). (Тамъ же, ст. 34). Въ этой древней эпохѣ должно отнести и таинственную связь Ильи съ царицей Задонской или съ Горыниной; но въ ту пору, по мнѣнію г. Шепинга, онъ еще носилъ образъ Ивана царевича, этого полубога, героя глубочайшей древности; иначе трудно размѣстить въ той эпохѣ, когда Илья является православнымъ богатыремъ, подобныя событія. (Рус. народн., ст. 133). Принявши новый, христіанскій образъ, Илья становится уже во враждебныя отношенія съ тѣмъ первобытнымъ міромъ и его дивами; они сами страшатся его, какъ и прежде темныя силы страшились Перуна, ихъ истребителя, превратившагося потомъ въ образъ Ильи пророка и въ Илью Муромца. «Илья отдѣленъ отъ своей вѣщей жены, продолжаетъ г. Буслаевъ, мифической преградой: и потому былина, чтобы развязаться съ далекой стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи и убить собственного своего сына. Самая таинственность этого эпизода говорить уже въ пользу его древности, и, можетъ быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъ естественными титаническими героинями. Илья является отцомъ могучаго героя,—по другимъ вариантамъ, вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или дочерью. По однимъ вариантамъ, тѣмъ дѣло и кончилось, что онъ отпустилъ свое дѣтище къ матери; Илья заплакалъ даже, глядячи на свое чадо милое; по другимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть. Муромскій богатырь разорвалъ его на двое». Г. Буслаевъ ставитъ этотъ эпизодъ даже внѣ той исторической рамы, въ которую вставлено развитіе эпическаго типа этого богатыря. (Рус. вѣстн. 1862. Сент. ст. 68, 69, 66, 67). Но если поставить этотъ эпизодъ русской былины рядомъ съ разсказами о Рустемѣ и Гильдебрандѣ, то въ нихъ найдется сходной едва ли только не встрѣча случайная отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ одинъ другаго; Гильдебрандтъ даже узналъ своего сына; и еще развѣ бой ихъ между собою, въ концѣ котораго отцы по-

бъждаютъ сыновей своихъ. Разсказъ о Гильдебрандтѣ, принадлежащій XIII ст. по Р. Х. не имѣеть даже конца. Но можно положительно сказать, что ни въ личностяхъ всѣхъ этихъ героевъ, ни въ обстановкѣ ихъ, ни въ самой борьбѣ ихъ между собою, ни даже въ развязкѣ, ничего нѣтъ общаго. Гильдебрандтъ, по новой вставкѣ, возвращается съ сыномъ къ женѣ; Рустемъ убиваетъ сына, и только тогда узнаеть, что это сынъ его; въ бою же Илья съ сыномъ, г. Буслаевъ видитъ, — «бой необычайный, бой титановъ, которые безъ усталы борятся полтора года и по колѣна погрязли въ землю». (Тамъ же, ст. 67). Почему можно даже вывести заключеніе, что разсказъ объ этомъ, едва-ли не древнѣе разсказа о Гильдебрантѣ. Илья отпускаеть своего сына (или даже дочь), къ его матери, или, за новое покушеніе противъ отца, разрываетъ на двое. Последнее придаетъ разсказу еще болѣе характеръ титаническій.

10) Г. Срезневскій находитъ, что слово калики, въ томъ же значеніи, какъ и у насъ, употребляется въ польскихъ нарѣчіяхъ и кое гдѣ въ Моравіи, въ сосѣдствѣ съ польскимъ населеніемъ, и болѣе нигдѣ у славянъ. «Во всякомъ случаѣ, если бы это слово было и славянское, въ бытѣ каликъ нашей древности не выразилось ничего исконно-Славянскаго». (Зап. ак. т. I, кн. II; ст. 206, 207. Ил. Мур. ст. 731). Г. Стасовъ выводитъ нашихъ древнихъ каликъ изъ буддійскихъ монастырей въ Индіи. Наши калики сохранили и тамошніе сумки и книжечки. (В. Евр. 1868, Мартъ). По мнѣнію же г. Срезневскаго, въ этихъ книжкахъ, можетъ быть, скрывается давній обычай давать странникамъ письменное позволеніе на странствіе съ обозначеніемъ срока, когда имъ должно возвратиться. Въ нашихъ былинахъ подъ одеждою каликъ скрываются иногда богатыри; да и вообще въ нихъ есть сторона богатырская. О такомъ каликѣ говоритъ г. Миллеръ, есть свидѣтельство въ Псковской лѣтописи, подъ 1341 г. (Ил. Мур. ст. 733). Г. Бвашнинъ-Самаринъ находитъ, что Микита Барачевецъ (тоже, что Заолѣшанинъ, житель лѣсной страны Вятчей), съ которымъ Илья Муромецъ мѣняется платьемъ, есть также Роньжа, отъ имени роньжи, птицы въ родѣ сойки, ведущей кочевую жизнь; (также, какъ и другой Заолѣшанинъ, дворянинъ, смѣшанный съ Данилой безчастнымъ, назыв. Бѣлой птицей). (Р. вѣст. 1874. Окт. ст. 796). Княгиня Опракса, выражая собой, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, женственную часть мифическихъ преданій страны, отличается особенной податливостію въ любовныхъ сношеніяхъ съ заѣзжими молодцами и даже дивами. Въ страстной вспышкѣ своей къ атаману каликъ, красавцу Касьяну, она напоминаетъ собой жену Пентефрія. Въ отмщеніе Касьяну за его благородное равнодушіе, она обвиняеть его въ воровствѣ; онъ подвергнутъ товарищами страшной казни, по ихъ уставу или условію; но высшая

сила исцѣляетъ его, и тѣмъ обнаруживаетъ его невинность; между тѣмъ княгиня, за тяжкій грѣхъ свой, заболѣваетъ чѣмъ-то въ родѣ проказы; но калика Кассьянъ, на обратномъ пути, исцѣляетъ ее. Выведенное въ былинѣ, Идолище просто на просто владеть свои руки княгинѣ Опракѣ за пазуху. Образъ его г. Буслаевъ относитъ уже къ вліянію позднѣйшей, церковной обстановки. «По сказкамъ этимъ, Идолище появился въ Кіевѣ, къ великому бѣдствію князя и жителей. Голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ косая сажень, промежъ бровей борозда со три пяди, промежъ ушей пройдетъ каена стрѣла; ѣсть онъ по цѣлому быку, пьетъ по пивному котлу. Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполнителя съ Тугариномъ: поэтому Илья Муромецъ осмѣиваетъ обжорство Идолища тѣми же словами, какъ Алеша Поповичъ Тугарина. Илья разсѣкъ Идолище пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ Полканъ Полкановичъ, который съѣдалъ за разъ цѣлаго быка, а брагу пилъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, онъ летаетъ на крыльяхъ по поднебесью». (Рус. вѣстн. 1862, Мар. ст. 25, 57, 58). По мнѣнію же г. проф. Миллера, это Идолище—является только особымъ видомъ различныхъ насильствующихъ змѣевъ, кощеевъ, дивскихъ старѣйшинъ, демоновъ, и т. п. Собственно же ему свойственная черта есть то, что онъ, соотвѣтственно своему, связывающему его съ язычествомъ, прозвищу—не хочетъ допускать въ обнасилованномъ имъ Кіевѣ «милостыни спасенныя»,—что, по народному представленію, составляетъ главнѣйшее проявленіе христіанства.» (Илья Муромецъ ст. 740). Во всякомъ случаѣ этотъ Идолище могъ быть и представителемъ древняго язычества, которое еще долго держалось въ Россіи, послѣ князя Владиміра. «Въ числѣ отиѣтокъ изъ сказокъ и преданій, записанныхъ В. И. Далемъ, продолжаетъ г. Миллеръ, значитъ, что Илья освободилъ Бинешму отъ Литвы, и вслѣдъ затѣмъ князь Бинешемскій и всѣ жители-кумирники обратились въ христіанство. Въ нѣкоторыхъ же сказкахъ мѣсто, соотвѣтствующее освобожденію земли отъ Идолища, занимаетъ освобожденіе Ильей какой-то королевской дочери отъ летавшаго къ ней двѣнадцати-головатаго змія. А въ другомъ разсказѣ Идолище замѣнилъ прежняго Коцея, и у него оказываются черныя груди; онъ величается также поганымъ и живетъ въ ордѣ невѣрной; а у противника его (Ивана) бѣлыя груди и русы кудри». (Ил. Мур. ст. 755, 374). По мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, Идолище явился въ Кіевѣ откуда-то съ Запада. О встрѣчѣ же въ то время Ильи съ каликами въ рус. был. есть нѣсколько разсказовъ. По одному,—Илья встрѣчается въ полѣ съ каличицей Иванищемъ и отнимаетъ у него влюку въ 90 пуд., для борьбы съ Идолищемъ, о присутствіи котораго въ Кіевѣ Илья уже

извѣстно. По другому разсказу, Илья встрѣчается съ двумя или тремя калитами, и они передаютъ ему о несчастіи, постигшемъ Владиміра; тогда онъ переодевается въ ихъ одежду, и идетъ въ Кіевъ; а они дожидаются въ полѣ его возвращенія.

11) Въ этомъ разсказѣ богатырь Илья, по замѣчанію г. Бу-слаева, — «является наконецъ даже врагомъ кн. Владиміру и всей его дружинѣ; такъ что позднѣйшей сословной раздражительностью уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину». (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 60). При этомъ можно также замѣтить, что народная фантазія, руководствуясь обыкновеннымъ чутьемъ своимъ, какъ-бы желаетъ выставить въ этой картинѣ справедливаго гнѣва своего героя и представителя, богатыря Илью, какія могутъ быть послѣдствія отъ безразсуднаго раздраженія такой страшной личности. Народъ чувствуетъ, что мифическій представитель его, — древній богъ грома и молніи, богатырь-исполнѣ, и не безъ сознанія даетъ ему волю разгуляться, въ справедливомъ гнѣвѣ, по своему, что заставляетъ трепетать щадущихъ враговъ его и самаго стольнаго князя. Этимъ народъ какъ-бы тѣшитъ самаго себя, въ лицѣ своего любимаго героя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, его фантазія и не могла изобразить этой картины гнѣва иначе, не нарушивъ мифической личности Ильи, крестьянина-богатыря-Громовника, который по существу своему не можетъ сносить гнуснаго оскорбленія, не выразивъ по крайней мѣрѣ врагамъ своего устрашающаго негодованія. Точно также поступаетъ и мифическій Роландъ, который готовъ былъ обнажить мечъ противъ оскорбившаго его Карла, но былъ удержанъ присутствующими; Рустемъ хладнокровнѣе, и отъ того, можетъ быть, еще величественнѣе: онъ только не хочетъ ѣхать на призывъ раздражившаго его, царя Киркоуса или Кей-Кауса. Но всякій народъ выражаетъ свои чувства и понятія по своему; даже можно сказать, что во всѣхъ былинахъ объ Ильѣ, призывъ его Голи Голянскоя или кабацкой, — сдена, самая народная. Причина его ссоры съ княземъ Владиміромъ въ нашихъ былинахъ излагается двояко: то Илья оскорбляется тѣмъ, что стольный князь не пригласилъ его однажды, пригласивши всѣхъ прочихъ богатырей, къ себѣ на пиршество; то ссора начинается изъ-за того, что князь посадилъ Илью на нижній конецъ стола, съ воронятами, когда самъ Владиміръ сидитъ съ воронами (т. е. съ князьями-боярами). Наконецъ, хотя нѣкоторые наши изслѣдователи и относятъ эту ссору къ первому приѣзду Ильи въ Кіевъ; но г. пр. Миллеръ положительно говоритъ, что съ первымъ приѣздомъ Ильи къ Владиміру, въ былинахъ спутана

повдѣйшая его ссора съ княземъ и ея послѣдствія. (Ил. Мур. ст. 650).

12) Недоброжелательные къ Ильѣ богатырю, князья и бояре, поддерживая нелюбовь князя Владиміра къ главѣ богатырей его, довели Илью до новой ссоры. Дѣйствительно ли обидные поступки князя заставили Илью снова нарушить свое мифическое спокойствіе, или онъ не обращалъ ужь больше на обидныя выходки Владиміра вниманія, а на пожалованной ему татарской шубѣ хотѣлъ только показать присутствующимъ, какъ онъ расправится съ настоящимъ татарининомъ; но послѣднее заявляетъ и г. Миллеръ, а именно: «что потѣшаясь надъ бусурманскою шубой, Илья ужь заранѣе обезпечиваетъ себѣ и потѣху надъ злымъ татарининомъ; но вѣрные слуги Владиміровы пользуются удобнымъ случаемъ, чтобы очернить передъ нимъ Илью». (Ил. Мур. ст. 669).

13) Послѣдній неблагоприятный поступокъ кн. Владиміра съ Ильей, котораго онъ даже считаетъ уже умершимъ давно въ глухомъ, заваленномъ щебнемъ, подвалѣ, долженъ, кажется, разорвать послѣднія отношенія между стольнымъ княземъ и богатыремъ его; однако Илья плачетъ надъ старческой слабостью померкшаго краснаго-Солнышка и спѣшитъ снова къ нему на помощь. Черта опять совершенно народная; припомнимъ оскорбленныхъ Новгородцевъ княземъ Владиміромъ, потомъ помощь ихъ Владиміру протявъ Святополка. «Но богатырь Илья, говоритъ г. Миллеръ, умѣя стоять за себя передъ мифическимъ Владиміромъ, собственно стоитъ только за народную честь и народное право. Когда же Владиміръ въ бѣдѣ, онъ все забываетъ: потому что бѣда эта есть и бѣда для сиротъ, и для вдовъ. Ради ихъ, только ихъ, онъ безгласно вступаетъ опять въ свою богатырскую службу, такъ плохо цѣнимую княземъ, — даже не ради церквей и монастырей. Только сознаніе народной бѣды управляетъ Ильей. Весь онъ, — служебная сила, въ свободномъ, безкорыстномъ смыслѣ этого слова». Всего же полнѣе опредѣлилъ Илью Шевыревъ, сказавъ, что основное начало въ немъ, — служеніе міру. Баррьеръ также говоритъ объ Ильѣ (Ист. иск. т. III), и вотъ чѣмъ заключаетъ свой очеркъ о немъ: «замѣтимъ, говоритъ онъ, что тутъ нѣтъ и въ поминѣ вассальной службы; ни Богъ, ни князь Кіевскій не являются сюзеренами; ни приказъ, ни обѣщанная награда не становятся двигателями вполне независимаго богатыря, но исключительно и единственно спасеніе народа; надъ нимъ только умилостивляется Илья Муромецъ, между тѣмъ какъ въ Иліадѣ цѣлыя тысячи должны пасть, чтобы умилостивился Ахиллесъ, а въ франкскомъ сказаньи, обиженный Карломъ, Ожье не ранѣе соглашается выступить противъ невѣрныхъ, какъ послѣ выдачи ему, для отмщенія, королевскаго сына, его врага». (Ил. Мур. ст. 685). Г. Буслаевъ съ своей стороны говоритъ: «народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы стра-

ны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сиды; наша родина, — въ крестьянскомъ смыслѣ, завербованномъ въ княжескую дружину». (Рус. вѣст. 1862 Сент. ст. 57). Замѣтимъ вкратцѣ, что, по толкованію г. Буслаева, и самый Сидъ сапрéador есть мѣщанинъ, и что онъ даже гордится иногда этимъ происхожденіемъ (какъ это видно изъ испанскихъ народныхъ романсовъ и рифмованной хроники, написанной на основаніи народныхъ пѣсней въ XIII вѣкѣ); самое прозвище Сиды сапрéador г. Буслаевъ переводитъ словомъ: поленица. (Ил. Мур. соч. Миллера, ст. 660). Въ одной изъ новооткрытыхъ г. Гильфердингомъ былини въ Олонецкой губ. является новое обстоятельство, касательно Ильи Муромца, а именно, что онъ добываетъ себѣ мечъ (по былинѣ: палицу), по дорогѣ въ Кіевъ, изъ земли, своротивши съ мѣста камень. (Р. вѣст. Окт. ст. 769); а обстоятельство это отчасти напоминаетъ таинственный мечъ, что открылъ пастухъ, лежащимъ въ землѣ или торчащимъ изъ нея, пораненный имъ конь, своимъ кровавымъ слѣдомъ, — божественный тотъ мечъ, что этотъ пастухъ представилъ царю гунновъ, Аттилѣ.

14) Съ этихъ поръ, по нашимъ былинамъ, богатыря Ильи Муромца въ дружинѣ кн. Владиміра въ Кіевѣ, болѣе не видно.

15) Разказы, о путешествіяхъ Ильи Муромца въ Царьградъ (я даже въ Іерусалимѣ) указываютъ на сношенія Руси съ этими городами еще въ древности. Илья и здѣсь сохраняетъ свой народный характеръ. Узнавши на дорогѣ въ Царьградъ отъ одного престарѣлаго калии Иванища, объ опасности, угрожающей Царьграду отъ невѣрныхъ, Илья упрекаетъ Иванищу, что онъ не выручаетъ отъ бѣды-напасти, а выдаетъ крещеныхъ поганымъ, — что напоминаетъ г. Миллеру героя одной Сѣвер. саги, Грольфа Краки, который грозитъ своему другу Бедвару, что сожметъ его домъ, если онъ не поможетъ ему спасти короля отъ опасности. «И это вполне согласно съ развитіемъ личности на воинственной почвѣ германскаго эпоса, говоритъ г. Миллеръ. Но что же лежитъ въ основѣ негодованія нашего Муромца? Безпомощность люда крещенаго, цѣлаго множества мелкихъ и слабыхъ, защитой которымъ, безъ всякой мысли о мздѣ, должны быть богатыри: потому уже, что они сильны». (Ил. Мур. ст. 749). «Но самая замѣчательная черта въ этой былинѣ, продолжаетъ г. Миллеръ, конечно то, что и князь Цареградскій, подобно Владиміру, становится передъ нашимъ крестьянскимъ богатыремъ на колѣни. Этой чертою окончательно дополняется то возвеличеніе Муромца, которое, при всей буйности разгула, приписываемаго ему въ нѣкоторыхъ пересказахъ, составляетъ сущность этого его похождения... Не учествовавший собственнымъ государемъ, онъ могъ бы достигнуть власти въ чужой странѣ; но отказывается отъ нея и тамъ, какъ у себя дома». (Тамъ же, ст. 753). Въ одной былинѣ, подъ названіемъ повѣсти о семи

богатыряхъ, Илья совершаетъ походъ въ Царьградъ съ шестью еще русскими богатырями,—съ Добрыней, Алешей, Суханомъ, Глапитомъ, дворяниномъ Залѣщенникомъ и дворяниномъ Палицей, (тамъ же, ст. 738); что отчасти напоминаетъ также про древніе походы русскихъ въ Царьградъ и про ихъ службу тамъ, царямъ греческимъ. Про старость Илья и остальные его три поѣздки, см. тамъ же, гл. XII.

16) Въ древности предполагали, что души усопшихъ переносятся на тотъ свѣтъ въ ладьяхъ, т. е. тучахъ. Почему «народная загадка изображаетъ грозу въ такой поэтической картинѣ: гробъ плыветъ, мертвецъ поетъ (или реветъ), ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ; гробъ—туча, пѣснь—громъ, свѣчи—молніи. Малороссы рассказываютъ, что гдѣ-то далеко за моремъ обитаетъ блаженный народъ навъ (мертвецы); чтобы сообщить ему радостную вѣсть о свѣтломъ праздникѣ воскресенія Христова и вмѣстѣ съ тѣмъ о весеннемъ обновленіи природы, они бросаютъ въ рѣки скорлупу крашенныхъ яицъ, которая, несясь по теченію воды, приплываетъ къ берегамъ навовъ въ зеленый четвергъ, извѣстный между поселянами подъ именемъ Навьскаго великаго дня. Эти вѣрованія, сблизившія понятія корабля, ладьи и гроба, породили обычай совершать погребеніе въ морскихъ и рѣчныхъ судахъ, и самымъ гробамъ давать форму лодокъ»,—что и дѣлаютъ до сихъ поръ наши раскольники, выдалбливая гроба ихъ изъ цѣльнаго дерева, какъ выдалбливались въ старину лодки. Извѣстно также, что древніе руссы язычники сожигали своихъ мертвецовъ въ ладьяхъ. (Аф. т. I, ст. 179, 578, 579).

17) По другимъ былинамъ, нелавпо открытымъ также г. Гильфердингомъ, русскіе богатыри не каменѣютъ, а истребляютъ другъ друга. Тамъ же Илья Муромцу приписывается 350 лѣтъ отъ роду; а въ Киевскія пещеры заносятъ его ангелы. (Р. вѣст. Окт. ст. 774, 776, 777). Вообще же, по нашимъ народнымъ повѣрьямъ, нѣкоторые изъ главныхъ древнихъ богатырей и даже изъ знаменитыхъ новыхъ разбойниковъ не умерли; но живутъ или спятъ, болѣею частію въ пещерахъ, въ ожиданіи того времени, когда имъ будетъ можно снова появиться на бѣломъ свѣтѣ. Въ преданіи о Сидоркичѣ Бурганѣ, рассказывается, что этотъ богатырь-разбойникъ встанетъ изъ могилы, когда минуютъ на Руси бѣдѣвоніа и неправда, и братъ не станетъ подымать руку на роднаго брата. Стеньга Разинъ проснется въ Жигулевскихъ порохъ на Волгѣ, когда на Руси не найдется ворону пищи. Илья же Муромецъ, по мнѣнію просто-народья, разбѣгаетъ понынѣ гдѣ-то въ степяхъ. (См. Русс. ист. Соловьева). Можно предполагать, что это еще остатокъ древнѣйшаго также вѣрованія, что человекъ, умирая на землѣ, не умираетъ совсемъ, а переносится только въ другую мѣстность. Начало самыхъ нашихъ кургановъ слѣдуетъ искать также въ Индіи.

Тамъ, во II ст. по Р. Х., чтилась пирамида, подъ которой, какъ полагають, лежатъ кости какого-то бога. Ее относятъ къ буддизму; она называется буддистами ступа и гаишја. «Первое изъ этихъ словъ въ сродствѣ съ storus, stору, stupa, stira—ступа, и происходитъ отъ корня ступ, первоначальное значеніе котораго: бить, а отсюда укладивать (землю), укрѣплять. Такимъ образомъ, ступа этимологически значить нѣчто убитое, укрѣпленное, —нашъ курганъ». (Ж. М. нар. проsv. 1872 г. Іюнь, стр. 185, о будд. жатакахъ, г. Минаява). Да и вообще, всѣ наши старинные рассказы о перерожденіяхъ и наши народныя сказки можно производить отсюда же. (Тамъ же, ст. 199—224).

18) «Еще въ XII в. Даниилъ паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ новгородцевъ при гробѣ Господнемъ, говоритъ г. Буслаевъ. Сказаніе, о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камень, въ виду соборной церкви и образа Преображенія, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ о новгородскомъ раѣ, которое въ XIV в. архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова... Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической поговоркѣ о пытливости новгородцевъ: «Новгородскій рай нашель». Этотъ райскій островъ (гора, на которой былъ написанъ деисусъ, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и съ которой раздавались голоса ликующихъ) могъ бы на эпическомъ языкѣ быть названъ Алатырь-камень и Фаворъ-гора. Спутники Моислава также скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камень: такимъ образомъ сказаніе о томъ земномъ раѣ могло бы войти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья съ своею дружиной къ святымъ мѣстамъ». (Рус. вѣст. 1862, окт. ст. 549, 550). Подробный же рассказъ, о существующемъ нынѣ, подземномъ городѣ, Битижѣ, гдѣ стоятъ еще древніе соборы и живутъ какіе-то святыя старцы, и откуда по временамъ избранные люди изъ богомольцевъ слышать церковный звонъ, несущійся по близъ лежащему святому озеру, смот. въ примѣч. г. Безсонова къ народнымъ былинамъ, и въ рассказѣ г. Печерскаго (Мельникова): за Волгой, Рус. вѣстн. 1868 г. Іюнь ст. 459, 460.

19) Преданіе объ основаніи Москвы какимъ-то княземъ Данилой, съ помощью гречина, и о видѣніяхъ, бывшихъ при этомъ князю, см. рус. богат. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862, Мар. ст. 63, 64).

20) Перерожденію народовъ отъ лучшаго къ худшему есть много примѣровъ въ исторіи; къ нашему народу всего ближе подходитъ слѣдующее замѣчаніе Токвилля: «Токвилль, основательно изучившій восемнадцатый вѣкъ, утверждаетъ, что французскій крестьянинъ находился передъ революціей гораздо въ худшемъ состоя-

ни, чѣмъ за пять столѣтій тому назадъ». (В. Евр. 1873. Іюль, ст. 728, люди и нравы франц. револ. Лотхейссена).

21) См. рус. быд. Москов. періода, изд. Рыбникова и др.

22) Основаніе этихъ духовныхъ стиховъ (Калики перех. V, ст. 162—163) г. Афанасьевъ относитъ еще къ древнему язычеству. «Эта огненная адская рѣка, говоритъ онъ, черезъ которую счастливо переплываютъ одни праведные, тогда какъ грѣшники гибнутъ въ кипучихъ волнахъ, есть поэтическое представленіе дождевыхъ потоковъ, горящихъ молніями». (Аф. т. I, ст. 576, 577). Очень близко также сходство этой картины съ представленіями скандинавской Эдды, гибели боговъ въ послѣднія времена вселенной, въ суевѣры ихъ небесныхъ величій, когда Суртуръ явится съ своимъ огненнымъ воинствомъ (Gulf. p. 135). Михаилъ архангелъ, по мнѣнію г. Афанасьева, какъ воевода небесныхъ силъ, въ народныхъ преданіяхъ замѣнилъ въ этомъ случаѣ воинственнаго Перуна (т. I, ст. 576); можно добавить также и древняго Вишну, который долженъ явиться тогда въ послѣднемъ своемъ воплощеніи.

23) Такова, слово въ слово, одна изъ раскольничьихъ священныхъ пѣсней. А гремѣщій пророкъ, надъ всеми земными царями царь, что упоминается въ ней, есть собственно мифическій Петръ III, какъ будетъ объяснено это во 2-й книгѣ.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ БЫЛНЫ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ (К. И. КУНА), Б. САДОВАЯ, №.

1883

КНИГА ВТОРАЯ.

Пѣснь 7-я.

ОСОБЫЙ МІРЪ МИКУЛЫ.

„Больше себя самаго я люблю
мое семейство; больше, чѣмъ се-
мейство, я люблю мое отечество;
больше, чѣмъ отечество, я люблю
все человѣчество“.

(Фенелонъ).

Что наша земная жизнь, если не сонъ?
Такъ мы твердимъ, люди, сначала время.
Такъ мы твердимъ, люди, себѣ и другимъ,—
А сами всю жизнь свою только что спимъ.

Но чудно!—Край спитъ, край угрюмо молчитъ;
Но въ немъ что-то есть,—что-то есть, что не спитъ!
Спать власти, законы, спитъ цѣлый народъ,
А край невидимо уходитъ впередъ.

Посмотришь, объять непробуднымъ онъ сномъ;
Но пусть кто найдетъ мигъ бездѣйствія въ немъ!
Незримо, чуть слышно, стучитъ пульсъ живой:
То духъ всенародный, то духъ мировой!

Когда туманъ сѣрый надъ моремъ стоитъ,—
Неужели море въ часы эти спитъ?
Нѣтъ, жизнь кипитъ всюду,—и въ безднѣ глухой;
Намъ только не видѣнъ міръ этотъ живой.

О, слава тебѣ, показавшему свѣтъ!...
Мы въ немъ родилися, мы имъ существуемъ,
Мы чувствуемъ, видимъ во всемъ его слѣдъ;
Вліянье его на весь міръ необъятно.

Часть II.

1

Гонимый, подобно Христу, человекъ,
 Распятый, какъ Онъ же, въ языческомъ мѣрѣ,
 Лежавшій во гробѣ, пока новый вѣкъ
 Боролся со злобой и тьмой первобытной, —
 Вотъ онъ воскресаетъ, — вотъ онъ возстаетъ,
 Какъ Лазарь тридневный изъ душнаго гроба;
 Самъ мѣръ фарисейскій ему руку жметъ,
 И шумно встрѣчаетъ его воскресенье.

Весь мѣръ Христовъ полонъ участьемъ живымъ,
 Любовью къ успѣхамъ благимъ человекъ:
 Цари преклоняютъ ихъ скипетръ предъ нимъ,
 Народы въ восторгъ ему рукоплещутъ;
 Народный вопль чуждой, безвѣстной страны
 Приводитъ въ тревогу далекаго царства;
 Сквозь дымъ и крушенье жестокой войны
 Враги простираютъ къ врагамъ своимъ руку;
 Народный тиранъ, какъ разбойникъ простой,
 Дрожитъ предъ верховнымъ общественнымъ мнѣньемъ.

Свѣтъ этотъ чудесный, свѣтъ этотъ благой
 Проникнулъ въ глубь обществъ, въ слои всѣхъ сословій;
 Высокій мудрецъ и мечтатель молодой
 Мечтаютъ и мыслятъ, подъ теплымъ наитьемъ
 Его дивной силы. Онъ въ нашихъ сердцахъ,
 Онъ въ нашихъ понятіяхъ; мы развивались
 Въ его благодатныхъ, живящихъ струяхъ.
 Онъ нравственный воздухъ нашъ, воздухъ душевный, —
 То грязный и смрадный отъ нашихъ страстей, —
 То дивно — прозрачный, когда гордость мѣра
 Его не туманитъ тревогой своей.

Сыны настоящихъ дней, полныхъ сомнѣнья,
 Однако мы видимъ давно предъ собой,
 Его храмъ всемірный... Мы видимъ и слышимъ
 Народы и царства, весь мѣръ сей земной,
 Поющіе гимнъ міровой возрожденью, —
 Тому Богу мира и Богу любви,
 Что древле былъ распятъ за насъ и воскреснулъ,
 И насъ воскресилъ, и очистилъ въ крови,
 Отъ смерти и рабства. Нѣтъ болѣе рабства!..

Злой духъ произвола уходитъ съ земли;
 Вездѣ блещетъ утро,—покутъ души свѣта;
 Мы сами,—хоть дни тѣ для насъ не пришли,
 Твердимъ въ тихомолку напѣвъ этотъ новый.

Мы видимъ храмъ этотъ не въ дальнихъ вѣвахъ,—
 А возлѣ себя. Онъ давно передъ нами;
 Давно на его блеститъ надпись вратахъ:
 «Воскресшій Христосъ,—Богъ живыхъ, а не мертвыхъ!»
 Миръ новый свѣтаетъ у насъ на глазахъ...
 Кто мыслить, что вѣра враждебна наукѣ,
 Тотъ пусть въ ихъ сляніи видитъ хаосъ;
 Но вѣра,—она не боится науки;
 Свѣтъ всякій отъ Бога. Свѣтъ—день, свѣтъ—Христосъ!
 Все наше безумье, всѣ наши несчастья,—
 Сыны тьмы и мрака; а миръ нашъ идетъ,
 Идетъ непрестанно въ верховному свѣту.

Когда жь просвѣтишься ты, Русскій народъ?
 Когда возродишься ты, вѣщій Микула?
 Прошло много времени,—тысяча лѣтъ;
 Отъ насъ совсѣмъ скрылся твой образъ минувшій.
 Страна вся въ движеніи, тебя будто нѣтъ.
 Мы слышимъ глухой скрипъ твоей вѣщей сошки,
 Нашъ край живетъ теплымъ усердьемъ твоимъ;
 Но ты невидимъ,—ты всегда на работѣ.....

Весной, еще дремлетъ земля подъ сырмъ,
 Холоднымъ покровомъ сѣдаго тумана,
 Черно на поляхъ и по доламъ пустымъ,
 Какъ сквозь рѣшето, мороситъ мелкій дождикъ,
 И гонитъ послѣдній свѣгъ съ голыхъ луговъ,
 Микула ужь правитъ родимую сошку;
 Глядитъ онъ, отколь зыбь бѣжитъ облаковъ,
 И день весь торчитъ съ своей сошкою въ полѣ,
 И будитъ родимую землю. Летать
 Однѣ за другими, съ далекаго юга,
 Гусей сѣрыхъ стая, и шумно кричатъ:
 — Богъ въ помощь, Микула!—А, здравствуйте, дѣтки!—
 Пахнулъ первый вешній въ лице вѣтерокъ:

*

— Богъ въ помощь, Микула! Здорово, родимый! —
 Прибился на нивахъ весенній листоѣ:

— Ты видишь, Микула?—Все вижу, желанный!...

И вотъ, будто гласу Микулы внемля,
 Какъ силой волшебной, повсюду проснулась,
 Умылась дождями, одѣлась земля;
 Раздвинулся день по широкому небу;
 Блеститъ все, сіяетъ по злачнымъ полямъ;
 Шумъ, гамъ, щебетанье по темнымъ дубравамъ;
 Серебро лется съ златомъ по свѣтлымъ рѣкамъ;
 Чуть дышетъ надъ нивой сверкающей воздухъ.....

Микула подыметъ глаза въ небесамъ,
 Какъ солнце садится,—и снова день цѣлый,
 Какъ образъ сторукой его, Бриарей,
 Онъ видѣнъ повсюду; лишь только мелькаютъ,
 По чащѣ лѣсной, вдоль луговъ и полей,
 То серпъ его острый, то древо съ косою.
 Глядитъ тогда птичка съ веселыхъ небесъ,
 Глядитъ звѣрокъ малый изъ норки подземной,
 Глядитъ песь лохматый, глядитъ темный лѣсъ,
 Глядятъ всѣ и ждуть: вотъ, родной уберется,—
 Вотъ онъ уберется и будетъ для нихъ
 Своя также доля; затѣмъ, что Микула
 Не только кормилецъ собратій своихъ,
 Но также кормилецъ и ихъ, безсловесныхъ.

Но вотъ, убрался онъ! Господь Богъ помогъ.
 Осеннее солнце еще позлащаетъ
 Прощальнымъ сіяньемъ свой лѣтній чертогъ;
 Опять потянулись сѣрмя тучи,
 Опять летятъ стаи гусей, журавлей;
 Хруститъ желтый листъ по поблекшему лѣсу,
 Растетъ пора длинныхъ, осеннихъ ночей,—
 Микула выходитъ царемъ домовитымъ,
 Луга его полны рядами стоговъ;
 Въ гумнѣ, будто городъ, стоятъ желты скирды;
 Зеленая овимъ, плодъ новыхъ трудовъ,
 Какъ яркій коверъ, разостлалась вдоль поля;
 Для всѣхъ удѣлилъ отъ своихъ онъ плодovъ:

Кротъ въ темную норку стащилъ всякихъ зеренъ;
 Залетная птица еще щелушить
 Во всю длинну ночьку пустынную ниву;
 Уютная мышка, и та шеберститъ
 Подъ ворохомъ гречи... «Спасибо, Микула!
 Спасибо, кормилецъ нашъ!—все говорить.
 Съѣдимъ мы немного, а все ты сытъ будешь».
 Затѣмъ, вплоть до лѣта спокойна семья!
 Сильнѣй дунулъ холодъ, ушло солнце съ неба;
 Уснула подъ снѣгомъ пушистымъ земля;
 Угрюмая вьюга гуляетъ по селамъ;
 Голодный медвѣдь по берлогамъ лежитъ;
 Залетныя птицы слетѣли на Полдень;
 Одинъ непосѣдный Микула не спитъ.
 Глядитъ онъ: яснѣетъ иль хмурится небо?
 А самъ съ полуночи стоитъ на гумнѣ;
 Горитъ ворохами сухая солома;
 Обмерзшій лѣсъ дремлетъ въ глухой тишинѣ;
 Лишь цѣпь долговязый гуляетъ по току,
 И мѣрно стучить по холоднымъ снопамъ.
 Къ Николѣ, сварить онъ, Микулушка, брагу;
 Отворить дверь настезь любезнымъ гостямъ.
 На утро насыплетъ въ дровешки онъ хлѣба,
 Побѣдетъ шажкомъ онъ съ богатствомъ своимъ
 Въ уѣздный свой городъ,—купить себѣ соли,
 А внукамъ гостинцевъ. Подъ кровомъ роднымъ
 Они подростутъ,—а тамъ воля Господня....

«А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Во скирды сложу, домой выволочу,
 «Домой выволочу, да дома вымолочу,
 «Драни надеру, да и пива наварю,
 «Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 «Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Все это, какъ прежде! И образъ его
 Таковъ же, какъ прежде. Въ немъ духъ православный;
 Но складомъ стариннымъ ума своего

Онъ тотъ же язычникъ. Ему еще нуженъ
 Обрядъ и обычай; онъ чтить лишь боговъ, —
 Боговъ, что онъ видитъ своими глазами.
 Ему нуженъ Богъ, какъ чудесный покровъ
 Въ его тяжелой долѣ, — богъ-домостроитель,
 Хранящій незримо его теплый кровъ,
 Стада его, пчельникъ; богъ—вѣрный защитникъ
 Его самага и семьи, отъ бѣды
 И алчной корысти властей ненасытныхъ.
 Подъ гнетомъ стѣсненій и вѣчной нужды,
 Ему нужна вѣра въ миръ будущій, лучшій;
 Гдѣ онъ отдохнетъ отъ земныхъ своихъ мукъ,
 Гдѣ онъ посмѣется надъ вѣчной неправдой, —
 Надъ тѣмъ Бриареемъ о тысячѣ рукъ,
 Что въ немъ поломалъ давно крѣпкія кости.

Какъ въ древнее время, въ его деревняхъ
 Живуть съ нимъ и нынѣ старинные боги,
 По мельницамъ темнымъ; въ озерахъ, въ рѣкахъ,
 По гумнамъ и нивамъ, въ избѣ его теплой,
 На пчельникѣ, въ злчныхъ лугахъ и въ лѣсахъ;
 Повсюду, гдѣ онъ самъ. Какъ въ прежнее время.
 Они посылають подспорье въ трудѣ,
 Пасуть его скотъ и коней, извѣщаютъ,
 Что чуютъ въ добру, и что въ худу—въ бѣдѣ,
 Даютъ ему ведро, даютъ и ненастье.

И нынѣ, гдѣ онъ ни селится въ глуши, —
 Тотчасъ же все чуетъ его приближенье...
 Звѣрь хищный уходитъ въ дубравы свои,
 А малый звѣрь, птица, спѣшать въ нему въ гости;
 И съ первой же въ полѣ его бороздой,
 Лѣсъ пятится въ доли, гора ползетъ къ низу,
 Болота сбѣгаютъ въ овраги съ водой,
 Сама зима образъ мѣняетъ суровый.
 И всѣ имъ довольны, кормильцемъ роднымъ;
 Кому трудового онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
 Кого миротворить совѣтомъ благимъ,
 Кого пришибеть и тяжелой сошкой.

Вокругъ него тотъ же міръ вѣщій стоятъ,
 Надъ нимъ тоже небо, что были и древле.
 Илья пророкъ, древній Громовникъ, гремитъ
 Ему въ бурныхъ тучахъ; святой ему Власій,
 Старинный Велесъ нашъ, скотинку хранитъ.
 На святкахъ, Микула съ семьею гадаеть;
 Авсеню онъ грешневу кашу варить, 1—
 А свѣгомъ крещенскимъ врачуетъ недуги, 2—
 И гонитъ имъ силу нечистую прочь.
 Во дни самыхъ сильныхъ январскихъ морозовъ 3—
 Онъ вѣдмъ изгоняеть, и цѣлую ночь
 Тогда угощаетъ въ избѣ домоваго.
 На Срѣтеньевъ день, онъ заклатье кладеть 4—
 На мелкую мышъ, чтобъ не портила скирды;
 Предъ масляной, только притихнетъ народъ, 5—
 Онъ кличетъ съ овчины небесныя звѣзды,
 Чтобъ овцы плодились, и по три зари
 Несетъ на морозъ сѣмена полевья, 6—
 Чтобъ тѣмъ охранить лѣтомъ нивы свои.
 Въ Грачевники онъ изгоняеть вѣкиморъ, 7—
 Что сушатъ красавиць его молодыхъ
 Нечистой любовью; предъ свѣтлою Пасхой, 8—
 Огнемъ очищаетъ домашнихъ своихъ,
 И зимнія ихъ сожигаетъ постели.
 При вскрытіи рѣкъ, — во главѣ рыбаковъ, 9—
 Онъ топить живаго коня Водяному,
 Чтобъ онъ даровалъ имъ богатый уловъ;
 Причемъ у коня заплетается грива
 Въ косички и въ ленты; какъ древней порой,
 Въ священный часъ жертвы, ему обливають
 Всю голову медомъ и солью.

Весной

Микула ждетъ срѣтенья Мѣсяца съ Солнцемъ.
 Со дня самыхъ первыхъ морозовъ, они
 Расходятся порознь, въ далекія страны;
 Но только паступать весенніе дни,
 Встрѣчаются вновь, и тогда сообщаютъ,
 Другъ другу, гдѣ были, что видѣли тамъ.

Нерѣдко ихъ встрѣча доходить до ссоры;
А ссора кончается, по временамъ,
Ужасною бурей и землетрясеньемъ.

А праздники?—Святки, зеленый Семикъ,
Иль встрѣча Весны, день Ивана-Купалы,
Святой Коляды, раздаванье ковригъ
И разныхъ печеныхъ животныхъ изъ тѣста;
Ильбинъ день, — Перуній, — Флора и Лавра, —
Семень день, — Русалья педѣля, — Ярила, —
Великій Петровъ-день, когда изугра
Микула столь ставитъ *обѣтный*, — Кукушки, —
Задушны поминки, — родная краса,
Свѣтъ-Масляница, отъ трехъ матушекъ дочка,
Всѣмъ бабушкамъ внученька, руса коса,
Бумажное тѣльце, перепелъи костки,
Сахарны уста?—Иль великъ день Покровъ,
Когда въ міръ-народъ готовятся свадьбы;
А онъ наблюдаетъ, сынъ древнихъ боговъ,
Родной ему мѣсяцъ и слушаетъ звѣзды?

Чигарь-звѣзда ¹⁾ счастье приносить ему;
Сахаръ-звѣзда ²⁾ служить въ пути звѣроловамъ.
Въ *Утиномъ мнѣздѣ* ³⁾ нѣтъ пути никому:
Живетъ въ звѣздѣ этой нечистая сила.
Китачи, —⁴⁾ на этой планетѣ живутъ
Такіе же люди; но меньше насъ ростомъ.
Они то и дѣло по небу бѣгутъ,
Верстъ тысячу въ часъ, въ золотыхъ колесницахъ.
Внутри *Становища* ⁵⁾, — въ звѣздѣ-*Колесѣ* ⁶⁾
Желѣзномъ, — посажены злые татары.
Вокругъ звѣзды этой, подобно росѣ,
Сверкаютъ, какъ будто, молочныя капли;
Татарка кормила дитя молокомъ, —

¹⁾ Венера.

²⁾ Медвѣдица.

³⁾ Плеяды.

⁴⁾ Орионовъ поясъ.

⁵⁾ Млечный путь.

⁶⁾ Арктической поясъ.

Съ тѣхъ поръ эти капли таѣ тамъ и остались.

Двѣици зори, ⁷⁾ что краснымъ пятномъ
Сіяють такъ ярко внизу Становища,—
Здѣсь нѣкогда жили три вѣщихъ сестры,
Проклятыя богомъ; ничто ихъ не брало,—
Однако взяла смерть свое; съ той поры
Онѣ и пылають на небѣ Зорями.

Маньякъ ⁸⁾ назывался встарь бѣлымъ путемъ;
Опъ падаетъ на домъ, гдѣ втайнѣ дѣвица
Утратила стыдъ свой, или надъ дворомъ,
Гдѣ мужу съ женой угрожаетъ разлука.
Въ отсутствіи этихъ несчастныхъ мужей,
Маньякъ принимаетъ нерѣдко ихъ образъ;
По мнѣнію также бывалыхъ людей,
Подъ видомъ Маньяка блуждаютъ по небу
Проклятыя души.

До сихъ еще поръ

Микула приноситъ кровь кочета въ жертву.
А слазъ, лихоманки, чума или моръ,
Коровія смерть, или древній обычай
Опахивать села?...

Спросите его:

Отколь у насъ греча?—Жила прежде греча
Прекрасной царевной, и было всего
У ней въ изобильи. Жила она въ холѣ;
Потомъ полонили татары ее.
Шла разъ чрезъ орду ихъ старушка. Царевна
Открыла старушкѣ несчастье свое,
Въ какой она нуждѣ и тяжелой работѣ.
Старушка рѣшилась помочь сиротѣ;
Она обернула младую царевну
Гречишнымъ зерномъ, и въ своей калитѣ
Ее принесла въ нашу русскую землю.
У насъ, на Руси, схоронила зерно

⁷⁾ Три звѣзды возлѣ Млечнаго пути.

⁸⁾ Падающія звѣзды.

Она въ чистомъ полѣ; зерно пошло къ росту,—
 Повѣяли вѣтры,—и стало оно
 Съ тѣхъ поръ распложаться по всей землѣ русской.

Но въ чемъ всего больше Микула хранить
 Свой древній характеръ; то это въ обрядахъ
 Торжественныхъ свадьбы. Тутъ весь его бытъ
 Вполнѣ выступаетъ старинный. Въ то время
 Онъ вновь глава рода, владыка земли;
 Его окружаетъ почетный дворъ княжій:
 Какъ старшему въ родѣ, ему всѣ свои.
 Онъ дѣлаетъ смотръ и даетъ *нарѣканье*
 Избранной невѣстѣ; собираетъ *нарядъ*,
 Изъ тысяческихъ, дружекъ, отцовъ посаженныхъ,
 Бояръ и боярынь... На все тутъ обрядъ
 И древній обычай. Сперва канунъ свадьбы;
 Потомъ, размѣщенье столовъ для гостей,—
 Чертожное мѣсто, постель, вады съ хлѣбомъ,
 Особья яства въ теченіи тѣхъ дней,—
 Куря, перепеча, лапша, короваи.....
 Торжественный выѣздъ къ вѣнцу жениха,
 Торжественный выѣздъ изъ дома невѣсты,
 Чесанье волосъ ей..... Какъ жизнь ни плоха,
 Но въ свадьбу Микула уберетъ грошъ послѣдній!
 Затѣмъ, брачный поѣздъ, невѣстинъ покровъ,
 Плетенье косы ей, и поѣздъ обратный,
 Гостей столованье, принятые даровъ,
 Отдача невѣсты въ сѣнникъ,—тамъ кормленье,
 Пиръ княжій, подарки,—дары молодымъ,
 Дары поѣзжанамъ, пиры отдаренья.....
 Будь даже Микула владыкой земнымъ,
 Не могъ бы Микула честнѣй справить свадьбу!
 И былъ бы онъ, вѣщій Микула, богатъ,—
 Когда бъ не послалъ Богъ лихую Недолю.
 Его не одинъ ждетъ нетронутый кладъ.....
 Однажды застрянулъ въ Микуловомъ лаптѣ
 Цвѣтъ - папоротникъ; онъ тогда увидалъ
 Такой яркій блескъ отъ схороненныхъ кладовъ

Что обмеръ отъ дива. Но онъ затерялъ
 Цвѣтъ этотъ волшебный, — и клады исчезли.
 Но всѣ эти клады ждуть только его;
 Онъ ихъ настоящій, древнѣйшій хозяинъ.
 Пускай у него нѣтъ пока ничего;
 Но въ темномъ грядущемъ, — кто знаетъ, что будетъ!

Событъя затерли его въ мракъ глухой;
 Онъ тамъ и остался. Тамъ мѣръ его древнѣй.
 Но мѣръ нашъ гражданскій — Микулѣ чужой.
 Онъ вѣрнѣе царю — государю, да Богу;
 Что Богъ, то и царь ему выше всего;
 Царь — красное Солнце, царь — свѣтъ его ясный,
 Царь милостивъ въ людямъ и любитъ его;
 Царь любитъ его, какъ отецъ своихъ дѣтокъ,
 И многое бѣ сдѣлалъ на благо ему:
 Но князи, бояре стоятъ между ними.....
 Извѣстное дѣло, царю одному
 Нельзя усмотрѣть все, — они къ царю ближе ¹⁾!

Микула нашъ помнить, себѣ не въ укорь,
 И Гришку-Растрижку, и дни междуцарствья,
 И славный Московскій народный соборъ
 Царя Алексѣя. Онъ помнить, какъ шелъ къ намъ
 Король Свицкій Карлусъ. Онъ помнить Петра,
 И матушку славную Еватерину.
 Пожарскій, Скопинъ-князь, — вся эта пора
 Ему безвѣстна. Не мало онъ знаетъ
 И новыхъ славнѣйшихъ боярскихъ именъ,
 И вѣрную службушку ихъ Государю..... ²⁾
 Но вся наша слава родимыхъ знаменъ,
 Весь блескъ страны новой, ему какъ чужие.

Блескъ этотъ Микулѣ не дешево сталь;
 Онъ внесъ эту славу на собственныхъ плечахъ;
 За эту онъ славу бѣднѣлъ и страдалъ;
 Она покупалась на вѣсь его крови;
 Послѣднѣй свой грошъ на нее онъ давалъ;
 А чѣмъ эта слава его наградила?

Какую отраду внесла въ его быть?
 Насколько неволю его облегчила?
 Но вѣщій Микула про это молчить;
 Онъ знаетъ что войны не дешево стоить;
 Не смѣй никто тронуть его край святой;
 А тронуль, — умретъ онъ, но края не выдасть.
 И кто жь одолѣетъ его край родной?
 Извѣстно, — святымъ онъ зовется издревле.

А край между тѣмъ подвигался впередъ!
 Другія сословья его развивались;
 Во тѣмъ оставался одинъ лишь народъ, —
 Сословная рознь разрасталась все шире.
 Мы знаемъ, одна дочь Микулы была
 За княземъ Добрыней, другая за Ставромъ;
 Но связь ихъ родства съ той поры не могла
 Продлиться повнѣ. Одна, какъ княгиня,
 Жила и живетъ при блестящемъ дворѣ;
 Другая, боярыня, — больше въ деревнѣ.
 Онъ позабыли о третьей сестрѣ,
 О древнемъ Микулѣ.

Въ старинное время,
 Блистали онъ благочестьемъ своимъ,
 Строенъ церквей и обителей Божьихъ,
 Примѣрною жизнью, рвениемъ благимъ
 Къ святителямъ церкви. Въ Петровское время,
 Упорно держались онъ старины;
 Но мало по малу, и ихъ охватило
 Нашествіе новшествъ въ бытъ русской страны.
 Узнать ихъ однако не трудно и нынѣ;
 Тотчасъ же видна въ нихъ Микулина кровь;
 А въ строгой красѣ ихъ, — его вѣщій образъ.
 Онъ и теперь родовую любовь
 Питаютъ въ семьѣ и къ роднѣ самой дальней.
 Одна украшаетъ достойно собой
 Почти каждый подвигъ въ дѣлахъ милосердыя;
 Другая извѣстна хозяйкой большой,
 И править и мужемъ, и мужней деревней.

Бояринъ Ставръ служить, и много ѣзжалъ;
 Но онъ еще помнитъ сырые подвалы,
 Свѣтъ краснаго-Солнца,—и онъ либераль.
 Теперь далеко до ихъ круга Микулѣ;
 Межь ними воздвигся давно цѣлый міръ.
 Онѣ благородны, богаты и сильны;
 Онѣ темень, безвѣстенъ, и бѣденъ, и сирь:
 Онѣ даже былъ рабъ ихъ... Разрывъ межъ нихъ полный!

Но пусть онъ такъ низко палъ въ краѣ родномъ,
 Пусть онъ затертъ, замкнутъ отъ всякаго свѣта;
 Онъ тотъ же глава въ міръ-народѣ своемъ,—
 Въ томъ мірѣ старинномъ, гдѣ онъ самъ хозяинъ,
 Гдѣ все и доступно, и близко ему;
 Откуда мы слышимъ лишь скрипъ его сошки,
 Хотя не замѣтенъ почти никому
 Его настоящій, дѣйствительный образъ.
 Онъ тамъ,—въ средѣ самой надломленныхъ силъ;
 И тамъ онъ порой—тотъ же вѣщій Микула.
 Пусть все измѣнилось; но онъ сохранилъ
 Въ себѣ свой міръ прежній, и въ немъ остается
 Онъ такъ полонъ вѣры въ свой жребій святой,
 Онъ такъ уважаетъ свой трудъ, міръ народный,
 Что будетъ всегда жить съ той мыслью благой,
 Что имъ да царемъ лишь край держится русский.

Какъ онъ переноситъ, Микула родной,
 Судьбу свою злую,—кому въ этомъ дѣло!
 Но онъ переноситъ. Онъ тянетъ свой гужъ,
 Какъ тянетъ на Волгѣ бурлакъ свою лямку.
 Взялся за нее, —не кричи, что не дюжъ;
 За то, и онъ самъ весь, и въ немъ все—терпѣнье.
 Та лямка—неволи, та лямка,—нужда!
 И онъ себѣ тянетъ нужду и неволю;
 Не тронь его только терпѣнья,—бѣда!
 Тогда онъ покажетъ старинную силу.

Но сколько жъ и гибнетъ вокругъ него силъ
 Полезныхъ,—и, можетъ, громадныхъ талантовъ!
 А что ему дѣлать?—Самъ край осудилъ

Великую ниву свою на бесплодьѣ.

Мы ждемъ только сверху полезныхъ людей;
А тѣ миллионы для насъ мѣръ отдѣльныхъ,
Почти мѣръ безличныхъ, животныхъ, звѣрей;
Мы имъ лишь подводимъ итогъ, — и довольно!
Они для насъ только бюджетъ годовой,
Живая казна и запасы для войска. *)

Поборники свѣта видають порой,
Какъ будто подачку народному мѣру,
По школѣ на округъ, — и мыслятъ себѣ,
Что сдѣлано все для его просвѣщенья;
А онъ самъ оставленъ бездольной судьбѣ,
И даже не смыслить: къ чему ему знанье?

Мы сверху чуть слышимъ тамъ голосъ его;
А видимъ одно лишь туманное море
Труда и заботъ, и затѣмъ, — ничего!
Но голосъ тотъ древле гремѣлъ отъ Полночи
До дальняго Юга; то море собой
Издавна покрыло треть цѣлой Европы;
Изъ волнъ его выплылъ край самый большой, —
И сталъ государствомъ. Тѣ бурныя волны
Досель устояться еще не могли;
Но грозный прибой ихъ растеть все слышнѣе.....
Мы мыслимъ, что все въ этихъ безднахъ прочли;
Но также и здѣсь есть на днѣ свой тайны,
И эта глухая пучина труда,
Труда и терпѣнья, — живетъ также, мыслить,
И ждетъ времянь лучшихъ.

Мы зримъ иногда
Разгулъ полудикій потомковъ Микулы;
Мы слышимъ порою глухой его стонъ;
Мы чувствуемъ горечь его грустной пѣсни,
Широкой, раздольной, какъ русской нашъ край;
Мы знаемъ, по разнымъ роднымъ поговоркамъ,

*) Разумѣется, это относится къ прошедшему времени, когда не было ни обязательной для всѣхъ воинской повинности, ни земства, ни другихъ общепольныхъ современныхъ преобразованій, ко благу народа.

Его здравый умъ, мы порой, невзначай,
 Спускаемся въ омутъ его горькой жизни,
 Гдѣ все такъ печально, невзрачно, темно,—
 Чтожъ нашъ образованный разумъ тамъ видитъ?
 Заглохшія воды,—нечистое дно;
 Межъ тѣмъ, тамъ одна только наша неправда..!

Но онъ и самъ въ притчѣ расскажетъ простой,
 Какъ царь, по совѣту бояръ, впустилъ Кривду,
 Обмѣривъ Микулу, боярской рукой,—
 За добрый совѣтъ своей царской наградой;
 Микула стерпѣлъ; но съ той самой поры
 Священная Правда сокрылась на небо;
 А Кривда осталась. 3)

Какіе дары

Природа издревле дала землѣ русской!...
 Но въ силахъ ли онъ дары эти добыть?
 Нѣтъ, надо на это побольше знанья.
 Да смѣетъ ли онъ и богатымъ прослыть?
 Его оберутъ,—онъ впередъ это знаетъ.
 За то его дѣтки и пашутъ, и жнутъ,
 И дѣлаютъ все черезъ пень да колоду;
 И пѣсню сложили про то, и поютъ
 Ее по всей Руси,—печальную пѣсню:

«Ты крапива ли, крапива, зла-трескучая,
 «Одолѣла ты, крапива, поле чистое;
 «Что ни конному ни пѣшему пройтись нельзя,
 «Что ни мнѣ ли, добру молодцу, пробѣхати.»

Порою и онъ самъ, Микула родной,
 Смѣясь надъ злосчастной своею судьбиной,
 Надъ вѣщею силой своею былой,—
 Порою и онъ самъ, вамъ въ шутку расскажетъ,—
 «Какъ былъ въ полѣ онъ съ шалыгой подорожною:
 «Глядитъ счету нѣтъ на кобылкѣ слѣпней,
 «И жужжать мухи, комары-разбойники...
 «Стегнулъ по боку онъ кобылеу богатырскую,
 «Убилъ съ разу и безъ смѣты ихъ;
 «Ударилъ въ другоредь,—убилъ сорокъ слѣпней.

«Взялъ ихъ всѣхъ, сложилъ въ кучу, и думаетъ:
 «Вѣдь я въ одинъ взмахъ убилъ сорокъ богатырей,
 «А мелкой-то сошки и смѣты нѣтъ.
 «Вотъ я каковъ! Богатыремъ сталъ!»

И все-таки, мѣръ тотъ печальный, глухой,
 Милѣ ему, чѣмъ нашъ мѣръ просвѣщенный,
 Нашъ мѣръ настоящій! Тотъ мѣръ ему свой;
 Микула издревле въ немъ полный хозяинъ;
 А мѣръ просвѣщенный,—что далъ онъ ему?
 Какою наукой развилъ его разумъ?
 Къ кому онъ прибѣгнетъ, Микула, къ кому,
 Чтобъ выдти изъ мрака на свѣтъ ему Божій?
 Какой высшей пользой его привлекутъ
 Изъ тьмы, гдѣ онъ свыкъся, на этотъ свѣтъ вольный?..
 Онъ знаетъ, какъ вольныя птицы живутъ,
 И какъ имъ придется жить, можетъ быть, долго!

«Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
 «Всѣ птицы у насъ при работѣ,
 «И всѣ птицы у насъ при каравулѣ.
 «Пѣтухи поютъ по сараямъ,
 «Курицы поютъ по фатерамъ.
 «Курица у насъ побѣдная птица»...

«А на морѣ на Дунаѣ,—
 «Тамъ ворона богатая птица;
 «Весной летаетъ по суслонамъ;
 «По деньгѣ суслонъ продаваетъ.
 «Будетъ она по задворкамъ летать,
 «Русскимъ птицамъ голосъ подавать:
 «Какъ будутъ—люди—тѣ обѣдать,
 «Какъ стануть нищи по подоканью бѣгать;
 «Холодныхъ шей не хлѣбали,
 «И горячихъ вѣкъ не видали»... 4)

Такъ онъ самъ смѣется надъ горькой нуждой;
 Но это смѣется въ немъ мощная сила!

Пускай потрудится угодникъ иной,
 Какъ трудится онъ, непосѣдный Микула;
 Пускай угодить онъ молитвой своей,

И жизнью постной, и въ землю метаньемъ,
И сдѣлаеть столько-жь на пользу людей, —
Какъ Богу угоденъ и людямъ полезенъ,
Рабочій Микула!

Жилъ нѣкій святой,

И былъ онъ такъ святъ и угоденъ предъ Богомъ.
Что разъ онъ въ пустынѣ воткнулъ жезлъ сухой,
И жезлъ далъ листы и покрылся цвѣтами;
Какъ слышитъ однажды гласъ ангела онъ,
Что святостью выше его Селянинычъ.
«Какъ это возможно! День каждый и часъ
Молюсь и тружусь я въ безмолвной пустынѣ;
А онъ меня выше? подумаль святой.
Не вижу я кровныхъ, ни женскаго пола;
А онъ живетъ въ мирѣ, съ своею женой;
Пожалуй, не часто бываетъ и въ храмѣ.
Пойду, попытаю!»

Идетъ онъ и зреть:

Простой мужичекъ, — такъ себѣ, — пашеть пашню.
«Богъ въ помощь! «пустынникъ ему говорить.
— «Спасибо! Присядь-ка! мужикъ отвѣчаетъ.
Съ дороги усталъ, чай?» А самъ все ведетъ
Бороздку къ бороздкѣ, по чистому полю.
Присѣлъ нашъ пустынникъ. Не малый походъ
Сломаль онъ; но старцу и въ умъ не приходитъ,
Что это и есть Селянинычъ. «Нѣтъ, свѣтъ,
Устать не усталъ, возражаетъ; а время,
Пожалуй, обѣдать». — «Какой-ста обѣдь!
Нѣтъ, отче, обѣдать теперь еще рано» —
Микула на это ему говорить.
Межь нихъ завязалася скоро бесѣда, —
А онъ, мужичекъ, все бороздки чертить.
«Теперь, кажись, время?» пождавъ, сказалъ старецъ.
«И то еще рано!» — Микула въ отвѣтъ;
А самъ себѣ пашеть тихонько, да пашеть!
Пождалъ еще старецъ: «Теперь время, свѣтъ!»
Онъ въ третій ужъ разъ про обѣдь начинается.
«—Пожалуй, теперь-ста и близокъ тотъ часъ!

Часть II.

Промолвилъ Микула. Еще вотъ немножко!
 Дай кончить обѣдню; отслужать, какъ разъ.»
 «—Какую обѣдню?» святой вопрошаетъ.
 —«А вотъ, отвѣчаетъ Микула родной,
 Ступи-ка мнѣ, отче, на правую ногу,—
 Узнаешь.» Ступилъ онъ,—и слышитъ святой,
 Гудить звонъ церковный по цѣлому небу.
 Напалъ на него инда-ужась. «Охъ, свѣтъ,
 Что это такое?»—спросилъ онъ.—«Ты слышишь,—
 Отходить обѣдня на небѣ»...въ отвѣтъ
 Ему объясняетъ, творя крестъ, Микула.
 «Теперь и намъ людямъ обѣдать пора!»
 Онъ сѣлъ возлѣ старца, и стали обѣдать.
 Извѣстно, что было съ Микулой съ утра,
 Того и поѣли. Микула убрался,
 Съ часокъ отдохнулъ, и, встряхнувшись, пошелъ
 Допахивать поле. Задумался странникъ,
 И больше ни слова.

Микула привелъ

Его къ себѣ въ избу, поужиналъ съ гостемъ,
 Потомъ помолился, и легъ спать съ женой.
 Въ переднемъ углу помѣстился и старецъ.
 Когда утромъ встали: «Скажи мнѣ, родной,
 Спросилъ онъ, почто такъ Господь тебя любить?—
 Живешь, какъ и всѣ, ты, и спишь ты съ женой;
 А Богу угоденъ?»—«Чѣмъ мнѣ быть угоднымъ?—
 Сказалъ Селяниничъ. Не лучше людей!
 Господь не насъ любить, а любить онъ трудъ нашъ.
 Тружусь вотъ и я, своль есть силы моей...
 А что на мою ты постелю все смотришь?
 Ты вотъ полежи-ка, попробуй, на ней—
 Тогда и узнаешь!»..... Взглянулъ святой старецъ,
 И видитъ, въ постели все гвозди торчатъ.
 —«Что? Видѣлъ?—У старца спросилъ Селяниничъ,—
 И знай, какъ крестьянуши съ женами спать.
 А ты жену бросить мнѣ что-ли прикажешь?
 Не Богъ меня развѣ съ женой сочеталъ?

Вотъ, ты и подумай.»—

«По истинѣ чудно!

Смотрю, и дивлюся!—святой мужъ сказалъ.

Какой же твой подвигъ угоденъ такъ Богу?

Я вотъ, дни и ночи поцусь и молюсь;

А ты меня выше». — «Не вѣдаю, право,

О чемъ ты толкуешь. Я день весь тружусь,

И въ томъ весь мой подвигъ!» отвѣтилъ Микула.

Задумался больше еще мужъ святой—

И съ нимъ распрощался. Пошелъ Селяниничъ

На пашню; а что тамъ за подвигъ такой,

Про то и не мыслить ⁵⁾.

А онъ любить думаты!

Онъ съ древнихъ временъ созерцанье любилъ;

Въ немъ есть и еще сторона,—онъ сектаторъ...

Предъ нимъ міръ исполненъ божественныхъ силъ;

Онъ вѣщее зрить въ самой буквѣ значенье.

Никто не сложилъ столько толковъ, какъ онъ;

Немного примѣровъ такого упорства,

Что онъ заявилъ съ самыхъ древнихъ временъ

Въ своихъ убѣжденьяхъ. Душевная вѣра

Ему драгоценнѣй и выше всего.

Подобно буддистамъ, онъ любить пустыню;

Святая молитва и постъ для него

Есть верхъ совершенства. Повсюду тѣснимый,

Онъ все не теряетъ надежды своей

Дожить до дней лучшихъ,—когда свѣтъ Господній

Сберетъ, просвѣтитъ и научитъ людей

Жить въ мирѣ-согласьи и въ братскомъ единствѣ.

Онъ вѣруетъ строго въ ученье свое,

И самъ проповѣдуетъ это ученье.

Онъ отдалъ земное свое бытіе

На жертву врагамъ и гонителямъ лютымъ;

Но онъ убѣжденъ,—дни другіе придуть,

И онъ воцарится тогда въ своемъ царствѣ.

Онъ все переноситъ—и голодъ, и кнутъ,

Воимя Христово; но онъ не проводитъ

Дни божіи праздно. Незримо снуютъ
 Апостолы, дѣтки его, средь народа;
 Они во всѣхъ селахъ, во всѣхъ городахъ...
 Его богатырскій міръ также не умерь, —
 Одни развѣзжаютъ въ раздольныхъ степяхъ,
 И тамъ заявляютъ себя въ разныхъ видахъ;
 Другіе спятъ въ дальнихъ, высокихъ горахъ,
 И ждуть только дней тѣхъ, когда воцарятся
 Въ странѣ свѣтъ и правда, — тотъ вѣкъ золотой,
 Когда не подыметъ руки братъ на брата,
 И больше нигдѣ, въ странѣ нашей святой,
 Не будетъ для хищнаго ворона пищи. 6)

Микула недавно еще былъ рабомъ,
 Но онъ всегда жилъ надеждой безсмертъя
 Лишь это одно служить можетъ ключемъ
 Къ его, непонятному многимъ, терпѣнью.
 Какихъ не бралъ мѣръ онъ, — а что приобрѣлъ?..
 И общее бѣгство, и бунтъ, и насилье,
 И даже юродство, и дикій расколъ,
 И самосозженье..... Все было напрасно!
 Сильнѣйшая сила сломила народъ, —
 И онъ покорился. Онъ вѣрить и знаетъ,
 Что рано ли, поздно-ль. его день придетъ;
 И слабый, и сильный, всѣ подъ Богомъ ходятъ...
 И онъ, Селянинъчъ нашъ, изстари ждетъ
 Послѣднихъ временъ и судилища Божья... 7)

«Загорится матушка сыра-земля,
 «Съ Востока загорится, до Запада,
 «Съ Полуденъ загорится да до Ночи,
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣсы темные.
 «И сошлетъ Господь потопіе
 «И вымоетъ матушку сыру землю,
 «Аки харатью бѣлую,
 «Аки скорлупу яичную,
 «Аки дѣвицу непорочную.
 «И сойдетъ Михаилъ-архангелъ батюшко,
 «Вострубитъ въ трубоньку злогоу!..

«И пойдутъ гласы цо всей землѣ,
«Соберутся живые и мертвые...»

Онъ ждетъ земли новой, ждетъ тысячи лѣтъ,—
И будетъ все ждать онъ, пока не узнаеть,
Что новую землю ему дастъ лишь свѣтъ;
Безъ свѣта жь,—все жить на землѣ ему прежней!

Но долго ль придется ему ожидать?
Для насъ каждый вѣкъ — переходное время:
Едва начинается вѣкъ новый свѣтатъ,
Тотчасъ вѣкъ минувшій зовутъ вѣкомъ старымъ.
Мы новый вѣкъ чувствуемъ тоже давно;
Для насъ, можетъ, также—последнее время...
Не мало намъ знаменій видѣть дано!....
Былыя свѣтила, померкнувъ, слетаютъ,
Какъ блеклые листья съ иссохшихъ деревь;
Старинное небо, какъ ветхая риза,
Свивается въ свитокъ; прошелъ вѣкъ боговъ;
Во всѣхъ сердцахъ зрѣеть невольное чувство,
Что тьма миновала,—приходить весна!
Весна—воскресенье уснувшей природы;
Весна—пробужденье отъ лѣни и сна;
Весна—свѣтъ, веселье, свобода вселенной;
Весна—возрожденье людей и земли!..
Пускай еще рыщутъ раздоръ и насилие,
Пускай война мечетъ перуны свои,
Пускай торжествуетъ кулачное право:
Все это должно быть въ послѣдніе дни;
Но съ этимъ приходять и дни обновленья.....

Такъ въ самомъ исходѣ холодной зимы,
Когда ужъ пахнуло тепломъ благотворнымъ,
И въ мертвое царство морозовъ и тьмы
Съ небесъ проглянуло весеннее солнце,—
Угрюмый туманъ еще долго виситъ
Въ напитанномъ влагою, морѣ воздушномъ.
То мокрый снѣгъ хлопьями, то дождь мороситъ
По голымъ полямъ, по безмолвнымъ деревнямъ.
Еще духи вьюжныхъ, холодныхъ ночей

Неистово воютъ надъ мирнымъ жилищемъ;
 Разстаться не хочется съ шубой своей
 И съ теплою печкой; еще въ темный вечеръ
 Во мглѣ избы дымной лучина трещить,
 Свѣтъ зимнимъ пряхамъ, ночнымъ шерстобитамъ,
 И диво песь воетъ, и злобно рычить,
 Почуявъ присутствие голоднаго волка;
 Еще дуетъ стужей и мглою сырой
 Изъ голаго лѣса и степи пустынной.....
 Но небо ужъ блещетъ веселой весной;
 Поля почернѣли, согрѣтыя солнцемъ,
 Вода проступаетъ сквозь ледъ голубой;
 Кой-гдѣ ужъ щебечетъ незримая птичка;
 Полдневное солнце, то вдругъ разорветъ
 И ярко освѣтитъ ползущія тучи, —
 Тепло такъ, отрадно, сквозь нихъ, обольеть
 Златыми лучами деревню и поле, —
 Съ лазурнаго неба на землю пахнетъ
 Весеннею, свѣжей, живящею силой;
 То солнце и небо закроютъ опять
 Свинцовыя тучи; стучить крупа въ окна;
 Опять все померкло, ни зги не видать, —
 Пошелъ снѣгъ и холодъ, — мертвящая стужа.
 Но все-таки это весна ужъ, — весна!
 За этимъ туманомъ и холодомъ, — лѣто.
 Проснись, земледѣлецъ, отъ зимняго сна!
 Бросай, лежебока, пуховое ложе!
 Вставай, народъ вольный, готовься къ трудамъ!
 Весна у воротъ ужъ, она не замедлитъ....
 Смотри, вонъ пробилась ручьи по полямъ,
 Зеленая травка сверкаетъ на солнцѣ,
 Листокъ зеленѣть началъ въ голыхъ лѣсахъ,
 Запѣла овсянка, мычатъ стада въ полѣ,
 Веселое солнце блеститъ въ небесахъ,
 Все ожило, — всюду раздолье, рай Божій,
 Свобода!....

Неужли Микула одинъ

Не чувствуетъ этой весны возрожденья?

Чего-жь еще ждешь онъ, чтобъ всплыть изъ пучинъ
 Кромешнаго мрака, принять скорѣй образъ
 Живой человѣка?—Иль онъ намъ чужой?
 Иль всѣ христіяне, предъ Богомъ, не равны?
 Иль онъ гражданинъ лишь той жизни иной?..

Ты слышалъ, Микула, торжественный голосъ,
 Не то человѣка, не то божества:
 «Возьми, скорбный одръ твой, и будь здоровъ, Микула!
 Нѣтъ болѣе рабства!» Ты ждалъ торжества,
 Ты ждалъ новыхъ дней,—вотъ они: ты свободенъ!

О слава Тебѣ, показавшему свѣтъ!
 Осанна, владавцу во имя Господне!
 Встанетъ новый міръ,—въ изумленіи свѣтъ,—
 Ликуетъ народъ,—торжествуетъ край русскій...
 Что это за время?... Что это за дни!...
 Что было! Что будетъ?... О горе умершимъ,
 О радость живымъ! Да воспрянуть они,—
 Предсталъ юный царь—и край цѣлый воскреснул...

Послѣднее время! Міръ новый вкругъ насъ.
 Тотъ міръ, гдѣ живемъ мы, гдѣ жили понинѣ,—
 Тотъ міръ исчезаетъ, уходитъ изъ глазъ;
 Самихъ насъ уносить куда-то теченьемъ.
 Иной кругъ небесный, иная земля
 Насъ ждуть въ неизвѣстномъ еще отдаленіи;
 Иные и люди, событъя, края,
 Всплываютъ изъ мрака. Мы видимъ на небѣ
 Зарю небывалыхъ, чудесныхъ временъ;
 Онѣ илутъ сами къ намъ прямо навстрѣчу.
 Все ярче и ярче блеститъ небосклонъ,
 И съ каждымъ движеніемъ свѣтлѣе дорога.
 Мы явственно слышимъ грядущаго гласъ;
 Мы чувствуемъ духомъ тотъ міръ необъятный;
 Онъ плещетъ оттуда, онъ вѣетъ на насъ
 Своимъ обаяньемъ; онъ ждетъ насъ, міръ новый...
 Борьба, ожиданье чего-то кругомъ,—
 За нами, предъ нами, по цѣлой вселенной;
 Борьба въ каждомъ сердцѣ и духѣ живомъ;

Борьба, ожиданье, по цѣлому свѣту.
 Мы въ самый ударились водоворотъ, —
 Между двухъ міровъ, какъ между двухъ теченій;
 Который изъ нихъ насъ съ собой унесетъ?
 Откуда раздастся: пришло наше время!..
 О птички, надежды, златыя мечты!
 Что вы намъ поете за сладкія пѣсни!
 Зачѣмъ онѣ полны такой красоты?
 Сирены! Бѣда. васъ заслушаться людямъ...

Такъ я, еще весь подъ наитьемъ святымъ
 Великихъ дней этихъ, столь явственно полныхъ
 Высокимъ значеньемъ своимъ мировымъ,
 Леталъ окрыленной мечтою въ грядущемъ.
 Она рисовала мнѣ много картинъ, —
 Прекрасныхъ картинъ, что лишь только рисуетъ
 Мечта, — сей художникъ, артистъ-исполнѣ,
 Въ счастливыя наши, златыя минуты
 Сердечной отрады. Мнѣ въ душу сіялъ
 Свѣтъ ясный, тогда еще новаго утра;
 Какъ вдругъ предо мною неожиданно предсталъ
 Мой старшій пріятель. Всѣ близкіе звали
 Его Ставръ Годиничъ⁸⁾.

Былъ вечеръ. Я зналъ что пришелъ онъ ко мнѣ,
 Чтобы мнѣ возвѣстить о торжественномъ вѣздѣ
 Въ Москву нашихъ братій-славянъ, — что вполне
 Мнѣ было извѣстно. Но Ставръ нашъ Годиничъ
 Живетъ весь въ грядущемъ. Его умъ рѣшалъ
 Впередъ міровыя задачи вселенной;
 Поэтому часто онъ, Ставръ, забывалъ
 Про то, что творилось у всѣхъ предъ глазами.
 Любилъ онъ похвастать искусствомъ своимъ, —
 Провидѣть что будетъ; любилъ похвалиться
 Грядущимъ значеньемъ, высоко-благимъ,
 Земли нашей русской. Въ немъ живъ былъ бояринъ
 Дней прежнихъ, — когда тотъ хвалился женой,
 Широкимъ дворомъ и богатымъ хозяйствомъ;
 Онъ зналъ, что за этотъ порокъ родовой,

Теперь не сажаютъ въ сырые подвалы;
И былъ вполне счастливъ.

«Вотъ такъ! Снова спать!

Вскричалъ Ставръ Годинычъ, сжимая мнѣ руку.
Спи, спи, мой голубчикъ! А сила валить,
А сила стучится въ ворота и въ двери.
Свѣтъ хлещетъ къ намъ въ окна!»

— Какой теперь свѣтъ?

Давно уже вечеръ! — сказалъ я съ улыбкой.

«Ну, ври ты себѣ! А мнѣ времени нѣтъ
Съ тобой бить баклуши. У насъ кипитъ дѣло»...
Онъ, шумно усѣвшись на стулъ, продолжалъ.

— Я знаю, сказалъ я. Приѣхали братья
Славяне въ Москву къ намъ! — 9)

«А ты ихъ встрѣчалъ?»

Вскричалъ онъ съ досадой. Приѣхали, точно!
Исполнился древній народный завѣтъ, —
Опять потянуло всѣхъ къ красному Солнцу;
Встаетъ мѣръ славянскій. Блеснулъ и намъ свѣтъ;
Прошло время спячки. Выходитъ изъ мрака
Вновь вѣкъ богатырскій, — народный нашъ вѣкъ,
Вѣкъ витязей русскихъ, полабскихъ, поморскихъ...
Воскресъ напоследокъ изъ тьмы человекъ,
И требуетъ дѣла»...

— Дай Богъ всѣмъ успѣха! —

Сказалъ я.

«И будетъ отнынѣ успѣхъ;

Для этого надо лишь дѣло и дѣло!

Кричалъ онъ. А дѣла теперь есть для всѣхъ».

— Не надо-ль при этомъ побольше свѣта?

Ему я замѣтилъ. Когда въ странѣ свѣтъ;
То лучше спорится и всякое дѣло. —

«Еще бы! А развѣ сказалъ я, что нѣтъ?

Воскликнулъ Годинычъ. Теперь лишь мѣръ ожилъ,
Теперь лишь онъ полонъ значенемъ прямымъ,
И новымъ значенемъ, — своихъ младшихъ братьевъ,
Забывшихъ, тѣснимыхъ развитьемъ былымъ,

Но нынѣ возставшихъ на трудъ нашъ всемірный.
 Міръ прежде, по вѣрѣ широкой своей,
 Жилъ только надеждой,—и всѣмъ былъ доволенъ;
 Мы даже считали до нынѣшнихъ дней
 За самое зданье,—простые подмостки...
 Но нынѣ міръ видитъ, что онъ обиталь,
 Совсѣмъ не въ палатахъ, а въ склепѣ могильномъ;
 А эти лѣса, что онъ зданьемъ считаль,
 Лишь только лѣса,—но онъ зданья не видитъ.
 Затѣмъ и не вѣритъ онъ въ зодчихъ бывшихъ,
 Ни въ ихъ безкорыстье.....Онъ самъ набираетъ
 И новыхъ рабочихъ, и зодчихъ иныхъ,—
 И слушаетъ тѣхъ лишь, кого онъ самъ выбралъ.

«Міръ знаетъ, что мнѣнье и слово его
 Отнынѣ въ Европѣ—верховная сила;
 Что свѣтъ, человѣкъ—теперь выше всего,—
 И міръ себѣ ищетъ,—не слова, а дѣла.
 Онъ понялъ, что силой верховной своей,
 Одной этой силой онъ можетъ все сдѣлать,
 Иль многое, въ пользу грядущихъ людей,—
 И съ новою вѣрой трудится надъ дѣломъ,
 И смѣло идетъ онъ впередъ и впередъ.....
 Когда-жь это было?».....

— Всегда это было,

Когда принимался за дѣло народъ,
 Народъ, приготовленный къ дѣлу!—сказаль я.

«Но развѣ я противъ того говорю?
 Вскричалъ Ставръ Годиничъ. Я развѣ съ тѣмъ спорю?
 Но съ этимъ я новую вижу зарю
 И въ нашемъ народѣ. И я теперь вѣрю,
 И вѣритъ я вправѣ,—мы вѣритъ должны,
 Что нѣкогда будетъ конецъ въ этомъ мірѣ
 Кромешному царству надъ нимъ Сатаны,—
 Ужасному царству вражды, деспотизма,
 Невѣжества, злобы, неправды слѣпой,
 Языческихъ, самыхъ нелѣпныхъ обрядовъ;
 Что нѣкогда стинетъ адъ этотъ земной, —
 И яркое солнце свободы и правды,

И свѣточъ науки собой озарять
 Темнѣйшія норы общественной жизни;
 Гдѣ все еще, къ горю живущихъ, кипать
 И дивы, и чудища древняго міра,—

Звѣри рыскачіе,
 Птицы клевучія,
 Змѣи шипучія...

Мы вѣрить должны, что отважный нашъ умъ,
 Что умъ нашъ безсмертный, умъ этотъ всемірный,
 Во слѣдъ за кѣмъ столько летитъ свѣтлыхъ думъ,
 И столько надеждъ, и сердечныхъ желаній,—
 Что онъ лишь вступаетъ на путь свой прямой,—
 На путь настоящій свой въ мірѣ научномъ,
 Гдѣ онъ блуждалъ прежде невѣрной тропой,
 Въ туманномъ преддверьи желаннаго свѣта;
 Что нѣкогда онъ, хоть съ трудомъ, но войдетъ
 Въ тайникъ, недоступный еще намъ, природы,
 Гдѣ, въ тьмѣ первобытной, его мирно ждетъ
 Нетронутый, цѣльный міръ чудныхъ сокровищъ;
 И онъ еще много ключей подберетъ
 Къ вратамъ этимъ темнымъ и крѣпкимъ затворамъ.
 И много оттуда въ науку внесетъ
 Высокихъ онъ истинъ и славныхъ открытій,—
 Открытій, что свѣтъ еще новый прольютъ
 На общество, міръ весь и трудное знанье,
 И тысячи новыхъ орудій дадутъ
 И способовъ самой наукѣ и жизни.

«И мы вправдѣ вѣрить, мы вѣрить должны,
 Что этотъ свѣтъ новый, широкій, блестящій,
 Наитіе это всемірной весны,
 При дружномъ движеніи вездѣ просвѣщенья,
 Коснется, живящимъ лучемъ, наконецъ,
 И нашей великой страны, міръ-народа,
 Златой этой нивы, что дивный Творецъ
 Какъ бы сохраняетъ для двей отдаленныхъ,—
 Сей дѣвственной нивы еще до сихъ поръ,—
 Что зоркій взоръ нашихъ зиждителей прежнихъ
 Теперь лишь примѣтилъ,— не будь имъ въ укоръ!—

Гдѣ только пасется пока скоть домашній.
 Но время настанетъ, — всезидущій свѣтъ
 Соидетъ и на это забытое поле;
 Раздвинется сумракъ, что тысячу лѣтъ
 Держалъ въ неподвижномъ застоѣ Миклулу;
 И въ общество хлынетъ мѣръ новыхъ людей,
 И новыхъ началъ, и зиждителей смѣлыхъ,
 Могучихъ потомковъ тѣхъ богатырей,
 Что древле очистили землю отъ чудищъ.
 То новое время въ туманѣ теперъ;
 Но скоро оно обозначится ясно;
 И тамъ, куда нынѣ замкнута намъ дверь, —
 Тамъ будетъ тогда всѣмъ свѣтло и отраднѣ..

«Когда мѣръ земной, черезъ сколько вѣковъ,
 Какимъ оны путемъ, тѣхъ дней славныхъ достигнетъ?..
 Все это зависить отъ нашихъ сыновъ
 И новыхъ событій. Но ветхій мѣръ конченъ.
 Царь міра снимаетъ котурны свои,
 Титаны сряжаютъ себѣ домовища,
 Родъ новый выходитъ изъ спавшей земли,
 И камни, и дерево, — подали голосъ.
 Никто не ждетъ больше отъ формы сухой
 Источника жизни; не ждетъ и отъ рабства —
 Малѣйшихъ успѣховъ иль силы живой.
 Въ нашъ вѣкъ богатство для насъ, — мысль и дѣло;
 Другой богатырскою теперъ силы нѣтъ.
 Нашъ вѣкъ доказалъ, что его сила въ свѣтѣ;
 Нашъ вѣкъ убѣдился, что ежели свѣтъ
 И свѣтитъ въ народы и въ общества, сверху;
 Но ключъ силъ народныхъ и жизни родникъ
 Лишь бьютъ изъ народа, изъ той страшной бездны,
 Гдѣ Богъ отразилъ, не теоріи книгъ,
 Но Свой вѣчный образъ.

«Да, ветхій мѣръ конченъ!

Его лицедѣи бѣгутъ изъ всѣхъ странъ.
 Чудовища тьмы! Плоть безъ духа! Иные
 Еще не успѣли съ себя смыть румянъ
 И сбросить вѣсны и мишурныя тоги...

Въвъ празднествъ закрылся. Померкла жена
 На звѣрѣ червленномъ, въ висонѣ и златѣ,
 Что долго была до безумья пьяна,
 Отъ врови святыхъ и свидѣтелей божьихъ.
 Паль, паль, Вавилонъ, сей градъ оргій ночныхъ,—
 Сей градъ любодѣйства и всякихъ пороковъ,—
 И проклять отъ всѣхъ онъ народовъ земныхъ:
 Затѣмъ, что цари съ нимъ вели любодѣйство;
 Затѣмъ, что купцы,—отъ избытковъ однихъ
 Богатствъ его, стали теперь богачами;
 Затѣмъ, что давилъ онъ всѣхъ гнетомъ своимъ ¹⁰⁾.

«Невидимый ангелъ судебъ новыхъ міра
 Паритъ съ длинной цѣпью по царствамъ земнымъ,
 По всѣмъ слоямъ обществъ, высокимъ и низкимъ;
 То Гласность! Небеснымъ арканомъ своимъ
 Она увлекаетъ послѣднихъ чудовищъ...
 То вѣщая Гласность! Ты поцпалъ меня?
 То наше живое, свободное слово!
 Свободное слово,—бичъ мрака, царь дня,
 Народное наше свѣтъ-красное Солнце,
 Нашъ кличъ богатырскій...

«Загорается матушка сыра-земля,—
 «Трубить труба Михаила Архангела...»

— Пстой! я сказалъ.

Ты, кажется, въ царство зашелъ хиліазма?
 Отважный, заносчивый твой идеалъ
 Достигнулъ до тысячелѣтняго царства.
 Ты, стало быть, вѣришь въ него,—или нѣтъ?
 Ты вырази свои ожиданья яснѣе!
 Вѣдь ты не раскольникъ? ¹¹⁾—

«Я вѣрую въ свѣтъ!

Я вѣрую въ каждый успѣхъ всенародный!
 Воскликнулъ Ставръ, съ явной досадою оцать.
 Я вѣрю и вижу, что страны земныя
 Со дней христіянства не движутся вспять, —
 И въ этомъ—великій залогъ намъ въ грядущемъ.
 Я знаю, что каждый народный успѣхъ
 Странѣ всегда стоитъ вѣковъ борьбы тяжелой;

За каждый свой промахъ, за каждый свой грѣхъ,
 Народъ платить кровью, столѣтьями рабства,
 А съ этимъ и мрака. Но каждый народъ,
 Хоть медленнымъ шагомъ, но движется къ свѣту;
 А съ каждымъ движеньемъ народовъ впередъ,
 Свѣтлѣетъ вселенна. Мы знаемъ, что было,
 Мы видимъ, что есть, — и я ставлю нашъ вѣкъ,
 Примѣрно, мѣриломъ грядущихъ столѣтій...
 Кто знаетъ, что можетъ свершить человекъ,
 Какихъ недоступныхъ высотъ онъ достигнетъ?
 А ходъ просвѣщенія въ мѣрѣ таковъ:
 Оно, какъ свѣтъ солнца, — чѣмъ солнышко ярче
 Сіяетъ и грѣетъ, — тѣмъ больше плодовъ;
 Оно, какъ теченье рѣки благотворной, —
 Чѣмъ глубже въ ней ложе, тѣмъ больше воды.
 Чтожь будетъ въ то время, когда это солнце
 Освѣтитъ народы? Какіе плоды
 Въ то время дастъ эта всемірная ясень?
 Что будетъ, когда рѣка эта пройдетъ
 По всѣмъ захолустьямъ безплоднымъ вселенной?
 Чего не свершитъ просвѣщенный народъ?
 Какихъ не достигнетъ тогда мѣръ успѣховъ?..

«Враги предлагаютъ при этомъ вопросъ:

Способенъ ли русскій народъ къ жизни новой?
 Что онъ въ прежній мѣръ просвѣщенія внесетъ?
 Чѣмъ онъ заявилъ имъ духовную силу?
 А развѣ то мало, что онъ устоялъ

При натискѣ силъ исполинскихъ Востока;

А послѣ на плечахъ своихъ поддержалъ,

Готовый ужъ рухнуть, колоссъ государства?

А нынѣ кто жъ держитъ древнѣйшій престолъ?

Царей нашихъ славныхъ, надъ гнивною Европой?

Въ народѣ нѣтъ мысли, — а древній расколъ?

Онъ западныхъ развѣ слабѣ утопій?

«Скажи, — гдѣ, когда могъ развиться народъ?»

И власть, и народъ нашъ, — досель пионеры;

Мы только идемъ по странѣ, все впередъ...

Давно ли народъ нашъ увидѣтъ, хоть смутно,

Грядущее, — этот широкий просторъ
 Людей самобытныхъ? *Грядущее*, — слышишь? —
 Чего нашъ народъ не имѣлъ до сихъ поръ,
 И могъ ли имѣть въ тѣмъ Египетской ноли?
 А въ этомъ грядущемъ, чего для насъ нѣтъ?
 Взгляни на обширный, богатый край русскій!
 Богатство и сокровищъ, на тысячи лѣтъ;
 Пространства, — на сколько еще поколѣній!...
 И это не въ царствахъ, народу чужихъ,
 Не за моремъ синимъ, а здѣсь, подъ руками,
 Въ мѣстахъ, намъ знакомыхъ, въ предѣлахъ родныхъ.
 Не надобно братья за мечъ ненадежный,
 Ни трогать покоя сосѣдей своихъ, ...
 Ни строить утопій на ихъ униженіи....
 Нашъ подвигъ домашній; нашъ трудъ подъ рукою.
 Скорѣ лишь вонъ изъ печальныхъ развалинъ
 Отжившаго рабства! Скорѣ въ міръ живой,
 Въ среду просвѣщенныхъ, свободныхъ народовъ!
 «Я вѣрую въ Время, — а время есть Свѣтъ!»
 Я многого жду отъ народнаго свѣта;
 Безъ этого свѣта успѣховъ намъ нѣтъ.
 У насъ, хоть чуть видно, — однако свѣтасть!
 Поэтому, вѣрую и въ лучшій я міръ,
 И въ міръ просвѣщенный, — и жду дней великихъ.
 Пусть это непризнанный всѣми кумиръ;
 Но это кумиръ мой, кумиръ христіанскій ...
 Мой духъ возвышается вѣрой своей:
 Пусть край пойметъ только свой жребій высокий,
 Повѣрить въ возможность иныхъ, лучшихъ дней.
 Очистить отъ грязи народную совесть,
 Устроить, улучшить домашній свой бытъ,
 Сродниться семейно съ благимъ просвѣщеніемъ, —
 Тогда онъ получитъ совѣтъ иной видъ,
 И будетъ участникомъ въ свѣтѣ всемірномъ.
 «Уступимъ! Пусть Западъ стоитъ во главѣ
 Торжественной этой, всемірной работы;
 Европа привыкнула къ этой молвѣ...
 Что жъ намъ остается? — Осталось, — учиться,

Учиться ошибками даже его,
 Учиться, съ сознаньемъ и съ теплою вѣрой
 Въ грядущее. Что тамъ?... Но прежде всего
 Намъ надо учиться! И пусть каждый видитъ,—
 Изъ-за Океана, на всѣхъ парусахъ,
 Несется соперникъ опасный Европѣ;
 Корабль-исполинь, — и во многихъ странахъ
 Предъ нимъ ужъ спускаютъ народные флаги.....
 Гдѣ свѣтъ, тамъ и сила!

Такъ съ вечера мы
 Съ Годиннымъ, чуть не всю ночь разсуждали.
 Тогда разсуждали всѣ наши умы,
 Очнувшись впервые отъ тягостной спячки.
 Такъ лучъ одинъ свѣта, заброшенный въ тьму,
 Тотчасъ пробуждаетъ и старыхъ, и малыхъ;
 И даже даръ мысли дается тому,
 Кто прежде совѣмъ и не думалъ бы мыслить.

«Послушай! Мнѣ Ставръ въ заключенье сказалъ:
 Ты создалъ намъ почву подъ древнимъ Микулой;
 Зачѣмъ же разскажъ ты внезапно прервалъ,
 Про вѣщую Вану?»

— Затѣмъ, что разскажъ мой
 Коснулся потомъ историческихъ дней;
 Исторія наша намъ все досказала. —
 «Нѣтъ! Вана, природой своей,
 Дитя не исторіи, строго ученой;
 Она дочь поэзіи, Ставръ возразилъ.
 Она дочь Микулы, она дочь народа,
 Она вѣщій образъ общественныхъ силъ;
 Она поэтической свѣточъ народный,
 Она существуетъ сама по себѣ.
 Исторія,—зеркало только событій;
 А духъ вѣщій Ваны,—онъ въ жизни, въ борьбѣ,—
 Для насъ очень часто, почти незамѣтныхъ.
 Она для страны и теперь божество,
 Затѣмъ, что въ ней духъ и характеръ народный;
 Мы сами вмѣщаемъ ея естество;

Она въ себѣ носить не только преданья,
Но край нашъ грядущій. Теперь понялъ ты,
Что такъ распрощаться тебѣ съ ней не можно?..

—Вотъ какъ! И откуда берешь ты мечты?..

Прощай! Я ужь сплю. И тебѣ пора также.—

«Нѣтъ, милый ты мой! Теперь дѣло не въ томъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ. Нѣтъ, ты Вану увидишь...»

Она тебѣ вѣщимъ своимъ языкомъ

Должна досказать остальные преданья;

Она должна видѣть славянскихъ гостей:

Мы всѣ ея дѣти. Она передастъ имъ

Про бытъ нашъ народный, съ великихъ тѣхъ дней,

Когда оварилась страна христіанствомъ.

Она должна сильный нашъ край оправдать

Предъ старшими братьями, передъ Европой,

Въ отсталости нашей; раскрыть, указать

Всѣ эти народныя тяжкія язвы,

Что двинутся намъ помѣшали впередъ.

Мы сводимъ нашъ счетъ съ отживающимъ міромъ;

Нашъ сильный, разумный, обширный народъ

Знать долженъ, — что онъ, — чѣмъ быть можетъ въ грядущемъ».

—Не малая-жъ, другъ мой, задача твоя!

Какъ выполнить только?—сказалъ я, зѣвая.

«Постой! Напередъ ты дослушай меня.

Прервалъ Ставръ Годичичъ. И всѣ мы не боги!

Преданья и факты,—вотъ въ чемъ вижу я

И мощный народъ нашъ, и путь нашъ дальнѣйшій.

Народъ нашъ придавленъ прошедшимъ своимъ;

Но онъ всегда желалъ свѣта и правды.

Мы изстари всѣ должники передъ нимъ;

Но нѣтъ образца его силы терпѣнья....

Ты намъ рассказалъ, по преданьямъ былымъ,

Какъ міръ начался, какъ потомъ развивался;

Теперь доскажи про его ты конецъ,

По тѣмъ же преданьямъ! Вотъ здѣсь-то увидишь

Ты всѣхъ ожиданій народныхъ вѣнецъ.

Да, тутъ всѣ надежды завѣтныя края!

«Припомни,—у асовъ въ послѣдніе дни

Божественных сумерекъ, противъ Одина
 Встають угнетенные дивы. Они
 Свергаютъ боговъ, разрушаютъ міръ древній,
 И падаютъ сами въ ужасной борьбѣ;
 Но нашъ народъ ждетъ только свѣта и правды.
 Онъ судъ оставляетъ верховной судьбѣ;
 Народъ и самъ хочетъ судиться съ богами.
 Ему нужна правда, предъ кѣмъ всѣ равны;
 Ему нуженъ свѣтъ,—свѣтъ, дающій прозрѣнье,
 Чтобъ кончилась немощь родимой страны,
 Чтобъ всѣ успокоились въ мирѣ Господнемъ.

«Отъ дивовъ ночныхъ ему нечего ждать;
 Онъ вѣруетъ мало и въ нашъ свѣтъ и правду.
 По мнѣнью народа, свѣтъ долженъ поднять
 Живыхъ всѣхъ и мертвыхъ, на судъ Божьей Правды,—
 И онъ ихъ подниметъ. Народъ хочетъ знать
 Свое настоящее мѣсто на свѣтѣ,—
 И онъ его, вѣрно, узнаетъ. Вотъ путь,
 Надежды народныя въ темномъ грядущемъ;
 Но путь этотъ новый открыть, развернуть,
 Намъ можетъ исторія дней лишь минувшихъ,
 Исторія міра... И скоро, другъ мой,
 Ты это увидишь своими глазами...
 Теперь же, прощай!»—И, кивнувъ головой,
 Онъ какъ-то нескоро, торжественно вышелъ.

Давно была полночь, когда онъ ушелъ.
 «Однако вѣдь правда, сказалъ я въ раздумьи,
 Міръ новый давно воздвигаетъ престолъ
 На ветхихъ развалинахъ прежняго міра....
 Намъ свѣтъ небывалый сіяетъ вдали,—
 Мы только не знаемъ его обстановки.
 Надеждъ всякихъ много у каждой земли,
 Но какъ примирить ихъ на общее благо?..
 У насъ совершается переворотъ,
 Безъ крови, безъ слезъ, безъ слѣпаго крушенья;
 Край двинулся весело, вольно впередъ,—
 Лишь плачутъ слѣзцы, что упорно хотѣли

Его задержать.... Но кому это въ мочь?
 Богъ дастъ, также мирно пойдемъ мы и дальше....
 Не скоро свѣтаеть невѣжества ночь,
 Не скоро мысль зрѣеть, вступаетъ въ гражданство.
 Одна лишь утопія любить ломать,—
 Своимъ произволомъ губить вѣковое
 Развитие вселенной. Законъ прямой,—ждать,
 Ждать мирно плодовъ отъ того, что посѣялъ.
 А все-же рѣка обновленія течеть,—
 Течеть невидимо, какъ Ставръ объясняетъ.
 Міръ прежній потонетъ,—и скоро всплыветъ
 Міръ новый, что наши отцы не узнали-бъ!
 Едва-либъ узнали, быть можетъ, и мы,
 Когда-бъ черезъ два, три столѣтъя воскресли.
 Міръ этотъ провидятъ иные умы;
 Они даже видятъ процессъ разложенія
 Отжившаго міра. Конечно, онъ есть;
 Одни еще мертвы, другіе воскресли...
 Пророковъ, учителей, всѣхъ не сочешь,—
 Что въ этомъ утопія, что, точно, правда?
 «Я Вану увижу,—Годинычъ сказалъ;
 Конечно, какъ образъ, она всегда съ нами.
 Въ ней наша народность; она идеаль
 Народнаго духа, дней прежнихъ и новыхъ.
 Но кто-же онъ самъ?.. Ставръ Владиміра зналъ!..
 Кто-жь онъ,—тотъ Ставръ древній иль Ставръ современный?»...
 Мои мысли путались,—я ужъ дремалъ.

Я видѣлъ какой-то ужъ сонъ.—Мнѣ казалось,
 Что я собираюсь куда-то. Кругомъ
 Глубокая ночь, но повсюду движеніе...
 Какъ вдругъ, кто-то щолкнулъ у двери замкомъ,
 И снова Годинычъ стоялъ предо мною.

«Ага, ты готовъ ужъ? Отлично.... Идемъ!
 Сказалъ онъ. Ты хочешь отжившаго міра
 Увидѣть конецъ,—и что будетъ потомъ?
 Да, милый дружище, конецъ его близокъ.
 Я съ тѣмъ и вернулся....

«Загарается матушка сыра-земля
«Воскресають живые и мертвые»...

«Прощай, старина!

Имѣющій уши, чтобъ слышать, да слышать.
Одинъ развѣ ты спишь... А тамъ,—посмотри,
Какой вездѣ праздникъ: и шумъ и движенье.
Всѣ чувствуютъ близость желанной зари,
Кто съ радостью, кто еще съ страхомъ»...

Мы вышли.

Пахнуло весной....

Сыро, влажно, темно,
Будто въ безднѣ черно;
Кой-гдѣ звѣзды глядятъ,
Но и тѣ не блестятъ;
Мѣсяцъ краснымъ пятномъ
Рдѣеть въ мракѣ глухомъ;
Весь во мглѣ сводъ небесъ;
Какъ порубленный лѣсъ,
Полегли облака;
Вся надулась рѣвка.....
Кто-то близъ насъ мелькнулъ,
Намъ въ лице заглянулъ,
И исчезнулъ тотчасъ...
Вотъ опять кто-то насъ
Вдругъ окликнулъ въ потьмахъ...

Но ужъ въ разныхъ мѣстахъ,—
Въ темныхъ окнахъ, въ домахъ,
У воротъ, зажжены
Плошки, свѣчи, огни.
Какъ въ исходѣ поста,
Въ свѣтлый праздникъ Христа,
Суетится народъ,
Все куда-то идетъ.
Свѣтъ и радость въ очахъ,
Шумъ и говоръ въ толпахъ;
Всѣ бѣгутъ, всѣ спѣшатъ,
Всѣ о чемъ то кричатъ,
Средь ночной тишины.....

Божьи храмы полны....
 Блещутъ царски врата,
 Давка, шумъ, тѣснота;
 На колѣняхъ народъ.
 Въ бѣлыхъ ризахъ причеть;
 Пѣснь хваленя въ устахъ,
 И хоругви въ рукахъ,
 Посреди, въ облакахъ
 Омиама кругомъ,
 Свѣтлый пастырь съ крестомъ
 На сѣдой головѣ...
 Что за праздникъ въ Москвѣ?
 Сонмъ святыхъ на стѣнахъ,
 Весь сія въ лучахъ,
 Драгоценныхъ вамней,
 Отъ лампадъ, отъ свѣчей,
 Будто самъ съ торжествомъ,
 Неземнымъ естествомъ,
 Раздѣляетъ съ толпой,
 Какъ съ родимой семьей,
 Блескъ и радость....

А тамъ, —

По дворамъ, по домамъ,
 И по улицамъ, — гамъ,
 Шумъ, возня, голоса...
 Чудеса! чудеса!

Сторожа съ молоткомъ
 Забываютъ лубкомъ
 Ворота и подъѣздъ
 У присутственныхъ мѣстъ.
 Ну, прощай, старина!
 Какъ злой духъ, изъ окна
 Кто-то смотритъ въ стекло, —
 Это старое зло,
 Это ябеда.....Прочь,
 Мрака чернаго дочь!
 Двери, окна дрожать,
 И по обнамъ стучать

Топоры, молотки,
 Прибиваютъ лубки...
 Все забили кругомъ, —
 Заколоченъ весь домъ.

А вотъ здѣсь что? Трактиръ.
 Пьеть, поеть вольный міръ;
 Мужики, господа
 Веселятся....Бѣда!
 Господа мужикамъ
 Руки жмутъ, вахлакамъ,
 Обнимаютъ лихихъ
 Молодцовъ, половыхъ;
 Кто въ присядку, кто такъ...
 Пей, воскресшій вохлакъ!
 Все пьяно, — всѣ свои, —
 Воля, братцы мои!

А тамъ, скряга-скупецъ
 Растворилъ свой ларецъ;
 Жадно смотреть въ него, —
 Много, много всего!...
 Это онъ накопилъ
 Въ оны дни, какъ служилъ.
 Но теперь надо дать,
 Что онъ собралъ, какъ тать;
 Надо то же блеснуть, —
 Надо дать что нибудь,
 Хоть на школу, пріютъ,
 На дѣтей....Мало-ль тутъ
 Всякихъ сборовъ, воровъ, —
 Разумѣй: бѣдняковъ!
 Новый міръ, новый свѣтъ!
 Надо дать, или вѣтъ?...

Преклонившись во прахъ,
 Мать съ ребенкомъ въ рукахъ,
 Предъ иконой лежитъ.
 Въ взорахъ ясныхъ горитъ
 Благодарность царю,
 Что далъ видѣть зарю

Ей свободы святой;
 Что сыночек родной
 Не потянетъ тягла,
 Не испьетъ чаши зла,
 Что пила издавна
 Вся родная страна;
 Только птенчикъ вспорхнетъ,
 Жизнь иную начнетъ,—
 Самъ дорожку свою
 Онъ проложитъ къ краю;
 Новый свѣтъ, новый вѣкъ,—
 Вотъ и онъ,—человѣкъ!

Вспранувъ съ ложа ногой,
 Беззаконникъ сѣдой,
 Ограждаясь крестомъ,
 Робко смотритъ кругомъ.
 Или это былъ сонъ?..,
 Гдѣ такой есть законъ,—
 Чтобъ съ крестьяниномъ я
 Шель судиться?.. Меня
 Въ судъ тащить? Я—злодѣй?..
 Я ихъ женъ, дочерей?..
 Тьфу, что это? Кто тамъ?..
 Никого! по угламъ
 Только мыши скребутъ.
 Мысли такъ и ползутъ....
 Экъ, я сколько сгубилъ!
 Лучше-бъ въ гробъ положилъ..
 Господи, отпусти
 Прегрѣшенья мои!..

А вотъ здѣсь кабачекъ.
 Русскій нашъ мужичекъ
 Счастливъ всѣмъ, радъ всему,
 Лишь бы выпить ему.
 Воля, волюшка—рай!
 Ну-тка, братъ, наливай!
 Хоть хозяйство пропьемъ,—
 Въ кабалу не пойдёмъ.

Пусть работникъ плохой,
 Да за то, самъ большой.
 Будетъ имъ, господамъ!
 Сдачи всякому дамъ.

А вотъ школа. Шумъ, гамъ,
 Споръ, движеніе тамъ.
 Говоръ—только въ потьмахъ,
 И на всѣхъ языкахъ,
 Кромѣ русскаго. Споръ,—
 Что полезно, что вздоръ...
 Но вы, дѣти, дружнѣй—
 Всѣ сюда! Въ міръ людей!..
 Много ломки всегда,
 Гдѣ живая вода
 Пробиваетъ свой путь.
 Не успѣемъ взглянуть,—
 Темный край нашъ родной
 Хватитъ влаги живой;
 А во вкусъ онъ войдетъ,
 И поидетъ, и поидетъ,—
 Будетъ плодъ! Будетъ плодъ!
 А вотъ тамъ—двѣ сестры,
 Той счастливой поры,
 Что лишь рай позади,
 Рай другой впереди,—
 Слышать сердцемъ своимъ
 Что-то новое имъ.
 Судятъ всѣ, говорятъ
 Про общественный взглядъ,
 Вольный трудъ, женскій трудъ...
 Что-то чудное тутъ!
 Рѣчи нѣтъ про рабовъ,
 Лошадей, конюховъ;
 Рѣчь у всѣхъ про народъ,
 Про движеніе впередъ.
 Это весело имъ
 Слушать сердцемъ святымъ.
 Вотъ онѣ обнялись,

Какъ двѣ вѣтви сплелись,—
 Гордъ и счастливъ ихъ видъ;
 Будто кто говоритъ:
 Не забудьте и насъ,
 Этотъ міръ весь для васъ.
 Будетъ онъ посложнѣй
 Пустоты прежнихъ дней;
 Много сыщется тамъ
 Мѣста всякимъ дѣламъ;
 Но смотрите, и тутъ
 Есть общественный судъ;
 Онъ незримо растеть,
 И свое онъ возьметъ!

А вонъ, въ этомъ дому,
 Невидимъ никому,
 Мыслить вслухъ молодець:
 Проведу, наконецъ,
 Мысль мою я теперь!..
 Растворилася дверь,
 Вольной мысль ~~идетъ~~ всему,
 Что отрадно уму.
 Много будетъ возни
 Въ эти первые дни;
 Много будетъ всего...
 А вѣдь послѣ того,
 Какъ разсудать, поймутъ,
 Что немѣнаго тутъ
 И что дѣло,—пойдетъ,
 И пойдетъ край впередъ;
 И пожалуй, смотри,
 Мы дождемся зари
 Красныхъ дней, лучшихъ дней,
 Настоящихъ людей,
 Новыхъ богатырей...

А собранье господъ
 Споръ о земствѣ ведетъ.
 Тутъ сыны и отцы,
 Господа и купцы,

Мужики и попы...
 Рѣчь слышна изъ толпы:
 Бросьте лѣнь, господа!
 Безъ труда никогда
 Духъ страны не внесеть
 Самобытность въ народъ.
 Земство,—знаете-ль вы?—
 Это мозгъ головы
 Всей народной семьи;
 Все хозяйство земли,
 Это абука намъ
 Къ новымъ высшимъ трудамъ.
 Изучивши ее,
 Край возьметъ все свое.....
 — Вотъ теперь-то и я,
 Мать-родная земля,
 Послужу за себя?
 Говорить тамъ другой,
 Удалецъ молодой.
 Всѣ теперь мы равны,—
 Всѣ твои мы сыны!
 Князь, мужикъ, дворянинъ,
 Всѣхъ нашъ край-исполнитъ,
 Всѣхъ онъ усновоютъ...
 Сколько средствъ, сколько силъ!
 Стой, ровняйся,—ура!..
 Такъ давно-бы пора!
 Не обиженъ никто.
 И отчина на что?
 Всякій ратникомъ будь...
 День придетъ, не забудь!..

«Ты видишь, воскресли! Миръ конченъ былъ,—
 Другой оживаетъ. И прежніе люди,
 И новые люди, и миръ весь живой,
 И мертвый,—встрѣчаютъ, по своему каждый,
 Страны возрожденъе. Годинычъ опять
 Ко мнѣ обратился съ своимъ разъясненъемъ.

Шагъ сдѣланъ. Теперь мы не двинемся вспять,
Не станемъ вновь виснуть, какъ прежде, въ застоѣ.

«Трудовъ, ломки много еще впереди;
Но Богъ намъ поможетъ!....Онъ самъ истребляетъ
Отсталыхъ людей. Кто жить хочетъ,—иди!
Зане онъ Богъ жизни и свѣта,—не смерти.
Всѣ знаютъ, какъ трудно рождаетъ жена,—
Задолго еще до ея разрѣшенья,
Жестокое и страшно страдаетъ она,
Отъ тягостныхъ мукъ подступающихъ болѣй;
Въ волненьи, въ таинственномъ страхѣ весь домъ,
Въ нѣмомъ ожиданіи близкіе люди;
Тутъ шепчутся чуть, тамъ, съ поникшимъ челомъ,
Сидятъ или бродятъ въ безмолвныхъ покояхъ;
Межъ тѣмъ все сильнѣе страдаетъ она,
И мечется,—рветъ волоса и покровы,
Иль въ тяжкомъ томленьи предсмертнаго сна,
Лежитъ бездыханная, будто во гробѣ.....

«Но послѣ зимы воскресаетъ весна,
А послѣ тѣхъ болѣй,—родится младенецъ;
Опять наступаетъ въ дому тишина,
А въ внешней природѣ сіяющій праздникъ.
Такъ точно смѣняются въ мірѣ самомъ
Его времена неизмѣнные года;
Такъ точно и въ каждомъ рожденіи земномъ
Судебъ новыхъ міра есть тяжкія боли;
Пока не даруетъ небесный Творецъ
Ему постоянное, зрѣлое лѣто,
Пока не родитъ этотъ міръ, наконецъ,
Развитіе полное для человѣка.
Тогда пройдетъ время рожденій его,
Закончатся бури эпохъ переходныхъ,
Пробьютъ часъ полудня, и послѣ того
Весь свѣтъ отдохнетъ подѣ оливою мира.
Теперь завернемъ вотъ сюда!»

Я взглянулъ,—

Мы были предѣ главнымъ фасадомъ манежа,
Гдѣ геній Москвы мысль благую вдохнулъ,

Собрать въ одномъ кругѣ всѣ образы нашихъ
 И также отчасти славянскихъ племенъ,
 И тѣхъ инородцевъ, что жизнь ведутъ съ нами.
 Хоть было ужъ поздно, но съ разныхъ сторонъ
 Сюда шли и ѣхали всякіе люди. 12)

Манежь былъ, сверхъ чаянья, весь освѣщенъ
 Искусственнымъ солнцемъ, сіявшимъ такъ ярко,
 Что я былъ при входѣ совсѣмъ ослѣпленъ.
 Блескъ этотъ не придалъ однако движенья,
 Ни жизни фигурамъ, какъ Ставрѣ ожидалъ;
 Вокругъ насъ стояли толпы манекиновъ,
 Какъ я видалъ днемъ ихъ,—и свѣтъ озарялъ
 Одну гробовую лишь ихъ неподвижность.
 Всѣ эти обрачики нашей земли
 И съ нами живущихъ въ странѣ инородцевъ
 Встрѣчали насъ также, еще издали,
 Своимъ неподвижно-установленнымъ взоромъ
 И глупо-животной улыбкой, дивясь
 Какъ будто бы нашимъ свободнымъ движеньямъ.
 —Хитерь, кто слѣпилъ ихъ! шепнулъ Ставрѣ, смѣясь,
 Вотъ весь міръ минувшій!»..

За то посрединѣ жизнь была ключемъ.
 На очень красивомъ, большомъ возвышеннѣ,
 За длиннымъ, отлично накрытымъ, столомъ,
 Сидѣли парадно славянскіе гости,
 Между именитыхъ московскихъ друзей,
 Ученыхъ, чиновныхъ и просто желавшихъ
 Явиться въ славянской натурѣ своей.
 Поодаль стояли толпы любопытныхъ.
 Межь нихъ выдвигались неволью впередъ
 Какія-то личности страннаго вида,
 Напомнить могущія царственный родъ
 И страшную силу богатырей древнихъ.
 Не меньше былъ страненъ видъ также другихъ,
 Толпившихся возлѣ насъ, личностей чудныхъ,—
 Тѣмъ чудныхъ, что многіе очень изъ нихъ
 Считаются нами давно въ царствѣ мертвыхъ

Меня поразили ихъ особенно взоръ,
 Какъ бы просвѣтленный нездѣшней силой.
 Еще былъ страннѣе межъ нихъ разговоръ,
 До насъ долетавшій неясно, въ отрывкахъ.
 Одинъ вдругъ спросилъ: а таковой-то воскресъ?
 Другой отвѣчалъ: да, воскресъ, но не прибылъ...
 А этотъ?—Тотъ былъ здѣсь, но снова исчезъ...

Когда мы входили, какой-то ораторъ,
 («Давно мужъ умершій,—и славянофилъ!..»
 Шепнулъ мнѣ Годиничъ), кончалъ длинный спичъ свой,
 Гдѣ онъ въ очень яркихъ чертахъ изложилъ
 Устойчивость русской широкой природы,
 Сложившейся въ смутахъ тяжелой борьбы;
 Новѣйшія наши преобразования,
 Величіе нашей грядущей судьбы,
 Связь кровную сильныхъ народовъ славянскихъ;
 Назначенный свыше намъ подвигъ святой,—
 Сперва возрожденія отторгнутыхъ братьевъ,
 Подъ знаменемъ общимъ свободы благой;
 Потомъ, воссозданіе новой вселенной...

Неистовый топотъ, и крики, и ревъ,
 Привѣтствовалъ слово воскресшаго мужа.
 Всѣ чокались, пили въ честь новыхъ вѣговъ,
 Иные, съ слезами въ глазахъ, обнимались.
 Затѣмъ, развернулось надъ самымъ столомъ
 Славянское знамя,—еще громче крики,
 Ура, звонъ бокаловъ и топотъ кругомъ;
 Опять загремѣли за тостами тосты.

Мы съ Ставромъ стояли въ сторонкѣ: «Ну что?»
 Шепнулъ онъ, —воскресли?..» — «Слова золотыя,
 Духъ истый-славянскій!» сказалъ я на то.
 «Слова золотыя, духъ истый-славянскій!..
 Поддакнулъ Годиничъ. Я это и зналъ.
 Сначала слова, а потомъ будетъ дѣло!
 Но слушай!—Чу, слушай!»...

Межъ тѣмъ шумъ стихалъ.

Одинъ изъ славянскихъ гостей, — сановитый,
 Вполнѣ бодрый старецъ, съ сѣдой головой,
 Сбирался свое заявить также слово.
 И онъ заявилъ, — что славяне душой
 Сочувствуютъ нашему освобожденью
 И нашимъ надеждамъ; что славные дни
 Славянскихъ народовъ еще передъ ними;
 Что миръ богатырскій имъ также сродни...
 И вслѣдъ, возгласилъ, приподнявши бокаль свой
 Предъ знаменемъ вѣщимъ славянской семьи,
 Торжественный тостъ, въ честьъ всѣхъ братьевъ славянскихъ.

Опять все слилося въ одинъ шумный гулъ;
 Вновь крики и топотъ. Восторгъ былъ всеобщій.
 Годичнычъ тихонько меня подтолкнулъ;
 А самъ, въ упоеньи, парилъ въ седьмомъ небѣ.
 Онъ ѣжился, мялся и страшно пыхтѣлъ;
 По счастью, стояли мы съ нимъ въ отдаленьи.

Но вотъ, шумъ неистовый вновь ослабѣлъ;
 Славянскій ораторъ опять началъ слово.
 Сказалъ онъ еще, про желанье славянъ,
 Развить самобытно ихъ геній народный;
 Про древнюю рознь своихъ родственныхъ странъ,
 Низвергнувъ край ихъ подъ скиптръ царей чуждыхъ.
 Потомъ заявилъ про воинственность онъ
 И духъ земледѣльа народовъ славянскихъ,
 Про ихъ любознанье, что съ древнихъ временъ
 Они сохраняютъ въ душѣ ихъ понинѣ.
 Чего же имъ надо? Чего у нихъ нѣтъ?
 У нихъ нѣтъ единства, свободы и свѣта;
 А будетъ единство, свобода и свѣтъ, —
 Въ то время воспрянетъ и онъ, миръ славянскій.

Взрывъ новый сочувствія шумно прервалъ
 Оратора громкимъ живымъ одобреньемъ.
 Когда поутихло, онъ вновь продолжалъ:
 «Да, мы земледѣльцы, и этимъ гордимся.
 Самъ Промыслъ назначилъ намъ этотъ удѣлъ:
 Какъ всѣ земледѣльцы, — мы сильные люди,
 Земля — наша мать. Гордый Западъ хотѣлъ

Отнять у насъ самую давность въ Европѣ;
 Но наши преданья древнѣйшихъ временъ
 Возстали за край нашъ. Народъ развитой лишь, —
 Не сборныя рати бродячихъ племень,
 Занять могъ подъ пашни двѣ-трети Европы!..
 Затѣмъ обратился онъ къ нашей странѣ, —
 Къ разумности, силѣ способности русской,
 Замѣтивъ, что имъ бы хотѣлось вполнѣ
 Еще познакомиться съ міромъ народнымъ.
 Они наглядѣлись богатствъ городскихъ;
 Но видѣть желаютъ и быть деревенскій, —
 Зерно это силы народной. Вкругъ нихъ
 Богатство и сила людей лишь чиновныхъ,
 И крупныхъ торговцевъ; а что на селѣ,
 Для нихъ еще тайна. Они не видали
 Народнаго міра: онъ гдѣ-то во мглѣ.
 Быть можетъ, и ложно, — но мнѣ показалось,
 Нашъ край произвелъ впечатлѣнье на нихъ
 Того же манежа, гдѣ ихъ угощали.
 Они голоса людей слышать живыхъ,
 Пиръ этотъ размахистъ и всѣмъ изобилентъ;
 Но ихъ освѣщаетъ искусственный свѣтъ;
 Вдали все мертво, неподвижно, безмолвно...
 Ораторъ пожелалъ, каковой будетъ отвѣтъ;
 Но всѣ промолчали, ...

«О братья! сказалъ онъ. Примите, отъ сердца
 Идущее, слово. Вамъ, мужамъ добра,
 Слова всякой правды принять подобаеъ.
 Да будетъ намъ правда дороже сребра!
 Откройте намъ настезь великій міръ русскій!
 Скажите, что нынѣ Микула родной?
 Гдѣ вѣщая наша, родимая Вана?
 Гдѣ вашъ богатырь, что вы звали Ильей?
 О нихъ стосковался Кралевичъ нашъ Марко... *)
 Пока не свеземъ мы извѣстья о нихъ,
 До тѣхъ поръ не встанетъ нашъ витязь народный;

*) Марко-кралевичъ считается погруженнымъ въ мифическій сонъ, но не умершимъ.

Пока мы не узримъ ихъ . ликовъ живыхъ
До тѣхъ поръ мы будемъ отъ васъ все далеко»...

При этомъ Годинычъ не выдержалъ мой,—
Она,—Вана, здѣсь!...» закричалъ онъ, стараясь
Разжать мою руку,—и, вслѣдъ за собой,
Меня потащилъ въ кругъ гостей именитыхъ.
Едва, черезъ силу, я могъ удержать
Порывъ его бурный; но въ нашему счастью,
Никто и не думалъ на насъ обращать
Вниманья.

Вниманье гостей поглощали
Слова еще спича. Сначала онъ всѣхъ
Какъ бы озадачилъ; потомъ я замѣтилъ
Въ одномъ концѣ ропотъ, въ другомъ глухой смѣхъ.
Всѣ русскіе, разомъ поднявшись, вскочили;
Иные сбирались отдѣльно въ кружки,
Другіе кричали.

Я все держалъ Ставра.
Но онъ отодвинулъ движеньемъ руки
Меня отъ себя,—и рванулся ко входу.
Я далъ ему мѣсто. Годинычъ искалъ
Какъ будто кого-то еще изъ знакомыхъ...

«Ну, вотъ, посмотрите!» онъ громко сказалъ;
Сжимая мнѣ руку, весь свѣтлый отъ счастья.
Я поднялъ глаза. Впереди, предо мной,
Какъ свѣтлое, въ облакѣ бѣломъ, видѣнье,
Стояла, покрытая легкой фатой,
Брасавица въ русскомъ нарядѣ,—царевна
Изъ сказки волшебной. Она обвела
Безмолвно глазами гостей и эстраду,
Взглянула на насъ, и рукой позвала
Годиныча.

«Гдѣ же я съ нею встрѣчался?
Подумалъ я. Гдѣ-то ее я видалъ,—
Черты ея, образъ, мнѣ будто знакомы.
Гдѣ жъ я ее видѣлъ?»... Но тщетно искалъ
Въ умѣ я сближеній,—какъ Ставръ мой Годинычъ

Меня въ мигъ поставилъ на истинный путь.
 «Родимая, матушка наша, царевна,
 Богинюшка наша!... Привелъ Богъ взглянуть
 Еще на тебя!»—воскликнулъ онъ, цѣлуя
 Ей руки.

«Что жь это? Я брежу или сплю?»

Я спрашивалъ смутно себя. Но Годиничъ,
 Какъ бы угадавши тревогу мою,
 Подвелъ меня къ ней, и она мнѣ сказала:

«Я вижу, ты думалъ, я только мечта;
 Теперь убѣдись же, что я живу съ вами,
 И мой свѣтлый образъ, моя красота,
 Какъ всякая правда,—изъ плоти и крови.
 Пиръ этотъ устроенъ мнѣ въ честь; я должна
 Принять въ немъ участие. Ты знаешь,
 Присутствіемъ Ваны полна вся страна.
 Во мнѣ нашъ міръ древній и міръ нашъ грядущій!
 Вначалѣ я дщерью считалась боговъ;
 Теперь я раба православнаго Бога,
 Теперь я пророчица новыхъ вѣковъ;
 Вся сила и крѣпость моя въ теплой вѣрѣ.

«Зачѣмъ намъ скрывать отъ всѣхъ язвы свои?

Пускай судить Богъ насъ за наше былое,
 Пускай видятъ всѣ горечь русской земли,
 И съ нами привѣтствуютъ дни возрожденья!
 Нашъ край полонъ тьмы,—но намъ все говорить,
 Что полного сна не бываетъ въ природѣ.
 Ошибочно мыслятъ, что міръ-народъ спитъ;
 Спать воля,—но духъ его, разумъ, лишь дремлетъ;
 Онъ весь спать не можетъ. Какъ Индрикъ, богъ-звѣрь,
 Онъ любить копаться въ глубокомъ туманѣ.
 Предъ нимъ еще къ свѣту затворена дверь,—
 Народъ пробуравитъ къ нему самъ дорогу.

«Живой духъ не можетъ въ бездѣйствіи быть!

Свѣтъ дня пробуждаетъ насъ каждое утро;
 А свѣтъ времянь новыхъ,—онъ долженъ будить
 Собой отсталые народы и царства.
 Когда разсвѣло или свѣтаетъ кругомъ,

Часть II.

4

Нельзя и у насъ долго тьмѣ оставаться;
 Немного потребно, чтобъ былъ свѣтель домъ,—
 Но сколько средствъ надо, чтобы освѣтилось
 Обширное царство?

«Вотъ съ чѣмъ я пришла
 Сюда, въ мѣръ живой вашъ, въ вашъ мѣръ современный.
 Я слышала вызовъ, и я не могла
 Сынамъ дорогимъ не подать родной голосъ.
 Пускай они видятъ и слышатъ меня,
 Пускай всѣ увидятъ мое воскресенье!
 А если въ народѣ воскреснула я;
 То значить, и мертвый народъ воскресаетъ.
 Но намъ прежде надобно выдти изъ тьмы,
 Куда насъ затерли былия событья;
 Вотъ главный нашъ подвигъ! При свѣтѣ и мы
 Сумѣемъ найти настоящее мѣсто
 Среди прочихъ народовъ. Я вижу вдаль
 Путь скользкій и трудный, но съ вѣрою въ Бога,
 Чего не достигнетъ мѣръ русской земли!..
 Пусть гости-славяне нашъ край видятъ темный,
 Пусть видятъ они и нашъ близкій разсвѣтъ...
 Что будетъ тогда въ возрожденной Европѣ,
 Что будетъ у насъ, —черезъ сотни двѣ лѣтъ?..
 Идите за мною!»

Она обернулась,
 И прямо пошла по эстрадѣ къ гостямъ.
 Предъ нею съ почтеніемъ всѣ разступались;
 Годиничъ и я шли за ней по стопамъ.
 Она величаво прошла по собранью,
 И сѣла на главное мѣсто за столъ;
 Всѣ сѣли опять; а толпа любопытныхъ
 Сомкнулась вокругъ. Ставръ Годиничъ подвелъ
 Меня къ самой Ванѣ. Она говорила...

ПѢСНЬ 8-Я.

РАЗСКАЗЪ ВАНЫ.

„S'il est un Dieu dans la nature, il est aussi dans l'histoire... Je m'incline, plein de respect, devant ta noble image (Jésus-Christ), o toi, chéf et fondateur d'un royaume si grand dans son objet, si illimité dans sa durée, aux principes si simples et si vivents, aux moyens si puissants que la sphère decette vie terrestre lui semble trop étroite“.
(Herder. t. III, p. 74, 164).

Вавы, представители, лехи, владыки! *)
Тавъ вѣщая Вана, за бранымъ столомъ,
Бъ гостямъ начала задушевное слово,
Какъ будто она еще въ мѣрѣ быломъ.
Мы васъ благодарствуемъ, я и Миеула,
Что вы посѣтили и помните насъ;
Мы живы и здоровы. Мы рады васъ видѣть
Межъ нами. И мы не забыли о васъ.
Свезите поклонъ нашъ кралевичу Марку.
Господь дастъ, увидимся скоро и съ нимъ,—

*) Лехи,—богатые владѣтели, правители, отъ которыхъ произошли магнаты; Владыки.—владѣтели небольшихъ участковъ, мелкие дворяне, изъ которыхъ образовалось рыцарство и спасское дворянство. Были еще Кметы,—оливкіе люди къ князю, его совѣтники. (Толк. г. Гербеля).

Теперь мы свободны; намъ путь къ вамъ отворенъ.
 Я вѣрю, мы будемъ народомъ однимъ,—
 У всѣхъ у насъ сходны языкъ и преданья;
 Вы всѣ сыны, дѣти единой семьи,
 У васъ одинъ праотецъ,—красное Солнце,
 Вы всѣ его внуки,—всѣ дѣти мои.

«Вы насъ упредили духовнымъ развитьемъ,
 Мы васъ упредили единствомъ страны,
 Устройствомъ гражданскимъ, единствомъ народнымъ.
 Но мы жили въ рабствѣ,—мы мракомъ полны;
 Всѣ чуждыя страны нашъ край упрекаютъ
 Въ невѣжествѣ, тьмѣ, суевѣрьи слѣпомъ,
 Въ общественномъ нашемъ еще нестройствѣ,
 Неряшествѣ, лѣности, многомъ другомъ,
 Что прямо исходитъ изъ долгаго рабства.
 Чуть брежить у насъ просвѣщенія свѣтъ;
 Мы дѣти почти,—одиоки, несмѣлы;
 Прямой самобытности въ насъ еще нѣтъ,
 Мы слѣдуемъ въ нашемъ пути за другими....
 Но пусть дастъ исторія въ этомъ отвѣтъ!

«Какъ будто я вижу еще предъ собою
 Нашъ древній, великій славянскій нашъ родъ,
 Занявшій востокъ весь и полдень Европы,
 И сушу, и море,—какъ царственный флотъ,
 На всѣхъ парусахъ напиравшій на Западъ.
 Какъ будто я вижу его города,
 Богатые храмы, рѣзныя кутины,
 Обширныя нивы, морскіе суда,
 Весь край нашъ, цвѣтущій богатствомъ и силой,
 Воинственный духъ его мощныхъ племень...
 Но имъ не живетъ спокойно на мѣстѣ,
 Ихъ жизнь—разселенье. Съ древнѣйшихъ временъ
 Флотъ царственный этотъ отважно несется
 Во всѣ протяженья тогдашней земли;
 Борьба раздѣляетъ могучія силы;
 Онъ скоро мельчаетъ,—его корабли
 Разносятъ ту силу по дальнимъ побережьямъ.
 Она будто таетъ средь чуждыхъ племень;

Великій край залитъ волнами раздора.
Его окружаютъ съ открытыкъ сторонъ
Чужія, но больше развитія, силы,—
И лучшія страны славянскоѣ земли
Совсѣмъ исчезаютъ въ нахлынувшемъ морѣ
Безвыходныхъ бѣдствій.

«Въ то время вдали

Слагается сильное Русское царство.
Тотъ самый славянскій же міръ положилъ
Ему основанье. Оно прибываетъ,
Оно разрослось; но его юныхъ силъ
Еще не хватаетъ, чтобъ вамъ подать руку.
Когда-жъ, возмужавъ, оно стало сильнѣй,
Судьба разобщенныхъ племенъ совершилась!
А послѣ,—событъя, ближайшихъ къ намъ, дней
Кладутъ новый гнетъ на весь міръ нашъ славянскій,—
Вы боретесь тщетно подъ игомъ чужимъ,
А здѣсь возникаетъ домашнее рабство!

«Міръ новый гордится успѣхомъ своимъ
Въ благомъ просвѣщенъи предъ міромъ минувшимъ,—
И можетъ, не тщетно! Но съ древнихъ временъ
Оно достоянью лишь высшихъ сословій;
Народъ былъ всегда и вездѣ отчужденъ,
Покуда онъ самъ не прокладывалъ къ свѣту,
Гдѣ могъ онъ, дорогу. Для сильныхъ земли
Казалось удобнѣй держать народъ въ мракѣ;
Они никогда понимать не могли,
Что сила и власть ихъ—безъ истинной почвы.
Не только у насъ, гдѣ весь край объятъ тьмой,
Но даже и въ царствахъ, давно просвѣщенныхъ,
До сихъ еще поръ, подъ ихъ силой живой
Развитаго общества, міръ лежитъ мертвый,—
Міръ цѣлый народный. Его воскресить,
Поднять его, въ силахъ одно просвѣщенье....
Но міръ современный не можетъ такъ жить,
Какъ онъ живетъ нынѣ!.. Его основанье
Стоять до сихъ поръ на пескѣ. Онъ дрожитъ
При каждомъ волненъи. Онъ ждетъ обновленья.—

Но только не ломкой; его обновить,
Его перестроить лишь свѣтъ просвѣщенья!
«Надъ нимъ ужъ вечерняя меркнетъ заря,
Тогда, какъ народъ не видалъ еще утра.
Богатство и сила,—два высшихъ царя,—
Одни наслаждаются благами жизни.
Богатство и сила немногихъ людей,
Богатство и сила, насчетъ силъ народныхъ,
На счетъ всѣхъ минувшихъ и будущихъ дней,—
Вотъ тѣ основанья, на комъ утвердился
Онъ, мѣръ самовластный. Онъ такъ и стоитъ,
Не чувствуя самъ, что стоитъ онъ надъ бездной.
Но онъ давно подгнилъ... Его тяготить
Безплодное бремя.

«Свѣтаетъ свѣтъ новый.

Чудовища мрака стремятся пожрать
Всходящее солнце... Но такъ всегда было
И будетъ,—пока свѣтозарная рать
Духовъ свѣтлыхъ дня не разгонитъ ихъ силы!
Какъ свѣтлый мѣръ асовъ вначалѣ дрожалъ
Предъ волкомъ Френмиромъ; такъ въ каждомъ народѣ
Свой также волкъ,—кто ихъ не встрѣчалъ!—
Что свѣтъ поглащаютъ у краснаго солнца.
У насъ, у славянъ, есть свой волкъ Самоглотъ....
Какъ чудища тьмы,—всѣ они враги свѣта;
Они гложутъ солнце,—и темный народъ
Досель въ этомъ видитъ причину затмѣній...

«Пускай мы не знали, въ тотъ вѣкъ нашъ дружинъ,
Что счастье народовъ въ ихъ мѣръ взаимномъ,—
Что датчанинъ, нѣмецъ или славянинъ,
Всѣ божьи люди, всѣ кровные братья;
Но каждый, возникшій средь нихъ, властелинъ
Есть врагъ и своимъ, и всѣмъ чуждымъ народамъ...
Теперь это знаютъ! Теперь новый свѣтъ
Проникъ въ мѣръ общественный,—онъ понимаетъ:
Пока межъ народовъ согласія нѣтъ,
Пока они будутъ въ враждѣ межъ собою;
До тѣхъ поръ все будутъ игрушкой они

Своихъ и чужихъ честолюбцевъ; до тѣхъ поръ
 Все будутъ далеко ихъ свѣтлые дни.
 Отдѣльный народъ никогда не достигнетъ
 Той цѣли всемірной, что ждетъ труда всѣхъ
 Отдѣльныхъ народовъ. Въ единствѣ народномъ,
 Въ ихъ общемъ трудѣ, только ждетъ ихъ успѣхъ.

«Оставимъ упреки пока между нами!

Исторія скажетъ, что каждый народъ
 Живетъ, какъ сложили его край событья:
 Пусть каждый народъ идетъ только впередъ!
 Есть грань, гдѣ они напослѣдокъ сойдутся, —
 И миръ воцарится въ ихъ странахъ родныхъ...

«Молюся тебѣ, о предвѣчное Солнце,
 Верховный правитель народовъ земныхъ, —
 Она продолжала, — Богъ свѣта и правды,
 Единый источникъ успѣховъ благихъ!
 Молюся Тебѣ, о всевышнее Благо,
 Начало, конецъ и источникъ всѣхъ благъ,
 И всякой, ко благу устроенной, жизни!
 Всемірная Мудрость, въ чьихъ дивныхъ лучахъ,
 Вращается стройный кругъ нашей вселенной!...
 Ты есть, — и съ Тобою я выше, сильнѣй,
 И съ новой надеждой душа моя смотритъ
 На тягостный опытъ былыхъ нашихъ дней,
 На самую жизнь, на судьбы всей вселенной,
 Гдѣ чувствуетъ, слышитъ и знаетъ она
 Святое присутствие Строителя, Бога;
 Ты есть, — и отрадною вѣрой полна,
 Я смѣло вступаю на путь мой въ грядущемъ!
 «Лишить народъ вѣры, затмить предънимъ свѣтъ, —
 Да было-ль развитие народовъ безъ вѣры?
 Спросите вы совѣсть, — она дастъ отвѣтъ;
 Спросите народы, — они скажутъ тоже.
 Безъ вѣры, кто сдѣлалъ ли шагъ хоть впередъ?
 Наука народу замѣнить ли вѣру?
 Наука, — домашній для насъ обиходъ;
 Но вѣра, — свѣтильникъ нездѣшняго мира:

У нихъ, у обѣихъ, кругъ разный. Народъ
 Никакъ не смѣшаетъ двухъ силъ этихъ чуждыхъ.
 Онъ чувствуетъ, знаетъ, что вѣру даетъ
 Природа намъ: это нашъ даръ прирожденный;
 Наука-жь отъ міра,—даръ жизни земной,
 И то, лишь по мѣрѣ способностей нашихъ.
 Естественно-ль, можно-ль природѣ благой
 Такъ грубо нарушить свои міровые,
 Святые законы, чтобъ міръ самъ людской
 Пошелъ прямо противъ врожденнаго чувства?

«Молюся тебѣ, о всевиждущій Свѣтъ,
 Единный властитель судебъ темныхъ міра!
 Чтобъ былъ безъ тебя безпокойный нашъ свѣтъ!
 Чтобъ были давно ужъ народы, безъ вѣры?...

«О дивная вѣра, о свѣтъ, всѣмъ родной!
 Ты все поборолъ,—пространство и время,
 Царей и народы, и холодъ, и зной;
 Ты весь міръ связала для насъ воедино,
 И сблизила дальнія страны собой;
 Тобой измѣнился самъ образъ вселенной,—
 Ты рядъ новыхъ силъ создала для земли,
 Тобой заселились моря и пустыни,
 Бесплодная дебрь и пески разцвѣли;
 Ты въ духъ нашъ вложила безплотныя крылья,
 А сердцу больному дала свой покровъ;
 Ты съ новыхъ народовъ сняла ихъ оковы,
 А съ общества спячку минувшихъ вѣковъ;
 Ты въ царствахъ устроила новый порядокъ,
 И сдѣлала право народовъ святымъ,
 Внесла въ новый міръ нашъ любовь и согласие;
 Ты всѣхъ уравнила ученьемъ твоимъ
 И всѣмъ указала на міръ еще лучшій...

«Когда свѣтъ дрожалъ въ основаньи своемъ,
 При страшномъ разливѣ Полночныхъ народовъ,
 Когда разрушалось все ветхое въ немъ,
 И падало съ шумомъ подъ страшной грозой,
 И цѣлыя страны, и царства земли
 Ломало волненьемъ,—одно твое царство,

О дивная вѣра, подмытъ не могли,
Или затопить всекрушащія волны;
Одно устояло оно, возросло,
Подъ этой кровавою, страшною бурей,
Одно удержало и руль, и весло,—
И выплыло тѣмъ же свѣтильникомъ міра.

«Мы можемъ теперь справедливо сказать,
Что всѣ просвѣщенные страны свободны,
Насколько смогли и сѣумѣли понять
Онѣ духъ общественной, честной свободы.
Но первый лучъ этой свободы благой,—
Чтобъ умники ваши теперь ни кричали,
Какъ міръ ни глумился-бъ надъ вѣрой святой,—
Лучъ первый свободы внесенъ Христіанствомъ!...
Ученъ Христа,—ея первый оплотъ.
До этого не было въ міръ свободы,—
Христось пробудилъ угнетенный народъ,
Въ Христѣ онъ увидѣлъ царя надъ царями;
Христось уравниалъ всѣхъ, и двинулъ впередъ,
Всѣмъ сдѣлавъ доступными свѣтъ и богатства
Духовнаго міра.

«Кто знаетъ теперь,
Какъ встанетъ высоко развитіе вселенной?
Народамъ къ развитію отворена дверь,—
Но сколько преградъ еще, сколько сомнѣній!...
Безсиліе, бѣдность,—вотъ нашъ приговоръ!
Богатство и Сила,—два хищные звѣря,
Вселенную гложутъ до сихъ еще поръ...
Кто ихъ усмирить?—Кто, опричь христіанства?
Кто сниметъ съ нихъ когти? Кто жадный ихъ взоръ
Направитъ къ верховному благу народовъ?
Кто ихъ введетъ съ миромъ во всѣ тѣ мѣста,
Гдѣ путь пролагаетъ одно имъ насилье,
Кто,—кромѣ того же ученъя Христа,
Гдѣ все есть,—и миръ, и согласье, и братство?...

«Мечтая путь новый народамъ открыть
Въ возникшей неровно общественной жизни,
Иные стремятся въ народахъ убить

Послѣднюю вѣру, и съ этимъ низвергнуть
 Надежду на Промыслъ. Конечно, они
 Въ стремленьяхъ своихъ никогда не успѣють,—
 Но были-бъ то страшные, страшные дни!
 Пусть Бога не будетъ, но вѣра все будетъ:
 Потребность ея въ человѣкѣ самѣмъ.
 Народы невольно искать будутъ Бога;
 Что-жь? Лучше-ль они своимъ хитрымъ умомъ
 Его создадутъ, чѣмъ Онъ есть, Богъ небесный?

«Я въ мѣрѣ еще первобытномъ жила,
 Жила я и въ мѣрѣ гораздо позднѣйшемъ,
 Когда власть великаго Рима слыла,
 При силѣ его и гражданскомъ развити,
 Едва не всемирной. Свѣтло было въ немъ;
 Со страхомъ смотрѣлъ на него нашъ мѣръ темный.
 Тогда еще боги вишѣли вкругомъ;
 Но Богъ милосердія,—Онъ былъ невѣдомъ;
 Народы не знали небесной любви
 И создали только боговъ ярыхъ мщенья.
 Вселенна времянь тѣхъ тонула въ крови,—
 Мы всѣ чтили мечь,—милосердія жъ не знали.
 Народной свободой хвалился и грекъ,
 И римлянинъ гордый,—и мы,—люди мрака;
 Но что при свободѣ той былъ человѣкъ
 Иль личность его,—но вы знаете сами!...

«Свобода и личность стесняли въ цѣпяхъ,
 Подъ гнетомъ народнымъ иль гнетомъ тирановъ;
 Надъ обществомъ могъ лишь господствовать страхъ,—
 Да было-ли общество въ вѣкъ тотъ ужасный?..
 Зародышъ общественной силы—семья;
 Семья-же въ то время была еще въ рабствѣ.
 У насъ была силой въ то время,—земля:
 У грековъ, у римлянъ,—власть смутная гражданъ.
 Опора общественной силы, оплотъ,—
 Есть частная личность; ея мы не знали,—
 Всѣ были безличны; былъ только народъ,
 Народъ безпокойный,—иль гнетъ былъ владыки.

«Я помню нашъ край, когда Донъ и Дунай,

И Лаба, и Бугъ, и Карпатскія горы,
 Прибрежія Понта, Поморскій весь край,
 До моря Морозовъ,—давно составляли,
 За малымъ изъятъемъ, одинъ міръ родной;
 Тутъ слышалось всюду родное намъ слово,—
 Всѣ были Словене; а міръ, намъ чужой,
 Мы звали Нѣмымъ, безсловесною Чудью.

«Свѣжа еще память была о тѣхъ дняхъ,
 Когда правый берегъ кормилицы Волги
 Морскимъ былъ побережьемъ; а въ этихъ степяхъ,
 Гдѣ Каспій,—стояло Эвксинское море.

«Развитіе нашихъ главнѣйшихъ родовъ
 Такъ было высоко, что нѣмцы въ то время
 Считали славянъ за пришельцевъ-боговъ,
 И долго боялись познаній ихъ вѣщихъ. ¹³⁾

«Въ міръ этотъ народный, тогда принесла
 Я образы много изъ древняго міра;
 Но ихъ помрачила Полночная мгла,
 Ихъ краски затерли вѣка и пространство.
 Имъ нѣкогда было, окрѣпнувъ, взрости,
 Иль вновь возродиться здѣсь въ образахъ высшихъ.
 Пришли мы въ край новый; у насъ на пути
 Шель ливень кровавый и прыскали стрѣлы.
 Одинъ цвѣтокъ вешній созрѣть только могъ
 Въ странѣ этой вольной,—то наша свобода;
 Но это былъ дикій, колючій цвѣтокъ,—
 И много онъ стоилъ хлопотъ намъ и крови!..

«Какъ дивимъ онъ выросъ, такъ онъ и поблекъ,
 Едва власть князей водворила порядокъ!
 Порядокъ убилъ духъ свободный славянъ,
 Затѣмъ что въ свободѣ ихъ было все ложно.
 Нашъ міръ возросталъ, какъ растетъ великанъ,
 Причудливо полный размахистой воли
 И дивихъ затѣй, хотъ исполненный силъ,
 И силъ исполинскихъ.

Онъ весь кипѣлъ распрей.
 Растлѣнный Римъ скоро бы насъ развратилъ,—
 Сыны наши, братья, его потѣшали

Въ старусныхъ цѣрквахъ; другихъ онъ манилъ
 Своимъ обаяньемъ, въ его легионы;
 Римъ даже смѣялся, что мы безъ царя,
 И стравливалъ силы племень нашихъ вольныхъ;
 Но къ счастью, вечерняя эта заря
 Дряхлѣвшаго Рима,—она озаряла
 Его разрушенье.

«Свѣтъ новый Христовъ

Святой благодатью своей спасъ вселенну;
 Благая рѣшительность вашихъ отцовъ,
 Призваніемъ князя,—спасла нашу землю!..

«Вселенна кончалась. Ходъ времени сталъ,
 Скригѣли колеса однѣ грубой силы,
 И тѣ перетерлись. Отжившій міръ ждалъ,
 Ждалъ всюду,—въ Элладѣ, на дальнемъ Востокѣ,
 Въ самомъ даже Римѣ, и въ прочихъ странахъ
 Его государства,—міръ ждалъ обновленья.
 Народный духъ всюду томился въ цѣпяхъ,
 И жадно искалъ для себя возрожденья,
 Пророка, Мессію....

«И вотъ, Онъ предсталъ,—

Предсталъ изъ темнѣйшихъ слоевъ онъ народныхъ,
 Изъ яслей вертепа,—отколь міръ не ждалъ!
 Отъ пастырей мирныхъ, подобныхъ Микулѣ...
 Предсталъ человѣкомъ онъ самымъ простымъ,
 Но свыше даруя больнымъ исцѣленье,
 Рабамъ избавленье,—прозрѣнье слѣпымъ;
 Властямъ—милосердье, законникамъ—правду,
 Союзъ и свободу народамъ земнымъ,
 И всѣмъ—миръ душевный, любовь и безсмертье.

«Наитіе этой всемірной весны

Должно измѣнить было образъ вселенной;
 Цари-полубоги сошли съ вышины,
 Духъ смертныхъ воспрянулъ. Міръ древній, отжившій,
 Какъ ветхій корабль, опустилъ паруса;
 Сѣдой любодѣй, Римъ державный, кончался....
 Господь свилъ, какъ ризу, его небеса,
 И выдѣлилъ землю его людямъ новымъ.

«Полчища народовъ со всѣхъ шии сторонъ
 На трудъ обновленья,—и тѣмъ начинали,
 Не вѣдая сами, міръ новыхъ временъ.
 Ихъ вождь становился властителемъ края
 И землевладѣльцемъ; лѣса и поля
 Дѣлились на части межъ лучшихъ пришельцевъ.
 Впервые явились родная семья
 И личное право гражданской свободы,
 Свободная личность,—сей первый залогъ
 Грядущихъ успѣховъ и силы народной!

«Міръ рабства и деспотовъ, больше не могъ
 Задерживать свѣта, свободу развитья;
 Кумиръ прозвола и власти крутой
 Упалъ передъ новымъ значеньемъ народовъ.
 Слѣпой судъ людской, прелесть славы земной,
 Разсыпались въ прахъ предъ Судьею небеснымъ;
 Кулачное право, бичъ этотъ земли,
 Дрогнуло предъ правдой всезрачаго Бога;
 И рабъ, и убогій, и нищій, вошли
 Въ кругъ свѣтлый всемірной семьи христіанской;
 Жизнь стала не призракомъ только пустымъ,
 Не праздною игрушкой любаго тирана;
 Но жизнь стала битвою съ міромъ земнымъ,
 Аrenoй стыда иль безсмертной побѣды.

«Земля возрождалась,—и духъ новыхъ силъ,
 Духъ разума, правды, духъ новаго свѣта
 И новыхъ стремленій, незримо парилъ,
 Надъ полной надеждою, новой вселенной;
 И Богъ милосердья, Богъ мира, любви,
 Снималъ самъ печати съ таинственной книги
 Судебъ земли новыхъ, омытыхъ въ крови
 Того, Кто самъ назвалъ себя сыномъ Божьимъ.

«Такъ послѣ кровавыхъ и тягостныхъ дней
 Тираниі дикой, когда милосердый
 Царь сядетъ на тронъ, и властью своей
 Даруетъ родному народу свободу;
 Такъ радостно видитъ воскресшій народъ
 Отмѣну всѣхъ прежнихъ стѣсненій тяжелыхъ,

И чувствуетъ духомъ воскресшимъ впередъ
 Паденье насилій минувшаго царства.
 Свободная мысль, не стѣсняясь, парить
 По вольному свѣту; всѣ дышать свободно;
 Достоинство прямо, спокойно глядитъ
 Въ державныя очи царя, не страшась
 Ни подлыхъ доносовъ, наушниковъ злыхъ,
 Ни собственныхъ, мрачныхъ его подозрѣній;
 Весь край торжествуетъ въ надеждахъ своихъ,
 И благославляетъ счастливое царство!...

«Привѣтствую васъ, о великіе дни,
 Принесшіе также и намъ обновленіе!
 Теперь вы исчезли далеко въ тѣни
 Минувшихъ временъ и новѣйшихъ событій;
 Но вы неизмѣнны значеніемъ своимъ
 Для нашей страны и ея возрожденія.
 Подъ вашимъ наитіемъ только благимъ
 Могли поборотъ мы всѣ наши невзгоды....
 Велики и святы тѣ дни, край родной,
 Велики и святы они намъ вѣки!
 Съ тѣхъ поръ ты выходишь изъ ночи глухой,
 Сіяя твоимъ православнымъ единствомъ;
 Вступаешь, какъ древній титанъ, въ міръ живой,
 Въ среду христіанскихъ, великихъ народовъ!
 Съ тѣхъ поръ ты смягчаешь духъ нравственный твой,
 Растешь и мужаешь душевною силой!
 Всеесильная вѣра блеститъ предъ тобой
 Во всякое время звѣздой путеводной;
 Она твоя сила, она тебѣ щитъ;
 Ты самъ получаешь двойное значеніе, —
 Народъ не отчизну въ тебѣ только чтить,
 Но также и то, что ты край православный.

«Но что всѣ усилія нашихъ трудовъ
 И нашихъ стремленій предъ Промысломъ Божьимъ!
 Мы силѣмся тяжкій трудъ цѣлыхъ вѣковъ
 Сломать, сокрушить, перестроить въ мгновенье;
 А Онъ, каждый узелъ событій земныхъ

Готовить вѣками. Мы каждый нашъ подвигъ,
 И всякое дѣло, изъ самыхъ благихъ,
 Стараемся сдѣлать насильемъ, крушеньемъ;
 А Онъ, всему,—людямъ, народамъ, вѣкамъ,
 Добру, какъ и злу, ходъ оставилъ свободный;
 Онъ даже нигдѣ не является Самъ,—
 Но видѣнъ повсюду. За то, что ни зиждемъ
 И что ни творимъ мы въ семь мѣръ земномъ,—
 Мы зиждемъ лишь смерть, и творимъ разрушенье;
 А онъ,—даже, въ нашемъ крушеньи слѣпомъ,
 Опъ зиждетъ вновь жизнь, и изъ смерти—безсмертье.

«Безумныя распри и лживый кумарь
 Незрѣлой, слѣпой, полудикой свободы,
 Сгубили славянскій нашъ Западный мѣръ,
 И предали въ руки враговъ иноземныхъ.
 Они разорвали его на клочки;
 Лишь сила живая народнаго духа
 Его сохранила. Изъ бурной рѣки
 Онъ въ сѣть превратился чуть видныхъ потоковъ.
 Отрадно, что въ нихъ хоть вода не стоитъ,
 А вновь пробиваетъ русло,—и быть можетъ,
 Рѣка эта скоро Востокъ оживить
 Своимъ величавымъ и мирнымъ теченьемъ!

«Единство народное край нашъ спасло
 Отъ страшной той бури. Могущество наше
 Потомъ самобытно и быстро росло,—
 Почти во главѣ племенъ новыхъ Европы. 14)

«Блистательно началъ нашъ край новый путь.
 Нашъ Киевъ всѣ знали,—и Сѣверъ и Западъ;
 Громъ самыхъ усобицъ не могъ пошатнуть
 Народнаго духа, ни силы народной...
 Но мѣстность страны народъ русскій влекла
 Совсѣмъ не къ единству. Предъ нимъ разстиались
 Пустыя пространства. Судьба призвала
 Нашъ сильный народъ быть сперва пионеромъ
 И колонизаторомъ.

«Съ самыхъ тѣхъ дней,
 Когда онъ явился,—исторія наша

Есть только разсказъ про свободныхъ людей,
 Себѣ пролагающихъ путь, отъ Полудня
 На дальній Востокъ и на Сѣверъ. Поднесь,
 Пожалуй, мы тѣже еще піонеры!..
 Въ чемъ главное наше значеніе здѣсь?
 Не въ томъ ли, что мы заселяемъ пустыню?...
 Что дѣлаемъ мы?—Расширяемъ нашъ край,
 Еще не успѣвши создать домоводства.
 Идетъ,—такъ и ладно; застряли,—пускай!
 Земля вѣдь не клиномъ сошлась. Господь знаетъ,
 Гдѣ даже теперь конецъ русской земли.
 Сосѣдъ намъ мѣшалъ,—мы его отдвигали;
 Мѣшали намъ власти,—мы далѣе шли.
 Народъ нашъ разсыпался въ страшномъ пространствѣ,
 Какъ въ морѣ пустынномъ града острововъ;
 На насъ поднимались Востокъ, потомъ Западъ,—
 Всѣмъ путь къ намъ широкій! Опричь городовъ,
 Ни горъ нѣтъ, не моря на нашу защиту...
 Но насъ не смущали ни рати враговъ,
 Ни наша разрозненность въ этой пустынѣ!
 Лишь тяжесть татарщины, только она
 Успѣла сдвинуть эту мощную силу;
 Событъя слагались скорѣй, чѣмъ страна,—
 Страна, разобщенная страшнымъ пространствомъ.
 «Нѣтъ больше вождей, ни отчизны святой,
 Князья, вожди, рати, все рухнуло въ бездну;
 Но живъ русский Богъ,—и изъ бездны глухой
 Нашъ край вновь воспрянулъ и двинулся далѣе.
 «Москва, опираясь на крѣпкій народъ,
 Снимаетъ съ насъ цѣпи; страна снова дышетъ;
 Но царь-побѣдитель съ поры той беретъ
 Неврѣдную волю къ себѣ подъ опеку.
 Народъ сознаетъ превосходство его;
 Москву озаряетъ блескъ новыхъ успѣховъ,—
 Царь собралъ край павшій; онъ выше всего;
 Его Богъ поставилъ въ главѣ земли русской,—
 Тотъ Богъ, что хранить ее съ древнихъ вѣковъ,
 Тотъ Богъ, что воссоздалъ ее въ государство;

Тотъ Богъ, что народъ чтить всѣхъ выше боговъ,
Кого онъ издревле зоветъ Богомъ русскимъ.

«То Богъ—ратоборецъ нашъ противъ враговъ,
Единый Богъ истинный, Богъ православный;
То Богъ нашихъ русскихъ, особыхъ судьбинъ,
То Богъ, указующій путь намъ въ грядущемъ,
То Богъ нашихъ крѣпкихъ, побѣдныхъ дружинъ,
То Богъ нашей силы и славы народной!..

«Что послѣ того ни свершилось въ странѣ,
Свершило, во имя Его,—государство;
Боярамъ, князьямъ, принадлежитъ вполнѣ
Вся слава и честь; а народу лишь бремя.
Москва пошла прежнимъ, знакомымъ путемъ, —
Едва утвердившись, она продолжала
Свои расселенья; что жило кругомъ,
То стало тотчасъ же ея достояньемъ.
Какъ цѣпь ледяную сорвавшій, потокъ,
Нашъ край заливаеъ соседнія страны, —
Своихъ и чужихъ... И далекий Востокъ,
И Сѣверъ трепещутъ предъ Нимъ, Богомъ русскимъ.

«Онъ краю предсталъ—на Днѣпровскихъ берегахъ,
Что стали вунелью судебъ нашихъ новыхъ;
На этихъ священныхъ намъ, русскимъ, мѣстахъ,
Откуда впервые странѣ воссіяла
Заря новой вѣры,—тотъ свѣточъ живой,
Блестящее это, живящее утро,
Что насъ оживляло и грѣло собой
Среди самыхъ тяжкихъ для насъ испытаній;
Гдѣ нашъ народъ ищетъ понынь себѣ
Цѣлительной силы и силъ чудотворныхъ,
Въ недугахъ и скорбяхъ, и въ тяжкой борьбѣ
Съ судьбою гнетущей.

«Народъ его видѣлъ
И тамъ, въ этомъ градѣ, что древле связалъ
Распавшійся край нашъ въ единое царство,
Гдѣ стольный нашъ князь въ первый разъ воспріялъ
Священное имя царя земли русской!
Въ томъ градѣ великихъ событій родныхъ,

Часть II.

Что весь опоясанъ широкою лентой
 Обителей древнихъ и храмовъ святыхъ, —
 Какъ вѣщею хартіей, книгой живою
 Исторіи нашей и славы родной;
 Тамъ, гдѣ сама дивная Матерь Господня,
 Притекши чудесно съ вершины святой,
 Ей павшаго древле на жребій, Афона,
 Предстала во всемъ благолѣпьи земномъ,
 При самыхъ вратахъ, на пути царей русскихъ
 Въ златымъ ихъ чертогамъ, — и ночью, и днемъ,
 Посредницею вѣрною о всѣхъ передъ Богомъ.

«И тамъ, въ той пустынѣ и дебряхъ лѣсныхъ,
 Издревле родной намъ, глухой Полуночи,
 Откуда, какъ солнце изъ тучъ снѣговыхъ,
 Блеснулъ намъ впервые лучъ ясный гражданства;
 Гдѣ нашъ еще юный народъ-исполинь,
 Почуялъ впервые великій свой жребій, —
 И вмѣстѣ съ вождями варяжскихъ дружинъ,
 Далъ краю нестройному миръ и порядокъ;
 Но гдѣ еще долго вели смертный бой
 Духъ древній Перуна, и новый — Софіи;
 Одинъ, — за обломки свободы былой,
 Другой, — за гражданственный этотъ порядокъ, —
 Покуда Московскій двухглавый орелъ
 Вмѣшался въ ихъ распрю, и стиснулъ обоихъ
 Своими когтями, украсивъ престолъ
 Московскихъ царей богатѣйшей страной.

«И тамъ, въ этомъ краѣ, почти намъ чужомъ,
 Гдѣ вдоль мутной Клязьмы сидѣлъ народъ Меря,
 Заглохшій потомъ подъ орлинымъ гнѣздомъ
 Младыхъ шестокрыльцевъ семьи Мономаха, —
 Откуда ихъ духъ безповойный грозилъ
 Совѣмъ отшатнуться отъ дальняго Юга, —
 И сѣверной ратью своей надломилъ
 Стягъ Кіева древній; но гдѣ ихъ власть скоро
 Померкла навѣки предъ юной Москвой,
 Сей яркой звѣздой золотого единства
 Земли нашей русской и силы родной, —

Оставивши намъ, отъ тѣхъ грустныхъ усобищъ,
 Въ наслѣдье одинъ только образъ живой, —
 Нетлѣющій образъ Царицы Небесной,
 Какъ дивный залогъ суеты ихъ земной,
 Предъ крѣпостью Промысла силы небесной.

«И тамъ, среди этихъ священныхъ равнинъ, —
 Равнинъ славныхъ Дона и мутной Непрядвы,
 Гдѣ вспрянулъ впервые нашъ духъ-исполинь
 Отъ тяжкаго ига неволи татарской;
 Куда съ напряженьемъ смотрѣлъ край родной,
 То полный надежды, то смутнаго страха,
 Пока князь московскій бросалъ жребій свой
 И жребій страны всей въ вѣсы ярой битвы;
 Но Вышній на эти вѣсы возложилъ
 Градущую участь земли всей Полночной, —
 И гласъ чудотворца Его возвѣстилъ
 Народу впередъ, о великой побѣдѣ.

«И тамъ, въ малолюдныхъ въ то время мѣстахъ,
 Рѣки Костромы и побережій Поволжскихъ,
 Гдѣ нѣкогда въ темныхъ, дремучихъ лѣсахъ
 Гнѣздилося племя старинное Веси;
 Но гдѣ Матерь Божья явилася вновь,
 Заступницей вѣрной земли своей русской, —
 Пославъ, облеченнаго въ тѣло и кровь,
 Стратига Господня, изъ стѣнъ монастырскихъ,
 Принять престолъ царскій, — и край нашъ родной
 Спасти отъ ревушей грозы междоцарствья;
 Откуда и нынѣ покровъ свой святой
 Простерла она надъ его вѣнценоснымъ,
 Державнымъ потомкомъ, и дивной рукой
 Страну защитила отъ отцеубійства
 И новыхъ несчастій.

«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ долго боролся край русскій со шведомъ,
 И тотъ, и другой, въ бесполезныхъ боахъ
 Вотще тратя силу, — пока не явился
 Великій нашъ Петръ, и рѣшилъ навсегда
 Ихъ споръ неисходный; гдѣ такъ величаво

Потомъ воссіяла Россія звѣзда,
 Какъ огненный мечъ, надъ смущенной Европой;
 Гдѣ образъ Петра и понынь парить,
 Поднявши коня надъ змѣю крамолы,
 Раздавленной имъ о холодный гранитъ,
 И гордо простерши свою длань на западъ.

«И тамъ, среди этихъ широкихъ степей,
 Гдѣ Вятичи древле сидѣли съ Мещерой;
 Но гдѣ потомъ тотъ же царь русскихъ людей
 Намъ создалъ тѣ быстрыя, мощныя врыля,
 Что насъ понесли по далекимъ морямъ
 Обѣихъ земныхъ полушарій,—и скоро,
 Ко славѣ народной, доставили намъ
 Почетное мѣсто въ средѣ странъ сильнѣйшихъ;
 Въ тѣхъ славныхъ мѣстахъ, гдѣ до нынѣшнихъ дней
 Почіеть съ святыми тотъ свѣтлый подвижникъ,
 Слуга вѣрный царскій, что силой своей
 Провидя заботу царя-исполина,
 Сумѣлъ въ свое время ему заявить
 Значенье, ненужной обителямъ Божьимъ,
 Казны монастырской,—и благословить
 Державныя руки на общее благо.

«И тамъ, среди безсмертныхъ Полтавскихъ полей
 И вѣчно священныхъ полей Бородинскихъ,
 Гдѣ дважды Богъ русской десницей своей,
 Отъ гибели вѣрной спасъ русскую землю.
 О чудные дни! Какъ степной ураганъ,
 Два раза, гроза шла на насъ истребленья;
 Но живъ русский Богъ! Всталъ родной великанъ,
 И край отстоялъ богатырскою грудью.
 Ты первый желалъ этой страшной борьбы,
 О баловень счастья, Алкидъ Полуночный;
 Но ты не дождался рѣшенья судьбы,
 И раненымъ волкомъ исчезнулъ во мракѣ.
 Другой,—тотъ считался самъ богомъ побѣдъ,—
 Хотѣлъ затопить насъ безсчетною силой;
 Но въ ужасѣ двинулся вспять,—и во слѣдъ,
 Какъ осенью листья, легли его рати.

«И тамъ,—по улусамъ тѣмъ, долго чужимъ,—
 Отъ устья Базанки до степи Хвалынской,
 Что долго томили насъ игомъ своимъ,
 Опасные древле ихъ силой змѣиной;
 Куда народъ русскій не разъ приходилъ
 Испробовать мечъ свой, но были бесплодны
 Его всё усилья,—пока не срубилъ
 Онъ голову гидры, оставивъ одно ей
 Безсильное жало,—до лучшихъ временъ
 Но гдѣ ужъ давно,—тамъ, откуда, какъ тучи,
 Неслись на насъ орды татарскихъ племенъ,
 Сіяеть далеко свѣтильнигъ науки,
 И крестъ православный, сей свѣточъ живой
 И первый предвѣстникъ народнаго свѣта,
 Блестить высоко надъ двурогой луной,—
 Побѣдной хоругвью надъ бывшимъ здѣсь мракомъ.

«И тамъ, въ этомъ градѣ лѣсномъ кривичей,
 Что прежде былъ гранью страны Полуночной,
 И долго считался у ратныхъ людей
 Ключемъ заповѣднымъ земли нашей русской;
 Въ той крѣпкой твердынѣ, о чью грудь не разъ
 Разбились полчища враждебныхъ намъ ляховъ;
 А послѣ загнулся титанъ тотъ, чей гласъ,
 Подобно рыканію льва, бросалъ въ трепетъ
 Царей и народы; куда онъ предсталъ,
 Владыкой полміра, шагая чрезъ страны,
 И гдѣ, черезъ мѣсяцъ потомъ, пробѣжалъ,
 И раненный на смерть.

«И тамъ, въ этотъ краѣ,
 Давно также нашемъ, гдѣ древле лежалъ
 Путь русскихъ въ варягамъ,—въ странѣ этой водной,
 Впервые значеніе чье указалъ
 Все тотъ же великій творецъ земли русской,
 Связавши здѣсь сѣтью озерно-рѣчной
 Заволжскій Востокъ и приморскій нашъ Западъ;
 И гдѣ вновь явила свой образъ святой
 Заступница наша земли свято-русской,
 И намъ указала примѣромъ своимъ,

Чтобъ мы ее чтили не цѣнностью вкладовъ,
 Но теплою вѣрой и дѣломъ благимъ, —
 Велѣвши поставить на собственномъ храмѣ
 Не крестъ позлащенный, но самый простой,
 И строго изгнавъ оттолъ всякую роскошь.

«И тамъ, въ этомъ царствѣ мятелей и вьюгъ,
 На островѣ дикомъ пустыннаго моря,
 Гдѣ крѣпкая вѣра простыхъ божьихъ слугъ
 Устроила мѣсто труда и молитвы,
 Осилить безплоды природы скупой
 И ярость стихій, и край безотрадный;
 И нынѣ еще доказала собой,
 Что твердость не въ силѣ, но въ доблестномъ духѣ;
 Что горсть людей слабыхъ, кому чуждѣ булатъ,
 Но крѣпкая вѣрою, — выдержать можетъ.
 Со славой, напоръ и враждебныхъ армадъ,
 И гибельный дождь смертоносныхъ орудій, —
 И видѣть ихъ бѣгство.

«И тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ,
 Гдѣ въ прежнее время кипѣлъ мѣръ раздольный
 Курятъ тѣхъ, повитыхъ на бранныхъ щитахъ,
 Вскормленныхъ съ копыя, — что знавали издѣтства
 Пути и яруги по дальнимъ степямъ,
 Летая орлами въ ордахъ Половецкихъ,
 Искать себѣ чести и славы князьямъ;
 Но гдѣ теперь вѣщая сопка Микулы
 Гуляетъ давно по спокойнымъ полямъ,
 И серпъ его блещетъ по нивамъ веселымъ;
 Куда притекаетъ народъ и поднесъ, —
 Но только на торгъ и на иршество мира, —
 Циръ свѣтлый, явившейся также издѣсь,
 Владычицы края, Царицы Небесной.

«И тамъ, среди этихъ священныхъ высотъ
 Родной намъ Тавриды, куда Господь дважды
 Къ себѣ призываетъ нашъ Полночный народъ, —
 Сперва въ лучезарномъ сіяніи утра,
 Потомъ въ вихрѣ бурномъ и блескѣ громовъ;
 И дважды снималъ съ насъ своєю рукою

Истёртыя ризы и ветхій покровъ
 Судебъ нашихъ прежнихъ, — сначала омывши
 Отцовъ нашихъ свѣтлой крещенья водой;
 А нынѣ, страхнувши, какъ грязную ветошь,
 Нашъ край недостойный, — и гнѣвной рукой
 Очистивъ его, — не водой очищенья,
 Но русскою кровію, кровью родной,
 И нашимъ примѣрнымъ, за гордость, несчастьемъ.

«И тамъ, въ высотахъ тѣхъ, не чуждыхъ Балканъ,
 Отколь, съвозъ яснѣющій мракъ отдаленья,
 Недавно зрѣлъ сѣверный нашъ великанъ,
 У ногъ своихъ древнія стѣны Царьграда...
 Но Вышній въ совѣтѣ своемъ отложилъ
 Еще возрожденъ страны этой мертвой,
 И нашъ богатырь, вложивъ мечъ, — подарилъ
 Еще разъ, миръ кроткій дрожащимъ османламъ.

«И тамъ, по безвѣстнымъ еще тѣмъ мѣстамъ
 Восточнаго міра, но гдѣ народъ русскій
 Готовитъ край новый грядущимъ вѣкамъ, —
 Въ томъ мірѣ широкомъ и полномъ обилья,
 Гдѣ очень недавно горсть нашихъ людей
 Успѣла поставить лишь первыя вѣхи,
 А нынѣ трудится, при звонѣ мечей,
 Отборная наша, могучая сила,
 И намъ пролагаетъ два новыхъ пути, —
 Къ предѣламъ Китая и къ древнему Инду,
 Всѣмъ бросивъ загадку: съ чѣмъ долженъ придти,
 И скоро-ль придетъ туда богатырь русскій?... *)»

«Но еслибы я и еще перечла
 Другіе успѣхи земли нашей славной,
 Гдѣ Божія сила надъ нею прошла, —
 Они всѣ на долю падутъ государства.
 Оно утвердилось, оно возросло,
 Богъ русскій исполнилъ его силы, славы;
 А что же народу на долю легло?

*) Припомнимъ кстати, что, завоевывая нынѣ Среднюю Азію,
 мы завоевываемъ вѣкъ, — будущую азіатскую Европу.

На долю народа осталась лишь вѣра, —
И онъ живетъ вѣрой!..

«А вѣра у насъ, —
Пока лишь обрядность. Другой мы не знаемъ.
Народъ темный принялъ ея вѣщій гласъ
По своему, сколько ему онъ доступенъ.
Въ ея глубину насъ никто не вводилъ,
Ея мѣръ духовный никто намъ не рѣшилъ;
Лишь только, при помощи собственныхъ силъ
Народъ просвѣтился его свѣтомъ новымъ.

«А мѣръ нашъ языческой слишкомъ богатъ
И слишкомъ обряденъ, чтобъ могъ уступить онъ
Престоль свой безъ боя. Народъ нашъ былъ радъ,
Увидѣвши въ храмахъ своей новой вѣры
Боговъ еще древнихъ, и съ первыхъ же дней
У насъ въ государствѣ явились двѣ вѣры:
Одна, — вѣра высшихъ бояръ и князей;
Другая, — слѣпая, народная вѣра.

«Сперва, межъ нихъ рознь небольшая была;
Но въ помощь боярамъ пришло просвѣщенье;
А въ темномъ народѣ росла только мгла,
Народъ и остался бы въ томъ положеньи,
Когда бъ не явился на помощь расколъ;
Но этотъ расколъ сталъ невольнымъ разрывомъ
Съ боярскою вѣрой, — и приступъ повелъ
И противъ нее, и противъ государства.

«Москва распростерла ужъ крылья свои
Надъ волей народной сосѣднихъ ей княжествъ;
Но Сѣверъ и Югъ древней русской земли
Еще оставались на всей своей волѣ.
Особенно дорогъ мнѣ былъ древній Югъ.
Тамъ бросила сѣмя я жизни свободной,
Тамъ первый срядила народный я кругъ,
Тамъ встарь пѣснь гремѣла моя на Дунайъ,
По тихому Дону, на славномъ Днѣпрѣ, —
Тамъ было житье... Но теперь, кто же помнить
Объ этой раздольной, далекой порѣ?..
Тамъ я основала быть вольный казачій;

Оттоль поднялись гайдамаки мои,
Прямые потомки богатырей древнихъ,
Новѣйшіе рыцари русской земли.

«Христовъ свѣтъ сіялъ ужъ по всей землѣ русской,
Его духъ проникнулъ въ плоть нашу и кровь;
Но съ нимъ, удержался и прежній міръ древній.
Всю нашу утѣху, забаву, любовь,
Еще составляла кровавая битва;
Мои сыны стали вновь богатыри,
А вольный ихъ Кошъ, — богатырской заставой;
Вожди кошевые, — имъ были цари, *)
А вражія страны, — землею злыхъ дивовъ
И силы нечистой. Кличъ грозный войны
Считался за гласъ православнаго Бога.
Какъ въ дни самой темной еще старины,
Народъ называетъ себя свѣтло-русскимъ;
Но Богъ православный сталъ богомъ дружинъ,
Завистливымъ богомъ побѣды и славы, —
Какъ древній Перунъ или древній Одинъ,
Лишь въ образѣ только иномъ, христіанскомъ.

«Тогдашній мой образъ яснѣе всего
Я выражу въ образѣ свѣтломъ Корчмарки.
Теперь обаянье исчезло его;
Но въ тѣ времена вокругъ него развивался
Весь бытъ нашъ народный. Корчма въ эти дни
Была главнымъ мѣстомъ народныхъ собраній;
Тутъ былъ лучшій людъ, тутъ рѣшали они,
Какъ въ древнихъ вятинахъ, народныя тяжбы,
Судили дѣла, а народъ узнавалъ
Про всѣ распорядки властей своихъ высшихъ.
Тутъ былъ и священникъ; сюда заѣзжалъ
И мирный жупанъ, и отважный разбойникъ;
Здѣсь славнаго Марка однажды спасла

*) Исторически, — эти цари или царьки, т. е. кошевые атаманы, имѣли значеніе только въ военное время, въ походахъ. Въ остальное же время въ Кошѣ господствовала полная распущенность, что, какъ извѣстно, и добезало его несостоятельность къ прочному гражданскому развитію.

Отъ смерти корчмарка, душа-Ангелина;
 А послѣ, съ нимъ вмѣстѣ, нарочно была
 Во градѣ Софіи, чтобъ высватать Марку,
 Ея побратиму, прекрасную дочь
 Болгарскаго князя, наря ли, Шишмака;
 Здѣсь разъ, прогулявши съ друзьями всю ночь,
 Красавица чудной красы, Бондарувна,
 Одна изъ чистѣйшихъ, народныхъ дивчинъ,
 Погибнула жертвой насильниковъ Польскихъ, —
 И долго пѣвицы народныхъ былинъ,
 Гремѣли хвалою ей по цѣлой Украинѣ:

«Ой у Лудку въ славномъ мѣсти, капалія грае,
 «Молодая Бондарувна у корчмі гуляе»....

Здѣсь вѣдала все я, что дѣлалось въ свѣтѣ,
 Браталась съ юнакомъ, судила съ попомъ,
 Дружила съ жупаномъ; здѣсь ѣли и пили;
 Веселый рассказчикъ смѣнялся пѣвцомъ;
 А въ свѣтломъ стодолѣ, просторномъ сараѣ,
 Дивчаты и парни сходились плясать;
 Здѣсь будто и лавки натерты смолоу, —
 Кто только присядеть, тому ужъ не встать.

«Не то еще было внутри государства!
 Тамъ новый духъ времени всюду засталъ
 Старинный языческій міръ во всей силѣ;
 Свѣтъ вѣры христовой здѣсь только свѣталъ,
 Едва замѣчаемый въ жизни народной;
 Народная жизнь здѣсь держалась вдали
 Отъ жизни воинственной бурнаго Юга;
 Народъ жилъ во мракѣ; его дни текли
 Подъ сѣнію образовъ древняго міра.
 Всего лучше вижу себя той порой
 Я въ образѣ свѣтломъ и вмѣстѣ чудесномъ
 Твачихи Февроніи. Въ немъ міръ былой
 И міръ, просвѣщенный едва христіанствомъ.
 Здѣсь свѣтъ Христовъ только проникнулъ въ народъ:
 Я чудная таже, какъ древле, твачиха
 И вѣщая дѣва; отецъ мой живетъ
 Въ лѣсу дроводѣломъ, а я исцѣляю

Чудесно болѣзни; моихъ свѣтлыхъ силъ
 Бойтся нечистая сила. Въ то время,
 Гнѣвъ Божій насланьемъ лихимъ посѣтилъ
 Градъ Муромъ; къ прекрасной княгинѣ летаетъ
 Злой духъ въ видѣ змѣя. Братъ князя убилъ
 Чудеснаго змѣя; но самъ заразился
 Проказой. Онъ просить, чтобъ я помогла,—
 И выслалъ гонца, за чудеснымъ лѣкарствомъ.

«Какъ вѣщая дѣва,—гонца приняла
 Я, сидя за ткацкимъ станкомъ. Я ужъ узнала
 Кто онъ, и откуда; но рѣчь повела
 Сперва съ нимъ загадками, какъ говорили
 Всѣ вѣщія дѣвы. Условаясь съ посломъ,
 Взялась исцѣлить я болящаго князя;
 Но съ тѣмъ уговоромъ однако притомъ,
 Что князь, въ благодарность, возьметъ меня замужъ.

«Князь былъ исцѣленъ, онъ увидѣлъ вновь свѣтъ,—
 Но я впередъ знала,—меня онъ обманетъ.
 И точно, онъ скоро забылъ свой обѣтъ;
 Но можно-ль кому миновать судьбы божьей?
 Узнавъ про обманъ недостойный его,
 Опять я наслала на князя проказу,—
 И вновь исцѣливши, добилась того,
 Что онъ предложилъ мнѣ ужъ самъ свою руку.
 Мы прожили съ нимъ до преклонныхъ годовъ,
 И оба не умерли, но обаменѣли...

«Не образъ ли это древнѣйшихъ вѣковъ,
 Но въ рамѣ блестящей уже христіанства?
 Но здѣсь ужъ не Югъ! Здѣсь всѣ лики полны
 Какимъ-то безстрастнымъ, холоднымъ спокойствьемъ,
 Какъ образы самой сѣдой старины.
 Они, какъ вошли сюда, такъ и остались. ¹⁵⁾

«Здѣсь, вмѣстѣ съ паденіемъ вольной земли
 Кушцовъ Новгородскихъ, все стало въ застой;
 Москва округлялась, но съ этимъ прошли
 Великіе дни у насъ жизни народной.
 Едва въ землѣ русской блеснулъ свѣтъ зари
 Благаго единства, — что въ ней ни случилось»

~~Какъ я уже сказала, свершился намъ~~

~~Руками бояръ и отважной дружины:~~

«Чтожь было со мною?— Въ татарскій погромъ

Я больше ютилась въ обителяхъ божьихъ,

Откуда не разъ въ вдохновенъ святомъ,

Звала я князей на враговъ, — вела рати,

Мирила раздоры, молилась за край,

Святила въ немъ храмы, селила пустыни,

Трудилась съ народомъ... Святой, горній рай

Быль высшею цѣлью моихъ всѣхъ мечтаній;

Міръ Божьихъ угодниковъ былъ мнѣ родной;

Сюда открытъ входъ былъ князьямъ и убогимъ,

Уму и юродству... За этой чертой

Для насъ начинался міръ тьмы и соблазновъ.

Путь къ свѣту народу былъ замкнутъ давно:

Одинъ свѣтить свѣточъ намъ, — теплая вѣра, —

И мы жили вѣрой!... Намъ было дано,

Свершить самый тяжкій нашъ подвигъ во мракѣ, —

И мы совершили!..

«А нынѣ въ странѣ,—

Кто держитъ въ ней вѣру святую, народность?

Кто край утверждаетъ въ родной старинѣ?

Кто въ душу Микулы вливаетъ терпѣнье?

Не таже ли Вана?.. Но гдѣ же она?

Пройдите по селамъ, по всѣмъ по деревнямъ, —

Ее видно всюду; страна ей полна.

Она въ храмахъ божьихъ, она въ хороводахъ,

Она точетъ въ дымной избушкѣ красна,

Она съ міръ-народомъ толкуетъ на сходкахъ,

Она потѣшаетъ былиной родной

Сыновъ своихъ ратныхъ въ далекомъ походѣ;

Она говоритъ вамъ про край нашъ былой,

Устами пѣвцовъ и каликъ перехожихъ;

Она жнетъ на нивѣ, она въ тмѣ ночной

Читаетъ псалтирь надъ усопшимъ собратомъ;

Она прядетъ пряжу холодной зимой,

Качается красной весной на качеляхъ,

Гадаетъ на святкахъ, говѣетъ постомъ.

Сегодня она въ сарафанѣ посконномъ,
 А завтра она же въ нарядѣ цвѣтномъ;
 Ея образъ смотритъ изъ двери избенки,
 Изъ оконъ крестьянскихъ, изъ свѣтлыхъ хоромъ;
 Ея ликъ мелькаетъ надъ желтою нивой,
 Сѣвозъ частый плетень, изъ за чащи лѣсной;
 Ея пѣснь несется по темному лѣсу,
 Ея валежъ слышенъ надъ мутной рѣкой, —
 Она вездѣ, всюду, гдѣ миръ нашъ народный.

«Она, какъ по пальцамъ, вамъ всѣ перечтетъ
 Церковные праздники, крестные ходы;
 Она богомольцевъ толпами ведетъ
 Бѣ далекимъ обителямъ, въ гробу Господню;
 Она ходитъ съ черною книжкой на сборъ,
 Она же сидитъ богородицей свѣтлой
 Въ раскольничьемъ кругѣ; у ней свой соборъ,
 Она вновь—святая или вѣщая дѣва.

«Она наизусть знаетъ всѣ чудеса
 Народныхъ святыхъ и угодниковъ Божьихъ;
 Предъ нею отверзты досель небеса
 И темныя бездны бѣсовъ преисподнихъ;
 Ея благодать и мертвить, и живить;
 Она все выносить,—и пытки, и казни;
 Она знаетъ болѣе, чѣмъ говорить;
 Она видитъ то, что другіе не видятъ....

«Однажды, когда-то, вошла она
 Мибулу съ собой на Китижъ помолиться. 16).
 Китижъ,—это городъ, что нѣмъ старина
 На память оставила Божьяго чуда,
 При шествьи Батюга. Съ тѣхъ давнихъ временъ,
 Въ струяхъ свѣтозернаго озера слышенъ
 Еще и поминъ Божественный звонъ,
 И видны китижскіе храмы и станы
 Мибула вошелъ съ ней внутри самой горы
 Гдѣ древній Китугоградъ стоитъ полъ землею,
 И видѣлъ соборы. Съ той давней поры,
 Какъ градъ опустился, въ немъ все, какъ и прежде,
 И тѣ же все старцы по кельямъ живутъ....

Они угостили Микулу трапезой;
 Онъ зрѣлъ, какъ они и вѣять тамъ, и пьютъ,
 И взялъ у нихъ даже лопотъ себѣ хлѣба,
 Но тутъ же уснулъ. А лишь всталъ, хватъ ружьей.
 Инъ въ пазухѣ только простая гнилушка.
 Молись, значить, Богу, усердствуй душой,
 Однако на хлѣбъ даровой не надѣйся!
 «Восточная вѣра съ собой принесла
 Къ намъ много святыхъ и преданій отъ грековъ;
 Они привились къ намъ; я ихъ провела
 Въ духовный нашъ бытъ и родное искусство.
 Чудесные образы этихъ святыхъ
 Пришлись по душѣ у насъ міру-народу;
 Онъ много прибавилъ святыхъ и своихъ,
 Изъ низшихъ людей и людей именитыхъ.
 Все это вначалѣ сближало страну,
 Равняя бояръ и народъ межъ собою;
 Народъ чтилъ въ боярахъ свою старину,
 Они, средь насъ чтили,—избранниковъ Божьихъ,
 «Москва, утвердившись, впервые внесла
 Замѣтную рознь межъ бояръ и народомъ.
 Возвысивъ дружину, она отдала
 Ей край на кормленье. Народъ былъ раскиданъ,
 Дружина давила его подъ собой,
 Москва не давала ему приподняться.
 Тамъ жили вновь боги; а міръ нашъ простой
 Остался во тьмѣ,—для труда и терпѣнья.
 Залегшая бездна издавна межъ насъ
 Все дѣлалась шире. Тамъ ѣли и пили,
 Отгомъ раздавался господь нашихъ гласъ;
 А мы должны были поить, и кормить ихъ,—
 И имъ поклоняться. Забитый народъ
 Межъ тѣмъ распирался все дальше по краю;
 Мы шли непрестанно впередъ все, впередъ—
 То чистили глушь, то мостили болота,
 Но шли мы все дальше....

«Теперь трудно счесть
 Названья тогдашнихъ работъ, даней, пошлннъ!

Порой въ деревняхъ было нечего ѣсть,
 Край цѣлый питался одною мякиной
 И мохомъ... Теперь невозможно понять,
 Какъ это народъ, и голодный, и сирый,
 Съ кого властямъ было ужь нечего брать, —
 Какъ это онъ вынесъ на собственныхъ плечахъ,
 Изъ омута этихъ безвыходныхъ золь,
 Такой край обширный, какъ русское царство?
 Откуда онъ силу себѣ приобрѣлъ,
 Когда власть желала его лишь безсилья;
 Когда не имѣлъ онъ давно ничего, —
 За что его также тогда били на смерть;
 Когда власть признала безличность его,
 И образа даже признать на хотѣла
 На немъ человѣка?...

«Кто знаетъ страну,
 Тотъ помнить обычай, что, — «міра не судять»;
 Такъ точно и было у насъ въ старину.
 Но послѣ, ктожь не былъ надъ міромъ судьбою?
 Какой палачъ гнустный не тѣшилъ надъ нимъ
 Свои богатырски-могучія силы?
 Кому не служилъ онъ орудьемъ живымъ
 Къ наживѣ, — покуда весь міръ *закачался*?...
 «Однако, и тутъ его рокъ не сломилъ;
 Край выдержалъ бодро и это качанье.
 То было броженье народныхъ лишь силъ;
 Болѣзнь, но не смерть. Міръ опять отстоялся.

«Пришло междуцарствье. Пожаръ охватилъ.
 Весь край, раздѣленный враждой. Помутились
 Московскіе боги. Кровавая мгла
 Раздоровъ, насилья, войны, безначалья,
 Покрыла все царство. Отъ запада шла
 Къ намъ вражія рать, изъ земли подымались
 Цари наши мертвые.... Я воззвала, —
 И сталь, какъ одинъ человѣкъ, народъ рускій!
 «О храмы, обители, гробы святыхъ,
 Народная лѣтопись дней отдаленныхъ,
 Живой отпечатокъ событій былыхъ,

Бореній, успѣховъ, и славы минувшихъ!
 Вы сила народа въ дни тяжелыхъ невзгодъ,—
 Вы стражи его во дни свѣтлые мира.
 Васъ духъ всенародный странѣ создаетъ,
 Въ годины тяжелыхъ ея испытаній,
 Во дни ея лучшихъ, блестящихъ побѣдъ,
 Иль въ юные годы еще дѣтской вѣры;
 Торжественный голосъ вашъ, вѣщій вашъ свѣтъ,
 Всегда близки чуткому сердцу народа.
 Да, тамъ еще молодъ, не тронуть народъ,
 Гдѣ чувствуетъ онъ вашу силу живую;
 Онъ выдержитъ много потерь и невзгодъ,
 Пока еще слышитъ вашъ голосъ призывный!

«Таинственно-мирны вы средь тишины
 Его дней обычныхъ, молитвъ обыденныхъ,
 Сокрытыя въ нѣдрахъ родимой страны,
 По дальнимъ пустынямъ, лѣснымъ захоlustьямъ;
 Торжественно свѣтелъ вашъ праздничный видъ
 Во дни большихъ празднествъ, когда онъ толпамъ
 Со всѣхъ концовъ края роднаго спѣшитъ,
 Чтобъ вамъ поклониться; но дивно вы грозны,
 Божественно-вѣщи во время войны,
 Когда врагъ вступаетъ въ родные предѣлы
 Иль смѣетъ воснудиться онъ сердца страны...
 Тогда вы полны чудодѣйственной силы!
 Какъ ангелъ Господній, вашъ духъ въ этотъ часъ
 На крыльяхъ громовыхъ паритъ надъ страной;
 Какъ вѣщій гласъ Божій,—призывный вашъ гласъ
 Гремитъ средь народа. И старый, и малый,
 Въ себѣ ощущаютъ родникъ новыхъ силъ;
 Мужаетъ духъ павшій и разумъ народный;
 И рядъ побѣдъ славныхъ и славныхъ могилъ
 Вѣщаютъ про дни тѣ вѣкамъ отдаленнымъ.

«Промчался кличъ вѣщій московскихъ святыхъ,
 Откликнулись силы святыхъ Полуночныхъ,—
 Одѣлся булатомъ рядъ ерѣвскихъ твердынь,
 Вдругъ выросъ лѣсъ копій по всей землѣ русской,
 Всталъ прежній Микула, слегъль смертный сонъ

Съ сыновъ его: сильныхъ, разверзались могилы,
 Воскресъ богатырь нашъ минувшихъ времянь,—
 Бѣжали враги и умоляли раздѣры
 По всей землѣ русской. Своею рукою
 Народъ воздвигъ снова престолъ потрясенный.
 Царей своихъ древнихъ,—и ангелъ святой
 Желаннаго мира простеръ свои крылья
 Надъ русской, спасенной народомъ, землей.

«Какая-жь народъ ожидала награда?
 Что выигралъ край, за свой подвигъ благой?
 Какія свободы, льготы разсыпалъ
 Престолъ этотъ новый въ народѣ родномъ?
 Въ чемъ тягѣ народной онъ далъ облегченье,
 А міру защиту?...— Спроси край о томъ!
 Странѣ еще стало труднѣй и тяжелѣ,
 Чѣмъ въ прежнее время. Народъ завоцилъ;
 Но тѣже бояре пришибли горлановъ.
 Вѣкъ самый тяжелый еще приходилъ,
 А съ нимъ возростала народная тяга,

«Вы ищете силы народной въ странѣ,
 Вы ищете здраваго смысла въ народѣ?
 А это не сила?— Скажите вы мнѣ!—
 Не здравый смыслъ?... Только имъ имя—терпѣнье.

«Нашла еще туча: самъ геній войны
 Привелъ цѣлый Западъ на русскую землю;
 Отъ самой глубокой еще старины
 Не видывалъ край напѣ ужасной столь бури;
 Но я возвала опять къ русской землѣ,
 И снова воскреснулъ нашъ богатырь древній;
 Онъ самъ зажегъ край свой, по огненной иглѣ
 Донесъ на плечахъ до Москвы исполина,
 И бросилъ съ размаха въ горящій костеръ—
 И грозную рать, и царя полвселенной.

«Но лучше ли стало народу съ тѣхъ поръ?
 Ему возвратили-ль святую свободу?
 Нѣтъ, гнусное рабство всосалось, вросло,
 И въ тѣло, и кровь всѣхъ сословій народныхъ!
 Само государство еще не могло;

Часть II.

Не смѣло коснуться растравленной язвы.

«Чья кисть нарисуеть кромѣшный тотъ адъ,
Гдѣ слышался свистъ лишь бичей, плачь народный,—
То царствіе мрака, сочившее ядъ,
Рядъ цѣлый столѣтій, на русскую землю,
Гдѣ дикое барство воздвигло престолъ
Гнуснѣйшимъ страстямъ и чудовищнымъ казнямъ,
• ~~Бессмысленный, самый слѣпой произволъ~~
~~Ругался надъ духомъ живымъ человека.~~
~~Топлы, миллионы несчастныхъ людей,~~
~~Лишенные всякой защиты закона.~~
~~Встрѣчали на мѣсто судей—палачей,~~
~~На мѣсто защитниковъ—повня казни?...~~

«Страдальцы, борцы, лишь извѣстные намъ,
Да Господу Богу!....Какая-жъ иная
Извѣстность быть можетъ доступна рабамъ?
Какой громкій подвигъ о нихъ скажетъ міру?..
А сколько межъ нихъ было честныхъ людей,
Достойно любимыхъ и чтимыхъ въ народѣ,—
И витазей свѣтлыхъ, и богатырей,
Чья жизнь была часто примѣрной борьбою!

«Какой же наградой почтилъ бы ихъ свѣтъ?
У васъ есть исторія, гласность, газеты;
У насъ одни святцы. Народъ съ давнихъ лѣтъ
По нимъ только знаетъ своихъ ратоборцевъ.....
И горькихъ страдальцевъ. Причислится къ нимъ,
Есть верхъ его славы; жить съ ними по смерти,—
Вѣнецъ его жизни.

«И тѣмъ бы инымъ
Народъ могъ воздать вамъ, святые страдальцы?
Свѣтъ грубо смѣялся надъ вашей борьбой,
Онъ васъ сажалъ въ тюрьмы, онъ гналъ васъ въ оковахъ
Изъ міра живущихъ, считалъ васъ толпой
Разбойниковъ темныхъ. Тѣснимые злобой
И силою сильныхъ, неправдой судей,
Богатствомъ богатыхъ, упорно стояли
Вы противъ жестокой судьбины своей.
Быть можетъ, порой, вы и были виновны

Но гласомъ живымъ, въ немъ присущаго Бога.
 Поистинѣ, правый судья—всѣмъ чужой;
 Своя ему только священная правда;
 Онъ праведникъ божій, избранникъ святой,—
 Воздай ему, Боже, твоей вѣчной правдой!

«Иль также вы, князи, владыки земли,
 Владиміры наши, свѣтъ-красные Солнцы,
 Чьи дни золотые отрадно прошли
 Въ высочомъ служеніи родному народу;
 Кого суетой не коснулся своей
 Ни міръ сей лукавый, ни дворъ двоедушный,
 Ни рабство лизавшихъ вамъ ноги людей,
 Ни ярые крики враговъ безпокойныхъ;
 Но духъ чей высокій съ днемъ каждымъ мужаль
 Въ дѣлахъ правосудья, въ дѣлахъ милосердья,
 И радостно всякій умъ свѣтлый встрѣчалъ,
 И съ теплою любовью выслушивалъ правду.

«И ваша жизнь также была лишь борьба,—
 Борьба, выше нашей! Блистателенъ, свѣтель,
 Вашъ жребій высокій,—завидна судьба;
 Не тщетно зовутъ васъ избранными свыше,
 Не тщетно земля долго помнить о васъ;
 Но тягостно ваше и страшно призванье.—
 Великій отчетъ вы даете за насъ.
 Живемъ мы въ покоѣ, а вы насъ храните;
 Постигло край бѣдствіе,—вы полны заботъ;
 Вашъ взоръ дни и ночи отверзтъ на событья;
 Вы движете ваши народы впередъ,
 Вы сами въ главѣ всѣхъ благихъ начинаній...
 Желая почтить вашъ вѣкъ славой земной,
 Вамъ общество ставитъ столпы, монументы;
 Но чѣмъ-же воздастъ вамъ народъ вашъ простой?
 Молитвой за васъ поколѣній грядущихъ!

«Иль вы также,—вы, ратоборцы страны,
 Плательщпки краю народнаго долга,
 Вы, темныя жертвы кровавой войны,
 Защитники чести и славы царевои!...

.

«Всѣхъ васъ упокой отъ трудовъ и заботъ,
Господь, царь небесный, въ святомъ своемъ царствѣ!

«О мудрые вѣка! Ведите впередъ,
Ведите народы къ желанному свѣту;
Но вамъ никогда не уступить народъ
Ни милой семьи, ни святой своей вѣры!....

«Ударьте вы любимъ смычкомъ,
По шару нашему земному,—
И къ стону вы прислушайтесь глухому,
Что онъ издастъ кругомъ;
И если умъ вашъ не смятется,
И сердце въ васъ не разорвется,
И не застынетъ въ жилахъ кровь,
Смягчите воющія трели,
Тѣ адскія, шипящія свирѣли,
Иль инструментъ весь перестройте вновь
Вы, вашей мудростью земною,—
И пусть она замѣнитъ строй
Небесъ гармоніи святой,
Что примиряетъ все собою!

«Нѣтъ, вѣра нужнѣе, чѣмъ мыслить иные!

На жизнь смотрит строже гораздо народъ,
 Чѣмъ, больше него развитыя, сословья.
 Народъ видитъ временный лишь переходъ
 Въ ней къ жизни грядущей. Главнѣйшая сила
 Народная—вѣра. Лишь только съ нея
 Народы свое начинаютъ развитые;
 Съ нея лишь считаютъ они бытіе.
 Она твердый щитъ ихъ, прибѣжище въ нуждѣ;
 Она ихъ оружіе противъ враговъ
 И противъ тираніи темной, домашней;
 Она не страшится ни страшныхъ костровъ,
 Ни мрачныхъ темницъ, ни позорнѣйшихъ казней;
 Она высшій двигатель странъ и вѣковъ;
 Она самый крѣпкій мечъ противъ насилья!
 «Весь міръ живетъ ею отъи скони лѣтъ.
 Но всюду—простая, народная вѣра
 Еще въ колыбели. Ея дивный свѣтъ
 И въ насъ не разсѣялъ стариннаго мрака.
 Микула для многихъ—преемникъ боговъ,
 Въ немъ живъ древній Индра-Громовникъ, богъ Вишну;
 Нашъ край еще помнитъ духъ этихъ вѣвовъ,
 Когда былъ Микула свѣтиломъ народнымъ;
 Свѣтъ новый коснулся страны лишь извѣтъ,—
 И это тотчасъ отразилось въ расколѣ.*)
 Расколъ у насъ—двигатель главный въ странѣ
 Простаго народа; расколъ сталъ хоругвью
 Для всѣхъ недовольныхъ; край имъ вымѣщаль
 Свое угнетенье. Расколъ отдѣлилъ насъ
 Въ свой міръ самобытный; но онъ же воззвалъ
 Народную мысль и народъ нашъ—къ мысленю.
 Расколъ стоитъ весь на одной старинѣ,—
 Свѣтъ новый, боярскій, ему кумиръ чуждый.
 Расколъ нашель твердую почву въ странѣ;
 Но онъ темный выходець мертваго міра...

*) Слово: расколъ, — принимается здѣсь въ обширномъ его значеніи, разумѣя подъ этимъ словомъ вообще всѣхъ нашихъ сектаторовъ, древнѣйшихъ и новыхъ.

Онъ зачатъ во тьмѣ, и жить можетъ лишь тьмой;
Ему теперь страшно наитіе свѣта;
Плодъ тяжкаго рабства и жизни благой,—
Онъ такъ и остался—чудовищемъ мрака.

«Но было ли это лишь только у насъ?
Народъ нашъ расколъ породилъ или рабство? ..
Я кончила мой о народѣ рассказъ;
Теперь я скажу, о вліяніи рабства»...

ПѢСНЬ 9-я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА ВАНЫ.

„Мы не меньше всякаго по опыту знаемъ ту горячую пытливость, тѣ пылкіе порывы ума, которые заставляютъ мудреца уноситься далеко за предѣлы времени и пространство“.....

(Катрфажъ).

Мы черпаемъ нынѣ привычной рукою
Дары просвѣщенья. Оно принесло намъ
Свободу, богатство, удобства, покой....
Разсказъ продолжала свой Вана. При свѣтѣ—
Мы смотримъ спокойно и смѣло впередъ;
Но тяжело подумать, во что обошлись
Дары просвѣщенья,—чѣмъ каждый народъ
Сперва заплатился за эти успѣхи,
«Мы знаемъ, какою цѣной дорогой
Отважный ловець-водолазъ добываетъ
Жемчужныя зерна изъ бездны морской;
Мы знаемъ какихъ жертвъ, опасностей стоитъ
Достать рудокопу изъ нѣдра земли
Песокъ золотой и блестящія зерна
Камней драгоценныхъ. Но еслибъ сочли
Мы всѣ эти жертвы, во что обошелся
Намъ каждый шагъ къ свѣту; когда бь миръ земной
Изчислилъ тѣ язвы, кровавыя войны,
Бостры, заустѣнья, что онъ за собой

Повсюду оставилъ, какъ дань духу мрака,
 За каждый успѣхъ свой; то вѣрно-объ нашель,
 Что стоитъ дороже всего—просвѣщенье.

«Великія блага нашъ міръ приобрѣлъ,
 Но онъ приобрѣлъ ихъ, прошедши сначала
 Чрезъ тьму заблужденій,—не нѣсколько дней,
 Но тысячи лѣтъ проблуждавъ въ одурѣннѣ,
 По дикой пустынѣ, по царству тѣней,
 И самъ трепеща передъ истиннымъ свѣтомъ.

«Лишь только на этой онъ почвѣ скупой,—
 Увлажненной кровью, распаханной нуждой,—
 И то лишь несмѣлой сначала рукой,
 Успѣлъ онъ посвятить тѣ злачныя нивы
 Даровъ просвѣщенья, что видимъ теперь.
 Отнынѣ и мы смотрѣть можемъ смѣлѣе
 На темный народъ нашъ, предъ кѣмъ нынѣ дверь
 Отворена настезь къ всеобщему свѣту,—
 На этотъ народъ, что увидѣлъ зарю
 Желанной свободы и дней самобытныхъ,—
 На славу себѣ и благому царю,
 Намъ давшему свѣтъ и отверзшему руви
 Странѣ на благое!.....

«Съ древнѣйшихъ временъ
 Міръ вѣрится въ свѣтъ лучшій и въ адъ преисподній.
 Съ какихъ мы ни взглянемъ на міръ нашъ сторонъ,—
 Вездѣ борьбу встрѣтимъ двухъ силъ мы враждебныхъ:
 Одна,—сила правды, добра, красоты,
 Довольства и свѣта,—ей имя: Свобода;
 Другая,—духъ дикихъ неправдъ, нищеты,
 Духъ тьмы и растлѣнія,—ей имя: Рабство.
 Два образа эти вошли въ идеалы!...

«Въ различныхъ мѣстахъ безконечнаго міра
 И въ образахъ разныхъ себѣ представлялъ
 Духъ смертныхъ престоловъ этой силы враждебной,
 И разными красками онъ рисовалъ
 Безвыходный міръ ея страшныхъ терзаній,—
 Страну эту мрака и злобныхъ бѣсовъ,
 Геенну палачую, міръ безъ надежды,

Гдѣ плачь и стenanьe, и скрежетъ зубовъ,
 И червь неумолкннй, и огонь негасимнй;
 Но чѣмъ выше солнце познаній благихъ
 Восходитъ надъ обществомъ; чѣмъ мнръ свѣтлѣе,
 Тѣмъ дальше тотъ образъ уходитъ отъ нихъ, —
 Въ пучины безвѣстной, таинственной ночи;
 Покуда нашъ вѣкъ, напоследокъ, нашелъ,
 Что мнръ тотъ кромѣшннй, тотъ адъ преисподннй,
 Тотъ вѣчннй разсадникъ всѣхъ бѣдствій и золь,
 На сей же землѣ, — гдѣ лишь царствуетъ рабство.

«Вотъ онъ, этотъ тартаръ, то царство тѣней,
 Что древннйе намъ рисовали поэты!
 Вотъ онъ, тотъ мнръ мрава, застоа, цѣпей,
 Угрюмое царство ововъ и мученій,
 Гдѣ плачь и стenanьe, и скрежетъ зубовъ,
 И червь неумолкннй, и огонь негасимнй;
 Гдѣ царствуетъ съ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ
 Еще и понннѣ, все тотъ же богъ Смерти,
 Богъ ночи холодной, сѣдой Ситивратъ,
 Сей образъ старинннй нѣмаго застоа,
 И съ нимъ мрачннй Навнй, супругъ или братъ
 Угрюмой Мараны.

«Еще и понннѣ

Тамъ гордый Сизифъ, врагъ боговъ и царей,
 Вотще катитъ въ гору тяжелнй свой камень,
 И будетъ катитъ до свончаннй дней,
 Покуда не рухнетъ мнръ этотъ кромешннй;
 Понннѣ пытливнй тамъ Танталъ въ цѣпяхъ
 Томится надъ моремъ свободныхъ стремленнй,
 И тщетно пытается въ прозрачннхъ струяхъ
 Свою утолить благородную жажду;
 Понннѣ толпа молодыхъ Данаидъ
 Свои наполняетъ бездонныя ведра,
 И мыслить серьезно или дѣлаетъ видъ,
 Что ими исчерпаетъ вѣчныя бездны;
 Понннѣ, тамъ царство ужасныхъ Горгонъ,
 Нелѣпныхъ Химеръ и карающихъ Фуриѣ;
 И тотъ же все кормчнй, — безмолвннй Харонъ,

И тотъ же, у выхода,—Церберъ трехглавыи.

«Понывъ мѣръ этотъ не есть мѣръ живой,
Но мѣръ еще мертвыи. Понывъ живутъ въ немъ
Стоглавая Нужда съ Заботой слѣпой,
Томительный Голодь и мрачная Злоба;
А Медленность, съ дряхлой, кстлявой рукой,
Считается самую вѣрной служанкой.
Понывъ тамъ слышно шипѣнїе змѣй,
Что гложуть и точать нависнувшїи корень
Отъ дерева жизни, чтобъ мѣръ тотъ тѣней
Не ожилъ подъ сѣнью его благодатной. *)

«Отсель-то, вначалѣ древнѣйшихъ вѣковъ
Вредебныи силы угрюмыхъ титановъ
И разныхъ чудовищъ, и злобныхъ духовъ,
Мѣшали, ихъ врикомъ, духамъ свѣтлымъ Брамн,
Докончить созданье вселенной земной,
Ко благу живущихъ. Сюда-то былъ брошенъ
Древнѣйшїи духъ зла съ его темной ордой
Бѣсовъ горделивыхъ, враговъ непреклонныхъ
Свободы и свѣта. Откуда ведетъ
Онъ споръ и понывъ съ божественнымъ Свѣтомъ,
И гдѣ только можетъ,—тамъ гонить, гнететь,
Ему-нанавистный, духъ мысли свободной.

«Лишь только въ подобныхъ, ужасныхъ мѣстахъ
Раждаются пытки, костры и расколы;
Лишь тамъ можетъ быть то броженье въ умахъ,
Что въ день одинъ рушатъ завѣтный порядовъ
И цѣлыи царства!...

«Свѣтъ дивный Христа,
Повѣялъ повсюду весной обновленья;
Свобода родилась подъ сѣнью креста,—
И первая мысль, о гражданскомъ равенствѣ
Слетѣла съ Голгоѣм. Мысль эта внесла
Духъ новый въ науку и въ строй государства,
Мысль эта всѣ страны и царства слила,
Съ Христомъ во главѣ, въ одинъ мѣръ христіанскїи.

*) См. описанїе Геллы, скандинавскаго ада:

«Но гласъ животворный благаго Христа
 Сначала былъ гласомъ въ пустынь. Миръ рабства
 Стоялъ также твердо подъ сѣнью креста, —
 Какъ прежде, подъ сѣнью боговъ своихъ древнихъ.
 Земные владыки себя возвели
 Въ санъ высшій намѣстниковъ новаго Бога;
 По образу ихъ, и всѣ власти земли
 Могли оставаться такими жь богами.
 Мысль только блеснула, и снова была,
 Какъ прежде, затерта, смыслъ здравый низвергнуть,
 Ликъ кроткій Христа сталъ хоругвию зла,
 Его дивный свѣтъ сталъ предметомъ гоненій.

«На Римскомъ престолѣ сѣлъ новый Зевесъ,
 Предъ кѣмъ трепеталъ юный миръ христіанскій;
 Храмъ свѣтлый Христовъ, миръ безплотный небесъ, —
 У нихъ превратились въ чертогъ Олимпійскій;
 Служители церкви сравняли Христа
 Съ богиней Минервой, — богиню Діану
 Съ пречистою Дѣвой. Во имя креста,
 Возникнули пытки, лютейшія казни;
 Разбойники, вору имѣли святыхъ,
 Патроновъ, дѣлили съ ними добычей,
 Давали обѣты. Въ мѣстахъ нежилыхъ,
 Близъ замковъ, ютились Эльфы и Сильфы;
 Народъ, ради сильныхъ, лилъ потъ свой и кровь,
 За что обѣщали ему рай небесный;
 Но даже и это онъ долженъ былъ вновь
 Еще приобрѣсть на наличныя деньги.

«Такъ въ раннее утро, ненастной порой,
 Когда ряды тучъ застилаютъ все небо,
 И мгла дождевая сырой пеленой
 Виситъ надъ землею, — давно разсвѣтало,
 А все еще царствуетъ сумракъ кругомъ,
 По мокрой землѣ и туманному небу.
 Не видно движенія; все спитъ вѣрнымъ сномъ
 Иль прячется робко подъ кровомъ надежнымъ;
 Въ нѣмомъ цѣпенѣньи стоитъ лѣсъ густой,
 Повѣсивъ уныло намокшія вѣтви;

Безмолвно по селамъ; пусть городъ большой,—
 Кой-гдѣ прогремитъ развѣ мокрый возница;
 Завѣшены окна въ замкнутыхъ домахъ,
 Веадѣ будто вѣетъ еще днемъ вчерашнимъ....
 Вчерашнія лужи въ пустыхъ воротахъ,
 Вчерашняя слякоть по улицамъ темнымъ;
 Печать роковая вчерашнихъ страстей,
 Вчерашнихъ заботъ иль вчерашнего пира—
 На лицахъ измятыхъ, у сонныхъ людей,
 Еще мирно спящихъ, подъ мѣрный стукъ капель.
 Живыя картины вчерашнихъ утѣхъ,
 Тревожныя грезы вчерашнихъ печалей,
 Вчерашнее горе, иль радость и смѣхъ,
 Еще смутно вьются надъ ихъ изголовьемъ...
 Лишь утренній, свѣжей струей, вѣтерокъ
 Порой пронесется по мокрому полю,
 Кой-гдѣ встрепенется намокшій цвѣтокъ,
 И будто посыплетъ алмазною пылью;
 Иль съ вѣтки на вѣтку въ лѣсу пропорхнеть
 Дремавшая птичка, кой что прощепечеть,
 Страхнеть съ крыльевъ воду и вновь упадетъ
 Подъ важную листвою. Лишь труженикъ горькій,
 Привыкнувшій съ самыхъ еще юныхъ лѣтъ
 Встрѣчать каждый день за упрямой работой,
 Лишь онъ,—увидавши мерцающій свѣтъ,
 Поспѣшно всвочилъ, и сидитъ ужъ за дѣломъ;
 Да кроткій младенецъ, страхнувъ сонъ ночной
 Въ родныя объятія ангела утра,
 Открылъ уже глазки, тревожится тьмой,
 И ищетъ, сквозь шторы, желаннаго свѣта;
 Вотъ онъ улыбнулся игрушкамъ своимъ,
 И тянетъ ручки къ блестящимъ полоскамъ,
 Что блѣдное утро рисуетъ предъ нимъ
 По мрачнымъ стѣнамъ и по мебели темной...
 Но день ужъ насталь,—все свѣтлѣетъ кругомъ,
 Лучъ солнца прорѣзалъ кой-гдѣ влажный сумракъ;
 Недолго еще,—и въ сіяньи златомъ,
 Весь міръ обольется пучиною свѣта.

«Гдѣ жь мысли свободной блеснулъ первый свѣтъ?
 Гдѣ онъ развился? Въ угнетенныхъ народахъ.
 Кто въ нихъ вдохнулъ жизнь? Кто двѣ тысячи лѣтъ
 Въ святой укрѣплялъ ихъ борьбѣ?—Христіанство!
 Они въ мигъ почували вольный тотъ міръ,
 Что новая вѣра вносила съ собою;
 Но этотъ верховный, народный кумиръ
 Сначала былъ долго отъ нихъ скрытъ въ туманѣ.
 Давнишнее рабство не можетъ родить
 Ни мыслей благихъ, ни дѣяній высочайшихъ;
 Сперва его мысль,—все крушить и ломать,
 Сперва порождаетъ оно лишь чудовищъ.

«Какимъ же привѣтомъ міръ встрѣтилъ восходъ
 Желаннаго солнца народной свободы?
 Какимъ торжествомъ угнетенный народъ
 Привѣтствовалъ первый разсвѣтъ просвѣщенья?
 Всеобщимъ погромомъ священныхъ началъ
 Того жь просвѣщенья, кровавымъ возстаньемъ
 На все, чего онъ самъ достигнуть желалъ,—
 На собственность, знанья, гражданскій порядокъ.....
 Фома Мюнцеръ, Пфифферъ, Шердингъ,—все сыны
 Простаго народа,—изъ Лейдена, Боккольдъ,—
 Трактирщикъ, потомъ вождь народной войны,
 Пророкъ и диктаторъ,—внесли мечъ и пламя,
 И духъ коммунизма въ германскій народъ;
 Гельвеція, Рейнъ, даже часть Нидерландовъ,
 Богемія, Польша, открыли походъ;
 Силезцы, Моравы, къ нимъ вышли навстрѣчу...
 Въ туманѣ лжевѣрія, братъ умерщвлялъ
 Любимаго брата; пришлецъ беззащитный,
 Знакомый гость, падалъ подъ острымъ ножомъ
 Радушныхъ хозяевъ; скромнѣйшія жены,
 Подобно вакханкамъ, въ восторгѣ святомъ,
 Кидались въ объятія вновь-обращенныхъ;
 Дороги покрылись народной толпой,
 Бѣжавшей, Богъ знаетъ куда,—за свободой;
 Бросали отчизну и кровь свой родной,
 За мнимое царство всеобщаго братства,

Въ надеждѣ какихъ-то небесныхъ даровъ;
 Деревни и цѣлыя села пустѣли;
 Имущества, дома, наслѣдье отцовъ,
 Сбывалися людямъ чужимъ, за бездѣнокъ;
 Всѣ чаяли царствія Божья, пока
 Убийственный свѣтъ не разсѣялъ мечтаній;
 Тогда все смѣшалось,—и нищихъ рѣка
 Страну наводнила ордой тунедцевъ,
 Бродягъ и злодѣевъ. 17)

«И этотъ вулканъ

Потрясъ всю Германію, верхній Рейнь, Альпы.
 Чтожъ ждало народы сосѣднихъ имъ странъ, —
 Страну Альбигойцевъ, страну Гугенотовъ,
 Страну бурной Лиги и Фронды, гдѣ знать
 Привыкла издревле топтать міръ народный,
 И ради потѣхи дразнить и терзать
 Ручнаго, какъ мнилось ей, этого звѣра?...

«Насталъ и для нихъ часъ, и тамъ запылалъ
 Такой же пожаръ,—и какъ ветхую вѣтошь,
 Въ одинъ мигъ скоробилъ, свернулъ и пожралъ
 Слѣпую монархію. Грозно воспрянулъ
 Ненстовый вихрь, и народъ безъ ума—
 Въ пожарище бросилъ правленье и вѣру,
 Престола и храмы, боговъ и дома...
 Пошла пляска смерти.... Въ чаду, закружился
 Живой людъ и мертвый,—одни безъ головъ,
 Другіе безъ сердца,—заставы и стогны,
 Дворянскіе замки, зубцы городовъ,
 Деревни и села, земля вся и небо.....
 Насталъ адскій шабашъ, плясъ пьяныхъ бѣсовъ,
 Великій торжественный праздникъ отмщенья,
 Дни яростныхъ казней, дни плахъ и костровъ,
 Насилія женъ, побіенья младенцевъ,
 Возмездья сынамъ за разлѣвныя отцовъ;
 Дни дикихъ предательствъ, домашнихъ шпіоновъ,
 Дни яростной черни, все бьющей съ плеча;
 Дни страшныя сабель, штыковъ и сѣкиры,—
 Владычество, царство, триумфъ палача,

Дни лютых мегеръ и безстыдныхъ развратницъ,
 Предсмертная пляска нагихъ дикарей
 Вкругъ связанныхъ жертвъ и досокъ эшафота;
 Пиръ дикій вампировъ и хищныхъ звѣрей
 Надъ лужами крови и грудами труповъ,
 Бессильный стонъ жертвъ, смѣхъ и ревъ палачей,
 Послѣдніе дни, страшный судъ надъ прошедшемъ.

«Весь Западъ снималъ съ себя образъ живой, —
 И снова хотѣлъ быть землей Цизальпійской,
 Страной Транспаданской, Батавской землей,
 Страной Лигурійской, землей Парфенонской....¹⁸⁾

«Таковъ былъ вездѣ пробужденія часъ
 Народнаго рабства, на новый свѣтъ Божій!
 Нашъ замкнутый край благодѣтельно спасъ
 Себя, отъ подобной крушительной бури;
 Но также и нашъ край не могъ не родить,
 Въ дни горькой неволи, своихъ джеученій,
 Чѣмъ только и могъ онъ тогда заявить,
 Что живъ онъ и мыслить. А онъ жилъ и мыслить;
 Онъ жилъ, какъ живутъ въ тѣмѣ безвыходныхъ золь,
 Онъ мыслилъ, какъ мыслятъ въ цѣпяхъ тяжкихъ рабства;
 И онъ родилъ дивій, туманный расколъ, —
 Такой же туманный, какъ міръ его древній.

«Съ зарей христіанства, у русскихъ славянъ
 Вошла черезъ Кіевъ восточная ересь
 Болгаръ — богомиловъ. Монахъ Адріанъ
 Отвергнувъ народно обрядность и церковь;
 За нимъ предсталъ Дмитръ. Духъ ученія ихъ,
 Почерпнутый прямо въ языческомъ мірѣ,
 Былъ сходенъ въ возрѣвнѣяхъ своихъ міровыхъ
 Съ стариннымъ ученьемъ волхвовъ его вѣщихъ.
 Духъ этотъ гораздо доступнѣе былъ
 Язычникамъ темнымъ, чѣмъ духъ христіанства;
 И надобно думать, что корни пустилъ
 Еще въ это время онъ въ нашу народность.¹⁹⁾

«На сколько тогда развился онъ у насъ,
 Теперь мы не знаемъ; замѣтимъ одно лишь, —
 Чуть только расколъ нашъ возвысилъ свой гласъ,

Тотчасъ же различныя толки и секты
 Возстали готовые противъ властей,
 И противъ всѣхъ мѣръ государства и церкви.

«Власть ловить и строго караетъ вождей,
 И тѣмъ освящаетъ вначалѣ жь возстанье.
 Но въ чемъ смыслъ возстанья? Въ чемъ цѣли его?
 Его смыслъ въ народномъ еще двоевѣрьи;
 Его цѣль,—изъ рабства создать своего
 Край мыслящій, край самобытный, свободный.
 Смѣшавши съ языческимъ міромъ былымъ,
 По свѣду понятый, смыслъ христіанства,
 Народъ идетъ въ распрю со всѣмъ остальнымъ,
 И хочетъ признать лишь одну власть,—власть Божью;
 Ему весь міръ—братья, предъ нимъ всѣ равны;
 Одна въ людяхъ разность,—въ способностяхъ духа;
 Народъ есть прямой обладатель страны,
 Но этого можетъ достичь лишь въ грядущемъ.»

«Міръ древній не кончилъ свое бытіе,
 Лишь онъ обозначился въ образахъ новыхъ;
 Микула ведетъ самъ развитие свое,—
 И развѣ, покончить, когда разсвѣтаетъ...

«Спросите о міроустройствѣ его,
 Издавна воссозданномъ свѣтомъ Христовымъ,—
 Онъ скажетъ, однако, что прежде всего,
 Когда еще не было даже и Бога,
 Ни творческихъ силъ Его,—былъ Сатана,
 Низвергнутый послѣ въ мракъ вѣчный. Онъ скажетъ—
 Сперва было море; земля создана
 Изъ пѣны морской, по велѣнію Божью;
 А прежде того, Господь жилъ въ небесахъ,
 Въ трехъ коморахъ свѣтлыхъ: тамъ свѣтъ безконечный;
 Земля же стоитъ на великихъ китахъ;
 Ихъ три кита главныхъ и тридцать поменьше;
 Она на великихъ, соленыхъ водахъ;
 Ее опоясалъ вокругъ столпъ желѣзный.»

«Святая водица, въ иныхъ деревняхъ,
 Честиѣ пречистыхъ, святыхъ тайнъ Господнихъ.»

«Кто ангеловъ создалъ?—Они отъ огня
 Часть II.

И духа святаго; луна—отъ престола
И воздуха божья; свѣтило же дня, —
Отъ внутренней ризы Господней....,

Спросите!

«Что есть, — нѣвѣй внукъ рече бабѣ:

«Положи меня въ себѣ, баба!

«Она же ему отвѣчаетъ:

«Какъ же я положу тебя,

«Когда ты отецъ мнѣ?...

«Внукъ этотъ—Христось;

«Ну, а баба,—земля.»

«Земля на китахъ,—кто жъ китовъ этихъ держить?

Ихъ огненна держать рѣка; а ее—

Дубъ держитъ желѣзный. Гдѣ солнышко ночью?

На всю ночь уходитъ въ жилище свое, —

Въ чертогъ златотканый, на самомъ Востокѣ.

Тамъ островъ Буянь, и живетъ тамъ Змія;

Всѣхъ змѣй она старше. Въ зеленой осокѣ

Живетъ еще птица, — она тамъ своя;

Всѣхъ птицъ она старше. Живетъ еще воронъ,

Всѣмъ воронамъ старшій. Тамъ кладези, рѣки,—

Студеныя рѣки....

«Про гору Афонъ

Онъ скажетъ, что тамъ стоитъ дубъ превеликій, —

Ни нагъ, ни одѣтъ онъ ни съ коихъ сторонъ;

Подъ дубомъ живутъ семь невѣдомыхъ старцевъ;

Клюютъ они мурья. Еще тамъ лежитъ, —

Лежитъ бѣль-горючій тамъ камень-алатырь.

Его лижутъ зми, — и этимъ змѣй ситъ

На цѣлую зиму.

«Объ Индрѣ гремашемъ

И всѣхъ богахъ древнихъ, онъ скажетъ теперь,

Что это все вражья, нечистая сила,

Противная Богу; а Индрикъ есть звѣрь,

И роетъ онъ рогомъ своимъ сыру землю.

«У Бога два сына: сынъ Сатанаилъ,

Другой сынъ,—Христось. Богъ вдохнулъ въ людей душу,

А первый далъ тѣло. Но Богъ есть Богъ силъ,

Богъ свѣта, — лишь въ немъ власть законная въ мѣрѣ.
 Въ насъ восемь частицъ отъ небесъ и земли;
 Изъ нихъ сотворенъ человѣкъ и всѣ люди.
 Всевышній Богъ любить созданья свои,
 Поднесъ воплощается въ чистое тѣло,
 Желаетъ весь мѣръ Онъ грѣховный спасти, —
 Рабовъ отъ ихъ рабства, а слабыхъ отъ сильныхъ;
 Но часъ не насталъ. И не будетъ пути,
 Пока не придетъ онъ самъ на судъ страшный....

«Се ангель съ неба сниде,
 «Седьмой фѣаль лется на землю;
 «Земля обновляется,
 «Огнемъ очищается.»

«И огонь тотъ небесный еще будетъ долго
 Палить насъ, — пока не очиститъ весь мѣръ,
 До тѣхъ поръ, все будетъ расти царство мрава;
 А онъ, Селянинъчъ, все будетъ и сиръ,
 И бѣденъ, и слабъ, и гонимъ, и бездоленъ;
 Затѣмъ, что мѣръ этотъ есть мѣръ лжи и тьмы;
 Въ немъ царство антихриста. Кто же спасется,
 У тѣхъ просвѣтитъ самъ Господь-Богъ умы;
 Имъ дастся земля вся и мѣръ обновленный.
 Тогда возликуетъ Микула благой,
 И всякая плоть, и душа человѣчья;
 Воспринетъ въ веселіи край нашъ святой,
 Зане отдѣлитъ Богъ неправыхъ отъ правыхъ;
 И правый обрящетъ желанный покой,
 Неправые жъ стигнутъ въ огнѣ негасимомъ.

«Такъ онъ, изъ языческихъ древнихъ началъ
 И истинъ высокихъ ученья Христова,
 Микула нашъ, создалъ, иль лучше, свядалъ
 Особенный толкъ и особую вѣру,
 Доступную только ему одному.

«А самый обычай его созерцанья, —
 Когда предстоитъ углубиться ему
 Въ нѣмую молитву? — Онъ тихо садится,
 Скрестивъ подъ грудь руки, а взоръ впередъ,
 Подобно буддистамъ, на часть одну тѣла,

Чтобъ чѣмъ не развлечься, и опъ такъ сидитъ,—
Сидитъ долго такъ, до конца созерцанья.
Когда жъ онъ тому научился и гдѣ?—
Обязанъ онъ этимъ учителямъ новымъ,
Или первобытному еще Буддѣ,
Кого онъ могъ знать, живя въ Выреѣ древнемъ?...

«Посредствомъ ли сихъ созерцаній нѣмыхъ
Иль темныхъ, ему лишь извѣстныхъ, ученій,—
Но онъ расширяетъ кругъ толковъ своихъ,
Онъ духомъ владыкой становится міра;
Весь міръ,—это онъ самъ!..

«Господь во всемъ мірѣ: затѣмъ—міръ есть Богъ;
Лишь духъ нашъ разуметь; но тѣло—тьма, тлѣнье;
Обитель Господня—небесный чертогъ;
Архангелы, Власти, Престолы, Господства,—
Они составляютъ *окруу небесъ*,
Побесный *корабль*. Опъ несется надъ бездной
Воздушнаго моря, и льетъ свѣтъ чудесъ,
Какъ свѣтлая воды, на этотъ міръ темный. ²⁰⁾

«Милула по духу есть истинный богъ;
Но богъ, заключенный въ грѣховное тѣло;
Его сила въ духѣ,—затѣмъ и чертогъ
Его не на небѣ, а въ мірѣ подлупномъ.
Опъ долженъ сначала сей міръ побороть,
Творя лишь дѣнья, достойныя духа;
Онъ долженъ держать въ умерщвленіи плоть,
Не истязать и радѣть о богатствѣ
Духовномъ. На помощь ему—*корабли*;
На нихъ, съ нимъ радѣютъ всѣ лучшіе люди,
Всѣ высшія власти и силы земли...
Какъ ангелы Божьи радѣютъ на небѣ;
Такъ въ этихъ кораблицахъ нашихъ земныхъ
Радѣть можетъ всякій. Какъ солнце крутится
На небѣ, радѣльцы крутятся на нихъ;
А духъ-святъ *катитъ*,—и лишь только *накатитъ*,
Тогда всѣ пріемлютъ божественный чинъ,—
Тогда они боги.

«Вы видите, снова

Мы входимъ въ міръ древній! Сперва Богъ единъ;
 Онъ высшій богъ міра, безличное Небо, —
 Сварогъ, Дій, Варуна, прапрадѣдъ иль дѣдъ
 Боговъ всѣхъ грядущихъ. Онъ Свѣтъ первобытный;
 Но онъ неподвиженъ. Потомъ, этотъ Свѣтъ
 Рождаетъ Стрибоговъ, Перуновъ, Дажь-боговъ;
 Отъ нихъ зарождаются богатыри;
 Но въкъ богатырскій теперь не совмѣстенъ
 Съ ученьемъ Христовымъ; свѣтъ новой зари
 Блеститъ надъ землей, — и они принимаютъ
 Другой также образъ, — *духовныхъ людей*;
 Они *богатырствуютъ* силою духа,
 Они также боги.

«Съ невѣдомыхъ дней

Микула понинѣ себѣ представляеть,
 Что солнце *крутится*, какъ жорновъ златой,
 Бросая по небу, какъ искорки, звѣзды.
 Разъ люди, забравшись въ міръ неземной,
 Наѣлись тамъ этихъ небесныхъ оладьевъ, —
 И пали; другіе жъ, съ небесной горы
 Узрѣли святое радѣнье силъ горнихъ, —
 Пиръ ангельскій; съ этой-то древней поры,
 Они и внесли трудъ радѣнья на землю.

«Вначалѣ у насъ красовались пиры
 Язычника-князя, свѣтъ-краснаго Солнца:
 Когда же Владиміръ былъ признанъ святымъ,
 Тогда просвѣтлѣлъ и его древній образъ;
 Пиръ замѣнился радѣнемъ благимъ
 Духовныхъ людей; а значеніе князя
 Воспринялъ, *богатый* духовной казной,
 Данила Филипычъ, — Иванъ Тимофенчъ, —
 Иль лучше, все тотъ же Микула родной;
 Разгулъ обратился въ святія молитвы,
 А онъ, князь, — въ радѣльца.

«Иной тутъ, душой

Давно *милліонщикъ*; другой, — *билліонщикъ*!
 Они не тягуются съ властью земной,

Они не казнятъ никого и не гонятъ.
 Они *поборають* свою только плоть,
 Казнятъ, истязуютъ лишь грѣшное тѣло,
 И тѣмъ служатъ духу; ихъ цѣль, — поборотъ
 Зло всякое въ мирѣ.

«Вода и свѣтъ-Солнце,
 Дажьбогъ и Варуна, какъ были всегда
 Богами Микулы, такъ тѣмъ и остались.
 Но встарь былъ Микула язычникъ; тогда
 Онъ имъ поклѣнялся на свѣтлыхъ колодцахъ;
 Теперъ же Микула давно ужъ крещенъ,
 И онъ совершаетъ радѣнья вокругъ чана.
 Тутъ нѣтъ боговъ прежнихъ, съ кѣмъ съ давнихъ временъ
 Микула разстался; но ихъ обаянье
 Замѣтно и здѣсь, — лишь въ значенъи иномъ.
 Дѣвица въ повязкѣ, собой выражаетъ
 Здѣсь красное Солнце. Какъ въ мирѣ быломъ,
 Кормилица Жива, — она вся нагая;
 Какъ Жива являлась изъ нѣдровъ земныхъ,
 Такъ точно выходитъ она изъ подполья
 Неся милымъ братьямъ въ кошницахъ своихъ
 Святые дары, отъ земли благодатной,
 Для ихъ приобщенья. ²¹⁾

«Во имя Христа,
 Она приобщаетъ ихъ плотью и кровью....
 Она, какъ богиня земли, такъ чиста,
 Что все освящаетъ своей благодатью.
 Она погружаетъ въ чанъ, полный водой,
 Свое молодое, пречистое тѣло,
 Подобно тому, какъ весенней порой,
 Земля погружаетъ себя въ половодье;
 Въ рукахъ у ней образъ, на коемъ Христось, —
 Женихъ ея вѣщій; у чана, — старухи, —
 Небесныя тучи, предвѣстницы грозъ,
 Противницы-вѣдьмы, враги брака Солнца,
 Земныя богини плотскихъ, грубыхъ силъ;
 Онѣ вырѣзають сосцы плодородья,

И дѣлять на части, чтобъ каждый вкусилъ,
И принялъ въ себя ихъ живящія силы.

«Все это и дико, грустно! Но я
До корня должна обнажить эту язву.
Такъ умъ угнетенный искалъ для себя,
Въ горячечномъ даже бреду утѣшенья.
«Вкругъ этого чана горить рядъ свѣчей;
Вода въ немъ мутится,—какъ древле, въ то время,
Когда Чудо-Юдо, царь бурныхъ морей,
Всплывалъ изъ пучины. Надъ этой водою
Радѣльщики видятъ сначала туманъ,—
А въ этомъ туманѣ потомъ зрятъ *Исуса*,—
Конечно того, что у древнихъ Славянъ
Звался Святovitомъ или богомъ Мокошемъ.

«Но *дѣва-Земля* есть богиня земли
Лишь только до лѣта. Когда жъ зланы нивы,
Сады, огороды, плодами полны,
И въ нихъ все созрѣетъ,—она ужъ не дѣва;
Она въ это время—*сыра-мать-Земля*;
А осенью, только что мѣръ уберется,
Совсѣмъ опустѣютъ сады и поля,
И самое солнце уйдетъ съ поднебесья.
Она матерая, *богата-вдова*.

«Такъ точно и въ самыхъ радѣньяхъ,—богиня,
Зачавши, теряетъ на дѣвство права.
Зачать она можетъ лишь только отъ бога,—
А плодъ, что рождаетъ она, есть Христось;
Волхвы причащаютъ себя его гѣломъ,
И силой его побѣждаютъ хаосъ
Вещественныхъ силъ, что господствуетъ въ мѣрѣ.

«Чтожь тутъ самъ Микула, среди этихъ христовъ,
Боговъ и богинь ихъ?—Онъ дѣдъ ихъ, хозяинъ,
Онъ Солнышко-красно, онъ богъ—Саваофъ,
Онъ древній Возничій въ небесныхъ созвѣздыяхъ. 22)

«Какъ въ тѣ дни, и нынѣ *скатилъ* онъ съ небесъ,
Съ *небеснаго воза*, на гору земную,—

Скатилъ онъ оттуда, нашъ русскій Зевесъ,
 И ищетъ по свѣту жену свою, Живу.
 Но въ солнечный лѣтній она поворотъ
 Съ земли исчезаетъ въ подземныя бездны,
 И тамъ остается, покуда народъ
 Работаетъ въ полѣ,—всю страдную пору.
 Все лѣто и осень стоятъ между нихъ
 Громова тучи, осенніе ливни;
 Въ то время живетъ онъ средь дѣтокъ своихъ,—
 Сихъ лозъ виноградныхъ, садовъ насажденныхъ,
 Вѣтровъ корабельныхъ, бродяжесъ блаженныхъ...
 Но полная слава его возсіяетъ,
 Когда міръ покроютъ великая ночь
 И темное царство; когда не возможетъ
 Ничей духъ всемірное зло превозмочь,
 И міръ одолѣютъ враждебныя силы.
 Въ тѣ дни, онъ придетъ во всей славѣ своей,
 Съ *Востокъ-страны*, — станетъ противъ боговъ темныхъ,
 И ихъ побѣдитъ, и свѣтъ божьихъ людей
 Потомъ возсіяетъ по всей землѣ Русской.

«Возгремитъ нашъ батюшка Илья Пророкъ,
 «Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
 «Отъ Востока рѣка течетъ до запада.....
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣса темные.....
 «И растворятся седьмыя небеса,
 «Сокатятся златыя колеса,
 «Золотыя еще огненные;
 «Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
 «Нашъ батюшка покатывается,
 «Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 «Сядетъ онъ въ стольномъ городѣ Москвѣ,
 «Ударитъ онъ въ царь-колоколъ въ Кремль;
 «Соберутся предъ нимъ живые и мертвые.»

«Откуда жь зло въ мірѣ?—И гдѣ его нѣтъ?..
 Но міръ имъ исполненъ еще отначала;
 Оно помрачало всегда бѣлый-свѣтъ.

Сперва оно было въ лицѣ Аримана,—
 Въ лицѣ Чернобога,—въ лицѣ Сатаны;
 Предсталъ въ міръ антихристъ,—и зло расплодилось
 По цѣлой землѣ; нимѣ всѣ имъ полны.
 Оно приводило къ намъ Наполеона;
 Оно расплодилось средь русской страны,—
 Почто въ ней и царствуетъ мракъ еще ночи.
 Борьба съ этимъ мракомъ, побѣда надъ нимъ,—
Великая тайна,—чтобъ внѣшній міръ, *темный*,
 О томъ не провѣдалъ, и духомъ своимъ
 Мертвацимъ, не сдѣлалъ помѣхи радѣльцамъ.

«Но имъ, людямъ Божьимъ,—имъ весь міръ открытъ!
 Они,—божьи люди; въ нихъ,—*книга живая*,
 Сонмъ трубъ *живооластныхъ*; корабль ихъ летитъ
 Небесною силою: все имъ подвластно.

«Различно бывають радѣнья на немъ:
 То носятся, скачуть радѣльцы, какъ буря;
 То *посоломъ* вихремъ крутятся кругомъ;
 Подобныя *вѣтру* или *Вернигора*мъ,
 И сестрамъ ихъ, *Стригамъ* или облакамъ.
 Они изъ сосцовъ пьютъ молочныя рѣки;
 Они всѣ,—бродяги, живутъ по лѣсамъ...
Чистѣйшіе мужи, какъ встарь борибанты,
 Чтобъ снять совсѣмъ иго тѣлесныхъ оковъ,
 Себя освопляютъ. Какъ *молонья* въ небѣ
 Смиряетъ порывы бродячихъ вѣтровъ;
 Такъ *огненный мечъ* сей смиряетъ ихъ тѣло.

«Вкругъ Солнца-Микулы сонмъ Солнцевыхъ дѣвъ;
 Онѣ ему служатъ, онѣ его моютъ
 И чешутъ; имъ страшенъ его божій гнѣвъ.
 Онѣ провожаютъ его и встрѣчаютъ,
 Кладутъ на постель, и стоятъ при столѣ.
 На небѣ зовутся онѣ—*зори-ясны*,
 И *красны дѣвицы*—на грѣшной землѣ;
 Микула надъ ними есть полный хозяинъ.
 Весь день на возу онъ,—на бѣломъ вогнѣ;
 Межъ утреннимъ ложемъ и ложемъ вечернимъ,
 Онъ,—красное-Солнце, онъ,—богъ, а онѣ,—

Архангелы, сестры и жёны борьки.

«По духу онъ всѣ родня жень собой;
 Для нихъ учреждёнъ высшій чинъ богородиць;
 На нихъ всего чаще духъ катитъ святой;
 Онъ неизменно пречестны дѣвы;
 Онъ порождаютъ младенцевъ—Христовъ;
 Онъ причащаютъ корабль своей плотью;
 Онъ всѣ боини. У нихъ нѣтъ отцовъ;
 Онъ остъ отъ дуа, — *иссестри*, — дѣвы
 Безмужни; безъ кровной, тѣлесной семьи.
 Отецъ ихъ и мужъ ихъ, — свѣтъ красное Солнце,
 Господь-богъ — Мивуль; семья — корабль;
 Земля — свѣторусь; ихъ мѣръ — братья божьи. 20)

«Но самый великій, изъ всѣхъ ихъ Христовъ,
 Источникъ добра и духовнаго свѣта,
 Богъ-Хорсъ-иъ богъ-Кришна всѣхъ этихъ боговъ,
 Есть царь-государь нашъ великій, — Петръ третій.
 Онъ спасся отъ смерти и мрачной тюрьмы,
 Куда онъ бѣжать ввергнуть, то злобъ боярской,
 По волѣ супруги, — сей матери тьмы
 И злобы кремённой. Онъ долго свѣтался;
 Потомъ объявился царемъ и Христовъ,
 Желая спасти свой народъ изъ подъ власти
 Бояръ, — боговъ темныхъ. Врагъ главный во всѣхъ
 Ему въ этомъ мѣрѣ, — Наполеонъ норвѣй. ...
 Царь этотъ не умеръ, — и будетъ онъ жить,
 Пока не очиститъ себя покаяньемъ;
 А Петръ третій долженъ сей мѣръ покупить,
 Поправши плоть духомъ. Но плоть окаянѣй дуа;
 Затѣмъ и понынь все дѣлится бораба 21).

«Другое начало духовнаго свѣта, —
 Пречистая Дѣва, блаженъ Судьба,
 Источникъ всѣхъ благъ и земли плодородья, —
 Царевна, Елизавета Петровна. Она
 Царю Петру мать; она царь-дѣвица;
 Въ ней дѣлая сила. Она вся полна
 Божественнымъ свѣтомъ; она, — Весна красна,

Въ ней сила Бѣлбога. *) Она возродить
 Съ Петромъ, своимъ сыномъ, всю русскую землю,
 Устроить народъ свой, спасеть, просвѣтить,
 И дать людямъ божьимъ покой и свободу...

«Вотъ что породили въ насъ рабство и тьма!

И чтожь могло лучше родиться въ народѣ,
 Гдѣ всякая мысль, всякій проблескъ ума
 Подавлены съ дѣтства иль залиты кровью?
 Что въ силахъ создать намъ корчма и тюрьма...

«Зато у Микулы еще есть свой мѣръ,—
 Любимое мѣсто, священное царство,
 Гдѣ онъ совершаетъ духовный свой пиръ,
 Куда не заходить власть грѣшнаго свѣта,
 Гдѣ съ нимъ его дѣтки,—бродяги-христы,
 Бездомные Вѣтры, и братья ихъ, сестры,—
 Воздушныя Стриги, Юроды, Хлысты...
 Тамъ мирно стоять ихъ моельныя избы,
 Тамъ ждуть ихъ пріюты, ночлеги, святы;
 То мѣсто—Пустыня.

«Онъ такъ воспѣваетъ

Ея превосходство:

«Прекрасная мать Пустыня,
 «Возлюбимая моя мати,
 «Пріяла меня, мать Пустыня,
 «Яко мати свое чадо,
 «Отъ юности прелестныя;
 «Укрой мене, мать Пустыня,
 «Отъ темныя отъ Ночи;
 «Приведи мене, мать Пустыня,
 «Къ своему ко небесному царствію;

 «И избавь меня, пустыня,
 «Огня, вѣчныя муки».....

«Откуда жь она

Явилась къ намъ,—эта святая Пустыня?

*) Она олицетворена также народомъ въ пророчицѣ Акулинь Ивановѣ.

Дала ли родная ее старина,
 Какъ древній остатокъ былаго буддизма, 52)
 Иль греки въ народъ нашъ ее занесли,
 Во дни христіянства?.. Но въ этой пустынь,
 Такія событія предъ краемъ прошли,
 Что ихъ никогда не забудеть міръ Русскій.

«Микула не борется противъ властей;
 Онъ ждетъ терпѣливо себѣ время новыхъ;
 Опъ ждетъ, когда царствіе божьихъ людей
 Само водворится по всей землѣ русской.
 Но мать-Пустыня—Микулинъ оплотъ;
 Сюда онъ уходитъ отъ тяжкихъ гоненій,
 Здѣсь онъ поучаетъ тѣсный народъ;
 Здѣсь молится онъ за его избавленье;
 Здѣсь брагой хмѣльной на него накатишь
 Святъ-духъ, пробудившій потребность въ немъ мыслить,
 И мыслить свободно; здѣсь онъ заявилъ
 Убийственной стойкостью, самосожженьемъ,
 Свой духъ непреклонный; здѣсь, въ дебряхъ лѣсовъ
 И въ степи широкой, онъ создалъ міръ новый,
 Незнающій власти; здѣсь, съ древнихъ вѣговъ,
 Еще развѣзжаетъ Илья, богатырь нашъ;
 Отсель вышли Разинъ, потомъ Пугачевъ;
 Отсель объявился народу Петръ третій.

«Оставилъ (онъ) столичныя грады,
 «Оставилъ Питеръ, Москву,
 «Оставилъ грановитыя палаты,
 «И все мраморны дворцы,
 «И высокій тронъ свой;..
 «Пересталъ гостить на немъ,
 «И святымъ духомъ заблажилъ»...

«Но эта блажь стоитъ недешево намъ,—
 Она стоитъ цѣлой войны намъ народной!
 Едва заблажилъ онъ, нашъ батюшка, тамъ,—
 Какъ съ нимъ заблажилъ и народъ угнетенный;
 Толпы заблажили несчастныхъ рабовъ,—

Запѣлъ пѣтухъ красный, зашачали боеве
 На крѣпкія рѣли, между двухъ столбовъ;
 Заразь заблажида вся камская область, —
 Пошла эта блажь, отъ степныхъ городковъ,
 Пошла вдоль Поволжья, къ престольному граду. ²⁶⁾

«Чего же искалъ народъ глупый себѣ?
 Чего онъ хотѣлъ?—Онъ хотѣлъ небольшого, —
 Хотѣлъ онъ лишь хлѣба своей голыдыбѣ,
 Искать, народъ глупый, онъ волюшки вольной.
 И то, не народъ искалъ воли, — Нужда, —
 Нужда—горемыка, Нужда—волею голодный....
 Вабѣсясь, и она жжетъ, палитъ города,
 Вабѣсясь, и она всѣхъ готова поддержать
 На крѣпкія рѣли....

«Вотъ плодъ нашей тьмы,
 Безвыходной, страшной тьмы нашего рабства!
 Скажите, какой озаритъ свѣтъ умы, —
 Когда народъ—рабъ, и нуждается въ хлѣбѣ?»

«Прошла эта туча надъ русской землей,
 Иссякнулъ сей первый фіаль гнѣва Божья;
 Но въ царствѣ остался все тотъ же застой, —
 Гроза не очистила заменутый воздухъ...
 Пугачъ былъ казненъ; но въ народной молвѣ,
 Петръ третій, Христось, еще живъ и понынь.
 Объявится въ стольномъ онъ градѣ Москвѣ,
 Пришедъ съ Востокъ-свѣта, изъ холодной Сибири;
 По плоти онъ царь; но по духу Христось, —
 Рожденный отъ Бога отца, Саваофа.
 По волѣ отца, много онъ перенесъ,
 Отъ лютыхъ враговъ, и понынь томится
 Еще въ заточеньи; но вышній отецъ
 Ему уготовилъ всемірное царство.
 Тогда возблеститъ его свѣтлый вѣнецъ,
 Во всѣхъ концахъ свѣта, тогда соберетъ онъ
 Людей своихъ вѣрныхъ....

«Что вы, вѣрные, избранные!

«Я дождусь той поры, времечка,

«Перебирать буду всяко сѣмячко,
 «Я отъ чистыхъ не укроюся,
 «Надъ царями царь отероуся,
 «Завладѣю всеми престолами,
 «И короною со державою.
 «Всеъ цари, власти, мнѣ поклонятся,
 «И вы рядомъ со мною сядете».

«Въ старинной Москвѣ,
 Ударитъ онъ въ полночь въ царь-колоколъ вѣщій, —
 Сберется народъ въ Кремль; восядетъ въ главѣ
 Своихъ онъ избранныхъ, и будетъ судить онъ
 Живой мѣръ и мертвыи.....

«Не помогутъ, мои други,
 «Сего свѣта вамъ князья,
 «И цари-то всеъ земные.
 «Пойдутъ они подъ землю,
 «И покроетъ ихъ земля,
 «Что горячіе каменья,
 «За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье.....
 «—Ваша воля, ваша власть,
 «—Что угодно, то устрой!.....»

«И это поють
 Въ Москвѣ, на Иргизѣ, на Бѣлой Криницѣ,
 На Вятѣ, въ Омбири..... И этого ждуть,
 И ждуть не дождутся, по всей землѣ Русской!
 Вы видите, вотъ почему нашъ народъ
 Такъ вѣруетъ въ близость послѣднихъ дней міра.
 Вы поняли этотъ народный походъ,
 Почти повсемѣстный, въ недавнее время,
 Въ Сибирскія страны, на дальній Востокъ,
 Къ святой рѣкѣ Дарѣ?.... *)

«Въ такомъ темномъ мѣрѣ,
 Тутъ всякій, — *ладына* иль вѣщій пророкъ,
 Тутъ всеъ, — *божья кума*, святой виноградникъ.

*) Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, — крѣпостной на-
 родъ потянулся было изъ внутреннихъ губерній на востокъ; но былъ во
 время остановленъ.

И этот губительный, бурный поток
Подкапывалъ лучшія силы народа,
Въ глазахъ государства!

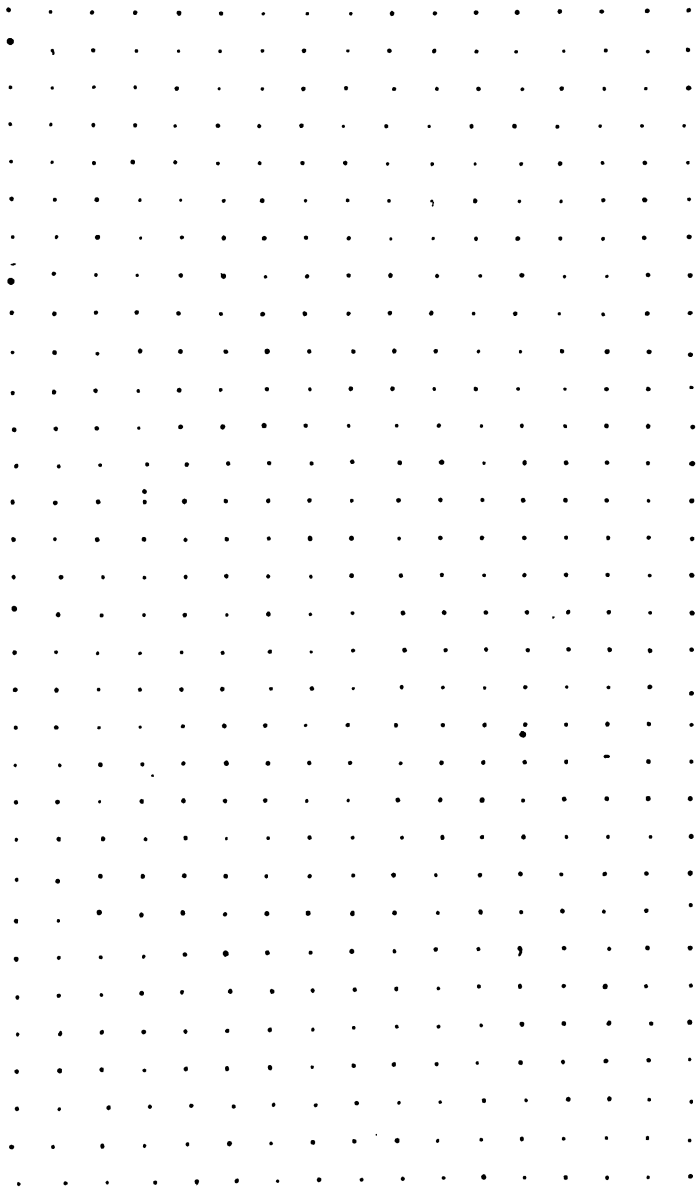
«Какъ духъ старины,
Расколь не чтитъ Запада. Тамъ духъ папешства, —
Тамъ царство Антихриста и Сатаны,
Тамъ Нѣмцы, Латины, Наполеонъ первый!
Сей царь живъ понынь, лишь въ видѣ иномъ:
По плоти, теперь онъ—Наполеонъ третій;
Но духъ въ нихъ единый, и въ томъ, и въ другомъ, —
Одна ипостась, только въ образахъ разныхъ.
Оттуда не приметъ расколь ничего;
Тамъ все для него, и враждебно и чуждо;
До сихъ поръ единый *наукъ* для него, —
Родные *волхвы* и онъ самъ,—виноградникъ
И *книга живая*... 27.)

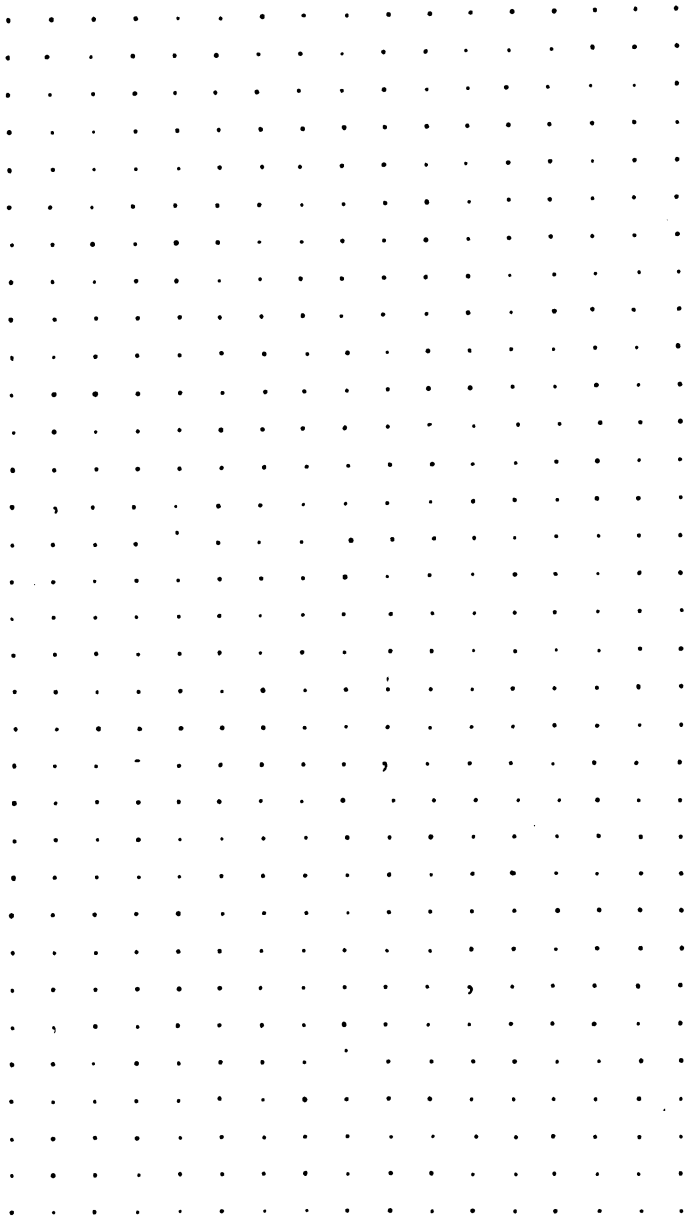
Не ясно ль теперь, —
Что это обломки древнѣйшаго міра,
Куда также настезь отворена дверь?...
Есть сумерки тутъ и небесныхъ величій,
И старая злоба враждебныхъ племень,
И духъ созерцательный, строгій буддизма,
И красное Солнце древнѣйшихъ временъ,
И богъ, первообразъ боговъ, — и всѣ боги...
Тутъ міръ переходный, — пожалуй, глухой
И темный; но въ немъ уже брошено сѣмя
Народныхъ стремленій и мысли живой,
Пока еще ждущей себѣ возрожденья...

«Народъ досель полонъ той мыслью слѣпой,
Что край нашъ всѣхъ въ мірѣ сильнѣй... Но, скажите,
Давно ль образованный классъ нашъ судилъ
Почти точно также?.. Господь отрезвилъ
Отъ вѣры слѣпой насъ въ свое превосходство.
У стѣнъ Севастополя Онъ положилъ
Въ точило насъ гнѣва, и выжалъ изъ царства
Кровь лучшихъ людей. Тамъ, гдѣ былъ рожденъ
Свободный край Русскій водою и духомъ;

Тамъ,—послѣ дней рабства, онъ былъ осужденъ
Еще возродиться народною кровью.

«Нашъ край двинуль рати своихъ грозныхъ смѣль,
И ждалъ горделиво рѣшенія спора;
Но Вышній безъ насъ этотъ споръ разрѣшилъ,
И вынулъ, впередъ намъ назначенный, жребій.

Онъ сдернулъ туманъ
Съ очей нашихъ темныхъ,—и мы всё прозрѣли.
Тогда и нашъ край, и народъ-великанъ
Предстали предъ нами совсѣмъ въ иномъ видѣ;
Тогда мы узнали, что наша страна—

Часть II.

Далеко еще не страна благоденствья;

„Паль градъ Севастополь, — но пламя его
Собой озарило всю эту картину
Старинной Россіи. И послѣ того,
Мы начали съ жаромъ лечить наши язвы,—
Тѣ страшныя язвы, что въ насъ narosли
Въ ужасное время минувшаго рабства,—
Гниль эту, что въѣлась въ духъ нашей земли,
Тотъ грязный застой, гдѣ мы всѣ утонули.

«Господь самъ. устами младаго царя,
Воззвалъ обновленный народъ къ новой жизни,—
Блеснула впервые свободы заря,
И солнце взошло милосердыя и правды.

«Скажите жъ вы вапимъ славянскимъ странамъ,
Что я и Микула, мы живы; народъ нашъ
Сидитъ, точно, сидемъ, по разнымъ мѣстамъ,
Не вѣдая гдѣ еще, въ чемъ его сила;

Нашъ духъ богатырскій живетъ по лѣсамъ,
 По дальнимъ степямъ, захолустьямъ, пустынямъ;
 Но также и онъ живъ, — лишь ждетъ того дня,
 Когда возвратится къ нему его силы.....
 Скажите, что слышали вы отъ меня,
 Кралевичу Марку!

«Гдѣ жъ, въ чемъ наша сила?

Единый источникъ силъ нашихъ есть свѣтъ;
 Единая сила для насъ—просвѣщеніе!
 Силь этихъ край русскій ждетъ тысячу лѣтъ, —
 И кто сказать можетъ, что онъ ихъ не стоитъ?..
 Но свѣтъ просвѣщенія входитъ въ страну
 Столѣтьями. Край нашъ едва лишь воскреснулъ.
 Мы нынѣ встрѣчаемъ его лишь весну;
 Его благодатное лѣто далеко.

«То правда, вездѣ возрожденія кликъ,
 Весь Западъ куда-то отважно стремится;
 Старинный міръ палъ; новый свѣтъ каждый мигъ
 Собою все тѣснѣе сближаетъ народы.
 Кликъ этотъ, — не ярый крикъ дивихъ вождей,
 Пришедшихъ съ мечемъ покорять себѣ царства;
 Не вличъ самовластный былыхъ королей
 Иль гордыхъ вассаловъ и общинъ тяжелыхъ,
 Трудившихся только для пользы своей,
 Въ ущербъ пользы народныхъ. Кликъ этотъ — не вспышка,
 Не ревъ одуряющей черни слѣпой,
 Неистойвой, пьяной отъ дыма и крови;
 Нѣтъ, это трудъ трезвый и голосъ живой
 Всего человѣчества нашего вѣка, —
 Движеніе стройное, подвигъ святой
 Всего просвѣщеннаго міра Христова.

«Для новой Европы давно дни прошли
 Вассаловъ и общинъ, соборовъ и папства;
 Давно, и другіе у ней короли,
 И силы, и власти. Міръ прежній закончилъ
 Свой главный трудъ, двинувъ народы впередъ;
 Для всѣхъ приближается время иное, —

Народы проснулись. У нихъ, въ свой чередъ,
Являются также свои убѣжденья.

«Они повимають, что въ мѣрѣ живомъ,
Нѣтъ мѣста ни барству, ни роскоши жалкой,
Что точать и гложать, какъ червь, насъ кругомъ,—
И тянуть къ обманамъ, къ насилью, къ разбою;
Ни этимъ, ненужнымъ странѣ, должностямъ,
Что духъ нашъ бесплоднымъ гнетутъ честолюбьемъ,
Что насъ пригвоздили къ ничтожнымъ трудамъ,
И ввергнули общество въ лужу растлѣнья.
У нихъ нѣтъ сочувствья, ни къ страсти слѣпой
Крушенія, крови, раздоровъ, господства,
Ни къ жадѣ болѣзненной, жадѣ смѣшной,—
Лишь злата и злата, что въ насъ заглушила
Послѣднія чувства, и духъ нашъ живой
Морить за купеческимъ грязнымъ прилавкомъ.
Имъ нужны полезныя знанья и трудъ,
Свободное дѣло, кругъ честный семейный,
Общественный свѣтъ и общественный судъ,—
Судъ здравый, благой, свѣтъ вполне христіанскій.

«Придутъ времена, что и самый богатъ,
Кого ненавидитъ такъ мѣръ современный,
На комъ вымѣщаетъ онъ гнѣвъ свой и плачь,
Кого мѣръ-народъ утѣсенный поноситъ,
Кому всё однако такъ искренно льстятъ,—
Что также и онъ будетъ въ жизни народной
Общественной силой,—и въ немъ ужъ связятъ
Поборникъ и двигатель силы всемирной!

«Мѣръ древній, мѣръ темный царей и рабовъ,
Тотъ мѣръ безъ народа, не могъ и помыслить
Достигнуть тѣхъ благъ, что свѣтъ новыхъ вѣковъ
Съ собою принесъ христіанскому мѣру;
А мѣръ современный,—мѣръ грубой войны,
Стѣсненныхъ народностей, мѣръ царедворцевъ
И розни сословной, у каждой страны
Имѣетъ свой собственный духъ и значенье;
Желаемый свѣтъ далеко не проникъ
Нигдѣ еще въ бытъ и въ смыслъ здравый народный;

Народъ совершенно еще не постигъ
Его благодѣльной, царственной силы,—
И въ этомъ незнавьи не вѣдаетъ самъ
Своей всеобъемлющей, собственной силы;
Все это грядущимъ дано временама,—
И къ этому мѣръ современный стремится.

«Когда онъ достигнетъ, чрезъ сколько вѣковъ.
Какими путями,—того мы не знаемъ;
Но мѣръ нашъ не созданъ для робкихъ умовъ,
Нашъ мѣръ въ непрестанномъ, разумномъ движеньи,
Къ всеобщему свѣту,—не ждетъ никого,
Ни съ кѣмъ не вступаетъ бесплодно въ условия;
При свѣтѣ,—и жизнь, и желанный успѣхъ; виѣ его,—
Могильный застой и безмолвіе смерти!

«Далеко ушелъ отъ насъ Западъ живой;
Межъ насъ стоитъ бездна,—рядъ цѣлый столѣтій!...
Столѣтѣя мы проспали въ тѣмѣ гробовой;
Столѣтѣя, почти мы не сдѣлали шага....
Но это еще не причина, чтобъ намъ,
Проснувшись теперь, опустить опять руки:
Народы способны къ гигантскимъ трудамъ;
А гдѣ край свободенъ—тамъ близко развитие.

«Въ средѣ человѣчества паріевъ нѣтъ:
Всѣ божьими, всѣ нарекутся сынами;
И это и есть, вождѣнный тотъ свѣтъ.—
Тотъ мѣръ благодатный, что ждуть всѣ въ грядущемъ!

«Мы также стремимся къ нему въ наши дни;
Но какъ-то двоится онъ въ нашихъ понятѣяхъ.
Учителей много, но чаще они
Насъ учатъ въ разрѣзъ съ направленьемъ народнымъ.

«А прежде всего, страпѣ нужно людей,—
Не тѣхъ людей прежнихъ, что насъ обижали.....
Народъ ищетъ свѣта, мы ждемъ новыхъ дней,—
Намъ надобно также учителей новыхъ.
Вашъ родъ—родъ отжившій. Васъ знаетъ народъ

Не годы, — столѣтя. Вашъ родъ силенъ словомъ;
 Но ваши слова народъ знаетъ впередъ.
 Мы слышали всякихъ отъ васъ словъ довольно;
 Давнымъ-давно жутко отъ вашихъ намъ словъ!
 Народъ понимаетъ, быть можетъ, васъ лучше,
 Чѣмъ вы себя сами; онъ сколько вѣковъ
 Страдалъ и страдаетъ отъ вашихъ пороковъ,
 Отъ роскоши вашей среди нищеты,
 Отъ вашихъ обмановъ, неправды, невѣрья!..
 Народъ голъ и босъ, ему нѣтъ могуты;
 На васъ онъ потратилъ и хлѣбъ свой, и силы;
 Но вы завоснѣли въ неправдѣ своей,
 Вы тѣ же рабы все минувшаго рабства;
 Средь васъ, для народа нѣтъ дѣльныхъ вождей,
 Ни дѣльныхъ учителей дѣтямъ народнымъ;
 Вамъ надобно вновь возродиться самимъ, —
 Усвоить и выстрадать съ нимъ его нужды;
 Народъ только вѣрить лишъ людямъ своимъ, —
 Лишь въ нихъ онъ провидитъ вождей настоящихъ.

«Но мы вождей этихъ себѣ еще ждемъ, —
 Такіе вожди лишъ рождаются въ народѣ.
 Намъ скажутъ: кому жъ быть въ народѣ вождемъ?
 А я говорю вамъ: настанетъ то время,
 Вы будете сами народъ умолять,
 Чтобъ далъ онъ въ вожди вамъ людей изъ народа.
 Не знаемъ, вы скажете, что намъ начать!...
 А онъ возразитъ: нѣтъ вождей вамъ въ народѣ, —
 Зане отвратился Господь Богъ отъ васъ, —
 Господь васъ отвергнулъ за ваше невѣрье,
 За вашу продажность; уйдите отъ насъ,
 Какъ вы насъ не знали, и мы васъ не знаемъ!...

«Вы видѣли, — вотъ онъ ужъ палъ, Вавилонъ,
 Палъ городъ большой, что вѣва упивался
 Виномъ любодѣйства; такъ съ этихъ временъ
 Падетъ въ мѣръ все, что богамъ служить древнимъ:
 Затѣмъ, что созрѣла въ немъ, мѣръ слѣпомъ,
 Великая жатва его утѣсеній;
 Весь ветхій мѣръ скоро пожнется серпомъ,

И вся его прелесть возьметъ въ точно,
Великаго гнѣва Господня.

«Приходить

Конецъ царства Звѣря, что столько вѣковъ
Давиль и лохаль и народы, и царства;
Предъ кѣмъ отцы наши и нашихъ отцовъ
Скрывались въ лѣсахъ и сжигалися въ срубахъ.
Народъ пробудился. Насталь волчій вѣкъ
Божественныхъ сумерекъ новаго міра.
Померкнули боги, и самъ человекъ
Исполнился зависти лютой и злобы.....
Вездѣ безнадежность, насилье, развратъ,
Отчаянный, дикій споръ новаго съ старымъ,
У всѣхъ позади—мракъ безвыходный, адъ;
А что впереди?—Тамъ, одна неизвѣстность!

«Не то же ли было, когда древній свѣтъ
Язычества таялъ въ лучахъ христіанства?....
Такъ точно нашъ міръ ждетъ двѣ тысячи лѣтъ
Отъ новаго свѣта, себѣ обновленья...
И духъ обновленія—съ перваго жъ дня
Въ сей міръ льетъ невидимо новыя силы;
Онъ—огнь негасимый, онъ море огня,
Онъ все пожигаетъ, и вновь возрождаетъ
Въ странахъ и народахъ.

«Язычества тьма

Едва лишь разсѣялась: мы христіане,
Но духомъ—язычники. Силой ума,
Безъ помощи Божьей, намъ нѣтъ возрожденья!

«Пока не исторгнемъ въ странѣ нашей мы
Тотъ духъ старовѣрства и всякихъ расколовъ,
До тѣхъ поръ все будетъ въ ней царствіе тьмы;
Пока Цинцинатомъ не будетъ Микула, —
До тѣхъ поръ останется сиднемъ Илья.....

«Отжившій міръ древній и міръ настоящій,—
Вотъ наши учителя! Наша земля,
Хотя незамѣтно, но движется также
Во слѣдъ за другими....

«Несущая огонь обновленья, рѣка.—
 Народъ говорить,—выжжетъ горы, раздолбя
 Стариннаго міра. Она ужъ близка...
 Міръ мертвый воскреснетъ.... Но развѣ, скажите,
 Въ томъ нѣтъ части правды! Мракъ сдѣлалъ свое,—
 Земля потемнѣла отъ зла и пороковъ;
 Но Богъ обмываетъ издавна ее
 Безцѣнною кровью людей своихъ лучшихъ;
 Они посвятили на то бытіе,
 Они за то терпятъ и казнь, и гоненья;
 Но Онъ размножаетъ ихъ, вѣщихъ людей...
 Въ нихъ зрѣютъ судьи надъ тѣмъ міромъ отжившимъ,
 Изъ нихъ бьетъ источникъ живой новыхъ дней;
 Изъ малыхъ ручьевъ составляется море....

«Трубить не труба Михаила Архангела.

Грядетъ не Исусъ въ главѣ огненныхъ ратей,» —
 Грядетъ, наконецъ, мой женихъ свѣтозарный,
 Но има огнынѣ ему,—има: Свѣтъ!

«Онъ дастъ миръ землѣ, благоденствіе людямъ,
 Народы найдутъ въ немъ любовь и совѣтъ;
 Мечи онъ царей передѣлаетъ въ плуги,
 А скипетры въ вѣтви оливы. Одинъ
 Онъ можетъ отдать мнѣ сыновъ моихъ милыхъ,
 Затѣмъ, что одинъ онъ земли властелинъ
 И, слившись съ нимъ, я сама—духъ всемірный!...

«Но нынѣ, родные, хоть я и сильна,
 Но край мой и бѣденъ еще, и невзраченъ;
 Подумать еще о себѣ я должна.
 Народъ воскресаетъ,—но онъ не воскреснулъ;
 Нашъ край еще полонъ языческой тьмы;
 Его солнце съѣли чудовища рабства.
 Живемъ въ волчій вѣкъ мы. Народъ нашъ родной
 Страшитъ еще многихъ своимъ просвѣщенемъ:
 Мы только вступаемъ теперь въ міръ живой;
 У насъ чуть свѣтаетъ великое утро...
 Хотите ли видѣть?.. Идите за мной!
 Я вамъ показать обѣщалась Мпекуду, —
 И я покажу вамъ нашъ край, какъ онъ есть,

И духъ нашъ забитый, и этихъ чудовищъ,
 Что гложутъ народъ и народную честь;
 Но я покажу вамъ и близкое утро,
 И мiръ этотъ новый, куда мы идемъ;
 Затѣмъ, что мiръ нынѣшній есть мiръ отжившій,
 Мiръ ветхій,—и я покажу вамъ потомъ
 Его разрушенья!...

«Вы знаете сами,—

«При послѣднемъ будетъ при времени—

«Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо

«А кривда пойдетъ по всей землѣ!...» *)

Сказавъ это, Вана направилась къ двери,
 И многіе также пошли вслѣдъ за ней.
 Ставръ взялъ меня подъ руку; мы пошли рядомъ.
 Но городъ исчезнулъ,—мы шли вдоль полей,
 Одни,—по какому-то длинному мосту.
 Вокругъ насъ лежала глубокая тьма,
 Какъ Вана сказала; но свѣтъ, исходившій
 Отъ Ваны, свѣтилъ намъ. Природа сама
 Казалася дивой, больной, истощенной!...

Нашъ мостъ то касался почти до земли,
 То мы подымались куда-то все выше.
 Подъ нами чернѣла равнина, тамъ шли
 По ней также люди. Но тьма была всюду;
 Вся даль утопала въ удушливой мглѣ,
 Кой-гдѣ чуть виднѣлися тусклыя звѣзды;
 Печально все было, мертво на землѣ!...
 Мы видѣли сверху,—народъ истомленный,
 Народъ исхудалый, голодный, толпой
 Смотрѣлъ съ нетерпѣньемъ на темное небо;
 Но небо покрыто вездѣ было мглой!..
 Одинъ просилъ хлѣба, другой просилъ свѣта,—
 Кто съ бѣшенствомъ дивимъ, кто съ вѣрой слѣпой;
 Но не было свѣта и не было хлѣба.

*) Народное преданіе о всеобщемъ развращеніи передъ концомъ міра. (См. прим. 19).

Духъ жизни подавленъ былъ страшною тѣмой,
 Какъ будто изсякнулъ свѣтъ солнца на небѣ,—
 И не было утра. Какъ сонмы тѣней,
 Блуждали подъ нами,—шли, ѣхали люди,
 Неслися вагоны желѣзныхъ путей,
 Свистѣли, пыхтѣли вдали пароходы....
 Жизнь шла, какъ и прежде, своимъ чередомъ;
 Но это, замѣтно, былъ мѣръ отживавшій,
 Иль мѣръ ужъ отжившій. Чуть двигались въ немъ
 Последнія силы кончавшейся жизни;
 А духъ новой жизни еще былъ во мглѣ.
 И новыя силы рождались туго;
 Вездѣ неурядица шла по землѣ,
 Нескладнѣй еще было въ мѣръ духовномъ....

«Когда жъ взойдетъ солнце?» я Ставра спросилъ.
 «Ты слышалъ?—сказалъ онъ. Его съѣло рабство,—
 Тѣ хищные волки. Ты развѣ забылъ,
 Что время затмѣній—ихъ лучшее время?...
 Не смѣйся! Смѣшнаго нѣтъ въ этихъ словахъ.
 То правда,—теперь, въ наши дни, мы не станемъ
 Отъ страха въ своихъ запираются домахъ,
 И, въ знакъ огорченья, стричь волосы дѣтямъ;
 Теперь *нестымы* (и) боятся одни;
 А мы, мы привыкли къ подобнымъ явленьямъ,—
 Мы знаемъ отволь происходятъ они;
 Но темный народъ нашъ едва ль не правѣ!
 Онъ видитъ, что меркнетъ вокругъ него свѣтъ;
 Буда-жъ дѣлось солнце? Его грызутъ волки,—
 И кончено! Вотъ и тебѣ мой отвѣтъ,—
 А тамъ разсуждай ты себѣ, какъ угодно!...» 20)

Однако народъ устремлялъ жадный взоръ
 На темное небо, и ждалъ оттоль свѣта;
 Одни на вершины карабкались горь,
 Другіе искали разсвѣта на крышахъ...
 Ночь эта тянулась для всѣхъ безъ конца.
 И солнце всходило, и солнце садилось,
 Какъ маятникъ тусклый, какъ ликъ мертвеца,

Блуждая безъ свѣта по мертвому небу.
 Стада истощенныя, съ ревомъ глухимъ,
 Уныло бродили по пастбищамъ голымъ,
 По тощимъ дубравамъ, по доламъ сухимъ,—
 Понуро ревѣли, уставясь къ Востоку;
 Тревожныя стаи проснувшихся птицъ
 Безъ дѣли носились съ мѣста на мѣсто,
 Иль тучами шумныхъ, густыхъ вереницъ,
 Летѣли, Богъ знаетъ куда; въ отдаленіе;
 Голодныя полчища хищныхъ звѣрей,
 Какъ бы ободренныя общею тьмою,
 Являлись безъ страха въ присутствіи людей,
 И съ страшной отвагой врывались въ жилища....
 Едва лишь держалася тонкая нить
 Стариннаго склада общественной жизни;
 Во мглѣ этой было нельзя отличить
 Вблизи человѣка отъ хищнаго звѣря.
 Невольно страшилъ всѣхъ шумъ самый пустой,
 Иль воскликъ неожиданный. Такъ сонная капля,
 Ударясь о камень, въ пещерѣ глухой,
 По ней раздается, какъ молотъ подземный.
 Гнилой пенъ казался медвѣдемъ лѣснымъ,
 Легучая мышь—чуть не хищной Горгоной;
 Древесный сверчокъ пугалъ крикомъ своимъ,
 Едва видный ровъ представлялся оврагамъ.....
 Мошенники прятали ловко концы
 Своихъ темныхъ дѣлъ; осторожные люди,
 Тѣ шли стороной; удалцы и глупцы—
 Толкались впередъ, наобумъ возвѣщая
 Прямую дорогу. Какъ шумъ многихъ рѣвъ
 Гудѣлъ въ темнотѣ человѣческій говоръ;
 Прислушаться,—каждый тутъ былъ человѣкъ—
 Пророкъ, обновитель, иль новый Мессія;
 У всякаго скрытъ былъ за пазухой свѣтъ,—
 Лишь стоило тольво встряхнуть ему фалды;
 Разобранъ научно былъ каждый предметъ,—
 Но тьма все стояла, и не было свѣта!

Мы слышали жалобы съ разныхъ сторонъ:

Того обокрали, другаго убили,
 Одинъ слетѣлъ въ пропасть, другой обойдены
 Своими, или брошенъ безъ помощи въ мракъ;
 Тамъ лѣзли къ кому-то отважно въ карманъ,
 Здѣсь звали на помощь, тутъ шла чья-то драка,
 Кто чуть влачилъ ноги, кто былъ совсѣмъ пьянъ, —
 Но всѣ, хоть и ошущью, шли другъ за другомъ.

Жизнь также кипѣла, какъ прежней порой, —
 Но не было свѣта. Таинственный сумракъ
 Лежалъ той же сѣрой, сѣдой пеленой,
 По селамъ, полямъ, городамъ и дорогамъ....
 И чѣмъ-то ужъ страшнымъ казалась вдали
 Живая, разумная рѣчь человѣка, —
 И самое это движеніе земли,
 Замкнутой во мглѣ и невидящей свѣта.
 Вотъ оргія гдѣ-то; а тамъ, вдалькѣ
 Несутся вагоны, свистятъ паровозы,
 Движеніе и говоръ по темной рѣкѣ,
 Какія-то тѣпи чуть бродятъ по нивамъ;
 Гулъ прежній и грохотъ въ большихъ городахъ,
 Веселый разгулъ по голоднымъ деревнямъ,
 Вседневная нужда, забота въ глазахъ,
 Но та же безпечность во всемъ, торопливость, —
 И таже мгла всюду..... Но это вѣдь сонъ!
 Я думалъ. Давно, должно быть, разсвѣтало;
 Жизнь рвется наружу; со всѣхъ ужъ сторонъ
 Несутся какіе-то смутные клики.....
 Или это такъ кажется? Или законъ
 Обычный природы совсѣмъ измѣнился?..
 Всего больше вѣрили слухамъ пустымъ;
 Вдругъ все невозможное стало возможнымъ....
 Съ ребяческой жаждой, съ довѣрьемъ слѣпымъ,
 И взрослыя дѣти, и старцы, искали
 Нелѣпѣйшихъ сплетенъ, утопій смѣшныхъ,
 Какъ будто вверхъ дномъ обернулась вселенна, —
 И даже тьма эта, по мнѣнью иныхъ,
 Должна называться была теперь — свѣтомъ.

Ужасна привычка! Къ чему человѣкъ
 Не можетъ привыкнуть? Прошло для насъ время
 Тяжелаго рабства, прошелъ страшный вѣкъ
 Кроваваго мрака, — а жили же люди!...

Одни предвѣщали за что-то войну,
 Съ царями, властями сосѣднихъ народовъ;
 Другіе вверхъ дномъ становили страну;
 Инымъ ужъ мечтались фаланстеры, братства.
 Особенно всѣхъ тяготила семья, —
 Безвыходный этотъ кругъ, полный заботы!
 У всѣхъ на умѣ была личность своя, —
 Но всѣ толковали про общее дѣло.
 Семья и наука, народъ и расколъ, —
 Все было обсужено. Главнаго только
 Ихъ умъ избѣгалъ, — что виною всѣхъ золъ
 Была эта тьма, этотъ дившійся сумракъ?...

Мы все это слышали изъ глубины,
 Тянувшей въ мракъ подъ нами, равнины;
 Межъ тѣмъ съ поднебесной почти вышины,
 Какъ бы съ облаковъ, на насъ гордо смотрѣли
 Какія-то чудныя зданья, — одно
 Чудеснѣй другаго, — не то древни храмы,
 Не то тѣ кутины, что были давно
 Вѣстилищемъ древнихъ народныхъ собраній
 И пьяныхъ ихъ пиршествъ.

«Васъ это дивить?

Насъ Вана спросила. Вы видите, — это
 Дѣйствительно храмы; но что поразить
 Васъ больше еще, — въ нихъ приносятся жертвы
 Досель человѣческія! А вонъ тамъ,
 Въ сіяющихъ этихъ старинныхъ кутинахъ,
 Столь древле любезныхъ славянскимъ богамъ,
 Шумитъ и понинѣ разгулъ тѣхъ же оргій;
 Съѣдаются тутъ милліоны, — летятъ
 Тутъ на вѣтеръ честь, красота, состоянья;
 Но дѣлъ здѣсь не дѣлаютъ, — только хотятъ
 Убить какъ нибудь безполезное время....

Все это, тотъ міръ отживающій, — мгла
Еще не совсѣмъ разсвѣтавшаго утра»....

Мы снова спустились. Насъ Вана вела,
Опять той же самою плоской, равниной.....
Мы шли по какимъ-то большимъ городамъ,
И слышали крики тамъ: свѣта намъ, свѣта!
Мы шли по пустыннымъ, глухимъ деревнямъ,
И слышали вопли тамъ: хлѣба намъ, хлѣба!
Одни выбѣгали съ лучинами къ намъ,
Другіе стояли, какъ тѣни, во мракѣ;
Мы имъ высыпали всѣ деньги свои, —
Они денегъ не брали; мы имъ казались
Послами антихриста; мы къ нимъ пришли,
Они говорили, чтобъ взять ихъ семейства
И тощую землю опять въ кабалу.
Они чуть успѣли вздохнуть лишь свободно,
Какъ небо наслало на нихъ эту мглу, —
Ни свѣта, ни воли, ни денегъ, ни хлѣба...
Чтожь будетъ потомъ? Чѣмъ ихъ Богъ оградить
Отъ нуждъ еще новыхъ, отъ смерти голодной?
Когда же благодатный имъ свѣтъ возблеститъ?
Когда же окупится трудъ ихъ тяжелый?...

Тутъ странное зрѣлище заняло насъ:
Шесть-семь человѣкъ, на плечахъ ихъ, тащили
Соломенку.... Схватятъ всѣ семеро вразъ,
Пройдутъ шаговъ десять, и снова присядутъ.
—Что это такое?—я Ставра спросилъ.
«А помнишь—предъ самой кончиною міра,
Какъ солнце померкнетъ, онъ мнѣ возразилъ,
И тьма, какъ теперь воцарится въ народѣ;
Тогда въ немъ такъ мало останется силъ,
Что взрослые семь человѣкъ едва смогутъ
Соломенку вмѣстѣ на плечи поднять.
Въ началѣ вселенной былъ вѣкъ богатырскій, —
Его чуть земля была въ силахъ держать;
Затѣмъ, былъ вѣкъ Пыжиковъ, —я помогаю,
То самый недавній, ближайшій къ намъ, вѣкъ;

А вотъ и вѣкъ Туживовъ!... Кажется, больше
 Не можетъ умалить себя человѣкъ.
 Теперь—или смерть, или свѣтъ возрожденья!..» *)

«Взгляните! Здѣсь нуженъ еще Прометей,—
 Чтобъ свѣтъ внести ясный! прервала насъ Вана.
 Но мы подошли ужъ къ вратамъ новыхъ дней,—
 Незримыя силы духовнаго міра
 Работаютъ дружно надъ міромъ земнымъ.
 Ненужное падаетъ само-собою;
 Ночь къ свѣту идетъ. За туманомъ густымъ
 Свѣтаютъ дни новые. Духъ обновленья
 Течетъ рѣкой огненной, жжетъ и крушить
 Остатки язычества,—васты, расколы,
 Утопія, войны, раздоры; мирить
 Народы враждебные, топить ихъ распри,
 Сближаетъ сословья, ровняетъ права,
 Коробитъ и гонитъ старинную роскошь...
 Не думайте,—это лишь только слова!
 Вы узрите скоро незримое многимъ.
 Вы видите царствіе ночи глухой,—
 И скоро увидите страшную расприю
 Вступающей жизни и жизни былой,
 Что въ дикомъ безсильи, сама безвозвратно
 Себя разрушаетъ,—и крикъ боевой,
 Послѣдній, предсмертный крикъ прежняго міра,
 Кого затопляетъ со всѣхъ ужъ сторонъ
 Рѣка эта грозная... Но не смущайтесь
 Вы этимъ видѣньемъ! Съ древнѣйшихъ временъ
 Она невидимо течетъ по вселенной!..»
 И точно, я видѣлъ, покуда мы шли,—
 То будто мгновенный блескъ яркой зарницы,
 То зарево словно сіяло вдали.
 И вновь погасало въ глубокомъ туманѣ...
 Вотъ опять блеснуло пламя,—
 Небо вспыхнуло вкругомъ,

*) См. ниже примѣч.: 32.

Будто огненное знамя
 Распахнулося по немъ.
 Ярко зарево взыграло
 На концѣ сѣдыхъ небесъ,—
 Съ неба на землю упало
 И покрыло доль и лѣсъ...

Гдѣ жь пожаръ? Никто не знаетъ.
 Тамъ,—далеко! Небосклонъ
 Гдѣ-то пламенемъ сверкаетъ,
 Жаръ и смрадъ со всѣхъ сторонъ;
 Но земля покрыта мглою,
 Все безмолвно и темно,
 Лишь багровой пеленою
 Въ мракѣ зарево легло...

Но мы съ Ставромъ видѣли въ темной дали
 Причину, чудеснаго многимъ, явленья:
 Изъ тьмы, погруженной въ ночной мракъ, земли
 На насъ шли какъ будто горящія волны,—
 И этотъ потокъ жегъ дыханьемъ своимъ
 Высокія горы, лѣса и раздолья;
 Большіе дома исчезали подъ нимъ,
 А крѣпкія выси равнялись съ землею.
 Потокъ поглощалъ также многихъ людей;
 Но люди какъ будто того не видали...
 Жизнь шла, какъ и прежде, чредою своей,
 И тотъ же мракъ прежній царилъ все надъ нами.

Потомъ, я увидѣлъ еще вдалекѣ,—
 Невѣдомый ангелъ влачилъ длинный неводъ,
 И неводомъ этимъ въ горячей рѣкѣ
 Ловилъ онъ людей, —и великихъ, и малыхъ.
 Онъ ихъ оставлялъ на пустомъ берегу,—
 Но какъ я замѣтилъ, ихъ было немного,—
 И снова забросивъ свой неводъ въ рѣку,
 На берегъ вытаскивалъ новую толю...

«Что это такое?» я Ставра спросилъ.
 «А это, ты видишь, рѣка очищенья!
 Сказалъ онъ. Потокъ этотъ огненный былъ

Однимъ изъ путей въ мѣръ таинственный Смерти,—
 И нынѣ уносить тѣхъ мертвыхъ людей,
 Что только считаются между живыми,
 Но блѣдной, безплодною жизнью своей
 Похожи на мертвыхъ; а свѣтлый тотъ ангель,—
 Одинъ изъ старинныхъ какихъ-то боговъ.
 Онъ неведомъ ловить прозрѣвшія души
 Въ огнѣ очищенія,—тѣхъ мертвецовъ,
 Въ комъ свѣточъ еще не погаснулъ духовный,
 И тѣхъ, что очистились въ этомъ огнѣ;
 Какъ помнишь ловили какіе-то боги,
 Навѣрно, извѣстные всей старинѣ,
 Клубки золотые и свѣтлыя искры
 Небеснаго пламени, что съ облаковъ
 Разсыпалось въ воды воздушнаго моря,
 Когда нимфа рѣвая буйныхъ вѣтровъ
 Качала его въ золотой колыбели,
 И гнулась небесная кровля подъ нимъ.
 Ты видишь,—преданье смѣняетъ преданье,
 Въѣзъ новый питается въкомъ былымъ;
 Распутай же хитрый ихъ гордіевъ узелъ! 29)

Межь тѣмъ въ отдаленныхъ какихъ-то горахъ
 Вставали какія-то грозныя тѣни;
 Онѣ приближались,—однѣ на коняхъ,
 Другія же пѣши....

Проѣхалъ удалый юнакъ Марво Кралевичъ,
 Проѣхалъ нашъ русскій Илья богатырь,
 Проѣхалъ Венцелій съ богатырями чешскими,
 Проѣхалъ Сватополеъ изъ Моравіи,
 Проѣхалъ Стенька Разинъ съ Жегулевскихъ горъ,
 Проѣхали многіе богатыри древніе,
 Ни мнѣ, ни Ставрѣ богатыри неизвѣстные....

«А это—тѣ самыя богатыри,
 Что въ разныхъ мѣстахъ спятъ славянскаго міра,
 И только проснутся при свѣтѣ заріи
 Дней новыхъ вселенной! сказалъ мнѣ Годимичъ.
 Ты видишь, насъ вѣщая Вана ведетъ
 Часть II.

Тѣмъ старымъ путемъ, что сложился въ народѣ.
 Къ несчастію, нашъ еще темный народъ
 Надѣется этимъ путемъ выдти къ свѣту.
 Путь этотъ глухой онъ себѣ проложилъ
 Въ бесплодной борьбѣ еще древле съ богами,—
 Тутъ есть отпечатокъ языческихъ силъ,
 Тутъ есть и вліяніе дней христіанства.
 Сектаторы наши избрали его
 Для темныхъ, бесплодныхъ своихъ лжеученій;
 Но онъ не научить теперь никого, —
 Конецъ его близокъ!>.... 30)

Мы шли все впередъ,
 Опять въ новой мѣстности, мнѣ незнакомой.
 Вокругъ насъ, я слышалъ, шелъ также народъ;
 Гудѣлъ гдѣ-то колоколь, мѣрно колебля
 Густымъ своимъ звукомъ мракъ ночи глухой.
 Мы шли па его теперь вѣщіе звуки,
 Иль лучше, мы шли вмѣстѣ съ общей толпой,
 Что шла очень спѣшно, какъ видно, туда же;
 А благовѣсть все раздавался слышнѣй.
 Нигдѣ не свѣтало. Вкругъ насъ и предъ нами
 Все явственнѣй слышался говоръ людей;
 По мраку мелькали какія-то тѣни,
 Однѣ пробѣгали впередъ мимо насъ,
 Другія шли сзади; а колоколь мѣрно
 Гудѣлъ впереди... «Но куда жъ, въ этотъ часъ,
 Онъ насъ призываетъ?.. невольно я думалъ.

Опять раздались въ отдаленіи свистки,
 Послышался будто-бы стукъ паровозовъ,
 Вдали гдѣ-то шли невидимки-полки,
 И глухо гремяли колеса орудій.....
 Мы даже наткнулись на нихъ въ темнотѣ;
 Но эти полки скоро насъ миновали.
 Мелькнули знамена,—однако не тѣ,
 Что мы въ наше время привыкли видѣть,
 Но съ ликами Спаса и разныхъ святыхъ,
 Похожія больше на древніе стяги.

Толпы все росли. Мы ужь шли среди нихъ;
 Повсюду шумѣлъ человѣческій говоръ,
 А колоколъ громче гудѣлъ все вдали.
 • Но вотъ, мы пошли по какимъ-то предмѣстьямъ,
 Какъ будто московскимъ,—иль лучше, не шли,
 Но насъ уносили народныя волны.
 Вкругъ насъ замелькали кресты,
 Дворы, огороды, углы переулковъ,
 Глухія площадки, гнилые мосты...
 На окнахъ горѣли зажженные свѣчи;
 На насъ напирала толпа за толпой;
 Вдали гремѣлъ грохотъ глухой экипажей;
 Но городъ объять былъ глубокою тьмой,—
 Лишь въ небѣ, надъ нами, скоплялися тучи.

Куда жь это шли мы? Чего кто хотѣлъ?
 Куда неслись эти народныя волны?....
 Но вотъ, вдали это-то протяжно запѣлъ,
 И въ мигъ подхватили толпы во весь голосъ:
 «Растворилися седьмыя небеса,
 «Сокатилися златыя колеса,
 «Золотыя, еще огненныя.
 «Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
 «Нашъ батюшка покатываетъ,
 «Утверждаетъ онъ святой Божій законъ».

«Тутъ, кажется, нечего мнѣ разъяснять?
 Воскликнулъ Годинычъ. Ихъ вѣщяя пѣсня
 Даетъ о себѣ издалека всѣмъ знать.
 Но ты видишь ясно, они ожидаютъ
 Себѣ также свѣта, отъ новыхъ христовъ
 И всякихъ пророковъ. Свѣтъ нуженъ повсюду.
 Его ждуть вездѣ, только каждый изъ насъ
 Его ждетъ по своему. Чудное время!
 И думать, что можно все сдѣлать заразъ!...
 А это вотъ видишь?...»

И поднялъ взоръ къ верху:
 Надъ нами летѣлъ, очень близко къ землѣ,
 Воздушный корабль,—а на немъ вѣялъ парусъ,
 Какъ черно-орлино перо. Въ темной мглѣ

Чудесный корабль имѣлъ видъ привидѣнья;
 На немъ и стояли одни мертвецы.
 Потомъ принялъ образъ громовой онъ тучи,
 И скрылся во мракѣ.

«И наши отцы

Сказалъ мнѣ Годиничъ, имѣли, какъ знаемъ,
 Корабль свой воздушный. Онъ исхони дней
 Отъ нихъ увозилъ грузъ предковъ усопшихъ.
 У нашихъ сосѣдей *) — корабль изъ ногтей,
 Ногтей человѣческихъ, долженъ явиться,
 Съ его грузомъ мертвыхъ, въ послѣдніе дни.
 Который изъ двухъ теперь проплылъ надъ нами?—
 Не знаю; но явно, что оба они
 Имѣютъ въ преданьяхъ одно назначенье.
 И этотъ корабль, можетъ статья, несетъ
 Своихъ мертвецовъ на послѣднюю битву.
 Вѣдь вѣрилъ же древле славянскій народъ,
 Что мертвыя души его, вѣдогоня,
 Сбирались сражаться съ врагами страны
 И съ личными ихъ родовыми врагами....
 Но мы скоро выйдемъ изъ тьмы старины!
 Смотри, вотъ свѣтаеть»....³¹).

И точно, казалось,
 Вдали сводъ небесный замѣтно яснѣлъ.
 По немъ обозначились полосы свѣта;
 Онѣ раздвигались, — Востокъ заалѣлъ
 Развѣтомъ весенняго, чуднаго утра.
 Предъ нами, какъ будто изъ нѣдръ золотыхъ
 Воздушнаго моря, сіяя всплывали
 Гряды облаковъ. Небо рдѣло вокругъ нихъ;
 Заря загоралась во всемъ ея блескѣ....
 Но вокругъ насъ стояла все прежняя мгла,
 Неслись грозовыя, багровыя тучи;
 Какъ будто, ревниво еще стерегла
 Угрюмая Ночь свое ветхое царство....
 Кой-гдѣ засіяли кресты на церквахъ;

*) У скандинавовъ, по ихъ мифологіи. Смолр: прим. 31

Мѣстами означились села, деревни;
 Блеснули суда на широкихъ рѣвахъ,
 Зеленые доли, цвѣтуція нивы;
 За ними открылась широкая даль,—
 Пахнуло на насъ благодатнымъ привольемъ;
 Кажалось, въ мѣстахъ тѣхъ безвѣстна печаль,
 А жить должны только счастливые люди....

«Теперь, вотъ нашъ путь,—туда,—прямо на свѣтъ!
 Сказала намъ Вана. Прямой путь, открытый!....
 Не надобно новый прокладывать слѣдъ;
 Божественный свѣтъ самъ идетъ намъ навстрѣчу.
 Кажалось бы, какъ намъ туда не дойти;
 Но много враговъ и напрасныхъ блужданій
 Насъ ждетъ и на этомъ открытомъ пути.
 Миръ прежній нескоро уступитъ дорогу
 Народному свѣту!»..,

Межъ тѣмъ, мы все шли.

Она впереди шла; а мы шли за нею.
 Но свѣтъ и блескъ дальней зари не могли
 Разсвѣять надъ нами висѣвшаго мрака.
 По мѣрѣ того, какъ свѣтало вдали,—
 Глубокой туманъ, облака, мгла ночная,
 Лѣса и дубравы, и выси земли,
 Вкругъ насъ принимали видъ темныхъ чудовищъ.
 Воздушное море, земля, небеса,
 Наполнились стаяй волковъ, волкодлавовъ;
 Намъ слышался сверху ихъ ревъ, голоса,
 Какъ вѣтеръ, гудѣвшіе прямо надъ нами....

«Вы видите, вотъ онъ восходитъ, царь дня!
 Ему имя Солнце; онъ свѣтъ просвѣщенья,—
 Сказала намъ Вана. Не рѣки огня,
 Не мечъ, онъ несетъ намъ,—но миръ благодатный.
 Спокойно и мирно идутъ къ намъ они,
 Благіе предвѣстники свѣтлаго утра,
 И мирно несутъ намъ великіе дни,
 Для всѣхъ наступившаго насъ, возрожденья.
 Но чудища эти хотятъ поглотить
 Восходящее солнце: имъ страшень свѣтъ Божій;

Они не хотят никому уступить
 Владычества ихъ на землѣ, еще темной.
 Но такъ всегда было! Не разъ, проблеснутъ
 Лучи благотворные краснаго солнца;
 Какъ чудища эти его ужъ грызутъ
 И кровью его обагряютъ и небо,
 И темную землю. Но конченъ ихъ пиръ!
 Возстанутъ живой мѣръ и мертвый, — и люди
 Познанья, и мертвый народный нашъ мѣръ;
 Падутъ устарѣлыя, тусклыя звѣзды,
 Растаетъ рать этихъ чудовищъ ночныхъ
 Отъ дивнаго свѣта, и ясное солнце
 Взойдетъ надъ вселенной!»...

Какъ бы въ подтвержденье своихъ вѣщихъ словъ,
 Она указала намъ снова на небо:
 На мѣсто, сіявшихъ сейчасъ, облаковъ
 И свѣтлой зари наступавшаго утра,
 Тамъ сонмы неслись лучезарныхъ духовъ, —
 И свѣтъ исходилъ отъ ихъ чуднаго блеска.
 Онъ гналъ духовъ мрака.

Но воинство ихъ,
 Замѣтно росло, — и опять заслонило .
 Блеснувшій свѣтъ утра. Изъ тучъ грозовыхъ
 Вдали раздались громовые раскаты,
 Настали вновь сумерки. Трепетъ глухой
 Объялъ всю природу. Во тьмѣ раздавался
 Вой дивныхъ звѣрей...Тьма густѣла. Близъ насъ
 Какое-то смутное было движенье.
 Мы Вану совсѣмъ потеряли изъ глазъ;
 Сгустившійся сумракъ закрылъ ея образъ.

Мы двигались въ Ставромъ однако впередъ;
 Но чудное зрѣлище насъ приковало
 На мѣстѣ. Чудовищный волею Самоглотъ,
 Разинувши зѣвъ на всходящее солнце,
 Уперъ одну челюсть въ небесный онъ сводъ,
 Другую спустилъ въ преисподнія бездны,
 Какъ будто хотѣлъ поглотить бога дня...
 Въ тожъ самое время, во мглѣ отдаленья,

Сверкнули на насъ, какъ два ярнхъ огня,
 Глазица крошешнаго, страшнаго змїа.
 Изъ пасти его, какъ изъ бездны глухой,
 Глубилось волнами выпящее пламя;
 Оно несло огненной, красной рѣвой, —
 И жгло, и палило, и небо, и землю. ³²).

Земля, вода, воздухъ, все было въ огнѣ.
 Какъ листья сухія посыпались звѣзды....
 Мы какъ-то держались еще въ сторонѣ.
 Ставрѣ что-то кричалъ мнѣ, —но я едва слышалъ.
 Повсюду виѣла крушенья рѣва,
 Толпами бѣжали и звѣри, и люди,
 Какъ будто незримая чья-то рука
 Сметала съ земли ихъ... Земля уходила
 У насъ подъ ногами.... Во слѣдъ за огнемъ,
 Неслись горы волнъ разъяреннаго моря.
 Багровый туманъ висѣлъ въ мракѣ сѣдомъ;
 Огонь всекрушающій сражался съ водами...

.

Мы вновь очутились въ Москвѣ, предъ Кремлемъ;
 Народныя волны внесли насъ на площадь...

Весь Кремль освѣщенъ былъ и густо покрытъ
 Безсчетной толпою. Дворцы и соборы,
 Вся площадь, имѣли совсѣмъ другой видъ;
 А Кремль мнѣ казался такъ чудно-обширнымъ,
 Что я не могъ видѣть предѣловъ его.
 Всѣ зданья и стѣпы его подымались
 Въ огромныхъ размѣрахъ; но больше всего
 Меня поразило величіе храмовъ,
 Главой достигавшихъ почти облаковъ.
 Вокругъ насъ все было покрыто народомъ;
 Мы видѣли съ Ставромъ лишь море головъ,—
 А воловолъ громко гудѣлъ въ поднебесья.

На свѣтомъ, большомъ возвышеннѣ,
 Сидѣлъ это-то въ бѣлой, широкой одеждѣ.
 Главой достигалъ онъ, казалось, до неба,

Но вдругъ него было все съ нимъ соразмѣрно;
 Кремлевскія, бѣло-зубчатая стѣны
 Раздвинулись также, и были чуть видны.
 На красныхъ ступеняхъ того возвышенья
 Стояли какіе-то странные люди, —
 Одни строго-постные, въ длинныхъ одеждахъ,

Но не было тутъ ни таинственной Ваны,
 Ни нашихъ гостей, ни богатырей древнихъ,
 Ни даже Микулы....

«Свершается праведный судъ надъ землею!
 Сказалъ кто-то возлѣ меня. Дождалися!
 Господь умиллся надъ нашею тьмой, —
 Даетъ намъ свѣтъ новый!...»

Но что тамъ свершалось, мнѣ было не видно.
 Я слышала лишь грохотъ и трескъ надъ собой.
 Все небо горѣло. Въ воздушныхъ пространствахъ
 Шла страшная битва межъ свѣтомъ и тьмой.
 Невѣдомый богъ или небесный архангелъ
 Сражался съ ужаснымъ дракономъ; другой,
 Въ золотой колесницѣ, громилъ чудищъ мрака
 И страшнаго волка. Сонмъ свѣтлыхъ духовъ
 Гналъ рать темныхъ силъ....

Черезъ глухія отверстія
 Разсѣвшихся стѣнъ, черезъ море головъ,
 Взглянулъ я еще на окрестность и городъ.
 И тамъ все горѣло... Свистъ бури и ревъ
 Слились въ глухой гулъ, вмѣстѣ съ крикомъ народнымъ....

Но мѣстами были видны
 Сонмы бѣдные людей;
 Жизнь не кончила безстыдной,
 Дикой оргіи своей.
 Кто въ тоскѣ ломаетъ руки,
 На себѣ рветъ волоса,
 Кто невнятные лишь звуки
 Щелчетъ, глядя въ небеса.

Кто въ бреду иль въ омыяньи,
 Въ помощь смерть себѣ зоветъ,
 Кто въ слѣпомъ остервенѣнн
 Небо грозное клянеть....

Тамъ шумъ пляски, дикій топоть,
 Жалскій визгъ, вчерашній пиръ,
 Иль отчаянія ропоть,
 За себя, за прежній міръ.
 Здѣсь страстей, всѣхъ ливованье,
 Вопли жертвъ, крикъ палачей,
 И грабежъ, и злодѣянья,
 Плачь дѣтей и матерей....

Въ храмахъ мерзость запустѣнья,
 Лики скрылися святыхъ,
 Вмѣсто прежняго служенья
 Тамъ пріютъ духовъ ночныхъ...

Ставръ снова кричалъ мнѣ, но я не слышалъ.
 Я видѣлъ одно лишь,—каляція волны
 Горящей рѣки шли на насъ. Кремль стоналъ
 Подъ ихъ всекрушающимъ напоромъ. Ихъ пламя
 Сверкало на площади, сквозъ трещинамъ стѣнъ;
 Насъ жгло и палило удушливымъ вихремъ;
 Подъ нами былъ пепелъ ночи до колѣнъ;
 Вокругъ насъ ревла ужасная буря;
 И храмы, и зданья,—все было въ огнѣ;
 Въ ихъ окна сквозило багровое небо,
 Ихъ главы сверкали. Я былъ какъ во снѣ...

Все крушилось передъ нами.

Стаи птицъ, то здѣсь, то тамъ,
 Какъ съ подбитыми крылами,
 Прямо падали къ ногамъ.
 Звѣри, ящеры и гады,
 Выходцы подземныхъ норъ,
 Задыхаясь отъ жажды,
 Изъ дѣсовъ ползли и горъ,
 И бродили, какъ шальные,
 По трепещущимъ толпамъ,

Змѣи вились, какъ ручныя,
Вверхъ по платью и ногамъ....

.
.

Тутъ огненный вихрь пролетѣлъ предо мною;
Я больше не помню, что было потомъ...
Мы съ Ставромъ очнулись въ обширномъ пространствѣ;
Вдругъ насъ неслись тучи, гремѣлъ страшно громъ,
Шумѣли потоки весенняго ливня,
Блескъ молніи яркой слѣпилъ мнѣ глаза;
Мы были все въ томъ же глубокомъ туманѣ, —
Воздушное море, земля, небеса,
Сливались въ одну безпредѣльную бездну.

Мнѣ слышались чьи-то во мглѣ голоса;
Вдали будто шла исполинская битва
Стихійныхъ титановъ... Раскаты громовъ,
Звукъ трубъ, потрясали взволнованный воздухъ;
Изъ мглмъ отдаленья, въ грядяхъ облаковъ,
Опять показался корабль съ мертвецами,
Бросая тѣнь черныхъ своихъ парусовъ
На волны тумана...

Изъ земли, изъ мрачной сѣни
Нѣдръ подземныхъ, изъ гробовъ,
Подымались, какъ тѣни,
Сомны также мертвецовъ.
Растворились врата бездны,
Выходъ Геллы, мрачный адъ;
Вѣкъ чугунный, вѣкъ желѣзный,
Смерть, темницы и булатъ,
Міръ минувшаго, міръ мертвый,
Воздухъ, суша, глубь морей,
Отдавали назадъ жертвы,
Прахъ исчезнувшихъ людей...

Я не зналъ, гдѣ мы, что съ нами, —
Въ мірѣ грезъ иль на землѣ;
Все вокругъ насъ и мы сами
Утопали въ темной мглѣ;

Мравъ глухой былъ полонъ кижковъ,
 Чудныхъ образовъ живыхъ,—
 То блестящихъ, свѣтлыхъ ликовъ,
 То видѣній гробовыхъ.

Прежній свѣтъ былъ въ разрушенъи,
 Смерть кончала страшный пиръ;
 Всѣ стихіи, въ опьянѣнны,
 Провожали павшій міръ
 Дикимъ воємъ урагана;
 А горящею рѣкой
 И волнами океана,
 И врывающеюся мглой,
 Мимо насъ несло обломки
 Міра павшаго,—царей,
 Какъ ихъ помнили потомки,
 И безчисленныхъ людей...

Мравъ рѣдѣлъ. Кой-гдѣ мѣстами
 Прояснялся міръ земной;
 У меня передъ глазами
 Міръ былъ мертвый и живой...
 Жизнь минувшая кончалась;
 Міръ невѣдомый вставалъ,
 Жизнь другая начиналась;
 Но какая,—я не зналъ!...

«Смотри! Вотъ отнынѣ учителя наши!
 Сказалъ мнѣ Годиновичъ. Мы вышли съ тобой
 Изъ мертваго міра теперь въ настоящій,—
 Въ міръ жизни и свѣта. Вотъ міръ весь былой
 И міръ современный! Тутъ нить всѣхъ событій,
 Тутъ весь кругъ развитія жизни земной,
 До нашихъ временъ,—пантеонъ, свѣтъ всемірный!
 Вотъ наши учителя! Только чрезъ нихъ
 Мы можемъ избрать для себя направленье,
 Избѣгнуть паденій и золь роковыхъ,
 И сдѣлаться лучшими, чѣмъ они были!...
 Ихъ надобно было для насъ воскресить,
 Чтобъ образы ихъ прошли снова предъ нами.

Господь разсудил ихъ. Мы будемъ судить
Лишь то, что ко благу минувшихъ народовъ
Они совершили!»...

Но я сперва не понималъ,
И кто, и что мнѣ говорили....
Я весь былъ зрѣнье,—я не спалъ,
Но мысль и умъ во мнѣ бродили,
Какъ въ обаяннн смутномъ сна.
Предъ нами волны уносили
Народы, царства, племена....
А подъ нами выплывала,
Гласу Божьему внимля,
Зеленѣла и сіяла
Будто новая земля...

ПѢСНЬ 10-я.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗСКАЗА ВАЖЫ.

„Исполни же бяху на земли
во дни оны...Тѣ бяху исполни,
иже отъ вѣка, челоѣцы име-
нитѣ“.

(Бытія, глав: 6, ст: 4, 5, 6).

Видите, народы отжившей земли!
Несите прочь образы ваши отсюда!
Но прежде откройте намъ тайны свои,—
Что вы совершили для божьей вселенной!..
Скажите, властители, боги, цари,—
Чѣмъ ваша держалась могучая сила?
А вы,—вы, герои и богатыри,—
Чѣмъ вы заслужили всемірную славу?..
Кто міръ погрузилъ въ долговѣчную мглу?
Кто ввергнулъ народы свободные въ рабство?
Кто гналъ отъ нихъ свѣтъ, кто потворствовалъ злу?
Кто именемъ правды въ нихъ сѣялъ неправду,—
Во имя благъ міра, косилъ ихъ мечемъ?..
«Настальтвой конецъ, о міръ ветхій, міръ прежній!
Разрушенъ до тла ты небеснымъ огнемъ,
Омытъ ты, какъ дѣва, въ волнахъ океана,
И скрылся во мракѣ отъ насъ гробовомъ.
Мы идемъ и встрѣчаемъ теперь людей новыхъ!..»

Такъ Старръ предо мной громогласно кричалъ,
 Какъ древній титанъ иль туманный духъ бури,
 Изъ мглы этой ночи....

~~«О еслибы мiръ прежде звалъ,
 Что въ жизни каждаго народа
 Свобода—свѣтъ, а свѣтъ—свобода;
 Давно оъ високо мiръ стоялъ!
 Но мiръ нашъ чтить всегда Ваала...
 Онъ продолжалъ. И свѣтъ насъ ждетъ
 Пока—лишь въ видѣ идеала...
 Пускай! И это шагъ впередъ!
 Но современные народы
 Давно провидѣли вдали,
 Что благо каждой ихъ земли
 И цѣль главнѣйшая свободы,—
 Во многомъ сходны межъ собой,
 Что всѣ они семьи одной.»~~

AB!

~~«Давно кумиромъ сталъ народнымъ—
 Не фанатизмъ, не блескъ побѣдъ,
 Но человекъ съ умомъ свободнымъ,
 И просвѣщенъ дивный свѣтъ.
 Давно, и братство, и равенство,
 Понятны намъ,—какъ идеалъ,—
 Какъ высшій образъ совершенства,
 Что свѣтъ Христовъ намъ указалъ.
 Въ немъ, приближаясь, исполняемъ
 Мы только христіанскій долгъ;
 Мы это чувствуемъ, мы знаемъ;
 Но древній мiръ—онъ звать не могъ!»~~

«Язычество, что постигало
 Лишь грубой силы красоту,—
 Не понимало высоту
 Того святаго идеала.
 Тамъ мiръ тирановъ и рабовъ,
 Но не было еще народа;
 Тамъ высшая была свобода—
 Лишь въ облегченъи отъ оковъ.
 Тамъ, всякая страна—погибъе

Боговъ безсмертныхъ и царей.
 Въ тотъ вѣкъ, свобода—верхъ нечестья!
 Юпитерь иль Вааль—скорѣй
 Простили бѣ смертымъ преступленье,
 Чѣмъ духа вольнаго движенье;
 И благородный Прометей
 Слылъ самымъ грѣшнымъ изъ людей!

«Миръ древній многихъ поражаетъ
 Величьемъ дерзостнымъ своимъ;
 Но высшій умъ онъ возмущаетъ
 Своимъ терпѣннемъ слѣпымъ.

Чѣмъ власть земная или сила
 Внушаютъ зависть или страхъ,
 Богатство, роскошь — все тамъ было;
 Но было все въ однихъ рукахъ —
 Въ рукахъ властей, но не народа.
 Гдѣ жь спитъ народъ, гдѣ нѣтъ его,
 Гдѣ признается лишь порока.

Что могъ онъ сдѣлать? — Ничего!

«Порока все была! Ей слава,
 Ей поприще блестящихъ дѣлъ,
 Ей власти безграничной право,
 Ей лучший въ жизни сей удѣлъ
 И въ жизни будущей награда...

Тамъ ждалъ Элизій — не народъ,
 Но только знатныхъ сильный родъ;
 Лишь имъ — небесъ была отрада...

Чтожь оставалось для рабовъ,
 Кѣмъ былъ весь миръ безъ исключенья?...
 Боговъ безсмертныхъ заступенье, —

И тѣ въ рукахъ были жрецовъ.

«Свѣтъ жилъ лишь въ храмахъ. Мысль дремала, —

И мудрость, хоть была въ цѣнѣ,

Но приносила пользы мало
 Голодной, скованной страхъ;

И мудрость даже, услаждала

Досугъ лишь избранныхъ мужей

Иль прихоть праздную тирановъ.

Все было въ власти великановъ,—
 Древнѣйшихъ сихъ лютыхъ людей!
 И если тошій духъ свободы,
 Сей прирожденный даръ природы,
 Гдѣ могъ, въ теченіи времянь,
 Кой-какъ прорваться изъ оцетовъ,—
 Тотчасъ же требоваль и онъ,
 Для услуженія— илотовъ...
 Такъ человека идеаль
 Еще ничтоженъ былъ и малъ!
 Весь міръ, какъ временное зданье,
 Еще былъ строенъ на пескѣ,
 И безъ хозяина. Приванье
 Народовъ крелося въ рукѣ
 Еще невѣдомаго Бога;
 И въ этой страшной темнотѣ,
 О нихъ заботились немного,—
 Какъ о домашнемъ мы скотѣ.

Гдѣ тутъ свободѣ зародиться,
 Гдѣ просвѣщенью водвориться?
 Какихъ тамъ идеаловъ ждать,
 Гдѣ сила вся— слѣпая рать,
 Сей образъ буйства и крушенья;
 Гдѣ боги высшіе страны—
 Лишь духи ярые войны
 Иль духи зла и разрушенья?
 Какой возвышенный кумиръ
 Себѣ создасть подобный міръ?..
 «Развитья нѣтъ, безъ средствъ народныхъ!
 Чья власть, изъ самыхъ благородныхъ,
 Въ страну духъ нравственный внесетъ
 Или благое просвѣщенье,
 Гдѣ не участвуетъ народъ,—
 Сей зодчій царствы и нѣтъ приключенья!..
 Затѣмъ, тотъ міръ и начерталъ
 Самъ на себѣ: «міръ разрушенья».
 И этотъ міръ безславно падъ, —

И палъ на вѣки. И потомки,
 Сбравъ потомъ его обломки,
 Изъ нихъ построить не могли
 Могучей ни одной земли;
 Тогда какъ рядомъ духъ свободный,
 Духъ рьяный доблести народной,
 Всемирный этотъ великанъ,
 Воздвигъ рядъ цѣлый славныхъ странъ,—
 И благородный его геній
 Имъ далъ безсмертія вѣнецъ...
 И кто знать можетъ,—гдѣ конецъ
 Его успѣховъ и стремленій;
 Чѣмъ завершить онъ свой чертогъ,
 Что обнимаетъ кругъ вселенной?
 Вождь исполиновъ—одинъ Богъ,
 Да сила воли неизмѣнной!

«Смотри, вотъ онъ,—вотъ весь Востокъ!»...
 Воскликнулъ Ставръ. И предо мною
 Народный выступилъ потокъ,
 И потянулся къ намъ змѣею.
 «Когда бъ ты это увидать?..

Годичицъ съ жаромъ продолжалъ.
 Смотри! Тіары, багряницы,
 Чапмы сатраповъ, колесницы,
 Одежды бѣлыя жрецовъ,
 Кумиры жѣдныя боговъ,
 Въ вольчугахъ конники съ стрѣлами,
 Пѣхота съ длинными щитами,
 А на разубранныхъ слонахъ—
 Рабыни въ бѣлыхъ пеленахъ.

«Вотъ онъ, Ассуръ и Ниневія,
 Когда-то славный Вавилонъ,
 Богатый Тиръ и градъ Сидонъ,
 И Мидяне, и Финивія!...
 Потомки Сима,—гордый родъ
 Стрѣлы пернатой и волчана...
 Здѣсь что ни городъ, то народъ,

И города всѣ—въ видѣ стана;
 Здѣсь грань пустынная равнинъ
 И первобытнаго Эдема;
 Здѣсь каждый царь,—иль исполинъ,
 Иль рабъ извѣщенный гарема.

«Взгляни, какіе здѣсь труды
 Порабощеннаго народа,—
 Дворцы, всячіе сады,
 Колоссы мѣдныя у входа;
 Градскія стѣны,—межь зубцовъ
 Гдѣ могъ развѣхаться свободно
 Рядъ колесницъ, а сонмъ жрецовъ—
 Свершать молитвы всенародно;
 Подъ облаками алтари;
 Дворцамъ подобныя, гробницы,
 Гдѣ почивали ихъ цари
 И ихъ безсмертныя царицы;
 Изъ кипариса корабли,
 Съ затѣями чертоговъ царскихъ,
 Подъ мачтами съ вершинъ Ливанскихъ,
 Летавшіе на край земли.

«Здѣсь дышетъ царскимъ все величьемъ,
 Отъ властелина до кушца;
 Все строгимъ держится приличьемъ,
 Отъ царской туфли до вѣнца.
 Здѣсь каждый князь есть образъ бога;
 Земля въ нихъ чтитъ Вааловъ родъ;
 Духъ смерти, прямо изъ чертога,
 Несетъ ихъ въ небо... А народъ?
 Народъ—міръ мрака и терзанья,
 Клубокъ червей, толпа рабовъ;
 Народъ идетъ—на содержанье
 Наложницъ, евнуховъ, жрецовъ.....
 Здѣсь, въ нашемъ смыслѣ,—нѣтъ народа;
 Какъ нѣтъ и личности людей.
 Здѣсь личность—высшая порода,
 И дикій произволъ властей.

«За то и царства здѣсь непрочны:
 Пять шесть столѣтій—вѣкъ ихъ срочный.
 Имъ основанье не Земля;
 Одинъ набѣгъ иль натискъ бранный,
 Одинъ походъ,—и вождь вѣнчаный
 Береть и воды, и поля,
 Съ ихъ населеніемъ въ придачу;
 Отниметь гнѣвный рокъ удачу,—
 И въ заустѣннѣ страна.
 Но имъ не нужно селянина;
 Для нихъ нужна одна дружина;
 Ихъ сила—скипетръ и война!

«Здѣсь всѣ—и жадны, и продажны,
 И до безумія отважны;
 Тутъ нѣтъ ни одного раба,
 Что чтить отца бы въ властелинѣ;
 Здѣсь знаетъ каждый, что судьба
 Его виситъ на паутинѣ;
 Здѣсь все дозволено,—и ядь,
 И любодѣйство, и измѣны;
 Здѣсь нужны василиска взглядъ
 И лесть коварная сирены.

«Коварство—добродѣтель ихъ;
 Ихъ божества,—и тѣ двуличны;
 Въ нихъ чтились свойства силъ земныхъ,
 Но помы ихъ едва различны.
 Имъ въ честь, жрецы ихъ и цари
 Являлись въ женскомъ одѣяннѣ,
 И Солнце, въ праздничномъ сіяннѣ,
 Считалось дѣвой; алтари
 Святой богини Астараты
 Ломились отъ монетъ златыхъ,
 Въ даръ отъ прелестницъ городскихъ,—
 И многіе жрецы—кастраты.

«Не здѣсь ли, скажешь ты, позднѣй
 Предсталъ однако изъ народа,—
 Изъ Симова того же рода,
 Законодатель Моисей?

Не здѣсь ли богъ жилъ Магомета,
 И разлилось то море свѣта,
 Предъ вѣмъ палъ нравственный хаосъ,—
 Спаситель, Иисусъ Христосъ?...
 Но это были исключенья!....
 Опречь Христа, его ученья,
 Одинъ лишь развѣ Магометъ
 Оставилъ здѣсь широкій слѣдъ,
 И то, давъ знамя ополченья.

«Родъ Сима, отъ начала дней,
 Слѣпымъ ревнителемъ слылъ вѣры.
 Ваалу эти лицемѣры
 Приносятъ въ жертву ихъ дѣтей;
 Среди нихъ всегда кишатъ пророки,—
 Гремятъ противъ властей страны
 И обличаютъ ихъ пороки;
 А сами местию полны
 Ко всѣмъ, кто сталъ имъ на дорогу.
 Жрецамъ кровь ближняго—вода;
 Они повсюду бьютъ тревогу,
 И вырѣзаютъ города,
 Гдѣ молятся иному богу;
 Имъ нѣтъ святаго ничего,
 Опречь родимаго кумира,
 И ихъ мечта,—всѣ страны міра
 Заклатъ предъ образомъ его.

«Аріецъ Персъ,—тотъ отначала,
 Въ вселенной видѣлъ два начала;
 Его Ормуздъ и Ариманъ,—
 Созданье мысли больше строгой.
 Его край юный, какъ титанъ,
 Исполненъ нравственной тревогой
 Среди борьбы добра и зла;
 Съ его очей спадаетъ мгла,
 Онъ ищетъ чистоты духовной.....
 Но скоро Митра,—свѣтъ верховный,
 Заноситъ и сюда развратъ,

И увлекаетъ край назадъ.
 А подъ конецъ,—съ ступеней трона,
 И съ женственныхъ его царей,
 До гнусныхъ евнуховъ-вождей,
 Ужь вѣетъ духомъ Вавилона;
 Чума растлѣнья, какъ потовъ,
 Мертвить и топить весь Востокъ,
 Отъ царской рати до гарема.....
 И образъ гордаго Рустема
 Тамъ остается одинокъ.

«Смотри, вотъ мрачный образъ Нина,
 Камбиза; вотъ тотъ великанъ,
 Немродъ, ловець царей и странъ;
 Вотъ образъ Кира-исполина,
 Что видвинулъ на видъ Эсхиль,
 И возвеличилъ умъ Платона.....
 Какая бездна дивихъ силъ!
 Какая роскошь вокругъ трона!
 Но посмотри имъ ближе въ лѣбъ;
 Чѣмъ каждый былъ изъ нихъ великъ?
 Какихъ межъ нихъ искать отличій?
 Они рвались лишь за добычей,
 Кумиръ ихъ всѣхъ—была война.
 Равно прошли ни въ чемъ ихъ годы,
 Равно ихъ проявляли народы;
 Забвенье—лучшая цѣна
 Всей ихъ кровавой, дикой славы....
 Таеъ сходны межъ собой они,
 Что даже странно въ наши дни,—
 И таже сходны ихъ державы;
 Вся развѣ разница межъ нихъ,
 Одинъ силенъ, другой сильнѣе;
 Тотъ гнусенъ, а другой гнуснѣе
 Ихъ всѣхъ, предметниковъ своихъ.

«Но это мѣръ еще движенья,
 Живой мѣръ славы и побѣдъ;
 Здѣсь только духъ порабощенья,

Но полного застоя нѣтъ.
 А вотъ еще народъ предъ нами,
 Гдѣ рабство умертвило край....
 Вотъ неподвижный тотъ Китай,
 Край замкнутый между горами,
 Что нѣ участвовалъ ни въ чемъ
 Между другими племенами!
 Здѣсь, точно, мѣръ иной во всемъ,—
 Слѣбое патриарховъ царство,
 Гдѣ всѣ между собой родня.
 И эта страшная семья—
 Совсѣмъ убила государство!
 Здѣсь самый кропотливый трудъ;
 Что принято отцами было,
 То такъ на вѣки и застыло.
 Народы движатся, растутъ;
 Но здѣсь народъ остановился
 На дѣтскомъ возрастѣ своемъ;
 Его герой такъ и родился,—
 Сѣдымъ младенцемъ-старикомъ.
 Здѣсь мѣста нѣтъ развитью свѣта,
 Ни шагу новому впередъ;
 Весь край въ цѣпляхъ авторитета,
 И главный автоматъ—народъ,
 «А вотъ, другой Китай, близъ Нила,—
 Египеть, царство пирамидъ,
 Что древность только лишь родила,
 И тутъ же погребла въ гранить.
 Вотъ край, что поглотила каста;
 Гдѣ даже царь ничто,—и часто
 Бойтся самъ жреца. Здѣсь жрецъ
 Повергъ страну въ окаменѣнье,
 И только чуждое движенье
 Его разбило, наконецъ.
 Здѣсь смерти мѣръ и усыпленья,
 Страна печальная гробницъ,
 Царей ничтожныхъ и царицъ;
 Здѣсь, самой жизни превосходство

Утратило свой смысл живой;
 Здѣсь, длинный бичъ—символь господства,
 А Ахеронъ ихъ богъ земной.
 Здѣсь чтилась, какъ символъ народный,
 Трудолюбивая пчела;
 Но этотъ образъ благородный
 Лишенъ значенія, гдѣ мгла
 Иль гдѣ народъ, какъ скотъ домашній,
 Позабываетъ день вчерашній,—
 И нынѣ, и всю жизнь потомъ,
 Бряхтять подъ тѣмъ же все ярмомъ.
 Затѣмъ, и край не сдѣлалъ шага;
 Поворность здѣсь была вумирь,
 А смерть—желаемое благо....
 Таковъ почти весь древній міръ!
 «Вотъ посмотри,—вотъ Индостана
 Подходить первобытный родъ!
 Здѣсь, изъ воинственнаго стана,
 Край образуется въ народъ;
 Вожди свободнаго народа
 Становятся въ главѣ племенъ,
 И расселяются.... Со всѣхъ сторонъ—
 Великолѣпная природа;
 Краса, величіе страны,
 Ихъ погружаютъ въ созерцанье;
 Все возбуждаетъ ихъ вниманье;
 Въ нихъ зрѣетъ мысль; они полны
 Ея святаго обаянья;
 Сонмъ ихъ народныхъ мудрецовъ
 Смѣшался съ кастою жрецовъ,
 И ищетъ свѣта и познанья....
 «Но жрецъ лишь устранилъ народъ
 Отъ права дѣйствовать и мыслить,
 Лишь онъ успѣлъ надъ нимъ возвысить
 Свой жреческій, священный родъ,—
 Тотчасъ же кончилось наитѣ
 Живящей мысли по странѣ;
 Остановилося развитіе,

Все отупѣло въ смутномъ снѣ.
 То правда, ясенъ міровая
 Нигдѣ еще, по всей землѣ,
 Нигдѣ въ Яфетовой семьѣ,
 Такъ не блистала, разцвѣтая,
 И не дала такихъ плодовъ,
 Какъ въ исполинскомъ томъ народѣ,—
 Народѣ, выросшемъ въ свободѣ,
 Но смятомъ силою жрецовъ....
 За то, здѣсь мысль убила тѣло,
 Духъ созерцанья бросилъ дѣло,
 Мечта затмила міръ живой,
 Смерть стала цѣлью, жизнь—мечтой.
 Здѣсь все живутъ тѣ жь исполины,
 За тысячи что жили лѣтъ;
 Здѣсь вся исторія—былины,
 А въ сказкахъ—весь научный свѣтъ;
 И даже подвиги всѣ, цѣли
 Сосредоточились въ одномъ—
 Заклатъ себя въ бездушномъ тѣлѣ,
 И слиться духомъ съ божествомъ...

.
 «И въ этихъ-то странахъ Творецъ
 Посвѣялъ первой жизни сѣмя;
 Но уродились—царь лишь, жрецъ,
 Да евнуховъ лукавыхъ племя.
 Сосудъ для новаго вина
 Сталъ ветхъ,—безплодно поле;
 Минула знойная весна,—
 И солнце не всходило болѣ.
 Но свѣтъ живущъ, онъ гаснетъ тамъ,
 Но свѣтитъ здѣсь—инымъ странамъ,
 Гдѣ міръ стремится въ лучшей долѣ....

«Вотъ посмотри! Еще потокъ
 Несется съ Юга въ намъ народный;
 Но здѣсь, не грязный ужъ Востокъ,
 Здѣсь вѣетъ мыслию свободной;

Во всемъ тутъ—образъ, идеаль!....
 Ставръ съ увлеченьемъ продолжалъ.
 Вотъ онъ,—вотъ тотъ цвѣтокъ пахучій,
 Какой могла дать старина,—
 Край этотъ рьяный и могучій,
 Благословенная страна
 Сократовъ, Кодровъ, Мильтиадовъ,
 Перикловъ и Алкивиадовъ,—
 Эллада!... Что ни человекъ,
 То эпопея, цѣлый вѣкъ!....

«Взгляни, досель какая свѣжесть,
 Какая сила, красота,
 Какая грація и прелесть,—
 Что это?—Сонъ или мечта?....
 Давно ли это,—не вчера ли
 Здѣсь нимфы, граціи плясали?....
 Вонъ тамъ,—среди миртовыхъ лѣсовъ,
 Жилъ лучезарный сонъ боговъ,
 Бродили Фавны и Сатиры,
 Сіяли дивные кумиры,
 Что рѣзалъ Фидій, Пракситель.....
 А тамъ,—не влажная ль постель
 Какой нибудь нагой наяды,
 Что въ лѣтній зной, ища прохлады,
 Плескалась въ темномъ тростникѣ,
 Лобзавшемъ грудь ей и колѣна,
 И слыша пьянаго Силена,
 Срывалась въ илистой рѣкѣ?..

«Давно ль здѣсь портики кипѣли
 Народной шумною толпой,
 И ихъ ораторы гремѣли
 Передъ восторженной страной?
 Давно ль еще, Пирейъ широкій
 Сряжалъ поспѣшно корабли
 Противъ Сициліи далекой
 Или Дидониной земли;
 Тогда какъ злачныя долины,
 Лавровыхъ рощей мракъ густой,

Кни́жи праздничной толпой
 Процессій, въ честь благой Афины;
 А въ пристани,—корабль святой
 Съ нарядно-пестрыми толпами
 Дѣвицъ и юношей младыхъ
 Отчаливалъ еще съ дарами
 Ея теорій годовыхъ,—
 И несъ ихъ къ празднествамъ Дельфійскимъ,
 Къ святымъ равнинамъ Олимпійскимъ,
 Или въ Темпейскій Зевсовъ храмъ,
 Къ Делосскимъ славнымъ берегамъ?....
 «А вотъ Трофонія пещера,
 Гдѣ тѣни съ Стиксовыхъ береговъ
 Вѣщали людямъ судъ боговъ,
 И изгоняли лицемѣра,
 Что съ неповорною душой
 Посмѣлъ спуститься бы въ ихъ бездны!..
 Иль вотъ, треножнѣеъ этотъ мѣднѣй,
 Гдѣ пифія, сей гласъ живой
 Тутъ предстоявшаго же бога,
 Рѣшала разумъ и надолго,
 Возникшій споръ страны родной,
 А часто и судьбы вселенной,—
 Тѣ Дельфы,—складъ тотъ драгоцѣнный
 Народной славы и даровъ
 Всѣхъ странъ, народовъ и боговъ,
 Гдѣ на святыхъ берегахъ Алфея,
 Любовью къ родинѣ полна
 И жаждой чести пламенѣя,
 Сбиралась нѣкогда страна,
 Чтобъ выставить свое искусство
 Иль силу ловкости своей,
 Въ лицѣ достойнѣйшихъ мужей;
 Гдѣ всѣ въ одно сливались чувство,
 Въ одно дыханье, въ одинъ взоръ,
 Забывши распри и раздоръ;
 Отколь, ликующей толпою,
 Народъ несъ съ гордостью святою,

Во всѣ концы родныхъ племенъ,
 Блескъ новыхъ, доблестныхъ именъ,—
 И въ ихъ лицѣ, подѣ ихъ вѣнками,
 Блескъ новый юной ихъ страны....

Вѣнками этими они
 Не помѣнялись бы съ царями!

«А Академіи сады,
 Подѣ сѣнью гдѣ аллея кудрявыхъ,
 Въ тѣни платановъ величавыхъ,
 Созрѣли лучшіе плоды
 Народной мудрости Эллады,—
 Тѣ звѣзды Эллинской Плеяды,
 Кого коснуться не могла
 Вѣковъ завистливая мгла;
 Гдѣ собирался міръ ученый,
 Внимать Платону,—и порой,
 Красавицъ любопытныхъ рой
 Съ толпой мѣшался восхищенной.

«А Термопилы, Марафонъ!
 А Саламины!... Мантиней!...
 По истинѣ, все это сонъ!..
 Что тутъ прекраснѣй? Что святѣе?
 Тутъ все сіяетъ красотой,
 На всемъ блескъ, свѣжесть молодая,—
 Заря времянь, весна златая
 Далекой осени земной.

«Край полонъ весь святыхъ призваній;
 Онъ ищетъ славы и познаній.
 Здѣсь возродился человекъ,
 И начинаетъ новый вѣкъ;
 Онъ жаждетъ—скорби и блаженства,
 Все,—возвести въ типъ совершенства;
 Бездѣйствіе его томить;
 Онъ смотритъ, пробуетъ, творить;
 Онъ ловитъ Озириса тайны,
 И гуль преданія случайный,
 И воплощаетъ ихъ въ кумиръ;

Слѣзаетъ на Югъ, на Сѣверъ темный,
 Стремится изучить весь мiръ,
 Круги планетъ, ходъ неба стройный,
 Сѣдой Востокъ, загробный свѣтъ....
 Онъ зрѣлый мужъ въ немного лѣтъ;
 Его мысль, разумъ, геній, чувство,
 Въ мигъ входятъ въ образъ имъ родной;
 Онъ по чутью творить искусство,
 И облакаетъ красотой;
 Онъ преисполненъ ея силой;
 Онъ самъ—пластичность, красота;
 Предъ нимъ природа—нагота,
 Что было бъ фальшью въ вѣкъ нашъ хилый;
 Онъ ничего не создаетъ,—
 Онъ изъ природы лишь беретъ
 Одну въ ней истину нагую,
 Даетъ лишь форму ей живую;
 Но что онъ создалъ,—то живетъ
 Самостоятельной красою,
 И восхищаетъ насъ собою.

«Во всемъ здѣсь чуткость, свѣжесть силъ,
 Что мiръ давно нашъ схоронилъ!
 Пусть есть и въ насъ періодъ чудный,
 Когда природа, красота,
 Отважный духъ иль подвигъ трудный,
 И даже самая мечта,
 Восторгъ въ насъ возбуждаютъ страстный,
 И въ образъ просятся прекрасный;
 Но тамъ, священный этотъ жаръ,—
 Геройство, творчество, искусство,
 Тамъ это общее всѣмъ чувство,
 Народный, прирожденный даръ.
 Тамъ цѣлый край жаждаетъ славы,
 Она милѣй ему всего,—
 Родъ увлеченія, забавы;
 Въ ней цѣль всей жизни для него.
 Здѣсь каждое людей дѣянье,—
 Побѣды, подвиги, страданье,

Любовь къ отчизнѣ, миръ, война,
 Все отлито душою страстной,
 Пусть каждый зреть сей жаръ прекрасный,
 Пусть славить вся его страна!

«Вотще изъ шумнаго Пирея
 Пѣвецъ природы, Гезіодъ,
 Любимца своего Персея
 Подъ сельскій, мирный кровъ зоветъ;
 Вотще Помона и Церера
 Кошницы раздають даровъ;
 Въ странѣ—къ Афинѣ жарче вѣра;
 Церера—божество рабовъ.
 Деревня, съ мирными полями,
 Афинянамъ былъ мѣръ чужой;
 Имъ нуженъ городъ со стѣнами,
 Движенье, говоръ городской.
 Имъ тѣсенъ мѣръ спокойный, сельскій,
 Невыносимъ трудъ деревенскій,
 Гдѣ мало мѣста для борьбы
 И всякій день, все тѣ жь работы.
 Для этого у нихъ илоты,—
 Домашній скотъ сей и рабы.
 Природа—ихъ кумиръ, часть вѣры,
 Родная мать ихъ боговъ;
 Но въ самыхъ таинствахъ Цереры,
 Не ей курился фиміамъ;
 Кумиръ богини сей верховной
 Здѣсь облевался въ смыслъ духовный
 Загробныхъ таинствъ,—и предъ ней,
 Не сельскій пиръ собралъ живущихъ,
 Подъ земледѣльческія кущи,—
 А замогильный пиръ тѣней.

Такъ и въ странѣ этой свободной
 Еще нѣтъ зрѣлости народной!
 Въ ней только граждане пока.
 Создать народъ,—край слишкомъ молодъ;
 Его отчизна—шумный городъ;

Тамъ жизни лишь кипить рѣка;
 Но за стѣнами городскими,
 Свободный грекъ—въ странѣ чужой.
 Эллада, край его святой,
 Считаетъ гражданъ всѣхъ своими;
 Но каждый городъ—врагъ другимъ.
 Тамъ вновь свое,—и духъ, и страсти,
 И каждый городъ жаждетъ власти
 Надъ тѣми, что въ союзѣ съ нимъ.
 Отчизна—мать; но мать безъ права;
 Грекъ умираль, ее любя,
 Но для него святѣе слава.
 Гдѣ можно выдвинуть себя
 Или свой городъ безповойный,
 Тамъ горожанинъ безусловно
 Не пожалѣетъ ничего,—
 Ни состоянія, ни жизни,
 Ни даже чтимой столь отчизны,
 Чтوبъ славой озарить его.
 Эллада тяжко умираетъ,
 Насталъ конецъ свободныхъ дней;
 Эпаминондъ же завѣщаетъ
 Роднымъ Фиванцамъ,—но не ей,
 Свои послѣдніе трофеи,—
 При Левктрахъ бой и Мантинеи!...
 «Безъ равноправности въ странѣ,
 Безъ твердой почвы, безъ народа,
 Не уживается свобода.
 И въ свѣтломъ мирѣ, и въ войнѣ,—
 Во всемъ тогда успѣхъ случайный,
 Иль плодъ той силы чрезвычайной,
 Что въ юности своей страна
 Была съ избыткомъ такъ полна.
 Но эта сила молодая
 Жила лишь врознь; въ душѣ у ней
 Таилась зависть родовая
 Ко славѣ собственныхъ людей.
 Она не можетъ вынести взгляда

Мужей тѣхъ, что самъ же чтить;
 Сократъ кончаетъ жизнь отъ яда,
 И благородный Аристидъ
 Скитаться осужденъ въ изгнаньи.
 Она все время въ ожиданьи,
 Иль свѣжихъ лавровъ, или оковъ;
 Ей неизвѣстенъ трудъ свободный, —
 У ней взялъ городъ—духъ народный.
 Борьба племень и городовъ
 Изъ за главенства или власти,
 Безплодный этотъ вѣчный споръ,
 Гдѣ частныя боролись страсти,—
 Ей стали смертный приговоръ.
 Ей былъ сужденъ конецъ безславный;
 И еслибы не Римъ державный,
 То, все равно бы,—врагъ иной,
 Изъ дальнихъ странъ или даже свой,
 Пришелъ бы кончить, безъ сомнѣнья,
 Всѣ эти жалкія смятенья,
 И наложить ярмо оковъ
 На край, кричавшій о свободѣ,—
 А въ собственномъ своемъ народѣ
 Создавшій лишь однихъ рабовъ.

За то здѣсь воплотился геній
 Изящнаго; здѣсь создалъ онъ
 Кругъ міровыхъ своихъ твореній;
 Здѣсь былъ его всемірный тронъ!
 Сей край сталъ родиной земною
 Небесныхъ Грацій; пѣсенъ богъ
 Владѣлъ здѣсь лирой золотою;
 Здѣсь былъ поэзи чертогъ.
 Отсюда въ міръ нашъ прилетѣли,
 Какъ изъ волшебнаго гнѣзда,
 Хариты,—спутники ихъ, Лели;
 Здѣсь вспыхнула любви звѣзда;
 Здѣсь доблесть пѣснію почтили,
 И съ божествомъ ее сравнили.....

«Взгляни,—вотъ, съ лирою слѣпецъ;
 Онъ нищъ, и будто просить хлѣба;
 Но это дивный тотъ пѣвецъ,
 Гигантовъ и силъ выспихъ неба,
 Съ чьего чела весь древній міръ
 Съ его героями, богами,
 Сіяетъ, какъ живой, предъ нами;
 Великій, славный тотъ Омиръ,
 Чья слава все растеть съ вѣками!
 А эти яркихъ двѣ звѣзды,
 Средь звѣздъ того же небосклона,—
 Звѣзда Сократа и Платона?
 Не здѣсь ли первые слѣды
 Законовъ нравственныхъ вселенной?
 Не здѣсь ли въ міръ, объятый тьмой,
 Блеснулъ впервые лучъ живой
 Изъ міра красоты нетлѣнной,—
 Душевной этой красоты,
 Въ тотъ юный вѣкъ еще безвѣстной,
 Предъ кѣмъ былъ долженъ міръ тѣлесный
 Спуститься съ прежней высоты?
 Не здѣсь ли грубая завѣса
 Упала съ чувственныхъ очей,—
 И выше мрачнаго Зевеса
 Предсталъ духовный Богъ людей?
 Не здѣсь ли каждый образъ знанья
 Облекся въ высшее призванье,—
 И самой жизни идеаль
 Красною новой возсіялъ?..
 А это третіе свѣтило,
 Что кругъ науки утвердило
 На почвѣ опыта живой,—
 Тотъ Аристотель,—царь сей мысли,
 Что первый собралъ міръ земной
 Подъ наблюденіе и числа;
 Людей, природы бытіе,
 И царства темныя ея,
 Не утомясь работой скучной,

Облекъ системою научной?...
 Но съ этимъ вмѣстѣ, подъ конецъ.
 Какъ истый Греціи мудрецъ,
 Мечтавшій также дать свободѣ
 Значенье высшее въ народѣ,—
 Когда самъ видѣлъ,—смерть Мессинъ
 И гегемонію Афинъ!

«Кто этотъ юноша красивый,
 И съ той наружностью счастливой,
 Что придаютъ однимъ богамъ,
 Или героямъ и царямъ?
 Не Эллинъ онъ,—но онъ межъ ними,
 Какъ будто межъ людьми своими....
 То этотъ баловень Афинъ,
 Что такъ желали они видѣть,
 Чтобъ обожать иль ненавидѣть;
 То молодой Филипа сынъ,—
 Тотъ звѣрь рогатый преисподней,
 Тотъ всекрушащій вихрь Господній,
 Что древній облетѣлъ Востокъ,
 И какъ бушующій потокъ,
 Изъ края въ край, изъ племя въ племя,
 Разнесъ Аттическое сѣмя,
 Пыль золотую цвѣтника,
 На невоздѣланныя нивы;
 Тотъ Александръ, подъ чьи рога
 Попалъ царь Персовъ горделивый,
 И былъ растоптанъ, какъ дитя;
 Тотъ сказочный герой волшебный
 Племень восточныхъ. что шутя
 Завоевалъ ихъ міръ растлѣнный,—
 И кинулъ мость имъ за собой,
 Изъ царства смерти въ міръ живой!

«Пиръ былъ предложенъ,—пиръ прекрасный;
 Но оказалось, что напрасно!
 Гдѣ рабство,—тамъ развитія нѣтъ.
 Ни дивный утренній разсвѣтъ,

Ни благодатная свобода,
 Здѣсь подъ собою не нашли
 Ни твердой почвы, ни земли,
 Для возрожденія народа.
 И онъ самъ, чудный метеоръ,
 Міръ погрузившій въ удивленье,
 Разсыпался въ кровавый споръ,—
 И міръ впалъ вновь въ оцѣпенѣнье.

«Межъ тѣмъ душѣ его молодой,
 Душѣ высокой и благой,
 Не чужды лучшія движенья!
 Онъ былъ, дѣйствительно, герой
 Во всемъ, что лишь касалось славы;
 Онъ самый яркій, лучший цвѣтъ,
 Что далъ Аттическій намъ свѣтъ;
 Въ немъ образъ самый величавый,
 Что могъ создать старинный міръ!..
 Герой и полубогъ вселенной,
 Отмститель Азіи растлѣнной,
 Онъ побѣжденныхъ былъ кумиръ;
 Но и его не защитила
 Отъ жажды крови эта сила...
 Онъ все смирилъ и превозмогъ;
 Носясь по свѣту ураганомъ;
 Но жажды той смирить не могъ,—
 Болѣзнь, врожденная тиранамъ,
 И въ немъ былъ тщетный имъ урокъ!

«Но вотъ еще потокъ народный,
 Еще міръ той же старины!
 Здѣсь представитель—волкъ голодный;
 Отсюда ярый богъ войны
 Прошелъ, съ своимъ побѣднымъ стягомъ,
 Невозмутимо, шагъ за шагомъ,
 Весь древній міръ, круша царей
 И царства ихъ,—отъ Океана
 И злчныхъ Галліи полей,
 До знойныхъ Африки степей

И отдаленнаго Ливана,—
 И нѣсколько вѣковъ подрядъ
 Кормилъ своихъ имъ волченятъ.

«Вотъ этотъ родъ необычайный,
 Изъ бронзы отлитыхъ людей,
 Гдѣ не было ничто случайно,
 До обыденныхъ мелочей;
 Четвертый этотъ звѣрь пророковъ,
 Что въ острыхъ смялъ когтяхъ своихъ
 Народности всѣхъ странъ земныхъ;
 Тотъ океанъ, отъ чьихъ потоковъ
 Весь захлебнулся древній свѣтъ;
 Тотъ родъ, кому вначалѣ лѣтъ
 Двѣнадцать ястребовъ сулили
 Двѣнадцать счастливыхъ вѣковъ
 Преобладанія и силы,
 И покровительства боговъ,—
 Что времена и подтвердили;
 Безсмертный тотъ, великій Римъ,
 Художникъ геніальный славы,
 Нарѣзавшій мечемъ своимъ
 Вездѣ свой образъ величавый!

«Вотъ онъ, сей царственный народъ,
 Рожденный Ромуломъ въ вѣкъ скудный,
 Взлелеянный фортуной чудной,
 Что шла всегда предъ нимъ впередъ!....
 Взгляни на грозное сіянье
 Сихъ гордыхъ шлемовъ, баграницъ,
 Орловъ священныхъ колебанъ,
 Блескъ триумфальныхъ колесницъ,
 Весталовъ бѣлме покровы,
 Когорть безсмертныхъ видъ суровый,—
 На сихъ авгуровъ и жрецовъ,
 Несущихъ стягъ Паллады мѣдный,
 Въ главѣ ей родственныхъ боговъ,—
 На весь народъ этотъ побѣдный,—
 И ты поймешь, что предъ тобой
 Народъ, рожденный быть главой!

Какой же гений имъ предводить?
 Какой богъ силъ имъ руководить?..
 Богъ, высшій всѣхъ боговъ земныхъ, ---
 Увѣренность въ себя самихъ.

«Да, есть религія иная, —
 Религія еще земная,
 Опрочь той вѣры неземной,
 Что насъ уноситъ въ міръ другой, —
 Религія святая долга!
 Та вѣра въ жребій роковой,
 Что исповѣдуетъ, вадолго
 До славы мировой своей,
 Народъ, достойный славныхъ дней;
 Та вѣра, что его возводитъ,
 Изъ самой грубой простоты,
 До исполинской высоты;
 Что въ немъ родить и производитъ
 Тѣхъ крѣпкихъ доблестью мужей,
 Тѣхъ крупныхъ, нравственныхъ гигантовъ, —
 Камилловъ, Брутовъ, Цинцинатовъ,
 Кому до самыхъ позднихъ дней
 Дивится высшій сонмъ людей..!
 Народъ, той вѣрой вдохновенный, —
 Онъ долженъ быть царемъ вселенной
 И обладателемъ земнымъ.
 Соха и мечъ равны предъ нимъ;
 За мирнымъ плугомъ и средь боя,
 Онъ личность узнаетъ героя;
 Отъ плуга онъ беретъ вождей
 И ставитъ ихъ передъ полками, —
 А новый міръ позднѣйшихъ дней
 Ихъ признаетъ полубогами.
 «Да, это былъ особый родъ, —
 Рожденный властвовать, народъ!
 Какъ Геркулесъ, не зналъ онъ дѣтства,
 И въ колыбели онъ своей
 Душилъ, наполнивъ къ нему, змѣй;

Но никогда не чтилъ онъ звѣрства.
 Суровый въ правилахъ своихъ,
 Онъ чуждъ тираніи жестокой
 Царей развратнаго Востока,
 И увлеченій молодыхъ
 Живой, Аттической тревоги.
 Онъ мужъ въполнѣ, — мужъ правды строгій;
 Онъ не щадитъ сыновъ родныхъ
 Передъ карающимъ закономъ;
 Но не кощунствуетъ надъ трономъ....
 Здѣсь быть не могъ Аливіадъ,
 И храбрый сталь бы Мильтіадъ —
 Иль Фабіемъ, иль Сципіономъ.

«Римъ, съ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ,
 Искаль вокругъ себя побѣдъ;
 Но онъ обдумалъ прежде зрѣло
 Все, что свершилъ потомъ такъ смѣло;
 Судьбѣ онъ не далъ ничего
 Изъ назначенья своего.
 Какъ мудрый зодчій, постепенно,
 По камню онъ сперва собиралъ
 Дремавшія страны всеенной;
 И не спѣша, ихъ возлагалъ
 На начатое основанье,
 Давно задуманнаго, зданья.
 Не тратя суетливо силъ,
 Ни шага не ступивъ напрасно,
 Какъ хитрый ловчій, онъ слѣдилъ,
 Самъ не мѣшаясь самовластно,
 За каждымъ промахомъ враговъ,
 По царствамъ дальнимъ и сосѣднимъ;
 И ежели спускалъ орловъ
 На нихъ побѣдныхъ, съ клювомъ мѣднымъ, —
 То именовъ святыхъ боговъ,
 Какъ судія вражды иль спора, —
 И въ каждой требовалъ борьбѣ
 Лишь только должное себѣ.

И сей народъ, хотя не скоро, —
 Но съ дѣтства опытный въ войнѣ, —
 Онъ подвигъ свой свершилъ вполнѣ.
 Всегда на битву ополченный,
 Онъ собралъ мѣръ разъединенный
 Въ одну страну, — и право ей
 Далъ въ гражданствѣ земли своей.
 За то, изъ всѣхъ большихъ народовъ,
 Что онъ себѣ завоевалъ
 Во дни безсмертныхъ тѣхъ походовъ,
 Одинъ онъ твердо устоялъ,
 Среди побѣдъ своихъ всемирныхъ;
 Одинъ, изъ этихъ странъ обширныхъ,
 Достигнулъ онъ преклонныхъ дней,
 Глубокой старости своей, —
 И умеръ, дряхлый и бездушный,
 Къ судьбѣ и къ жизни равнодушный.

«Скажи, — кто славный Регулъ тутъ?
 Кто Муцій Сцевола? Кто Брутъ,
 Камиллъ, Фабрицій неподкупный?
 Который Фабій, Сципионъ?
 Кто Цинцинать, для всѣхъ доступный?
 Лукреція, — примѣръ всѣхъ женъ?
 Виргинія, — краса народа?
 Который Гракхъ, кого свобода
 Своимъ трибуномъ нарекла?
 Кто Порція, — богамъ родная?
 Кто Гракховъ мать, чуть не святая,
 Что съ ними Римъ весь погребла?
 Кто тутъ другой Брутъ, бичъ тирановъ?...
 Который духъ Коріолановъ?...
 Какое множество людей, —
 И почитай всѣ изъ народа!...
 Кому изъ нихъ святѣй свобода?
 Кто знаменитѣй и славнѣй?....

«Да, здѣсь ужъ видѣнъ духъ народный!
 Здѣсь есть народъ, народъ свободный,

И непрощающій обидь, —
 Защитникъ правъ своихъ священныхъ,
 Гроза патриціевъ надмѣнныхъ,
 И самъ себѣ надежный щитъ.
 Его народные трибуны
 Держали высоко перуны,
 Въ глазахъ отечества отцовъ, —
 И девять первые вѣковъ
 Была за нимъ побѣды слава!
 Зубъ за зубъ, за ударъ ударъ,
 Отстаивалъ свое онъ право;
 Въ немъ тлѣлъ всегда священный жаръ,
 Пока онъ былъ того достоинъ.
 Онъ былъ не только славный воишь,
 Онъ былъ не только гражданинъ,
 Но вмѣстѣ съ этимъ — селянинъ;
 И мирный плугъ, родное поле,
 Ему до самыхъ позднихъ лѣтъ
 Святѣ были всѣхъ побѣдъ.
 Патриціи съ нимъ были въ долгъ;
 Но каждый шагъ неправый ихъ
 Развязывалъ народу дани, —
 И богъ неукротимый брани
 Рѣшалъ споръ самъ сыновъ своихъ...
 Въ такомъ народѣ нѣтъ тирановъ,
 И гордый духъ Коріолановъ
 Скорѣй смирится передъ нимъ,
 Чѣмъ сдѣлаетъ рабомъ слѣпымъ.
 «Рабомъ быть край такой не можетъ!
 Его волнуетъ и тревожить
 Насилье всякое. Онъ самъ —
 Цѣнитель и судья властямъ.
 Здѣсь нѣтъ въ законахъ исключенья,
 Ни средствъ идти противъ теченья;
 Чтобы подобный духъ убить,
 Духъ этотъ надо развратить.
 Отцы отечества успѣли
 Достичь вполнѣтвѣи этой цѣли, —

Раздоръ за скипетръ рововой,
 Пряманка дароваго хлѣба
 И зрѣлицъ, стерли Римъ былой
 Изъ списка странъ любимыхъ неба, —
 И, полный кровью, Коливей
 Узрѣлъ закатъ тѣхъ славныхъ дней.

«Да, только честный мiръ народный
 Утратить духъ свой благородный,
 И станетъ жаднымъ торгашомъ
 Почета, должностей и славы,
 Иль раздавателемъ державы
 Въ своемъ отечествѣ родномъ;
 Чуть только, для дневнаго хлѣба
 И зрѣлицъ, онъ властямъ своимъ
 Начнетъ глядѣть въ глаза, — надъ нимъ
 Уже нѣтъ благословенья неба!
 Онъ сталъ и немощенъ, и слабъ,
 Надъ нимъ ужъ поднять бичъ тиранства,
 И если онъ еще не рабъ,
 То онъ совсѣмъ готовъ для рабства!
 Въ немъ больше славныхъ нѣтъ мумей,
 Потускла прежняя картина, —
 На ней ужъ не народъ, но тина,
 Одно обличіе людей.

«О гордый Кесарь, мужъ послѣдній,
 Заменявшій за собой побѣдный,
 Всемирный, славы сей чертогъ!
 И ты ужъ поддержать не могъ,
 Твоею мужественною силой,
 Сей пошатнувшійся колоссъ,
 Стоявшій надъ своей могилой.
 Ни богъ твой, что тебя вознесъ
 На Римскій тронъ, ни боги Рима,
 Чья власть была неодолима,
 Никто не могъ, ни окрылить
 Его угасшіе перуны,
 Ни павшій Римъ поверотить

На колесѣ твоей фортуны,
 И двинуть суетный народъ
 Хотя на шагъ одинъ впередъ,
 Какъ прежде, къ предпріятьямъ смѣлымъ...
 Ты овоздалъ столѣтьемъ цѣлымъ,
 Но поснѣвшиль ты днемъ однимъ,—
 Не расчитавъ, что павшій Римъ
 Хоть не имѣеть ужь народа,
 Но слово для него: свобода,
 Звучить не всѣмъ еще равно...
 Какъ Дамоклетовъ мечъ, оно
 Еще висѣло надъ тобою;
 Ты слишкомъ о себѣ мечталъ;
 За то и поплатился ты,—и цаль,
 Сраженный Брутовой рувою;
 И Римъ, что ты считаешь твоимъ,
 Похищенъ у тебя другимъ.

«Заутра же,—онъ, твой счастливый
 Преемникъ, безъ большихъ хлопотъ,
 Вънецъ твой царственный беретъ
 Изъ рукъ толпы неприхотливой,
 И исполняетъ свою роль,
 Ни разу не поднавъ личины,
 До дня послѣдняго кончины!
 Но въ Римѣ ужь затихла боль
 Отъ язвы сорванной—свободы;
 Прошли восторженныя годы,
 Сама страна искала сѣнь,
 Чтобъ насладиться ей покоемъ,—
 И Августъ, не слыви героемъ,
 Попалъ на тотъ счастливый день!
 Онъ угадалъ толпы влеченья,
 И былъ ей принять въ восхищенья;
 Но какъ артистъ и человекъ,
 Онъ ближе былъ, чѣмъ ты, къ народу;
 Онъ наповаль убилъ свободу,—
 И Римъ прославилъ его въѣзъ!...
 «И что за въѣзъ! Какой блескъ славы

Вокругъ счастливаго царя!
 Кто мнилъ, что блескъ тотъ величавый
 Была вечерняя заря?....

«Вѣкъ чудный лести, музъ и грацій!
 Назонъ, Виргилій, Плавтъ, Горацій,—
 И сколько тутъ еще именъ,
 Какъ яркихъ звѣздъ надъ облаками,
 Подъ чьими темными волнами
 Ужь меркнулъ Римскій небосклонъ!
 Какой просторъ раздольный міру,
 Кадить всемірному кумиру.....
 Такъ раболѣпство входитъ въ міръ!
 Сперва какой нибудь кумиръ
 Предъ нимъ блестящій просіяетъ;
 Ему служить онъ привыкаетъ;
 Потому, кумировъ больше нѣтъ,
 Померкло все кругомъ,—и вслѣдъ,
 Вступаютъ Клавдіи, Нероны,
 Терзаютъ нравы и законы;
 Но міръ ужь рабствовать привыкъ,
 И также громко передъ ними,
 Какъ предъ Траянами благими,
 Гремить его привѣтствій кликъ.

«Когда странѣ грозитъ паденье,
 Ей сродны лести и поклоненье;
 Она бессильна для борьбы;
 Ей нужны боги и кумиры,—
 Хранители ея судьбы;
 Она настраиваетъ лиры
 И воспѣваетъ силу ихъ,
 Не видя общаго растлѣнья,
 Ни равнодушнаго забвенья
 Минувшихъ доблестей родныхъ.
 Въ тѣ дни ничтожны честь и вѣра;
 Надъ всѣми раболѣпства гнетъ;
 Одна лишь маска лицемѣра—

Отъ золь единственный оплотъ.
 Въ тѣ дни Тациты повѣствуютъ
 Про добродѣтель прежнихъ дней,
 И смѣлой кистио рисуютъ
 Быть неспорченныхъ людей;
 Тибуллы плачутъ и пророчать
 Погибель близкую страны,
 А Ювеналы жало точать
 Сатиры противъ новизны...
 Но край разсѣянно выпмаеть;
 Онъ цѣнить умъ ихъ, острогу,
 Но онъ едва ужъ понимаетъ
 Разбитой жизни пустоту;
 Онъ хвалить ихъ порывъ прекрасный, —
 Но всѣ ихъ пѣсни трудъ напрасный;
 Кому послѣдній часъ насталь, —
 Тотъ изъ могилы не вставаль!

«Теперь полны мы изумленья
 И даже тайнаго сомнѣнья,
 Неужели могли быть дни,
 Что и Каллигулы, Нероны,
 И Деции, имѣли троны?
 Иль можетъ, не были они
 Тѣмъ, какъ ихъ Римъ изображаетъ?...
 Какъ! — Гордый Римъ ихъ обожаетъ?
 Курить предъ ними фиміамъ?
 Римъ причисляетъ ихъ къ богамъ?
 Чемужь тутъ больше удивляться, —
 Безумью ли царей его,
 Иль рабству Рима самаго,
 Что могъ предъ ними преклоняться?...

«И вотъ кому, о вѣчный градъ,
 Копилъ богатства ты родныя,
 Въ чью честь лиль кровь, и твой булатъ
 Громилъ съ плеча страны чужія!
 Вотъ для кого, въ былые дни,
 Трудились Фабіи твои,
 И шли во всѣ концы земные

Твои когорты боевыя!
 И этихъ чудящъ ты могъ чтить?...
 И послѣ этого—могъ жить?...
 Но ты все жилъ и пресмыкался;
 Ты весь ужъ сгнилъ и разлагался,
 Давно чуть жизнь свою влачилъ,
 И все таки еще—ты жилъ.
 Въ твой дряхлый край, во всемъ вездужный,
 Другіе люди были нужны!
 И точно, ты ихъ ждалъ на пиръ,
 На пиръ послѣдній погребенья,—
 Они пришли,—и край растлѣнья
 Преобразился въ новый міръ.

«Но вотъ еще уходитъ племя!
 Его какъ бы забыло время;
 Оно такъ древне, что нашъ міръ,
 Успѣхи наши и тревоги,
 Имъ прокляты,—и въ нашемъ Богѣ
 Оно зреть лишь распятый кумиръ.
 И этотъ родъ, столь устарѣлый,
 Когда-то былъ передовымъ;
 А духъ преданій его смѣлый
 Сталъ достояньемъ мировымъ!

«Въ немъ вѣра все преобладаетъ,
 Ему чуждъ цѣлый міръ земной;
 Но вѣра,—ей онъ окриляетъ
 И умъ, и духъ народный свой.
 Его Творецъ и вождь верховный,
 Іегова, есть Богъ духовный;
 А онъ самъ—образъ, духъ Творца.
 Онъ исполняетъ до конца,
 Вѣками долгими страданья,
 Страны духовное призванье,—
 Чтобъ силою нравственной своей,
 По минованьи трудныхъ дней,
 Создать міръ правды и свободы,
 Куда сойдутся всѣ народы

Почать отъ тагостныхъ трудовъ,
 Подъ сѣнію оливы мирной, —
 Іерусалимъ этотъ всемірный,
 Гдѣ онъ сберетъ своихъ сыновъ.
 Низвергнетъ всѣхъ народовъ рабство,
 И какъ невѣста разцвѣтетъ,
 Въ главѣ божественнаго царства.
 Вотъ мысль отколь еще идетъ,
О царствѣ Божьемъ!... И сей родъ,
 Во дни и славы, и плѣненья,
 Всѣ приложилъ свои стремленья
 И лучшія свои мечты,
 Чтобы достигъ той высоты.

«Взгляни на этихъ исполиновъ,
 Въ льняной одеждѣ бедуиновъ
 Или подъ шкурами звѣрей!
 Они имѣютъ видъ царей;
 Но это пастыри съ Евфрата, —
 Владѣтели простые стадъ;
 Имъ чуждъ еще и вѣрнкій градъ,
 И жажда прибыли и злата.
 Взгляни, у нихъ, на ступняхъ ногъ,
 Еще почти что не обсохъ
 Иль первобытный мирозданья;
 Но въ нихъ ужъ говорить призванье;
 Ихъ Богъ, — единый Богъ живой,
 Лишь въ немъ всѣ Божескія свойства;
 Онъ дастъ имъ, какъ песокъ мореной.
 Какъ звѣзды, безъ числа потомство.

«Глава ихъ рода, Авраамъ, —
 Онъ патріархъ еще пустыни;
 Но Богъ клялся его сынамъ,
 Поставить ихъ къ главѣ святини;
 Какъ жрецъ всемірнаго царя,
 Онъ властелинъ ужъ предызбранный
 Его земли обѣтованной, —
 Онъ церкви будущей заря.

«Но гдѣ? Когда? Проходить время,
 Египеть поглотилъ ихъ племя;
 Оно въ плѣну,—чуть видѣнь слѣдъ,—
 Что жъ! Тамъ оно погибло?—Нѣтъ!
 Встаетъ другой вождь, выше саномъ;
 Страна бѣ иная назвала
 Его божественнымъ титаномъ...
 Съ его высокаго чела
 Исходить два потока свѣта;
 Въ его рукахъ скрижаль завѣта,
 По манію его жезла,
 Предъ нимъ смиряются державы,
 Глубь разступается морей,—
 То боговидецъ Моисей,—
 Единный изъ живыхъ людей,
 Что зрѣлъ въ лицѣ блескъ Божьей славы.....
 По манію руки его, встаетъ
 Во всеоружіи народъ,
 И въ чуждыя несетъ владѣнья
 Войну и громы истребленья.

«Спроси: чѣмъ онъ такъ силенъ былъ,
 Родъ этотъ, вѣчно-недовольный?
 А тѣмъ, что Богъ его—Богъ силъ,—
 И этой мыслью вдохновенный,
 Онъ совершать могъ чудеса.
 Сама земля и небеса,
 И ратоборцы неземные,
 Съ нимъ ополчались на враговъ,—
 И силы вражескихъ полковъ,
 Какъ листья падали сухіе.
 За то,—лишь отнималъ Творецъ
 Свой щитъ,—и тотъ же врагъ народный
 Врывался вновь, какъ волкъ голодный
 Внутри стада робкаго овецъ;
 И гордый край объять былъ страхомъ,—
 И голову посыпавъ пракомъ,
 Народъ по каплѣ выпивалъ

Позора своего фіаль,
 Какъ чашу должную отмщенья,
 За всѣ былия прегрѣшенья.
 «Народъ подобный никогда
 Не могъ жить долго жизнью стройной;
 И точно, онъ не зналъ труда,
 Ни жизни мирной и спокойной;
 Онъ жилъ всегда, до нашихъ дней,
 Однимъ минувшимъ иль грядущимъ, —
 То славою своихъ царей,
 То подъ ярмомъ враговъ гнетущимъ.
 Открытый весь чужимъ странамъ,
 Край этотъ былъ всегда въ тревогѣ:
 То служить онъ чужимъ богамъ,
 Объ истинномъ забывши Богъ;
 То хитрой ловкостью вождей
 Или побѣдой ихъ неожиданной,
 Упрочить жаждетъ миръ желанный,
 Все ожидая лучшихъ дней;
 То въ спорѣ съ нравами чужими,
 То самъ съ собой, — межъ тѣмъ народъ
 На шагъ не движется впередъ, —
 Живетъ порывами одними.
 Вражда колѣнъ, какъ демонъ злой,
 Терзаетъ родъ сей ослѣпленный,
 И край его разъединенный;
 И онъ, забытою рѣкой
 Все тѣкъ бы, можетъ быть, понинѣ,
 Или оставилъ бы въ пустынѣ
 Сухое ложе за собой;
 Когда-бъ духъ высшій назначенъ
 Не озарилъ его теченъ
 Своимъ наитіемъ святымъ, —
 Иль блескомъ, навсегда нетлѣннымъ,
 Не сдѣлалъ бы сей край священнымъ
 И близкимъ всѣмъ странамъ земнымъ!

«О сколько разъ, народъ коварный:

Народъ слѣпой, неблагодарный,
 Твой Богъ хотѣлъ спасти тебя
 Отъ рабства и твоихъ пороковъ;
 Но ты, про это самъ трубя, —
 Ты побивалъ Его пророковъ,
 Давно провидѣвшихъ вдали
 Последній день твоей земли.
 Не вразумилъ тебя плѣнь скорбный,
 Ни опытъ тягостный вѣковъ,
 Ни ярый крикъ твоихъ враговъ,
 Рыванью алчныхъ львовъ подобный!..
 Ты жить хотѣлъ, какъ древо жилъ,
 Кичася, чуждой тебѣ, славой;
 Но не имѣлъ ни средствъ, ни силъ,
 Чтобъ самобытной стать державой.
 Не помогли твоей судьбѣ
 Ни Маккавей, ни гласъ Оссин;
 Чтобъ воссоздать твой край, — тебѣ
 Былъ нуженъ дивный скиптръ Месссін!
 И точно, вѣрою горя,
 Ты долго ждалъ его, — издавна;
 Но ждалъ — въ сіяньи славы бранной
 Какъ побѣдителя-царя!

«И изъ среды-то сей непрочной,
 Изъ этихъ суетныхъ людей,
 Изъ ихъ разнузданныхъ страстей,
 Предсталъ тотъ образъ непорочный,
 Чистѣйшій этотъ человекъ,
 Что создалъ міру новый вѣкъ!
 Изъ этой пропасти смердящей
 Истекъ тотъ ключъ животворящій,
 Всемирный этотъ, дивный свѣтъ,
 Что возсіалъ надъ всей землею,
 И обновилъ ее собою;
 То солнце истины..... Но нѣтъ!
 Край этотъ былъ лишь скорлупою,
 Гдѣ зрѣло дивное зерно;
 Лишь только вызрѣло оно, —

Богъ раздробилъ гнилое племя,
 Не пощадивши ничего,—
 И смаялъ, какъ шелуху, его;
 И перенесъ святое сѣмя
 На почву новую земли,
 Въ иной предѣлъ земнаго свѣта.

«Взгляни на этотъ блескъ вдали,—
 Вотъ онъ,—миръ новаго завѣта,
 Миръ первобытный христіанъ!...
 Изъ разныхъ званій, разныхъ странъ,
 Другъ другу чуждые рожденьемъ,
 Они—какъ бы одна семья,
 По вѣрѣ ихъ и убѣжденьямъ.
 Ихъ ненавидѣла земля,
 Миръ ихъ обрекъ послѣдней долѣ,—
 Но самъ—ихъ покорился волѣ.
 Ихъ убѣжденія внесли
 Они во всѣ концы земли,
 Встрѣчая твердо, безъ боязни,
 И пытки, и позоръ, и казни.
 Духъ непреклонный сихъ людей
 Повсюду путь себѣ находить;
 Онъ поборяетъ власть царей,
 Онъ смерть на древній миръ низводитъ,
 И исполняя свой завѣтъ,
 Преобразуетъ цѣлый свѣтъ,
 До нихъ имѣвшій видъ могилы.

«Какой имъ Богъ далъ эти силы?...
 Двѣнадцать бѣдныхъ рыбаей.
 Изъ класса низшаго людей,
 Двѣнадцать личностей безвѣстныхъ,—
 Не славой подвиговъ чудесныхъ,
 И не пособіемъ чужимъ,
 Но убѣжденіемъ простымъ,
 Ихъ словомъ,—свѣтъ даютъ народу.

И вносить въ новый міръ свободу!...

И первый изъ всѣхъ,—народъ

Имъ смѣло въ срѣтенье идетъ.

«Потомъ ужь свѣтъ ихъ проникаетъ
Въ другіе классы; мракъ сѣдой
Бѣжитъ съ земли, какъ духъ ночной,—
И самовластье поникаетъ
Своей развѣнчанной главой
Предъ новой, вышею судьбой....»

«О князи земные! Снимайте,
«Снимайте врата ваши!
«Се царь грядетъ славы.
«Кто онъ, сей царь славы?
«Господь силы вышней,
«Онъ есть тотъ царь славы!....»

«Но пусть же помнятъ и народы,
Надъ кѣмъ блестятъ ужь дни свободы,
Что этотъ царь зовется: Свѣтъ!
А свѣтъ есть міръ благословенный,—
Союзъ народовъ и совѣтъ,
На благоденствіе вселенной.
Достигъ ли этого нашъ вѣкъ?...
Нѣтъ, не достигъ! Онъ это знаетъ,—
И современный человѣкъ
Теперь всѣ силы напругаетъ,
Чтобъ положительно постичь,
Какими новыми путями
Иль благодатными судьбами,
Ему до этого достигъ.
Но мы полны еще сомнѣньемъ;
Сей міръ не разъ себя пыталъ
На этомъ.... Онъ, то съ нетерпѣньемъ
Привѣтствовалъ, то низвергалъ
Опять, своими же руками,
Неудававшійся кумиръ....»

Но вотъ, онъ самъ передъ глазами,—
Смотри!...»

И точно, передъ нами
Несло багряними волнами
Весь христіанскій, новый міръ...

Пѣснь 11-я.

НОВЫЙ МІРЪ.

„L'empire, c'est la paix!“
Napoléon III.

Вотъ онъ, міръ этотъ христіанства,
Подъ сѣнью выросшій креста, —
Онъ, первый ниспровергшій рабство
Побѣднымъ знаменемъ Христа;
Изъ тьмы возвысившій народы
До благороднѣйшихъ началъ
Гражданской жизни и свободы!
Годичь, съ жаромъ, восклицалъ.
Здѣсь, съ первыхъ дней же возрожденья,
Выходить человекъ впередъ;
Здѣсь просыпается народъ
И духъ всеобщаго движенья.
Здѣсь непрестанная борьба,
Но не тирановъ межъ собою, —
Ихъ рѣшена уже судьба!....
Борьба разсвѣта съ древней тьмою;
Борьба отдѣльныхъ, частныхъ лицъ

Съ правами митръ и багряницъ,
 За челоѳическое право;
 Борьба народовъ и властей,
 За каждый даръ тѣхъ новыхъ дней,—
 И обоюдная расправа,
 За каждый лишній шагъ впередъ
 Иль за былыя увлеченья.

«Мы знаемъ, что свершилъ народъ,
 Вступивъ въ кругъ общаго движенья.
 Свѣтъ христіанства міръ засталъ
 Еще въ развитіи полномъ рабства;
 А нынѣ есть ли еще царство,
 Гдѣ бь духъ свободы не стоялъ
 Въ главѣ правителей народныхъ?
 Но это значить ли, что міръ
 Успѣлъ вполнѣ создать кумиръ
 Стремленій и надеждъ свободныхъ?
 Онъ говоритъ и самъ,—что нѣтъ!
 Нашъ смѣлый вѣкъ, при всей заботѣ
 Внести во всѣ народы свѣтъ,—
 Досель при черной лишь работѣ;
 Народы учатся лишь жить.
 Они со страхомъ еще тянутъ
 Своихъ успѣховъ лучшихъ нить....
 То чудно ль, что такъ быстро вянутъ,
 Какъ скороспѣлыя цвѣты,
 Ихъ недозрѣлыя мечты?...

«Свѣтъ нравственный и свѣтъ свободы,—
 Два высшихъ дара, что судьбы
 Вѣнчаютъ вольные народы,
 По окончаніи борьбы
 Съ тяжелымъ игомъ угнетенья;
 Но только черезъ много лѣтъ
 Приходить вѣкъ ихъ возрожденья,
 Свѣтаетъ настоящій свѣтъ,—
 И духъ развитія свободный
 Животворить ихъ міръ народный.
 «Привычка къ рабству не даетъ

Народу снять совѣмъ оковы,—
 Но долго, съ робостью, народъ
 Еще глядитъ на мѣръ свой новый.
 Въ немъ вѣры нѣтъ еще въ себя,
 Что лишь даетъ благое время;
 Ему свобода еще бремя,—
 И часто, самъ себя губя.
 Не слушая крикъ недовольныхъ,
 Онъ проситъ вновь себѣ цѣпей,
 У собственныхъ своихъ вождей,—
 Тѣхъ силъ какихъ нибудь подпольныхъ.

«Но что же это говорить?—

А то, что мѣръ нашъ очень молодъ,
 И опыта тяжелый холодъ
 Его нескоро отрезвить,
 Отъ вкоренившаго рабства;
 И истинной свободы мѣръ,
 Тотъ мѣръ и свѣта, и богатства.
 Мечтаній нынѣшнихъ кумирь,—
 Еще въ туманѣ отдаленья;
 И много тяжкаго боренья
 Народы встрѣтятъ на пути,
 Пока удастся имъ дойти
 До этой высоты желанной.

«Досель, мѣръ въ битвѣ непрестанной,
 За право честное свое...

Но тотъ ли онъ, какимъ былъ прежде.

Когда онъ началъ бытіе?...

Оставимъ же просторъ надеждѣ,

Что много,—черезъ сотни лѣтъ,

Изъ тьмы онъ выйдетъ современной,

И точно, благодатный свѣтъ

Всѣ страны озаритъ вселенной.

«О древній мѣръ, о мѣръ боговъ,—

Мѣръ самовластія и рабства,

Досель слѣда твоихъ оковъ

Не смыль съ земли духъ христіанства!

Божественный свободы видъ,
 Съ ея сияньемъ и громами,
 Еще понинѣ насъ страшить,—
 И намъ отраднѣй быть рабами.
 Ея святое торжество
 Для насъ еще мѣръ недоступный;
 Она для насъ не божество,
 Но плодъ запретный и преступный.
 Едва мы слышимъ ея кликъ,
 Мы пачкаемъ ей кровью ликъ,
 Срываемъ съ тѣла баграницу,
 И зримъ нагую въ ней блудницу.
 Такъ рабство вѣлось до костей
 Въ нашъ духъ и въ образъ нашъ звѣриный;
 Лишь подъ ~~видю~~ видю властей
 Мы только люди, съ силой львиной.

«Вгляни кругомъ,—что узришь тамъ?....»

Народное повсюду дѣтство,
 Покорность робкую властямъ,
 И съ ней—слѣпое раболѣпство.
 Досель, народъ безъ помочей
 Еще ступить не смѣетъ шага,—
 Рѣшить не въ силахъ, безъ властей,
 Что для народа зло, что благо.
 Власть аргусомъ слѣдите за нимъ
 При каждомъ словѣ, лицемѣря
 Усердьемъ ревностнымъ своимъ;
 Ей выгоднѣй въ немъ видѣть звѣря,
 Чтобы держать его въ цѣпяхъ,
 Чѣмъ умный образъ человѣка,
 Что и въ оковахъ, и въ потьмахъ,
 Сочувствуетъ движенью вѣка.
 Народъ понинѣ не живетъ;
 Гдѣ грань иль мѣра угнетенью?....
 Но есть предѣлъ его терпѣнью,—
 И онъ встаетъ.... Но какъ встаетъ?
 Какъ дикій звѣрь, какъ волъ ввѣщенный;
 И снова,—скоро укрощенный

И скованный опять, — какъ звѣрь, въ цѣпяхъ, —
Трепещетъ въ чьихъ нибудь когтяхъ.

«Зло это въ силахъ ли продлиться
Въ грядущемъ? Все гласить, что нѣтъ!
А болѣе всего, — растущій свѣтъ.
Онъ нынѣ можетъ ли затмиться?
Народъ невидимо растетъ.
Онъ принимается за дѣло, —
Сперва неловко и не смѣло,
Съ сомнѣніемъ глядитъ впередъ;
Но съ увеличеніемъ свѣта,
Онъ вѣритъ искренно себѣ,
Онъ чувствуетъ духъ въ себѣ атлета,
И предается весь борьбѣ;
Свѣтъ раздвигаетъ путь безвѣстный
Ему въ глухой дали время;
Яснѣетъ темный небосклонъ.
И открываетъ міръ чудесный,
О комъ подумать той порой, —
Всѣмъ показалось бы мечтой.

«Взгляни въ прошедшее, — всѣ страны
Европы прежней бродятъ въ тьмѣ;
Нѣтъ свѣтлой мысли на умѣ,
Ея народы будто пьяны;
Повсюду разрушенья слѣды,
Лишь вдалекѣ чуть брежжетъ свѣтъ;
Она какъ будто погибаетъ, —
Ее коробить и ломаетъ;
Насталъ ея послѣдній вѣкъ;
Но въ этомъ хаосѣ смятенія
Восходитъ солнце возрожденія, —
Встаетъ свободный человѣкъ.

«Смотри! Вотъ эти великаны,
Чьи исполинскія стопы
Обмолотили, какъ снопы,
Отжившаго Полудня страны!
Вотъ этотъ сонмъ богатырей

И ихъ вождей голубокихъ,
 Съ поморскихъ береговъ далекихъ,
 Съ поволжскихъ и донскихъ степей,
 Что другъ за другомъ приходили
 Дѣлить Римъ ветхій межъ собой,—
 Тотъ мертвый міръ, что оживили
 Потомъ живой они водой...

«Насталъ ихъ день,—рѣшенный тамъ.
 Въ судьбахъ Господняго Совѣта,—
 Онъ бросилъ сѣвернымъ орламъ
 Въ добычу трупъ царя полсвѣта.
 На Югъ!... Раздался общій зовъ,—
 И кинувши страну родную,
 Взвилося стадо тѣхъ орловъ
 Дѣлить добычу дорогую....
 Завыла буря имъ во слѣдъ,
 Упали римскія преграды.
 И не было отъ нихъ пощады
 Тому, предъ кѣмъ дрожалъ весь свѣтъ.
 Но только смолкнулъ духъ крушенья,
 Упалъ развѣнчанный кумирь,—
 Какъ изъ обломковъ разрушенья
 Ужь подымался новый міръ,—
 Міръ личныхъ правъ и міръ народный,—
 Нашъ современный великанъ,
 Что внесъ впервые духъ свободный
 Въ среду новѣйшихъ нашихъ странъ!...
 Такъ съ горъ потокъ несется бурный,
 И на пути своемъ крушить
 И отшлифованный гранить,
 И мирный кровъ, и городъ шумный;
 Наводнены пути, поля,
 Плывутъ дома, стада, заборы,
 Ужь островами стали горы,
 Не видно, гдѣ была земля,
 Слѣды повсюду разрушенья,
 И ни откуда нѣтъ спасенья.....
 Но чуть вода вошла въ брега,

Край принимает образъ стройный,
 Еще свѣжѣй блестятъ луга;
 Тоть бурный сталъ рѣкой спокойной,—
 По ней бѣлѣютъ паруса,
 Кругомъ кишитъ народъ довольный,
 И мирно смотрятъ небеса
 Въ ея лазоревыя волны.

«О новый Римъ! Христось вручилъ
 Тебѣ народныхъ столько силъ,
 Какъ пастырю...Какое поле
 Предназначалъ твоей Онъ долѣ,
 Для насажденія добра;
 Какая славная пора
 Тебѣ дана была,—въ народы
 Внести христіанскій духъ свободы,
 И стать свѣтильникомъ земли!
 И Львы, Амвросіи твои,
 И Афанасіи, понинѣ
 Примѣромъ служить, что ты могъ
 Стать выше суетныхъ тревогъ,
 И влючь живой пробить въ пустынѣ.
 Ты не служитель вѣдь боговъ,
 Не властелинъ, не царь державный;
 Ты первый лишь слуга Христовъ,
 Ты пастырь стада Его главный;
 Твое оружіе есть свѣтъ,
 Твой собственный примѣръ высокій
 Могъ обратитъ весь міръ широкій....
 Ты это выполнилъ, иль нѣтъ?»

«Нѣтъ! Ты въ сосудъ любви священной
 Влилъ сладкій ядъ земныхъ страстей;
 Ты стать хотѣлъ царемъ вселенной,
 Владыкою самихъ царей;
 Хотѣлъ сдержатъ движеніе вѣка,
 Убить развитіе человѣка;
 Хотѣлъ, какъ Исусъ Навинъ,
 Остановить еще свѣтило,

Что такъ ужъ пышно восходило, —
 То солнце міровыхъ судьбинъ,
 Тотъ новый вѣкъ судьбы народной, —
 Остановить, — пова тебѣ
 Удастся побѣдить, въ борьбѣ
 Съ твоею паствою недовольной,
 И похвалиться передъ ней,
 Непогрѣшимостью своей.

«И въ этой суетной заботѣ
 Ты думалъ плыть въ водоворотѣ?
 Ты думалъ, взявши Божью власть,
 На этой высотѣ не пасть, —
 Тамъ, боги пали гдѣ земные,
 Тамъ, гдѣ герои міровые
 Теряли голову потомъ,
 И царства падали вверхъ-дномъ;
 Ты думалъ такъ.... Но что же стало?
 Ты внесъ служеніе Ваала
 Въ храмъ опозоренный Христа, —
 И міръ, подъ знаменемъ креста,
 Узрѣлъ вѣнецъ Гельигобала!

«Чтожь ты тогда?.. Зажегъ востры,
Отволъ несло горѣлымъ мясомъ;
Повсюду поднялъ топоры,
Дивя вселенну ихъ запасомъ;
Предъ каждымъ мыслящимъ умомъ
Открылъ подземныя темницы;
Передъ божественнымъ крестомъ,
Белѣль вбивать въ нихъ иглы, спицы,
Палить ихъ медленнымъ огнемъ;
Изъ церкви создалъ легионы
 Тебѣ лишь преданныхъ рабовъ,
 И оружилъ ихъ ратью троны;
 Втеръ эти подлища бѣсовъ
 Въ дома, въ святилища семейства,
 Въ науку, въ совѣсть, въ духъ людей...
 Но кто исчислить всѣ злодѣйства;
 Кто взвѣситъ злобу этихъ дней?..

«Ты видишь въ рощахъ Лангедока
 Ручьи кроваваго потока?
 Смотри, вотъ Альбійгойцевъ сонмъ,
 Среди пылающаго круга
 Огня, съ Монфоромъ палачомъ?..
 А тамъ, отъ Сѣвера до Юга,
 Вся тонетъ Франція въ крови;
 Не это ль знаменье любви
 Къ ней Рима и его Баярдовъ?..
 А вотъ князь Альба, тотъ злодѣй,
 Растерзанныхъ имъ, Нидерландовъ;
 Гранвель—палачъ изъ палачей...
 Смотри, тутъ все ихъ ополченье...
Да, Римъ! ты мастеръ, исполнивъ
Быль въ творествѣ живыхъ картинъ;
Ты обгонялъ воображенья!...

«Здѣсь, на огнѣ горитъ востровъ
 Краса Богеміи сыновъ;
 А тамъ, какъ подъ ножомъ у турка,
 Стенаютъ жены Магдебурга,
 И по котѣна въ ихъ крови,
 Средь жертвъ, еще недовершенныхъ,—
 Священниковъ сонмъ облаченныхъ
 Поетъ гимнъ Божеству любви;
 Страна отъ края и до края,
 Чтобы вѣрнѣй достигнуть рая,
 Пылаетъ тридцать лѣтъ въ огнѣ;
 Всѣ вѣнценосцы на конѣ,
 И устилаютъ ихъ владѣнья
 Рядами труповъ и крушенья...
 Но вотъ,—вотъ бойни всей вѣнецъ,
 И все еще ей не конецъ,—
 Святая ночь Варфоломея!
 Тутъ самъ король, какъ воръ ночной,
 Стрѣляетъ въ свой народъ родной,
 Ни слезъ, ни крови не жалѣя;
 И для кого же,—для чего?...
 Спасенья ради своего!

«Кто жь эти изверги слѣпые?
 Кто эти звѣри, палачи?
 Все люди, чуть ли не святые.
 Кто направляетъ ихъ мечи,
 Суля на небѣ имъ награду?
 Все тотъ же пастырь ихъ благой,
 Тотъ образецъ Христову стаду...
 И это вынесъ мѣръ земной?..

«Что жь послѣ этого имъ воля?
 Какая всѣхъ успѣховъ доля?
 И что такое челоуѣкъ,
 Когда имъ каждый новый вѣкъ
 И каждый деснотъ помыкаетъ,
 Коверкаетъ его, комакаетъ,
 И знать не хочетъ ничего,
 Опречь рѣшенья своего?
 Иль мы подимся вѣрять нулямъ,
 Орудьями лишь власти той,
 Что насъ волочить за собой, —
 Готовые идти съ ножами,
 На самыхъ близкѣхъ ногъ людей.
 На здравый смыслъ — и все для ней?...
 Что дѣлать совѣсти и знанью,
 Иль смысла здраваго терзанью?
 Какой земной переводотъ
 Мѣръ отъ бездннн спасеть?...

«Но нѣтъ! Мѣръ можетъ заблуждаться,
 И въ мѣрѣ могутъ называться
 На время, — здравый смыслъ — мечтой,
 Порокъ — развитіемъ, свѣтъ — тьмой;
 Но здравый смыслъ не умираетъ,
 Гласъ совѣсти не умолкаетъ,
 Какъ крикъ утѣшенныхъ дѣтей;
 А изъ подъ гнета и цѣпей,
 Свободный духъ встаетъ сильнѣй!
 И эта кровь, и эти слезы,
 Что пролилъ Рямъ своей рукой,

Всѣ эти царственные грезы
 Преобладанья надъ землею,
 Чѣмъ пастыри его гордились,
 Что ставилъ выше оня всего,—
 Всѣ эти лавры обратились
 Колючимъ тернѣемъ для него.

«Смотрите,—вотъ ужъ затопляеть
 Кровь эта шаткѣй его тронъ,
 И гласъ народовъ посылаетъ
 Ему проклятье... Что же оня?
 Еще цари въ недоумѣньи;
 Но мѣръ ужъ понялъ, оня ужъ зрѣтъ,
 Что Римъ исполненъ преступленій,
 И мантия его смердитъ,—
 И Римъ, все глубже утопаеть
 Въ кровавыхъ, мутныхъ тѣхъ волнахъ,
 И наослѣдовъ, чуть всплываетъ
 Больной, трепещущій монахъ.

«Но оставляла ль Римъ рѣшимость?
 Нѣтъ!... Какъ спасенія бревно,
 Оня ухватилъ непогрѣшимость,—
 И съ ней, какъ влючъ, пошелъ на дно.

«И этотъ трупъ могъ быть кумиромъ,
 Господствовать надъ полуміромъ,
 Гасить свободы духъ живой
 И заслонять ей свѣтъ благой!
 И Западъ весь, какъ бы въ угарѣ,
 Двѣ тысячи могъ лѣтъ стенать
 Рабомъ сихъ евнуховъ въ тиарѣ,
 И прахъ ихъ туфлей цѣловать!

«И хвалишься край легковѣрный,
 Какъ нѣбой силою безмѣрной,
 Какъ высшей доблестью своею,
 Что вынесъ двѣсти ты возстаній!
 По мнѣню мыслящихъ людей
 То двѣсти вѣдь кровопусканій.

Что жь это, за такой недугъ,
 Что ты не могъ, для исцѣленья
 Иль своего освобожденья
 Найти искуснѣй себѣ дукъ!

«Но это былъ недугъ ужасный,
 Недугъ постыдный и опасный;
 Онъ точить, будто червь, народъ
 И вносить въ край его паденье.
 Его мѣръ знаетъ, и зоветъ
 Давно—народное растлѣнье.
 Имъ одержимый, ты не могъ,
 Въ тоскѣ болѣзненныхъ тревогъ,
 Минуты знать себѣ покоя,
 Ни произвестъ себѣ героя,
 Ни даже славнаго вождя,
 Чтобы рукою исполнивъ
 Тебя онъ собрать воедино,
 Изъ-подъ кроваваго дождя,
 Что растравлялъ твои лишь раны.
 Твои вожди всѣ были пьяны
 Отъ честолюбья, и другихъ
 Искательства праздныхъ и хмельныхъ;
 Пока самъ геній твой народный
 Когда пришла тому пора,
 Почуялъ духъ въ себѣ свободный
 И всталъ съ печальнаго остра

«И это царствіе растлѣнья
 И роковаго распаденья
 Произвело такихъ мужей,
 Изъ той же изъ среды народной,—
 Чей дивный даръ до нашихъ дней
 Плѣняетъ всякій духъ свободный.
 Но эти мужи предпочли
 Изъ всѣхъ стремленій ихъ земли,
 Жаръ благодатный вдохновеній;
 И стали,—кто своимъ рѣзцомъ,
 Кто пѣснью, кистью,—образцомъ
 И славой новыхъ поколѣній.

Вотъ эти боги, чьихъ именъ
 Довольно, чтобъ создать вѣкъ цѣлны,
 Предъ кѣмъ молчить вражда племень
 И преклоняется міръ зрѣмый!

«И все какія имена!

Какой блескъ силы самородной!
 Представить ли еще страна
 Другая—рядъ людей подобный!...
 Вотъ, твой, Италия, вѣнецъ,—
 Твое начало и конецъ!
 Вотъ кто, вожди твои. герои!
 И самые твои разбой
 Не помѣшали имъ собой
 Прославить свой народъ родной.

«Кто зналъ безъ нихъ бы Сикстовъ славныхъ,
 Иль Иннокентіевъ, Колоннъ,
 Иль Медиссовъ, Львовъ вѣнчаннхъ?
 Давно бъ ихъ скрыла мгла время;
 Но эти яркіе свѣтила
 Своей ихъ славой озарили,—
 И гдѣ, средъ дальнихъ странъ земныхъ,
 Міръ развитой не знаетъ ихъ?

«А чѣмъ отечество за это
 Платило этимъ силамъ свѣта?
 Своимъ расчетамъ, злою внемля,
 Колумбу вѣрить не хотѣло
 Оно гнилаго корабля

И отказать ему посмѣло.
 Тотъ Галилей, кѣмъ былъ изъ тьмы
 Міръ цѣлый двинуть въ царство свѣта.
 Тотъ славный Галилей за это
 Едва не сгнилъ во мглѣ тюрьмы.
 Великій Дантъ, чьей славной тѣни
 Досель дивится міръ земной,
 Былъ осужденъ вѣтъ хлѣбъ чужой,
 И чуждыя топтать ступени.

А этотъ мученикъ святой
 Слѣпой гордыни феодалной,

Иль темное еще—усвоить,
На это люди мудрецы!...

«Тевтоновъ край, —теперь край знаній, —
Но прежде, въ старину, и ты
Желалъ однѣхъ завоеваній,
И обладанья суеты!
Твои князья не понимали
Судебъ страны своей родной,
И нѣсколько вѣвовъ искали
Свой край — въ Италиі чужой.
Не разъ, во дни ты увлеченья,
Не разъ собиралъ имъ ополченья,
Подъ свѣтлымъ знаменемъ Христа,
Для избавленія креста;
Но чѣмъ же, чѣмъ вознаградили
Тебя побѣды всѣ твои?
Что дали Валленштейны, Тилли,
Могуществу твоей земли?
Иль на кого ты намъ укажешь
Изъ императоровъ твоихъ?
Что славнаго теперь расскажешь
Про громкое правленье ихъ?
Опрічь двоихъ твоихъ Оттоновъ,
Иосифа и Фрица, —свѣтъ
Напрасно посреди ихъ троновъ
На чемъ нибудь свой ищеть слѣдъ.
Другіе нравы и влеченья, —
Разбой, развратъ, кровосмѣшенья,
Кой гдѣ, на счетъ страны, турниръ
Иль императору же пиръ;
Версаль нѣмецкій и картины,
Прелестницы, болота тины, —
Вотъ все, чѣмъ нѣкогда полна
Была Германіи страна.

«Но кто тотъ юноша межъ ними,
Красавецъ тѣломъ и душой,
Въ бронѣ, съ кудрями золотыми,

И съ окровавленной главой?
 То вѣтъвь изъ Габсбургскаго дома,
 То благородный Конрадинъ!
 Рожденный также для погрома,
 Какъ истый, юный паладинъ,
 Онъ прибылъ, полный жизни, славы,
 Исвать наслѣдственной державы
 Въ Италію,—и тамъ сложилъ
 Главу на плахѣ. Рокъ скосилъ
 Его въ веснѣ еще цвѣтущей.
 Пришлецъ другой страны могучей,
 Почти младенецъ путь нашелъ
 Прямѣй, на спорный тотъ престолъ;
 Но и его не пощадила
 Судебъ невидимая сила,—
 Такъ онъ непрочень, шаткіи кровь,
 Чужихъ престоловъ и вѣнцовъ!
 «А что же видѣли мы нынѣ,
 Въ заатлантической пустынѣ?
 Не тотъ ли жъ блѣдный Конрадинъ,
 Лишь въ образѣ Максимильяна,
 Глядитъ на насъ изъ за пучинъ
 Вольнолюбивыхъ Океана?...

«О край науки, всѣмъ родной,
 Позднѣй ты понялъ жребій твой!
 Замкнутый самъ въ себѣ издавна,—
 Отъ Запада страню славной
 Французскихъ рыцарскихъ королей.
 Съ Востока—возроставшей силой
 Могучихъ сѣверныхъ людей,
 Безъ моря и безъ кораблей,
 И съ конституціей, столь хилой,
 Что лишь могла кормить князей,—
 Чтобъ совершилъ ты для народа
 Въ тюрьмѣ готической твоей,
 Когда бъ широкая свобода
 Не окрылила разумъ твой

На поиски благаго свѣта;
 Когда-бъ тебя твой духъ благой
 Не засадилъ въ глубь кабинета,—
 Отколь ужъ Фаусты твои
 Вращали силами земли?...

«Но ты, край истый просвѣщенья,
 Ты понялъ вѣрно назначенья
 Судьбы возвышенной твоей!
 И твой успѣхъ послѣднихъ дней
 Намъ довазаль, что блескъ престола,
 Величье прочное страны,
 Успѣхи самыя войны,
 Даетъ народу—его школа.
 Прошло съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ,
 Какъ озарилъ Европу свѣтъ;
 Но долго было убѣжденье,
 Что для народовъ просвѣщенье,—
 Источникъ бѣдствій лишь и золь;
 Но здравый разумъ твой нашель,
 Что свѣтъ—народное есть знамя,
 И только тотъ силенъ народъ,
 Въ комъ загорѣлось это пламя,—
 Лишь можетъ онъ идти впередъ!

«О мрачный Карлъ! *) и въ ослѣпленьи,
 Что полземли въ твоёмъ владѣньи,
 Ты собирался задушить
 Твоей тяжелой багряницей,
 Край этотъ мысли, раздавить
 Его побѣдной колесницей;
 Ты думалъ запереть умы
 Подъ своды тѣсныя тюрьмы,
 Куда упряталъ ты духъ темный
 Твоей страны, когда-то вольной;
 Ты думалъ заковать въ цѣпяхъ,
 Сдержатъ на привязи народы,

*) Карлъ V.

Гдѣ разгорѣлся огонь свободы
 И ясный свѣтъ блеснулъ въ умахъ;
 Ты ждалъ, срубивши два, три дуба,
 Тебѣ стоявшихъ на пути,—
 Ты лѣсу запретишь расти!....
 Но какъ бы ни былъ отлить грубо
 Святой свободы идеаль,—
 Богъ не затѣмъ народамъ далъ
 Сей даръ, чтобы властитель встрѣчный
 Ломалъ законъ Его предвѣчный,—
 Гдѣ нѣтъ въ запасѣ ничего,
 Чтобъ лучшимъ замѣнить его!..
 Тамъ, мысль гдѣ разъ пустила корни
 Въ душѣ народной,—тамъ народъ
 Не устрашится гнусной бойни,—
 Но смѣло онъ пойдетъ впередъ.
 И вотъ примѣръ! Въ борьбѣ неравной,
 Гдѣ ты съ державной, высоты
 Могъ смять его духъ своеправный,
 Бѣжалъ не онъ,—но первый ты!

«И все таки, ни споръ напрасный,
 Ни вѣщій голось дней былыхъ,
 Не вразумилъ духъ самовластный
 Слѣпыхъ преемниковъ твоихъ.
 Повсюду свергнутый въ далекой
 Германіи, ему чужой,—
 Духъ этотъ гордый и жестокий
 Налегъ на свой народъ родной.
 Чтожь случилось съ ващею страной,
 Что провидѣнье вамъ вручило,
 Гдѣ солнышко не заходило
 Во время оно?—Мракъ глухой
 Спустился на ея народы,
 И край вашъ сильный, молодой,
 Край, полный всѣхъ даровъ природы,
 Въ сонъ погрузился гробовой.

«Страшась въ странѣ своей разсвѣта
 Свободной мысли, чуждой вамъ,

Несчастный Тассъ?... Кто незнакомъ
 Съ его судьбою, столь печальной?
 И онъ, — какимъ нибудь князьбомъ,
 Умѣ казни не нашедшимъ,
 Провозглашенъ былъ сумасшедшимъ!

«Но просвѣщенъя свѣтъ благой,
 Онъ шелъ своею чередой.
 Ты зришь младыя эти тѣни, —
 По нимъ едва скользить лишь свѣтъ,
 И въ нихъ особеннаго нѣтъ, —
 Онѣ богамъ тѣмъ поколѣни;
 Но это полкъ передовой
 Еще науки молодой,
 Тѣ Розелины, Сенъ-Бернарды,
 Жильберты, Скотты, Абеллярды,
 Что проложили путь собой
 Жрецамъ науки уже зрѣлой,
 Потомъ наполнившей міръ цѣлымъ,
 И поразившей гордый Римъ,
 Его жъ оружіемъ роковымъ.

«Такъ просвѣщенъе, даръ нетлѣнный,
 Есть достояніе вселенной!
 Блеснулъ онъ надъ одной страной, —
 И скоро заблеститъ въ другой.
 Германію еще въ то время
 Давило общее всѣмъ бремя, —
 Феодализмъ, сей бичъ умовъ;
 Въ ней не было еще дворцовъ
 Великолѣпныхъ Медицисовъ,
 Ни галлерей роскошныхъ Сиестовъ,
 Ни знаменитыхъ ихъ пѣвцовъ,
 Ни средствъ всемірныхъ Ватикана;
 Весь край имѣлъ снаружи видъ
 Еще воинственнаго стана;
 Но юный духъ ея спѣшитъ
 Наукѣ въ встрѣчу возрожденной, —
 И вѣщій гласъ страны гремитъ

Передь Европой изумленной.

«Здѣсь мощный духъ ея сковаль
 Перуны тѣ, предь кѣмъ упаль
 Кумирь языческаго міра,
 Богъ удалства, сей богъ Омира,
 Не смытый кровію Христа
 Съ отважныхъ витязей креста,—
 Тотъ громъ, что разгромилъ твердыни
 Вассаловъ дерзкихъ и князей,
 И собралъ ихъ, ничтожныхъ нынѣ,
 Вокругъ законныхъ королей. *)
 Здѣсь Майнца гражданинъ свободный
 Впервые поднялъ стягъ народный,—
 Стальные крылья тѣ, на комъ
 Мысль облетѣла край ихъ сонный,
 И изъ скиталицы бездомной
 Всемирнымъ стала божествомъ. **).
 Здѣсь, въ скромной кельѣ, загорѣлась
 Свободы первая заря; ***)
 Отсель надъ Римомъ разразилась
 Гроза Небеснаго Царя....

«Вотъ онъ, свершитель этотъ мщенья,
 Предь кѣмъ палъ духъ порабощенья!
 Простая раса на плечахъ,
 Какъ знаменье его обѣта,
 И книга новаго завѣта
 Въ его недремлющихъ рукахъ,—
 Единый мечъ его въ бояхъ
 Съ паремъ духовнымъ полусвѣта.
 Споръ раньше начать былъ; и рать
 Давно,—Валдейцевъ, Таборитовъ,
 И Альбоинцевъ, и Гусситовъ,
 Пыталась міръ на Римъ поднять;

*) Изобрѣтеніе пороха.

***) Изобрѣтеніе книгопечатанія.

***) Ученіе Лютера.

Но силенъ былъ еще Римъ славный
 И скиптръ его самодержавный;
 Его священно-грозный видъ
 Оледенялъ весь Западъ страхомъ....
 Но только поднялъ сей Давидъ
 Свой мѣткій пращъ надъ Голиафомъ,
 Въ виду тѣхъ доблестныхъ дружинъ,—
 И рухнулъ грозный исполинъ;
 И двинулись впередъ народы
 На утѣснителя свободы,
 И растворилися тюрьмы,
 Гдѣ спалъ, въ оковахъ, юный геній,
 И перекликнулись умы,
 И раздался звукъ пѣснопѣвнй....

«О просвѣщенье! Еслибъ ты,
 Какъ золотое дня свѣтило,
 Восшедши разъ, не заходило
 Опять въ пучину темноты,
 Сіяло бъ намъ, не померкая;
 Какъ много бъ сдѣлалъ мѣръ земной,
 И какъ давно бы свѣтъ благой
 Всю землю озарилъ собой,
 До отдаленнѣйшаго края.
 Но, нѣтъ!—Твой каждый яркій лучъ
 Мрачатъ тотчасъ же гряды тучъ;
 Ты, какъ барометръ у вселенной,—
 Все на погодѣ перемѣнной;
 Одинъ день ясенъ сводъ небесъ,
 Но въ слѣдъ, года поры ненастной,
 И градъ, и снѣгъ весною красной....
 Иль ты похоже на тотъ лѣсъ,—
 Тотъ лѣсъ безвыходный, пустынный,
 Куда зашелъ пѣвецъ твой дивный,
 Съ прямаго сбившия пути. *)?
 Давно въ лѣсу томъ мѣръ блуждаетъ.

*) Дантъ. (См. начало Божественной комедіи).

И жаждетъ путь прямой найти;
 Но мракъ глубокій натываетъ
 Его на тропочки однѣ,—
 И тѣ смелись одна съ другою.
 Какой онъ ни пойдетъ тропою,
 А все выходитъ къ глубинѣ
 Пучины мрачной и безвѣстной,
 Гдѣ слышенъ вѣчности лишь стукъ,
 И все слилось въ единый звукъ;
 А надъ главою лишь сводъ небесный,—
 То сумрачный, то весь въ лучахъ,
 Въ безмолвныхъ горнилахъ высотахъ.

«Чѣмъ не платился мѣръ пылливый
 За каждый шагъ нетерпѣливый?...
 А сколько времени прошло,
 И сколько тщетныхъ жертвъ легло,
 Съ тѣхъ поръ, какъ челоуѣка геній
 Вступилъ на путь благихъ стремлений;
 Повуда Гершель, великанъ
 Науки, посмотрѣлъ движенье
 Небесныхъ звѣздъ, и внесъ счисленье
 И лотъ, въ небесный океанъ;
 Иль Эренбергъ открылъ Европѣ,
 Въ своемъ блестящемъ телескопѣ,
 Невидимый для глазъ простыхъ,
 Мѣръ инфузорій подвижныхъ!....
 Но что же знанье это значитъ
 Предъ тѣмъ, чего не знаемъ мы?
 Кого въ нашъ вѣкъ не озадачить,
 Что мы понинѣ въ мѣрѣ тьмы?
 Отважно мы предположенья
 Изъ бездны черпаемъ вѣковъ;
 А не имѣемъ, въ утѣшенье,
 Еще лѣкарства отъ зубовъ.
 Нашъ вѣкъ, въ открытыяхъ, точно, силенъ;
 Но счетъ нашъ истинъ,—необилень.
 Мы чаще судимъ, какъ слѣпцы:
 Но чтобъ гипотезу построить,

Едва не залилъ сей потокъ,
 Что несся, диво-величавый,
 Смывая страны и державы,
 И угрожая крестъ святой
 Стереть двурокою луной?..

«Такъ часто, безпокойный геній
 Въ слѣдъ оставляетъ за собою
 Вѣка безплодные волненій;
 Но праздныя толпы бѣгутъ
 На зовъ его, все сокрушая,
 И сами подлинно не зная,—
 Зачѣмъ ихъ и куда ведутъ!

«Такъ вы, народы, большей частью
 Еще игрушки вы, въ рукахъ
 Тѣхъ исполиновъ, что, въ несчастію,
 Бѣ вамъ сходятъ, чуть не въ облакахъ,
 Чтобъ вы ихъ больше уважали!
 Какъ рьяныхъ, боевыхъ коней,
 Они знудали васъ, сѣдлали,—
 И васъ, по прихоти своей,
 Куда хотѣли погоняли....
 Въ чемъ слава тутъ? Не льститесь ей!
 Вся ваша слава—что успѣли
 Вы этихъ ѣздоковъ поднять,
 И вашей силы не жалѣли,
 Чтобъ на спинѣ своей сдержать;
 Что облетѣли вы конями,
 Подъ шпорами и шенкелями,
 Полсвѣта,—и паслись потомъ
 Съ наложеннымъ на васъ тавромъ.

«Немного славы есть народной,—
 Той славы, гдѣ блеститъ свободный,
 Врожденный духъ самой страны;
 Гдѣ самъ народъ встаетъ собою,
 Становится родной семьею;
 Гдѣ, какъ одной земли сыны,
 Всѣ одинаково полны

Къ ней безкорыстною любовью,
 И истинно готовы кровью
 Залить пожарище войны!
 Той дивной славы, чье свѣтило
 Край Вашингтона озарило;
 Что окрыляла на враговъ
 Элады доблесныхъ сыновъ,
 Или такъ ярко освѣтила
 Святыхъ стѣны и главы,
 За Русь пылающей, Москвы!

«Но не таковъ тотъ духъ свободы,
 Гдѣ подымаетъ онъ народы
 Не силой нравственной своей,
 А честолюбіемъ вождей;
 Гдѣ вожаки, разрушивъ троны,
 И взволновавши край родной,
 Не знаютъ дѣлать что съ собой,—
 Гдѣ гордые Наполеоны
 Кладутъ ихъ въ пушечный зарядъ,
 А край влекутъ, куда хотятъ!

«Шель Магометъ, какъ вихрь летучій,
 Пустынныя вздымая тучи,—
 Наѣздникъ дерзвѣй и крутой,
 Сумѣвній, вѣщей силой слова,
 Взнуздать коня себѣ степнаго,
 И облетѣть съ нимъ міръ земной,
 Гдѣ не было ничто готово
 Сдержать бичъ этотъ роковой.
 Но пусть онъ—Моисей пустыни,
 А все, ученье его—тьма!
 Разбой,—вѣнецъ его святыхъ;
 Весь кругозоръ его,—тюрьма!

«А были люди,—люди свѣта,
 Ума,—поклонники креста,
 Что ставили ученье это
 Не ниже истины Христа!... *)

*) Между прочимъ, историкъ Гиббонъ.

«Но пусть и здѣсь есть также время
 Благого чувства, сильныхъ рукъ,—
 И въ тощей почвѣ видно сѣмя
 Какъ бы раждавшихся наукъ;
 И здѣсь есть также Саладины,
 Есть Алрашидъ, Рашидъ-эд-дины,
 Есть Авиценны, Аверрой,
 Фирдуси, ихъ поэтъ-герой...
 Вы помните, послы Царыграда,
 Какъ нѣкогда, въ стѣнахъ Багдада,
 Васъ принималъ, на ступеняхъ
 Мечети, сонмъ халифовъ праздныхъ,
 Сидѣвшихъ въ рубищахъ раздранныхъ;
 Какъ ваши лбы склонялись въ прахъ,
 И съ вашимъ деспотомъ вѣнчаннымъ,—
 Предъ этимъ рубищемъ разданнымъ!...
 Иль не мудрецъ ли лучшихъ странъ,—
 Маститый ихъ, Абдалраманъ?
 Вотъ что онъ, съ жизнью на прощаньи,
 Въ своемъ оставилъ завѣщаньи,
 Какъ бы напутствуя сей свѣтъ:
 «Царемъ я шестдесятъ былъ лѣтъ,
 Достигъ до старости глубокой,
 Имѣлъ испытанныхъ друзей,
 Враги держались насъ далеко,
 Дрожа предъ силою моею;
 Но, прослѣдивъ дни прожитые,
 Успѣхи, радости былые,
 Я въ жизни насчиталъ своей,—
 Четырнадцать счастливыхъ дней.»

«О еслибъ, князи христіянства,
 И вы подобный счетъ вели
 Всѣмъ яснымъ днямъ своей земли,
 И днямъ насилья и тиранства;
 Сколькихъ бы, можетъ, слезъ и бѣдъ
 Избавился нашъ бѣлый свѣтъ!...

«Но вѣра темная пророка

Лишь возмутила дно потока,
 Но не пробила вглубь русла;
 Дать жизнь—та вѣра не могла!
 Рожденная въ странѣ разбоя,
 Она, какъ вешняя вода,
 Прошла, заглохнувъ безъ слѣда,
 Не подаривъ землѣ покоя.
 Какой могъ плодъ произрасти
 На дикой почвѣ сей, бесплодной?
 Какой могъ геній благотворный
 Науки сѣмя разнести
 По царству мрака и крушенья?
 Не самъ ли царственный Коранъ
 Гналъ свѣтъ изъ своего владѣнья,
 И сѣялъ, среди новыхъ странъ,
 Лишь сѣмя темнаго ученья?
 И не поблекла ли подъ нимъ,
 Какъ злакъ, подъ камнемъ гробовымъ,
 Едва оставшиися въ поминѣ,
 Сама поэзія пустыни? ³³⁾

«Что просвѣщенью создалъ онъ?
 Какое бросилъ знаній сѣмя?
 Что сдѣлалъ, въ долгое столь время,
 Среди подвластныхъ онъ племень?
 Рядъ цѣлый царственныхъ тирановъ,
 Изнѣженныхъ съ пеленъ сутановъ
 И кровожадныхъ ихъ пашей,
 Учившихся, какъ имъ ловчѣй,
 Для лучшаго пищеваренья,
 Снимать главы рабовъ своихъ,
 Связавъ сперва попарно ихъ, *)
 Иль жечь гауровъ, для спасенья!..
 Что далъ онъ хоть другимъ странамъ?
 Кого?—Омаровъ, Чингисхановъ,
 Иль Баязетовъ, Тамерлановъ?....
 Что обѣщаль своимъ рабамъ?—

*) См.: того же Гиббона.

Вы растеряли по частямъ
 Имперію, почти въ полсвѣта;
 А здѣсь самъ доблестный народъ,
 Порывомъ движимый свободнымъ,
 Санъ императора даетъ
 Своимъ владавцамъ благороднымъ!
 Тотъ край, что скипетромъ своимъ
 Хотѣли сдѣлать вы машиной,
 Чтобъ властвовать въ немъ вамъ однимъ
 Съ жестокой вашею дружиной,—
 Тотъ край желаетъ самъ собой
 И требуетъ соединенья
 Въ одинъ народъ, для утвержденья
 Своей же воли дорогой!
 Тотъ край, въ тяжелую годину
 Готовъ собраться самъ въ машину,
 Въ картечницу, въ строй боевой,
 Въ простой ландвертъ, во что угодно,
 Чтобъ защитить народъ родной...
 Но это дѣлаетъ свободной—
 Затѣмъ, что знаетъ напередъ,
 Что въ этомъ—долгъ его народный;
 Что въ этой машинѣ свободной—
 Все тотъ же мыслящій народъ!
 Кто жъ поднялъ такъ его?—Какъ это
 Онъ выросъ?... Отъ того же свѣта,—
 Что гнали вы, — что обрекли
 Проклятью, предъ лицомъ земли.

«О родъ славянъ вольнолюбивый!
 Вотъ наша слабая пята,—
 Вотъ та граничная черта,
 Что духъ замкнула вашъ строптивый,
 И держитъ искони насъ дней
 Въ опеку чуждыхъ намъ людей.
 Пусть вашихъ странъ разъединенье
 Васъ въ руки предало враговъ;
 Но еслибъ наше просвѣщенье

Не спало длинный рядъ вѣковъ, —
 Давно иное очертанье
 Имѣлъ бы Западъ въ наши дни,
 И мы бы знали не одни
 Про это славное призванье,
 Что назначали вамъ судьбы,
 Когда вы были господами
 Надъ Полуночными морями,
 И вашей доблестной борьбы
 Былъ слышенъ громъ, отъ Лабы славной
 До Тибрскихъ дальнихъ береговъ;
 Когда полки вашихъ сыновъ
 Встрѣчалъ со страхомъ Римъ державный.

«Гдѣ жъ нынѣ тотъ славянскій міръ,
 Тотъ міръ торговый, міръ богатый,
 Былой Германіи кумиръ?
 Гдѣ вѣщій геній тотъ крылатый,
 Что оживлялъ тогда страну,
 Сбиралъ въ мигъ цѣлыя дружины,
 Лилъ злато въ храмы и въ кутины,
 И создалъ первую Ганзу?...
 Когда васъ Нѣмцы побѣдили,
 Что ваши сдѣлали князья?...
 Они изъ первыхъ измѣнили, —
 И онѣмечилась земля.
 Для нихъ ужъ низки и незнатны
 Родныя стали имена;
 И вашъ языкъ, и старина,
 Давно бѣ погибли безвозвратно,
 Когда бы доблестный народъ
 Ихъ вновь не выдвинулъ впередъ.

«Но неужель вашъ духъ свободный
 И ваша жаркая любовь
 Къ отчизнѣ, гдѣ въ семьѣ народной
 Еще течетъ Забоевъ кровь
 И Шишки не исчезло знамя;
 Неужли этотъ духъ и пламя —
 Со славой не закончатъ споръ,

Что начать вамъ съ колыбели?..
Иль нужны цѣпи снѣжныхъ горъ
И непремѣнно Вильгельмъ-Тели,
Чтобъ побѣдить? Иль былъ сильнѣй
Эгмонтовъ край въ борьбѣ своей?...

«Другіе дни, другое время!
Пропущенъ цѣлый рядъ вѣковъ...
Предъ вами не одно ужь племя
Стоитъ воинственныхъ враговъ;
Но цѣлый Западъ просвѣщенный.
Чѣмъ оградить противъ него
Себя вашъ родъ поработченный?
Онъ знать не хочетъ ничего,
Про ваши долгія страданья,
Народность вашу, упованья;
Предъ просвѣщенемъ всѣ равны...
Оно лишь врагъ племенъ отставшихъ
Или народовъ запоздавшихъ;
Оно врагъ даже и войны,
Его держава невидимо
Растетъ, никѣмъ неодолима, —
И побѣждаетъ не мечемъ,
Но тѣмъ божественнымъ жезломъ,
Что лишь владѣеть просвѣщенье;
Мечъ, — лишь кончаетъ пораженье.

«Зачѣмъ Германія война
Теперь съ славянскими землями?
Зачѣмъ ты, Фридриховъ страва,
Лить будешь кровь твою рѣками,
Чтобы бороться тебѣ съ нами?
Когда давно сыны твои
Идутъ толпой въ нашъ край обширный,
И расселяются въ немъ мирно,
Какъ среди родственной семьи?
Не лучше ль эти пионеры
И мирные миссіонеры,
Для выгодъ собственныхъ твоихъ, —

Не лучше ль браней роковых?...
 Ихъ мягкій натискъ, безъ помѣхи,
 Не легче ли сулить успѣхи,—
 Хотя и продлится больше лѣтъ?
 Что можемъ мы противопоставить,
 Чтобъ ихъ давленіе ослабить?—
 Одно лишь,—нашъ народный свѣтъ;
 А гдѣ же онъ?—Его и нѣтъ!
 «Да, свѣтъ!... Теперь въ немъ все спасенье;
 Лишь только съ нимъ царя земли
 Спасутъ народности свои,
 И вступать въ общее движеніе.
 Лишь онъ народъ нашъ сохранить
 Отъ новаго порабощенія,
 И самъ собою разрѣшить
 Всѣ наши прежнія сомнѣнья.
 Теперь нѣтъ въ мірѣ никого,
 Кто погасить бы могъ его,
 Иль возрожденные народы,
 Лишить ихъ нравственной свободы.
 Пускай же умный нашъ народъ
 Къ нему послѣдніе идетъ!
 Иль пусть успѣхами своими
 Не отстаетъ передъ другими;
 Затѣмъ, что свѣтъ не пощадить,
 Ни тѣхъ, кто ждетъ,—ни тѣхъ, кто спитъ!

«Народовъ въ мірѣ очень много,
 И каждому своя дорога;
 Но просвѣщенія цѣль одна,—
 Всѣхъ счастье. Но пока она
 Орудьемъ будетъ сокровеннымъ
 Народныхъ хитрыхъ вожakovъ,—
 Міръ не избавится оковъ.
 И алкоранъ зовутъ священнымъ,
 И Магометъ инымъ—пророкъ!...
 И всю Европу,—и давно ли?—
 Столѣтій нѣсколько,—не болѣ,

По смерти,—жаркія объятія
 Красавиць, вѣчно молодыхъ,
 А въ жизни,—стоны и проклятія
 Подвластныхъ странъ, но имъ чужихъ.
 И вѣрой той они довольны,—
 И сладко спятъ въ гаремахъ ихъ,
 Невозмутимы и спокойны!
 А тамъ, гдѣ нѣкогда прошли,
 Какъ ихъ Самумъ, они по свѣту,—
 Тамъ никогда не быть разсвѣту,
 Въ странахъ, покорной имъ, земли!
 «Полміра было въ ихъ владѣнны,
 Была въ ругахъ ихъ и земля,
 И море, рощи и поля,—
 И все осталось въ заустѣнны...

«Науки судъ призналъ вполнѣ
 Виню этого—духъ вѣры,
 Ея бесплодность и химеры...
 Но что сказать о той странѣ,
 Гдѣ жизнь кипитъ, гдѣ просвѣщенье
 Имѣетъ полное значенье,
 Народъ въ главѣ,—а для страны
 Ни мира нѣтъ, ни тишины?...

«О Франковъ родъ славолубивый,
 Воинственный, но прихотливый,
 Всегда враждебный самъ себѣ,—
 Мы это видимъ на тебѣ!
 На что тебя не доставало?
 Куда народъ твой не бросало?...
 Всю жизнь кометою ты блистала,
 То удивляла, то устрашала.
 Гдѣ столько бурь, борьбы, сомнѣній,
 Разврата, славы, заблужденій,
 Отваги,—даже иногда
 Совсѣмъ ненужныхъ преступленій!
 Чья беспокойная звѣзда
 Надъ міромъ ярко такъ сіяла?

И что жь изъ этого всего
Твоя страна себѣ стяжала,
На долю счастья своего?

«Пусть край твой,—край былъ угнетенный,
Народъ,—всегда порабощенный
Подъ самымъ тягостнымъ ярмомъ
Честолюбиваго дворянства,—
Въ какомъ еще краю другомъ
Найдемъ блестящее столь барство,—
Увы, на твой народный счетъ!...
Но тягость эта не сломила
Вольнолюбивый твой народъ;
Гдѣ только можно ему было
Возстать,—народъ твой возставалъ,
И часто страшно отомщалъ
За вѣковыя утѣснѣнья.
И дождался онъ, наконецъ,—
Въ борьбѣ испытанный, боець,
Минуты полного отмщенья.
Такъ вообще народъ не разъ
Смолчить, когда его терзають;
Но лишь придетъ расчета часъ,—
Тогда народы не прощаютъ.
Ты знатнымъ также не простишь,—
Омывши кровью ихъ бывшее;
Ты началъ зданіе иное,—
Но что же ты соорудилъ?...
«Лишь тѣ великіе народы
Вполнѣ достойны ихъ свободы,
Что, не остынувши въ борьбѣ,
Рукой умѣють просвѣщенной,
Еще на почвѣ раскаленной,
Воздвигнуть лучший міръ себѣ.
Пусть въ дни народнаго отмщенья
Бываютъ часто умеченья,—
Исторія, свершивъ имъ судъ,
Дастъ рѣшенья непрямыя...
Кто спроситъ тучи громовыя,—

Зачѣмъ онѣ крушатъ и жгутъ?
 Иль наводненья роковыя,—
 Зачѣмъ, стремясь изъ береговъ,
 Напоръ ихъ водъ все разрушаетъ?...
 Но тамъ, народъ гдѣ истребляетъ
 Законъ, обычаи отцовъ,
 И всѣ родныя учрежденья,—
 Но только стихнулъ вихрь крушенья,
 Онъ начинаетъ вновь искать
 Оковъ,—мутитъ край безповойный;
 Тогда мы въ правѣ тутъ сказать:
 Народъ свободы недостойный!
 Ты принялъ трудъ не по себѣ;
 Не начинать бы ужь тебѣ!...

«Къ чему, скажи, свободы пламя
 Въ тебѣ, о Франція, горить?
 Тебѣ необходимо знамя;
 Безъ знамени твой край кипитъ,
 Какъ конь разнузданный,—напрасно
 Терзая грудь страны прекрасной.

«А сколько славныхъ королей
 Блестить въ исторіи твоей!
 Державный первый твой властитель,
 Съ тѣмъ вмѣстѣ твой и просвѣтитель;
 Онъ первый полководецъ твой,
 Онъ просвѣщенья былъ главой,
 Онъ свой любилъ народъ родной.
 Его дворецъ слылъ мирной школой,
 Гдѣ онъ слагалъ вѣнецъ тяжелый
 И бремя царственныхъ заботъ,
 И забывалъ свой царскій родъ.
 Вѣкъ Генриховъ, Францисковъ славныхъ
 И имъ подобныхъ королей,
 Не вѣкъ ли рыцарей вѣнчанныхъ
 И лучшихъ Франціи людей?...
 А эти рыцари,—Роланды,
 Годфриды, Дюнуа, Баярды?....

*

Въ какихъ еще странахъ другихъ
Найдешь хотя подобье ихъ?...

«А что дають они народу?
Народъ все также угнетенъ,
Все также ищетъ онъ свободу,—
И все затертъ, со всѣхъ сторонъ!...
Отвѣтствовать за край!.. Да, точно,
Носящихъ царственный вѣнецъ
Лишь умудряетъ самъ Творецъ;
Но къ ихъ несчастью, какъ нарочно,
Близъ самыхъ лучшихъ королей,
Достойныхъ мало таеъ людей!

«Неужели одинъ Карлъ пятый,
Хоть передъ смертью, разгадавъ
Сей, жребій, счастьемъ небогатый,
Когда, кончаясь, онъ сказалъ:
«Корона Франціи прекрасной,
Перль драгоцѣнный суеты!
Ахъ, какъ теперь жалка мнѣ ты,
По этой прелести опасной,
По этимъ мукамъ роковымъ,
Что ты въ себѣ для насъ вмѣщаешь;
По этимъ терніямъ златымъ,
Что духъ и тѣло намъ терзаешь.
О, еслибы впередъ это зналъ,
Что ты приносишь намъ съ собою;
То лучше бъ въ грязь тебя втопталъ,
Чѣмъ увѣнчалъ главу тобою!»...

«Да,—если бъ это зналъ впередъ
Царей властолюбивый родъ!...
Когда бъ онъ болѣе былъ близокъ
Къ народу своему... Но нѣтъ!
Ему твердятъ отъ юныхъ лѣтъ,
Что духъ народный слишкомъ низокъ;
Что онъ не въ силахъ разсуждать,
Ни жить разумно и спокойно;
Что мудрой власти недостойно
Съ него узду еще снимать...

Народъ французскій это видѣлъ
 И всей душою ненавидѣлъ
 Враговъ развитья своего.
 Что вся исторія его?..
 Иль притѣсненья, иль волненья,
 Возстанья, смуты безъ конца:
 Но знать въ немъ видѣла глупца,—
 И поощряла угнетенье.
 Волканъ все тлѣлъ,—и наконецъ,
 Волканъ извергнулъ огонь и пламя,
 И разъяренный тотъ глупецъ,
 Надъ краемъ поднялъ смерти знамя.

«О Людовикъ! Твой часъ пробилъ,
 И ты, исполненный любовью,—
 Ты первый же низвергнуть былъ
 Въ жерло, затопленное кровью.
 Но бездна вырыта давно
 Была отцовъ твоихъ руками;
 Тебѣ же, высшими судьбами
 За нихъ расчестья суждено.

«Ты помнишь, разъ, во время оно,
 Въ тѣ дни далекіе, когда,
 Какъ лучезарная звѣзда,
 Блестала Франціи корона,—
 Марсель, съ народною толпой,
 Ворвался во дворець къ дофину,
 Чьимъ фаворитамъ той порой
 Народъ приписывалъ причину
 Прискорбныхъ тягостей своихъ.
 —Не бойтесь, sige! вскричалъ онъ принцу,
 А вы, друзья, кончайте ихъ!—
 И въ тотъ же мигъ, его любимцу
 Часъ грозный смерти прозвучалъ.
 Дофинъ не вынесъ сцены страшной,
 И на полъ въ обморокъ упалъ.
 Прикрывши шапкой его красной,
 Марсель молодого принца спасъ;

Но этою эгидой васъ
 Онъ посвятилъ богамъ подземнымъ...
 Край шелъ порядкомъ неизмѣннымъ,—
 Конецъ вашъ лишь отложенъ былъ;
 Но родъ твой это позабылъ,
 И палъ подъ местию народной.

«А стала ли страна свободной?
 Нѣтъ!... Лишь явился человекъ,
 Прославленный на ратномъ полѣ,
 Край покорился его волѣ;»
 Народъ съ восторгомъ встрѣтилъ вѣкъ,
 Еще невиданной имъ, славы,
 Завоеваній и побѣдъ,
 Чуть не всемірной блескъ державы,
 Что удивляла цѣлый свѣтъ;
 И въ этомъ сладкомъ упоеньи,
 Свое ярмо благословилъ,—
 И о свободѣ позабылъ.
 И только лишь, по пробужденіи,
 Когда онъ былъ всего лищенъ,
 Онъ увидалъ, что то былъ сонъ,
 И что за этотъ блескъ и славу,
 За ту всемірную державу,
 Онъ заплатилъ, ничѣмъ инымъ,
 Какъ благоденствіемъ своимъ.

«Взгляни, вотъ онъ, кумиръ народный,
 Тотъ гордый Кесарь нашихъ дней,
 Крушитель дерзкій и холодный
 Республикъ, царствъ и королей!
 Вотъ онъ, какъ былъ,—въ той шляпѣ славной,
 Какъ бы изъ бронзы изваянный,
 И въ этомъ сѣромъ сюртукѣ,
 Что знали всѣ и вдалекѣ....

«Герой и деспотъ ненасытный!..
 Когда Европу онъ громилъ,
 Какому Богу онъ служилъ?...
 Но міръ проникъ его духъ скрытный;
 Міръ зналъ, что въ страшной той борьбѣ

Онъ служить самому себѣ.
 И все-таки, онъ былъ кумиромъ
 Безпечной Франціи!... И онъ
 Надѣялся, предъ цѣлымъ міромъ,
 Упрочить свой воровый тронъ!...

«Но нѣтъ! Блескъ славы не стираетъ
 Ни капли крови дорогой,
 Что такъ бесплодно проливается,
 Герои, геній вашъ земной!
 И полководецъ величавый,
 И Божій бичъ, отчетъ дадутъ,
 За каждый листъ въ вѣнцѣ ихъ славы;
 Судь близкихъ вамъ, — пристрастный судъ!

Чего не могъ ты, битвы геній,
 Свершить, не зная поражений,
 Держа въ рукахъ своихъ судьбы
 Европы цѣлой, въ дни борьбы?...
 Но ты свершилъ ли назначенья,
 Что на тебя Богъ возлагалъ? —
 Нѣтъ, только славы ты искалъ,
 И странъ чужихъ порабощенья.
 Ты позабылъ, что самъ Творецъ
 Въ нихъ засвѣтилъ свободы пламень, —
 И Онъ взялъ мечъ твой и вѣнецъ,
 И раздробилъ ихъ въ прахъ о камень!

«Но франковъ озарилъ ли свѣтъ?
 И проигравъ въ той лотерей,
 Затихла Франція, иль нѣтъ?...
 Нѣтъ! Ничего вновь не жалѣя,
 Она взяла опять билетъ.
 Теперь, обманутая снова,
 Что дѣлаетъ она? Народъ
 Въ волненіи, — она готова
 На все, — авось ей повезетъ!
 Не знаетъ только что ей надо, —
 Какой билетъ ей лучше взять.

«Такъ гдѣ страна волненьямъ рада,

Гдѣ у руля слѣпая рать,
 Гдѣ жизнью самага народа
 Не разработано вполнѣ
 Его правленье; тамъ въ странѣ
 Еще не можетъ быть свобода;
 Тамъ духъ лишь партій и крамоль,
 Однѣ утопіи, безъ цѣли,
 Непримѣнимыя на дѣлѣ,—
 Иль претенденты на престолѣ.
 Свобода тамъ лишь, гдѣ сознанье,
 Народное самобладанье;
 А гдѣ напрасенъ опытъ лѣтъ,
 Тамъ не было ея, и нѣтъ.

«Одинъ тиранъ исчезъ въ изгнанья,
 Другой приходитъ,—въ притязанья
 На тотъ же тронъ. Ничто урокъ
 Ему недавній; онъ не видитъ,
 Что власть его—край ненавидитъ,
 Что грозный тяготѣетъ рокъ
 Надъ жаднымъ, хищнымъ его родомъ....
 Но чудно!—Знали всѣ вперёдъ,
 Что будетъ избранъ онъ народомъ,—
 Что этотъ суетный народъ
 Подастъ ему самъ багряницу,
 И, затаивши въ сердцѣ боль,
 Въ его впряжется колесницу.
 Онъ начинаетъ свою роль,
 Дивя всѣхъ ловкою игрою,
 И самъ смѣется надъ странною.
 Никто не зреть, что великанъ
 Морочить, края не жалѣя;
 Но Рокъ ждетъ часа,—и Седанъ
 Разоблачаетъ въ немъ пигмея.
 Народъ самъ видитъ, наконецъ,
 Что это не была свобода;
 И все таки, вождамъ народа
 Вновь нуженъ бичъ или вѣнецъ.
 Теперь, кто въ будущемъ провидитъ,

Иль доживеть до этихъ лѣтъ,
 Когда край отдохнетъ,—увидить,
 Какой вновь вынетъ онъ билетъ?..

«Но вотъ еще народъ предъ нами,
 Какъ бы назначенный судьбой
 Жить жизнию совсѣмъ иной,
 Передъ сосѣдними странами;
 Народъ, особенный отъ нихъ,
 Упорный, мыслящій, надмѣнный,
 Свободный гражданинъ вселенной,
 Властитель, царь морей земныхъ...
 Куда не заносилъ онъ дани?
 Съ какихъ народовъ не бралъ дани,—
 Рѣшивъ, что все на свѣтѣ тлѣнь,
 Опричь владычества и злата?..
 Смирися, древній Карфагенъ,
 Предъ славой твоего собрата!

«Кто-жь, славный край, тебя устроилъ?
 Какая сила твой народъ
 Такъ мощно двинула впередъ?
 Отколь свободу ты усвоилъ,
 Что не далась другимъ странамъ?
 Кто разработывалъ условия
 Свободы этой?.. Ты же самъ,
 Иль лучше, всѣ твои сословья,—
 Упрочивъ въ тягостномъ бою
 Самостоятельность свою.

«А гдѣ, казалось, меньше данныхъ
 Для этихъ подвиговъ, столь славныхъ?
 Какая лѣтопись мрачнѣй
 Родной исторіи твоей?
 Гдѣ было столько недовольныхъ,
 Раздоровъ, партій безпокойныхъ?
 Гдѣ столько темныхъ королей
 Сошло не иначе со сцены,
 Какъ павши жертвою измѣны,
 Или оставивъ за собой

Весь край охваченный войной?
 Гдѣ были шатки такъ законы?
 Гдѣ власть искала обороны
 Въ рукѣ такъ часто палача?..
 Но ты нашелъ исходъ свободный
 Изъ этой тяготы народной;
 Ты дѣло велъ не съ горяча;
 Тебѣ духъ незнакомъ мечтаній
 И суетныхъ завоеваній;
 Цѣль даже внутренней войны
 Была—единство лишь страны.
 Знать, выяснивъ свои условия,
 Сбирала прочія сословья,
 И съ ними, двигала народъ
 Самоувѣренно впередъ.
 Росла твоя младая сила,
 Не молодечествомъ слѣпымъ
 И не вмѣшательствомъ чужимъ;
 Сама страна ее сложила,
 Руками доблестныхъ мужей
 И силой нравственной своей;
 Достигъ ее народъ борьбою,
 Борьбой упорною, крутою;
 Край неуклонно шелъ впередъ,
 Но подвигался постепенно;
 Чего хотѣлъ достичь народъ,
 Того онъ достигалъ навѣрно,—
 И этой стойкостью въ борьбѣ
 Онъ создалъ вольный край себѣ.

«Средь Фоксовъ, Питтовъ, Пальмерстоновъ,
 Быть не могло Наполеоновъ!
 Твой тавтъ народный не искалъ
 Тебѣ пустой, воинской славы,
 Ни блеска міровой державы;
 Торговый духъ твой предызбралъ
 Путь положительный, примѣрный,
 Ко славѣ и въ добычѣ вѣрной;
 Ты шелъ туда, гдѣ видѣлъ цѣль

Для своего лишь возвышенья.
 Лишь у тебя во дни боренья,
 Родиться строгій могъ Кромвель,
 Какъ самъ же ты, невозмутимый,
 И какъ судьба, неумолимый...
 Лишь только онъ одинъ тебѣ
 Помочь въ тяжелой могъ борьбѣ
 Съ минувшимъ,—твердою рукою
 Пробрить путь новый предъ тобою.

«Несчастный Карлъ! Злой рокъ нанесъ
 Корабль твой на этотъ утесъ...
 Но ты, плывя противъ теченья,
 Былъ долженъ знать, что впереди,
 На этомъ бурномъ ждетъ пути
 Часъ неминуемый крушенья.
 Тотъ кроткій Людовикъ,—онъ плылъ
 По крайней мѣрѣ въ слѣдъ за вѣкомъ;
 Но у него не стало силъ,
 Чтобъ стать царемъ надъ челоуѣкомъ;
 Онъ уповалъ на свой народъ,
 И съ нимъ попалъ въ водоворотъ...
 Но ты, въ борьбѣ твоей свободной,
 Искалъ лишь выгоды свои;
 Ты противъ силы шелъ народной,
 Къ безславію своей земли;
 Твоей душѣ страна чужая
 Была святѣй роднаго края;
 Ты даже Богу далъ обѣтъ—
 Затмить въ народѣ его свѣтъ...
 Тогда твой подданный отважный
 Тебя низвергнулъ съ корабля,
 И, бросивъ въ волны тронъ продажный,
 Сталъ самъ спокойно у руля;
 И край твой, преданный дотолѣ,
 Тебя покинулъ твоей долѣ;
 И, можетъ, внутренно сворбя,—
 Онъ отвернулся отъ тебя.

«Но ты, о Англія, ты мало
 Своимъ любимцамъ довѣряла,
 И сильныя твоей земли
 Духъ усыпить твой не могли.
 Ты не терпѣла нарушеній
 Твоихъ свободныхъ учрежденій;
 Ты шла во слѣдъ вождямъ своимъ,
 Но слѣпо не вѣрялась имъ;
 Въ твоемъ народномъ, крѣпкомъ зданьи
 Ни камня нѣтъ ни одного,
 Чтобъ противъ твоего желанья,
 Иль безъ тебя, вошли въ него.
 Затѣмъ оно и стало прочно,
 И удивляетъ міръ земной
 Своею стройностью,—какъ точно,
 Все сдѣлано одной рукой.

«Въ какихъ еще странахъ вселенной
 Такъ развился широко бытъ
 Общественный и бытъ семейный?
 Гдѣ выше человекъ стоитъ?
 Гдѣ тверже Богъ въ средѣ народной?
 Гдѣ, подъ личиною холодной,
 Сильнѣй любовь къ землѣ родной?
 Гдѣ выше чувство уваженья
 Людей, сословіи межъ собой?
 Гдѣ даже больше попеченья.
 О бѣдной братіи меньшій?....
 «Здѣсь, въ цѣломъ краѣ и народѣ,
 Стремленье къ истинной свободѣ;
 Желанье общее страны,
 Надежда всѣхъ, кумиръ и слава,—
 Упрочить личное въ ней право,
 Путемъ ли мира, или войны.
 Здѣсь, и сама Елизавета,
 Что окружалъ блестящій дворъ,
 Живетъ въ народѣ до сихъ поръ,
 Какъ представительница свѣта,

И тѣхъ рѣшительныхъ началъ,
 Что въ ней нашла себѣ свобода,—
 Въ любимой дочери народа,
 Кого чутьемъ онъ разгадалъ.

«Одинъ Богъ судить властелиновъ
 Сихъ недоступныхъ исполиновъ,
 Что мы чуть видимъ лишь въ лице.
 Свѣтъ, пропустивъ въ одно кольцо,
 И жизнь простого человѣка,
 И этихъ двигателей вѣка,
 Пускается судить потомъ
 Обыкновеннымъ ихъ судомъ.
 Онъ видитъ бури роковыя,
 Что страсть вздымаетъ въ ихъ сердцахъ,—
 Тѣ бури, отъ кого вопрохъ
 Слетаютъ головы родныя,—
 И въ ночь одну у нихъ самихъ
 Сдѣютъ волосы. Но въ нихъ
 Онъ также взвѣсилъ ли боренья
 Души волнуемой, больной,
 Растерзанной до изступленья,—
 И ширь той власти роковой,
 Предъ кѣмъ нѣтъ въ мѣрѣ преступленья?»

«Какъ будто видишь предъ собой
 Въ ликующей народной массѣ,
 Дворъ этотъ въ бархатъ, въ атласъ,
 Блестящій, пышный, молодой,—
 Красавцевъ, полководцевъ славныхъ,
 Сеймуровъ, Лейстеровъ державныхъ,
 Эссексовъ, съ гордою главою,—
 Что снялъ палачъ своей рукой;
 Какъ будто слышишь еще клики
 Народной Лондонской семьи,
 Встрѣчающей въ свой градъ великій
 Защитницу родной земли....
 Но въ ней, не только королева;
 Но подъ порфирой и вѣнцомъ,—

Таится женщина, во всемъ
Величїи любви и гнѣва.

«Пускай же взвѣситъ мїръ земной
Сперва труды, заслуги эти,
Высокій геній тотъ благой,
Что онъ призналъ въ Елизаветѣ,
И пусть осудитъ онъ тогда
Ея духъ сильный и надмѣнный,
Воспитанный въ средѣ растлѣнной,
Не знавшій ласки никогда,
Ни сердца близкаго, роднаго,
Среди двора, для ней чужаго, —
Двора, гдѣ Генрихъ лишь осмой
Сошелъ со сцены роковой!

«Что жъ скажетъ Генриха осьмаго
Преемница? Былъ мракъ, — вотъ свѣтъ;
Край торжествуетъ надъ врагами,
Въ немъ тишина; въ немного лѣтъ,
Народъ царемъ сталъ надъ морями!...
Что возразить ей мїръ въ отвѣтъ?

«А Питтъ иль Фокса духъ свободный,
А геній Борка благородный?...
Правъ челоуѣчества главы, —
Когда, гдѣ, кромѣ Альбіона,
На ступеняхъ какого трона,
Могли бъ еще явиться вы?...
Иль ваши Барки и Франклины, *)
Иль Парри, Вильсы, Кинги, Кукъ, —
Открытїи эти исполины,
Герои истые наукъ, —
Въ глуши арктическихъ тумановъ,
Среди пустынь и океановъ,
Себѣ искавшіе путей,
Чтобы расширить область свѣта,

*) Франклинъ, хотя и американецъ, но того же англо-саксонскаго племени.

И не щадившіе на это,
 Ни средствъ, ни драгоценныхъ дней,
 Ни жизни собственной своей?
 Какой, другой край просвѣщенный,
 Но край, еще поработенный
 Державнымъ Цезаремъ своимъ,
 Могъ дать мужей, подобныхъ имъ?...

«А Байроны твои, Шекспиры,
 Всемирные эти кумиры!
 Какой еще народъ земной
 Такихъ пѣвцовъ досель имѣеть?
 Или какой народъ посмѣеть
 Тягаться въ славу ихъ съ тобой?...
 А въ просвѣщенію всѣхъ участие,
 Открытыя славныя твои,
 И міровыя предпріятыя?
 Какіе въ мірѣ короли,
 Въ главѣ обширнѣйшихъ владѣній,
 Но полныхъ страха и стѣсненій,
 Создать бы это все могли?...

«Гдѣ есть еще страна другая,
 Чтобъ тягостей войны не зная,
 Держа наемниковъ лишь рать,
 Всегда умѣла побѣждать?
 Гдѣ край другой еще, столь чудный,
 Сравнительно, такъ малолюдный,
 Чтобы поставить корабли
 Такой незначущей державы
 И не искавшей бранной славы,
 Почти владыками земли;
 Застроить дикія пространства,
 Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ,
 Рядами новыхъ городовъ,
 Создать республики и царства,—
 И въ отдаленнѣйшихъ странахъ
 Держать бразды въ своихъ рукахъ?....

«Таковъ очагъ этотъ свободы,
 Откуда многіе народы
 Давно заимствовать спѣшати
 Себѣ огонь его священнѣй,
 И геній свой порабощеннѣй
 Согреѣть огнемъ его хотять,
 Въ чаду страстей ихъ, не вникая,
 Что только тамъ плоды даетъ
 Свобода въ будущемъ для края,
 Гдѣ создалъ самъ ее народъ;
 Но гдѣ въ странѣ къ ней нѣтъ призванья,
 Гдѣ не готова къ ней страна,
 И сила общества бѣдна,
 Тамъ бесполезны подражанья!

«Но все же, много онъ свершилъ,
 Очагъ тотъ вольности народной!
 Онъ внесъ въ Европу духъ свободный,
 И не въ одной онъ разбудилъ
 Странѣ—дрему заглохшихъ силъ.

«Но не спасло, не охранило,
 Тебя, о гордый Альбіонъ,
 Ни уваженіе племенъ,
 Ни чудодѣйственная сила
 Твоя,—отъ зависти къ всему,
 Что чуждо краю твоему.
 Ты лишь сумѣлъ создать свободу
 Родному своему народу;
 Но ты не чтишь ее въ другихъ,
 Сочувствіемъ, тебя достойнымъ!
 И въ лучшихъ дѣйствіяхъ твоихъ
 Мірѣ слышитъ: горе побѣжденнымъ!... .

«О Индія, страна боговъ!
 Ирландіа, земля Морвена!
 Кровь вашихъ доблестныхъ сыновъ
 И цѣпи тяжкія ихъ плѣна,
 Еще свидѣтельствуютъ намъ,
 Что свѣтъ блеситъ не всѣмъ странамъ,
 Подъ вольнымъ скиптромъ Альбіона,

И дружба купленная съ нимъ
Пришлась недешево инымъ.

«О духъ великій Вашингтона,
Достойнѣйшій, въ глазахъ людей,
Чѣмъ многіе изъ королей,
Всемирнаго вѣнца и трона!
Черезъ тебя лишь міръ узналъ,
Что Европейскіе народы
Еще не вѣдали свободы,
Покуда ты не указалъ...
Лишь въ разумѣ твоємъ всецѣло
Она родилась и созрѣла,
И вышла передъ судъ молвы,
Во всеоружьи исполина,
Какъ благородная Афина,
Изъ свѣтлой Зевсовой главы.
Ты, изъ кровавой той купели,
Что окрестилъ вась Альбіонъ,
Себѣ соорудилъ не тронъ
И не державу въ колыбели;
Но развитой вполнѣ народъ,
Готовый двинуться впередъ,
Ты не связалъ людей тѣхъ вольныхъ,
Въ пеленкахъ этихъ обиденныхъ,
Что пеленають, съ древнихъ дней,
Цари народы, какъ дѣтей;
Ты далъ свободу человеку,
Быть тѣмъ на дѣлѣ, что онъ есть;
Оставилъ обществу и вѣку,
Его судебъ градушихъ честь,—
И твой народъ неодолимый,
Ничьей опекой не хранимый,
Мужаль, не зная помочей...
А гдѣ, какой народъ свободный,
Теперь затмить твой край народный,
Щедрой силой своей?»

«Не край ли это небывалый?...

Часть II.

Когда Европы дух усталый
 Успѣтъ до него дойти,
 На этомъ дерзостномъ пути?
 Когда удастся ей достигнуть
 Гражданской этой высоты,
 Что лучшія ея мечты
 Не смѣли до тебя постигнуть?...
 Да, только развитой народъ
 Такія страны создаетъ;
 И партій духъ неблагодарный,
 И духъ политики коварной,
 Должны признать ихъ цѣль пустой,
 Предъ этой истиной живой.

«Но что важнѣй, — онъ удержался
 Во всей могучей красотѣ,
 На той гражданской высотѣ,
 И вѣренъ искренно остался,
 При самой тягостной борьбѣ,
 Своей возвышенной судьбѣ!
 Здѣсь нѣтъ искателей случайныхъ,
 Ни замысловъ интриги тайныхъ;
 Свободно-мыслящій народъ
 Самъ край отъ нихъ свой бережетъ.
 Здѣсь празденъ всякій путь овольный, —
 И если властвуютъ Линкольны,
 То ихъ народъ же создаетъ.
 Здѣсь даже странны эти влики:
 Могучій, славный иль великій;
 Гдѣ край той высоты достигъ.
 Тамъ всякій можетъ быть великъ!»

«О люди русскіе живые,
 Дѣльцы, учителя благіе!
 Вотъ самый дружный намъ народъ, —
 И онъ намъ руку подаетъ;
 А край нашъ чуть про это знаетъ, —
 Едва ли даже понимаетъ,
 Что это за народъ такой, —

И столь намъ близкій, и чужой?...
 Но мы оставимъ разсужденья!..
 Что могъ народъ нашъ, то свершилъ,—
 Онъ полонъ самъ здоровыхъ силъ;
 Пришл и наше пробужденъе...
 Пускай впередъ ушли отъ насъ
 Народы, племена чужіе;
 Благословимъ ихъ въ этотъ часъ,—
 Теперь они намъ всё родные;
 Въ ихъ кругъ вошелъ и нашъ народъ!...
 «Смотри! Вотъ онъ,— вотъ онъ предъ нами,
 Тотъ древній, богатырскій родъ,—
 Съ его гигантами-царями!
 Взгляни! Тутъ цѣлый міръ земной!
 Какой умъ смѣлый, гевій славный,
 Предскажетъ образъ тотъ державный,
 Что приметъ онъ, колоссъ молодой?...
 Но мы хоть взглянемъ, сколько можно,
 На странный путь, что такъ тревожно
 Ему дано было свершить,
 И спросимъ: разовѣтъ свобода
 Духъ нравственный и бытъ народа,—
 Иль онъ не можетъ вольнымъ жить,
 И никогда онъ не достигнетъ
 Развитія сосѣднихъ странъ?...
 Мракъ прежній вновь его постигнетъ,—
 Иль онъ,— воскресшій великанъ,
 Внесетъ вѣкъ новый въ міръ славянъ?...»

ПѢСНЬ 12-Я.

РУССКІЙ МІРЪ. ПРОБУЖДЕНІЕ.

„Je rougirais de mon pays et de nos contemporains, s'il ne se trouvait parmi nous un homme pour protester contre ces jongleries... Poussant l'outrage jusqu'à la dérision, on denie aux Moscovites la qualité des slaves; on leur ôte le nom des Russes; on les retranche de la liste des nations civilisées ou civilisables et des races nobles...“

Proudon.

Идали ль вы, во мглѣ тумана,
Сѣдыя волны океана?..
Такъ съвозъ сѣдую мглу, вдали,
По всей поверхности земли,
Народныя всплывали волны....
«Вотъ онъ, могучій нашъ народъ,
Народъ, недавно подневольный!
Кричалъ мнѣ Ставрѣ. А это сочтеть
Пространства всѣхъ его владѣній,
И разнородныхъ населеній?
Полсвѣта занялъ подъ собой

Своей богатой онъ страной,
 И ей подвластными морями;
 Его край слился съ небесами;
 Надъ нимъ лишь Богъ,—а близь него
 Ему нѣтъ равныхъ никого!
 Что жъ это,—неужель не сила?
 Что жъ эти грани утвердило,
 Чѣмъ онъ такъ страшенъ, нашъ народъ?
 Онъ потерялъ побѣдамъ счетъ,—
 А все идетъ еще впередъ!...

«Да и могли ль инныя грани
 Своей странѣ назначить длани
 Могучихъ тѣхъ богатырей,
 Какими были Колываны,
 Сии властители степей,—
 Иль Святогоры и Сухманы,
 Чей исполинскій, древній родъ
 Еще понинѣ въ насъ живетъ!
 Не здѣсь ли, какъ волна, свободный,
 Духъ развивался нашъ народный,
 На вольной волюшкѣ своей,
 Подъ руководствомъ тѣхъ вождей,
 Что мѣръ считалъ за великановъ?
 Не здѣсь ли, въ сумракѣ вѣковъ,
 Бишѣли тьмы его враговъ,
 Бурился дымъ ихъ дикихъ становъ;
 А онъ,—то пардусомъ на нихъ,
 То ярымъ туромъ онъ метался,
 И далеко въ странахъ чужихъ
 Его вличь бранный раздавался,
 Пока остался онъ одинъ,
 Смиривши натискъ ихъ ужасный,
 Царемъ лѣсовъ тѣхъ и равнинъ,—
 Все также грозный и опасный,
 И средь наставшей тишины,
 Насильникамъ своей страны?..
 «Лишь мѣръ-народъ отважный, сильный,

Могучей волею обильный,
 Свершить могъ то, что онъ свершалъ,
 И твердо стать тамъ, гдѣ онъ сталъ!
 Отъ устья бурнаго Дуная
 И Меотійскихъ береговъ,
 Онъ занялъ въ нѣсколько вѣковъ
 Всю ширь Полуночнаго края;
 И Югъ, и Западъ, съ древнихъ дней,
 Кишатъ его ужъ городами;
 Съдыя волны трехъ морей
 Струятся подъ его ладьями;
 Въ туманѣ утреннемъ времянь,
 Блещитъ рядъ странъ его широкихъ,
 И удалцы его племень
 Громятъ враговъ въ странахъ далекихъ...
 Глухая степь, дремучій лѣсъ,
 Смирѣнные его рукою,
 Желтѣютъ нивой золотою, —
 А свѣтозарный богъ небесъ,
 Съ своей божественной семьею,
 Съ надзвѣздной править вышины,
 Судьбами высшими страны,
 И учреждаетъ судъ народный.
 Духъ края, рыаный и свободный,
 Влечетъ воинственныхъ сыновъ
 Въ бездонную пучину смуты;
 Вокругъ него лишь крикъ враговъ,
 Раздоръ домашній, какъ змѣй лютой,
 Его пьеть кровь; но исполниъ
 Шагаетъ черезъ всѣ мытарства;
 Изъ земледѣльцевъ и дружинъ
 Онъ созидаетъ государство,
 И со питомъ въ одной рукѣ,
 Съ мечемъ въ другой, онъ и воюеть,
 И нащеть поле, и торгуеть.
 «До сихъ онъ поръ въ краю родномъ,
 Какъ въ закалдованной пустынь!
 Онъ долженъ биться со врагомъ,

Съ кѣмъ онъ не справился понинѣ,—
 Съ врагомъ, страшнѣйшимъ всѣхъ людей,
 Съ врагомъ, что силой насъ своей
 Втянулъ въ убійственное рабство...
 Ужасный этотъ врагъ, —пространство!..
 Пространство, что сперва народъ
 Былъ долженъ заселить собою,
 И все идти впередъ, впередъ,
 Чтобъ сдѣлать эту глушь жилию,
 И обитаемой странюю.
 Здѣсь, съ каждымъ шагомъ на пути,
 Предъ нимъ иль племена чужія,
 Или преграды роковыя,—
 И онъ ихъ долженъ обойти
 Иль покорить своею силой...
 Но не смутился нашъ народъ
 Странюю этою унылою;
 А грозно двинулся впередъ,
 Чтобъ довершить свой подвигъ трудный,
 Обревши родъ свой жизни скудной...
 И вотъ, понинѣ онъ идетъ,
 Колонизаторъ этотъ древнйй,
 То усвоенный, то гнѣвный,—
 Идетъ, покуда Божья длань,
 Чьей силой онъ впередъ стремится,—
 Пока укажетъ она грань,
 Гдѣ долженъ онъ остановиться,
 И наконецъ, увидѣть свѣтъ,
 Что ждетъ онъ тысячу ужъ лѣтъ!..
 «Гдѣ въ эти времена онъ не былъ?
 Въ какихъ онъ положеньяхъ не жилъ?
 Какихъ онъ бѣдствій, бурь и грозъ,
 Какихъ потерь не перенесъ?..
 Какія нужны были силы,
 Чтобъ изъ пустынной той могилы,
 Гдѣ лишь витала смерть одна,
 Воздвиглась сильная страна;
 Чтобъ въ эту глушь, еще нѣмую,

Лѣсовъ дремучихъ и степей,
 Внести и духъ, и плоть живую,
 Готовыхъ на борьбу, людей;
 Чтобъ эту дикую пустыню
 Въ живую превратить твердыню,
 И отстоять, со всѣхъ сторонъ,
 Отъ темныхъ вражескихъ племень;
 Связать ихъ дикій міръ собою
 Въ одинъ родной, могучій край,—
 И всрыснувши живой водою,
 Ему сказать: теперь вставай!...
 Идите дружно всѣ со мною!

«Да, не легкоъ былъ этотъ путь,
 Свершенный, Русскій міръ, тобою;
 И долго не давалъ вздохнуть
 Твой Рокъ тебѣ, съ твоей землею,
 И путалъ умный твой народъ!
 Далеко въ эти дни впередъ,
 Съ давно-осѣдыми странами,
 Ушла Европа передъ нами.
 Какъ богатырь былыхъ временъ,
 Ты брошенъ былъ на перепутьи
 Всѣхъ ордъ бродячихъ и племень.
 Ты не остался въ захолустьи,
 Отколь исторія ведетъ
 Великій, доблестный твой родъ;
 Но какъ народъ живой, могучій,
 Ты въ даль рвался, ты пробѣгалъ
 И степь, и брегъ морейzybучій,
 И гордо міръ свой раздвигалъ...
 Въ дружинахъ древняго Востока,
 Внутри народнаго потока
 Старинныхъ свифовъ, на пути
 Алановъ, Готовъ и Аттилы,
 Намъ можно бы твой слѣдъ найти,
 Когда бъ исторія на это
 Могла пролить побольше свѣта;

Но ты проходишь въ темнотѣ,
 И въ образахъ народовъ разныхъ,
 Предъ взоромъ лѣтописцевъ праздныхъ.
 Мы зримъ тебя,—но въ слѣпотѣ,
 Не узнаемъ твой образъ славный,—
 И въ суматохѣ этой бранной,
 Бродячей силы боевой,
 Не слышимъ кличъ твой, намъ родной.

«Но что такое для страны

Въ день свѣтлый мира,—не войны,
 Ея воинственныя силы?
 Дружины могутъ побѣждать
 Иль за собою оставлять
 Сынамъ геройскія могилы;
 Гдѣ жь нужно созидать,—онѣ
 Лишь вызываютъ бурю смуты;
 Какъ необузданный звѣрь лютой,
 Онѣ опасны ихъ странѣ.
 Единство ихъ,—во дни лишь брани;
 Но чуть блеснулъ имъ богъ побѣды,—
 Слепой раздоръ, тотчасъ же вслѣдъ,
 Бровавыа подъемлетъ длани...

«Ты это знаешь, край родной;
 Но ты не дикой былъ ордой!
 Исторія лишь распахнула
 Мракъ первобытный надъ тобой,—
 Въ главѣ страны стоитъ Миеула;
 Мірѣ цѣлый родственныхъ племенъ
 Разросся подъ его рукою,
 И только ждалъ иныхъ временъ,
 Чтобъ стать единою странюю.
 Онъ чувствуетъ, что міръ-народъ,
 Безъ государства,—не оплотъ;
 Онъ всенародно уступаетъ
 Самъ власть свою,—и призываетъ,
 Славнѣйшихъ въ эти дни, князей,
 На стражу вольности своей.

«Они пришли,—онъ возлагаетъ

Свою отвѣтственность на нихъ;
 А самъ, престолъ ихъ окружаетъ
 Стѣной преданій родовыхъ.
 Не эти князи и дружины
 Ему свои; они сыны
 Его родимой стороны;
 Ихъ предки,—наши исполины,
 Чьи попираютъ ихъ стопы,
 Едва остывшія могилы;
 Подъ ихъ рукою не толпы,
 Не сбродъ воинственный; но силы
 Давно осѣдлыхъ ужь племень,
 Достойныя иныхъ времянь.

«Скажи, Царьградъ и ты, Цимійскій,—
 Скажи, духъ вѣщій старины,
 И вы, народы и страны,
 Отъ Понта до береговъ Балтійскихъ,
 Имѣли ль вы враговъ страшнѣй
 Отважныхъ, стойкихъ тѣхъ людей?...
 Скажи, вѣкъ свѣтлый Ярослава,
 Какой край западный съ тобой
 Равняться могъ? Чей тронъ чужой
 Твоя бы не затмила слава?... 34)
 Но вышло иначе! Кто жь могъ
 Смирить такъ край?—Единый Богъ!
 Единый Богъ, что развиваетъ
 Судебъ невидимую нить:
 Однимъ народамъ назначаетъ
 Идти; другимъ же,—ихъ хранить!

~~«Но ты, о Западъ, такъ далеко,
 Ушедшій съ той поры впередъ,
 Ты, столь развившійся широко,
 Благослови ты сей народъ!
 Почти его святые раны!
 На ихъ крови возведена
 Величья твоего стѣна»~~

За нимъ укрылись твои страны,
 Отъ тѣхъ нашествій роковыхъ,
 Что скоро въ грязь бы затоптали,
 Быть можетъ, лучшія скривали
 Успѣховъ доблестныхъ твоихъ,
 Когда бы здѣсь не задержали
 Ихъ силы нашихъ странъ родныхъ.

«Давно ли тучи тѣ висѣли,

И надъ Европою гремѣли?»

Одна, — съ степей Востока шла,

Неся мечъ грознаго Батыя;

Ее Русь въ нѣдра приняла,

И, отстоявъ свой край, — спасла

Отъ ней страны твои родныя.

Другая, — Западъ твой кругомъ

Крѣпавымъ залила дождемъ,

И въ той, застынуль ея громъ

Передъ Московскими стѣнами;

И вновь, Европѣ миръ святой

Блеснулъ привѣтными лучами.

«Впередъ, впередъ, нашъ край родной!

И онъ идетъ, при блескѣ славы...

Вотъ грозныя поля Полтавы,

Вотъ Альпы, сумрачный Дунай,

Крѣпавый Крымъ, Кавказскій край;

Вотъ Азіятскіе народы,

Ташкентъ, Бухара и Хива...

Ничто преграды намъ природы,

И хладъ, и зной... Летитъ молва,

И на златыхъ крылахъ приноситъ

Побѣду за побѣдой. Свѣтъ

Смущаетъ дерзость сихъ побѣдъ, —

И онъ остановится просить;

Но крѣпкій нашъ, молодой народъ

Еще не кончилъ назначенье, —

И онъ идетъ, — впередъ, впередъ,

И продолжаетъ расселенье;

Онъ исполняетъ жребій свой.
 Чтобы упрочить государство,
 Онъ долженъ побѣдить пространство,
 И въ эту тьму внести духъ живой.
 «Взгляни! Вотъ весь онъ передъ нами.

Бого тутъ нѣтъ? Рабить въ глазахъ.
 Ты видишь въ пестрыхъ сихъ толпахъ
 Весь міръ, со всѣми племенами.
 Востокъ и Западъ принесли
 Сюда своихъ народовъ сѣмя;
 Но здѣсь, хозяиномъ земли
 Еще покуда только время....
 Строй государственный идетъ
 Давно здѣсь, въ уровень съ другими;
 Но край отсталъ, и лишь живетъ
 Покуда средствами своими, —
 Лишь тѣмъ, что наскоро, въ пути,
 Успѣлъ народъ самъ припасти.....

«Мы этимъ можемъ возмущаться:
 То нашъ край!... Но давно ли день
 На Западѣ сталъ проясняться,
 И разогналъ ночную тѣнь?
 Давно ль, за Рейномъ было рабство
 И раздавался свистъ бичей,
 А отживавшее дворянство
 Чернь не считала за людей?
 Давно ли Альбионъ, столь важный,
 Считался за народъ продажный,
 И совѣсти смѣясь въ глаза,
 Сбиралъ за деньги голоса?
 Давно ли съ плѣнныхъ Мекленбурга
 Сдирали кожу, и въ котлы
 Потомъ бросали ихъ смолы?
 Давно ль епископы Вирцбурга,
 О воздержаніи труба,
 Гаремъ держали у себя?
 Давно ль самъ Лютеръ, истребленье
 Возставшихъ предлагалъ крестьянъ,

И проклинали тѣхъ христіанъ,
 Что изрекали имъ прощенье?
 Давно ль Германскіе князья,
 Сойдясь съ завѣжными купцами,
 Имъ продавали отъ себя,
 На вывозъ, подданныхъ семьями?
 Давно ль у Рейнскихъ береговъ,
 Средь Виртембергскихъ городовъ
 И вдоль широкаго Дуная,
 Какъ кровожадныхъ тигровъ стая,
 Сонмъ каннибаловъ, бѣлымъ днемъ,
 Питался человѣчьимъ мясомъ,
 И торговалъ этимъ припасомъ?..
 Давно ль, на Западѣ же томъ,
 Тронъ папъ боролся съ феодальнымъ,
 Имперія съ муниципальнымъ;
 Обычай путался со тьмой
 Особыхъ правъ, капитуляцій,
 Иль конкордатовъ, корпорацій;
 Условья общины градской,
 Съ условьями между князьями
 Иль между знатными домами,
 Или съ имперіей самой?...
 Давно ли тамъ колесовали,
 Пытали, сѣкли, сожигали?...

«Что жъ въ томъ мудренаго, что мы,
 Едва освободясь отъ рабства
 И затонувши средь пространства,
 Еще не выбрались изъ тьмы?
 Народъ нашъ вольный отъ природы,
 Желалъ сверженья лишь оковъ,—
 Не политической свободы;
 Къ ней онъ поныгѣ не готовъ.
 Мигула, сдавши первородство,
 Народомъ призваннымъ, князьямъ,
 Призналъ ихъ власти превосходство,
 И завѣщалъ ее сынамъ.

Подъ скипетромъ царей народнымъ,
 Себя считаетъ край свободнымъ.
 И чтить отыскони вѣковъ
 Въ своихъ царяхъ земныхъ боговъ.
 Здѣсь не было борьбы народной;
 Народъ самъ знаетъ, съ древнихъ лѣтъ,
 Что по плечу ему, что нѣтъ, —
 Таковъ инстинктъ его природный!
 А тамъ, гдѣ не было борьбы,
 Тамъ нечего пытаться судьбы;
 Но въ междупарствѣ, годъ жестокий,
 Онъ показавъ свой духъ высокій, —
 Онъ спасъ одинъ, и самъ собой,
 И тронъ царей, и край родной.

«Другое дѣло, — его рабство...»

Какъ могъ онъ, вольница-народъ,
 Столь прежде стойкій на тотъ счетъ,
 Какъ могъ впустить онъ въ государство,
 Столь ненавистную ему,
 Сію народную думу?
 Но это заговоръ былъ тайный,
 Ударъ странъ, никѣмъ нежданный,
 Сразившій міръ-народъ во снѣ!
 Онъ не успѣлъ пошевелиться,
 Ни закричать, чтобъ защититься;
 Онъ былъ зарѣзанъ въ тишинѣ,
 Убитъ родимыми руками, —
 Той самой властью, для кого
 Не пощадилъ онъ ничего,
 А пролилъ кровь свою рѣками...
 Убить, — отцомъ своимъ роднымъ,
 Что сыномъ звать его своимъ
 И жилъ его же лишь трудами;
 Онъ былъ затертъ, разъединенъ.
 Неизмѣримымъ тѣмъ пространствомъ...
 Когда ударъ былъ совершенъ,
 И зло царю ужъ надъ царствомъ,
 Край воставалъ, но по частямъ, —

И, можетъ быть, ужь было поздно:
 Тьма охватила все, и грозно
 Гасила свѣтъ по всѣмъ мѣстамъ.
 «Не странный ли расчетъ правленья,
 Убить могучій свой народъ,
 Чтобъ менѣе имѣть заботъ,
 И погасить свѣтъ возрожденья?
 Но духъ невѣжества крушить
 Все, что имѣетъ образъ силы.
 И лишь тогда спокойно спать,
 Когда вобругъ него могилы.
 Бояться самого себя
 И самобытнаго развитья,
 Искать у духа тьмы — прикрытъ я
 Отъ глазъ народа — и губя
 Напрасно силы, средства, время,
 Затоптывать науки сѣмя, —
 Таковъ вездѣ обычный ходъ
 И цѣль насильственныхъ заботъ
 Враговъ земли ихъ пробужденья!»

«Гдѣ благороднѣй духъ правленья,
 Какъ не у насъ? Гдѣ онъ честнѣй
 Въ благой политикѣ своей?
 Почти замнутый предъ своими,
 Онъ помонъ прямоты съ чужими.
 Сломивъ врагамъ надмѣнный рогъ.
 Онъ дѣлалъ все для нихъ, что могъ!
 Онъ оставляетъ имъ законы,
 Языкъ и вѣру ихъ отцовъ, —
 Онъ сдѣлать все для нихъ готовъ.
 А вы, союзные намъ троны,
 Кому онъ помощь подавалъ,
 Скажите: чей вамъ край честнѣе,
 Ни средствъ, ни силы не жалѣя,
 Въ години бѣдствій помогалъ?
 Иль вы, что съ равныхъ мѣстъ стекались,
 Едва влача скелеть костей,

Стада голодных гостей,
 Но такъ проворно набѣдались,
 Набравши отъ щедротъ его
 На цѣлый вѣкъ свой подаваній,
 И вмѣсто всякихъ воздаяній,
 Бляли кормильца своего! —
 Въ какихъ народахъ вашихъ новыхъ
 Нашли бъ пріемъ вы столь прямой,
 И столько вамъ услугъ готовыхъ,
 Предложенныхъ самой страной
 Съ патриархальной простотой?...

«Къ чему жъ намъ это послужило,
 Иль что возникло изъ того,
 Ко благу края?—Ничего!...
 Гостепрѣимство это было
 Гостепрѣимствомъ диварей,
 Приманкою чужихъ людей.
 Потворство это къ покореннымъ
 Сознаньемъ вышло добровольнымъ,
 Что всѣ они развитіи насъ,
 А ихъ гражданское устройство
 Даетъ имъ право превосходства;
 Но не пробилъ еще нашъ часъ.
 Услуги эти царствамъ чуждымъ,
 Безъ всякой пользы для страны,
 Лишь были рыцарствомъ ненужнымъ,
 Остаткомъ доброй старины;
 Притокъ людей тѣхъ иноземныхъ,
 Порою точно намъ полезныхъ,
 Не двинулъ ни на пядь впередъ
 Ко свѣту русской нашъ народъ?
 А подражанье наше нравамъ
 И мнѣніямъ людей чужихъ,
 Насъ отдѣлило отъ своихъ....³⁵⁾
 И кто найдетъ народъ неправымъ
 За то, что онъ, свой бытъ любя,
 Считаетъ всѣхъ людей чиновныхъ,
 Давно отъ края отчужденныхъ,

Одной обузой для себя!...

«Но даже этотъ духъ правленья,
И онъ не чуждъ былъ просвѣщенья, —
Хоть просвѣщенья, на свой ладъ,
Чтобы оно шло съ нимъ подь рядъ.
А гдѣ царитъ порабощенье,
Гдѣ въ угнетеніи народъ, —
Прятому свѣту замнуть входъ.
Мѣстами и у насъ свѣтлѣло;
Но зорко власть туда смотрѣла;
Тотъ свѣтъ живой ее пугаль, —
И очень скоро погасаль.
Она желала дать народу,
Что лишь полезно ей самой, —
Чтобы держать край подь рукой,
И всякую гасить свободу;
Но то, что начиналъ народъ,
Въ чемъ онъ имѣть успѣхъ могъ вѣрный,
То осуждалось ей впередъ,
То гнали, съ строгостью примѣрной;
Лишь власть и сущіе при ней,
Имѣли право начинанья
Въ развитіи общества и знанья,
По мѣркѣ собственной своей.
Родникъ народной силы глохнулъ
Подь этимъ камнемъ гробовымъ;
А чуть, нежданно, кто шелохнулъ,
Власть коршуномъ вилась надъ нимъ.
Народъ привыкъ, подь чуждой сѣнью,
Дремать, объятый рабской лѣнью,
И ждать, покуда свѣтъ въ народъ
Лишь сверху на него сойдетъ;
Когда жь являлись люди свѣта,
Чтобъ посвятить ему ихъ дни,
Что ожидало ихъ за это?..
Однако были же они!

«Почтимъ же память дорогую
Часть II.

И ревность во странѣ святую
 Князей — строителей былыхъ
 И просвѣтителей благихъ
 Народа нашего роднаго!..
 Почтимъ Владиміра святаго
 И Ярослава, и другихъ...
 Почтимъ Олега, Святослава,
 Тѣхъ піонеровъ первыхъ дней
 Земли возлюбленной своей,
 Чей подвигъ русская держава
 Еще не кончила вполнѣ
 Понинѣ въ дѣвственной странѣ.

«Почтимъ Дмитрія Донскаго,
 Спасителя земли родной
 И церкви, для нея святой,
 Отъ гнета ига роковаго.
 Почтимъ великаго царя
 Москвы державной, Іоанна,
 Кѣмъ запялась первоначально
 Единства русскаго заря,—
 Царя, что спасъ нашъ край славянскій
 Отъ участи земли Германской
 Враждебныхъ общинъ и князей,
 Досель чужихъ, страпѣ своей,—
 Отъ язвы рѣчи Посполитой,
 Своей же гордостью убитой;
 Что вырвалъ русскую страну,
 Всю разложенія полну,
 Изъ лапъ полуночныхъ сосѣдей,—
 Какъ стая жадная медвѣдей,
 Давно сосавшихъ кровь изъ ней.
 Въ глазахъ родныхъ ея людей.

«Привѣтъ Мстиславы, вамъ, Романы.—
 Тебѣ, о славный Мономахъ!
 Родные наши великаны,
 Теперь чуть видные въ польмахъ
 Временъ минувшаго туманныхъ,—
 Отцы, хранители земли,

Свершившіе все, что могли
 Во дни тѣ бѣдствій непрестанныхъ,
 Когда еще самъ край родной
 Скользилъ подъ вашею ногой, —
 И злобный врагъ вашъ видѣлъ это!
 Но вы странѣ желали свѣта;
 Свѣтъ былъ тогда ужъ близокъ вамъ,
 Хотя и чуждъ тѣмъ временамъ,
 Любившимъ лишь войну и сѣчи...
 Полезной жизнию своей,
 Вы были первые предтечи
 У насъ — позднѣйшихъ славныхъ дней.

«Взгляни, какъ свѣтель и прекрасенъ,
 Какихъ исполненъ рыцарскихъ силъ,
 Вотъ этотъ князь, но какъ несчастенъ,
 Лишь потому, что въ вѣкъ тотъ жилъ!
 То князь Требовля благородный,
 Звѣзда поры междоусобной,
 Князь Василько, краса князей,
 Копье и щитъ страны своей!
 А вотъ какое награжденье
 За это далъ ему тотъ вѣкъ, —
 Темницу, плѣнъ и ослѣпленье!
 Какое жъ сдѣлалъ преступленье,
 Какъ князь онъ или человекъ?
 Въ цѣпяхъ, во тѣмъ тюрьмы глубокой,
 Лія потокъ кровавыхъ слезъ,
 Объ участи своей жестокой,
 Вотъ что страдалецъ произнесъ:
 «Богъ наказалъ меня за гордость.
 Возставъ въ главѣ моихъ полковъ,
 Чтобы ударить на враговъ,
 И показать имъ нашу твердость,
 Я думалъ такъ: скажу моимъ
 Я братьямъ и князьямъ роднымъ,
 Отдайте вашу мнѣ дружину,
 А сами спите сладкимъ сномъ,

И не заботьтесь ни о чемъ;
 Одинъ я всѣхъ враговъ низрину.
 Зимой я выступлю въ походъ,
 А въ лѣто Польшу завоюю.
 Плѣню Болгаръ, и въ тотъ же годъ
 Пойду къ Половцамъ въ степь глухую;
 Прославлюсь этою войной,
 Или умру за край родной...»
 Вотъ вся вина его предъ ними,
 Князьями, братьями родными!
 Вотъ чѣмъ страшилъ онъ ихъ собой!
 «А развѣ мало? Что же надо
 Еще для зависти людской?
 Ей развѣ это не отрада,
 Губить достойнѣйшихъ людей, —
 Могучихъ тѣхъ богатырей,
 Чей блескъ ей не даетъ покоя?
 О князь Требовля! Не одинъ
 Ты принялъ мученика чинъ,
 На мѣсто имени героя!...

«Но тщетенъ былъ твой жаръ святой,
 Чтобы спасти народъ родной!
 Вся ваша княжеская сила
 Въ тѣ дни его-бъ не защитила,
 Отъ страшныхъ ордъ, что гналъ Востокъ
 На васъ, какъ бѣшеный потокъ...
 Одръ орды шли за другими;
 Но устыдился ли мы въ томъ,
 Что всюду сложенные ими,
 Мы, въ край собственномъ своемъ,
 Поглочены ихъ были силой?
 Край былъ затопленъ ратью ихъ;
 Но всплылъ на раменахъ своихъ,
 И сдѣлался для нихъ могилой;
 А самъ воспрянулъ, и съ тѣхъ дней
 Сталъ и могучѣй, и славнѣй.
 Онъ отдалъ жертвы родовыя, —

Погибли Невскіе, Тверскіе,
 Бнязья Черниговской земли,
 Опричь тѣхъ витязей, что пали,
 И скорбей края не видали;
 Но эти жертвы и вдали
 Его духъ мощный укрѣпляли,
 И вѣру въ будущность питали;
 Край ждалъ, — и выждалъ лучшихъ дней,
 Не сложенный судьбой своей.

«Вотъ въ чемъ союзъ этотъ чудесный,
 Въ другихъ странахъ почти безвѣстный,—
 Вотъ въ чемъ онъ, о народъ родной,
 Межъ вѣнценосцевъ и тобой.—
 То вѣры духъ патріархальный
 Твоей земли первоначальной,—
 Духъ этотъ честный и простой.
 Предъ кѣмъ жизнь всякая благая,
 И жертва всякая для края
 Или страданія вѣнецъ,—
 Равно возводятъ, подъ конецъ,
 Людей изъ званія простого
 И князя, краю дорогаго,
 Въ санъ этотъ высшій и святой,
 Гдѣ выше всякой земной славы,—
 Вѣнецъ страданій величавый
 Иль жизни нравственно-благой.

«Замкнутый въ край, духъ народный,
 Искаль себѣ исходъ свободный,
 Но былъ одинъ ему исходъ,—
 Что только могъ создать народъ,
 Межъ барщиной и палачами.
 Вотъ почему ты такъ бѣдна,
 О наша русская страна,
 Досель народными дѣлами!
 Вотъ почему, въ средѣ твоей
 И было мало такъ людей,—
 Людей народа даровитыхъ;
 Въ твоихъ глазахъ, былъ выше ихъ

Незримый сонм твоихъ святыхъ,
 Въ нѣмыхъ обителяхъ сокрытыхъ.
 Тебѣ замкнуть былъ мѣръ живой
 Свободы, мысли, дѣла, славы;
 Ревнивый духъ твоей державы
 Не признавалъ умъ здравый твой.
 Демидовъ, Строгановъ, Кулибинъ,
 Сперанскій, Ломоносовъ, Мининъ,
 Ермакъ... Еще кто? — Вотъ весь рядъ,
 Иль весь почти, именъ тѣхъ новыхъ,
 Пospорить съ древними готовыхъ,
 Что изъ народа намъ блестать!

«Не здѣсь нашъ пантеонъ народный!..
 Душой страдальческой своей,
 Народъ сложилъ свой мѣръ свободный, —
 И въ немъ вмѣстилъ своихъ людей!
 Какихъ тутъ нѣтъ сословій, званій,
 Лишеній, подвиговъ, страданій?..
 Здѣсь мужи, въ рубищахъ простыхъ.
 Въ веригахъ; здѣсь князья земные;
 Здѣсь старцы въ митрахъ золотыхъ,
 И тутъ же ихъ рабы были;
 Здѣсь люди, свудные умомъ
 Или принявшіе юродство,
 И мужи съ царственнымъ челомъ,
 Съ печатью свѣтлой благородства...
 Они всѣ святы, всѣ равны,
 Въ глазахъ, почтившей ихъ, страны.
 Здѣсь ничего ужъ нѣтъ земнаго,
 Опрочь ихъ житія святаго!
 Вотъ въ чемъ, тотъ высшій идеаль,
 Что край достигъ всегда желалъ,
 На что онъ положилъ всѣ силы,
 Свой лучшій трудъ, свою судьбу;
 Что услаждаетъ до могилы,
 Еще теперь, его борьбу!

«Но кто сей схимникъ въ власаницѣ?»

Угрюмъ и страшень его видъ;
 Неумолимый взоръ блестить...
 Когда бь предсталонъ въ багряницѣ,
 Сказаль бы всякій: вотъ тиранъ!..
 И былъ бы правъ, — то Иоаннь.

«О царь, кѣмъ Русь моглабъ гордиться,
 Но проклинять кого должна,
 Иль мнишь отъ Бога ты укрыться,
 Облекши схимой рамена?
 Царь Иоаннь, чернецъ Иона, —
 На высотѣ земнаго трона
 Иль въ ризѣ схимника своей, —
 Ты тотъ же царственный злодѣй!

«О сфинксъ, подь маской чловѣка,
 Загадка истинная вѣка!
 Ты понималь, что Богъ послаль
 Подь скипетръ твой, сей гнетъ бездушный,
 Народъ столь кроткій и послушный,
 Кому ты божествомъ сіяль;
 И чѣмъ же ты воздалъ за это?
 Ты обратилъ свой царскій санъ
 Въ роль палача; царь христіанъ,
 Ты былъ въ душѣ рабъ Магомета;
 Все разрушая и губя,
 Ты плакаль и терзалъ себя,
 Ты вляль свой жребій недостойный, —
 Какъ будто въ драмѣ ты невольной
 Обязанъ былъ изобразить
 Собою роль гнусную тирановъ,
 Чтобъ во-время предупредить
 Еще грядущихъ Иоанновъ...
 Но что-жь? Ты поняль ли хоть разъ,
 Что для тирановъ нѣтъ границы,
 И вольный свѣтъ давно-бъ погасъ,
 Когда бы въ свой урочный часъ
 Не поглощали васъ гробницы!

«Межъ тѣмъ ты могъ бы твой народъ
 И всѣхъ, тебя любить заставить,

И дни свои, изъ рода въ родъ,
 Инымъ бы способомъ прославить;
 Ты могъ, при разумѣ твоёмъ,
 Быть замѣчательнымъ царемъ...
 О власть!.. О бичъ земнаго міра,
 Исчадые ада, духъ всѣхъ бѣдъ,
 И богъ, и демонъ, мракъ и свѣтъ,—
 Блескъ яркій твоего кумира
 Такъ ослѣпительнъ; твой чадъ
 Въ себѣ такой вмѣщаетъ ядъ,
 Что, кто вкусилъ, тотъ забываетъ
 Приличье, совѣсть, всѣхъ боговъ,
 И безъ зазрѣнія, покровъ
 Со всѣхъ страстей своихъ срывающъ.
 Казалось, у него все есть, —
 И крѣпкій духъ, и умъ, и честь,
 Великодушіе и сила;
 Все помогало, все служило
 Ему держать въ странѣ бразды;
 Все преклонялося со страхомъ...
 Что-жь надо бы?.. Другой среды!..
 Но нѣтъ ея, — все пало прахомъ.

«О славный Новгород, оъ Псковъ,
 Колокола былие вѣча,
 Чей благовѣсть намъ издалеча
 Чуть слышится, сквозь мглу вѣвовъ!
 О патриархи дней свободныхъ,
 Скрижали древнихъ правъ народныхъ,
 Вы, въ гордомъ торжествѣ своемъ,
 Себя ровняли съ божествомъ...
 Но не богатство и не славу,
 Не блескъ счастливыхъ вашихъ дней,
 Не вашихъ доблестныхъ мужей,
 И не торговую державу,
 Всегда открытую для смуть,
 Теперь потомство ждетъ на судъ;
 Но это страшное явленье, —

Какъ люди лучшіе земли,
 Могли дойти, и какъ дошли
 До столь позорнаго паденья?
 Явился Іоаннъ, — пришелъ, —
 И посадилъ, кого на колъ,
 Кого велѣлъ забросить въ волны, —
 И всё остались тѣмъ довольны...
 И гордый Новгородъ могъ пасть
 Къ его ногамъ, — чтобы не встать!

«Но скажутъ: вотъ онъ, міръ народный!...

Да, точно, былъ то міръ свободный;
 Но міръ еще не развитой!
 Подточенный весь стариной,
 Симъ тайнымъ червемъ разрушенья,
 Безъ нравственныхъ народныхъ силъ,
 Хранимый счастьемъ положенья,
 Что въ самой сущности онъ былъ?
 Градь сказочный во тѣмъ глубокой,
 Среди болотъ, въ глухихъ лѣсахъ,
 Лишь наводившій только страхъ
 Своею волею широкой.
 Кругомъ угрюмая страна, —
 И та дремотою полна;
 Лишь въ немъ видѣлося движеніе, —
 И онъ былъ чуденъ, — въ отдаленьи.
 Но вотъ, проснулся міръ живой,
 Явился богатырь Московскій
 Съ могучей ратію задонской,
 Толкнулся мощною рукой,
 И пало въ мигъ очарованье;
 Исчезла прелесть, красота,
 И силъ волшебныхъ обаянье;
 Раскрылись сами ворота,
 И вышелъ людъ обыкновенный, —
 Сонмъ нравственныхъ калекъ согбенный;
 Перешагнулъ онъ чрезъ порогъ, —
 И самъ разсыпался чертогъ...
 Остались только лѣсъ дремучій,

Болотъ полночныхъ мохъ зыбучій,
 Ряды могилъ, да гуль глухой:
 Здѣсь былъ когда-то міръ народный,
 Міръ и богатый, и свободный, —
 Несовладѣвшій самъ съ собой.

«Но вотъ еще примѣръ державный,
 Такой же участи безславной!
 Царь изъ бояръ, царь изъ рабовъ, —
 Онъ требуетъ отъ всѣхъ забвенья
 Его нецарскаго рожденья.
 Царь выскочка, царь Годуновъ,
 Очистивъ къ трону путь свободный
 Цареубійствомъ, — чтобъ потомъ,
 Упрочить тронъ въ роду своемъ, —
 Онъ убиваетъ духъ народный,
 И приковавъ его къ землѣ,
 Велитъ странѣ жить въ вѣчной мглѣ.
 Взявъ скиптръ кровавыми руками,
 Онъ молитъ Бога, чтобы Богъ
 Ему грѣхи его помогъ
 Загладить славными дѣлами;
 Но Богъ отвергнулъ этотъ счетъ, —
 И шаткій тронъ его плыветъ
 Внизъ по кровавому теченью,
 Отъ преступленья къ преступленью!
 Ужасный голодъ рветъ страну,
 Народъ утратилъ свои силы,
 Царевичъ вспрынулъ изъ могилы,
 И мертвый, съ нимъ ведетъ войну.
 Войска Бориса выступаютъ
 На призрака, — и, какъ снѣгъ, таютъ
 Среди родной своей страны;
 Нѣтъ больше ни царя, ни царства;
 Внутри стучатся смерть и рабство,
 Извнѣ грохочетъ громъ войны...
 «Нѣтъ, о пророки лицемѣрства,
 Цѣль не оправдываетъ средства!
 Міръ Новгородскій самъ не зналъ,

На что ему еще свобода;
 Не устыдился честь народа
 Предать его врагамъ, — и палъ.
 Царь Годуновъ желалъ на тронѣ
 Лишь утвердить свой темный родъ,
 И щедростью купить народъ;
 Но не возсталъ край къ оборонѣ, —
 И родъ его, въ немного дней,
 Изъ списка вычеркнуть царей.

«Но вотъ, идутъ свѣтлѣй видѣнья,
 Эпохи новой возрожденья!
 Кто эта славная чета?
 Кто этотъ великанъ державный,
 Съ женою этой лучезарной?...
 Взгляни, — какая простота,
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая сила!
 Другимъ бы надобны вѣка
 На этотъ подвигъ, что свершила
 Ихъ исполинская рука;
 А имъ, на то довольно было
 Какихъ нибудь десятковъ лѣтъ!
 Полвѣка, — и воссозданъ свѣтъ...
 Кто-жь эти боги-исполинны?
 То наша новая пора, —
 То славный духъ Еватерины,
 То тѣнь великаго Петра.

«Рѣка время ихъ раздѣлила.
 Полвѣка между нихъ легло;
 Какъ два блестящія свѣтила, —
 Одно ликъ въ вѣчность погрузило,
 Другое медленно взошло;
 Но слава ихъ соединила,
 Судьба Россіи обручила,
 Край Русскій ихъ вѣнцы держалъ,
 И Богъ невидимо вѣнчалъ;
 Ихъ бракъ написанъ на скрижали
 Всѣхъ нашихъ будущихъ судьбинъ, —

И въ мигъ въ Европѣ угадаи,
 Отъ нихъ родится исполннѣ!
 «Да, Русскій край, благословенье,
 Благословенье, слава имъ,
 Отцу и матери твоимъ!
 То вѣкъ былъ твоего рожденья.
 Какъ дѣти, появились мы
 На вольный свѣтъ, изъ душевной тьмы;
 Какъ сидѣнь, ты возсталъ съ сидѣнья,
 Ихъ мощной поднятый рукой.
 Ты сынъ Петра! Онъ твой, по праву, —
 Отецъ взискательный, крутой;
 Но твоему крутому праву
 Быть развѣ могъ отецъ иной?..
 Вѣкъ возрожденья начинался;
 Когда Господь его призвалъ,
 Ты на ногахъ едва держался, —
 Петръ взялъ тебя и воспиталъ...
 И вотъ, на помощь исполнну,
 Господь послалъ Екатерину, —
 И кроткой мудрости полна,
 Какъ мать родимая, она
 Тебѣ дала образованье,
 Вдохнула славы обаянье,
 Бѣ дѣламъ высовимъ возавала, —
 И мѣръ узналъ твои дѣла...
 Что начала Петрова сила, —
 Любовь и Мудрость довершила;
 Петръ пробудилъ тебя отъ сна,
 А этотъ геній благородный
 Вложилъ въ тебя свой духъ свободный, —
 И съ нимъ очнулася страна.

«Но вотъ, — на Западѣ духъ бури
 Мрачить небесный сводъ лазури;
 На крыльяхъ вѣтра, богъ войны
 Ломаеть царства и страны;
 Древнѣйшіе въ Европѣ троны

Шатаются; ихъ короли
 Не слышать подъ собой земли;
 Отъ береговъ далекихъ Роны,
 Европа вся въ крови, въ огнѣ;
 И, тучи грозныя скопля
 Вокругъ Полуночнаго края,
 Онъ мчится къ нашей ужь странѣ.
 Но на Полуночномъ престоѣ—
 Царь Александръ. Онъ возстаетъ
 Съ своимъ народомъ; онъ идетъ,
 Божественный въ сей славной долѣ,
 На встрѣчу бури. Паль кумирь,—
 И онъ даритъ Европѣ миръ!

«Царь, избранный отъ Провидѣнья,
 Для довершенья возрожденья
 Младаго края своего,—
 Не даромъ край любилъ его,
 Не даромъ до конца пылали
 Къ нему народныя сердца!
 Въ Россіи много ожидали
 Отъ свѣтлаго его вѣнца.
 Съ живой душой Пигмаліона,
 Однако онъ не могъ мечту
 Облечь, какъ думалъ, въ духъ и тѣло;
 Но увидавши всю тщету,
 Ушелъ,— оставивъ это дѣло,
 Доступное однимъ богамъ,
 Исполнить будущимъ вѣкамъ.

«И подвигъ, точно, былъ великій,
 Божественный! Изъ груди дикой
 Народной силы, безъ лица,
 Гдѣ робкіе штрихи рѣзца
 Лишь набросали очертанья
 Гиганта, полного страданья.
 Народъ свободный изваять,
 И на ноги его поднять,
 Не пошатнувши всего края!..
 Кто-бъ это сдѣлалъ? Но желая,

На правдѣ утвердить свой тронъ,
 Ты сдѣлалъ, нашъ Пигмаліонъ, ---
 Ты рекъ, — и двинулась громада;
 И созданъ свободный міръ!

«Какая для тебя награда?
 Златой, алмазній-ли кумиръ
 Тебѣ воздвигнетъ міръ народный?
 Все это не вмѣститъ того,
 Что совершилъ ты для него...
 Народъ могучій и свободный!
 Исполнились твои мечты, —
 И край свободный твой, и ты, —
 Мы всѣ стоимъ передъ началомъ
 Великихъ дней, — и эти дни,
 Лишь могутъ быть, они одни,
 Ему достойнымъ пьедесталомъ!

«Гдѣ вы, пѣвцы минувшихъ дней,
 Пѣвцы боговъ, богатырей?
 Гдѣ ты, Баянъ нашъ сладкогласный,
 Пѣвецъ тотъ доблести прекрасной?
 По древу мыслью ты леталъ,
 Носился волкомъ ты полями,
 Парилъ орломъ подъ облаками;
 Не стаю соколовъ пускалъ
 На стадо лебедей крылатыхъ.
 А десять пальцевъ по струнамъ
 Волшебныхъ гуслей ихъ звончатыхъ;
 Гремѣлъ ты славою князьямъ
 И честью роботалъ дружинѣ...
 О, если-бъ ты воскреснулъ нынѣ!..
 «Но твой волшебный, вѣщій гласъ,
 Что древняго пѣлъ Ярославъ,
 Что пѣлъ Романа и Мстислава,
 Не долетѣлъ уже до насъ.
 Замолкнулъ онъ во тьмѣ глубокой,
 Въ неразсвѣтавшей еще мглѣ;
 Иль лучше, Русскій міръ широкій

Разнесъ его по всей землѣ,—
 По берегамъ своимъ зыбучимъ,
 По пажитямъ родныхъ полей,
 По селамъ и лѣсамъ дремучимъ,
 По морю вольному степеней...
 Идутъ вѣка, но звуковъ полны,
 Гремятъ народныхъ пѣсенъ волны,
 И скажутъ въ глубинѣ вѣковъ,
 Про эти дни освобожденья,
 И мѣръ причтеть, къ дѣламъ боговъ,
 Страны родимой воскресенье.

«А мы, лишь вставшіе изъ тьмы,
 Пора, — осмотримся, что мы?
 Исследуемъ тотъ путь широкій,
 Что открывается вдали,
 Для нашей отсталой земли,—
 Путь неизвѣстный и далекій,
 Путь къ свѣту новому изъ тьмы,—
 Пройдемъ-ли мы? Готовы-ль мы?...

«Намъ говорятъ: отбросимъ барство,
 Постыдный сей остатокъ рабства;
 Въ старинной Франціи, народъ
 Его рѣками залилъ крови.
 Но для чего же намъ впередъ
 Себѣ искать такихъ условій?
 Народъ совсѣмъ нашъ не таковъ!
 Пускай завидовать готовъ
 И онъ раздолью въ кругу барскомъ;
 Но есть надежда, что у насъ
 Оно ужъ скоро, въ добрый часъ,
 Само распустится въ шампанскомъ.

«Намъ говорятъ: намъ нуженъ трудъ.
 Намъ нужны люди и свобода;
 Но что же искренняго тутъ?—
 Тутъ только азбука народа!
 Иль безъ труда, и безъ людей,
 И безъ доступной имъ свободы,

Живали гдѣ nibудь народы,
 Не похода на мiръ звѣрей?
 Какой народъ иль государство,
 Гдѣ процвѣтаетъ даже рабство,
 Могли безъ нихъ бы простоять,
 Или спокойно даже спать?..

«Все это есть всегда въ народѣ!
 Да и въ общественной свободѣ
 Есть также много ступеней,
 Какъ и во всѣхъ дѣлахъ людей...
 Но духъ страны, — другое дѣло;
 Народъ рѣшительно и смѣло
 Идетъ впередъ, за нимъ во слѣдъ,—
 Но только тамъ, гдѣ блещетъ свѣтъ!

«Откуда-жь взять намъ свѣтъ народный,
 Свѣтъ этотъ нравственный, благой,
 Что оживляетъ все собой,
 И развиваетъ мiръ свободный?
 Кто дастъ намъ, русскимъ, этотъ свѣтъ?
 Кто сниметъ тяжкое съ насъ бремя
 Невѣжества? — Одинъ отвѣтъ,—
 Свѣтъ этотъ можетъ дать лишь время!
 Когда мы не проспимъ его
 Попрежнему; когда насъ чувство
 Проникнетъ долга своего,
 А совѣсть будетъ не безумство!
 Когда нашъ дремлющiй народъ
 Самъ просвѣщенья цѣль пойметъ!
 Когда сперва, хоть по примѣру
 Своихъ учителей родныхъ,—
 Узрѣвъ на дѣлѣ честность ихъ,
 Онъ возымѣетъ къ свѣту вѣру;
 А честность строгая властей
 Поддержать это убѣждение,
 И утвердить въ немъ просвѣщенья
 Умомъ и правдою своей...

«Богъ ожидеть счастье и несчастье;
 Но имя Александровъ намъ,
 На зло враждебнымъ всѣмъ странамъ,
 Примѣрное приносить счастье!
 И съ упованіемъ народъ,
 Столь чуткій нашъ, глядитъ впередъ...

«Пусть отъ другихъ державъ отстали
 Въ развитіи народномъ мы;
 Но не всегда же мы блуждали
 Среди непроходимой тьмы,
 Въ шуму международныхъ споровъ!
 У насъ Кутузовъ есть, Суворовъ,
 Сей Полуночный исполинъ,
 Въ главѣ народныхъ исполиновъ,
 Румянцевъ, Горчаковъ *), Нахимовъ,
 Сперанскій, Пушкинъ, Карамзинъ,
 Любимый бардъ роднаго края,—
 Крыловъ, Жуковский, другъ царей...

У насъ Платонъ былъ, Ломоносовъ,
 Брюловъ, Державинъ, Филареть...
 Насъ не врасплохъ застанетъ свѣтъ,
 Намъ ужъ знакомо просвѣщенье;
 У насъ есть дѣльный средній классъ,
 Есть идеалы, свое мнѣнье,
 Есть даже твердость въ нужной часъ;
 У насъ побѣда есть и слава,
 Нашъ край — могучая держава!..

«И наша Русская страна
 Теперь достаточно сильна,
 Чтобъ речъ: великія державы!
 Довольно всекрушащей славы,
 Довольно крови!.. Божій міръ

*) Канцлеръ.

Давно желаетъ жить спокойно...
 Довольно трескотни, довольно!
 Закончите кровавый пиръ;
 Дорогу дайте просвѣщенью,
 И мирному его теченью;
 Сломите лезвее мечей
 И передѣлайте на плуги;
 Миръ не для васъ лишь, — онъ ничей!
 Оставьте заживить недуги,
 Что надѣлили вы его,
 Въ дни властолюбыя своего;
 Покиньте произволь, раздоры...
 Да царствуетъ отнынѣ миръ,
 И разрѣшаетъ ваши споры;
 Одинъ лишь онъ, земли кумиръ,
 Духъ испѣлитъ ея растлѣнный, —
 Омоетъ пролитую кровь,
 И дастъ и правду, и любовь,
 Странахъ воскреснувшей вселенной!... »

«Но вотъ, воскликнулъ Ставръ, смотри!
 Ты замѣчаешь, тьма рѣдѣетъ,
 И ярче, ярче все алѣетъ
 На небосклонѣ блескъ зари...
 То новая заря вселенной!
 Ночь падаетъ, и съ ней духъ зла,
 Ея спутникъ неизмѣнный.
 Еще виситъ вокругъ насъ мгла;
 Но близокъ утра свѣтъ. Грудь дышетъ
 Свободнѣй, — пульсъ стучитъ сворѣй,
 И ухо многое ужъ слышитъ,
 Чего не слышно въ тьмѣ ночей...
 Вездѣ проснулся духъ свободы...
 «Вотъ новые идутъ народы;
 Мы только слышимъ ихъ стопы,
 Но ихъ самихъ еще не видно...
 Прислушайся! То не толпы,
 Что бродятъ по ночамъ безстыдно!..

Гдѣ буйная идетъ толпа, —
 Тамъ непремѣнно лужи грязи, —
 Тамъ говоръ, болтовня безъ связи;
 Но гдѣ народная стопа
 Себѣ путь новый пролагаетъ, —
 Тамъ стонетъ, тамъ дрожитъ земля,
 Мірѣ шапки издали снимаетъ...

.....
 «Побѣда! Демонъ тьмы сраженъ, —
 Сказала намъ, представши, Вана.
 Мракъ прочь бѣжить; міръ возрожденъ,
 Народы встаютъ... Осанна!
 Привѣтъ тебѣ, хвала вѣковъ,
 О ты, что положилъ начало!...
 Вездѣ свѣтаетъ день, — настала
 Теперь пора моихъ сыновъ...
 Идемъ въ Микулѣ!...»

«Ты вернулся,
 Богъ вѣчной правды!»... Ставрѣ вскричалъ.

.....
 На это я ему желалъ
 Отвѣтить что-то, — и проснулся.

Давно было утро. Отраднo, тепло
 Сіяло съ небесъ лучезарное солнце, —
 Залогъ возрожденья... Въ душѣ отлегло,
 Исчезли ночныя видѣнья и страхи.
 Свѣтъ льется повсюду... Микула, вставай! —
 Пришло наконецъ и твое пробужденье!..
 Но онъ ужъ проснулся. Воспрянулъ весь край;
 Кипитъ невидимо его возрожденье...
 Господь ему въ помощь!..

Оконченъ мой трудъ!
 Мой челнъ самъ вознудся желаннаго берега;
 Пора бросить весла! Пускай въ него бьютъ
 И яростно плещутъ сердитыя волны...

Взглянулъ я назадъ, — на тотъ берегъ другой,
Тотъ берегъ зеленый, откуда отчалилъ...
О гдѣ же теперь ты, мой берегъ родной?
Межъ нами синѣетъ широкое море.
Далеко осталась ты, юность, вдали, —
Совсѣмъ въ иномъ царствѣ...

Но слава тѣ Богу, —

Я дожилъ до лучшихъ дней русской земли.
Я видѣлъ святое ея воскресенье;
Я доплылъ до берега, — вижу разсвѣтъ
Ея дней великихъ. О Господи Боже,
Дай намъ, дай увидѣть твой истинный свѣтъ!..

КОНЕЦЪ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Афанасий

ПРИМЪЧАНІЯ КО 3-Й КНИГЪ.

1) См. сказанія русскаго народа, Сахарова, т. 1 и 3. Разу-мѣется, сложившееся въ народѣ, повѣрье о недобрыхъ боярахъ надобно отнести къ старинному времени. Что-же касается до разсказа о крестьянинѣ, къ которому попалъ въ лапоть чудесный цвѣтокъ папоротника; то этотъ разсказъ заключается въ томъ, что одинъ крестьянинъ пошелъ наканунѣ Иванова дня искать пропавшую корову, и въ самую полночь зацѣпилъ нечаянно за кустъ папоротника, — чудесный цвѣтокъ попалъ въ его лапоть. Тогда открылось передъ нимъ все прошедшее, настоящее и будущее; онъ тотчасъ же отыскалъ корову и узналъ о множествѣ скрытыхъ въ землѣ кладахъ; да сверхъ того насмотрѣлся на проказы вѣдьмъ, а самъ сдѣлался невидимкой. Все это, конечно, совершилось по чудодѣйственной силѣ цвѣтка, что застрялъ въ его лаптъ; но когда онъ разулся и сронилъ цвѣтокъ съ лаптя, — вся эта волшебная сила его оставила. По другому разсказу, — лапоть этотъ купилъ у мужика чортъ, и вмѣстѣ съ лаптемъ унесъ и цвѣтъ папоротника. У словенцевъ, вмѣсто цвѣтка, волшебная эта сила дается верну папоротника; а намѣсто чорта, является вила, и уносить это дорогое зерно. (Афан. т. II, ст. 383, 384).

2) См. наши народныя былины, Московскаго цикла, въ которыхъ народъ по своему разсказываетъ свои легенды про бывшій въ Москвѣ земскій соборъ, про Дмитрія Самозванца, Іоанна Грознаго, Малюту Скуратова, про нѣкоторыхъ древнихъ князей и бояръ, и также про извѣстныхъ ему князей и графовъ новѣйшей эпохи, — нерѣдко путая инья изъ этихъ сказаній между собою.

3) См. также и этотъ разсказъ въ русскихъ народныхъ бы-ллинахъ, и у Сахарова. За одинъ добрый совѣтъ царь хотеть наградить крестьянина казной или хлѣбомъ; но когда дѣло дошло до исполненія обѣщанія, бояре совѣтуютъ царю обернуть дере-

нящую мѣру или кадучку вверхъ дномъ, и сыпать обѣщанное въ самую кадку, а на обернутое дно. Послѣ этого, заключаетъ разсказъ,—правда улетѣла на небо, а кривда осталась на землѣ.

4) Какъ пѣсня о крапивѣ, такъ и шуточная пѣсня крестьянина о своемъ нынѣшнемъ безоліи, и шуточная пѣсня о птицахъ взяты изъ тѣхъ же народныхъ былинъ.

5) Разсказъ этотъ вполнѣ помѣщенъ въ 1 ч. сказаній русскаго народа. изд. Сахарова.

6) Расколъ, разумѣя подъ этимъ словомъ всё его толки и секты, до того распространенъ у насъ въ народѣ или соприсаается съ нимъ, что умолчаніе о немъ при изображеніи Микулы, представителя нашего земледѣльческаго народа, было бы пробѣломъ въ очертаніи этого мифическаго образа, существующаго въ народѣ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время. Можно сказать, что внѣ раскола мысль еще дремлетъ въ народѣ, почему народъ нашъ, по своей неразвитости, весьма легко увлекается всякими лжеученіями: а потомъ каждый новый сектаторъ становится страшнымъ пропагандистомъ, что, по его мнѣнію, открываетъ ему новую дорогу ко спасенію въ будущей жизни. Чѣмъ болѣе обращенныхъ: тѣмъ болѣе надежды на собственное спасеніе. () сущности этихъ лжеученій будетъ сказано ниже. Замѣтимъ только, что народъ нашъ вообще ожидаетъ себѣ лучшихъ временъ, что весьма и естественно послѣ перенесенныхъ имъ тягостей и всякихъ бѣдствій. Когда же настанетъ такое время, что братъ не будетъ больше возставать на брата, а вѣрону не сыщется больше пищи на русской землѣ, тогда, по народному мнѣнію, воскреснутъ и явятся снова нѣкоторые древніе богатыри его, нынѣ спящіе по разнымъ мѣстностямъ. (См. прим. 17 къ 6-й пѣсн. 1 кн).

7) Вѣрованіе въ діавола, наступившее царство Антихриста и ожиданіе въ скоромъ времени страшнаго суда и свѣтапреставленія распространены издревле въ нашемъ народѣ по сіе время, чему основаніемъ, конечно, могло послужить между прочимъ тягостное его прошедшее. Приведенная при этомъ пѣсня извлечена изъ народнаго стиха о кончинѣ міра. Ожиданіе этого времени въ народѣ, какъ надобно думать, поддерживаютъ всего болѣе раскольничьи секты, которымъ оно должно принести, по ихъ вѣрованію, и торжество надъ врагами, и вѣчную славу; такъ какъ передъ этимъ наступитъ тысячелѣтнее царствованіе Іис. Христа на землѣ, во главѣ избранныхъ, т. е. ихъ же самихъ, а всё невѣрующіе нынѣ въ ихъ ученія, тогда увѣруютъ и будутъ служить имъ. Разумѣется, развивающагося нынѣ у насъ, народное образованіе рано или поздно уничтожитъ всё эти заблужденія,—и наконецъ, народъ нашъ убѣдится, что этотъ ожидаемый новый міръ всеобщаго бла-

годенствія собственно и заключается въ его будущемъ просвѣщеніи.

8) Бояринъ Ставръ Годиновичъ, — мифическое лице нашихъ народныхъ былинъ, эпохи краснаго-Солнышка Владиміра, — по толкованію иныхъ, лице историческое цвѣтущей эпохи Новгородѣ. Однажды Ставръ, на пиру у краснаго Солнышка кн. Владиміра похвалился умомъ жены своей, дочери Микулиной, или своимъ домашнимъ хозяйствомъ и богатствомъ, и былъ посаженъ за эту похвальбу, по повелѣнію князя, въ глубокой погребъ; но жена его, переодѣвшись посломъ и озадачивъ князя и богатырей его ловкой стрѣльбой своей изъ тяжелаго лука - волокитнаго въ цѣль, выручила его изъ заключенія и увезла съ собою домой. (См: I и VI пѣсни 1-й кн. и примѣч. къ нимъ),

9) Здѣсь разумѣется извѣстный съездъ въ Москву представителей нѣкоторыхъ славянскихъ народностей, на этнографическую выставку, которая помѣщалась въ то время въ эзерсире-гаузѣ, называемомъ въ народѣ просто манежемъ.

10) Приведенное апокалипсическое сказаніе нашло также свой отголосокъ и въ нашихъ народныхъ преданіяхъ. «Въ средніе вѣка», говоритъ г. Афанасьевъ, языческія воспоминанія о демоническомъ змѣѣ слились съ библейскимъ преданіемъ о змѣѣ-соблазнитель пер-выхъ людей. На старинныхъ изображеніяхъ страшнаго суда, какія уцѣлѣли во многихъ храмахъ и на дубочной картинѣ, адъ представленъ въ видѣ драконовои головы съ раскрытою пастью, изъ которой извергается воспыхающее пламя; въ этой пасти сидитъ Сатана и держитъ на колѣняхъ Іуду. Тутъ же черезъ всю картину тянется змѣя, хвостъ и туловище котораго исписаны названіями всевозможныхъ грѣховъ. Эпическія сказанія о любовныхъ связяхъ демона-змѣя съ мифическими дѣвами заставили признать въ немъ возбудителя нецѣломудренной страсти, зачинщика нечистыхъ помысловъ и блуда. Въ этомъ смыслѣ было понято суевѣрнымъ народомъ и библейское сказаніе о первородномъ грѣхѣ... «И отверзоста очи наша, (говоритъ Ева въ одной апокриф. рукописи XV в.), и видѣхомъ наготу свою (по съяденіи запретнаго плода), и сердце наше восхоте на похоть, и быс(т)ъ тако». Скопическое вѣроученіе основано на томъ, что первою заповѣдью, данною Богомъ первосозданнымъ людямъ въ раю, была совершенная духовная и тѣлесная чистота: подъ внушеніемъ же отъ древа познанія добра и зла оно разумѣетъ плотское совоуцленіе праотцевъ. въ чемъ будто-бы и состояло ихъ грѣхопаденіе. Змѣя соблазнилъ первую чету и продолжаетъ соблазнять ея потомковъ. Потому, совершивъ оскотненіе, сектаторы бросаютъ срамный удъ, и обращаясь къ новому сочлену, восклицаютъ: «вотъ, смотри на сокрушеннаго змія!» Въ связи съ этими данными понятно, почему въ

стихѣ о страшномъ судѣ сказано, что блудницы пойдуть въ змѣи лютыя; а въ стихѣ о любодѣйницѣ, она ѣдетъ—

„Среди рѣки огненной

„На змѣѣ на трехглавомъ,

„И руки у нея, и ноги узами закованы,

„А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая,

„Двуглавая, злая, огненная“.

На лубочной картинѣ любодѣйница изображена восседающею на драконѣ, открытый зѣвъ котораго дымитя и извергаетъ пламя; на глазахъ у ней висятъ жабы, въ ушахъ продѣты стрѣлы, а груди сосутъ малыя змѣи... Въ сагахъ и сказкахъ змѣи (драконъ) и чортъ принимаются за названія синонимическія, могущія свободно замѣняться одно другимъ; народное воображеніе надѣляетъ чорта огромнымъ зѣвомъ и драконовыми крыльями, и нерѣдко заставляеть его показываться совершенно въ образѣ дракона». (Аф. т. II, ст. 583—585). Точно также не безъ вліянія осталось на наши народныя преданія, вѣроятно, и слѣдующее за тѣмъ апокалипсическое сказаніе объ ангелѣ, который держитъ длинную цѣпь (уже), чтобы изловить на нее сатану и низвергнуть его въ геенну огненную; но эта цѣпь въ нашихъ народныхъ преданіяхъ измѣнилась въ неводъ, а геенна въ огненную рѣку. (Смол. ниже прим. 29).

11) Хилиазмомъ называется извѣстное ученіе, объ ожидаемомъ нѣкоторыми сектаторами, въ томъ числѣ и нашими, тысячелѣтнемъ царствованіи І. Христа на землѣ, въ средѣ избранныхъ людей, въ послѣднія времена міра. Начало этого ученія надобно полагать еще у древнихъ іудеевъ, въ пророч. Исаиѣ, объ успокоеніи и прославленіи сыновъ Израиля, когда, передъ концемъ вселенной, Господь соберетъ всѣхъ избранныхъ въ единое царство и воцарится въ немъ духомъ правды и мудрости, и всѣ чуждыя племена послужатъ этимъ сынамъ Божиимъ и поклонятся имъ, и волки будутъ жить вмѣстѣ съ овцами, и т. д. (Ис. глав. XI и XII). Время это называется также первымъ воскресеніемъ мертвыхъ, къ которымъ у сектаторовъ принадлежатъ, вѣроятно, несповѣдующіе ихъ ученіе. Источникомъ ученія этого, надобно полагать, послужило, кромѣ пророчествъ Исаиѣ, также и откровеніе св. Іоанна, гдѣ времена тѣ прямо называются воскресеніемъ первымъ (апокал. гл. XX, 5). По мнѣнію же Сведенборга, эти времена уже наступили для истинно-вѣрующихъ. Наши скопцы также исповѣдуютъ это ученіе, и особенно на немъ основываютъ свои надежды на лучшія времена и ожиданіе ихъ въ темномъ будущемъ.

12) Этнографическая выставка въ Москвѣ посѣщалась обыкновенно въ теченіи дня; но, кажется, была открыта разъ или два

во-время пребывания славянскихъ гостей, также и вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи. Разумѣется, изображенное въ повѣсть за-сѣданіе и все происходящее на немъ, принадлежитъ къ чисто-фантастическому вымыслу.

13) Г. Бергманъ, имѣя, конечно, въ виду, что первыя переселенія въ Европѣ финно-алтайскихъ племенъ, которыя почитаются древнѣйшими въ ней переселенцами, начались еще за XXV ст. до Р. Х., т. е. тремя столѣтіями раньше арійскихъ, говоритъ: «можно почти положительно утверждать, что за сорокъ пять столѣтій или около того (до нашего времени), т. е. за 2500—700 лѣтъ до Р. Х., Европа была еще совсѣмъ необитаема и имѣла видъ дикой, пустынной страны, покрытой болотами и огромными лѣсами. (Les Gèts: p. 6.) Первыя появившіяся въ ней изъ Азіи, племена были финно-алтайскія (за XXV ст. до Р. Х.). Ученые вообще утверждаютъ, что во всей нынѣшней Сѣверной и Средней Россіи въ древности жили Финны; а г. Европеусъ, на основаніи лингвистическихъ розысканій (въ своемъ сочиненіи объ Угорскомъ народѣ, 1871 г.), доказываетъ, что настоящая родина Угровъ тогда простиралась отъ Оки на сѣверъ до Ледовитаго моря и отъ Сѣверо-Уральскихъ горъ до Финляндіи и Сѣверной-Скандинавіи, за исключеніемъ области около Онежскаго и южной части Ладожскаго озеръ. Г. же Иловайскій находитъ, что за тѣмъ на Юго-Востокѣ главную массу скифовъ, Царскіе, Сарматы, Будины, Невры, (прибавимъ, — Геллоны, Венды, и т. д.) составляла семья народовъ славяно-литовскихъ. По своему числу и значенію въ Скифіи преобладало, конечно, славянское племя... Другое названіе скифскихъ народовъ было Геты (Туригеты, Тиссагеты, Танаигеты, Массагеты, отъ рѣкъ — Тираса — Днѣстра, Танаиса — Дона, и т. д.). Названіе Геты и Готы, какъ и названіе Скифы, первоначально обнимало равно народы германскіе и славяно-литовскіе... Иногда названіе Скифія обнимало весь сѣверъ Европы и Азіи; а рѣка Танаисъ, по понятію древнихъ географовъ, дѣлила Скифію на Европейскую и Азіятскую. (Древн. и Нов. Россія, 1875 г. № 2, ст. 163) *) «Впрочемъ, го-

*) Вотъ, сохранившіяся у византійскихъ писателей и конечно искаженныя, имена нѣкоторыхъ скифскихъ царей или князей: у Скифо-Сарматскаго племени Сайевъ, царь Сайтафаря; Анахарсѣя, сынъ царя Гнура, внукъ Лыка и правнукъ Спарганита, убитый братомъ своимъ, царемъ Савліемъ. Поддѣе, потомокъ того же Савлія, сынъ царя Аріанита, Скиль, отъ жены истріанки (изъ подунайской страны), соблюдавшій также греческіе обряды и принимавшій участіе въ мистеріяхъ Адониса; за это выданный дядей Ситалкомъ и тоже убитый братомъ Октамазадомъ. Другіе скифскіе цари: Канита, Сарія, Илюсь, Форзей, Скмуръ, Беребистъ (Bouerebiste, Боретъ, Буривой)?... Тѣже Византійцы называютъ наши отряды, служившіе у нихъ въ X стол., то Русью, то Тавроскифами. (Древн. и нов. Россія 1875 г., № 5, ст. 84, 166, 167).

ворить г. Бергманнъ, исторія не запомнила многочисленныхъ переселеній Скифовъ изъ Азіи въ Европу ранѣе VII (въ др. мѣст. IX) ст. до Р. Х.; но она упоминаетъ о значительномъ переселеніихъ въ половинѣ VII ст., какъ, можетъ быть, о самомъ послѣднемъ и самомъ значительномъ. Это не было мирное переселеніе; но имѣло враждебный характеръ настоящаго вторженія...» (Les Gët: p. 30). Изъ чего видно, что всѣ эти историческія указанія на эпохи разныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу, по толкованію г. Бергманна, надобно принимать по большей части прямо за эпохи набѣговъ или вторженій, а не мирныхъ расселеній. Но исторія не можетъ еще опредѣлять положительно множество тѣхъ частныхъ мирныхъ арійскихъ переселеній изъ Азіи въ Европу, что начались по ея предположеніямъ за 2200 л. до Р. Х., и посредствомъ которыхъ могла заселяться постепенно нынѣшняя юго-восточная Россія съ самой глубокой древности славянскими и другими племенами, прежде нежели они распространились до Лабы и Балтійскаго поморья. Почему большую часть ссылокъ на исторію, въ томъ числѣ и приведенныхъ въ моемъ сочиненіи, слѣдуетъ принимать только относительно, т. е. большею частью, какъ о враждебныхъ вторженіяхъ, отголосокъ которыхъ успѣлъ достигнуть исторіи, помимо другихъ, не менѣе, вѣроятно, значительныхъ переселеній, которыя уже совершились гораздо ранѣе, нежели могли узнать о томъ историческіе народы. Послѣ всего этого, не нужно принимать на себя также особенной учености, чтобы ясно и положительно видѣть поселенія древнихъ славянъ-скифовъ въ Европѣ гораздо прежде, нежели принято объ этомъ думать. Достаточно прибѣгнуть къ способу, рекомендуемому почтеннымъ профессоромъ г. Погодинымъ, — или къ его математическому приему, какъ онъ это называетъ, а именно: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному (Рус. Вѣстн. 1875 г. пр. стр. 377), — какъ это ужъ и дѣлывалъ покойный г. Надеждинъ. Пойдемъ же по этому указанію!.. Извѣстно, что названія рѣкъ: Дона, Днѣпра, Днѣстра, Дуная, имѣютъ одинъ корень, дун-дуни, санскрит. названія вообще рѣки; такъ что у славянъ — «форма дун, съ окончаніемъ авъ, — Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, — зарѣками, за Дунаями...» (Буслаевъ, Рус. Вѣстн., 1862 г. Март. ст. 33). Между тѣмъ, названія рѣкъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ другими арійскими племенами, подобнаго корня не имѣютъ; почему можно предположить, что едва-ли не вынесли съ собой этотъ корень изъ прародинны въ Азіи, собственно славянскія племена, и потомъ сохранили его въ названіяхъ тѣхъ главныхъ рѣкъ, по которымъ онѣ въ древности дѣйствительно и разсѣлились. На этихъ именно рѣкахъ исторія и встрѣчаетъ ихъ впервые подъ именемъ Виндовъ, Вендовъ, Будиновъ, и т. д. (См. Ист. Балт. слав. Гильфердинга и примѣч. 24 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Съ другой же стороны, по свидѣ-

тельству нѣкоторыхъ нашихъ и итальянскихъ ученыхъ, южные придунайскіе славяне также въ глубокой еще древности расселяются до Аппенинскихъ горъ и основываютъ тамъ Этрурію (см. прим. 23 къ 3 пѣсн. 1 кн.). Въ Сѣверной Италіи, въ бывшемъ Венеціанскомъ королевствѣ, живетъ еще до сихъ поръ до 30 тысячъ неизвѣстныхъ славянъ, изъ которыхъ до трехъ тысячъ принадлежать къ племени Резьянъ («Бирж. вѣд.» 1875 г. № 130, ст. 2). Исторія знаетъ также съ глубокой древности обширныя славянскія поселенія по Карпатскимъ горамъ, по р. Лабѣ (Эльбѣ) и Балтійскому поморью. Даже въ южной нынѣшней Скандинавіи вначалѣ встрѣчаются славянскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, и только позднѣ замѣняются нѣмецкими или скандинавскими. (Россія въ ист. и стат. отнош.). Славянскія поселенія были потомъ и въ Даніи, и въ Англіи; а въ Бретани (древней Арморикѣ) понынѣ главный городъ и рѣка, на которой онъ стоитъ, называются Ванъ (Vannes): «jolie petite ville, très sale et très mal bâtie» (Dict. de géogr.). У Чеховъ же существуетъ преданіе, что они начали спускаться съ горъ, когда воды только что отхлынули съ земной поверхности... И г. Гильфердингъ весьма основательно замѣчаетъ, что такіа обширныя поселенія славянъ не могли совершиться въ столь короткій періодъ, какъ свидѣтельствуемъ нашъ лѣтописецъ Несторъ, производящій славянское расселеніе съ одного Дуная, и не ранѣ эпохи нашествія на нихъ римскаго императора Траяна. «Невѣрность показанія Нестора объ этомъ, говоритъ г. Гильфердингъ, тѣмъ яснѣе, что даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ, то и тогда изъ нея не могли бы выдти всѣ славянскія племена, расселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ». (Ист. балт. слав. ч. 1. ст. 18). Значить, все дѣло тутъ во времени,—и если мы отодвинемъ періодъ вообще славянскихъ расселеній глубже въ древность; то обширное расселеніе славянъ по всѣмъ этимъ мѣстностямъ объяснится само собою. По мнѣнію ученыхъ, славянскія племена перешли въ Европу гораздо позже другихъ арійскихъ племенъ, и путь ихъ съ Востока на Дунай лежалъ черезъ Кавказъ или между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ. Не желая отступать отъ этого утвердившагося мнѣнія, я начерталъ по немъ, въ 1 кн. этой поэмы, древній путь Мигулы въ Европу; тѣмъ болѣе, что переселенія арійскихъ племенъ съ Востока, какъ извѣстно, длились очень долгое время, начавшись за 2,200 л. до Р. Х.; а скифы считаются пришедшими въ Европу только за IX и даже за VII в. до нашей эры. (Les Gët, par Bergmann, p. 5, 6, 30): Но принимая во вниманіе многочисленность скифо-славянскихъ племенъ, зацѣпившихъ подъ собой почти пол-Европы, можно, кажется, основательно предположить, что появленіе ихъ въ ея предѣлахъ, а можетъ быть и на

самою Дунаемъ, гораздо древнѣе, нежели думаютъ, и что первый ихъ путь съ Востока на Дунай могъ даже еще лежать черезъ Малую Азію, когда Восточная Европа и часть Сѣверной, по причинѣ только отхлынувшаго моря, были еще неудобны для поселенія (смот. прим. 11 къ 2 пѣс. 1 кн.). Послѣ же того они, дѣйствительно, могли уже съ Дуная расселяться постепенно, — сперва по высотамъ, — и далѣе, на Востокъ и Западъ, какъ повѣствуетъ препод. Несторъ; а черезъ Кавказъ или Уральскія горы проходили уже позднѣйшія племена, искавшія новыхъ мѣстъ возлѣ древнихъ поселеній своихъ родичей. Въ пользу глубокой древности первыхъ славянскихъ поселеній можетъ также свидѣтельствовать и высшее ихъ развитіе передъ другими сосѣдними племенами, особенно если Этрурія обязана имъ своимъ основаніемъ. Въ самой глубокой еще древности, именно въ эпоху основанія Этруріи, греки уже знаютъ на Дунаѣ цвѣтущій и сильный народъ или царство (см. соч. Савельева о славянахъ). Да и вообще, развитіе вановъ - славянъ стоитъ вначалѣ гораздо выше развитія древнихъ скандинавовъ, тогда еще кочевыхъ, какъ послѣдніе свидѣтельствуютъ объ этомъ сами. У Птолемея во II в, по Р. Х. Балтійское море или Юж. часть его уже называется Венедскимъ заливомъ; а Венеды, славяне, причисляются къ числу великихъ народовъ Сарматіи. Исторія застаётъ уже поморскихъ славянъ въ страшной борьбѣ съ саксами въ Нордалбингіи, между устьемъ Лабы и Балтійскимъ моремъ, и съ датчанами. (Гильферд. т. I ст. 19, 29, 32). А еще гораздо раньше: «старшій изъ сыновей царя Ставроскифовъ, Скилура, Палакъ, для войны съ Митридатомъ, уже обращается за помощью къ племени Роксаланъ (тутъ наши предки впервые упоминаются подъ этимъ племеннымъ названіемъ, а не подъ общими именами скифовъ и сарматъ). Страбонъ же говоритъ, что роксалане были самый сѣв. скифскій народъ, обитавшій гдѣ-то между Днѣпромъ и Дономъ, и по берегамъ Меотійскаго озера. Тацитъ называетъ ихъ народомъ сарматскимъ. Слѣдовательно, жилища ихъ приблизительно находились на тѣхъ же степныхъ пространствахъ, гдѣ во время Геродота кочевало племя царскихъ скифовъ; припомнимъ, что сосѣдями послѣднихъ на Востокъ за р. Танаисомъ были тогда сарматы. Отсюда можно заключить, что часть сарматовъ, т. е. роксалане, изъ странъ между Танаисомъ и Араксомъ (Дономъ и Волгою) постепенно распространилась на западъ и заняла мѣста царскихъ скифовъ, отчасти истребивши ихъ, отчасти смѣшавшись съ ними, какъ это обыкновенно бывало при подобныхъ народныхъ движеніяхъ. Но значительные остатки царскихъ скифовъ продолжали еще господствовать въ Тавридѣ и ближнихъ къ ней черноморскихъ степяхъ. Роксалане двинулись на помощь тавроскифамъ въ числѣ 50 т. всадниковъ (число конечно преувеличенное). Они носили шлемы и панцири изъ воловьей кожи, имѣли шпаты, сплетенные изъ тро-

стница, и были вооружены копьемъ, лукомъ и мечемъ. Предводителемъ ихъ назывался Тасій». (Др. и нов. в. 1875 № 3, ст. 286). «Скифы и алане походятъ другъ на друга и говорятъ близкими языками; но скифы носятъ болѣе длинные волосы». (ст. 185). Затѣмъ, въ первые уже вѣка по Р. Х. диоземые писатели дивятся богатству и великолѣпію славянскихъ городовъ и капищъ на Балтійскомъ поморьѣ; а древній нашъ Кіевъ сравниваютъ, по величинѣ, богатству и великолѣпію, съ Византіею! Для достиженія такого развитія нужны были не одно или два столѣтія; а весьма долгое время пребываніе въ этихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ Лукьяна, «тогда какъ греки наслаждались глубокимъ миромъ, — у скифовъ были постоянныя войны; они или нападаютъ, или отражаютъ нападенія; пастище, добыча, — все служить у нихъ поводомъ для битвы....» (Др. и нов. Рос. 1875, № 3, ст. 284). Но и въ то уже смутное древнее время исторія замѣчаетъ ихъ постоянное движеніе все далѣе на Западъ; тогда какъ передъ ними стоятъ еще бродячія дружины нѣмцевъ, безъ постоянной осѣлости, — «хотя обитавшіе на коренной нѣмецкой землѣ, между Рейномъ, Эльбою и Дунаемъ, нѣмцы и были уже осѣдлы и не передвигались всѣмъ народомъ съ мѣста на мѣсто, не смотря ни на какіе перевороты». (Гильферд. ст. 13). Невзирая на это славяне прорываются не однажды въ поселенія датчанъ и англовъ, на дальнія побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, и далѣе, такъ какъ нѣкоторые изыскатели видятъ поселенія ихъ и во Франціи, и въ Испаніи, и въ Италіи, и даже на берегахъ Африки.... Изъ всего этого по крайней мѣрѣ видно, что настоящая эпоха первыхъ т. е. древнѣйшихъ поселеній славянъ въ Европѣ до сихъ поръ составляетъ еще загадку для исторіи, и по сіе время вопросъ объ этомъ не разработанъ вполне научнымъ образомъ. Нашествіе же грознаго императора Траяна хотя и нагнало сильную панику на дунайскихъ славянъ, такъ что имя его осталось въ ихъ преданіяхъ и даже приурочено ими потомъ къ нѣкоторымъ ихъ мѣстностямъ; но вліяніе этого нашествія на переселенія славянъ съ Дуная могло быть только временное, и никакъ не могло двинуть ихъ такими массами отсюда на Востокъ и Западъ, какъ объ этомъ говорится въ нашей лѣтописи. Г. Афанасьевъ даже еще сомнѣвается, дѣйствительно ли въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя императора Траяна, а не бога Триглава. «Имя Троянъ, по мнѣнію его, образовалось изъ слова: три, трое, и весьма вѣроятно, что въ свидѣтельствахъ старинныхъ рукописей дошелось до насъ воспоминаніе о томъ языческомъ божествѣ, какое извѣстно было у Поморянъ подъ именемъ Триглава. По указанію одного изъ вариантовъ сербскаго преданія, царь Троянъ имѣлъ три головы и восковыя крылья... Средство Трояна съ Триглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что у послѣдняго были козлиныя головы, а первому сербская сказка даетъ козьи уши. Напомнимъ, что ле-

тучій змѣй въ народныхъ сказаньяхъ большею частію. представляется трехглавымъ» (Аф. т. II ст. 643). Сколько доводы эти неубѣдительно; но почему же не предположить, что настоящій императоръ Троянъ, разгромившій придунайскихъ славянъ, могъ преобразиться потомъ въ напуганномъ народномъ воображеніи, въ самые страшные образы, преимущественно въ змѣя; какъ въ наше время Наполеонъ I преобразился въ народномъ мнѣніи въ антихриста? «Имя Трояново встрѣчается и въ словѣ о полку Игоревѣ, — продолжаетъ г. Афанасьевъ, въ слѣдующихъ загадочныхъ выраженіяхъ: «рица (Баянъ) въ тропу Трояна чрезъ поля на горы, — были вѣчи Трояни, — на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій и дѣвную себѣ любу, — вступил(а) дѣвою въ землю Троянию (Обида),... (тамъ-же. ст. 643). Не принимая на себя смѣлости толковать эти выраженія, все-таки я рѣшился бы скорѣе признать ихъ болѣе за историческія, нежели за мифическія. Такъ называемая тропа Трояна существуетъ и теперь въ Бессарабіи, подъ названіемъ Троянова или Змѣйнаго вала. Далѣе же тутъ говорится, о какихъ-то вѣчахъ Трояна или при Троянѣ, о землѣ Трояновой, о вѣкѣ Трояна, какъ объ эпохѣ, съ которой пѣвецъ почему-то считаетъ время до Всеслава. Всего вѣроятнѣе, что въ настоящемъ случаѣ мифъ только дополняетъ исторію, искажая ее по своему и придавая божественный санъ или грозный, чудесный образъ, страшному въ тѣ дни для славянъ, ихъ завоевателю. Касательно же обширныхъ мѣстностей, занятыхъ уже въ глубокой древности славянскими племенами подъ собою въ Юго-Восточной Европѣ, отъ Азовскаго и Адриатическаго морей до Балтійскаго, по Эльбѣ, Дону и Дунаю, см. также сочиненія Иловайскаго, Геденова, Вельтмана, Савельева, Бергмана, Шафарика, исторію Балт. славянъ Гильфердинга, прим. 24, къ 3 пѣс. 1 кн. этой поэмы, и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ изыскателей. Заключающіяся у нихъ свѣдѣнія и предположенія объ этомъ, конечно основаны на древнихъ Греческихъ, Византійскихъ, Римскихъ, отчасти арабскихъ и другихъ тогдашнихъ писателей, всего менѣе на скандинавскихъ сагахъ или иныхъ иноземныхъ народныхъ преданіяхъ; но можно-ли сказать, что всѣ эти, да и прочіе, какіе есть, источники уже вполне разработаны и изслѣдованы безпристрастною ученою критикою, — особенно иноземною, которая всего болѣе любитъ искать въ нашихъ предвахъ-славянахъ не-премѣнно, чуждые намъ, племена или финно-алтайскія, или тюркскія. Не даромъ наприм. г. Эверсъ, говоря о древнихъ Росахъ на Волгѣ, спрашиваетъ: «если тогда ужъ были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?» Ученая критика едва-ли еще и теперь отвѣтитъ на это, удовлетворительно.

14) Касательно замѣчательнаго уже развѣтія народа нашего въ Россіи. въ эпоху призванія на княжество Рюрика и въ первую эпоху княженія его потомковъ, — во времена Владиміра св., Ярослава, даже

еще Мономаха, согласны все наши историки. Карамзинъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ исторіи російскаго государства, находитъ это народное развитіе у насъ тогда несравненно выше, нежели оно было въ тѣ времена у полудикихъ еще англовъ, скоттовъ и нѣмцевъ. Весьма ясно однако, что первые князья, предѣстники и послѣдователи блестящаго Ярослава, не могли-бы поставить наше отечество въ такое высокое, по тогдашнему времени, положеніе, если-бы народъ и самъ не стоялъ на замѣчательной уже степени развитія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ мѣстностяхъ ихъ управленія, въ кievской и новгородской республикахъ. «О народъ не довольно судить по одной исторіи, говоритъ уважаемый г. проф. Миллеръ. Она представляетъ намъ только то, что выражалось поступкомъ, только внѣшнюю стороною жизни, нерѣдко состоящею въ вопіющемъ противорѣчій съ внутреннею ея стороною, съ тѣмъ сокровеннымъ міромъ помысловъ, желаній, стремленій, изъ котораго далеко не все переходитъ въ неподатливый съ одной стороны, сокрушительный съ другой, — міръ дѣйствительности...» (Древ. и нов. Россія, 1875 г. № 4, ст. 354). Искони воинственный и торговый народъ нашъ долженъ былъ вполне способствовать князьямъ, въ дѣлѣ устройства и расширенія только что возникавшаго, будущаго государства; что онъ продолжалъ и самъ по себѣ въ послѣдствіи, своими частными расселеніями и завоеваніями, и даже устройствомъ маленькихъ республикъ, которыя потомъ слились съ устроившимся государствомъ. Кромѣ первобытныхъ извѣстныхъ поселеній древняго Новгорода на сѣверѣ, къ этому можно отнести наше повдѣйшее по Юго-Востоку казачество и его частныя отважныя завоеванія, въ которыхъ правительство нисколько не участвовало, но которыя сдѣлались потомъ его достояніемъ. «Пусть собираютъ примѣры отталкивающаго добычничества казаковъ, продолжаетъ г. Миллеръ, — они, высоко держа до конца знамя борьбы съ азіятами, оказывали услугу всему человѣчеству; они какъ бы указывали путь европейской политикѣ, а если она и до сихъ поръ готова поддерживать власть азіятскихъ завоевателей надъ христіянами; то, конечно, лишь потому что нашла для себя невыгоднымъ воспользоваться примѣромъ южно-русскихъ «добычниковъ»... (Тамъ же, ст. 353, 354). И эту народную помощь первые князья наши имѣли не только на сушѣ, но и въ морскихъ своихъ походахъ. «Нельзя приписывать, говоритъ также и авторъ очерка русской морской исторіи, г. Веселаго, исключительно князьямъ быстрое созданіе многочисленныхъ флотилій, выводимыхъ ими въ море. Справедливѣе будетъ предположить, что князья въ самой странѣ нашли уже готовый матеріалъ для созданія подобныхъ флотилій, т. е. и людей знакомыхъ съ моремъ, и достаточно развитую технику постройки и снаряженія челновъ» (Древ. и Нов. Рос. 1875 г. № 4, ст. 454 статья г. Бѣлова). Приписывая скифо-славянскимъ племенамъ

изобрѣтеніе сошника (zoch, suoha, кабанъ), и потомъ, по образу колесницы или телѣги, — сохи, раздирающей, (отъ слав. слова wluk, волкъ), г. Бергманнъ полагаетъ, что скифы, имѣвшіе сначала только плоты и челны (des gadeaux et des troncs d'arbres) научились у Киммеріянъ — Камаровъ на Понтѣ Эвксинскомъ постройкѣ морскихъ судовъ, которыя и назывались на Сѣверѣ ка-
 115 марами. Впрочемъ Сѣверные Скифы въ заиное время ставили кочевныя жилища ихъ на санки (sangi, snaki, sauki), на которыхъ они разѣзжали зимой даже и по Киммерійскому Босфору, а лѣтомъ эти зимніе санки служили имъ челнами для переправы черезъ рѣки; вотъ почему гораздо уже позднѣе одинъ родъ этихъ челновъ у скандинавовъ и назывался еще sneckia (Les Gètes, p. 91, 98—99). Въ этому можно еще присовокупить, что и наши древнія былины, особенно Новгородскія, полны отголосками о широкомъ мореходствѣ нашихъ предковъ, что потомъ отразилось и въ казацкихъ думахъ. А внутренній міръ народа окончательно обнаруживается лишь въ его поэзи, говоритъ г. Миллеръ. Лишь въ идеальныхъ созданіяхъ народа раскрывается передъ нами вся сущность его души и т. д. (Др. и нов. Рос. 1875. № 4, ст. 354) *).

15) Извѣстно, что въ Южной Россіи корчма и корчмарка играли нѣкогда весьма важную роль. Въ древности корчма уподоблялась

*) Какъ сохраняются вѣками и переходятъ изъ рода въ родъ древнѣйшіе обычай, съ нѣкоторыми, конечно, измѣненіями, можетъ служить образцомъ наприм. слѣдующее: если обиженный человекъ изъ скифовъ, не въ силахъ отмстить за обиду, говоритъ Лукьянъ,—то онъ приносилъ въ жертву быка, варилъ его мясо, разрѣзанное на куски, разстилалъ его шкуру и садился на нее, имѣя руки связанныя назадъ. Кто изъ проходящихъ бралъ кусокъ говядины и ставилъ ногу на шкуру, тотъ этимъ самымъ уже обязывался оказать помощь, смотря по своимъ средствамъ: одинъ обѣщалъ доставить или всадниковъ, другой десять или болѣе, третій — пѣшихъ воиновъ, а самые бѣдные — самихъ себя. Скифъ Арзаконъ (обиженный на Боспорѣ тамошнимъ царемъ Левканоромъ) собралъ такимъ образомъ 20 т. пѣхоты и 5 т. конницы. (Др. и нов. Рос. 1875, № 3, ст. 285). Припомнимъ затѣмъ опозтезированное уже народное сказаніе въ нашихъ былинахъ о томъ, какъ Василій Буслаевъ въ Новгородѣ, поставивши чанъ или котелъ съ виномъ или брагой у себя на дворѣ, набиралъ дружину. Каждый, желающій поступить въ нее, долженъ былъ сперва выпить самое большое количество, какое можетъ, выставленнаго напитка; потомъ Васыка ударялъ его по головѣ своей тяжеловѣсной дубиной,—и это выносилъ съ честью оба эти испытанія, того онъ бралъ къ себѣ на службу и братался съ нимъ. Едвали гдѣ, какъ у насъ существуетъ до сихъ поръ въ столь широкихъ размѣрахъ и такъ называемая въ народѣ „помощь“, когда за извѣстное угощеніе виномъ, брагой или деревенскимъ пивомъ и съѣстнымъ, собирается цѣлая деревня, а иногда и изъ другихъ деревень, помогать кому нибудь убирать хлѣбъ или сѣно. Обычай эти не ведутъ-ли свое начало отъ того-же скифскаго древняго обычая, о которомъ сказано выше?

тому, что у насъ нынѣ называется клубомъ. Она была центромъ всѣхъ новостей и мѣстныхъ распоряженій. Въ ней собирались лучшіе мѣстные люди; сюда заѣзжали проѣздомъ извѣстные юнаки и жуваны; здѣсь сосредоточивались всѣ мѣстныя новости и распоряженія; сюда всѣ шли какъ въ древнія гонтины; сюда вели почетныхъ гостей и заѣзжали свадьбы; въ ея столовѣ или сараѣ дѣвки и парни плясали; угощеніе для всѣхъ было подѣ рукою. Корчмарка была большей частью красавица, и очень могла считаться вѣщею, по той роли, что она иногда играла въ мѣстныхъ происшествіяхъ. Корчмарки Ангелина и Бондарувна, — одна побратима Марка Бралевица, другая замученная полягами, сдѣлались историческими личностями въ народѣ. Значеніе корчмы убила въ послѣдствіи аренда и царскія кружала. На Сѣверѣ Россіи не было ничего подобнаго корчмѣ: наши кружала наполнены грязнымъ разгуломъ, а наши посидѣлки — учрежденіе чисто семейное, домашнее, и не можетъ быть даже похоже на древнюю южную корчму, — этотъ народный клубъ прежняго времени. Въ древности столичный Бѣвъ имѣлъ восемь рынковъ, съ своими и иноземными товарами; и въ каждомъ изъ этихъ рынковъ стояла корчма съ рѣзными карнизами, подобная въ этомъ отношеніи древнимъ гонтинамъ. Главная корчма находилась вондѣ велико-княжескаго двора. Вмѣсто вывѣски, у дверей ихъ стоялъ простой столъ, и на немъ ведро и кружка съ кувшиномъ. Москва не приняла этого южнаго заведенія; въ Москвѣ явился царевъ кабакъ, — сперва на Балчугѣ, а оттуда пустилъ корни по всему Царству. Корчма же, какъ враждебная единству и власти возникшей державы, была даже проклята московскимъ духовенствомъ, и оставалась только въ Новгородѣ и Исковѣ, хотя уже не въ томъ видѣ, какой была на югѣ, но гдѣ хоть не пропивались *сиротскія слезы* и вмѣсто притона разврата — *полна* была *благодотія*. Гораздо уже позднѣе корчма перешла въ грязный шинокъ, «гдѣ дивчаты частуютъ», и во множество тѣхъ кружалъ и питейныхъ домовъ, что сполли русскую землю, и про которые сложилась потомъ въ Малороссіи новая пѣсня:

„Моя дочка ледащица — не ночеу дома,

„Моя дочка ледащица — не хочи робити,

„Да якъ прійде неділенька — иде въ корчму пити“.

Что же касается до сѣвернаго преданія о Петрѣ и Февроніи; то г. Буслаевъ находитъ, что «въ муромской легендѣ, древнѣйшему преданію дана позднѣйшая историческая обстановка, и притомъ событія и лица возведены въ идеальную область христіанскихъ понятій. Въ общихъ чертахъ своихъ, муромская легенда содержитъ тѣже главнѣйшіе мотивы, что и пѣсни древней Эдды о битвѣ Зигурда съ змѣемъ и о союзѣ этого героя съ вѣщею дѣвою.

*

всякаго сомнѣнія. сходство это основывается на общихъ источникахъ, изъ которыхъ совершенно независимо другъ отъ друга были почерпнуты древнія преданія и въ пѣсняхъ Эдды, и въ нашей легендѣ. Змій муромской легенды есть змій - оборотень, подобный Фафниру, сыну Греймарову, и множеству огненныхъ летучихъ змиевъ въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ. Замѣчательное сходство съ началомъ нашей легенды предлагаетъ одна сербская пѣсня, подъ заглавіемъ: царица Милица и змій отъ Ястребца. (Въ изд. Вука-Стефановича Караджича, ч. II, № 43). Какъ кн. Петръ вынимаетъ Агриковъ мечъ (которымъ онъ поразилъ змія) изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вельзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ изъ священнаго дерева чудесный мечъ, который глубоко врубилъ въ это дерево самъ Одинъ, или точно также въ валашской сказкѣ, о витязѣ Вилипшѣ (въ изд. Шотта, № 11), этотъ витязъ идетъ къ четыремъ каменнымъ столбамъ, молится имъ цѣлые девять дней, и наконецъ изъ нихъ высовывается знаменитый мечъ, для совершенія великихъ подвиговъ... Какъ богъ Торъ и англосаксонскій герой Беовульфъ, поразивъ змиевъ, сами погибаютъ отъ змѣинаго яда; такъ и кн. Петръ, поразивъ змія - оборотня, подвергаетъ свою жизнь опасности, заразясь отъ его крови проказою. «При самомъ вступленіи своемъ на сцену (исцѣлившая его) Февронія является въ обстановкѣ вѣщей дѣвы. Она сидитъ за краснами, занимается тканьемъ, какъ дѣва судьбы въ сербской сказкѣ или какъ Идиды и Норны въ нѣмецкой мифологіи».... Ея загадки: «не дѣпо есть быти дому безъ ушю и храму безъ очію», и еще «въ нови зрѣти», — относятся къ вѣщамъ, извѣстнымъ въ сѣверн: эпосѣ подъ именемъ рунъ. «Передъ вѣщей ткачихой для чего-то скачетъ заяць»... Изъ всѣхъ устныхъ и письменныхъ преданій, относительно состязанія въ мудрости помощью загадокъ и задачъ, ни одно не представляется въ такой значительной близости и, вѣроятно, въ рѣшительномъ сродствѣ по происхожденію съ Муромской легендою, какъ сербская сказка о томъ, какъ дѣвица перемудрила царя (по изд. Вука Стеф. Караджича, № 25). «Правдоподобіе всего предположеніе, что это замѣчательное сходство муромской легенды съ сербскою сказкой есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху доисторическую. Если мы видимъ нѣкоторое сходство между кн. Петромъ и Зигурдомъ, и между Февроніей и Брингильдой, то было бы удивительно, когда бы мы не встрѣтили болѣе яснаго и опредѣленнаго, даже разительнаго сходства въ преданіяхъ изъ того же эпического цикла между племенами родственными, славянскими. Въ муромской легендѣ такъ сильно преобладаетъ мифическая основа, что мы не будемъ долго медлить на исторической обстановкѣ.... Можно остановиться развѣ на разсказѣ о смутахъ бояръ и на недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца. Последнее указаніе очень важно для исторіи

древне-русской женщины. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ основная идея легенды, и именно въ томъ смыслѣ, что эта легенда была обработана благочестивымъ грамотникомъ, который не могъ не увлечься энергическимъ характеромъ вѣщей дѣвы, подобной супругѣ мифическаго Дуная или Ставра боярина и нѣкоторымъ другимъ героическимъ идеаламъ женщины, этимъ драгоценнымъ остаткамъ первобытнаго эпоса». (Истор. от. рус. народ. слов: Буслаева, т. I. ст. 294 — 300).

16) О чудесномъ подземномъ городѣ Битижѣ, см. ст. г. Мельникова: за Волгой, Р. Вѣст. 1868 г. ноябрь стр. 459, 460. Больше подробно объ этомъ таинственномъ городѣ изложено въ статьѣ г. Безсонова къ русск. былинамъ, изд. г. Кирѣевскаго. Нашъ народъ ходитъ туда до сихъ поръ на богомолье, на Свѣтлое озеро, гдѣ нѣкоторые, конечно, болѣе вѣрующіе, слышатъ церковный благовѣстъ и звонъ подземныхъ соборовъ. Въ тойже статьѣ помѣщенъ и рассказъ о крестьянинѣ, спрятавшемъ лодку хлѣба, который, когда онъ проснулся, превратился въ древесную гнилушку.

17) См. *histoire du communisme*.

18) Первая французская революція.

19) «Богомилы, говорятъ и проф. Буслаевъ, по толкованію проф. Голубинскаго, признавали верховнаго Бога добраго, который, по ихъ ученію, сотворилъ невидимый духовный міръ, — и отпавшаго демона злаго, сотворившаго видимый вещественный міръ. Слово сошло съ небесъ и воплотилось, — не дѣйствительною плотью, а только привидѣніемъ, вошедши черезъ правое ухо Дѣвы и вышедши тѣмъ же путемъ. О крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ богомилы учили, что онъ распятъ былъ не по своей волѣ и не за спасеніе человѣческое, но по нуждѣ; что демоны измыслили крестъ, что бы погубить его. Посему они называли крестъ — враждой Богу. За иконопочитаніе они называли православныхъ идолопоклонниками. Иерархическое устройство состояло у богомиловъ въ томъ, что каждая частная община или церковь имѣла своего учителя, который имѣлъ подъ собою 12 учениковъ, именовавшихся апостолами. Они проповѣдовали не заботиться о завтрашнемъ днѣ; а сами побольшей части брали на себя подвигъ нищеты, питаясь тѣмъ, что ходили изъ дома въ домъ и собирали милостыню». (Такъ поступали и буддійскіе монахи). «Признавая учрежденіе брака дѣломъ діавала, богомилы заповѣдовали и содержали безбрачіе, — и питали величайшее отвращеніе къ дѣтямъ, хотя бы происшедшимъ и отъ законныхъ супружествъ». (Крат. очер. прав. церквей болгарской, сербской и румынской, рус. вѣст. 1871 г. ст. 157—165. рус. вѣст. 1873 г. апр. ст. 641, 642). По мнѣнію г. Веселовскаго, литературное вліяніе Востока шло по слѣдамъ религіознаго. Но г. Буслаевъ находитъ, что — «историческое русло двоевѣрія глубже и шире тѣхъ теологическихъ и философскихъ перегородокъ, по кото-

рымъ или ереси и разныя секты; что оно было необходимымъ явленіемъ въ переходѣ отъ древнѣйшаго язычества къ тому средне-вѣковому невѣжеству, въ которомъ народности нашли новую среду для своего взаимнаго общенія, закрѣпивши неясное для нихъ, по разнообразію мѣстныхъ мифовъ и преданій, первобытное между ними сродство, — общими имъ всѣмъ, опредѣленными типами Ильи - Громовника, Ивана - Купалы, Егорія храбраго, Соломона и Китовраса, и т. п.» (Тамъ же, ст. 649). Такимъ образомъ, пропо-вѣдуемый богами подвигъ нищеты, безбрачіе и собираніе по домамъ милостыни, могли очень быть ими заимствованы прямо и отъ буддистовъ, которыхъ было немало, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ глубокую древность во Фракіи (см. прим. къ 3 п. I кн. этой поэмы); если же взять во вниманіе вообще отвращеніе нашего народа въ древности къ церковному браку, что приписывается иными нашими учеными тогдашней народной неразвитости и недостатку священниковъ; то это едва ли не есть одно изъ прямыхъ указаній, что ученіе богами было развито у насъ тогда гораздо болѣе, нежели мы знаемъ, — и что ученіе это, и соединенный съ нимъ буддизмъ, отъ котораго оно отчасти и происходитъ, едва ли не главные источники тѣхъ сектъ и ересей, которыя кишатъ въ нашемъ народѣ, еще задолго до извѣстнаго раскола въ XVII ст. Такъ, нынѣ уже извѣстно, что рижскіе раскольники, которыхъ долго причисляли къ старовѣрамъ, ведутъ свое начало отъ стригольниковъ; а самые стригольники не могли бы такъ скоро распространиться почти по всей Россіи, еслибы ужъ не было подъ ними давно готовой почвы отъ лжеученій, укоренившихся у насъ въ глубокую древность, — можетъ быть, еще прежде ученія богами. При чемъ можно указать на древнихъ нашихъ волхвовъ, въ Ростовской области, которые поклонялись какому-то подземному богу (Смотр. ист. Карамзина). Едва прошло 15 лѣтъ со введенія въ Россіи христіанства, — въ 1004 г. явился монахъ Адріанъ, отвергавшій церковь о обрядность. Это былъ первый извѣстный рационалистъ въ русской церкви. Кіевскій митрополитъ Леонтій заключилъ его въ тюрьму. Черезъ 121 годъ послѣ Адріана, въ 1125 г., Дмитръ отвергаетъ церковныя уставы; кіевскій митрополитъ Никита заключилъ его въг. Санелець. И Адріанъ, и Дмитръ, — богами той секты, къ которой въ Южн. Франціи, Пиемонтѣ, Ломбардіи и Богеміи принадлежали альбигойцы, валлейцы, альбогинцы, что отвергаютъ всякую духовную церковную іерархію и служатъ Богу духомъ и истиной. «Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться духомъ и истиною». (Іоан. IV, 24). Каждый человекъ — живая книга. Поэтому, также склонность къ умерщвленію плоти и презрѣніе ко всякой внѣшности, — буква мертвить. Любовь Христова — чувственная; она породила божковъ Раднева, Щеглова, и др. Право на всѣхъ дѣвушекъ: въ чемъ и есть мисти-

ческое ученіе о сліяніи павшаго духа съ Искушителемъ. Подобное же есть и у буддистовъ Ламайскаго толка, — у калмыковъ, бурятъ, монголовъ, — можетъ быть, и у сибирскихъ шамановъ. Также въ древности христіанская любовь выражалась въ Сиріи и Финикіи, смѣшавшись съ поклоненіемъ Ваалу, Адонису, Астартѣ. Отсюда это могло перейти къ гностикамъ, а отъ нихъ и къ богомиламъ. Богомилы большей частію переходили съ мѣста на мѣсто, респостраяя ихъ ученіе; а русская церковь такъ близко соединена съ болгарской. Сперва религиозное своемысліе появляется у насъ на Югѣ а во время междоусобій и татарскаго ига переходитъ и на Сѣвѣръ, куда перешла русская митрополія, гдѣ кипѣла торговля Новгородомъ и жизнь народная. Начинаются волненія въ церкви отъ Мартина—армянина, и споры о постѣ въ среду и пятницу. Новгородскій протопопъ Сеитъ, заодно съ Тверскимъ епископомъ Феодоромъ, нападаетъ на монашество; возникаетъ проповѣдь о существованіи видимаго рая. Діаконы Карпъ и Никита (1271 г.) отвергаютъ всю іерархію; начинается ученіе стригольниковъ, — богослужебныя собранія не въ церквахъ, а въ избахъ для чтенія, пѣнія и проповѣди, — супружество безъ благословенія священниковъ, духовное достоинство всякаго мірянина, исповѣдь землѣ... Въ XV ст. является ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ; глава ея—Схарія, пріѣхавшій сюда изъ Кіева. Она переходитъ и въ Москву, и въ другія области. Всѣ эти ереси спорятъ между собой и дробятся на особыя толки. Башкинъ, Косой и др. — чистые рационалисты. Ереси эти и толки распространяются по всей Россіи, — по видимому, на готовый уже почвѣ, гораздо ранѣе старовѣрческаго раскола при Никонѣ... (Соч. Ливанова, о расколѣ). О сектѣ богомиловъ смотр. также соч. Костомарова: сѣвернорусскія народоправства во время удѣльнаго вѣчеваго уклада, т. II, стр. 434 и далѣе... «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что апокрифическія книги, уважаемыя богомилами, у насъ были въ ходу наравнѣ съ другими подобными... Послѣ стригольниковъ, явились въ Псковѣ такъ называемые филозды (въ XIV ст.), которыхъ патріархъ сравниваетъ съ книжниками и укоряетъ въ высокоуміи. Эта оппозиція была собственно вполне критикою духовенства и церковнаго порядка... Она напала на богатство духовенства и указывала въ противоположность на евангельскую нищету, приводя въ свидѣтельство тексты (ст. 439). Еретики считали священниковъ невѣрными (недостойными) и отвергали исповѣдь священнику, говоря, что можно каяться, *припадая къ землѣ*. Можетъ быть, въ этомъ обрядѣ, неясно выраженномъ для насъ, дѣйствовало, по привычкѣ, древнее языческое олицетвореніе Земли... *Строить душу*, — по ихнему значило умилостивлять божество за умершихъ»... (стр. 443). Приведенное же затѣмъ въ поэмѣ, раскольничье или скопческое міросозерцаніе, въ которомъ, какъ мы видимъ, отразились и ученіе

богомилловъ, и наша Голубиная или Глубинная книга, и языческое міросозерцаніе древней Индіи, передѣланныя на христіанскій ладъ, заимствовано изъ бѣсѣды, приписываемой тремъ святителямъ, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту и Василію Великому (В. Евр. 1873 г. Нов. помѣ. Троицкаго, ст. 567—569, 578), а именно: что св. вода честнѣе пречистыхъ св. таинъ Господнихъ; первѣе Бога былъ Сатана, иже сверженъ бысть съ небеси... Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская?—Сударь бѣ два плата служебные на блюдѣ, а ризы Петра—верхнее небо и преисподняя, стихарь—шестаго неба, поясъ—желѣзное столпие около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, патрахиль—входъ и выходъ, подъ поясомъ земля. Толстота ея, яко отъ В. и до З. Повелѣтъ Господень ангель согнати пѣну морскую и сотворити землю на трехъ китахъ великихъ. На 30-ти малыхъ китахъ заляжетъ тридцать окомъ морскихъ; а душа ихъ третія часть райскія воня, идутъ рыбы на ту воню и тѣмъ сыты бывають. Гдѣ первѣе Богъ бысть, иже не бѣ свѣта? Три коморы на небесѣхъ; въ тѣхъ коморахъ агнецомъ туто есть сударь, а свѣту нѣтъ конца. Въ тѣхъ коморахъ Отець и Сынъ и Св. Духъ свѣтъ есть, а другой свѣтъ огонь есть. Ангелы сотворены отъ Духа Святаго и отъ огня. Солнце сотворено отъ внутреннїи ризы Господни. Отъ чего луна сотворена бысть?—Отъ аера и отъ престола Господня, и отъ воздуха. Что есть внугъ рече бабѣ: положи мя у себѣ, и рече ему баба, како положу тя у себѣ, ты ми отецъ? Толкъ: внугъ есть Христось, баба—Земля *). Исусъ родился спустя восемь лѣтъ послѣ Ісуса,—онъ есть антихристъ. Марія освящена пачтїемъ св. Духа чрезъ слова архан. Гавріила. Этотъ антихристъ распятъ на двучастномъ крестѣ. Борьба слишкомъ двѣсти лѣтъ противъ крыжа Лятскаго, противъ невѣжественнаго самовластія церкви».... и т. д. А вотъ еще другое ученіе: «у Бога два сына—Христось и Сатанамилъ. Послѣдній создалъ тѣло человѣческое; Богъ вдунулъ душу. Сатанамилъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ; Христось, явясь, заперъ его въ бездны ада,—съ тѣхъ поръ онъ Сатана. Сатанамилъ учредилъ бракъ, и потому женатыя прокляты, дѣти ихъ ненавистны; они мамонщина, дьявольщина. Богомиллы проповѣдуютъ самый страшный аскетизмъ, неповиновеніе властямъ, порицаніе божества. Мїръ держится на 4 золотыхъ китахъ, а киты на огненной рѣкѣ. Секта эта подточила въ самомъ корнѣ юныя общественныя силы Болгарскаго царства: въ ней дуализмъ Зороастра, христіанство и собственные вымыслы...» (Р.

*) Не напоминаетъ ли это прямо старинную нашу загадку: „когда быкъ родилъ корову?“ Отвѣтъ: тогда какъ Богъ создалъ землю. Еще въ древнихъ вѣкахъ богъ Индра называется быкомъ,—и образъ же быка или коровы придается потомъ землѣ у всѣхъ древнихъ арійскихъ народовъ.

вѣст. 1873 г. Апр. срав. изуч. нар. быта и поэзіи, Буслаева, ст. 581). Нечего говорить, что изложенныя затѣмъ преданія, о Буянѣ островѣ и о горѣ, названной въ нихъ Афономъ, должны быть заимствованы нашими скопцами изъ самыхъ древнѣйшихъ преданій о восточномъ свѣтломъ раѣ и о брахманахъ. Пѣсни о фіалѣ божьяго гнѣва и объ огненной рѣкѣ принадлежать къ народ: стихамъ о кончинѣ міра. Источникъ ихъ г. Афанасьевъ видитъ не менѣе отъ того въ глубокой же древности. «Вѣрованія эти, говоритъ онъ, очевидно стоятъ въ связи съ глубоко-укорененнымъ въ народахъ преданіемъ, о всеобщемъ развращеніи передъ кончиною міра, когда по выраженію русскаго стиха:

„При послѣднемъ будетъ при времени —

„Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо,

„А кривда пойдетъ по всей землѣ“.

«Въ началѣ XVI в. Псковичи, теряя древнія вольности, усматривали въ новыхъ московскихъ порядкахъ начало Антихристово царства. Свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниковъ и народныхъ стиховъ согласны съ языческими преданіями сканд. Эдды; въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтическаго колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ». (Аф. т. I, ст. 752—755).

20) Извѣстно, до какой степени развитъ духъ созерцанія на Востоцкѣ, въ Индіи, у буддистовъ и браминовъ, которые, судя по картинѣ этого, изображенной въ Саканталѣ, стоятъ или сидятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, такъ что птицы начинаютъ вить на нихъ гнѣзда и они сами обрастаютъ травою. Можно сказать, что вся обрядность и духъ буддизма сосредоточены на неподвижномъ созерцаніи. Откуда-бы созерцательность эта ни перешла и къ намъ, корень ея, во всякомъ случаѣ, — на древнемъ Востоцкѣ. Древніе боги всего болѣе страшились духа созерцанія въ человѣкѣ, который могъ черезъ него низвергнуть ихъ съ престоловъ, что и сдѣлалъ Будда. Арійскій богъ, Индра, вынужденъ былъ послать къ одному пустышнику обнаженную красавицу, чтобы она развлекала его, и прекратила его созерцанія, которыя становились уже страшными богами. «Наши истинные отцы духовные, пишетъ Сперанскій въ 1817 г. къ Цейеру, — чтобы вступить въ созерцаніе, ищутъ одиночества, т. е. самага удаленнаго угла своей комнаты. Тамъ они принимаютъ положеніе, наиболѣе удобное, т. е. просто садятся, скрещиваютъ руки подъ грудью, и устремляютъ взоры на какую либо часть своего тѣла, а именно на пупокъ (отсюда даже произошло одно изъ наименованій, даваемыхъ имъ). Опытъ доказалъ имъ всѣ выгоды этого положенія, охраняющаго ихъ въ одно время и отъ сна, и отъ развлечения наружнымъ свѣтомъ; но они остерегаются

закрывать глаза, — они остаются неподвижны. Они начинаютъ съ «Господи помилуй»; но у нихъ это скоро прекращается. Огонь, разъ возженный, горитъ самъ собою, и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питается. Въ этомъ и состоитъ тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» въ мысляхъ своихъ лишь въ ту минуту, когда придешь въ себя. Они остаются въ этомъ состояніи, не сколько они хотятъ, но пока оно длится. Продолжительность его весьма различна; бывали случаи, что оно длилось болѣе двухъ дней сряду, безъ пищи и питья. Тутъ они видятъ иногда то, что они называютъ свѣтомъ Фавора (технич. терминъ, посвященный единственно видѣніямъ этого рода). Не знаю, что это такое; но знаю положительно, что видѣніе это гораздо чище, гораздо духовнѣ нашихъ обыкновенныхъ видѣній». (Р. арх. 1870 г. т. 1, ст. 193, 194). Припомнимъ буддійскую нирвану, — погруженіе въ самозабвеніе, превращеніе своего бытія въ совершенное ничтожество!.. Потомъ, Сперанскій пишетъ томъ же, въписывъ къ С. М. Броневскому: «по мѣрѣ упражненія и навыка въ ней (въ духовной молитвѣ) открывается, что она какъ бы останавливаетъ ходъ мысленной нашей духовной силы, — и на вопросъ, о чемъ мы думали, когда снѣ образомъ *молились*, мы не находимъ въ себѣ отвѣта, ибо дѣйствительно въ сіе время мы не мыслили ни о чемъ, не представляя себѣ ничего, и ничего не помнимъ: ибо помнить, представлять и мыслить есть дѣло души, а не духа. Сіе состояніе Восточные отцы называютъ безмолвіемъ, а Западныя — *suspension de facultés de l'ame*. И вотъ почему молитва сія называется духовною. Она то есть *молитва въ духъ и истинъ*; а не то, что нѣкоторые, впрочемъ благочестивые люди, подъ симъ разумѣютъ. Кратко: она состоитъ въ отсутствіи всего того, что называютъ какииъ-либо понятіемъ, — всего того, что не есть духъ Христовъ: ибо духъ ни понятіи, ни словъ не имѣетъ. «(Тамъ же, ст. 200, 201). Другими словами, — не есть-ли это все также буддійская нирвана, какъ сказано выше? Впрочемъ, въ добавленіе къ этимъ письмамъ, Д. Н. Свербеевъ, и говорить, что въ книгѣ о Паисіи Величковскомъ, архимандритѣ Молдавскаго монастыря, изданной въ 40 годахъ Возловскимъ, онъ читалъ о подобномъ способѣ и слышалъ случайно отъ извѣстнаго Ф. Голубинскаго, что такой именно способъ знакомъ былъ Восточнымъ аскетамъ, и что онъ былъ описанъ св. Григоріемъ Паламой, однимъ изъ уважаемыхъ отцовъ церкви V вѣка. (Тамъ же, 1871 г. ст. 176—177). А въ словѣ, приписываемомъ Григорію, сказано: «отъ фюфильскихъ же и отъ аравитскихъ писаний научишеса Болгаре»... (въ лѣтоп. изд. пр. Тихонравова W, 99. Р. в. 1873 г. апр. ст. 602, прим. къ ст. о рел. др. міра въ отнош. къ христ.). Все же, изложенное ниже въ поэмѣ, толкованіе ученія и обрядовъ хлыстовской секты и истекающихъ изъ нея или сходныхъ съ нею толковъ и ихъ подраздѣленій, какъ-то: федосѣевцовъ, скопцовъ. и пр. заимствовано изъ сочиненія г. Кельсіева, о скопческихъ богородицахъ, съ одной изъ которыхъ онъ былъ знакомъ въ Болгаріи и ко-

торая очень простодушно полагала, что если-бы она только пожелала, то ей поклонились бы всѣ цари земные и она была бы обладательницей всѣхъ земныхъ сокровищъ. Вообще изъ ученія сектаторовъ нашихъ видно, какъ и сказано выше, что начало этого ученія еще въ мирѣ язычества; только что древніе языческіе образы и вѣрованія у нихъ смѣшаны съ новыми, христіанскими, — отчасти даже облечены въ христіанскія формы. Значить, язычество еще не заглохло совершенно въ нашемъ народѣ; но подъ влияніемъ христіанства, только переродилось въ разныя ереси, сохранивъ даже при этомъ множество древнѣйшихъ своихъ представленій, обрядовъ и вѣрованій. Мыслящій, но непросвѣщенный народъ, какъ видно, желалъ соединить новое съ прежнимъ, древнюю вѣру свою съ христіанскою, въ чемъ ему и не препятствовали. Ему по сіе время еще необходимы видимые или олицетворенные образы въ его вѣрованіи; онъ не могъ разстаться вдругъ съ своими древними языческими обрядами, и преобразилъ ихъ въ христіанскіе, разъясняя и очищая по своему первые духомъ новой религіи, большею частію къ затмѣнію или искаженію послѣдней; онъ имѣлъ мало достойныхъ учителей въ нашемъ древнемъ духовенствѣ, и взялъ ихъ изъ себя, изъ того же народа, — такимъ образомъ развилось въ немъ двоевѣріе, какъ и слѣдовало ожидать отъ народа, замкнутаго во тьмѣ первобытнаго невѣжества, лишеннаго вначалѣ просвѣщенныхъ пастырей и осужденнаго жить столѣтія своими собственными способами, по старому. Изъ чего слѣдуетъ, что двоевѣріе это у насъ при всѣхъ его заимствованіяхъ, не есть какое-нибудь новшество или наплывъ какихъ нибудь самобытныхъ, позднѣйшихъ, особенно политическихъ лжеученій; но только вѣтви все того же стараго дерева язычества, къ которымъ народъ привилъ по своему христіанство, искаживши то и другое, — и что съ развитіемъ въ народѣ просвѣщенія, двоевѣріе это должно пасть само собою.

21) Въ лѣтоп. русской литературы и древности, т. IV: въ 4-мъ словѣ противъ язычества. сказано: «чтутъ богиню, — сію же дѣву творять». «Вѣроятно, въ связи съ этимъ поклоненіемъ «богинѣ-дѣвѣ», говоритъ г. Щаповъ, находится и позднѣйшее религиозное поклоненіе секты «людей божіихъ» дѣвицъ, какъ богородицъ, — поклоненіе, соединенное, согласно съ древнимъ обычаемъ, съ «свадьнымъ грѣхомъ на радѣньяхъ»; а также и ученіе секты бѣгуновъ, утверждающее, что «дѣвка сотворена отъ Бога, а баба отъ діавола», — что блудное общеніе съ дѣвицею есть «любовь Христова...» (Отеч. записк. 1874, Май, Іюнь, ст. 423, прим. 4). Послѣднее, какъ сказано выше (примѣч. 21), находится и въ ученіи богомиловъ. «Въ языческія времена, вся жизнь женщины, прѣдлагаетъ г. Щаповъ, приносилась въ жертву мужицѣ, какъ богу; такъ что по смерти мужа, жена должна была слѣдовать за нимъ въ могилу: вдовъ сожигали на костре, въ поминокъ души мужа, для «умилостивленія къ нему боговъ подземныхъ». Въ примѣръ чего онъ приводитъ былинку о По-

тоѣ, по древнимъ рос. стих. (стр. 225), гдѣ она сохранилась вѣрнѣе, т. е. гдѣ хоронится умершій Потокъ съ живой женою, а не живой Потокъ съ обмирающей женою, какъ это разсказывается въ другихъ былинахъ. (Отеч. зап., тамъ же ст. 424). На счетъ же сказанной «богини-дѣвы», г. Буслаевъ съ своей стороны также говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что принятая даже въ нашей иконописи Дѣвица-Земля есть таже самая античная фигура богини земли, которая часто встрѣчается въ живописныхъ и скульптурныхъ памятникахъ древняго христіанскаго искусства. Мастерамъ вмѣнялось въ обязанность изображать землю въ видѣ обнаженной дѣвицы, увитой зеленью, — по преданьямъ, о какой-то «матери сырой землѣ», и обычаямъ въ лѣтнюю пору водить въ хороводахъ обнаженную дѣвицу, увитую вѣтвями, которую у сербовъ, подъ именемъ Додола, а у болгаръ — Пеперуги или Преперуги, еще поливаютъ водою, будто изнемогающую и жаждущую отъ засухи земли». (Русск. вѣстн. 1873, Мартъ, сравн. изуч. народ. быта и поэзіи, ст. 595). «По мнѣнію проф. Лавровскаго, говорить г. Афанасьевъ, Додола представляетъ собою богиню Землю, еще не вступившую въ брачный союзъ съ Небомъ, и не орошенную плодотворнымъ сѣменемъ дождя; она проситъ этого союза, чтобы не быть бесплодною отъ засухи. Понятно, что только дѣвица и можетъ быть представительницей въ такомъ состояніи земли» (Аф. т. II ст. 173). «Слово Додола до сихъ поръ остается необъясненнымъ; серб. прпоруша, и болгар. пеперуга (преперуга) очевидно тождественны. Прпоруша должна значить: орошенная дождемъ, осыпанная его благодатнымъ сѣменемъ (отъ словъ: пурга — мятель, пурить — мочиться, пороша — дождь и снѣгъ — мучная пыль). На Руси неизвѣстенъ обрядъ хожденія Додола; но на второй день Пасхи, на разсвѣтъ, парни обливаютъ дѣвицу, а тѣ въ свою очередь обливаютъ парней во вторникъ: такъ какъ водѣ, какъ и весеннему дождю, приписывалась сила плодородія, сила цѣлебная и очистительная, сила вѣщая, и т. д. (Тамъ же, ст. 177, 178—192). «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ г. Буслаевъ, съ богословской ли или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіи настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіанствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе отрывали они родственныхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ собственной стариною и народностью; чѣмъ болѣе все неясное, смутное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви... (Русск. вѣстн. 1873 г. Мартъ, ст. 603). Такой отзывъ уважаемаго нашего ученаго еще болѣе долженъ оправдать сектаторскія заблужденія нашего темнаго народа, который

видить въ нихъ, по своей необразованности, самое чистое, просвѣтлѣнное христіанство! (См. выше, прим. 20).

22) Вотъ одинъ образчикъ этихъ Саваофовъ! Владим: губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Егорьевскаго приказа, на гору Городину спустился Богъ-Отець съ неба въ превеликой славѣ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись; а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видѣнъ на горѣ, въ образѣ человѣка, Данила Филиповича. За 15 л. до сошествія родился у него, по предсказанію пророковъ, сынъ І. Х., Иванъ Тимофеичъ, отъ столѣтней бабы, крѣпостной Нарышкина, въ 40 вер. отъ Мурома, въ с. Максаковѣ. Съ нимъ жила дѣвица, дочь Бога. Сіе есть реченное пророкомъ Іоишемъ: «и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа моего на всякую плоть, и прорекутъ сыны ваши и дщери ваши, и юноши ваши видѣнія узрять, и старцы ваши сонія видять; ибо на рабы моя и на рабыни мои во дни оны излію отъ духа моего, и прорекутъ». Богоотець убо Данила предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаша, играя; людіе же Божіи святіи образомъ сбытіе зряще, веселимся божественне, яко воскресе Христось, яко всесиленъ. Господь Богъ просвѣтилъ ученіемъ Іерусалимъ, а Данила Филиповичъ, имѣя съ нимъ одинаковыя свойства, просвѣтилъ Россію, начавши это образованіе съ Костромы, которую и называютъ верховною страгою. Дан. Филип., не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ святымъ духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія, по которымъ и творить чудеса. Явившись на землю, онъ всѣ книги кинулъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго на-ученія, а руководствоваться преданіями его и вдохновеніями пророковъ ихъ вѣры. Дан. Филип. далъ божество Ивану Тимофеичу, въ своемъ домѣ, въ дер. Старой, послѣ чего они оба три дня сряду возносились на небо при свидѣтеляхъ. І. Хр. возвратился въ жилище и началъ проповѣдовать ученіе Бога-Отца, Дан. Фил. — по 12 заповѣдямъ. По царскому повелѣнію, его схватили и пытали съ 40 учениками. Бояринъ Мордвиновъ, отъ допросовъ отказался. Пытали на лобномъ мѣстѣ и распяли на стѣнѣ, у Спаскихъ воротъ, гдѣ нынѣ часовня. Когда онъ испустилъ духъ, стража сняла его со креста, и въ пятницу похоронила на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами; а въ субботу на воскресенье онъ при свидѣтеляхъ воскресъ и явился ученикамъ въ Покрѣ. Тутъ онъ былъ снова пытаемъ и распятъ, снята была съ него кожа; одна изъ ученицъ покрыла его простынею, образовалась новая кожа. Онъ вновь воскресъ, и назвался бого-человѣкомъ, Стародубскимъ христомъ-спасителемъ. Потомъ былъ взятъ еще въ третій разъ; но освобожденъ, по случаю рожденія Петра великаго. Послѣ того онъ жилъ 30 лѣтъ въ домѣ, Новомъ Іерусалимѣ. Когда же превышній Богъ, гость богатый Дан. Филип., изъ деревни Старой на сотомъ году, прибылъ въ Москву, въ домъ возлюбленнаго сына своего, Ів. Тим., и возвесья на небо при свидѣтеляхъ, въ домѣ

св. Василія; то начали считать и новый годъ съ этого времени. Затѣмъ Ив. Тим. высланъ былъ изъ Москвы, и скитался 15 лѣтъ; а когда гоненіе утихло, построилъ маленькій домикъ, противъ прежняго. Въ третьемъ домѣ,—священный колодезь, столъ бога-отца, на одной доскѣ образа обоихъ, кериги. Иванъ Тим. умеръ въ день св. Тихона, показавъ примѣръ своего терпѣнія и благочестія на землѣ. Онъ хотя и былъ сынъ Божій; но тѣло его похоронено у церкви св. Николая въ Грачахъ, откуда онъ вознесся въ славу своей, при свидѣтеляхъ, для соединенія съ отцомъ. А вотъ еще и другое о томъ же Данилѣ Филиповичѣ сказаніе: Данила Фил. —божійчеловѣкъ, бѣглый солдатъ, объявившій себя богомъ Ивану Тимофенчу Суслову, а его объявившій христомъ. У нихъ была богородица и 12 апостоловъ, по берегамъ Оки и Волги. Данила Фил. умеръ въ Москвѣ, передавъ званіе христа стрѣльцу Прокопію Лубкину. Мистическое ихъ ученіе проповѣдывалось въ Нижегородской, Ярославской и Владимірской губерніяхъ; въ 1716 году Лубкинъ былъ пойманъ, но опять освобожденъ. Ученица его, Агафья Карповна, учредила общество въ Венеѣ, въ 1713 г. Ученіемъ ихъ увлеченъ былъ даже ростовскій епископъ Досифей... Они посланы въ разныя мѣста Сибири. Послѣ Лубкина, сдѣлался христомъ Андрей Петровъ, юродивый (Соч. Ливанова)... Кромѣ многихъ другихъ христовъ и саваофовъ, былъ еще Иларіонъ—коровни пожи; о немъ упоминается въ книгѣ: о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ. Онъ жилъ въ Бѣлой Бриницѣ, и былъ коноводомъ тамошнихъ старообрядцевъ при импер. Іосифѣ II. «Митрополита для Бѣлой Бриницы не нашлось, и Иларіонъ потихоньку сталъ заявлять себя христомъ. Онъ былъ мужикъ богатый, заказалъ себѣ митрополичье облаченіе, и *многіе* изъ бѣлокриницкихъ иноковъ и мирянъ, самиде-видѣли, какъ онъ въ митрополичьемъ облаченіи, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, гулялъ не по землѣ, а по воздуху въ сіяніи, и почитали его не только за митрополита, но и за воплощеніе І. Христа.» «Въ послѣдствіи онъ въ чемъ-то попался и умеръ въ тюрьмѣ. Въ запискахъ инока Аркадія Тульчинскаго исторія эта рассказана а съ большими подробностями» (Бельсіевъ. Русск. вѣстн. 1869 г. Ноябрь, стр. 181, Польск. агенты въ Царьградѣ). Что же во всемъ этомъ бросается въ глаза, кромѣ мистичности самого ученія?—Опять таже образность или желаніе возсоздать все отвлеченное въ видимые образы, и опять таже древняя божественность человѣческаго духа или желаніе обоготворить себя въ разныхъ божественныхъ образахъ. Безплотное христіанское небо превращается въ древнюю стеклянную гору; избранные люди—въ боговъ, а ихъ христіанское ученіе—въ самое древнее, фигуральное язычество. Одно спасеніе отъ всего этого—опять то же народное просвѣщеніе!

23) Приведенная пѣсня принадлежитъ также къ скопческимъ,—къ ученію этихъ новыхъ, христіанскихъ жрецовъ общей матери Цибеллы. А эти Вѣтры, Вернигоры, Стриги, Вѣдьмы, Скакуны, Огнен-

ные мечи, Зори ясныя, Господь-богъ красное-Солнышко,—и проч. и проч., не образы ли все это древнѣйшаго языческаго міра?.. Народъ нашъ по сіе время не можетъ съ ними разстаться и воображаетъ, что онъ облагородилъ и освятилъ ихъ христіанствомъ, или даже, что они всё порожденіе христіанской религіи, столь мало доступной ему въ своей сущности. Не въ этомъ ли и главная причина народнаго упорства и закоснѣлости во всёхъ этихъ ересяхъ?..

24) Ученіе объ этомъ также скопческое; а въ приведенной здѣсь ихъ пѣсни, объ оставленіи Петромя III Питера и Москвы, говорится далѣе, что онъ перебирать будетъ всякое сѣмячко, отъ вѣрныхъ не укроется, надъ царями царь откроется, завладѣетъ всеми престолами и короною съ державою, всё цари, власти ему поклонятся, и вы (т. е. вѣрные) рядомъ съ нимъ сядете. Затѣмъ, вотъ заключеніе этой пѣсни:

„Ты свѣти, свѣти, свѣти, свѣтель мѣсяць,
 „Обогрѣй ты насъ, красно солнышко,
 „Прикатися къ намъ государь-батюшка,
 „Съ Восточной, государь, со сторонупки,
 „Изъ своей, государь, изъ неволюшки,—
 „Покажи ты намъ свой пречистый ликъ!..“

(Ливановъ).

25) Восхваленіе и самое начало пустыни еще идутъ отъ буддизма. Самая исторія о пустынникѣ Варлаамѣ и объ Іосифѣ царевичѣ, говорить г. Буслаевъ, — распространившаяся, какъ полагаютъ, въ средніе вѣка, не только по Россіи, но и по всей Западной Европѣ, есть только передѣлка на христіанскія понятія и нравы, какъ извѣстно, житія Будды, который былъ также сыномъ царя. Помнѣннѣе г. проф. Веселовскаго (о Соломонѣ и Китоврастѣ, введ. стр. XI—XII) легенды о Варлаамѣ и Іосифѣ перешли къ намъ изъ Болгаріи, отъ секты богомиловъ. Но, какъ сказано выше (прим. 21), преданія о нихъ, въ образѣ Будды, по мнѣнію г. Буслаева, могли перейти къ намъ и прямо отъ язычества (Русск. вѣст. 1873 г. апр. 649). Объ этомъ можно будетъ сказать еще положительнѣе, когда разъяснится, что источникъ всёхъ нашихъ еретическихъ сектъ въ народѣ есть тотъ же самый буддизмъ, извѣстный у насъ гораздо ранѣе, нежели о томъ думаютъ,—или вѣрнѣе, занесенный къ намъ еще древнѣйшими нашими предками, при переселеніи ихъ съ Востока (См. предисловіе къ этой II книгѣ). Эта же самая пустыня въ послѣдствіи приняла у насъ совершенно христіанскій характеръ,—и вѣроятно, въ этомъ новомъ уже видѣ получаетъ она отъ раскольниковъ разныя восхваленія, какъ напр.

„Прекрасная мати пустыня,
 „Любезная моя дружина!
 „Пришелъ я тебя соглядати,
 „Потщися ми воспріяти,
 „И буди ми яко мати...

„Ахъ, гдѣ бы мнѣ водвориться,
 „Съ усердіемъ Богу помолиться!...“

Тутъ есть и указаніе на перенесенныя нашими сектаторами, гоненія, и на жажду уединенія, ради спасенія души своей; но основаніе самой пустыни все-таки буддическое, и ученіе о ней есть прямо ученіе завѣщанное! для своимъ послѣдователямъ.

26) Извѣстно, что Пугачевъ называлъ себя Петромъ III, котораго скопцы признаютъ своимъ главнымъ Христомъ. Этотъ Петръ III заблуждѣлъ духомъ, покинулъ тронъ свой, потомъ и Москву, и проявился въ пустынѣ. Конечно, въ проявленія его въ пустынѣ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ беспорядкахъ, главные виновники—наши раскольники, которымъ это было нужно для скорѣйшаго уничтоженія царства тьмы въ Россіи. Теперь они ожидаютъ его опять съ Востока, т. е. изъ Сибири, гдѣ онъ скрывается до времени отъ предержавшихъ властей. Только этимъ можно объяснить, бывшее въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, движеніе крѣпостныхъ крестьянъ на Востокъ, на рѣку Дарью, гдѣ они предполагали найти рѣку, текущую медовою сытой, и кисельныя берега. Движеніе это было такъ обширно въ среднихъ губерніяхъ, что многія господскія села и деревни за одну ночь совершенно пустѣли. Бѣглецовъ возвращали власти съ дороги; а нѣкоторые возвращались и сами, не найдя нигдѣ того земнаго рая, о которомъ изъ рассказывали. Это напоминаетъ бывшее въ средніе вѣка подобное же движеніе коммунистовъ въ Германіи, и такое же ихъ разочарованіе.

27) О раскольничьемъ мнѣніи, о Наполеонахъ I и III, см. также сочиненіе о скопцахъ Кельсіева, приведенное выше, (прим. 20).

28) «Какъ олицетвореніе ночной тьмы и мрачной тучи, волкъ отождествляется съ дьяволомъ, говоритъ г. Афанасьевъ. Старонѣмецкое *Warg* (гогс. *varhs*, и сл. *vargr*) Яковъ Гриммъ удачно сблизилъ съ словомъ врагъ (*vrag*), которое и на нашемъ языкѣ, въ областныхъ говорахъ, и у древнихъ славянъ означаетъ чорта. У отцовъ церкви зѣвъ ада уподобляется раскрытой пасти волка, а чортъ называется похищающимъ души волкомъ. Олицетворяя дождевыя облака дойными коровами, овцами и козами, пастушескія племена вѣрили, что стада эти похищаются на зину демономъ Вритрою. Сверхъ того, въ мрачныхъ тучахъ, туманахъ и затѣніяхъ солнца и луны они видѣли демоновъ, поѣдающихъ божественныя свѣтила, и эта вѣчная борьба тьмы и свѣта на мифиче-

слово ягнѣ обозначалась нападеніемъ голодныхъ волковъ на небесный стада. По свидѣтельству одного древняго заговора и кормчей книги, тучи въ образѣ волковъ терзаютъ своими зубами солнце, луну и тѣ безчисленные стада овецъ и козъ, въ видѣ которыхъ олицетворялись яркія звѣзды. Такъ какъ солнце, луну и звѣзды фантазія древняго челоѣка признавала за небесные огни, то отсюда возникло повѣрье, будто волки пожираютъ огонь... Въ одной малорусской сказкѣ говорится: «дунулъ чортъ на небо — и яркая звѣзда потухла, а свѣтлый мѣсяцъ закрылъ шапкою». О падающихъ звѣздахъ рассказываютъ на Руси, что звѣзды эти бѣгутъ и прыгуютъ въ дальнихъ областяхъ неба, будучи преслѣдуемы нечистымъ духомъ. Когда небо заволокутъ тучи, то простой народъ обращается къ солнцу съ заклинаніемъ: «вы лань, солнышко! твои дѣтки плачутъ». Этими думаютъ освободи дневное свѣтило отъ власти темныхъ силъ. Есть лѣтописныя свидѣтельства, что при солнечныхъ затмѣніяхъ въ старину раздавался непритворный плачь населенія, которое опасалось за судьбу солнца, захваченнаго злымъ демономъ мрака. По преданіямъ западн. славянъ, царь-Солнце борется съ нечистою силою (Зимю), которая нападаетъ на него въ видѣ волка. У хорутанъ существуетъ повѣрье, что папоротникъ разцвѣтаетъ, когда солнце побѣждаетъ чернаго волка. Затмѣнія солнца и луны, издревле называвшіяся божьими знаменьями, у всѣхъ языческихъ племенъ объяснялись враждебнымъ нападеніемъ демоновъ тьмы на свѣтлыхъ боговъ, обитающихъ на высокомъ небѣ. Народы различныхъ странъ и вѣковъ равно боялись затмѣній, усматривая въ нихъ дѣйствительный вредъ, наносимый свѣтлѣмъ, и считали ихъ предвѣстіями общественныхъ бѣдствій; цари заирались въ то время въ своихъ дворцахъ и въ знакъ горести остригали дѣтямъ волосы. Слова лѣтописи о затмившемся солнцѣ: «снѣдаему сущу» — равносильны выраженію: «изъѣдоша», которое встрѣчается въ показаніи кормчей книги о волкодлакахъ. *Нестыласи* (т. е. недовольно просвѣщенные христіанскимъ ученіемъ) вѣрили, что злые духи мрака пожирали свѣтило; отъ ихъ острыхъ зубовъ видны были въ лунѣ и солнцѣ изъѣденныя щербини; припомнимъ, что ежемѣсячное умаленіе луны называется ея ущербомъ. Уподобленіе багряныхъ лучей солнца — кровавымъ потокамъ должно было сочетаться съ мыслию о лютомъ волкѣ, терзающемъ свѣтлое божество дня. Индѣйцы вѣрили, что вовремя солнечнаго и луннаго затмѣній демонъ Рагу или чудовищный змѣй (олицетвореніе тучи и зимнихъ тумановъ) стремится проглотить, захваченное имъ, свѣтило. Въ Индіи, Китаѣ, въ Африкѣ и Сѣвер. Америкѣ, у древн. грековъ, римлянъ и у другихъ европейскихъ народовъ было въ обычаѣ производить, во время затмѣній, сильный стукъ и звонъ въ мѣдные сосуды, подымать неистовые крики, а въ позднѣйшую эпоху стрѣлять изъ ружей, чтобы этими звуками, напоминающими

побѣдные громы Индры, напугать страшнаго звѣря или чернаго дракона, готоваго пожрать небесное свѣтло. Во многихъ странахъ сохранилось повѣрье, что лунное затмѣніе бываетъ, когда на луну нападаетъ волкъ съ разинутою пастью. Въ Бургундіи говорятъ: *Dieu garde la lune des loups*; у насъ ущѣляла старинная поговорка: сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловить, т. е. черная туча закрываетъ звѣзды. Въ старину, съ такимъ совершеннымъ уничтоженіемъ солнца невѣгласи соединяли вѣрованіе въ кончину міра, — «мняше, яко скончаніе міра прииде», — и потому горько плакали.... «Поча убывати солнце, — по полудни погиге все. О, великъ страхъ и тьма бысть». Весьма недавно (въ 1840 г.), при солнечныхъ затмѣніяхъ, по нашимъ городамъ и селамъ думали, что солнце не будетъ болѣе освѣщать землю, что настаетъ страшный судъ, и готовились къ нему съ плачемъ.... Скандинавскій мифическій волкъ Френмиръ, тогда (во время свѣтопреставленія) разинетъ свою огромную пасть такъ широко, что верхняя челюсть коснется неба, а нижняя земли; разинуть бы еще далѣе, еслибъ доставало пространства; изъ его глазъ и ноздрей пышетъ пламя. У насъ, волкъ-туча, пожиратель небесныхъ свѣтилъ, въ народъ: русскихъ сказкахъ носить характеристическое названіе волка-Самоглота. Онъ живетъ на морѣ — на океанѣ (т. е. на небѣ), добываетъ сказочному герою гусли-самогуды (метафора грозовой тучи), пасть у него страшная, готовая проглотить всякаго супротивника», и т. д. (Афан. I, ст. 742 — 744, 747 — 751, 755, 759, 764). Можно, кажется, поэтому предположить, что Сканд.: волкъ Френмиръ и нашъ волкъ-Самоглотъ имѣютъ сходство между собою; но какъ у волка-Самоглота болѣе стихійныхъ принадлежностей, нежели у Френмира, — такъ у него подъ хвостомъ баня, свади — море, въ его утробѣ — живая вода дождя; онъ самъ замѣняется въ сказкахъ иногда молочною рѣкою съ кисельными берегами, которая всѣхъ питаетъ и всѣмъ даруетъ красоту и силу (тамъ же, ст. 764); то Самоглотъ долженъ быть древнѣе Френмира, который отъ него же, можетъ быть, и заимствованъ, какъ отъ славянъ: слова: врагъ, вѣроятно, произошли и старонѣм. *warg*. и гот. *warqs*. и исланд. *vargr*, и т. д. (См. выше, въ началѣ примѣч.).

29) По нашимъ народнымъ преданіямъ, огненная рѣка, что должна протечь по землѣ въ послѣдніе дни міра, имѣетъ двойное значеніе. во 1-хъ какъ рѣка истребленія, во 2-хъ какъ рѣка очищенія. Въ настоящемъ случаѣ принято послѣднее ея значеніе. «Младенческимъ племенамъ, говоритъ г. Афанасьевъ, все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ. Солнце, удаляющееся вечеромъ съ небснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ бы уходять подъ землю, а потому Западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтло, признанъ былъ за подземное, загробное царство: тамъ полагали греки и свой адъ (*älys*). Весенняя, пожигаемая молніями, туча течетъ съ

Востока огненною рѣкою, *подаетъ обветшалый міръ*, и затѣмъ отходить къ Западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемирный пожаръ дѣйствуетъ заодно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозового пламени и дождевыхъ ливней, и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны.... Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго *очищенія*, то понятно почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двойное значеніе: адскаго, наказующаго потока и очистительнаго пламени (*Fegefeuer*). Здѣсь хранится католическій догматъ о чистилищѣ (*purgatorium*). По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неведомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небснаго океана:

„И прошелъ неводъ мукой вѣчною,

„И вытащилъ душъ праведныхъ (прощонныхъ) изъ муки вѣчныхъ“.

«Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злая, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною, металлическою рѣкою, которая разольется при кончинѣ вселенной... и потомъ явится новая земля и новое небо, и воцарится вѣчный свѣтъ и правда». (Аф. III, ст. 24 25). Ясно, что въ нашемъ народномъ стихѣ и эта огненная рѣка, и совершаемое ею очищеніе, приняли уже христіанскій характеръ; но основаніе ловли очищенныхъ душъ неведомъ, г. Афанасьевъ видитъ въ финской Калевалѣ, передающей мифъ о похищеніи огня рыбою, и въ сказаніи Эдды, изображающей грозу, какъ ловъ громоносной рыбы небесными богами. По первому сказанію, — «когда владѣтельница мрачной Похъюлы скрыла солнце и мѣсяць въ мѣдную гору (за густые туманы), то боги грозъ: владыка вѣтровъ, вѣщій пѣвецъ Вейнемейненъ и кузнецъ Ильмариненъ, желая даровать міру новый свѣтъ, взошли на небо, высѣкли огонь (молнию) и вручили его воздушной дѣвѣ. Она держала огонь въ длинномъ облакѣ, и будто младенца въ колыбели, качала его туда и сюда и баюкала; скрипѣли серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнула небесная кровля. Но вотъ неосторожная дѣва уронила огонь; рассыпаясь искрами, онъ упалъ въ море, вспянтилъ воды и озарилъ ихъ блескомъ. Это море — воздушный океанъ, въ которомъ плаваютъ облака — рыбы. Здѣсь проглатываетъ огонь щука, — поэтическая картина грозы», и т. д. По сказанію Эдды, раздраженные асы ловятъ сѣтью въ водопадъ лукаваго Локки (представителя грозового пламени), виновника насильственной смерти бога весны Балдура. Локки скрылся въ водопадъ въ видѣ рыбы (семги); Торъ держалъ сѣть за одинъ конецъ, а остальные боги

тянули за другой. «По Индѣйскому преданію, Агни, нѣкогда скрывшійся въ воду, былъ преданъ рыбою, и тогда же изрекъ на нее проклятіе, чтобы она вѣчно была преслѣдуема ловцами. А греки рассказывали о Гефестѣ, что сброшенный съ неба, — онъ былъ принятъ богинями водъ Евриномою и Фетидою, изъ которыхъ первая представлялась въ Аркадіи въ рыбьемъ образѣ». (Аф. II, ст. 153 — 155).

30) «Старинный мифъ о погруженіи въ сонъ и пробужденіи божества творческихъ силъ природы, говоритъ г. Афанасьевъ, сохраняется у славянъ въ сказочномъ эпосѣ. Въ горѣ Бланикъ, въ четырехъ миляхъ отъ Табора, рассказываютъ чехи, заключены рыцари, павшіе нѣкогда въ бою. Нѣкоторые покоятся, опершись на мечъ, а другіе — сидя верхомъ, склонивъ голову на шею лошади. Вождь ихъ, Венцелій, покоится посреди пещеры на возвышенномъ мѣстѣ. Они выступаютъ на битву, когда враги со всѣхъ сторонъ ворвутся въ страну, заселенную чехами, внесутъ въ нее смерть и огонь, и разрушатъ Прагу до основанія, когда старый прудъ около Бланика наполнится кровью и засохшія деревья пожелѣютъ и дадутъ цвѣтъ. Въ то время выступитъ священное войско, и во главѣ его Венцелій на статномъ *бѣломъ конѣ* (также, какъ богъ Вишну), держа въ рукѣ распущенное знамя; онъ изгонитъ хищныхъ враговъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ своими ратниками удалится на вѣчный покой. Въ Моравіи существуетъ преданіе о любимомъ князѣ Святополкѣ (Svatopluk), что когда-то онъ долженъ воротиться къ своему народу. Черногорцы рассказываютъ, что въ пещерѣ у развалинъ grada Oboda спитъ «*déd njihov Crnojevic Ivan*»; его сторожатъ горная вила и разбудитъ, кода наступитъ время «*da sjedini opet sa Crnogorom ravni koji sinje more*». На Руси означенный мифъ соединяется съ именемъ Стеньки Разина, которому народъ приписываетъ сокрытіе дорогихъ кладовъ. «Когда пройдетъ еще столѣтъ, сказалъ онъ однажды зашедшимъ случайно къ нему въ Жегулевскія горы матросамъ (самъ въ образѣ древняго сѣдаго старика — ажно мохомъ поросъ) — на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ забывать Бога и зажгутъ передъ образами салныя свѣчи, вмѣсто восковыхъ; тогда я снова явлюсь на бѣлый свѣтъ и стану бушевать пуше прежняго». Въ разныхъ деревняхъ можно услышать рассказы, что не только Стенька Разинъ, но и Гришка Отрепьевъ, Ванька Каинъ и Емелька Пугачевъ до сегодня живы и скрываются въ змѣиной пещерѣ на томъ островѣ, гдѣ живутъ получеловѣки, или сидятъ заключенные въ Жигулевскихъ горахъ. Русское преданіе, согласно съ нѣмецкими сагами, связываетъ пробужденіе Стеньки Разина съ кончиною міра, и безпощаднымъ, кровавымъ побойщемъ, какое ожидается при этомъ всемірномъ событіи». (Афан. II, ст. 448 — 453). Известно, что у сербовъ — *цъ* Марко Кралевичъ, а у насъ — Илья Муромецъ, по народ. пред-

нѣмъ также не умерли, но находятся въ усыпленіи, въ горныхъ пещерахъ, и должны возстать, какъ и всѣ тѣ сказочные герои, предъ самою кончиною міра. «Но характеръ русскаго преданія, замѣчаетъ г. Афанасьевъ, значительно отличается отъ сагъ, созданныхъ германскимъ племенемъ. Тамъ спящіе герои — представители благотворныхъ, творческихъ силъ природы, выступающіе на борьбу съ враждебными ратями демоновъ, на помощь родной странѣ и на устроеніе новой счастливой жизни; напротивъ, у насъ, подъ влияніемъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ для обработки стариннаго мифа, герой — разбойникъ и грабитель, и является съ тѣмъ демоническимъ значеніемъ, какое придавалось великанамъ-тучамъ, какъ роднымъ похитителямъ золота солнечныхъ лучей и плодороднаго сѣмени вождя». (Тамъ же, ст. 453). Въ этому можно, кажется, присовокупить, что у насъ свѣтлая сторона древнихъ народныхъ мифическихъ образовъ, особенно подъ влияніемъ христіанства, перенесена вообще на небесныя силы и новые чудесные ихъ образы.

31) Въ нашихъ народныхъ преданіяхъ также есть свой ~~летучий~~ *корабль*, — облако. «Представленіе облака, тучи кораблемъ, говоритъ г. Афанасьевъ, возникло одновременно съ представленіемъ неба — воздушнымъ океаномъ. На кораблѣ Пльи Муромца «вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло». Индусы называли облака кораблями небеснаго океана — *nāvah samdriyah*; въ Эддѣ облако — *vinflot* (*schiff* или *floss des windes*), потому что вѣтры плывутъ по воздуху въ тучахъ. Русская сказка рассказываетъ о летучемъ кораблѣ, который находился во власти мифическаго старика съ чудотворными бровями и рѣсницами, т. е. во власти бога-Громовника, которому тучи служатъ бровями, а молніи очами... Еще недавно въ Сибири во время масляницы, на нѣсколькихъ связанныхъ вмѣстѣ саняхъ устроивали корабль со всѣми необходимыми снастями и парусами; на корабль сажали честную Масляницу (замѣнившую имя древней богини) и медвѣдя (зооморфическое воплощеніе бога-Громовника), и въ сопровожденіи пѣсенниковъ, возили на лошадяхъ по улицамъ (до двадцати лошадей у переднихъ саней). Въ нѣкоторыхъ городахъ донныѣ соблюдается обычай кататься на масляной недѣлѣ въ большой лодкѣ, поставленной на полозья.» (Аф. 1 ст. 552—556). Извѣстно, что въ глубокую древность на корабляхъ и ладьяхъ перевозились души усопшихъ по воздушному океану въ царство Рода; отголосокъ о чемъ остался въ мрачномъ изображеніи корабля Ильи Муромца съ товарищами, (древняго Перуна). У скандинавовъ, въ ихъ мифологіи, есть корабль изъ человѣческихъ ногтей. Онъ является въ воздушномъ океанѣ въ послѣдніе дни міра, когда загорается земля и свѣтлые асы вступаютъ въ послѣднюю битву съ чудовищами мрака. На немъ у руля стоитъ коварный Локи, образъ котораго есть собственно темная сторона Тора-громовника,

какъ у насъ богатырь Илья темный — темная сторона Илья Муромца; корабль же самый весь наполненъ мертвецами. А какъ мертвецы, по народнымъ преданіямъ, перевозились вообще на корабляхъ-тучахъ; то я нашелъ возможнымъ сблизить оба эти корабля съ мертвецами, нашъ и скандинавскій, и ввести въ настоящее описаніе мифическаго воскресенія мертвыхъ.

32) По нашимъ и другимъ народнымъ преданіямъ, передъ кончиною міра потечетъ рѣка огненная, солнце и луна померкнутъ, звѣзды упадутъ на землю, и будетъ нѣсколько другихъ знаменій; у Скандинавовъ страшный волчій вѣкъ стужи, а у насъ — такое время, что «будутъ семеро одну соломенку подымать». Прежде люди назывались волотами, а придетъ пора, когда станутъ называться пыжиками, которые на столько-же будутъ меньше насъ, на сколько мы меньше волотовъ... Наконецъ, люди сравнятся съ мурашками: тогда то и будетъ конецъ свѣту!... (Аф. т. II ст. 784). Въ народѣ, какъ мнѣ извѣстно, предшествующіе намъ люди называются также пыжиками; а живущіе нынѣ — тужиками, и послѣдніе дойдутъ до того, что семеро будутъ едва подымать соломенку. Впрочемъ, вообще о кончинѣ вселенной, — «свидѣтельства нашихъ старинныхъ памятниконъ и народныхъ стиховъ, говоритъ г. Афанасьевъ, вполне согласны съ языческими преданіями скандин: Эды. Въ ея сказаніяхъ о кончинѣ вселенной, исполненныхъ мрачнаго поэтическаго колорита, еще нагляднѣе и полнѣе изображена борьба свѣтлыхъ боговъ съ волками — представителями темныхъ силъ. Мысли о погибели солнца и другихъ свѣтилъ необходимо возбуждали представленіе разрушающейся вселенной: погаснутъ небесные свѣточи—и вѣчный мракъ и холодъ обниметъ природу, земля оцѣпенѣетъ и все живое на ней истребится...

- „Протечетъ Сіонъ-рѣка огненная, —
- „Отъ Востока рѣка течетъ до Запада;
- „Пожжетъ она землю всю и камень,
- „Древеса и скоть, и звѣрье, и птицу пернатую.
- „Тогда мѣсяцъ и солнушко потемнѣютъ
- „Отъ великаго страха и ужаса;
- „И звѣзды спадутъ на землю,
- „Спадутъ онѣ, яко листья съ дрововъ;
- „Тогда же земля вси восколыбается“...

«Тоже говоритъ и скорое пророчество: «приходитъ послѣднее время: земля и небо потрясется, частыя звѣзды на землю слатятся... не взвидятъ грѣшныя свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго». Любопытно повѣрье, что ради людскихъ грѣховъ солнце нынѣ стало свѣтитъ тусклѣе прежняго, а другое, — что злой духъ

скрадываетъ свѣтъ божій и въ потьмахъ ловить христіанъ въ свои хитрыя сѣти. По свидѣтельству русскаго стиха о страшномъ судѣ, вслѣдъ за всеобщимъ развращеніемъ человѣческаго рода — явится съ неба молніеносный Илья-пророкъ и —

„Загорится матушка сыра-земля,

„Съ Востока загорится до Запада, и т. д.

Пойдутъ гласы по всей землѣ, разбудятъ мертвыхъ и вызовутъ ихъ изъ гробовъ.» «Замѣчательное согласіе съ Эддою! продолжаетъ г. Афанасьевъ. Всемирный пожаръ оканчивается потопомъ; омытая обновленная земля выходитъ изъ водъ чистою, аки дѣва непорочная. Золотая труба архангела замѣнила собою болѣе древнее представленіе о громозвучномъ рогѣ Геймдала: это метафора небеснаго грома, который пробуждаетъ въ жизни творческія силы природы, оцѣпенныя дыханіемъ зимы (смерти) и спящія въ гробахъ-тучахъ. Отъ любовной связи Локи съ великанкою (Angrbodha) родились: волкъ, змѣя (Jormungandr) и Гелла (смерть, чума, адъ), которой приписывается такая же злая пасть, какъ волку. На нашей же лубочной картинѣ, извѣстной подъ названіемъ «страшнаго суда», адъ изображенъ открытою змѣиною пастью, изъ которой исходитъ страшное пламя. Волкъ, змѣя и Гелла — три различныя воплощенія бурной, разрушительной грозы». (Аф. в. ст. 755 — 762). У скандинавовъ, во время разрушенія міра, всѣ свѣтлые боги и герои Валгалы, подъ предводительствомъ Одина, являются на послѣднюю, отчаянную битву съ чудовищами мрака; но у насъ только мифическіе Илья-пророкъ и Михаилъ архангелъ (два христіанскіе образа древняго Перуна) съ свѣтлыми небесными силами. По сканд.: Эддѣ, кромѣ мертвецовъ, извергаемыхъ Геллой, показывается еще корабль, построенный изъ ногтей человѣческихъ: имъ править Локи, а корабль полонъ мертвецами: Суртуръ (черный), вооруженный чудеснымъ мечемъ, сверкающимъ свѣтлѣе солнца, ведетъ огненное воинство; передъ нимъ и за нимъ — горящій пламень (наша огненная рѣка); онъ зажигаетъ землю и небо. Въ нашихъ преданіяхъ, есть также воздушный корабль, о которомъ сказано выше (см. прим. 31); но у насъ земля загарается отъ Сіона-рѣки и отъ огня, исходящаго изъ огненной части адскаго змія. Морской змѣй въ Эддѣ затопляетъ землю; а у насъ потопъ насылается самимъ Господомъ. (О нашемъ же волкѣ-Самоглотѣ и волкѣ Френмирѣ см. предыд. 29 прим.). «Тогда звѣзды сорвутся съ небеснаго свода и падутъ на землю»... Древній міръ разрушился, и изъ водъ океана vyplываетъ новый. «Вообще эта картина борьбы и разрушенія, по мнѣнію г. Афанасьева, есть собственно картина весенней грозы. — когда боги громовъ, молній и бурь сражаются съ демоническими существами — великанами, волками и

звѣями, т. е. темными тучами; колеблются облака-горы, горитъ священная ясень (дерево-туча), небо сожигается и весь міръ объе-мается великимъ пожаромъ. Вслѣдъ за этою беспощадною борьбою наступаетъ кроткая пора ясныхъ майскихъ дней, *прежній ветхій міръ* разрушенъ въ бурныхъ грозахъ, и намѣсто его возникаетъ иной, полный юности и свѣжести. Изъ хаоса и борьбы стихій боги созидаютъ новый міръ, и мифы, повѣствующіе о происхожде-ніи будущаго блаженнаго царства, въ основѣ своей совершенно тождественны съ мифами космогоническими. Вообще народныя пре-данія о созданіи и кончинѣ вселенной, страшномъ днѣ суда, адѣ и раѣ, возникли изъ древнѣйшихъ воззрѣній на природу и ея годич-ныя превращенія. Неутомимая жажда челоуѣка вѣдать — и безвѣ-стное прошедшее, и таинственное будущее, нашла для своихъ га-даній готовые образы и краски въ поэтическихъ сказаніяхъ о при-родѣ. Онъ только придалъ этимъ сказапіямъ болѣе широкій смыслъ, нежели какой онѣ имѣли первоначально, и сдѣлалъ это произ-вольно, а подъ влияніемъ метафизическихъ выраженій роднаго язы-ка. («Афан. 1 ст. 758—762). Нечего пояснять, что немалое влияніе на эти представленія должно было имѣть и самое хри-стіанство.

33) Много было писано учеными въ пользу литературы ара-бовъ; было писано и противъ нея. Въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, достаточно привести здѣсь мнѣніе объ этомъ нашего ува-жаемаго ученаго Буторги. «Выйдя изъ своего таинственнаго заклю-ченія, Аравійская литература, говоритъ онъ, утратила то обаяніе, которое до того производила и которымъ незаслуженно пользовалась. Въ ученыхъ трудахъ аравитянъ нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія: о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ, или заимствованій и подражанія, или наконецъ изъ компиляцій и сборниковъ». (О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ. Р. вѣст. 1873 г. мартъ, ст. 32) «Читая арабскіе сборники, невольно приходишь въ изумленіе при видѣ легкомыслія, съ какимъ аравійскіе мудрецы обращались съ предметами учености и съ трудами ученыхъ, которые они перела-гали на свой отечественный языкъ... Въ нихъ пріобрѣтаются съ чрезвычайной легкостью самыя разнообразныя свѣдѣнія, но непре-дѣльно поверхностныя, а весьма часто столь же ложныя». (Тамъ-же, стр. 35). При этомъ можно сказать положительно, что гдѣ господствуетъ коранъ, тамъ общества стоятъ неподвижно, не по-мышляя о развитіи, и вмѣстѣ съ фанатизмомъ утративъ даже свою прежнюю, необузданную силу. Гиббонъ приводитъ въ своей исторіи нѣсколько примѣровъ милосердія первыхъ мусульманъ, приписывая ихъ конечно влиянію ученія Магомета; но какъ будто преднамѣрен-но опуская изъ виду, что если ученіе корана и проповѣдуетъ дѣй-ствительно дѣла милосердія, воздержанія и даже нищеты, чему и

слѣдовали первые калифы; то это ученіе заимствовано Магометомъ отъ христіанства. Но чтобы выразить въ нѣсколькихъ словахъ несостоятельность корана и вообще Магометовой религіи, достаточно сказать, что эта религія не можетъ имѣть прозелитовъ ни въ одномъ развитомъ обществѣ; тогда какъ христіанство есть и будетъ всегда религіей всѣхъ обществъ, государствъ и народовъ, идущихъ впередъ въ ихъ развитіи.

34) Касательно общественнаго развитія у насъ при Ярославѣ, уже сказано выше въ прим. 14. Оно, внесено было въ нашъ край не воинственными бродягами, князьями варяжскими, которые помышляли только о войнѣ, даяхъ и завоеваніяхъ; но слѣдуетъ также, oprичъ вліянія христіанства, обратить вниманіе и на то, что земля наша, кипѣвшая еще издревле торговлей съ Востокомъ и Западомъ, Сѣверомъ и Югомъ, была уже достаточно развита, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ мѣстностяхъ для воспріятія этого перваго развитія, которое безъ предварительной почвы не имѣло-бы никакого значенія. Прибавимъ къ этому, что у Балтійскихъ славянъ, уже въ VIII и IX ст., какъ говоритъ г. Гильфердингъ, на основаніи современныхъ источниковъ, процвѣтала обширная торговля. Въ XI в. городъ Волинъ или Волынъ (онъ же и Винета, у датчанъ) велъ такую торговлю, какой не было во всей сѣверной Европѣ; онъ былъ важенъ и богатъ еще и вначалѣ XII ст. Еще тогда Поморская торговля была такъ жива и плодотворна, что поддерживала, на маленькомъ пространствѣ у Одерскаго лимана, четыре большихъ, цвѣтущихъ города. Земля Западныхъ славянъ славилась своимъ плодородіемъ, для достиженія чего нужны были немалыя средства. Въ XII в. островъ Рана былъ такъ обиленъ хлѣбомъ и стадами, что могъ кормить множество народа; а Поморье было такъ богато и такъ процвѣтало, что, плѣненный имъ, очевидецъ (Гельмольдъ) приглашалъ нѣмецкихъ монаховъ туда поселиться... (Ист. балт. слав. т. 1, ст. 191—193). Задолго еще до Р. Х., венецы на Балтійскомъ поморьѣ вели торговлю янтаремъ. (Тамъ же, ст. 91). Вообще, поморскіе города, храмы и кутины поражали иноземцевъ своимъ богатствомъ, рѣзными украшеніями, а нѣкоторые и древностію. Нѣмцы и скандинавы стояли на гораздо высшей степени развитія... Не можетъ быть, чтобы и Восточныя наши племена, черезъ которыя шла торговля Западныхъ ихъ братьевъ съ Греціей и Востокомъ, стояли ниже поморянъ. Кромѣ тѣхъ темныхъ преданій, что датчане и скандинавы ѣздили къ русскимъ южнымъ князьямъ, учиться военному дѣлу и служили у нихъ, какъ впоследствии при нашихъ князьяхъ историческихъ, достаточно свидѣтельства Адама Бременскаго о нашемъ древнемъ Кіевѣ, который онъ называетъ «соперницей Константинопольскаго скипетра, красой и славой Греціи» (въ XI ст.). Онъ называетъ Кіевъ—Chivz, столицей Острогарда, т. е. русской земли, и указываетъ на множество русскихъ торго-

выхъ людей оттуда въ Поморскомъ г. Юлині, т. е. г. Вилині или Волині: (Тамъ же, стр. 74, 75). Сколько же надобно было вѣковъ, чтобы Кіевъ достигъ такого величія? Князь Олегъ, преемникъ перваго варяжскаго у насъ князя, называетъ уже Кіевъ матерью городовъ русскихъ. Надобно думать, что онъ почитался такимъ во всей странѣ еще изъ древности, и что это выраженіе принадлежитъ не одному Олегу, но цѣлому краю, который издревле понималъ значеніе этого города, и привыкъ считать его во главѣ всѣхъ прочихъ городовъ и племенъ своихъ, соединенныхъ между собой торговыми союзами; чѣмъ только и можетъ разъясниться столь быстрое завладѣніе ими ближайшими потомками Рюрика, который былъ призванъ княжить въ землю, полную еще гражданскихъ беспорядковъ, но достаточно уже готовую для гражданства и дальнѣйшаго развитія, — что и подтверждается исторически дальнѣйшими столь быстрыми, ея успѣхами, при Владимирѣ, Ярославѣ и ближайшихъ ихъ потомкахъ, изъ которыхъ послѣдніе были сами отчасти причиною постигшихъ страну бѣдствій и потомъ дальнѣйшаго нравственнаго ея застоя.

35) «Мы не привыкли мыслить самостоятельно, безъ указки западно-европейскихъ учителей; а въ книгахъ и въ ученіяхъ отличать справедливое отъ несправедливаго, — говоритъ г. Бѣловъ. На основаніи логики очень дешеваго свойства, мы или принимаемъ все, или все отвергаемъ, забывая подумать, правильно-ли сдѣлано все логическое построеніе и нѣтъ-ли въ главной послыжкѣ раздвоенія. По мнѣнію-же г. Даниловскаго, Европа не признаетъ насъ своими «Она видитъ въ Россіи и въ славянахъ вообще нѣчто ей чуждое, а видитъ съ тѣмъ такое, что не можетъ служить для нея простымъ матеріаломъ, изъ котораго она могла-бы извлекать свои выгоды какъ извлекаетъ изъ Битая, Индіи, Африки, большей части Америки, — матеріаломъ, который можно-бы формовать и обдѣлывать по образу и подобию своему, какъ прежде было надѣялись, какъ особливо надѣялись нѣмцы, которые, не смотря на препрославленный космополитизмъ, только отъ единой спасительной германской цивилизаціи чають спасеніе міра. Поэтому Европа видитъ въ Россіи и въ славянствѣ вообще не только чуждое, но и враждебное начало»... «Мы хотимъ этимъ еще разъ сказать, продолжаетъ почтенный г. Бѣловъ, какъ необходимо всюду, а особенно въ области международныхъ отношеній, думать своимъ умомъ... Народъ, который мало выказываетъ эгоизма (въ смыслѣ самостоятельности народной), недолговѣченъ... Въ народѣ разумный эгоизмъ (въ томъ-же смыслѣ) составляетъ условіе sine qua non исполненія историческаго призванія... Народъ, который не блюдетъ своихъ интересовъ, недолговѣченъ; народъ, который о своихъ интересахъ разсуждаетъ чужимъ. иноземнымъ умомъ, обрекаетъ себя на національное самоубійство»... Затѣмъ, замѣтивъ, что вообще платоническіе идеалы политики отым-

ваются больше, чѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ, г. Бѣловъ продолжаетъ: «вообще похвалы и брань зашад. писателей, которыми они осыпаютъ русскихъ дѣятелей, весьма сомнительной цѣнности. Часто *хвалятъ за дѣла, противныя выгодамъ Россіи* и обратно порицаютъ; *мы же съ благоговѣніемъ внимаемъ*»... Съ другой стороны, — «русская мысль, остановленная въ правильномъ развитіи народнаго самопознанія черезъ открытое и широкое изученіе отечественной исторіи, удари-лась въ мелочной анализъ внутренняго человѣка, его чувствъ, начались копанія въ самыхъ грязныхъ душечкахъ человѣческаго отребья... Одно такое направленіе, конечно, невольное, не могло не исказить взглядовъ на общественныя отношенія и въ здоровой части русскаго общества, можетъ быть, и вопреки писателямъ этого направленія. Отсюда и успѣхъ социалистическихъ идей въ нѣкоторой части русскаго общества. Ибо на чемъ основанъ социализмъ? На какомъ фундаментѣ зиждется его постройка? На идеѣ отвлеченнаго (абстрактнаго) человѣка, взятаго внѣ историческихъ отношеній. Казенная печать, наложенная на русскую исторію, была причиною неуваженія къ ней, которое обнаружилось въ нѣкоторой части нашей интеллигенціи и притомъ въ части вліятельной... Поэтому мы и не замѣчаемъ, что въ дѣлѣ преподаванія исторіи мы носимся во облацѣхъ воздушныхъ; государственный и политическій элементъ почти изгнаны изъ учебниковъ, яко-бы ради прогресса. Въ дѣлѣ преподаванія (прибавимъ. и изысканій по всеобщей исторіи), мы буквально слѣдуемъ нѣмецкимъ учебникамъ, забывая, что исторія — наука жизни, а интересы жизни народовъ, при одинаковомъ стремленіи къ общей цѣли, различны». (Др. и нов. Россія 1875 г. № 7, стр. 281, 284, 288). Я не скажу ничего новаго, если добавлю, что равнодушіе наше и недо-вѣріе къ собственной разумной самостоятельности и полное, неограниченное довѣріе къ иностраннымъ авторитетамъ, извѣстны всѣмъ и каждому, не только русскимъ, но и иноземцамъ, которые поэтому самому и смотрятъ на неразвитость нашу съ сожалѣніемъ: Мы не довѣряемъ собственнымъ силамъ; только то и разумно, и похвально, что не нами вымышлено или на Западѣ принято. Мы даже готовы на всякія жертвы, только бы тамъ насъ похвалили, — хотя бы это было и къ нашему ущербу. Точно также идутъ у насъ и историческія изысканія, — только вслѣдъ за иноземными; къ чему впрочемъ общество относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и остается при тѣхъ-же вѣрованіяхъ, съ которыми вышло изъ школы: отъ чего происходятъ иногда самыя странныя недоразумѣнія. Такъ наприм.: нѣкоторые до сихъ поръ согласны признавать галичанъ, «gente Ruthenus, natione Polonus», — т. е. нашихъ древнихъ соотечественниковъ, русскихъ, жителей нынѣшней Галиціи, — или такъ мы очень простодушно продолжаемъ понинѣ праздновать гибель нашего-же русскаго флота въ древности подъ стѣнами Царьграда, когда погружена была въ море риза Богоматери, вынесенная изъ Влахернскаго хра-

ма, и буря разсыла суда наши до береговъ малой Азіи. А сколько найдется и еще подобныхъ прижѣровъ въ нашей бывшей исторической жизни, когда мы благодарили Бога за собственные промахи и гордились утѣхами своихъ сосѣдей, на нашъ собственный счетъ и къ нашему ослабленію!

36) Противъ войны было очень много писано; но я рѣшаюсь привести здѣсь еще свидѣтельство очевидца нашей послѣдней крымской компаніи, англичанина Кинглякъ, который говоритъ: «à bien des reprises, il fut posé en principe, avec l'adhésion apparente de milliers d'auditeurs, que la guerre, à moins d'avoir la défense du pays pour objet, était non seulement une folie. mais encore une souveraine impiété. (L'invasion de la Crimée. par Alexandre William Kinglake, trad. par Théodore Karcher. 1864. t. II, ch. XXIV, p. 66). Завоеватели, искусные полководцы и вообще счастливые военные геніи, называются героями, пользуются продолжительной славой не только между современниками, но и въ потомствѣ; а чего стоитъ ихъ слава и завоеванія, большей частію непрочныя и бесплодныя, человѣчеству! «По исчисленію Спенсера, количество жертвъ террора во Франціи простиралось не свыше десяти тысячъ человѣкъ; а въ Наполеоновскихъ походахъ, — въ сраженіяхъ, отъ рапъ, болѣзней, погубло, при самой низшей оцѣнкѣ, свыше двухъ милліоновъ. Однако, продолжаетъ Спенсеръ, о кровопролитіяхъ во время революціи всегда говорили съ негодованіемъ, и виновники ихъ всегда возбуждали безусловную ненависть; а по поводу несравненно большаго кровопролитія въ теченіи войнъ консульства и имперіи, негодованія почти не было слышно. Да и теперь еще Наполеона называютъ великимъ, и даже англичане выражаютъ уваженіе къ его памяти, посѣщая его могилу съ непокрытой головою (От. Зап. 1875, февраль, ст. 251). Послѣ этого становится понятнымъ дикое выраженіе одного изъ современныхъ великихъ государственныхъ правителей, что «для управленія народами нужны огонь и желѣзо»; но такую мрачную тѣнь набрасываетъ это выраженіе на современную эпоху XIX столѣтія, которое гордится своимъ просвѣщеніемъ и человѣчностью, — и сколько еще произвола и варварства общаетъ Европѣ въ темномъ будущемъ!...

3 2044 014 104 368

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

